

Ордена дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет
Международной Федерации исследователей женской истории

Министерство образования и науки Российской Федерации

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Нижний Новгород

ГОРОЖАНКИ И ГОРОЖАНЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ XIV–XXI ВЕКОВ

*Материалы Одиннадцатой международной научной конференции Российской
ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

4–7 октября 2018 года, Нижний Новгород

Том 1

Москва
2018

ББК 60+63
УДК 396
Г 70

Российская ассоциация
исследователей женской
истории

Ордена дружбы народов Институт
этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Национальный
исследовательский университет
Нижегородский

Г 70

Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х томах / Отв. редакторы: Н.А. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. — М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. — 366 с.

ISBN 978-5-8396-0526-3

Издание дает представление об XI-ой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, состоявшейся в Нижнем Новгороде 4–7 октября 2018 года.

Гендерный аспект городской истории, как столиц, так и провинции, еще не был темой дискуссий на международной научной встрече. Поэтому очередную конференцию РАИЖИ решено было посвятить исследованию жизни больших и малых городов РФ и иных стран, рассмотреть особенности этих пространств для жизни каждого пола. Свои материалы и тезисы выступлений на конференцию «Новгород Нижний — сосед Москве ближний»: горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах XIV—XXI веков» представили известные ученые и общественные деятели, историки и социологи, политологи и этнологи, антропологи и журналисты, педагоги и психологи, молодые политики и администраторы, этологи, специалисты в области IT-технологий — все, кто готов был обсудить вопрос о том, как городская среда помогала раньше и способствует сейчас преодолению женского неполноправия и уравниванию жизненных шансов женщин и мужчин, кому близки или интересны гендерные аспекты урбанистики.

УДК 396
ББК 60+63

© Коллектив авторов, 2018

© ИЭА РАН, 2018

© НИУ ВШЭ-НН, 2018

ISBN 978-5-8396-0526-3

Содержание

Пушкарева Н. А., Радина Н. К. Российская урбанизация XIV—XX вв.: гендерный аспект	11
---	----

РАЗДЕЛ 1. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ. ПРОБЛЕМЫ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Запевалова Е. А. Нижегородская ярмарка в 1890 г. и участие в ней горожанок Нижнего Новгорода	15
Биленко Н. А., Секенова О. И. Женское предпринимательство в провинциальных городах второй половины XIX — начала XX вв. (по материалам Тульской губернии)	18
Синова И. В. Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX — начале XX вв.: от предпринимательства к государственной службе	20
Кривошеева Ю. А. Досуг ярославских текстильщиц на рубеже XIX—XX вв.	22
Мирошниченко М. И. Женщины Урала в структуре правоохранительных органов в первой половине 1920-х годов	25
Журавлева В. А. Влияние промышленной модернизации на занятость женщин в уральских городах (по материалам Всесоюзной переписи 1939 г.)	27
Рябкова Е. С. Досуг работающих женщин в крупных городах Центральной РСФСР середины 1950-х — середины 1960-х годов.	29
Трибунских Н. И. Образы работниц швейных ателье Воронежа на страницах газеты «За культурное обслуживание» в конце 1960-х — 1970-х годов	32
Сулейманова Р. Н. Профессиональная занятость женщин в общественном производстве Башкирии: общие и региональные процессы	34
Быша А. С. Повседневное конструирование рабочего и семейного пространства «работающей матери» (в исследовании А. Ламфер)	36
Ржаницына А. С. Работающие москвички, их труд сегодня	37
Досина Н. В. Современная российская женщина в реалиях гибкого производства	39
Красовская Н. Н. Профессиональная занятость в современном обществе: гендерный аспект	41
Шевченко И. О. Горожане и их работа: чем удовлетворены, о чем беспокоятся	42
Звонарева А. Е. Конструкторы «Лего» как инструмент гендерной и профессиональной социализации девочек	45
Данилова Е. А. Гендерный аспект в современном управлении	47
Илизарова В. В. Совмещение работы и отпуска по уходу за ребенком: специфика занятости и профессиональные стратегии работающей женщины	48
Засовенко А. Ю. Милиционерки: расширение сферы профессиональной деятельности женщин в России	50

**РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКИХ ПРАКТИК . ЖЕНСКАЯ ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ДВИЖЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

Ульянова Г. Н. Купчихи-фабрикантки в городах северных губерний (Архангельской, Вологодской и Санкт-Петербургской) по данным промышленной статистики конца XVIII — первой половины XIX в.	53
Мутиева О. С. Просветительская и благотворительная роль жен государственных и военных чинов в работе женских учебных заведений Темир-Хан-Шуры и Дербента (вторая половина XIX в.)	55
С. В. Крадецкая Феминизм и урбанизация в пореформенной России	60
Абдрахманов К. А., Бакиева Г. Т. О благотворительности сибирскотатарских купцов в XIX — начале XX в.	64
Ванюшина О. В. Настроения и специфика организации свободного времени у женщин, административно высланных в Тверскую губернию (1881—1917 гг.)	66
Лачаева М. Ю. Русские горожанки эпохи дореволюционной модернизации	69
Шестова Т. Ю. Домашний быт молодой Н. К. Крупской	71
Пушкарева И. М. Особенности женских эго-документов как источников по истории февральских событий 1917 г. в Петрограде (горожанки — свидетельницы свержения российской монархии)	73
Бадмацыренова Е. А. Общественно-политическое участие горожанок г. Улан-Удэ: этапы советской модернизации	75
Текуева М. А. «Легенды расскажут, какими мы были»: роль комсомола в формировании нового женского образа в южном городе	77
Балибалова Д. И. Особенности борьбы женщин России за политические права в XX в.	79
Перекатова А. А. Гендерный доступ к социальным лифтам	81
Попкова Л. Н. Стратегии участия женщин в постсоветской региональной политике	83
Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В. Женщины во власти: региональная специфика	86
Ольшанская Е. В. Гендерные аспекты в сфере управления	88

**РАЗДЕЛ 3. ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИКИ И ЭДУКОЛОГИИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

Кальсина А. А. Образование и воспитание богатых горожанок в середине XIX в. (взгляд на проблему учителя пермской гимназии Н. А. Фирсова)	91
Джиоева Г. Х. Владикавказские истоки женского образования в Осетии	93
Клементьева Н. В. Образовательный уровень горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX в.	96
Паришина В. Н. Запреты и ограничения в культуре повседневности гимназисток в российской провинции	99
Архангельская Л. В. Проблемы школьного воспитания девушек в условиях провинциальных уральских городов во второй половине XIX — начале XX в.	102

<i>Кончаковская Н. Б.</i> К вопросу о повседневности юных жительниц городов Пермской губернии (конец XIX — начало XX в.)	104
<i>Еремин А. И.</i> Репетиторство учащихся средних учебных заведений в России в начале XX века: источники изучения	108
<i>Болокина Л. А.</i> Из практики раздельного школьного обучения в городе Калининe в 1943–1944 гг.	111
<i>Буланова М. Б.</i> Проблема гендерных асимметрий в городской образовательной среде: прошлое и настоящее	113
<i>Вержибок Г. В.</i> Оценка благополучия и здоровья женщинами-педагогами с учетом территориального признака	116
<i>Винокурова Н. А., Ризниченко Г. Ю.</i> Положение женщин в науке: некоторые латентные проблемы	118
<i>Ильин А. А.</i> Гендерный аспект социальной интеграции в образовательное пространство вуза	120
<i>Егберт Б.</i> Феноменологические исследования в образовании Германии: может ли знание о восприятии концептов учащимися влиять на эффективность обучения	123
<i>Солдатова М. А.</i> Образовательное пространство городской школы: гендерный аспект	123
<i>Федотова Е. П.</i> Детская площадка как пространство конструирования гендерных различий	126
<i>Андреева Ю. О.</i> Обучаясь женственности: конструирование гендерной идентичности в современной городской среде	128

РАЗДЕЛ 4. «ГОРОД — ЦАРЬ, ДЕРЕВНЯ — РАЙ»: ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКИХ ПРАКТИК НА ДЕРЕВЕНСКУЮ ЖИЗНЬ И ОСОБЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН СО СВОИМ КРЕСТЬЯНСКИМ ПРОШЛЫМ

<i>Смурова О. В.</i> Трансформация предметного мира деревни в процессе межкультурной коммуникации костромских крестьян-отходников	131
<i>Цыбулькинова А. А.</i> Влияние городской культуры на быт полиэтничного населения Кубани на рубеже XIX–XX вв.: гендерный аспект	133
<i>Якояма О. Т.</i> Из прикамского села в город: анализ писем крестьянской девушки конца XIX в.	135
<i>Щеглова Т. К.</i> Женский вопрос в свете фронтирно-модернизационных подходов на примере сибирско-казахстанского порубежья: возможности нового взгляда на решение старых проблем	137
<i>Баданина И. В.</i> Изменения социальных статусов женщин после Октябрьской революции: отражение в русском языке	140
<i>Лебедева А. В.</i> Влияние городской жизни на культурную трансформацию крестьян в период нэпа	141
<i>Васеха М. В.</i> Из крестьянок в горожанки: механизмы миграции женщин в сибирские города в первой трети XX в.	144
<i>Новинская Т. Ю.</i> Город и село в СССР (1940–50-е годы): их взаимовлияние	147

<i>Мищенко Т. А.</i> Сельские клубы в конце 1950 — начале 1960-х годов: влияние ценностей городской жизни на женскую и мужскую повседневность в деревне . . .	149
<i>Сидорова Г. П.</i> Повседневность советских горожан 1950—1980-х годов глазами сельских жителей (по художественным текстам)	152
<i>Матвеев Е. В.</i> Книжная культура советских городов и сел сквозь призму деятельности Всесоюзного общества книголюбов в 1970—1980-е годы	155
<i>Бобровская Е. О.</i> Жизнь в глубинке и мегаполисе: трансформации гендерных позиций (на материале диалогии О. Роя «Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево» и «Синдром Атяшево»)	157
<i>Шершинева Т. В.</i> Специфика адаптации сельской молодежи к условиям обучения в столичном вузе	159
<i>Кузнецов И. В.</i> «Феминизация» и «урбанизм» по-чукотски (сиреникские эскимосы)	161
<i>Винокурова Л. И.</i> Оленеводы в советском городе: Якутск и «гости с тундры»	164
<i>Федулова А. Б.</i> Семейные ресурсы и проблемы многодетных семей, проживающих в сельской местности (на примере Архангельской области)	166
<i>Красавина Е. М.</i> Городская и деревенская банная традиция: сходства и различия . .	168
<i>Самойлова Е. В.</i> Дачницы? Городские крестьянки из Бокситогорского района Ленинградской области	170

РАЗДЕЛ 5. СЕМЬЯ, ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ, РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

<i>Белова А. В.</i> Проведение беременности дворянками в XVIII — середине XIX в. как аспект репродуктивного поведения в городах Российской империи	173
<i>Плетнева А. А.</i> Кормилицы: институция, которую общество предпочитало не замечать	176
<i>Бодрова Ю. В.</i> Демографическое поведение провинциального чиновничества первой половины XIX в.: переход к современной модели семьи	178
<i>Зайцева С. В.</i> Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в.	180
<i>Лисицына О. И.</i> Развитие акушерства и гинекологии в последней четверти XIX в. (по материалам журналов «Акушерка» и «Журнал акушерства и женских болезней»)	183
<i>Морозова А. Ю.</i> Фиктивный брак в среде передовой молодежи в России во второй половине XIX — начале XX в.	185
<i>Веретенко В. А.</i> «Женское царство» — эволюция организации питания городской дворянской семьи в России в конце XIX — начале XX в.	187
<i>Мицюк Н. А.</i> Источниковедческий потенциал журналов и приемных карт родильных отделений дореволюционной России	190
<i>Пушкарева Н. Л.</i> Город как локус конструирования нового репродуктивного поведения и новой сексуальной культуры	192

<i>Минаева О. Д.</i> Семья как «кабала» и «последняя крепость старого строя» (анализ публикаций журналов «Работница» в 1920-е годы)	195
<i>Ракачев В. Н., Ракачева Я. В.</i> Социально-демографические особенности развития городов Юга России в 1930–1950-е годы: гендерный анализ	197
<i>Воронова Е. А.</i> Городские практики советского городского отцовства 1950–1960-х годов	199
<i>Жидченко А. В.</i> Родильный дом в повседневной жизни советских горожан 1950–60-х годов: постановка проблемы	202
<i>Ожиганова А. А.</i> Домашние роды в России и США: борьба горожанок за репродуктивные права и женский empowerment	204
<i>Араловец Н. А.</i> Репродуктивное поведение женщин в городах РСФСР, 1960-е годы	206
<i>Хабекирова Х. А.</i> Об отношении черкесов к детям и рождаемости	209
<i>Семенова О. В.</i> Теоретические вопросы эволюции и экологии человека: модели изменения репродуктивного поведения мужчин и женщин в условиях урбанизации	211
<i>Трапинко Т. В.</i> Формирование родительской компетентности: гендерный аспект	213
<i>Троицкая Н. Н.</i> Сущность гендерной социализации в современной семье	215
<i>Ушакова В. Г.</i> Брак и партнерские союзы: на материалах Пскова и Санкт-Петербурга	218
<i>Широкалова Г. С.</i> Родительская семья. Рядом, но не вместе...	220
<i>Щербин А. И.</i> Биполярные модели современного репродуктивного поведения как тренды городской среды	223
<i>Ломакин И. В.</i> Что мы имеем в виду на самом деле, когда говорим о «чайлдфри»?	225
<i>Козлова Т. З.</i> Влияние особенностей города на жизнедеятельность опекунской семьи	228

**РАЗДЕЛ 6. РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД XVIII — НАЧАЛА XX В.:
ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ БЫТА, ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ДОСУГА**

<i>Морозова Л. Е.</i> Ранняя история Нижнего Новгорода: гендерный аспект	231
<i>Найденова Л. П.</i> Отражение личного и общественного пространства жилищной горожанки в Домострое	234
<i>Жиброва Т. В.</i> Вдовы, девицы и жены юга России в XVII в. (на примере материалов съезжих изб и кружечных дворов)	237
<i>Приказчикова Е. Е.</i> Не ходите, девки, в город: искушения русской сентиментальной повести XVIII в.	239
<i>Комлева Е. В.</i> Россия глазами сибирской купчихи: путевые записки Марфы Никитичны Кандинской (1851 г.)	241
<i>Годовова Е. В.</i> Влияние городской моды на одежду оренбургской казачки во второй половине XIX в.	243
<i>Соловьева А. Т.</i> Досуг тбилисских горожан в XIX — начале XX в.: гендерный аспект	245

<i>Абдулвахабова Б. Б.-А.</i> Социокультурный облик и повседневность горожанок во второй половине XIX — начала XX в. (на примере города Грозный)	247
<i>Кискидосова Т. А.</i> Повседневность горожанок Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.	250
<i>Кобозева З. М.</i> Паспорт и Женщина: повседневная жизнь провинциальной мещанки второй половины XIX — начала XX в. (Самара, Саратов, Симбирск) . . .	252
<i>Филатова С. В.</i> «Мы часто ходили в гости «чай пить!»: досуг провинциального городского обывателя в первой половине XIX в.	255
<i>Чайко Е. А.</i> От семьи русской к семье советской: экономическое положение женщины в городских семьях Южного Урала в конце XIX — середине XX в.	257
<i>Бруханчик Е. А.</i> Историография и источники по истории повседневности служащих кредитно-финансовых учреждений Российской империи на рубеже XIX–XX вв. . . .	259
<i>Зезегова О. И.</i> Уездный город Усть-Сысольск	261
<i>Фролова А. В.</i> Архангелогородец начала XX в.: сословия, праздники и развлечения . . .	264
<i>Казарова Н. А.</i> Быт и досуг жителей Нахичевани на Дону в начале XX века	267
<i>Яценко О. Г.</i> Быт горожанки начала XX в. в отражении музейных коллекций Беларуси	269
<i>Бураков В. Н.</i> Жилищные условия горожанок и горожан Беларуси в 1920-е годы . . .	271
<i>Дианова Е. В.</i> Городские «кооператорши» в борьбе за новый быт (литературные репрезентации 1920-х годов)	274
<i>Катцина Т. А., Мезит Л. Э.</i> Общественные кампании как способ решения социальных проблем в пореволюционные годы на территории Енисейской губернии	277
<i>Гугова М. Х., Кумахова З. Х.</i> Новая городская обрядность в северокавказской погребальной культуре: гендерный аспект	280
<i>Пушкаренко Е. А.</i> Производство глиняной игрушки как вариант мужского и женского досуга и промысла в провинциальных городах России XVIII–XXI вв. (на примере г. Старый Оскол)	281

РАЗДЕЛ 7. РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД XX — НАЧАЛА XXI В. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, БЫТА, ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ДОСУГА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

<i>Лукина Л. В.</i> Социально-индивидуальное пространство семьи в фокусе витебской истории	284
<i>Чуракова О. В.</i> Стратегии выживания провинциальных девушек в большом городе (по материалам высших женских курсов в Российской империи)	286
<i>Багдасарян С. Д.</i> Место женщины в традиционной повседневной культуре юга России в 1920-е годы	289
<i>Ханипова И. И.</i> Советское строительство в Татарской АССР в 1920–1940-е годы (к региональной историографии женского вопроса)	291
<i>Спасенкова И. В.</i> Традиции и новации в практике имянаречения в советском городе в 1920–1930-е годы (на материалах г. Вологды)	293

<i>Пивоварова Л. Н.</i> Старый Оскол — город трех Всесоюзных ударных комсомольских строек, как результат самоотверженного труда юношей и девушек Советского Союза	295
<i>Баишев Н. И.</i> Спортизация городской жизни приволжского города в 1940-е — середине 1950-х годов: гендерный аспект	300
<i>Попова О. Д.</i> Между частным и общественным: проблемы горожанки в «письмах во власть» в 60-е годы XX в.	301
<i>Фурсова Е. Ф.</i> Сибирского отделения Российской академии наук	303
<i>Смирнова И. Н., Панкратова Е. В.</i> Социальное самочувствие и жизненные ориентации женщин Ивановского региона в 1990-х — 2010-х годах	305
<i>Красиков М. М.</i> Девичья субкультура провинциального города конца XX — начала XXI ст.: артефакты	308
<i>Крюкова С. С.</i> О некоторых тенденциях развития форм заключения брака в постсоветской России: между ЗАГСом и анти-ЗАГСом	310
<i>Литвин Ю. В.</i> Представления об этногендерной идентичности карелов в поликультурной городской среде (на материалах интервью в Республике Карелия)	312
<i>Онишко К. А.</i> Город, горожанин и горожанка в некрологах локальной прессы . . .	314
<i>Мельникова Н. В.</i> Женщины в закрытых атомных городах: между атомным ректором и бытом	315
<i>Туршьева О. Н.</i> «Трамвай “Желание”»: остановка в российской провинции	317
<i>Корсун М. А.</i> Гендерные особенности водительских практик в городской среде . . .	320
<i>Жбанкова Е. В.</i> Современная российская провинция глазами московской студентки	322
<i>Адоньева С. Б.</i> Порядок дома: стили жизни современных россиян	323
<i>Козырьков В. П.</i> Гендерная нейтральность большого города	325
<i>Арпентьева М. Р.</i> Психология партисипации и проблема социальной дистанции в Нижегородском регионе	327
<i>Кузнецова О. В., Смолина Н. С.</i> Спиритуальные центры как досуговые центры современной горожанки (на примере г. Екатеринбург)	332

**РАЗДЕЛ 8. СТОЛИЦА И СТОЛИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ В XVIII–XXI ВВ.:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ.
СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

<i>Агеева О. Г.</i> Столичные жительницы при императорском прачечном дворе XVIII в.: профессии, социальный состав, условия службы	335
<i>Трофимова Е. И.</i> Из крепостной губернии на столичную сцену (судьба Л. П. Никулиной-Косицкой)	337
<i>Маянчикова Ю. О.</i> Мариинский институт слепых девочек Человеколюбивого общества	338
<i>Орлова Н. Х.</i> Стоит мне попасть в Петербург, как там я тотчас найду свою судьбу (из жизни бестужевки)	340

<i>Люсева Е. А.</i> Делегатка как субъект городской и политической жизни (по материалам журнала «Работница»)	343
<i>Золотухина М. В.</i> «В моей семье городским человеком, в первую очередь, была мама»: этапы «большого пути» советских горожанок в воспоминаниях поколения 1920–1930-х гг.	345
<i>Шалютина Н. В.</i> Гендерные аспекты вождения и использования городской транспортной сети	349
<i>Гарифзянова А. Р.</i> Специфика казанского рэпа: «свои» и «чужие» внутри городской молодежной сцены	351
<i>Васеха М. В., Громова А. И., Рябкова Е. С.</i> Гирудотерапия как новая составляющая здорового образа жизни российских горожанок	354
<i>Носенко-Штейн Е. Э.</i> Гендерные ожидания и профессиональная деятельность у людей с ограниченными возможностями в СССР и в современной России	356
<i>Сагитова В. О.</i> О необходимости модернизации системы социального обслуживания пожилых людей, проживающих в домах-интернатах с учетом гендерных различий	357
<i>Сысоева М. Э.</i> Роль женщин в процессе этнического ренессанса	359
<i>Щепанская Т. Б.</i> В прерывистом пространстве Петербурга (городские мобильности в опыте молодых горожанок)	361
<i>Снежкова И. А.</i> Автоледи или женщина за рулем	364
<i>Верховод Д. А.</i> Интенсивность коммуникаций и недоверие между полами в больших городах	367

РОССИЙСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ XIV–XX ВВ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

История русских городов не поддается адекватному описанию и анализу со помощью расхожих урбанистических концепций: либо историю русского города стараются «подтянуть» под историю европейской урбанизации (и представить появление различных форм городской жизни в Древней Руси и средневековой Московии частью европейской социальной истории), либо вообще отказываются от попыток применения западноевропейских моделей и калек для оценок российской городской жизни. Ведь и сами урбанизационные процессы начались в нашем Отечестве позже, и развивались непросто и очень долго, захватив несколько столетий и закончившись (если говорить о преобладании городского населения над сельским) лишь около середины XX в.

Проблемы урбанизации, вызванные ростом городских поселений, особенно ускорившимся в последние десятилетия, продолжают оставаться в числе наиболее обсуждаемых, поскольку быстро меняющаяся реальность порождает массу противоречивых коллизий и непредвиденных ранее тенденций. Бурный рост городского населения меняет сферу обитания не только настоящего, но и будущего поколений. Он создает новую глобальную проблему, которая по внутренним, неясным угрозам способна затмить даже экологическую. Весьма драматично урбанизация продолжается и в нашей стране, где порождаемые данным процессом противоречия сопровождаются очевидным имущественным расслоением населения, демографическим спадом, отсутствием универсальной идеологии, утратой Россией статуса сверхдержавы и частичным возвращением государственных границ России к состоянию XVII–XVIII вв.

Очевидно, что взгляд историка может многое прояснить, а иногда и объяснить в процессах, наблюдаемых сегодня. Этнолог и социальный антрополог не может не признать необходимости фиксации и изучения социальных последствий урбанизации, изменений в социальной психологии как в столице, так и в отдельных городах, в некоей качественно новой системе, интегрирующей городские типы поселений (в том числе и окружающие крупные города) в своеобразное целое, которого не было на предшествующих стадиях истории. Задача еще более усложняется, если к ней добавляется гендерный фактор, ведь женщины и мужчины переживают социальные события не всегда схоже, а иногда и оценивают их с противоположными знаками.

И если в иных науках на первый план выдвигается необходимость оценки масштабов роста городов в современном мире, необходимости установления причин, динамики и последствий этого процесса, то гендерному антропологу важна полидисциплинарность оценок свершившихся процессов и некоторый комплексный анализ на основе изучения объективных тенденций, научной и художественной литературы идеального — для обоих полов — типа «города будущего». Актуальность такой постановки проблемы в историко-антропологическом и социально-философском ключе продиктована также значительным количеством эмпирического материала и сравнительно небольшим числом работ, рассматривающих данный процесс не как ставший, а как переходящий в новое качество, процесс социально-бытовых изменений, касающихся как мужской, так и женской субкультур.

Вот почему организаторам новой конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории) показалось разумным и эвристически ценным попытаться изменить исследовательскую перспективу: поставить в центр изучения не рост городского населения по сравнению с сельским, не рост числа производств,

не трансформацию естественных природных ландшафтов в искусственные (под влиянием застройки), но — наконец — заметить самих людей, тех, ради кого совершаются преобразования. Речь о «трансляции» сформировавшихся в городах культурных образцов во внегородское пространство, повышении роли городской культуры и типических для городов проявлений и форм социальной жизни, а также об изменении репродуктивного поведения мужчин и женщин (основной чертой и следствием урбанизации в прошлом было снижение рождаемости).

Тема нынешней, XI-ой конференции РАИЖИ «Новгород Нижний — сосед Москве ближний» имеет прямое отношение к одной из ключевых проблем российской истории — проблеме влияния модернизации на общественную жизнь и положение женщин и мужчин из различных категорий населения, на изменение гендерных стереотипов в обществах прошлого и настоящего, на возникновение и не слабеющую значимость «женского вопроса», порожденного гендерной асимметрией, неравенством прав и возможностей женщин в семье и обществе.

Очевидно, что города России со времен позднего Средневековья и раннего Нового времени (XIV—XVI вв.) были локусом социальных и культурных трансформаций, хотелось бы не упустить при их рассмотрении их «женского лица».

Гендерный аспект российской городской истории еще ни разу не был темой крупной международной конференции. Поэтому мы предложили обсудить его историкам, социологам, философам, культурологам, экономистам и правоведам, литературоведам и историкам кино, журналистам, лингвистам, педагогам, психологам, политологам, этологам, специалистам в области IT-технологий, всем, кому близки или интересны гендерные аспекты урбанистики. Таким образом, оказалось возможным создать дискуссионные площадки для обсуждения методологии и историография изучения гендерных аспектов городской культуры, повседневности, вопросов урбанизации и неожиданно наметившейся в XXI в. реруализации.

В данном сборнике материалов представлены самые разнообразные подходы, апробированные при анализе истории городской повседневности сквозь призму гендерного подхода к анализу социальных процессов. Читая эти тексты, можно оценить, как современные авторы размышляют над процессами изменений в социокультурном облике и повседневной жизни горожанок за три столетия, как оценивают социокультурный облик провинциальных и столичных горожан и горожанок на работе и в быту, как видят сходства и отличия двух идентичностей. Экономисты и социологи представили результаты своих работ по проектам, исследующим динамику изменений в профессиональной занятости женщин и мужчин в российском городе; в производственной повседневности и кардинальных переменных в ней, связанных с «цифровизацией» экономики, в досуге и досуговых практиках юношей и девушек, мужчин и женщин, людей пожилого возраста. Придание исторической перспективы женскому трудовому опыту позволяет современным гуманитариям рассматривать гендерный аспект экономических изменений; замечать женщин и мужчин на меняющемся рынке труда.

Искусствоведы, специалисты по истории кино, музыковеды показали, насколько научно-значимым может быть анализ вещного и звукового мира городской среды; культурологи — перспективы изучения гендерно-сегрегированных групп (музыкальных групп, мужских союзов и интернет-клубов, мужских и женских родительских, досуговых, спортивных объединений и т. п.). Современные городские социокультурные практики при анализе их гендерным антропологом предстали полем создания нового языка взаимопонимания женщин и мужчин, полем лингвистических трансформаций,

отражающих малозаметные поначалу общественные перемены. Гендерные аспекты жизни городского населения очевидно просматриваются и в столичных субкультурах, и в региональной специфике. Исследование гендерных аспектов социокультурной жизни провинциальных городов и представляет особую актуальность.

Круг вопросов, связанных с понятием «исторических изменений» требует обсуждения проблем влияния символического порядка общества на социальное поведение его членов. Всегда ли исторические изменения приводят к ожидаемым результатам? Насколько прогнозируемы результаты изменений в гендерной истории России и как связана с ними урбанистика? Для радикальных западных феминисток полвека тому назад сфера индивидуального и частного предстала способом сопротивления присутствию власти/государства. Они первыми обратили внимание на то, что тело, сексуальность, рождение детей, выбор жизненного пути, профессии, партнеров при ближайшем рассмотрении и скрупулезном анализе может оказаться контролируемым и регулируемым обществом и государством. Насколько верными оказываются их догадки для России? Эти темы прозвучали в материалах тех историков, которые размышляли о политическом поведении горожанок и горожан в прошлом и настоящем, ведь феминизм — это теория, обслуживающая женское движение, и возникла, укрепилась она именно в городах. Огромное количество материалов прислано по теме истории репродуктивного поведения россиянок и россиян в малых и средних городах Российской империи, СССР и постсоветской России.

Среди публикуемых в данном сборнике материалов можно найти те, что отражают особенности смыслополагания женского и мужского в российской молодежной культуре; конкретно-исторические формы коллективных и индивидуальных изменений и их влияния на гендерную систему в тот или иной период истории; корреляцию изменений в общественной и частной сферах, в сфере брака и семьи в прошлом и настоящем; в пространствах и способах самопознания и самореализации для женщин и мужчин. Весьма важными в этом случае предстали проблемы сохранения этногендерной идентичности в советском городе, в том числе конфессиональных убеждений, проблем культурных традиций и их унификаций. Возможно ли сопротивление консервативным и неопатриархатным поворотам в политике, задумываются авторы, если традиционное окрашивается как позитивное в официальной идеологии и воззрениях общества, в том числе интеллектуалов?

Тема интеллектуальной элиты современных городов — особая тема конференции. Вот почему отдельная глава в книге (и отдельная секция в работе конференции) посвящена теме возможностей городской среды для развития образовательной и научной мысли. Авторы текстов размышляют о гендерных асимметриях в научных лабораториях, научно-производственных комплексах, вузах, НИИ и университетах.

Уникальность конференций РАИЖИ состоит в их огромной масштабности. Как межрегиональная общественная организация РАИЖИ открыта к диалогу, отстаивает идею объединительности без различия политических, методологических и идейных пристрастий, поскольку только она может обеспечить диалог ученых в полноценном научном объеме. Помимо объединительности, сторонницы направления и члены РАИЖИ придают больше значение междисциплинарности своих исследований, равно как взаимодействию специалистов не только разного профиля, но и уровня академической квалификации. Новая научная встреча, организованная Сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, РАИЖИ и Высшей школой экономики в Нижнем Новгороде — площадка для

расширения знаний и опыта молодых специалистов — аспирантов, соискателей, где они имеют уникальную возможность приобщиться к результатам исследований видных российских и зарубежных ученых.

Проведение исследований, имеющих теоретический и прикладной характер, распространение их результатов среди ученых, преподавателей, молодых начинающих политиков — важнейшая задача РАИЖИ. В немалой степени именно благодаря этим усилиям гендерный подход к анализу прошлого и настоящего постепенно завоевывает свое признание со стороны ученых и преподавателей, работающих в области социальных и гуманитарных наук, в том числе — изучающих историю, настоящее и будущее российских городов.

Н. Л. Пушкарева, Н. К. Радина

РАЗДЕЛ 1.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ. ПРОБЛЕМЫ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Е. А. Запелова

*г. Нижний Новгород, Акционерное общество «Федеральный научно-производственный центр
«Нижегородский научно-исследовательский институт радиотехники»*

Нижегородская ярмарка в 1890 г. и участие в ней горожанок Нижнего Новгорода

В докладе будут представлены извлеченные из источников и систематизированные сведения, касающиеся участия горожанок Нижнего Новгорода в торговле на Нижегородской ярмарке в 1890 г.

В XIX — начале XX в. в Российской империи самой крупной по оборотам и значению была Нижегородская ярмарка. Возникнув в 1627 г. у стен Макарьев-Желтоводского монастыря, в 1817 г., после пожара 1816 г., она была перенесена в Нижний Новгород, где проработала до 1918 г. История ярмарки многократно затрагивалась в историографии. В дореволюционной России Нижегородской ярмарке были посвящены работы В. П. Безобразова [2] и А. В. Мельникова [6]. Исследование краеведа А. В. Мельникова было подготовлено к 100-летию Нижегородской ярмарки. В издании рассматривается история ярмарок на Руси, Макарьевской ярмарки, Нижегородской ярмарки с 40-х годов XIX в. и до момента составления очерка. Изучение истории Нижегородской ярмарки было продолжено и в советское время. В 70–80-е годы XX в. были написаны работы С. М. Шумилина [8] и Б. Н. Миронова [7]. В 2000-е годы исследователи вновь стали проявлять интерес к этой теме. Деятельность Нижегородской ярмарки рассматривается в книгах С. М. Ледрова [5], Н. А. Кореевой [4], Н. А. Богородицкой [3]. Так, в статье Н. А. Богородицкой «Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX вв.» характеризуются организация ярмарочного хозяйства, ход торговли отечественными и иностранными товарами, выясняется роль Нижегородской ярмарки в системе внутренних и международных связей России в XIX в.

Однако вопрос об участии женщин в торговле на ярмарке — их роли, их отраслевой принадлежности по ассортименту товара и характеру менеджмента — до сих пор в историографии не был затронут. В докладе мы представим некоторые результаты своего исследования этого вопроса.

Согласно официальному справочнику участниками Нижегородской ярмарки в 1890 г. было 3094 чел., из них женщин — 269. Таким образом, последние составляли всего лишь 5,5% от общего числа торговцев. Им на ярмарке принадлежало 99 лавок, 9 номерных зданий, 19 трактиров и харчевен, 2 бани, 1 фотосалон, 1 кузница, 1 склад

товаров. Большинство владельцев ярмарочных заведений были жительницами Нижнего Новгорода (119 из 169, т.е. 70,4%).

Сводные сведения по уездным городам представлены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение владельцев ярмарочных заведений по уездным городам

<i>Уездный город</i>	<i>Владельцы лавок (чел.)</i>
<i>Нижний Новгород</i>	119
<i>Балахна</i>	11
<i>Горбатовский</i>	11
<i>Макарьевский</i>	11
<i>Княгинино</i>	7
<i>Семенов</i>	5
<i>Васильсурск</i>	3
<i>Арзамас</i>	2
<i>Ардатов</i>	-
<i>Лукоянов</i>	-
<i>Сергач</i>	-

Среди торгующих на ярмарке не было представительниц из следующих уездных городов: Ардатов, Лукоянова и Сергача.

Среди женщин, владевших лавками на ярмарке, были представительницы разных сословий. Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 г. позволяет установить социальный статус 140 из них (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение владельцев ярмарочных заведений по социальному статусу

Социальный статус	Число женщин
Мещанки	58 (38,2%)
Купчихи	42 (28,3%)
Крестьянки	36 (23,7%)
Дворянки	2 (1,3%)
Жены военных	1
Почетные гражданки	1
Цеховые	1

Сводные данные, представленные в табл. 2, позволяют сделать вывод, что основную группу ярмарочных торговцев составляли мещанки.

Удалось установить ассортимент товара — горожанки Нижнего Новгорода торговали одеждой и обувью, пушно-меховыми, кожевными, мануфактурными, галантерейными товарами, продавали иконы и свечи (см. табл. 3).

Таблица 3. Число лавок, ассортимент товаров

Число лавок	Ассортимент товаров
16	Одежда
10	Минеральная вода, чай, сахар, кофе
8	Пушно-меховой товар
7	Кожевенный товар
6	Бакалейный товар
5	Мануфактурный товар. Галантерейный товар. Железостальные изделия. Валенки
3	Кондитерский товар. Шорный товар. Сундуки
2	Обувь. Москательный товар. Фрукты, овощи. Мебель
1	Иконы. Мясо. Шляпы. Парфюмерия. Молоко. Бечевка. Виноторговля. Стекло. Щепной товар. Холсты. Золото, серебро.

Многие женщины вели торговлю на ярмарке с семьями. Например, семья нижегородцев, числившихся по сословному статусу крестьянами — Евфлания Яковлевна и Степан Семенович Радионовы — совместно занимались торговлей меховыми изделиями.

В Адрес-календаре Нижегородской ярмарки на 1890 г. среди владельцев лавок также упоминаются следующие семьи: Пузановы (род торговли — обувь), Бочкар евы (фрукты), Завьяловы (стальные изделия), Яшновы (меховой товар), Башаркины (меховой товар), Михалкины (кондитерский и бакалейный товар), Титовы (мебель), Суворовы (сундуки), Дьячковы (скобяной товар), Кашаевы (железный товар), Фроловы (чай, сахар, кофе и вина), Митюковы (виноторговля), Войткевич (одежда), Балакины (валенки).

Некоторые женщины имели на ярмарке по несколько лавок в одном или в разных рядах. Например, купчиха Мария Акимовна (Иоакимовна) Бочкар ева, владелица пяти лавок, специализировалась на торговле сукном и мануфактурными остатками. Жена унтер-офицера Матрона Егоровна Ефимова, державшая на ярмарке две лавки, торговала готовой одеждой. В двух магазинчиках купчихи Енафии Александровны Блиновой продавались меховые изделия. Параллельно она владела складом товаров.

Заметим, что в 1890 г. 29,6% ярмарочных лавок, принадлежавших владелицам, которые постоянно жили в Нижнем Новгороде, сдавались в аренду торговцам из различных губерний: Нижегородской, Московской, Санкт-Петербургской, Казанской, Костромской, Рязанской, Тульской, Ярославской, Вологодской, Тобольской. 46,8% всех арендаторов составляли лавочники из Нижегородской губ.

Краткие выводы. На ярмарке в 1890 г. горожанки Нижнего Новгорода составляли всего лишь 5,5% от общего числа торговцев. Основную группу лавочниц составляли мещанки из Нижнего Новгорода. Лавочницы продавали товары самого разнообразного назначения — от овощей до меховых изделий.

Участие горожанок Нижнего Новгорода в ярмарке, несмотря на ограниченный характер, позволяет говорить о растушей в конце XIX в. имущественной независимости женщин. Самостоятельность давала им возможность иметь собственный (независимый от мужей или родителей) источник дохода и обеспечивала их прочным положением в социальной структуре провинциального общества.

Литература

1. Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 год. Н. Новгород, 1890.
2. Бездобразов В. П. Очерки Нижегородской ярмарки/В. П. Бездобразов//Русский вестник. № 4, 5, 7. М., 1865.
3. Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX веках/Н. А. Богородицкая//Вопросы истории. 2012. № 4. С. 146–151.
4. Кореева Н. А. Торговая деятельность казанских купцов на Нижегородской ярмарке в 1817 и 1820 годах/Н. А. Кореева//Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 148–155.
5. Ледров С. М. Кожевенный рынок на Нижегородской ярмарке в XIX — начале XX века/С. М. Ледров//Вопросы истории. 2007. С. 145–151.
6. Мельников А. В. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки (1817–1917 гг.)/А. В. Мельников. Н. Новгород, 1917.
7. Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII-первой половине XIX века/Б. Н. Миронов. Л., 1981.
8. Шумилкин С. М. Архитектура Макарьевской ярмарки/С. М. Шумилкин//Записки краеведов. Вып. 4. Горький, 1979.

Н. А. Биленко, О. И. Семенова

г. Тула, ФБГОУ ВПО «Тульский государственный университет имени Л. Н. Толстого»

Женское предпринимательство в провинциальных городах второй половины XIX — начала XX вв. (по материалам Тульской губернии)

Сегодня одним из наиболее перспективных направлений в исследованиях по экономической истории Российской империи является институциональный подход. В рамках новой экономической истории он предполагает рассмотрение не только истории чисто финансовых и хозяйственных процессов, но и особых, возникающих в результате множества взаимодействий людей, официальных и неофициальных норм, регулирующих экономическое поведение. В институциональном подходе важен именно человек как субъект экономической истории, его экономическая и правовая психология, представления о должном и недопустимом. Используя эту методологию, становится возможным проанализировать такую значимую проблему социальной и экономической истории России эпохи модернизации как участие женщин-горожанок в предпринимательской деятельности. Эта тема была хорошо освещена на уровне Санкт-Петербурга и Москвы в исследованиях Вахромеевой О.Б. и Ульяновой Г.Н., но работы по изучению женского предпринимательства в провинции носят фрагментарный характер. Данное исследование базируется на архивных материалах городов Тульской губернии, сочетающей в себе черты Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, второй половины XIX — начала XX вв.

Законодательство Российской империи гарантировало женщинам право на занятие коммерческой деятельностью [7, с. 210]. Горожанки Тульской губернии актив-

но пользовались этим правом: анализируя Журналы генеральной поверки торговли и промышленных заведений Тулы, можно сделать ряд выводов о структуре «женского предпринимательства» в городе [2, 3, 4]. Во-первых, на протяжении всего изучаемого периода отчетливо заметно увеличение количества женщин-предпринимателей (более, чем на четверть). Во-вторых, соотношение женского и мужского предпринимательства сохраняется примерно на одном уровне (от 15 до 20%), что соответствует общероссийским тенденциям [7, с. 210]. В-третьих, специфика региона влияла на выбор сфер деятельности — нередко тульские горожанки руководили совсем «не женскими», но традиционными для Тулы предприятиями: ружейными, литейными, токарными, самоварными мастерскими, механическими заводами. Отсутствие в регионе текстильной промышленности, в которой наблюдалось наибольшее количество женщин-промышленников в Москве, также отличало Тулу от городов других регионов Центрально-Промышленного района. Наибольшее количество горожанок было занято в торговом предпринимательстве (содержание лавок, магазинов, мелочных лавок, ренсковых погребов, торговля с подвижных ларей). На втором месте было владение промышленными заведениями города (пекарня, водяная мельница, воскобойня, крупорушка, кузня, литейная мастерская, штаповочная мастерская, типография, переплетная мастерская, механический завод и т.п.). Наименьшее количество женщин управляло предприятиями в сфере услуг (буфетами, гостиницами, номерами, парикмахерскими, питейными домами, постоялыми дворами, прачечными, трактирами, фотографическими заведениями).

Женское предпринимательство было обычной нормой правовой реальности в провинции Российской империи второй половины XIX в. Нередко женщины также становились полноправными участниками предпринимательской деятельности в купеческой семье при жизни мужей и родителей (например, купеческая дочь Л. А. Ламакина вела дела отца (богородицко-пивовара и мукомола) и была его секретарем [5, с. 111]). При наличии несовершеннолетних детей именно вдовы купцов принимали руководство семейными предприятиями, поэтому в этой среде женщины старались заранее, с детства получать представление о правильном ведении дел и знания о коммерции. Хозяйки крупных предприятий активно, наравне с мужчинами занимались благотворительной работой (А. А. Ливенцева, Е. И. Бенардаки-Маслова, В. Ф. Гагарина, Л. И. Трухина) [5].

Несмотря на эти положительные стороны культуры женского предпринимательства в Туле в эпоху модернизации, необходимо отметить и высокий уровень правонарушений, совершенных женщинами в области торговли. Большая часть правонарушений в этой сфере не доходила до судебного разбирательства: недостатки в ведении дел исправлялись после первого предупреждения, но в статистике преступлений встречаются эпизодические случаи серьезных нарушений торговых уставов, совершаемых женщинами. Статистика Тульской губернии о составе преступлений, именуемом «нарушение постановлений о питейном сборе», демонстрирует иную картину. Если немногие горожанки были связаны с производством алкогольных напитков, то содержание питейных домов было наиболее популярным среди тулячек видом деятельности в сфере услуг. Крайне высоким в этой отрасли предпринимательства был процент женщин-правонарушителей по сравнению с мужчинами (около 42%) [6]. В Тульской губернии известны случаи, когда женщины возглавляли большие предприятия по производству алкоголя, участвуя и в незаконном секторе их деятельности (как, например, вдова генерала Лазаревича Е. Лазаревич [1, л. 6]). Впрочем, с введением винной монополии в 1894 г. нарушения постановлений о питейном сборе полностью исчезли из ведомостей о правонарушениях. Следовательно,

женщины-предпринимательницы не были более законопослушны, чем мужчины, а, скорее, перенимали от них особенности поведения в бизнесе. Кроме того, нередко причиной серьезных правонарушений предпринимателей становился недостаток юридических знаний, что также справедливо и для женщин, не имевших возможность получить специализированное образование.

Таким образом, можно сделать вывод, что в эпоху модернизации в провинции растет количество женщин-предпринимателей. Воспитанные в традициях семейной коммерческой деятельности, они участвовали в самых разнообразных отраслях промышленности и торговли, продолжая семейное дело. Развитие женского предпринимательства в экономике неизбежно способствовало модернизации социальных отношений и изменениям статуса женщины, даже в провинциальном обществе.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Локальный рынок товаров и услуг г. Тулы в период пореформенной России» при поддержке гранта РФФИ № 17–31–01075.

Литература

1. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее — ГУ ГАТО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 782.
2. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 11. Д. 21811. 21812. 21813. 21814. 21815.
3. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 8. Д. 18137; 18686; 18687. 18688.
4. ГУ ГАТО. Ф. 118. Оп. 1. Т. 9. Д. 19330. 19331. 19332. 19333. 20323. 20315. 30319, 20325.
5. Летопись тульского предпринимательства: колл. монография. Тула, 2016.
6. Обзоры Тульской губернии 1879–1914 гг. Обзор (Приложение ко всеподданнейшему отчету). Тула, 1880–1915. Ведомость о числе и роде преступлений.
7. Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели в имперской России: законодательство и практическая деятельность (на примере промышленности Москвы в XIX в.)//Экономическая история. Вып. 13/Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2007. С. 210.

И. В. Синова

г. Санкт-Петербург,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Профессиональная занятость горожанок во второй половине XIX — начале XX вв.: от предпринимательства к государственной службе

Со второй половины XIX в. в Российской империи происходило расширение профессиональной занятости женщин не только на фабриках и заводах, но и в ремесленном производстве, предпринимательстве, а также официально был разрешен доступ на государственную службу. Причины данного процесса заключались как в относительной дешевизне для хозяев женского труда и отсутствия с их стороны активных форм борьбы за свои права, бедственном уровне благосостояния низших слоев населения, что вынуждало всех членов семьи идти на заработки. При этом кроме экономических факторов буржуазный путь развития страны стимулировал попытки самореализации и поиск своего места в жизни, выходящего за рамки семьи и домашнего быта предстателей разных слоев населения, вне зависимости от гендерной принадлежности.

С начала 1860-х годов. к ремесленному сословию в столице ежегодно причислялось по 250–300 человек, при этом мужчин среди них было в среднем всего на 20–30 человек больше чем женщин [5, л. 6]. Единственным требованием для замужних женщин являлось

предоставление нотариально заверенного разрешения мужа: «Я нижеподписавшийся, сим разрешаю жене моей, Антонине Михайловне Михайленковой, урожденной потомственной дворянке Сташевской, приписаться к Санкт-Петербургскому ремесленному цеху» [6, л. 4]. Но при увеличении численности женщин-мастеров в ремесленном производстве, ни одна из них не занимала административных и выборных должностей в сословных органах Санкт-Петербурга, не баллотировалась в должности присяжных мастеров, сборщиков повинностей и старост цехов даже по дамско-портному и белошвейному ремеслам. Таким образом, не смотря на профессиональное признание, их не рассматривали как равноправных партнеров в корпоративном сообществе.

Женщины пополняли ряды купеческого сословия, и большинство из них не просто получали бизнес от отца или мужа по наследству, а сами его основывали и были причислены к купеческим гильдиям, при этом некоторые из них обучались профессиональным навыкам за границей. Согласно сведениям, опубликованным в альманахе к 200-летию юбилею столицы о Санкт-Петербургском купечестве и торгово-промышленных предприятиях города, женщины владели успешными фирмами, в первую очередь, изготавливали швейные, корсетные изделия, шляпы, предметы для женских рукоделий. С.С. Бахминская руководила популярной польской кофейней, Э.А. Колчевская занималась производством колбасно-гастрономических товаров, Р.А. Шуберт стала поставщиком одежды для детей Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны [7, с. 46, 12, 58].

Вопрос о допуске женщин на государственную службу впервые был поднят в 1861 г. Главноуправляющим путями сообщения и Публичными зданиями инженер-генералом Мельниковым, который имея в виду пример Англии, Швеции и Швейцарии и «встречая затруднения в приискании для Финляндии телеграфистов, владеющих немецким и французским языками... представил комитету министров предположение о дозволении в виде опыта в течение трех лет допускать в Финляндии женщин на должности телеграфистов» [1, л. 73].

20 ноября 1861 г. Император Александр II собственноручно написал: «Полагаю, что со временем можно было бы допустить женщин и в Империи» [1, л. 73], и в 1863 г. мера, принятая для Финляндии, была распространена в виде опыта и на телеграфные управления в целом по стране. Но прошло еще несколько лет, прежде чем в июле 1869 г. Александр II внес вопрос о замещении должностей телеграфистов и сигналистов женщинами на постоянной основе на обсуждение Государственного Совета, который рассмотрел это в 1870 г. [1, л. 73].

С 1871 г. женщинам была разрешена служба в общественных и правительственных учреждениях. «Государь император, признав необходимым положительно определить круг полезной для государства и общества служебной деятельности лиц женского пола, 14 минувшего Января высочайше повелеть соизволил: 1. Всеми мерами содействовать распространению и преуспеянию правильно устроенных, отдельных для женщин курсов акушерских наук и к привлечению на оные как можно более слушательниц, для того, чтобы дать возможность наибольшему числу женщин приискать себе акушерские занятия во всех частях государства, столь скудно еще наделенных представительницами этой необходимой отрасли... 3. Поощрять женщин на поприще воспитательном... 4. Допускать женщин: а) телеграфному ведомству к занятию мест сигналистов и телеграфистов лишь в определенной МВД пропорции общего числа этих должностей, и б) по счетной части и в женских заведениях ведомства IV отделения СЕИВК...» [2, л. 1]. Но руководители ведомств не спешили активно это реализовывать.

В 1897 г. лица женского пола были допущены к занятиям в учреждениях Морского ведомства [4, л. 11]. В 1898 г. было предоставлено право государственной службы женщинам-врачам [3, л. 3]. При этом они пользовались всеми правами государственной службы, за исключением производства в чины, разряда по шитью на мундир и награждения орденами, предоставленным врачам-мужчинам.

Но на практике привлечение женщин в качестве врачей на службу в госпитали имело скорее характер исключения. Морской министр, вице-адмирал Григорович объяснял привлечение женщины исключительно чтобы не «отвлекать врачей от службы в других отделениях, где занятия непосредственно связаны с подготовкой к военно-морскому медицинскому делу» [3, л. 4].

По закону 1914 г. разрешалось «замещение лицами женского пола низших штатных должностей... с правами государственной службы на должности до 8 класса включительно во всех учреждениях Государственного Контроля, учреждениях государственного Банка, Управления Государственных Сберегательных Касс и подведомственных им учреждений, по ведомству казенных палат, по Министерству Торговли и Промышленности, по главному Управлению Почт и Телеграфов, по Министерству путей сообщения, по ведомству Православного вероисповедания, по Главному управлению Здравоохранения и по Министерству Юстиции [4, л. 11–11 об.]».

В начале XX в. общественность активно боролась за женское равноправие, и как следствие этого, имели место отдельные уступки со стороны власти, которые были связаны с необходимостью расширения женщинам доступа для замещения отдельных должностей в ряде сфер, включая государственную службу, которые испытывали недостаток в кадрах определенной квалификации в условиях интенсивного буржуазного развития. Фактически это были мнимые и вынужденные уступки по отношению к женщинам, а отнюдь не результат объективной оценки их равноправной возможности участия в экономике страны и системе государственной власти.

Литература

1. *Российский гос. архив военно-морского флота*. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2903.
2. *РГА ВМФ*. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1006.
3. *РГА ВМФ*. Ф. 410. Оп. 3. Д. 857.
4. *РГА ВМФ*. Ф. 410. Оп. 3. Д. 2830.
5. *Центральный гос. исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб)*. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5012.
6. *ЦГИА СПб*. Ф. 223. Оп. 3. Д. 102.
7. *Шустов А. С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города 200-летию юбилею столицы. Илл. альманах. СПб., 1903.*

Ю. А. Кривошеева

г. Ярославль, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Досуг ярославских текстильщиц на рубеже XIX–XX вв.

Во второй половине XIX в. происходило быстрое формирование «нового» города, предоставившее жителям возможность пользоваться благами цивилизации. В это время меняется инфраструктура города, развивается сфера развлечений, а «новый» человек — житель такого города становится не просто частью, а активным преобразователем городской среды.

В меняющихся условиях жизни иным становилось и положение женщин, преимущественно состоятельных, получавших все больше возможностей для комфортной жизни, самореализации и проведения досуга — мода, синематограф, специальные периодические издания, новые «женские» профессии — все это не только повышало качество жизни горожанок, но и меняло темп, распорядок и наполненность их времени [6].

В конце XIX — начале XX в. Ярославская губерния являлась одним из крупнейших текстильных регионов страны, а сам Ярославль был важным центром экономической, политической и культурной жизни. Неотъемлемой частью городской среды здесь были так называемые рабочие окраины — фабричный городок Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ), старейшего текстильного предприятия региона с числом рабочих, превышающим 9 тысяч человек.

Административный аппарат предприятия насчитывал около трехсот человек. Положение служащих, в первую очередь, занимавших высокие должности при фабрике, накладывало определенный отпечаток и на жизнь их семей, в том числе, женщин-родственниц, для которых открывался широкий спектр досуговых мероприятий, предлагаемых не только городом, но и самой фабрикой. В рассматриваемый период на ЯБМ функционировало «общество служащих» с «советом выборных», устраивавшим по подписке концерты, спектакли, семейные танцевальные вечера. Подобная практика существовала и на другой крупной текстильной фабрике Ярославского уезда — Норской мануфактуре.

Важной частью досуга женщин всех возрастов были праздничные мероприятия. В Пасху и Новый год Норская мануфактура готовила подарки и награды для рабочих и служащих, для детей здесь, также как и на ЯБМ, устраивались елки с гостинцами [4].

Летом, в дни крестного хода, ЯБМ устраивала народные гуляния с оркестром, акробатами, фейерверком, состязаниями между рабочими, за победу в которых давались призы от фабрики. Празднество было настолько масштабным, что привлекало массы людей из других частей города.

Широко праздновали в фабричных районах и коронацию императора Николая II. В частности, одной из статей расходов Норской мануфактуры в 1896 г. были траты на 1700 коронационных портретов и закупку гостинцев — это дает все основания полагать, что подарки предназначались именно рабочим и служащим, в том числе и женщинам [3].

Устройство культурно-образовательных мероприятий было частью социальной политики фабрик, стремившихся отвлек рабочих от пьянства, хулиганства, азартных игр и др., что зачастую становилось следствием опасного и монотонного труда, а также тяжелых финансовых и бытовых условий жизни. Во многом нравы в рабочей среде были достаточно суровыми, и празднества и «посиделки», пришедшие в рабочую среду из деревни, зачастую сопровождались выпивкой и разгулом [5]. И если женщины из среды служащих имели возможность вести более разнообразную и комфортную жизнь, то самим текстильщицам приходилось гораздо сложнее.

Для более разумного проведения воскресных и праздничных дней руководством ЯБМ были учреждены общество трезвости, чайная, «женская миссия», воскресная школа церковного пения. Рабочие и служащие, а также дети имели возможность петь в церковном хоре.

Неотъемлемой частью женского досуга в фабричных городках были воскресные чтения с демонстрацией туманных картин. На ЯБМ работало три отделения: религиоз-

ное, научное и литературное, на Норской мануфактуре — два отделения: в первом читались произведения религиозно-нравственного содержания, во втором — классика. Так, в конце столетия аудитория слушала русскую историю и произведения А. С. Пушкина.

При каждой фабрике также работали библиотеки для рабочих и служащих. Популярностью пользовались исторические и религиозно-нравственные издания, а также русская словесность. По данным статистики среди рабочих наибольший процент читающих составляли молодые люди от 12 до 20 лет, меньше свободного времени для чтения книг имели рабочие более зрелого возраста [1]. Учитывая количество обязанностей, традиционно закрепленных за женщинами, логично предположить, что, по сравнению с мужчинами-рабочими, процент читающих работниц был значительно ниже.

Нельзя не отметить и работу образовательных учреждений при фабриках. Училище ЯБМ было открыто для детей рабочих и служащих. Мальчики и девочки здесь обучались совместно, причем количество мальчиков было на порядок больше. Девочкам также приходилось чаще пропускать занятия для помощи в хозяйстве.

Фабрика активно поощряла лучших учеников книгами и похвальными листами, все выпускники получали по окончании курса Евангелие (подобная практика существовала и на Норской мануфактуре). Программа обучения была стандартной для своего времени, но в то же время имела гендерное деление — для девочек работали курсы рукоделия, мальчики занимались гимнастикой. Также школа устраивала детские спектакли и демонстрацию живых картин [7].

При фабриках активно развивалось и театральное дело. На ЯБМ ставились драматические спектакли с участием служащих, а также актеров Ярославского городского театра, исполнялись концерты и оперы (при участии хоров рабочих). Театральная труппа работала также при Норской мануфактуре [2].

Таким образом, в рассматриваемый период фабричный городок как городско-го, так и сельского текстильного предприятия мог предложить женщине-работнице и женщине из среды служащих широкий спектр культурно-образовательных мероприятий в дополнение ко всем формам досуга, которые давал «большой город», позволяя одним отвлечься от однообразных будней и тяжелого труда, а другим сделать свою жизнь более комфортной и разнообразной.

Литература

1. Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010. С. 318, 320–321.
2. Виноградов М. В., Землянский А. Ф., Карасев С. М. «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. Ярославль, 1976. С. 22.
3. ГАЯО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 102. Л. 72.
4. ГАЯО. Ф. 676. Оп. 1. Д. 152. Л. 62, 82.
5. Полищук Н. С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX вв.)//Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 115–122.
6. Шапко Н. И., Волкова Е. А. Женщины в городской среде Ярославля конца XIX — начале XX в.//Трефолевские чтения: историческое и литературное краеведение русского города XVIII — начала XXI века: сборник докладов и материалов всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 27–29 сентября 2012 г.). Ярославль, 2012. С. 120–124.
7. Ярославская Большая мануфактура. М., 1896. С. 37–39.

Женщины Урала в структуре правоохранительных органов в первой половине 1920-х годов

Правоохранительные органы наряду с органами исполнительной власти к началу 1920-х гг. являлись сферой, практически полностью контролируемой мужчинами. Прием женщин на государственную службу в качестве обеспечивающих специалистов был разрешен с 1915 г. С принятием Временным Правительством Закона от 23 октября 1916 г. начался прием женщин на службу в полицию, на все канцелярские должности, в том числе в сысской полиции, кроме заведующих регистрацией преступников [9, с. 37]. И хотя после Февральской революции декретом Временного правительства женщины были допущены в адвокатуру, процесс этот не успел набрать силу.

В июле 1919 г. в органы милиции Петрограда было принято 600 женщин. На Урале набор женщин начался со Среднего Урала. В ноябре 1919 г. на работу в Екатеринбургскую губернскую милицию поступили первые 25 женщин-активисток из женотдела при губисполкоме Советов, в основном — члены РКП (б). В «Уральском рабочем» в статье «Женщины, в ряды милиции!» был опубликован соответствующий призыв. Женщины несли постовую службу в фабрично-заводских районах, работали делопроизводителями, инспекторами в уголовном розыске и отделе управления, охраняли места заключения и детские приюты [4].

В составе всей губернской милиции сотрудницы-женщины вошли в созданный в процессе перестройки органов милиции по образцу подразделений и частей Красной Армии в мае 1920 г. запасной полк Красных Уральских милиционеров, а после его реорганизации в сентябре 1920 г. — в 47-ю Отдельную милиционную бригаду, состоявшую из 3 батальонов по 10 рот каждый, развернутую на базе Екатеринбурга, Верхотурья и Камышлова. В Красноуфимском, Нижнетагильском, Верхотурском, Надеждинском, Ирбитском, Камышловском, Каменском и Шадринском уездах при каждой из 30 рот кроме команд пулеметчиков, бомбометчиков, саперов и телефонистов создавались из числа женщин-милиционеров санитарные команды (по 5 человек) [4].

Летом 1920 г. руководством Челябинской губернской милицией было принято «Временное положение о приеме на службу женщин в советскую милицию по Челябинской губернии». Женщины, как и лица мужского пола, поступаая на службу в Рабоче-крестьянскую милицию, давали обязательство прослужить не менее 6 месяцев; при несении службы они обязаны были носить форменную одежду, иметь при себе личное оружие. Круг занимаемых ими должностей первоначально ограничивался вспомогательными подразделениями [3, с. 89]. Желание женщин работать в милиции встречало противодействие на местах. Бытовали опасения, что это может привести к возникновению неформальных отношений.

Вскоре женщины стали привлекаться и к оперативной работе. Так, в 1921 г. секретным сотрудником-осведомителем Челябинского губернского уголовного розыска (под оперативным псевдонимом «Смутный») была М. И. Сониная, кандидат в члены РКП (б), служащая губпродкома (и секретарем ячейки РКСМ), 20-ти лет, с низшим образованием [9, с. XV]. Позже, в сентябре 1921 г., она стала машинисткой управления этого подразделения [7, с. 189]. Возможно, согласие на осведомительскую работу секретного сотрудника ею было дано с тем, чтобы в будущем получить рабочее место машинистки. Секретным агентом (под оперативным псевдонимом «Бойкая») была за-

вербована в 1921 г. циркачка А. И. Бернадская (1899 г.р.). В 1922 г. секретным сотрудником-разведчиком Челябинского губугро значилась Лебединская [9, с. XVI].

В марте 1921 г. Ольга Всеволодовна Пронинская (1901 г.р.) заняла должность, на которую женщины до установления советской власти принципиально не допускались — она стала заведующей регистрацией преступников в Челябинском губернском управлении уголовного розыска [7, с. 154].

Крайне редко женщины работали следователями. Известно, что в начале 1920-х гг. (в период до октября 1924 г.) в Московском уголовном розыске работала единственная женщина-следователь МУРа — Екатерина Максимова [8, с. 35]. На Урале с марта 1921 г. должность агента 2-го разряда в уголовном розыске при Челябинской горугезд-ной милиции заняла 38-летняя Александра Мурашкина [7, с. 171].

В основном женщины в милиции и уголовном розыске Челябинска, Троицка, Миасса, Златоуста и др. занимали должности журналиста, машинисток (иногда при этом совмещая свою работу с обязанностями переплетчицы), делопроизводителя, контрол-щика, переписчика [7, с. 151, 154, 163, 165, 169, 173, 180–184, 194, 196, 199–200]. С 1921 г. женщины работали в качестве надзирателей в Златоустовском доме принудительных работ [1, л. 12]. Неграмотные женщины могли претендовать на должность уборщиц, сторожих [5, л. 5], повозчиков [1, л. 12]. На работу иногда устраивали даже девочек. Например, в декабре 1920 г. в Челябинске в отдел уголовного розыска была принята курьером тринадцатилетняя А. Юркина [7, с. 201].

Устройство на работу в органы внутренних дел и прокуратуры, при котором все служащие, включая сторожих, давали расписку о неразглашении [5, л. 5], было престижным и приносило ряд льгот. К примеру, все служащие прокуратуры в 1923 г. состояли на государственном снабжении; на основании справок они получали налоговые льготы — по уплате налога со строений, по уплате земельной ренты (при этом лицо от уплаты гербового и канцелярского сбора освобождалось) и др. [5, л. 6–7]. С 15 мая 1924 г. всем работникам милиции-членам кооператива выдавались талоны на право бесплатной стрижки и бритья [6, л. 341]. И если проблема бритья для женщин была неактуальна, то талоны на стрижку были привлекательны. Больше возможностей имелось для устройства ребенка в детское учреждение, получения жилья [2, л. 35].

Опыт первого советского мирного пятнадцатилетия показывает, что в глубинной культурной традиции андроцентристского характера формирования правоохранительных органов появился и стал укрепляться феминный фактор, расширились аспекты гендерной (полоролевой) адаптации, изменяя содержание и раздвигая границы гендерных отношений, норм и ролей.

Литература

1. Архив Златоустовского городского округа. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 302.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 676.
3. Милиция Челябинской области. 1802–2002: Страницы истории/сост.-ред. Д. В. Смирнов. Челябинск: Книга, 2002.
4. Наша история. История свердловской милиции с 1919 по 2008 г. //Главное управление МВД России по Свердловской области//<http://66.mvd.ru/gumvd/history> (дата обращения: 16.10.2014).
5. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 24.
6. ОГАЧО. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 57.
7. Петров А. В. Организационно-правовые основы становления органов правопорядка и специальных органов по борьбе с преступностью на Южном Урале (1917–1923 гг.). Челябинск, 2003.

8. Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма (Хроника российской преступности, 1917–1991 гг.). М.: 1997.

9. Уголовный розыск Южного Урала. Годы. События. Люди. 1918–2003/автор-сост. Д. В. Смирнов. Челябинск, 2003.

В. А. Журавлева

г. Златоуст, Филиал Южно-Уральского государственного университета

Влияние промышленной модернизации на занятость женщин в уральских городах (по материалам Всесоюзной переписи 1939 г.)

Промышленная модернизация Урала, развернувшаяся с конца 1920-х гг., внесла коррективы в занятия женщин, проживавших в городах региона. Исследование заявленной проблемы ведется с 1939 г. в рамках трех уральских областей (Пермской, Свердловской и Челябинской), которые до 1934 г. входили в единую Уральскую область. Источниковую базу составили материалы Всесоюзных переписей населения 1926 [1, с. 120] и 1939 гг. [2, с. 200; 3, с. 142–143, 246–247, 301–303].

Согласно программе переписи 1939 г. в соответствии с источниками средств существования население делилось на лиц, имевших занятие; членов семьи, занятых в подсобном сельском хозяйстве; иждивенцев отдельных лиц и нетрудящихся с семьями.

Ускоренное промышленное развитие Урала способствовало оттоку селян в города. В итоге, по данным переписи 1939 г., в городах и рабочих поселках Свердловской области проживало уже 59,3% самодеятельных женщин (это лица, имевшие занятия) региона, Челябинской — 37,9 и Пермской — 35%.

За период между переписями 1926 и 1939 гг. выросла доля экономически-активных женщин среди городского населения Урала. Если по переписи 1926 г. их удельный вес среди самодеятельных в Уральской области был 31,9%, то по переписи 1939 г. он составил в Челябинской области 35,5%, Свердловской — 39,9, Пермской — 41,1%. Данные показатели по городам Пермского региона уже превышали общегородской уровень по РСФСР (40,5%). Увеличение доли женщин среди экономически-активных горожан свидетельствовало об активном включении женщин в общественное производство в годы индустриализации. Резкий перелом в этом отношении наметился уже в 1930 г., а с 1931 г. процесс стал идти более интенсивно. Об изменении роли женщин в экономической жизни городов Урала свидетельствовали материалы переписи 1939 г. Они показали, что свыше трети женщин в городах Пермской и Свердловской областей (соответственно — 36,8 и 33,7%) и менее трети (28,4%) в Челябинской уже имели занятие. В 1926 г. городах Уральской области таких было всего четверть (25,5%), а в начале 1931 г. — примерно 28,9%. Однако показатели по уральским городам уступали аналогичным данным по РСФСР (36,9%).

В результате проведения государственной политики по вовлечению женщин в общественное производство на 1000 самодеятельных мужчин приходилось в городах Пермской области 697 экономически-активных женщин, что превысило аналогичный общероссийский уровень (682 женщины); в Свердловской и Челябинской областях соответственно — 662 и 550 горожанок; тогда как в Уральской области в 1926 г. было всего 467, а в апреле 1931 г. даже 434 женщины на 1000 мужчин-горожан с самодеятельным доходом.

В 1939 г. повсеместно горожанки составляли подавляющее большинство членов семьи, занятых в подсобном хозяйстве. Удельный вес их среди городского населения с таким источником существования был равен в Пермской области 99,7%, Свердловской — 99,6 и Челябинской — 99,4%, что немного выше среднего уровня в российских городах (99,3%). Среди иждивенцев отдельных лиц также преобладали женщины. Они составили в городах Пермской и Свердловской областей 61,7%, Челябинской — 61,1, тогда как в РСФСР — 63,3%. Доля горожанок среди нетрудящихся (с семьями) была в городах Пермской области 51,6%, Свердловской — 62, Челябинской — 68,5%, а в РСФСР — 58,4%. Большинство самодельного населения уральских городов составляли рабочие государственных предприятий и служащие государственных предприятий и учреждений.

Всесоюзная перепись 1939 г. показала экономическую специфику уральского региона. Основная масса горожан, имевших занятие, была задействована в промышленности. Это характерно не только для мужчин, но и женщин. В Челябинской области этот показатель относительно горожанок доходил до 40,8%, Свердловской — 42,2 и Пермской — 48,3%. Далее шли торговля, заготовки и общественное питание (соответственно — 12,2; 11,3 и 9,6%), просвещение, наука, искусство и печать (9,7; 9,8 и 9,6%), здравоохранение (9,2; 9 и 8,6%), транспорт и связь (7,7; 6 и 5,1%), строительство (5,3; 5,4 и 4,3%). В остальных отраслях доля горожанок, имевших занятия, не превышала 4%.

Как и в 1920-е гг., в уральских городах были отрасли с преимущественно мужским и преимущественно женским трудом. В 1939 г. на 1000 мужчин-горожан приходилось в промышленности Пермской области 645 горожанок, Свердловской — 563, Челябинской — 460; строительстве соответственно — 298, 319, 251; на транспорте и в связи — 488, 528, 392; в лесном хозяйстве — 221, 233, 156; в сельском хозяйстве — 643, 652, 466; в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях — 560, 604, 503. Вместе с тем в ряде отраслей народного хозяйства Урала женский труд преобладал над мужским. В просвещении, науке, искусстве и печати на 1000 мужчин-горожан приходилось в Пермской области 1827 горожанок, Свердловской — 1713, Челябинской — 1699; а в здравоохранении соответственно — 4696, 4326, 3927. Вместе с тем в торговле, заготовках и общественном питании разрыв между полами был не столь разительным: на 1000 мужчин было соответственно 1177, 1157, 977 женщин; а в жилищно-коммунальном хозяйстве — 1246, 1190, 1078 женщин.

Преимущественно женскими были профессии полиграфистов, текстильщиков, швейников, пищевиков, рабочих в общественном питании и минеральщиков.

Среди служащих наиболее значительной по численности была группа технического персонала. Второе место занимали работники учета. Третья и четвертая позиции принадлежали медицинским работникам и культурно-политико-просветительному персоналу. Далее шли работники торговли, заготовок и сельского хозяйства; плано-контрольный персонал; делопроизводственный персонал; работники связи; работники искусства и юридический персонал.

Перепись 1939 г. выявила многократное преобладание мужчин среди технического и юридического персонала, работников искусства, а также плано-контрольного персонала. В остальных группах служащих преобладали женщины. На 1000 мужчин-медиков в городской местности Пермской области было 12208 женщин, Свердловской — 14250 и Челябинской — 12376 женщин; культурно-политико-просвети-

тельного персонала соответственно — 2316, 2309 и 2175; работников связи — 6551, 6247 и 5202; работников учета — 1505, 1574 и 1320; делопроизводственного персонала — 7051, 12134 и 6361; работников торговли и сельского хозяйства — 1386, 1322 и 1171. Такова была занятость женщин в уральских городах в конце 1930-х гг.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. Отд. II. М., 1929.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги/под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992.
3. Всесоюзная перепись СССР 1939 года: Уральский регион: сб. мат-лов/сост. В. П. Мотвевич. Екатеринбург, 2002.

Е. С. Рябова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Досуг работающих женщин в крупных городах Центральной РСФСР середины 1950-х — середины 1960-х годов.

О досуге работающих горожанок периода середины 1950-середины 1960 гг. мы узнаем из женской периодической печати, городских вестников, домашних архивов и глубинных интервью с информантками. Впервые о внерабочем времени советских женщин заговорили, начиная с середины 1960 гг. До этого тема женского досуга и увлечений в трудах историков и социологов ни разу не поднималась. Первыми, кто посвятил свой труд, были социологи Л. А. Гордон и Н. М. Римашевская [7], а также Б. А. Грушин [8]. Б. А. Грушин считал, что «досуг» следует понимать как простор для свободной деятельности и развития способностей личности. Исследователь выделил две главные функции свободного времени — восстановление сил человека и его духовное и физическое развитие, а также сформулировал определение: часть внерабочего времени, остающегося после его расходования на разного рода непреложные занятия и обязанности» [8, с. 41]. Однако, несмотря на заметно возросший научный интерес к деталям женской повседневности горожанок с начала 2000 гг, в настоящий момент трудов, посвященных женскому досугу, не так много. Среди них, известная статья профессора Н. А. Пушкаревой [14], в которой она указывала на то, что с наступлением периода «Оттепели», а вместе с тем и утверждением «символической ценности» мужчин, наблюдалось очевидное разделение труда по половому принципу — женщины смещались с руководящих постов, погружаясь в домашние дела. Н. А. Пушкарева подчеркивает, что идеальной советской женщиной в те годы была та, которая должна была отработать в день две смены: в качестве работницы и жены-матери [14, с. 11–12].

При проведении бесед были опрошены десятки горожанок — работающих матерей — двух когорт: 1. Женщины-матери с высшим образованием, сотрудницы школ, университетов и Академии наук СССР. 2. Женщины-матери без высшего образования, трудившиеся на производственных предприятиях. Вопросы интервью с горожанками касались вопросов не только труда и домашней рутины, но и показывали эмоции в их воспоминаниях и интересные, неожиданные моменты из их жизни, спонтанно возникшие в ходе бесед и ярко характеризующие их досуг. «Вы знаете, люди жили не только одной работой! У советских горожан был и досуг» [6], — восклицала одна из наших

респонденток москвичка Татьяна Васильевна. Исходя из определения, досуг — это, прежде всего, деятельность в свободное время вне сферы общественного, профессионального и бытового труда, благодаря которой человек восстанавливает свою способность к труду и развивает в себе в основном те умения и способности, которые невозможно усовершенствовать в сфере трудовой деятельности. Если досуг — это деятельность, стало быть, он не пустое время провождение, не простое бездельничанье и вместе с тем не по принципу: «что хочу, то и делаю». Это деятельность, осуществляемая в русле определенных интересов и целей, которые ставит перед собой человек. Усвоение культурных ценностей, познание нового, любительский труд, творчество, физкультура и спорт, туризм, путешествия — вот чем и еще многим другим может быть занят он в свободное время [9]. В ходе интервью с респондентками были выявлены различные формы и возможности организации досуга советских гражданок — активного отдыха в виде занятий спортом в летнее и в зимнее время, коллективных образовательных и спортивных поездок, посещений выставок, театров и музеев. Статья 119 в X главе Конституции СССР 1936 г. гласила: «Граждане СССР имеют право на отдых», которое обеспечивалось «установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы; предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов» [11]. Чтение книг служило не только эмоциональной разрядкой работниц, но и являлось познавательной деятельностью. Чтение «способствовало расширению культурного кругозора читательниц, воспитанию чувств и проявлению интеллектуальной активности» [10]. Читая дома, на работе в перерыве, в библиотеках и читальных залов в своих городах, советские горожане проводили за этим занятием долгие часы. Книги приобретали в книжных лавках, с удовольствием менялись им с коллегами и соседями, читали в библиотеках.

Горожанки без высшего образования в ходе бесед в качестве главного увлечения называли рукоделие. «Вышивали абсолютно все: дорожки, гладью, ршелье-салфеточки, цветы. Словом, украшали свой быт. Только и слышно было, как стучали подольские ручные машинки! У кого ручная, у кого ножная [8], «кто-то предпочитал ручную вышивку, кто-то машинную, но способов вышивания было множество, правда: гладью, крестиком на скатерках, подушечках — все это я с удовольствием вышивала» [4], — вспоминала рукодельница-работница Галина Ивановна. Ее тетка, Галина Александровна, «занималась активно вышивкой, а лекала и выкройки я всегда брала у мамы, из журналов, которые выписывали, знаете, журнал «Работница»? После работы вышивала крестом, гладью, даже вязала, все умела! Салфеточки, ну знаете, для этажерок вышитые салфеточки такие... подушки все вышитые стебельчатым швом!» [3], — радостно восклицала она.

Представительницам как первой, так и второй когорты, были интересны прогулки в парки и на выставки, проходившие в их городах. «Устраивайте хотя бы в свой выходной день экскурсии и прогулки с детьми в ближайший парк, на озеро, на речку... все это расширяет представления детей об окружающей действительности и выводят их познания за пределы домашней жизни. А вечером хорошо вспомнить, что видели на прогулке» [13], — наставляли родителей редакторы журнала «Работница». Кроме того, одной из составляющих досугового времени советских женщин были организованные поездки от их заводов и фабрик, научных и образовательных учреждений профсоюзы и специально сформированные туристские секции организовывали для работников и работниц культурные, спортивные поездки и обзорные экскурсии.

Женщины с высшим образованием и осуществлявшие интеллектуальный труд в каждой беседе упоминали о семейных походах в театр, чем не могли похвастаться работницы производственных предприятий ввиду недостатка денежных средств, «поскольку билеты были недешевые, особенно не разгуляешься на зарплату заводской работницы» [5], — утверждала Любовь Андреевна. Согласно словам Анны Петровны, «при получке 60 рублей и при оплате съемной квартиры 10 рублей в месяц, нужно как-то было жить» [2]. Билеты в театр и музей денег стоили. На остальные деньги надо было прожить целый месяц» [2], поэтому позволить себе культурно-познавательный отдых ни она, ни ее работницы-коллеги не могли.

Походы за покупками также были отнесены некоторыми информантками к досуговому времяпровождению. Однако, речь идет, прежде всего, не о долгих очередях за кухонным гарнитуром или холодильником. В магазины женщины нередко ходили без какой-либо конкретной цели — во второй половине дня, после работы, иногда в выходные, чтобы «заполнить время, как, например, Клаудия, которая придумала себе ряд дел по дороге — захватила купить масла в латвийском магазине, посмотрела мебель, которая была ей не нужна, остановилась даже возле универмага, чтобы посмотреть материю для нового платья» [12]. Галина Александровна вспоминала, как «иногда ездила в ЦУМ, просто поглазеть: каких там только чашек не было! Я так любила ездить и рассматривать фарфор и стекло на прилавках» [3].

Наше небольшое исследование показало, что о досуге работающие женщины вспоминали эмоционально и с удовольствием. Во время бесед звучали воспоминания об активном отдыхе — о туристических поездках на природу, о выставках и театре, а также о спокойном досуге — чтении и рукоделии. В свое свободное время советские горожанки старались вовлекать мужей, и в особенности, детей. Однако, нередко чтение и рукоделие становилось единственным личным пространством после вереницы трудовых и домашних хлопот.

Поддержано грантом РФФИ 16-01-00136

Литература

1. Архив автора (далее — АА). Александра Васильевна. 1947 г. рождения. Среднее спец образование
2. АА. Анна Петровна. 1937 г. рож. Среднее спец. образование
3. АА. Галина Александровна. 1932 г. рожд. Среднее спец. образование
4. АА. Галина Ивановна 1937 г. рожд. Среднее спец. образование
5. АА. Любовь Андреевна. 1933 г. рожд. Среднее специальное образование
6. АА. Татьяна Васильевна. 1934 г. рожд. Высшее образование.
7. Гордон Л. А., Римашиевская Н. М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М., 1972.
8. Грушин Б. А. Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1967.
9. Досуг как фактор повседневности. http://studbooks.net/679972/sotsiologiya/dosug_faktor_povsednevnosti
10. Ключко Е. М. Центры досуга: содержание и формы деятельности/Е. М. Ключко//Центры досуга. М., 1987. С. 3.
11. Конституция СССР 1936 г. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#10>
12. Лидин Вл. Сестры//Работница. 1955. № 1. С. 7.
13. Пигулевская З. От трех до семи//Работница. 1955. № 5. С. 20–21.
14. Пушкарева Н. Л. Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок//Новое лит. обозрение. Вып. 117. Москва, 2012. № 5. С. 8–24.

Образы работниц швейных ателье Воронежа на страницах газеты «За культурное обслуживание» в конце 1960-х — 1970-х годов

В советской истории период 1960-х — 1970-х гг. является временем массового вовлечения женщин в общественное производство [13, с. 269]. Развитие экономики, рост и совершенствование различных отраслей народного хозяйства диктовали необходимость вовлечения дополнительных трудовых ресурсов, поэтому к 1970 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих СССР составляла 51%, что соответствовало 45,8 млн. человек [14, с. 145]. Тогда же окончательно сложилась специфическая гендерная структура занятости, предполагающая трудовую сегрегацию: асимметричное представление мужчин и женщин в различных профессиональных группах, а также различие возможностей в получении заработка и продвижении по служебной лестнице [1; 2]. К примеру, в таких отраслях, как образование, торговля, общественное питание, сфера бытового и коммунального обслуживания, женщины составляли 65–95% всех работников [3; 15]. Такая высокая концентрация закономерно приводила к формированию гендерно однородных трудовых коллективов, отличавшихся своеобразной спецификой организации и взаимоотношений.

Рассматриваемые в настоящем исследовании коллективы швейных мастерских и ателье также можно отнести к подобным профессиональным гендерно-сегрегированным группам. По данным В. А. Перцева, в Воронежской области в 1970–1973 гг. число мастерских и ателье по пошиву одежды варьировалось в пределах 360–400, а число работников в них составляло в среднем от 6300 до 7400 человек [16, с. 53–54]. Большая часть мастерских располагалась в городах, как в местах большого скопления людей, а персонал в них зачастую был преимущественно или исключительно женский.

Такой вывод, в частности, можно сделать на основе анализа публикаций газеты «За культурное обслуживание» — городского периодического издания, выпускавшегося объединением «Воронежеодежда» с 1968 по 1979 гг., а после изменения названия на «За культуру обслуживания» — до 1991 г. включительно. Оно выходило четыре раза в месяц и содержало массу информации о различных аспектах работы швейных мастерских Воронежа: новостные хроники, материалы о модных новинках, критические заметки и многое другое. Несмотря на профессионально-отраслевую направленность публикаций, газету можно назвать изданием для женщин, так как со временем в ее содержании увеличилась доля статей бытового характера: простые хозяйственные и медицинские советы, рекомендации по развитию хорошего вкуса в одежде, разъяснения тонкостей законодательства в отношении защиты прав женщин и детей и т. д.

Каждый номер газеты является богатым источником материала о работницах мастерских. Большая часть информации представлена в виде кратких заметок или элементов интервью, сопровождающимися коллективными или индивидуальными фотографиями. Данное исследование основано в первую очередь на герменевтическом и дискурсивном анализе визуального наполнения публикаций.

«За культурное обслуживание», как издание профессионального объединения, на первый план выдвинуло стереотипные образы труженицы и матери семейства, характерные для советской прессы предыдущих лет. С одной стороны, швеи, закройщицы и приемщицы изображались в рабочей обстановке с характерными атрибутами, сразу дававшими четкое представление о профессии: швейными машинками, ножницами и отрезами ткани, портновскими лентами. Постановочный характер большин-

ства фотографий минимален, а передаваемая атмосфера приближена к реальной, отражающей безостановочный рабочий процесс. На изображениях мы видим женщин всех возрастов и разной степени привлекательности, с любым типом фигуры, в простой одежде, с аккуратными прическами и минимумом — а чаще отсутствием — косметики [7; 10; 12]. Их взгляды чаще обращены не на зрителя, а в сторону: на соседок, на работу в руках или просто в пространство за кадром; таким образом создается иллюзия присутствия читателя и близкого контакта с ним. Женщины выглядят спокойными, уверенными в себе, сильными и довольными жизнью — их визуальный образ безусловно позитивен и самодостаточен, а кроме того, наполнен эмоциями.

Вербальная составляющая заметок является важным дополнением: пояснения к фотографиям отмечают место работы и конкретную профессию, а также содержат краткую трудовую биографию и стандартное указание на перевыполнение норм выработки. Значительное внимание уделяется общественной активности работниц [9] и гораздо меньше — их семейно-бытовым функциям, хотя в текстах содержится достаточно упоминаний о замужестве и наличии детей у героинь статей. Трудовой коллектив выступает как демократическая модель семьи: в отсутствие мужчин главами и наставницами в швейных бригадах выступают старшие и опытные работницы [4; 8], публикации о них пронизаны мотивами товарищества, сплоченности и взаимной поддержки, психологического комфорта в кругу себе подобных (характерны, к примеру, заметки о молодежных бригадах или рабочем коллективе глухонемых [6; 11]).

Несмотря на профессиональную специфику публикаций, вызванную тематической направленностью издания, среди материалов можно найти дополнительную информацию о досуге и увлечениях работниц, их постоянном самосовершенствовании и повышении образовательного ценза, семейных взаимоотношениях. В результате формируется идеализированный и в то же время обыденно-привлекательный образ жительницы крупного провинциального города, занятой типично «женской» работой и большую часть времени находящейся в сугубо женском коллективе — образ, очень близкий и понятный предполагаемым читателям и читательницам.

Литература

1. Баскакова М. Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. — М.: МЦГИ/Проект гендерная экспертиза, 1998.
2. Белохвостова Н. В. Отраслевая структура гендерной занятости и ее анализ. [Электронный ресурс]//Сервис в России и за рубежом. 2012. 1 (28). URL: http://service-rusjournal.ru/templates/Default/images/electronic_journal/number28/3.doc (дата обращения: 25.04.2018 г.)
3. Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Труд и быт советских женщин. М., Политиздат, 1983. С. 11–145. [Электронный ресурс]//URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/chertihina.htm> (дата обращения: 1.03.2018 г.)
4. За культурное обслуживание. 04.06.1969. № 21. С. 1.
5. За культурное обслуживание. 05.06.1968. № 17. С. 2.
6. За культурное обслуживание. 07.11.1969. № 44. С. 2.
7. За культурное обслуживание. 08.01.1971. № 1. С. 2.
8. За культурное обслуживание. 10.07.1970. № 27. С. 2.
9. За культурное обслуживание. 12.03.1969. № 10. С. 1.
10. За культурное обслуживание. 19.03.1969. № 11. С. 1.
11. За культурное обслуживание. 19.06.1970. № 24. С. 2.
12. За культурное обслуживание. 30.10.1970. № 43. С. 1.
13. Мищенко, Т. А. Динамика социальных ролей трудящейся женщины в СССР как фактор трансформации семейного лидерства (1960-е–начало 1980-х гг.)/Т. А. Мищенко//Известия Ураль-

ского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6 (2). С. 269–278.

14. Население СССР. Справочник/Под ред. А. Я. Боярского. М., Политиздат, 1974.

15. Новикова Э. С., Языкова В. С., Янкова З. Л. Женицина. Труд. Семья (социологический очерк). М., Профиздат 1978. [Электронный ресурс]//URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/nov1r.htm> (дата обращения: 15.03.2018 г.)

16. Перцев В. А. Бытовое обслуживание населения Центрального Черноземья в 1960–1980-е годы//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 48–58.

Р. Н. Сулейманова

*г. Уфа, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимский федеральный
исследовательский центр РАН*

Профессиональная занятость женщин в общественном производстве Башкирии: общие и региональные процессы

Рациональное использование всех ресурсов общества, в том числе трудовых, имеет важное значение в повышении эффективности общественного производства. Не менее важно применение женского труда. Опираясь на материалы Всесоюзных переписей населения 1950-х — 1980-х гг., рассмотрим занятость женщин в общественном производстве, происходившие изменения, обратим внимание на профессиональную структуру их занятости в городах Башкирии. По данным переписи 1989 г., женщины составляли более половины населения в трудоспособном возрасте. Высокой была их доля во всех отраслях экономики, в том числе в промышленности. В рассматриваемый период ведущие ее отрасли в основном были расположены в крупных индустриальных центрах республики, как города Уфа, Стерлитамак, Белорецк, Салават, Ишимбай, Гуймазы и др. В сфере производства в городах были заняты все возрастные группы женского населения. Это было в основном связано с экономическими причинами, а также переменами в условиях жизни и труда, усиливших его экономическую привлекательность. Немаловажную роль в этом сыграли урбанизационные процессы, шедшие ускоренными темпами в послевоенные годы, что ускорило перелив трудовых ресурсов из сферы личного хозяйства в общественное.

В послевоенный период восстановление и перевод народного хозяйства Башкирии на мирные рельсы, затем наращивание темпов развития, прежде всего, промышленности, создали серьезную базу для его дальнейшего ускоренного роста. Это позволило ей в последующем превратиться в один из развитых индустриально-аграрных регионов советской страны. Происходили в эти годы не менее важные изменения в использовании трудовых ресурсов в сфере производства, в частности женщин, как количественные, так и качественные. В середине 1950-х гг. темпы роста женского труда в различных отраслях общественного производства усиливаются. В 1960 г. он составлял 47%, в промышленности — 45%. В 1970 г. уже составил 51 и 50% соответственно, в конце 1980-х гг. — 51,3 и 49,4%.

Важной предпосылкой происходивших серьезных сдвигов в применении женского труда являлось повышение общеобразовательного уровня работавших женщин. Так, в материалах переписи 1959 г. показатели численности женщин с высшим образованием в городах превышали в 6,2 раза довоенные. Такие же тенденции были харак-

терны для показателей уровня среднего и неполного среднего образования женщин в городах. Наряду с расширением круга профессий, освоенных женщинами, возрас- тала их доля среди работников высшей и средней квалификации. Повышался этот по- казатель у занятых в промышленности женщин. В этом немаловажную роль сыграла общая система мер, направленная на организацию и расширение возможностей полу- чения образования. Рост их профессионального уровня, производственной активности в эти годы был значительным.

Широкое использование женского труда в общественном производстве в рассматри- ваемые годы стало возможным благодаря развитию технического прогресса, внедрению в производство автоматизации и механизации технологических процессов, которые вели к облегчению женского труда. С другой стороны, этому способствовали также меры госу- дарства по социальной поддержке работающих женщин. Все это позволило расширить использование женского труда в отраслях тяжелой индустрии, где он прежде был незначи- тельным. Так, в Уфе на нефтеперерабатывающем, химическом заводах значительную часть занятых составляли женщины. Такой же процесс имел место на предприятиях в Стерли- тамаке. Произошли изменения в профессиональном составе тружениц. Из 211 основных профессий, распространенных в промышленности, женщины были заняты в 181. Увели- чивалась их доля среди работников в отраслях нематериального производства, как образо- вание, культура, здравоохранение, наука и пр.

Немало мер принималось для организации повышения профессионально-квали- фикационного уровня работавших в сфере производства, прежде всего промышлен- ности, женщин. Несмотря на это, он был ниже, чем у мужчин. В большинстве отрас- лей. За небольшим исключением, средний тарифный разряд рабочих-мужчин был выше на 1,5 разряда. По результатам обследований предприятий в индустриальных центрах — городах Уфе, Стерлитамаке, Октябрьском, Туймазах, обнаружилось, что женщины составляли среди высококвалифицированных рабочих 29,5%, неквалифици- рованных — 78,5%, у мужчин, соответственно, 70,5% и 21,5%. Это указывало, что квалификационный рост у женщин шел более медленными темпами. Так, в г. Ок- тябрьский на заводе «Нефтеавтоматика» в повышении тарифного разряда участвовало свыше 31% мужчин и лишь 12% женщин.

Это было связано с различными причинами. Прежде всего, недостатки и проблемы в области профессиональной ориентации и подготовки женских кадров для всех отраслей народного хозяйства в эти годы в известной мере отражали имевшиеся негативные мо- менты в структуре женской занятости, которая формировалась под влиянием специфиче- ских условий острой нехватки мужской рабочей силы в послевоенный период. Основная масса работающих женщин медленно повышала свой квалификационный уровень, неиз- бежным следствием которого являлось дальнейшее отставание их квалификационного уровня, что отражалось на качественном использовании их труда на производстве, на что в основном влияло увеличение затрат труда в семейно-бытовой сфере. Несмотря на изме- нения и впечатляющие показатели в применении женского труда в общественном произ- водстве, этот процесс в рассматриваемые годы протекал неравномерно и противоречиво. В одних отраслях их удельный вес среди работников рос, в других снижался, зачастую эти ресурсы оставались не до конца использованными. Хотя рост занятых женщин в городах был значительно выше, чем на селе, в городах Кумертау, Салават, Нефтекамск, Туймазы они составляли от 54 до 55,2%, в городах Бирск, Белорецк всего 44% в общем числе занято- го населения. Также неравномерной была насыщенность дипломированными специали- стами женщинами в различных отраслях производства.

Безусловно, изменения в профессиональной занятости женщин в сфере общественного производства в городах, как и в целом в народном хозяйстве Башкирии, в рассматриваемые годы характеризовались рядом положительных моментов. В то же время статистическими данными подтверждается, что их доминирующее положение в общем числе работников в различных отраслях сохранялось в эти годы.

Литература

1. Женщины в Башкирской АССР 1987 г. Стат. материалы. Уфа, 1988.
2. Население Башкирии по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990.

Л. С. Быша

г. Тверь, Тверской государственный университет

Повседневное конструирование рабочего и семейного пространства «работающей матери» (в исследовании Л. Ламфер)

Л. Ламфер (р. 1940), американский антрополог, профессор антропологии Университета Нью-Мексико, сравнивает опыт мексиканских и английских матерей, занятых на фабриках в Альбукерке (США, штат Нью-Мексико). Трудовая сфера женщины представляется автором как неотъемлемая часть ее повседневной жизни, синкретически привязанная к браку и семейным отношениям. Женщина предстает в этом контексте в нескольких трудовых ролях: а) наемный работник (часто на ранних этапах брака); б) второстепенный кормилец в семье, где муж зарабатывает больше, чем жена (обычно в поздних браках); в) экономическая опора (если у ее мужа неустойчивая трудовая история); г) или единственная поддержка детей после развода или ухода мужа из семьи. Каждая категория представляет собой разную взаимосвязь занятости женщин с общей семейной экономикой [1, р. 59].

Объединение семейного и трудового статуса в одну гендерную роль становится для женщины поиском иного пространства для реализации: «The hardest part of a working mother's life is trying to extend yourself over everything. You want to give 100 percent at work, you want to give 100 percent at home, you want to give 100 percent to your kids, and you can't do that always». D. Garcia, age 28, skills trainer [1, p. 9] («Самое трудное в жизни работающей матери — выйти за рамки себя. Вы хотите отдаваться на 100 процентов работе, на 100 процентов дому, на 100 процентов своим детям, но вы не можете пребывать в таком ритме постоянно». Д. Гарсия, 28 лет, инструктор). «Работающая мать» становится социально обусловленным конструктом повседневности, не столько объединяющим в себе две разноплановые социальные категории и миссии, сколько создающим из них целостную, внутренне не разрывную жизненную модель, согласно которой женское пространство не ограничено внешне обозначенными рамками (семьи, профессии и т. д.), но может существовать вне этих рамок, генерируя иные, независимые от них смыслы. Иными словами, статус работающей матери привязан скорее к когнитивной сфере восприятия женщины и является проекцией ее внутренних приоритетов, убеждений и стремлений, независимо от того, является ли она матерью и включена ли в трудовую процесс.

Трудовая сфера предстает как самоценность, а наличие работы замыкает некий жизненный микроцикл женщины, тогда как ее отсутствие вырывает ее из устойчивого цен-

ностно ориентированного контекста: «When I get a job, I hang onto it. I'd rather hold a job than go look for a job. Even if it does frustrate me and get on my nerves». М. Pike, age 22, stitcher [1, p. 9] («Если я получаю работу, то держусь за нее. Я бы предпочла устроиться на работу, чем искать ее. Даже если это меня расстраивает и нервирует»). М. Пайк, 22 года, строчильщица). Существование вне рабочего плана обнажает в этом смысле более негативные коннотации, нежели ощущение себя частью такового, даже не отвечающего внутренним потребностям эффективной и успешной самореализации.

Приведенные Л. Ламфер примеры одних из самых активно работающих матерей (М. Пайк и Д. Гарсия) говорят о характерной для многих попытке примирить противоречия, присущие двойной жизни в подобных условиях. Данные противоречия можно обозначить как борьбу за статус, который потерян или еще не обретен. Например, в ситуации освоения новой работы М. Пайк, с одной стороны, заинтересована в получении должности, с другой, переживает утрату своего материнского статуса с появлением няни.

Как пишет Л. Ламфер, «the ways that working mothers mediate the contradictions they find both in the workplace and in combining work and family evolve through the «practice» of everyday life: they constitute a set of tactics, strategies, negotiations that differ among families and within and between different ethnic populations» [1, p. 11] (средства, опосредованные противоречиями, которые работающие матери находят как на рабочем месте, так и в совмещении работы и семьи, эволюционируют через «практику» повседневной жизни: представляют собой набор тактик, стратегий, контактов, которые различаются между семьями, различными этническими группами и внутри них»). При этом данный набор будет обусловлен самой системой организации рабочего пространства, его иерархичностью или совместностью, уровнем участия в команде, стилем управления, формой доходов супруга и, кроме того, будет соответствовать национальным стереотипам.

Повседневное конструирование рабочего и семейного пространства женщины («the everyday construction of work and family») таким образом встраивается в ряд идентичностей, маркирующих класс, этническую принадлежность и пол, создавая условные типы, как, например, «working-class-Hispana-single mother» (одинокая мать-испанка рабочего класса) или «middle-class-single-Anglo-professional woman» (одинокая англичанка среднего профессионального класса). Данные маркеры могут меняться как в течение всего жизненного цикла женщины, так и в рамках определенной сконструированной категории, такой как «рабочий класс» или «Hispana».

Литература

1. Lamphere L., Zavella P. *Sunbelt Working Mothers: Reconciling Family and Factory*. Cornell University Press, 1993.

Л. С. Ржаницына

г. Москва, Институт экономики РАН

Работающие москвички, их труд сегодня

Тема о женщинах, живущих в городе, то есть «о «горожанках», достаточно трудна для экономического анализа в связи с особенностями исходной информации. Дело в том, что статические показатели по женщинам не привязаны к месту жительства, особенно к городу, а как правило, к субъекту Федерации. Поэтому практически, без

особых исследований, можно представить только положение горожанок в Москве и СПб, которые как раз и являются соответствующей административной единицей.

Более того, имеющаяся информация неудачно дифференцирована с гендерных позиций — нет конструкции, типа «город, в том числе женщины-мужчины» и «село, в том числе женщины — мужчины». Применяется формула отдельно «город-село» и отдельно «мужчины-женщины» и сочетать их невозможно без дополнительной расшифровки первичных данных, которыми эксперт не располагает.

К тому же разное внимание уделяется сферам жизни, больше всего учтена сфера труда. Отсюда, наша тема касается работающих женщин в Москве, но, к сожалению, ее нельзя сравнить с работающими женщинами Нижнего Новгорода. Последний, не имея статуса субъекта РФ, по действующей методике включен в Нижегородскую область. Отсюда будем действовать по возможности.

И в Москве (М) в Нижегородской области (Н) женщин больше, чем мужчин (в области их доля даже несколько выше...). Работающих среди женщин в М. — 72%, среди мужчин — 81,4%, в Н. ниже — 76,5% и 67,1%. Тем самым столичные горожанки заняты в экономике больше, чем провинциалки.

Но они и зарабатывают больше. В октябре 2017 г оплата труда москвичек в среднем 73,6 тыс. руб., мужчин — 88,1 тыс. руб. При этом профессиональная перепись 2017 г. показывает, что в Москве специалисты высшей квалификации в основном женщины, мужчины здесь отстают.

Естественно, что зарплата в Нижегородской области много ниже, чем в Москве, в 2017 г. в среднем он составляла порядка 30 тыс. руб. Стоит обратить внимание, что женщины в М. отстают от мужчин всего на 16%, тогда как Россия в целом на 32%. Однако в годовых отчетах за 2017 г. эта разница по полу к счастью, меньше — 29,3%.

Стоит напомнить, что за рубежом государство проводит политику выравнивания гендерных различий в заработной плате. Так, в Великобритании вступил в силу новый закон, требующий от компаний во всех секторах экономики отчитываться о разнице в оплате труда работающих у них мужчин и женщин. В течение года все работающие в Великобритании компании с числом сотрудников более 250 человек должны будут сообщить властям данные об оплате труда мужчин и женщин, включая средний уровень зарплаты, число работающих мужчин и женщин, соотношение числа мужчин и женщин в разных зарплатных категориях, разницу в размере бонусов и число мужчин и женщин, получающих бонусы. Под новые требования подпадают все без исключения компании, независимо от того, являются ли они частными, государственными или некоммерческими структурами. Число таких компаний в Великобритании оценивается примерно в 9 тыс., а число работающих в них сотрудников превышает 15 млн. человек. По нашему мнению, потребность в подобных мерах по сокращению дискриминации, безусловно, назрели и у нас в России.

Вместе с тем, современная женщина исполняет не только профессионально-трудовую функцию, но и семейно-материнскую (см. Таблицу). Как видно из таблицы, маленькие дети у работающих есть от 2-х лет, которым требуются ясли, практически исчезнувшие в связи с выполнением задачи обеспечения детскими садами детей в возрасте от 3-х до 8-ми лет. Эта ситуация объединяет Москву с Нижним Новгородом, как и надежда на ее решение по заданию Президента.

Есть еще одна проблема общая для всех горожанок — перегрузки от совмещения профессионального и домашнего труда, затрат на воспитание детей, на уход за нетрудоспособными членами семьи. В результате, по учету Росстата суточного времени у женщин остается 2 часа свободного времени в день, тогда как у мужчин в 2 раза боль-

ше — 4 часа. По Марксу же (ныне вновь востребованному в теоретическом осмыслении подобных социальных процессов), истинным богатством общества является не рабочее, а свободное время. Полагаю необходимым поставить вопрос перед Росстатом о включении в Программу статработ темы о значимости гендерного индикатора при разработке действующих показателей в качестве одного из их составляющих. В случае согласия будет представлено соответствующее обоснование.

Н. В. Досина

*г. Ярославль, Ярославский филиал Ленинградского государственного университета имени
А. С. Пушкина*

Современная российская женщина в реалиях гибкого производства

Актуальность проблемы связана с изменением характера рынков, продукция которых определяется сегодня понятием специализации, поскольку потребитель стремится к большему разнообразию индивидуальности и новизне: массовые городские рынки разбиты на многочисленные специализированные рынки. Понятие гибкости связано с характером производственных систем: новые технологии, в частности, компьютеризация, позволяют программировать работу широкоспециализированного оборудования с целью производства множества различных изделий в небольших объемах. Гибкая специализация является функцией информационного общества, способствует развитию малых форм хозяйствования. Это гибкое производство, умеющее быстро реагировать на изменение рыночных условий.

Термин «разделение труда», который теперь относится к процессу осуществления работы, заставляет воспринимать его как нечто большее, чем распределение людей по отраслям. Анализу подлежит процесс, охватывающий также дискуссии, переговоры, которые происходят с целью достижения и поддержания разделения труда и выполнения задач, которые с ним связаны. Внутри контекста правительственных и других постановлений, социальной компетентности, следствий предпринятых действий необходимо располагается процесс согласительных действий/взаимодействий гендерных групп по поводу разделения труда. Информационному обществу требуются социальные группы, способные к принятию идеи союза полов.

Теория гибкой специализации предусматривает следующие изменения в характере труда: а) наличие феномена, скорее, перекавалификации, а не декавалификации работников; б) рост зарплаты в связи с производством большего объема прибавочной стоимости и необходимости привлечения квалифицированных работников; в) гармонизация отношений, в том числе гендерных; г) большее удовлетворение от работы, сопряженной с большей свободой действий, независимостью в принятии решений. Все это требует адекватного восприятия действительности, соединенности теоретического и практического разума, понимания тенденций эволюции распространенных в обществе ценностей. Качество движения, развития информационного общества обеспечивается количеством и качеством взаимодействий элементов системы сбора, оформления и передачи информации, а также состоянием компетенций — профессиональных, коммуникативных и социальных — включенных в процессы функционирования и развития социальных/гендерных групп.

К формальным признакам вступления в информационное общество относятся следующие: 1) численность работников, занимающихся производством и обработкой информации, доведена до половины и более всех трудовых ресурсов; 2) построена система глобальной коммуникации общества. Показателем информационного общества является огромный перечень организаций, предоставляющих информационные услуги, организаций, совмещающих производство информации и информационные услуги. Их состояние, тенденции развития, результаты деятельности показывают, как изменяется профессиональная структура общества, какими новыми чертами характеризуется «рабочая сила» в обществе информационного типа, насколько применим в нем труд представителей разных гендерных групп.

Социальная практика реализации гибкого производства во всех странах, включая Россию, показывает, что особенности полов играют все меньшую роль при решении вопросов занятости в нем и профессионального самоопределения. Но об информационном обмене можно говорить только в том случае, подчеркивают все авторы, если передача информации от одного объекта к другому является не косвенным феноменом, а сутью происходящего процесса, если она касается общественной жизни, институтов, связана с управлением. Скорость технологических инноваций в продуктах и процессах наряду с демографическими изменениями увеличивает важность адаптационного и производственного обучения. Эта потребность ведет ко второму глобальному фактору: обновлению традиционной образовательной системы. Основные факторы, стимулирующие участие женщин в гибком производстве — уровень и качество высшего профессионального образования, а также мероприятия по усилению государственного воздействия на качество семьи.

Повышается необходимость оптимального сочетания государственных и негосударственных образовательных структур с внутрифирменными системами повышения квалификации персонала в рамках реализации региональных программ развития семьи и повышения ее качества. Нужен и контроль эффективности соответствующих мероприятий. Иначе говоря, основным средством, обеспечивающим эффективность развития региональной семьи, конечно, является разработка и реализация соответствующей концепции управления, составной частью которой является программа по улучшению качества жизни населения региона. Можно утверждать: чем шире число участников программы, тем больше шансов на ее успех.

Разного рода правительственные постановления, принятые в России на рубеже XX—XXI веков, дают женщине возможность получить современное образование, работу по специальности, сделать карьеру. Но общественным мнением женщина все же ориентирована на первоочередное выполнение видов хозяйственной деятельности в семье. Соответственно, основными требованиями женщин к работе становятся удобный график работы, близость к дому, гарантированная оплата труда, стабильность. Получается, что биологическое обоснование гендерной субординации мужчин и женщин в экономической сфере закрепляет традиции патриархата, видимые тогда, когда, по выражению Р. Эренберга, «к работникам, обладающим одинаковыми характеристиками по признаку производительности, относятся по-разному из-за того, что они относятся к разным демографическим группам». Это различие, на мой взгляд, в немалой степени еще закреплено институционально и, как показывает практика, продолжает быть базисным принципом классификации людей, не отвечает социально-экономической природе становления информационного общества: объективно возможности расширяются, а субъективно трудности возрастают и для женщин, и для мужчин. Многообразие изучаемых ситуаций показывает, что в экономической сфере

изменения должны не просто сводиться к упорядочению деятельности таких институтов, как разделение труда, собственность, деньги, банки, различные хозяйственные объединения, а демонстрировать связанное с ними развитие.

Литература

1. Азрилиян А. Н., *Большой экономический словарь/под ред. А. Н. Азрилияна. 4-ое изд. Доп. и перераб. М.: Институт новой экономики, 1999.*
2. Аргунова В. Н. *Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново: Иван. Гс. Ун-т, 2004.*
3. Лапин Н. И. *Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций//Мир России. 2006. № 2.*
4. Липсиц И. В. *Экономика. Учебник. М.- Л, 2006.*
5. *Роль технологии государственного форсайта в решении демографических проблем//О влиянии государства на развитие демографических процессов. Ярославль, 2010.*
6. Панкратова Е. В. *Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона. На примере г. Иваново. Ниж. Новгород, 2008.*
7. Розов Н. С. *Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета//Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 50–67.*
8. Хайдеггер М. *Пролегомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 44.*

Н. Н. Красовская

г. Минск (Республика Беларусь), Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета

Профессиональная занятость в современном обществе: гендерный аспект

Среди актуальных социальных проблем современных женщин в первую очередь следует выделить проблемы их профессиональной занятости и социально экономического благополучия. К сожалению, по отношению к женщине в современном обществе реализуется своеобразный «двойной стандарт». С одной стороны, мы имеем существенные достижения в области социальной защиты женщин: декретные отпуска, больничные по уходу за ребенком, различного рода пособия и т. д. С другой, женщину, оказывается, невыгодно держать на работе, она успела стать «нерентабельной» и даже «убыточной» в условиях рынка, ей необходимо предоставлять те или иные льготы, выплачивать социальные пособия. Поэтому наниматели и стремятся, насколько это возможно, ограничивать применение женского труда, и женщины, будучи наименее защищенной рабочей силой, в первую очередь пополняют ряды безработных.

Сегодня так называемое «женское равноправие» вкупе с «равной оплатой за равный труд» обернулись на деле беспрецедентным унижением женщины, к которой общество, по сути, стало предъявлять такие же требования, что и к мужчине, словно забыв о ее главном и великом призвании деторождении. Зачастую на женщину ложится вся забота о социально экономическом положении семьи, детей. Особенно в неполных семьях, в которых единственным кормильцем является женщина, где всего один трудовой доход, который, как правило, значительно меньше мужского. А взять семью, которым вообще приходится жить на пособие по безработице или на пособие

на ребенка. Все это во многих случаях вынуждает женщин ставить на первый план материальные соображения и принимать решения о найме на работу с тяжелыми и вредными условиями труда.

К женщинам в оранжевых костюмах, развинчивающим рельсы или асфальтирующим улицы, мы хоть достаточно и привыкли, но все же воспринимаем как нонсенс. Поэтому более тяжелые условия труда компенсируются относительно высокой зарплатой. А кроме того, женщины не хотят уходить с тяжелых и вредных работ еще и потому, что это обстоятельство законодательно дает им право более раннего выхода на пенсию.

Как видим, многие чисто мужские профессии сегодня оказались по плечу женщине, так же, как и мужские социальные роли стали образом жизни для миллионов женщин. Женщины, работающие полный рабочий день, все также выполняют большой объем домашних дел, несут основную нагрузку по уходу за детьми и их воспитанию. При этом женщины, занятые выполнением необходимой для семьи работой, не имеют за нее оплаты. В современном же обществе статус человека нередко приравнивается к его способностям зарабатывать деньги. В сложившейся ситуации женщины страдают от недооценки своего экономического статуса.

При этом современный рынок труда не всегда позволяет женщине оптимально сочетать свои потребности в трудовой и домашней сфере, превращая зачастую материнство, заботу о семье, воспитание детей в нечто второстепенное, в своего рода «хобби», что крайне негативно сказывается на семье, на взаимоотношениях между ее членами: приводит к снижению порога терпимости, росту психологического напряжения в семье, ссор, семейных конфликтов, внутрисемейного насилия, разводов и т.д.

В психологическом плане женщины очень тяжело переносят психологический и моральный дискомфорт, материальную неустроенность. Поэтому обусловленные социальными бедами депрессии, стрессы способствуют ухудшению как физического, так и психического здоровья женщин.

Как видим, несмотря на принимаемые меры, положение женщин остается достаточно сложным. Дискриминация по признаку пола остается реальностью, т.к. ни в одном обществе женщины не располагают теми же возможностями, что и мужчины. А укоренившиеся традиционные представления о роли женщин и мужчин сдерживают принятие мужчинами на себя большей ответственности за социальное воспроизводство (уход за детьми, больными...) и инициативу женщин во внесемейной деятельности. На наш взгляд, сказывается не только наличие стойких стереотипов в отношении социальных ролей мужчин и женщин, а также неготовность общества в целом и, зачастую, лиц, принимающих решения в частности, к восприятию новой концепции равных возможностей. К тому же в обществе практически отсутствуют механизмы, обеспечивающие возможности привлечения к ответственности за дискриминационные действия в отношении женщин.

И.О. Шевченко

г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Горожане и их работа: чем удовлетворены, о чем беспокоятся

Города, особенно крупные, во все времена привлекали амбициозных и целеустремленных людей. Именно города, помимо прочих радостей городской жизни, представ-

аля и представляют возможности самореализации в профессиональной сфере и работу с достойной заработной платой, являясь объектами притязаний самых активных и центрами миграционных движений.

Для подготовки доклада использованы данные исследований: 1) «Жизненный мир россиян (1990–2010-е гг.)». Исследование проведено коллективом социологического факультета РГГУ в октябре 2014 г. п/р Ж.Т. Тошченко, N=1750, выборка всероссийская, пропорционально-квотная. Метод — анкетирование. 2) «Жизненный мир: как живешь, интеллигентия?». Проведено весной 2016 г. N=1350, выборка всероссийская, пропорционально-квотная. Метод — формализованное интервью. Из массива данных были выделены жители городов в соответствии с классификацией (согласно Росстату): мегаполисы, областные, краевые, республиканские центры, районные центры. Мы будем сопоставлять представления и устремления горожан в области труда и работы, привлекая данные по всероссийской выборке для сравнения.

Важность работы. 69,4% жителей России указывают, что работа для них очень важна (третье место после семьи и здоровья). Среди горожан из мегаполисов таких 78,6%, среди жителей областных, краевых, республиканских центров (далее — жители областных городов) — 67,9%, районных центров — 63,8%. При этом всего 19% россиян считают, что социальное положение и престиж человека в нашем обществе определяют сегодня «личные достижения в образовании и профессиональной подготовке». Среди горожан из мегаполисов таких 19,8%, среди жителей областных городов — 21,3%, районных центров — 21,1%. Ответы на эти вопросы не зависят от возраста респондентов, их образования. Мы ушли от советского общества, где человек получал образование и продвигался по социальной лестнице благодаря личным усилиям Ядов, 2003, но так и не пришли к модели трудовых или карьерных достижений как следствию высокого профессионализма.

Смысл работы. В общественном сознании россиян осталось более глубинное смысловое отношение к работе. Нами задавались вопросы о том, как жители России относятся к работе в форме согласия или несогласия с предложенными высказываниями. 63,8% согласились, что «без работы человек становится лентяем, нахлебником». Таким образом, это высказывание можно назвать смыслообразующим, т.е. целью-принципом жизненного мира человека *Жизненный мир...*, 2016; Тошченко, 2016. Относительно того, что «работа есть обязанность перед обществом», мнения разделились: полностью согласны с этим утверждением 36,3%, 43,3% — не совсем согласны. Вероятно, это означает, что работа стала личным делом каждого. Общество больше не вправе обязать человека работать. В глобальном плане происходит отчуждение человека от труда на благо общества. Мы работаем на себя и для себя. Но у россиян осталось убеждение в необходимости работы. Вместе с тем, жители мегаполисов гораздо менее социально ориентированы: среди них согласных с тезисом, что «работа есть обязанность перед обществом» всего 19,3%, (среди жителей областных городов таких 36,2%, районных центров — 37,5%). Также среди жителей мегаполисов также меньше всего согласных с тем, что «без работы человек становится лентяем, нахлебником» — 46%, (среди жителей областных городов таких 68,7%, районных центров — 66,1%).

Работа и доходы. Что важно и является главным мотивом работы для россиян сегодня — это получение дохода. Заработная плата на основном месте работы является основным/единственным источником доходов для большинства. Среди горожан из мегаполисов таких 74,3%, среди жителей областных центров — 63,2%, районных — 70,1%. Часть работников работают дополнительно на основной работе или подрабатывают на сто-

роне (18,7% указали, что им приходится подрабатывать регулярно, 29,5% — приходится, но нерегулярно). Среди горожан из мегаполисов таких 16,6% и 40,6%, среди жителей областных городов — 17,9% и 27,6%, районных центров — 17,9% и 25,6%.

Справедливо ли оплачивается их труд? 24,7% работников считают, что несправедливо. Еще 39,6% отметили, что не всегда справедливо. Мнение жителей городов относительно справедливости оплаты их труда не слишком отличается от россиян в целом (от 17,1 в мегаполисах до 23,5% в областных городах считают, что несправедливо, от 34,4 в областных городах до 49,2% в мегаполисах — не всегда справедливо). Конечно, справедливость в оплате труда — это вопрос сложный (Черныш, 2014), субъективные оценки не всегда соответствуют действительности. Но если сопоставить ответы этот вопрос с количеством нуждающихся в дополнительном заработке, становится ясно, что мнение респондентов отражает реальную картину.

Удовлетворенность работой. Среди горожан из мегаполисов полностью удовлетворены своей работой 13,4%, среди жителей областных городов — 15,2%, районных центров — 19,4%. «В целом удовлетворены, но не во всем» среди горожан из мегаполисов 49,7%, среди жителей областных городов — 42,8%, районных центров — 44,6%. На удовлетворенность работой влияют несколько факторов. Это субъективные оценки справедливости оплаты труда, а также возможность влиять на принятие важных решений в организации [Эфендиев, Балабанова, 2012], ведь это повышает идентификацию работников со своей организацией. Среди горожан из мегаполисов могут влиять на принятие решений в своей организации 6,4%, среди жителей областных городов — 7,8%, районных центров — 6,1%. На удовлетворенность работой оказывает влияние соответствие выполняемой работы образованию. Среди горожан из мегаполисов образование полностью соответствует у 36,9, у 35,3% — соответствует частично, среди жителей областных городов — 32,1 и 23,9%, районных центров — 38 и 26,6%. Ситуация не так плоха, как могло бы показаться.

Проблемы на работе. Какие проблемы и сложности волнуют россиян на работе (т.е. непосредственно в организации или учреждении)? Все горожане опасаются потерять работу. Среди горожан из мегаполисов таких 31%, среди жителей областных городов — 16,9%, районных центров — 19,7%. Это самый большой страх горожан из мегаполисов вообще. С чем это связано? Мы можем предположить, что с высокой конкурентностью на рынке труда, неустойчивой занятостью и значимыми материальными проблем (к примеру, необходимостью платить за съемную квартиру). Это большая цифра, отражающая «турбулентное» состояние рынка труда и кризисное состояние экономики России. И это фактор социального напряжения. На втором месте — неясность в оплате труда (для горожан из мегаполисов — 23,5%, жителей областных городов — 18,7%, районных центров — 22,1%). Задержки выплат, непрозрачная схема начисления, «серые» зарплаты стали повседневностью россиян и вносят ноту серьезного напряжения в их жизнь. Следует учитывать и невысокий размер оплаты труда. Трудностью для горожан является удаленность работы от дома, это особенно напрягает горожан из мегаполисов — 17,6% и областных городов — 16%. 15,4% россиян указали, что у них нет перспективы в работе, профессиональной карьере. Среди горожан таких чуть меньше (для горожан из мегаполисов — 12,8%, жителей областных городов — 14,6%, районных центров — 15,5%). Это также является отражением ситуации на рынке труда, низкого качества рабочих мест и экономической стагнации. Этот фактор связан и с удовлетворенностью трудом. 16% жителей мегаполисов указали на отсутствие нормальных отношений с руководством (среди жителей областных

городов таких 6,2%, районных центров — 9%). На плохие отношения в коллективе указали немногие (здесь снова выделались жители мегаполисов), это важный момент, поскольку отношения с коллегами часто выступают противовесом и невысокой заработной платы, и отсутствия перспектив. Помимо вышеперечисленных, были указаны проблемы: отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания; плохие условия труда; плохая организация труда; работа не нравится (однообразный, неинтересный труд). Все это говорит о низком качестве рабочих мест, уходе работодателя от социальной ответственности.

Выполнено при поддержке гранта РНФ 18–18–00024 «Прекариат: Новое явление в социально-экономической структуре общества».

Литература

1. *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.). Монография/Под ред. Ж. Т. Тощенко. ЦСПиМ, 2016.*
2. *Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003.*
3. *Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы//Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.*
4. *Черныш М. Ф. Справедливость заработной платы в российском контексте//Социологические исследования. 2014. № 8. С. 78–89.*
5. *Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С. Человеческое измерение» российского бизнеса: к демократически-гуманистическому типу социальной организации фирмы//Социологические исследования. 2012. № 7. С. 43–54.*

А. Е. Звонарева

г. Иваново. Ивановский государственный университет

Конструкторы «Лего» как инструмент гендерной и профессиональной социализации девочек

В дошкольном возрасте основным видом деятельности ребенка является игра, в процессе которой ребенок тренирует свои будущие социальные действия. Поэтому выбор игрушек для ребенка имеет большое значение. Сегодня одной из самых популярных серий игрушек является конструктор «Лего». Данная компания определяет цель своей деятельности следующим образом: «Мы хотим прокладывать новые пути в области игр, игровых материалов и бизнес-моделей игры, эффективно используя преимущества глобализации и цифровизации. При этом речь идет не только о продукции, но и о раскрытии человеческих возможностей. Наша конечная цель — развивать и побуждать детей к творческому мышлению, систематическим умозаключениям и раскрытию своего потенциала для формирования их собственного будущего через опыт реализации безграничных возможностей человека» [7].

Психологи, анализируя процесс выбора человеком «жизненного сценария», утверждают, что самые важные решения он принимает именно в детстве [2,5]. В этот период так же происходит и гендерная социализация, исследователи которой постулируют важную роль игрушек в формировании образа будущего в сознании ребенка [1,3]. В связи с этим, возникает необходимость исследования серий игрушек, для понимания того, каким образом они смогут повлиять на выбор будущей сферы деятельности для ребенка. При этом современный анализ учебной литературы для дошкольников

и младших школьников показывает, что в ней транслируются традиционные профессиональные модели [4].

Женщины в конструкторах «Лего» представлены как исполнительницы традиционных женских ролей, так и в тех ролях, которые необходимо осваивать женщинам, для успешного вхождения в общество будущего. Это, прежде всего, касается цикла женских профессий и фантастических образов «супер-героинь» и «злодеек».

Цель нашего исследования заключается в анализе содержания профессий, представленных в конструкторах «Лего» на предмет их соответствия гендерному подходу в формировании профессиональной ориентации детей дошкольного возраста. Анализу будут подвергнуты две серии «Duplo» и «City». Первая предназначена для детей от полутора до пяти лет, вторая для детей старше пяти лет.

В серии «Duplo» мы можем наблюдать следующие женские профессии: фермер (наборы «Фермерский рынок», «Конюшня на ферме», «Мой первый трактор»); воспитатель (набор «Детский сад»); домохозяйка (набор «Семейный дом»); летчица (набор «Аэропорт»); врач (набор «Скорая помощь»). Таким образом, в данной серии женщины представлены в традиционных профессиональных ролях, исключая профессию летчицы. Эту ситуацию можно объяснить тем, что для ребенка этого возраста целесообразно выбирать знакомые образы из своего окружения.

Более разнообразный набор женских профессий, которые могли бы ориентировать девочек на STEM образование, а мальчиков на то, чтобы воспринимать присутствие женщин в таких областях жизни как науку, представлены в серии «City». Она посвящена современной городской жизни с ее проблемами, современной науке, космическим разработкам и т.п. В данной серии женщины представляют следующие профессии: специалист по сносу зданий («Шахта»); ученый, ученый-геолог («Исследователь вулканов», «Космос», «Тяжелый бур для горных работ»); инженер («Грузовой терминал»); исследователь в передовой лаборатории («Исследователь джунглей», «Вертолет исследователей моря» и т.д.); космонавт («Женщины НАСА»).

Отдельно стоит отметить набор «Женщины НАСА». Он представлен на сайте следующим текстом: «Кто сказал, что девочкам интересны только куклы и наряды. Покажите им удивительный набор LEGO «Женщины НАСА», посвященный пятерым выдающимся сотрудникам аэрокосмического агентства: астронавтам Мэй Джемисон и Салли Райд, программистке Маргарет Гамильтон, астроному Нэнси Грейс Роман и математику Кэтрин Джонсон. Узнайте больше об их исследованиях, вдохновитесь идеями и, как и они, никогда не пасуйте перед препятствиями. Постройте телескоп «Хаббл» вместе с Нэнси, может быть, вам удастся обнаружить новую галактику и пронаблюдать разные любопытные космические явления. Попробуйте себя в программировании вместе с Маргарет, разработайте эффективное программное обеспечение для будущей миссии — Земля будет вам благодарна. А может быть, вы всегда мечтали о межпланетных приключениях? Тогда попросите поделиться с вами опытом Салли Райд, которая стала первой американкой в космосе. Не забудьте про Мэй Джемисон, первой темнокожей жительнице США, слетавшей в космос. Все они — прекрасный пример для подражания, ведь эти женщины доказали, если чего-то хотите по-настоящему, работать упорно и быть смелыми — невозможного не будет» [6].

Так же в данной серии представлены те профессии, которые не являются традиционно женскими, что позволяет сформировать как у девочек так и у мальчиков понимание возможности того, что женщины могут работать в этих сферах: полицейский

(«Погоня в горах», «Полицейский участок», «Ограбление на бульдозере», и т.д.); гонщик («Гонимая команда»); работник автозаправки («Грузовик для перевозки драгстара»); сотрудник береговой охраны («Береговая охрана»); сотрудник дорожной службы («Уборочная техника»); водитель, водитель погрузчика («Перевозчик вертолета», «Грузовой поезд»). Таким образом, женские персонажи серий «LEGO» могут помочь девочкам в формировании стремления работать в тех профессиях, которые будут востребованы в будущем, а мальчикам воспринимать это как норму. В будущем, исполняя родительские роли, они смогут транслировать эти возможности своим детям. Их можно рекомендовать педагогам дошкольного и младшего школьного образования, а родителям использовать данные конструкторы в процессе знакомства детей с профессиями.

Литература

1. Берн Ш. *Гендерная социализация*. М: Еврознак, 2006.
2. Берн Э. *Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры* Москва: Издательство «Э», 2016.
3. Кон И. С. *Мальчик отец мужчины*/И. С. Кон. М.: Время, 2010.
4. Смирнова И. Н. *О роли школьных учебников в подготовке молодежи к технологическому образованию (на материалах учебников предмета «Технология» для начальной школы)/Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всерос. конф. с междунар. Участием, 20–21 апреля 2018 г., ИвГУ, г. Иваново. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 137–141.*
5. *Современный Транзактный анализ/Иан Стюарт, Вэнн Джоинс; пер с англ. Дмитрий Касьянова. СПб.: «Метанойя», 2017.*
6. URL: <https://mir-kubikov.ru/lego/21312/> (дата обращения 18.03.2018)
7. URL: <https://www.lego.com/ru-ru/aboutus> (дата обращения 18.03.2018)

Е. А. Данилова

г. Москва, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гендерный аспект в современном управлении

Управление — это деятельность, в которой человек может быть либо успешен, либо неуспешен. Определяется это исключительно способностями и возможностями каждого человека, и гендерные характеристики являются одной из этих особенностей. Управление как специфическая деятельность со своими сложностям, тонкостями предъявляет целый ряд требований к тому, кто этой деятельностью занимается. С конца прошлого века женщины стали полноправными участницами управленческих процессов (руководят компаниями, организуют собственные фирмы, занимают ответственные руководящие должности); они образованны и талантливы, азартны и амбициозны. Исторически сложилось так, что мужчина, как правило, решает «глобальные проблемы», а мелочи доделывает и додумывает женщина. Умение обращать внимание на незначительные детали помогает правильно мотивировать себя и сотрудников на достижение положительных результатов. Для этого необходимо хорошо знать каждого сотрудника, их предпочтения. Мужчинам свойственно раздавать приказы и распоряжения, но властная и агрессивная манера поведения в общении с подчиненными нередко приводит к недопониманию и конфликтным ситуациям между

начальством и подчиненными. В зависимости от ситуации может сработать как кнут мужчины, так и пряник женщины.

Каждый руководитель должен уметь строить планы и стратегии на будущее, четко ставить задачи перед подчиненными. Процессы мышления мужчины и женщины отличаются друг от друга. Мужчины обычно мыслят масштабно. Мысль мужчины выстроена более точно, подчинена общим законам логического мышления. Женщина же мыслит зачастую совершенно нерационально с точки зрения логики и больше опираясь на собственные ощущения, интуицию. К успеху может привести, как и рациональное мышление мужчины, так и женская интуиция. Мнения о том, кто лучше в качестве руководителя — мужчина или женщина расходятся. Одни считают, что женщин нельзя пускать во власть, это «святая святых» мужчин, мотивируя это тем, что мужчины быстрее соображают и увереннее в себе. Другие предпочитают руководителем в юбке, ведь они более стоворчивы и менее амбициозны.

Но для того чтобы человек стал хорошим руководителем, он, вне зависимости от пола, должен обладать особыми качествами. Сильный характер, личная ответственность за результат, деловое чутье, высокая трудоспособность, активность, умение воодушевлять и вести за собой коллектив.

В. В. Илизарова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Совмещение работы и отпуска по уходу за ребенком: специфика занятости и профессиональные стратегии работающей женщины

«Согласны ли с тем, что в декретном отпуске «закисают» мозги, теряются профессиональные навыки, и женщина становится скучной и неинтересной? А, может быть, это время для того, чтобы переосмыслить все, что женщина делала до этого в своей жизни?» [1]; «Ты не замыкаешься только на ребенке» [2]; «Хотя муж меня ни в чем не ущемляет, но все равно мне не хватает своего заработка, своего взноса в семейный бюджет» — комментарии и заметки похожего содержания встречаются в многочисленных сетевых сообществах и группах, посвященных совмещению работы и отпуска по уходу за ребенком. Проблема сочетания работы и материнства не нова и достаточно хорошо изучена в российской и зарубежной историографии. Однако, в рамках достаточно большого проблемного поля есть вопрос, требующий более пристального внимания — это вопрос о работе во время длительного так называемого «декретного отпуска». В центре внимания автора — современная российская горожанка, имеющая как минимум одного ребенка, не достигшего возраста трех лет, совмещающая «декрет» с работой или подработкой и не прибегающая к помощи нянь или родственников по уходу за ребенком. Обращаясь к данной теме, автор стремится понять, что движет женщинами, совмещающими работу с «декретом», какие предпосылки делают возможной работу «в декрете», какие профессии позволяют сочетать работу и уход за маленьким ребенком и какие профессиональные стратегии выбирает работающая женщина.

Безусловно, работа/подработка во время «декретного отпуска» — явление не новое, в поздний советский и постсоветский период многие женщины вынужденно или по своему желанию искали способы заработка, имея на руках маленьких детей.

Однако, в современной России это явление приобрело достаточно большие масштабы по нескольким причинам. Структура современного бизнеса позволяет интегрировать работающих матерей, работодатели заинтересованы в передаче многих задач внешним исполнителям, выполняющим сдельную работу. В это же время женщины хотят быть экономически самостоятельными и не желают ограничивать свое времяпрепровождение только заботами о ребенке. Выталкивает на работу желание самореализации и необходимость создать благоприятные стартовые условия для выхода из «декрета» [3]. Как видится автору доклада, работающая «в декрете» женщина может придерживаться одной из двух стратегий: зарабатывать благодаря своей основной профессии, позволяющей работать удаленно и по сдельной системе оплаты труда, или же осваивать новую специальность. Первый сценарий реализуем бухгалтерами, некоторыми специалистами в сфере IT, переводчиками, редакторами, журналистами и пр. Во втором случае женщина может попытаться получить образование по одной из специальностей, допускающих удаленную работу, попробовать монетизировать свое хобби (например, рукоделие) или же попытаться заработать благодаря блогингу или модерированию групп в социальных сетях.

Говоря о масштабах явления, стоит признать, что подсчет доли работающих «мам в декрете» среди трудоспособных российских граждан — крайне сложная задача. Многие женщины работают либо по гражданско-правовым договорам, либо вообще никак не регистрируют свою трудовую деятельность, пополняя категорию т.н. «самозанятых» граждан, количество которых оценивается в достаточно широком диапазоне (от 10 до 15% от числа трудоспособных граждан) [4]. Какова среди «самозанятых» трудящихся доля женщин «в декрете» — определить тем более сложно. Косвенно о масштабе явления можно судить по большому количеству групп в социальных сетях, публикующих вакансии для «мам в декрете» или предлагающих информационную помощь в поиске работы, а также по активности тематических групп и сообществ, где обсуждаются всевозможные трудовые и бытовые сложности работающей мамы [5]. Тема работы во время «декретного отпуска» стала достаточно популярной в печатных и сетевых СМИ; многочисленные публикации мотивируют женщин совмещать «декрет» с работой по найму или начинать свое дело, либо дают практические рекомендации по налаживанию ежедневной логистики работающей матери. Однако материалов, реалистично освещающих разные аспекты материнской занятости, не так много.

Принятое женщиной решение совместить отпуск по уходу за ребенком и работу с одной стороны повышает конкурентоспособность женщины на рынке труда и позволяет приблизиться к идеалу «сбалансированной женщины» [6], сочетающей материнство и карьеру. В то же время, работающая «мама в декрете» сталкивается с довольно большими организационными сложностями, продолжая вместе профессиональной занятостью выполнять работу по дому, ухаживать за маленьким ребенком и обеспечивать ребенку качественное времяпрепровождение. В связи с этим справедливо будет поднять вопрос: как много времени женщина «в декрете» может посвятить работе? В рамках исследования, посвященного иной теме, авторами было опрошено 174 женщины, из которых 95 имели хотя бы одного ребенка в возрасте до трех лет. 18 женщин из 95 отметили, что работают во время «декретного отпуска», и их занятость предполагает максимум 20 рабочих часов в неделю. Большую рабочую нагрузку смогли взять на себя женщины, прибегающие к помощи нянь и родственников по уходу за детьми. Безусловно, представлен-

ная выборка не может считаться репрезентативной, но позволяет проиллюстрировать высказанные тезисы. Похожие расчеты (по которым комфортный уровень занятости оценивается как 20–25 рабочих часов в неделю) встречаются и в обсуждениях проблемы в тематических интернет-сообществах [7]. Получается, что при подобном уровне занятости женщина может решить локальные финансовые задачи или же сохранить свои профессиональные позиции, но карьерные перспективы остаются ограниченными.

Литература

1. Гаврик А. Е., Очаковский В. А., *Изучение института самозанятых граждан в Российской Федерации//Эпомен. № 11. 2018. Краснодар, 2018.*

2. Orgad Sh. *The cruel optimism of «the good wife»: the fantastic working mother on the fantastical treadmill//Television A. New media. Thousand oaks (CA), 2017. V. 18, № 2. P. 165183 (реферат см: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Москва, 2017).*

3. Савинская О. Б. *Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве//Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. № 2. СПб., 2013.*

А. Ю. Засовенко

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Милиционерки: расширение сферы профессиональной деятельности женщин в России

В условиях Первой мировой войны женщины в России получили возможность работать в органах полиции. Привлечение женщин на службу в полицию нормативно было закреплено 23 октября 1916 г. Постановлением Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов», согласно которому, наравне с лицами мужского пола, в канцеляриях уездных исправников, полицмейстеров и приставов на должности до VIII класса включительно могли быть определены лица женского пола [5, с. 345–346].

Однако массовое привлечение женщин на службу в милицию в России впервые было осуществлено только в условиях становления советской власти, в годы Гражданской войны, в период кардинальных перемен представлений о роли и месте женщины в обществе [3, с. 25–30]. Образование значительного некомплекта сотрудников, возникшего в результате массового ухода милиционеров на фронт, расширение круга стоявших перед милицией задач и увеличение числа преступлений способствовали тому, что сначала в Петрограде, а затем и в других городах Советской Республики создавалась «женская милиция» [1, с. 16–20]; женщины несли постовую и патрульную службу, работали в уголовном розыске, боролись с детской преступностью, охраняли промышленные объекты, выполняли другие поручения [7, с. 57]. В составе особых отрядов, формировавшихся из числа сотрудников милиции для участия в боевых действиях, за советскую власть воевали милиционерки Мария Елесина, Антонина Кожай, Мария Коступис, Мария Лазарева, Мария Маркова, Татьяна Рожкова, Юлия Юрвич [6, с. 62].

Деятельность отрядов женской милиции свидетельствовала, что милиционерки смогли заменить ушедших на фронт милиционеров-мужчин. Но после окончания Гражданской войны женская милиция была упразднена, при ем женщин на службу в милицию фактически был прекращен. К 1928 г. в списках личного состава милиции женщины составляли очень небольшую часть [2, с. 35–37].

Но именно в этот период по направлению Кингисеппского укома партии на службу в милицию пришла Паулина Ивановна Онушонок, которая в 1929 г. стала первой в СССР женщиной, возглавившей отделение милиции. Паулина родилась в местечке Бильзене Вельмарского уезда, в семье бедного латышского крестьянина-батрака. В революционное движение она была вовлечена уже в 1905 г. старшими братьями, которые возглавили восстание местных батраков. Тринадцатилетняя Паулина была связанной и выполняла поручения революционного комитета. Оба старших брата Паулины в годы революции погибли. Семья была вынуждена переехать в Ригу. Здесь Паулина вышла замуж за большевика-подпольщика Дмитрия Федоровича Онушонок, вместе с которым по заданию партии переехала в Петроград. С 1917 г. П.И. Онушонок работала в органах ВЧК, в годы Гражданской войны выполняла разведывательную деятельность. В 1928 г. П.И. Онушонок была направлена в Кингисеппскую уездную милицию и возглавила ее. В короткий срок Кингисеппская милиция стала одним из лучших подразделений. Осенью 1929 г. П.И. Онушонок была назначена на должность начальника 11-го отделения милиции Ленинграда. На новом месте она начала активную борьбу с известными своей дерзостью «лиговскими головорезами», у которых к этому времени были постоянные базы в ночлежных домах, куда не решались входить даже вооруженные милиционеры. П.И. Онушонок под видом ночлежницы проникала в притоны, знакомилась с преступниками, изучала их нравы и особенности жизни. Такой подход позволил в короткие сроки покончить со знаменитой лиговской преступностью. В 1933 г. П.И. Онушонок была награждена орденом Трудового Красного Знамени [6, с. 188–191].

Новым этапом в истории отечественного государства и женской истории в России стала Великая Отечественная война [4, с. 373–384]. На места ушедших на фронт милиционеров встали сотрудники милиции — женщины. К концу Великой Отечественной войны в советской милиции уже служило около 20 тыс. женщин, более 5 тыс. из них — в уголовном розыске, около 500 человек — участковыми инспекторами.

Сегодня каждый четвертый сотрудник органов внутренних дел — женщина. Более 700 сотрудниц замещают руководящие должности, а 8 из них возглавляют органы внутренних дел [8]; женщины есть в руководстве Министерства внутренних дел, территориальных органов и ведомственных образовательных учреждений.

С 2015 г. Департамент по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий МВД России возглавляет Надежда Николаевна Ромашова. В финансово-экономических подразделениях МВД она служит с 1983 г. Сегодня Н.Н. Ромашова — заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, награждена орденом Почета [9]. Указом Президента Российской Федерации в 2016 г. Н.Н. Ромашовой было присвоено специальное звание генерал-лейтенант внутренней службы.

Генеральские погоны носит и Наталья Ивановна Агафьева, которая сегодня возглавляет Главное следственное управление по г. Москва. Она пришла на службу в органы внутренних дел на должность участкового инспектора инспекции по делам несовершеннолетних отдела внутренних дел Кувадынского райисполкома Оренбургской

области в 1978 г. С 1985 г. занимает различные руководящие должности от начальника инспекции по делам несовершеннолетних до заместителя начальника Главного управления МВД России по г. Москва — начальника Главного следственного управления, награждена медалями «За отличие в службе» I, II, III степени, «За доблесть в службе», нагрудным знаком «Лучший следователь» [10].

Таким образом, уже больше века в России женщины, наравне с мужчинами, выполняют задачи, возложенные на органы правопорядка, демонстрируя высокие профессиональные качества и личное мужество [8].

Литература

1. За 8 лет: Материалы по истории советской Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска за 1917 г. — 12 ноября 1925 г. Л.: изд. журн. «На посту», 1925. 179 с.
2. Лобанов С. О службе женщин в милиции//Административный вестник. 1928. № 5. С. 35–37.
3. Нижник Н. С. Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях//Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 25–31.
4. Нижник Н. С. Законодательные основания государственной политики в сфере семейно-брачных отношений в период Великой Отечественной войны//Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы/Авт. и рук. проекта Р. А. Ромашов, Н. С. Нижник. СПб., 2005. С. 373–384.
5. Полиция России: Документы и материалы. 1718–1917 гг. /Авт.-сост. А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев и др. Саратов: СЮИ МВД России, 2002. 400 с.
6. Скилягин А. Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории. Л.: Лениздат, 1967. 376 с.
7. Советская милиция: история и современность (1917–1987). М.: Юрид. лит., 1987. 336 с.
8. <https://мвд.рф/news/item/12462687/>(дата обращения: 01.05.2018).
9. <https://мвд.рф/mvd/Rukovodstvo/item/3567124/>(дата обращения: 01.05.2018).
10. <https://77.мвд.рф/zy-мвд/Rukovoditeli/item/6194796/>(дата обращения: 01.05.2018).

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКИХ ПРАКТИК. ЖЕНСКАЯ ФИЛАНТРОПИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ДВИЖЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Г. Н. Ульянова

г. Москва, Институт российской истории РАН

Купчихи-фабрикантки в городах северных губерний (Архангельской, Вологодской и Санкт-Петербургской) по данным промышленной статистики конца XVIII — первой половины XIX в.

В ходе изучения женского промышленного предпринимательства конца XVIII — первой половины XIX в. были выявлены и проанализированы прежде не введенные в научный оборот данные по трем временным срезам: 1797–1802, 1814 и 1832 гг. Источниками послужили архивные материалы из РГАДА (Российского государственного архива древних актов) и опубликованные списки фабрик и заводов за 1814 и 1832 гг.

Особенности предпринимательства в северных губерниях Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. определялись, в значительной мере, их близостью к морям, обилием лесов, использованием труда свободных и крепостных крестьян. Архангельская и Вологодская губернии были наибольшими по площади в Российской империи, занимая весь север Европейской части страны — от Финляндии и Норвегии на западе до Уральских гор на востоке. Петербургская и Архангельская губернии располагались на берегах Балтийского и Белого морей, где имелись крупнейшие порты. По данным писателя и путешественника Антона фон Пошмана, на рубеже XVIII–XIX вв. Архангельский порт принимал ежегодно до 250 иностранных и 1400 русских кораблей [2, 40].

Согласно хранящимся в РГАДА фабричным ведомостям 1795–1802 гг., поданным в Мануфактур-коллегию, в трех северных губерниях — Архангельской, Вологодской и Петербургской — было выявлено 14 владельцев с 15 предприятиями, в том числе, 3 человека в Архангельской губ., 1 человек в Вологодской губ., 10 человек в Петербургской губ. Однако большую часть представляли дворянки, устраивавшие, например, лесопильные и винокуренные предприятия в своих имениях. В городах же фабрики принадлежали купчихам, деятельность которых мы рассмотрим подробнее.

В Санкт-Петербурге и губернии женщинам-владелицам принадлежало 10 предприятий (восемь — дворянкам и два — купчихам). В ходе исследования было установлено, что представляла собой бизнес женщин-предпринимательниц, а где возможно, были реконструированы биографии владельцев.

Например, Домна Юферова, которая была женой, и позже вдовой, купца из г. Софии Петербургской губ. (в 1808 г. София включена в дворцовую резиденцию Царское Село) имела фабрику люксовых шелковых тканей, основанную в 1787 г. Ее муж Никифор Михайлович Юферов (1748–1790) был купцом 2-й гил. На фабрике в 1797 г. было произведено 728 м парчи и 1065 метров флаера — прозрачной шелковой ткани. В 1796 г. годовая выработка составила 15 тыс. руб. [РГАДА.Ф.277. Оп. 16. Д.46. Л.29 об. — 30]. Ведомость за 1797 г., подписанная собственноручно Юферовой, которая была грамотной, дает подробную информацию о предприятии. Фабрика была оборудована 8 ткацкими станами и на предприятии работало 11 вольнонаемных рабочих-мужчин, из мещан и крестьян Петербургской и Вологодской губ. [РГАДА.Ф.277. Оп. 2. Д.856. Л.1, 4–5]. Информация о предприятии Юферовой дает картину стабильно действующего предприятия, находящегося под постоянным контролем владелицы, гибко меняющим ассортимент продукции в соответствии с модой.

В 1814 г. как демонстрируют агрегированные данные, женщинам принадлежало 165 предприятий из общего количества 3731 [1] содержит информацию о пяти фабриках в Петербурге, принадлежавшим четырем владелицам.

Среди них две владелицы — Авдотья Найкова и Степанида Брюхова — продолжали бизнес своих мужей-купцов, заключавшийся в кожевенных предприятиях. Фабрика Найковой производила подошвенную кожу, на ней было 100 вольнонаемных рабочих. На предприятии Брюховой, также производившем подошвенную кожу, было 7 вольнонаемных рабочих [1, 132].

Детальные сведения были найдены в архиве лишь для фабрики Найковой. Фабрика была устроена в 1783 г. Григорием Найковым, а после его смерти с 1813 г. унаследована его вдовой. Предприятие размещалось в двух огромных деревянных фабричных помещениях — одно размером 43 x 13 м и другое 22 x 15 м в современных мерах. В находившихся рядом трех деревянных корпусах жили рабочие. Фабрика Найковой выпускала подошвенные кожи для сапог и белые грубые кожи для обувного верха. В наиболее удачные годы вырабатывалось до 10 тыс. шкур, что приносило доходу до 25 тыс. руб. Продукция фабрики Найковой продавалась в Петербурге и за границу (в документе формулировалось как «для отпуска за море») [РГАДА.Ф.277. Оп. 2. Д.1277. Л.2–6; Оп. 16. Д.46. Л.93–94]. Приведенная информация позволяет сделать вывод о полноценной работе предприятия Найковой на рынок.

Значительное количество предприятий в собственности женщин имелось в 1832 г. В Архангельской губ. было три предприятия, в Вологодской — семь, в Санкт-Петербургской — 17. В целом эти 27 фабрик и заводов составляли 5,6% от общероссийского количества (484) [3].

Например, в Архангельской губ. купеческие жены Ирина Плотникова и Элизабет Клафтон (Elisabeth Claughton) владели канатными заводами, а купчиха Александра Околышниковна — предприятием по производству юфты (мягкой кожи).

В Вологодской губ. шесть предприятий располагались в городах и принадлежали лицам из купеческой и мещанской страты. «Список» 1832 г. содержит данные о кожевенных фабриках купчихи Анны Денгиной и мещанки Натальи Мешинниковой, веревочных — мещанок Маремьяны Быструниной, Пелагеи Овечкиной, Веры Пономаревой (все в Вологде) и предприятия (производящем пивной уксус) купчихи Марфы Бабиковой (супруги городского головы) в Великом Устюге [3, 51–52].

В отличие от дворянок, часто практиковавших наем управляющего на фабрику, купчихи и мещанки руководили производством, как правило, самостоятельно. При

этом их мужья не вмешивались в бизнес жён и могли заниматься собственным бизнесом, например, торговлей в Сибири (как муж Марфы Бабиковой) или руководить ещё одним/отдельным предприятием (как муж Веры Пономаревой).

В Петербурге женщины владели 7,4% предприятий (17 из 229) в 1832 г., в том числе 10 купчихам принадлежало 11 предприятий и 4 дворянкам — шесть, и одним предприятием владела цеховая. Из 17 предприятий три производили салные свечи, ещё три — писчую бумагу, два — стекло, два — табак, одно — канаты, одно — уксус, одно было салонным и два делали помаду и косметические товары.

Представленная информация показывает, что в изучаемый период 1790-х — первой половине XIX в. происходило укрепление женского бизнеса, женщины действовали активно в промышленном производстве и работали в разных отраслях. В ряде случаев после смерти мужей вдовы становились действительными главами домохозяйств и руководительницами семейного бизнеса.

Литература

1. *Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.* СПб., 1816.
2. *Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении.* СПб., 1802. С. 40.
3. *Список фабрикантам и заводчикам Российской империи.* СПб., 1832.
4. *Чебыкина Г. Н. Устюжский купец Влас Бабиков//Устюжане. В. Устюг, 1995. С. 58–69.*

О. С. Мутиева

г. Махачкала, Дагестанский государственный университет народного хозяйства.

Просветительская и благотворительная роль жен государственных и военных чинов в работе женских учебных заведений Темир-Хан-Шуры и Дербента (вторая половина XIX в.)

В пореформенный период, царские власти особое внимание уделяло вопросам просвещения кавказских народов, видя в культурно-просветительской деятельности залог прочности российского влияния в регионе. Вся деятельность осуществлялась согласно, принятого в декабре 1847 года «Положения о Кавказском учебном округе». В 1848 году стараниями наместника Кавказского и главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом М. С. Воронцова и по его инициативе был основан Кавказский учебный округ. Через год, 18 декабря 1849 г. по представлению Воронцова, дирекция училищ Кавказской области переведена в подчинение наместнику Кавказскому. То, что все учебные заведения на Кавказе должны были подчиняться лично наместнику Воронцову, уже свидетельствует о том, насколько большое значение этому придавалось наместником. В бытность наместничества князя М. С. Воронцова были заложены основы светского образования на Кавказе.

Непосредственными участниками этого процесса были жены государственных и военных чинов, которые играли важную роль в сфере жизнедеятельности учебных заведений. Благодаря им открывались женские учебные заведения, ставшие центрами распространения грамотности среди женской половины населения Кавказа. Среди большого спектра образовательной политики, заслуживает внимание деятельность

благотворительных организаций, которым отводилась существенная роль в сфере жизнедеятельности учебных заведений.

Заслуживает внимания деятельность супруги наместника, светлейшей княгини, статс-дамы Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, которая являлась почетной попечительницей женских учебных заведений. В «Актах Кавказской археографической комиссии» содержатся интересные сведения, касающиеся ее непосредственного участия в благотворительной деятельности [1, с. 117].

Так, например, при участии княгини Воронцовой, по всему Кавказу стали плодотворно развиваться женские благотворительные общества, попечительские советы и открываться женские учебные заведения [6, с. 60]. В «Кавказском календаре» на 1847 г. имеются сведения о том, что в 1846 г. при ее непосредственном содействии в Тифлисе сначала было утверждено Женское благотворительное общество св. Нины [3, с. 138]. Среди членов благотворительного общества упоминаются председательница княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, вице — председательница Тамара Грузинская и члены Правления: Княгиня Соломея Ивановна Чавчавадзе, Елизавета Христафоровна Коханова, княгиня Варвара Багратовна Джамбакуриан — Орбельянова и др. В общей сложности, членами благотворительного общества являются более 60 представительниц известных княжеских фамилий, среди которых Нина Александровна Грибоедова, Анна Павловна Дмитриевская, Анна Ефимовна Ключи-Фон-Клугенау и др. [3, с. 264]. В частности, Анна Ефимовна Ключи-Фон-Клугенау супруга генерал-лейтенанта Ф.К. Ключи-Фон-Клугенау, участника дагестанских военных экспедиций 1840–1845 гг.

Аналогичные заведения, по инициативе Е.К. Воронцовой открывались и в других городах Кавказа. При участии супруги князя-наместника, кроме выше названных, были также открыты училища для дочерей бедных дворян в Кутаиси и Шемахе. Только за 1849 год было открыто семь новых учебных заведений: по одному в Баку, Шуше, Елисаветополе и по два в Дербенте и Шемахе [1, с. 883].

Учитывая тот факт, что на Кавказе в то время не было высших учебных заведений, стараниями М.С. Воронцова и его супруги Е.К. Воронцовой к началу 1851-х гг. в высших учебных заведениях империи учащихся с Кавказского края «8 117 душ мужского и 296 — женского пола» [1, с. 888].

Что касается Дагестана, то учебные заведения, благотворительные общества и попечительские советы, как и во всей Российской империи, находились под покровительством жен государственных и военных чинов. Анализируя культурно-просветительскую и благотворительную деятельность жен военных чинов в Дагестане, можно констатировать тот факт, что наиболее предпочтительной сферой их деятельности было женское светское образование.

Первые учебные заведения для девочек были открыты в уездных городах — Дербенте и Темир-Хан-Шуре, где были расположены военные гарнизоны и была сосредоточена военная интеллигенция. Жены военных чинов, как отмечалось выше, были попечителями этих учебных заведений, занимались благотворительностью, регулярно делая пожертвования на нужды учащихся, работали в культурно-просветительных обществах.

Рассматривая вопрос об участии женщин в социокультурной жизни края, можно увидеть, что женщин горского происхождения там практически не было. Это объясняется с традиционным патриархальным укладом жизни, где для женщин существовали ограничения, которые препятствовали их вовлечению в общественную жизнь. В связи

с чем, в культурно-просветительскую и благотворительную деятельность были вовлечены жены военных и государственных чинов, а также русские женщины-учительницы.

В пореформенный период, государство значительно сокращает число частных школ и курсов, что было законодательно закреплено в «Положение о женских училищах» за 1858, 1860, 1870 годы. Несмотря на это, частные школы продолжали функционировать, но уже на основании специальных правил «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений, где регламентировались правила учреждения частных учебных заведений, их статус и пр.» [5, с. 13].

Руководствуясь «Положением о женских училищах» от 1858 г., в Темир-Хан-Шуре открывается первое женское учебное заведение на частные средства Е. Лосевой и В. Есиповой, получившее в 1864 г. право содержаться за счет пансиона.

Там же в Темир-Хан-Шуре, по инициативе супруги первого начальника Дагестанской области княгиней А. М. Меликовой, 24 мая 1864 г. была открыта школа для бедных девиц всех сословий. Безусловно, данное учебное заведение не вполне соответствовало общепринятым нормам и закону о частных учебных заведениях, как правило, из-за небольшого контингента обучающихся. На момент открытия в 1864 г. там обучалось всего 9 девочек. Известно, что княгиня А. М. Меликова ходатайствовала о преобразовании бесплатной женской школы в 4-х классную Темир-Хан-Шуринскую прогимназию с особым подготовительным классом. Первоначальные средства для открытия и содержания школы давала общественная благотворительность и ежегодные взносы членов общества [6, с. 60].

В Дербенте, по сведениям П. К. Услара, на которого ссылается Е. Козубский, супруга градоначальника Е. Г. Джемарджидзе, ходатайствовала об открытии начального училища для мусульманок [4, с. 270]. Со слов Е. Козубского «в училище были допущены 6 девиц из русских и армянских женщин... Дети с 8 лет, в числе 20, принимались полными пансионками» [4, с. 270–271]. В последствие, в связи с нехваткой средств на содержание училища, ее решено было преобразовать в «бесплатную открытую, вольно-приходящую школу для девиц из всех сословий» [4, с. 271]. Несмотря на то, что училище содержалось за счет «единовременных пожертвований и из ежегодных взносов (по 200 рублей до 1882 г. от Великой княгини и членов попечительства), сборов от спектаклей... из пособия от Юсуф-хана Кюринского, от шамхала и от кайтагских и табасаранских беков поступали хлеб и другие съестные припасы» [4, с. 271], средств не хватало.

Кроме того, среди веских причин преобразования училища называется и то, «что определенный уставом шестилетний курс воспитания туземных девиц, по различным причинам не выдерживается» [4, с. 271]. Видимо, родители девочек-мусульманок считали, что им достаточно получить элементарные знания, а тратить шесть лет на обучение, не имеет смысла, так как есть более важные цели- замужество. В результате, в 1871 году училище было преобразовано в «открытую школу для приходящих девиц всех сословий с четырехлетним сроком обучения» [4, с. 271].

Как уже отмечалось выше, попечительницами женских учебных заведений были жены государственных и военных чинов. В разное время, попечительницами этой школы были супруга градоначальника Дербента, И. П. Мадатова, супруга начальника Кайтаго-Табасаранского округа Ю. Г. Макаева, жена генерала А. И. Араблинская, супруга отставного Статс-советника М. П. Козляковского [4, с. 271–272]. Судя по сведениям Козубского, такая частая сменяемость попечителей (с 1884–1898 годы сме-

нилось четыре человека), была вызвана финансовыми нарушениями, которые имели место в школе [4, с. 273].

Надо признать, что благотворительная деятельность становится весьма распространенным явлением второй половины XIX в., особенно, образовательной сфере. О чем свидетельствует материал архивного дела (РГИА) «Об учреждении на счет частной благотворительности начальных женских школ в Дербенте и в укреплении Темир Хан Шуре», согласно которому за счет частных благотворительных средств в 1865 году, в Дербенте и Темир Хан Шуре открываются бесплатные начальные женские школы [7, л.1–3].

В материалах (ЦГА РД) имеется фактический материал о женских учебных заведениях Темир-Хан-Шуры и Дербента. В частности, имеются сведения о том, что открывшееся в 1865 г. в Темир — Хан — Шуре общественное училище для бедных девиц, более известное как «Дом женской бесплатной школы», содержалось, как за счет благотворительных средств, так и на средства училища. Судя по архивному документу, ученицы Темир — Хан — Шуринского училища, получали бесплатно учебные пособия, питание и даже одежду [9, л. 9].

Из другого архивного материала следует, что в 1875 г. вместо бесплатной женской школы в Темир-Хан-Шуре, опять — таки, за счет благотворительных средств была открыта четырехклассная прогимназия, где обучалось сначала 89 девочек, а к выпуску уже насчитывало 114 человек [10, л. 27]. В 1880 г., в силу разных обстоятельств, прогимназия была преобразована в пятиклассную.

Особо следует отметить деятельность С.Я. Петровой, супруги начальника 21 пехотной дивизии генерал-майора В.А. Петрова, известной своей благотворительной деятельностью. В виду того, что ее ходатайство об открытии в 1871 г. в Дешлагаре (Сергокала — О.С. Мутиева) женского училища не было удовлетворено, она устроила небольшую частную школу, которую содержала за счет собственных средств и пожертвований друзей. Известно, что С.Я. Петрова не только обеспечивала своих учениц школьными принадлежностями, но и нередко помогала малообеспеченным одеждой. К сожалению, частная школа С.Я. Петровой просуществовала недолго, после дислокации 21 пехотной дивизии в Порт — Петровск, она, закрыв школу, была вынуждена последовать за своим мужем. Это был обычный сценарий развития для того времени. Учитывая тот факт, что военные части постоянно меняли место своей дислокации, то и школы, безусловно, закрывались.

Так, например, в 1897 г. в Темир-Хан-Шуре на базе женской прогимназии была открыта женская гимназия. Инициатором открытия данной гимназии была А.И. Поликострицкая, активная сторонница развития женского гимназического образования, видевшая в этом большую пользу для Дагестана. Подтверждение этому мы находим в Рапортах начальников округов с отчетами о состоянии городов Дагестанской области за 1895 г., где говорится о ходатайстве А.И. Поликострицкой к властям об открытии женской гимназии в Темир-Хан-Шуре, которая, «как рассадница высшего женского образования, будет весьма полезна для правительства в отношении искоренения развитого между мусульманами фанатизма и, кроме того, дала бы немало преподавательниц для женского образования среди мусульманского населения Дагестана» [11, л. 32].

Как известно, ходатайство А.И. Поликострицкой властями было удовлетворено. В 1897 г. в Темир-Хан-Шуре торжественно была открыта женская гимназия, которая просуществовала до Первой мировой войны, обучив в своих стенах сотни гимназисток. Согласно архивным данным, к началу Первой мировой войны, в 1914 г. в жен-

ской гимназии Темир-Хан-Шуры количество обучающихся составляло 207 учениц [9, л. 61]. Еще один интересный факт из жизни А.И. Поликострицкой, относящийся уже к началу XX в. Она являлась членом правления «Общества по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области» [12, л. 60–61], которое начало функционировать с 1903 г. [8, с. 1, 2, 4, 5, 10].

Вместе с А.И. Поликострицкой, существенную роль в культурно-просветительной жизни города сыграла В.С. Соловьева. Она являлась Председателем «Общества по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области». Но ее деятельность не ограничивалась этой деятельностью, она являлась также инициатором создания драматического кружка в Темир-Хан-Шуре. Известно, что благодаря В.С. Соловьевой, драматический кружок имел благотворительную направленность в «организации любительских спектаклей в пользу учебных заведений и нуждавшихся учащихся» [2, с. 248–250].

Следует сказать, что актеры драматического кружка В.С. Соловьевой давали спектакли и для остальных жителей города Темир-Хан-Шуры, а полученные средства использовали на благотворительность. Как справедливо примечает В.П. Егорова, сценическое искусство было «одним из материальных источников его благотворительности» [2, с. 248]. Так, например, из средств, собранных со спектаклей «оплачивалась учеба нескольких девочек в местной женской школе» [2, с. 248].

В архивном деле имеются сведения о том, что вся благотворительная деятельность находилась в ведении специально назначенного чиновника, который не только осуществлял надзор за благотворительной деятельностью, но и отчитывался перед губернатором [13, л. 1, 9–10, 19].

Таким образом, анализ исследуемых источников и архивных материалов, позволил сделать вывод о том, что в период Кавказской войны и пореформенный период, существенную роль в культурно-просветительной жизни Дагестанских городов, сыграли жены государственных и военных чинов. По их личной инициативе открывались женские светские учебные заведения в Темир-Хан-Шуре и Дербенте, где были расположены военные гарнизоны. Будучи непосредственными участницами этого процесса и попечителями учебных заведений, они занимались благотворительностью, делая пожертвования на нужды учащихся, работали в благотворительных обществах.

Несомненно, их деятельность оказала позитивное влияние на культурно-образовательные процессы, происходившие в дагестанском обществе в XIX — начале XX в.

Литература

1. Акты собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. Тифлис: 1885.
2. Егорова В. П. Культурная жизнь города Темир-Хан-Шуры во вт. пол. XIX — нач. XX в. // *Провинциальный город в XVIII — XXI вв. (история, экономика, культура)* / *Материалы международной научно-практической конференции (25.09–28.09. 2008 г., Кизляр)*. Махачкала, 2008. С. 247–253.
3. *Кавказский календарь* на 1847 г. Типография Канцелярии наместника Кавказа. Тифлис. 1846.
4. Козубский Е. И. *История города Дербента. Темир-Хан-Шура*, 1906.
5. Лаурсон А. И. *Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений*. СПб., 1912.
6. *Очерки истории города Темир-хана-Шуры. — учителя Темир-хан-Шурина реального училища Е. Козубского* // *Сборник для описания местностей и племен Кавказа Вып. 19*. 1894.
7. РГИА. Ф.1268, Оп. 10 Д. 81.

8. Устав общества по устройству народных чтений в городе Темир-Хан-Шуре и Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1903.

9. ЦГА Республики Дагестан. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3.

10. ЦГА Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1.

11. ЦГА Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9 а.

12. ЦГА Республики Дагестан. Ф. 21. Оп. 3. Д. 34.

13. ЦГА Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

С. В. Крадецкая

г. Москва, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова

Феминизм и урбанизация в пореформенной России

«Если мужчины честно взглянут на проблему, то поймут, что, поскольку они будут из дома, жена тоже стремится выйти на улицу. <..> Человек так устроен, что ему требуется выход вовне, без этого он не может жить», — писала в 1845 г. американская феминистка Маргарет Фуллер. Используемая ею метафора выхода из дома на улицу была довольно распространена в феминистском дискурсе того времени. Простое повседневное действие — выход из дома — приобретало у феминисток символическое значение. Для женщины это было право на общественную жизнь, на независимость от дома и семьи, на самостоятельность. Выход на улицу практически приравнивался к освобождению.

Этот сюжет был характерен не только для североамериканского феминистского дискурса. Феминизм первой волны, несмотря на отдельные региональные особенности, в целом обладал общими характеристиками, что и позволяет говорить о феминизме как о движении и идеологии. Российские феминистки XIX — начала XX в. также понимали всю важность выхода женщины из «тесных рамок семьи» на арену общественной деятельности.

Более того, активистки движения вполне четко представляли себе, в каком социокультурном пространстве находится эта «арена». Вновь обращаясь к метафоре Фуллер, можно сказать, что та улица, выйти на которую стремились женщины, определенно находилась в городе. В феминистском дискурсе понятие города приобретало важное символическое значение, напрямую связанное с вопросами женского равноправия и эмансипации. И это неслучайно, учитывая характер феминистского движения и историю его возникновения.

Зарождение женского движения, ставшего первым шагом на пути развития феминизма в России, относится ко второй половине XIX в. Произошедшее «пробуждение» русской женщины стало естественным следствием модернизационных процессов пореформенного периода, когда модернизация экономики повлекла за собой радикальные социокультурные трансформации. Важную роль в этом процессе играла урбанизация, возникновение и развитие новых городов с их особой, отличной от традиционной, культурной средой.

Городская среда становится местом выработки новых ценностей, здесь формировался человек нового типа с «светским буржуазным менталитетом», свободный, самостоятельный, инициативный. Эта новая система ценностей послужила основой для эмансипационных теорий второй половины XIX — начала XX вв., среди которых осно-

вополагающей была идея об освобождении человека от власти патриархальной семьи, общества и государства и формировании свободной и самостоятельной личности. Эти теории развивались по разным направлениям и касались различных групп населения. Среди прочих общественно важных вопросов был поставлен и «женский вопрос», вопрос о необходимости эмансипации женщин.

Таким образом, феминизм изначально был связан с городом, как особым социокультурным и ценностным пространством. Проблема женского равноправия была сформулирована в городской среде, а рамках новой системы ценностей, позволявшей открыто говорить о положении женщины в обществе, государстве и семье. Более того, при всех трудностях, город как экономический и культурно-образовательный центр предоставлял женщинам и практическую возможность реализовать новые жизненные стратегии. Перефразируя знаменитый правовой обычай европейского Средневековья, можно сказать, что воздух городов делал женщину свободной. Точнее, в городе у женщины появилась возможность стать таковой.

Поэтому совершенно естественно, что одной из важнейших проблем в феминистском дискурсе стала проблема «женщины и большого городе». Проблематизации этой темы способствовал личный опыт активисток движения, бывших по преимуществу горожанками и лично переживавших все то, с чем могла столкнуться женщина в русском пореформенном городе.

При этом в описании и оценке феминисток город предстал как крайне противоречивое пространство. С одной стороны, только в городе женщина могла реализовать себя как независимая во всех смыслах личность. «Большой город, — уверенно писали в журнале «Женский Вестник», — вырабатывает самостоятельных и независимых женщин».

С другой стороны, городские улицы, те самые, на которые женщина должна была выйти, чтобы стать самостоятельной и независимой, представляли собой прямую угрозу ее физическому и психическому здоровью. На этих улицах женщина встречалась лицом к лицу с реальностью, которая во многом носила патриархальный характер и потому являлась опасной.

Среди наиболее распространенных угроз феминистки называли сексуальную, связанную с оскорблениями и домогательствами. «Женщина даже спокойно по улице не может пройти, не рискуя быть оскорбленной проходящими мужчинами», — отмечали они. Некоторые активистки движения рассуждали об этом, опираясь на собственный опыт. В частности, М.И. Покровская, лидер Женской Прогрессивной партии, однажды подверглась на улице сексуальному домогательству.

Феминистки, разумеется, не считали подобную ситуацию естественной. Анализируя опасности, с которыми самостоятельная женщина могла встретиться на улицах большого города, они при этом защищали ее право на городскую публичную безопасную жизнь. Они никогда не считали, что городская среда опасна для женщин сама по себе. Напротив, активистки движения были сторонницами и пропагандистками новых городских ценностей. «Несмотря на то, что большой город страшно эксплуатирует и мучает женщин, — признавали они, — он много делает для их освобождения». Будучи частью новой культуры, феминистки осознавали, что полное равноправие возможно только при дальнейшем развитии городской среды, при создании инфраструктуры, приспособленной к интересам «новых» женщин. Понимали они и то, что современный им город не отвечал интересам самостоятельных женщин.

Это противоречие было связано с общим характером городской культуры в пореформенной России, с особенностями урбанизации. В российском городе XIX—XX в. сосуществовали традиции и новации. Городская среда все еще была тесно связана с традиционной патриархальной культурой, что естественно влияло на всю социокультурную атмосферу города и на те эмансипационные движения, которые развивались в его рамках, в том числе, на феминизм. В подобных условиях положение «новых» женщин, не соответствовавших патриархальному идеалу, совершенно естественно было более чем противоречивым, что и отразилось в феминистском дискурсе.

Литература

1. Абрамс Л. *Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011.*
2. *Женский Вестник. СПб., 1904–1914. № 1–12.*
3. Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1, СПб., 2000.*
4. Фуллер М. *Женщина в девятнадцатом столетии//Феминизм в общественной мысли и литературе. М., 2006.*
5. Юкина И. И. *Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.*

К. А. Абдрахманов

*г. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет
Благотворительная деятельность купчих в Оренбургской губернии пореформенного периода*

Отличительной чертой представительей российской торговой элиты пореформенных лет была широкомасштабная благотворительная деятельность. По словам Т. В. Гениберг, «... со второй половины XIX в. в России развивается благотворительность и меценатство частных лиц» [3, с. 132]. В своей работе автор выделила, что основными исполнителями социальной функции были выходцы из коммерческого мира империи — представители крупнейших купеческих династий страны — Третьяковы, Морозовы, Мамонтовы и др. Также исследователь отметила, что благодаря усилиям таких меценатов «к 1917 г. в России существовала обширная отлаженная система помощи малоимущим и больным людям» [3, с. 132]. Как известно, социальное служение мужской половины коммерческого мира имело гораздо большие масштабы, чем аналогичная деятельность слабого пола. Однако женщины из купеческой среды также активно занимались благотворительностью.

В Оренбургской губернии пореформенного периода предпринимательская прослойка городского общества в русле общероссийской традиции помощи нуждающимся направляла немалые средства на поддержку социально незащищенных категорий населения. Женская составляющая оренбургского торгового сословия также принимала участие в благотворительных акциях. Купчихи на деньги своих супругов или же на средства, заработанные собственным профессиональным трудом, оказывали помощь нуждающимся, направляя финансы на строительство социальной инфраструктуры или жертвуя капиталы в пользу благотворительных организаций.

В городском обществе пореформенной столицы Оренбуржья насчитывалось значительное количество жителей, нуждающихся в материальной поддержке. Как отмечалось в труде П. Н. Столянского, составленном в начале XX в., «... в городе существуют

три богадельни, но несмотря на это общественное призрение — одно из больших мест городского управления» [5, с. 260]. Таким образом, жизнь в среде крупных провинциальных городов предоставляла обширное пространство для благотворительной деятельности людей, которые имели соответствующие возможности.

В 1864 г. оренбургская купчиха 2-й гильдии Анастасия Климова подала в Городскую Думу заявление с просьбой выделить ей участок земли для строительства странноприимного дома. Самоуправление города данную просьбу отклонило, так как запрошенный Климовой земельный надел уже находился в оброчном держании до 1869 г. [2, л. 5 об.]. На повторное прошение предпринимательницы, но уже с указанием иного места строительства от 31 августа 1865 года, был дан положительный ответ. На участке размером в одну десятину земли, арендной стоимостью 7 руб. в год, Анастасия Климова возвела странноприимное заведение и передала его в распоряжение оренбургской женской общины [2, л. 11]. Согласно завещанию благотворительницы, после смерти Климовой женская община города должна была получить капитал в размере 3-х тысяч рублей [2, л. 27 об.].

Вдова оренбургского купца Сергея Михайловича Иванова — Мария Львовна, осталась после смерти супруга в 1892 г. единственной наследницей его состояния. Получив в распоряжении солидный капитал, купчиха решила продолжить благотворительную деятельность своего мужа. Мария Львовна направила в городскую Думу прошение о необходимости исполнить волю покойного. «Во исполнение последней воли ее покойного мужа разрешить обустроить в принадлежащем [ей] доме по улице Троицкой богадельню для призрения болезненных и престарелых дам, круглых сирот женского пола из привилегированных сословий, преимущественно купеческого и духовного звания» — сказано в заявлении Ивановой [1, с. 40].

Однако Марии Львовне не суждено было дожить до полного разрешения юридических вопросов, связанных с вступлением в наследство. Именно поэтому богадельня в принадлежавшем купеческой чете доме была открыта уже после смерти благотворителей. В пользу данного благотворительного учреждения, согласно завещанию, выделялось 200 тыс. рублей, из которых 50 тыс. рублей необходимо было потратить на переустройство второго этажа и прилегающих к дому лавок в жилые помещения, комнаты для занятий и домовую церковь. Остальную сумму — 150 тыс. рублей — предполагалось положить в кредитное учреждение, чтобы «проценты с капитала, при неприкосновенности последнего, шли на содержание учреждения и на жалование работникам богадельни и причту» [1, с. 41].

Данное заведение продолжило свою работу и в начале XX в. В книге П.Н. Столянского говорится: «... на площади возвышается двухэтажный дом, бывший купца С. Иванова — в нем сконцентрированы благотворительные заведения, содержащиеся на капитал, оставленный по завещанию купцом С. Ивановым и его женою М. Ивановой — здесь находится домовая церковь, богадельня для женщин привилегированных сословий и двухклассная церковно-приходская школа для девочек» [5, с. 198].

Женская часть троицкой купеческой династии Яушевых с начала Первой мировой войны организовала «Комитет по оказанию помощи раненым» [4, с. 142]. Председателем благотворительного учреждения была избрана Мавтуха Яушева. Забота о функционировании Комитета легла на плечи других представительниц фамилии: Мунавры, Фатимы и Хадиджи Яушевых [4, с. 142].

Семья троицких предпринимателей Яушевых была очень многочисленной, и некоторые ее представители осуществляли деятельность за пределами Оренбуржья. Один из братьев имел регистрацию в качестве ташкентского купца, но все его семейство

постоянно проживало в Троицке. После смерти предпринимателя его вдова Г.Б. Юшешева, направила ходатайство попечителю Оренбургского учебного округа с целью получить разрешение на открытие учебного заведения для подготовки национальных педагогических кадров. Разрешение на открытие женской мусульманской учительской семинарии было получено 29 мая 1915 г. До возведения специализированного учебного корпуса аудитории семинарии разместились в доме Л.Ш. Юшешева по Татарскому переулку [4, с. 143].

В завершении становится видно, что женщины из купеческого сословия Оренбургской губернии весьма активно участвовали в благотворительных акциях, выделяя на социальные нужды значительные материальные ресурсы.

Литература

1. Васильева М. А. Ивановы. Пример благочестивой жизни и филантропии//Купечество оренбургское. Сборник статей под ред. Е. В. Бурлуцкой. Выпуск 1. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2016. С. 38–46.

2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13970.

3. Гениберг Т. В. Развитие попечительства и благотворительности в дореволюционной России//Ретроспектива. 2015. № 4. С. 124–133.

4. Гизатуллин Р. Н. Социально-экономическое положение г. Троицка в 1913–1917 гг. //Календарь замечательных и памятных дат. Челябинская область 2014. Челябинск, 2014. С. 137–154.

5. Столянский П. Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург: Изд-во Оренб. губ. тип., 1908.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 17–31–00010 а1 – Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)

Г. Т. Бакиева

г. Тобольск, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН

О благотворительности сибирскотатарских купцов в XIX — начале XX в.

В последние годы в отечественной историографии возрос интерес к теме сибирского предпринимательства и купечества. В специальных работах, посвященных торговому сословию Сибири XIX–начала XX в., авторы в своих работах акцентируют внимание на русских купцах. Однако среди провинциальных купцов Сибири определенную нишу занимали представители сибирских татар и бухарцев. Среди них были и крупные торговцы, состоявшие в гильдиях. Это — Тухтасын Айтмухаметов, Мухамет-Сафар и Худжатулла Чембаевы из Тобольска, Сейдуковы, Муртазины — из Ембаевских юрт (около Тюмени), Айттыкины — из Тары, Карим Хамитов — из Томска.

В настоящей статье рассматривается участие купцов из сибирских татар в благотворительной деятельности

Айтмухаметов Тухтасын Сафарович (1844–1915), сибирский бухарец, тобольский купец 2 гильдии. Специализировался на торговле мануфактурой. Активно участвовал в общественной жизни города [подробно см.: Бакиева, с. 27–30]. В конце XIX в. выступил инициатором строительства в татаро-бухарской слободе города Тобольска ка-

менной мечети [Зауральский край, 1915]. Вторую мечеть он построил на свои деньги на родине, в юртах Аремзянских Тобольского уезда. В 1901 г. Тухтасын Сафарович открыл первую мусульманскую школу в г. Тобольске, которую в первое время содержал на свои средства [Сибирский листок].

Мавлюкей Муртазин (1814–1892), купец второй гильдии юрт Ембаевских Тюменского уезда. В 1840-х гг. на свои средства построил в юртах мечеть (позже названную по его имени Мавлюкеевская). Во время пожара в 1881 г. мечеть сгорела, на ее месте сын Мавлюкея — Абдул-Кабир Муртазин (1857 г.р.) построил каменную мечеть, названную Ак мечеть (Белая мечеть). Об Абдул-Кабире известно, что он вел торговлю кожевенным сырьем, жировыми и хлебными товарами в Тюмени, Семипалатинске, Павлодаре и ярмарках Нижегородской, Ирбитской, Ботовской [архив музея с.Ембаево].

Нигматулла Кармышакович Сейдуков (1829–1901), купец второй гильдии, бухарец из юрт Ембаевских. В 1884–1888 гг. Нигматулла Сейдуков на свои средства построил комплекс Большой мечети в Ембаево, состоящий из 8 объектов (мечеть, медресе, библиотека, подсобные сооружения). Мечеть была построена по проекту архитектора Тобольской православной епархии Б. Цинке. В 1898 г. в пользу этой мечети Нигматулла Сейдуков пожертвовал сумму в размере 19000 рублей [ЦГИА РБ. Ф.И-295. Оп. 11. Д. 689. Л.8]. Кроме Большой мечети в Ембаевских юртах, Н. Сейдуков построил мечети и в других татарских аулах — Казаровских, Чечкинских, Новоатъяловских Тюменского уезда [архив музея с. Ембаево].

В юртах Ембаевских первое медресе было открыто в 1841 г. на средства бухарского купца Абдуллы Ниязова. В 1871 г. медресе было перестроено на средства купцов братьев Сейдуковых, с этого времени Нигматулла взял его под свое покровительство и попечение. В 1890 г. Нигматулла Сейдуков способствовал переходу медресе на новый метод обучения — джадидизм. Большое внимание в Ембаевском медресе уделялось преподаванию шакирдам русского языка и светских предметов. Нигматулла Сейдуков создал при медресе мусульманскую библиотеку, в которой насчитывалось 2200 томов печатных и рукописных книг, многие из которых были куплены им в Египте, Сирии, Иерусалиме и Туркестане. Также выписывал периодическую печать из Бейрута, Стамбула, Петербурга, а также газеты «Новое время» и «Официальная иллюстрация» [архив музея с. Ембаево].

Айтыкин Нияз (1777–1847) и его сыновья Абдул-Фаттах (1818–1883), Рахматулла (1834–1911), Насретдин (1838–1894), Тарские купцы первой гильдии, потомственные почетные граждане. В XIX — начале XX в. были одними из самых крупных купеческих кланов не только в Таре, но и во всей Западной Сибири. Торговали мануфактурой, галантерейными и бакалейными товарами. Им принадлежали магазины и склады в Таре, Павлодаре, Омске, Петропавловске, участвовали в Ирбитской и Марьяевской ежегодных ярмарках.

Нияс Айтыкин построил первую мусульманскую мечеть в татаро-бухарской слободе города Тары. По одним данным, мечеть была открыта в 1793 г., по другим — в 1802-м. Мечеть была построена в основном из дерева (из камня был выложен только низ). Нияс Айтыкин вложил 8571 руб. в Государственный банк, огромную сумму по тем временам, с условием, чтобы процентами от них пользовались служители мечети в г. Таре [Селезнев и др., с. 143]. После одного из пожаров мечеть полностью сгорела и, тогда Айтыкины построили каменную мечеть, которая с 1906 г. стала обслуживать местных мусульман. Известно, что братья Айтыкины построили также мечеть в Павлодаре, открыли при ней мектеб; они же несли расходы по их содержанию. Нияз

Айтикин в Таре являлся попечителем местного медресе, в разное время передал ему несколько тысяч книг на разных языках.

После смерти отца, тарское медресе содержал на свои средства Абдул-Фаттах Айтикин, а его брат Насретдин открыл в Таре библиотеку [Бикнеева, с. 13].

Карим Хамитов (1865–1919), томский купец 2 гильдии. Семья Хамитовых переселилась из Пензенской губернии в 1870 г. Карим разбогател на поставках лошадей в армию во время русско-японской войны 1904–1905 гг. На средства Карима Хамитова в 1904 г. была построена Красная мечеть Томска. Она вмещала до 5 тыс. верующих. Карим Хамитов пожертвовал на строительство каменной школы для детей «магометан» 10 тысяч рублей, которую открыли в 1907 году. Он также открыл бесплатную женскую гимназию для мусульманок и, содействовал в приобретении библиотеки [Кабдулвахитов, с. 6].

Таким образом, сибирско-татарские купцы в исследуемый период не только внесли существенный вклад в развитие экономики региона, но и приобрели авторитет как благотворители и меценаты, много сделал для развития культуры и образования. На наш взгляд, главным побудительным мотивом для занятия благотворительностью являлась религиозность сибирско-татарских купцов, поскольку в исламе благотворительность является неотъемлемой частью веры, находится в самом центре системы ценностей. Кроме того, в формировании потребности в благотворительной деятельности купцов играли личные жизненные принципы и семейные традиции.

Литература

1. Архив музея с. Ембаево Тюменского р-на.
2. Бакиева Г. Т. Сибирско-татарские купцы Тобольска в кон. XIX — нач. XX в. // *Стахеевские чтения. Елабуга, 2017. С. 27–30.*
3. Бикнеева Ю. Потомки Чингисхана // *Муслим-инфо. 2013. № 1. С. 13.*
4. *Зауральский край. 1915. № 44.*
5. *Сибирский листок. 7 июня 1907.*
6. Кабдулвахитов К. Потомки мецената живут в готовом рухнуть ветхом домишке и, готовы довольствоваться малым // *Муслим-инфо. Тюменская мусульманская газета. 2007. № 7. С. 6.*
7. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. *Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Издательский дом Марджани, 2009.*
8. ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф.И-295. Оп. 11. Д. 689. Л.8.
9. План НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г.; Приоритетное направление XII.186; Программа XII.186.4; проект № 0371–2018–0033.

О. В. Ванюшина

г. Тверь, Тверской государственный объединенный музей

Настроения и специфика организации свободного времени у женщин, административно высланных в Тверскую губернию (1881–1917 гг.)

На рубеже XIX — начале XX вв. россиянки активно участвовали в деятельности политических партий леворадикальной направленности. Социальная группа представительниц революционного радикализма, чьи опыты и практики заметно выхо-

дили за рамки предписываемых традицией женских социальных статусов и ролей, и ставшая заметной среди участников оппозиционного движения в конце XIX — начале XX вв., представляет особый научный интерес. Многие из женщин за революционную деятельность подвергались наказанию, в частности, выслались во внутренние губернии России. Мы остановимся на таком немаловажном аспекте жизни административно высланных женщин, как настроения и особенности организации досуга в условиях их водворения в Тверскую губернию по материалам воспоминаний, писем, а также дневников филерских наблюдений, где подробно описывался распорядок дня поднадзорных женщин.

Административно высланные женщины трудно переносили неторопливую размеренную провинциальную жизнь. «Скука» и «пессимизм», пожалуй, наиболее подходящие слова, чтобы выразить настроение характерное для лиц, «лишенных столицы». Между тем, Тверскую губернию трудно отнести к «российской глухомани», — поражают хотя бы количество библиотек — 156, и 630 при земских школах.

Поднадзорные лица, отмечали, что в месте водворения им совершенно нечем заняться, жизнь скучна и однообразна. Так, В. И. Дмитриева вспоминала: «Тверская жизнь текла медленно и однообразно. Все чувствовали себя, как на бивуаках, и в ожидании больших событий и настоящего дела брались за всякую случайную работу и вели мелкую борьбу за существование. В этом отношении счастливее других были те, у кого было какое-нибудь «призвание» — наука или литература; такая работа увлекала, не позволяя размениваться на мелочи и вариться в собственном соку» [4, с. 242–243]. В Твери В. И. Дмитриева занялась привычным литературным трудом. «Я принялась писать, сестра занялась хозяйством; записались в библиотеку, читали запоем» — вспоминала писательница [4, с. 241–242].

Высланная в Тверь из Москвы в 1911 г. Р. А. Козлова в письме к своей подруге Н. М. Ростовцевой в Париж, называла Тверь «проклятым городком», писала, что «здесь все тоскливо и серо. Беспросветно как-то» [1, л. 30]. Административно высланный в Тверь из Санкт-Петербурга Н. И. Лебедев в письме в северную столицу указывал: «О тверской жизни писать нечего стоит полная мертвячина» [3, л. 103 об.].

Вынужденное безделье, однообразная будничная жизнь приводила к тому, что поднадзорная молодежь начинала предаваться шумным развлечениям. Так, В. И. Дмитриева писала: «... молодежь, еще не нашедшая своего призвания, с трудом переносила томительную скуку дней и в поисках сильных впечатлений иногда устраивала шумные и бурные вечеринки с песнями и плясом. Конечно, особенно сильных впечатлений от этого не получалось: напротив, на другой день становилось еще непереноснее ссыльная жизнь с еженедельными визитами в полицию, с непрерывной слежкой за каждым твоим шагом, с городскими, торчащими на дворе, со звоном жандармских шпор под окнами, когда собирались вместе несколько человек» [4, с. 243]. По сведениям начальника Тверского губернского жандармского управления административно высланная в Тверь Р. Ландис часто собирала у себя поднадзорных и устраивала для них вечеринки, на которых гости засиживались далеко за полночь [2, л. 16].

Со временем такая жизнь надоедала, высланные подыскивали работу, занимались решением бытовых проблем, знакомились с местным «неблагонадежным» обществом.

Одним из аспектов повседневной жизни административно высланных женщин в месте водворения являлось качественное наполнение досуга, самообразование, что объясняется высоким уровнем образования большинства поднадзорных женщин, а также наличием среди них значительного количества недоучившихся курсисток.

Поэтому для большинства административно высланных женщин неотъемлемой формой проведения досуга являлось посещение библиотек, а также чтение нелегальной литературы, которую, как правило, поднадзорные получали от своих товарищей, проживавших в других городах империи. Так, на совместный адрес административно высланных Р. А. Козловой и Н. И. Лебедева, присылался журнал «Наша Заря». В своем письме в Петербург к некоему «товарищу Козлову» Н. Лебедев писал: «Передаю мою благодарность тем, кто позаботился их выслать и напомни, пожалуйста, если можно выслать следующие номера, это будет не только для меня, но для всей ссылки здешней. Это знаешь единственный журнал, который здесь мы получили, кроме него никаких газет и журналов не читаем» [3, л. 102 об.]. Распространенной формой проведения досуга являлась организация совместных чтений: собирались вместе, поочередно читали рефераты, обсуждали прочитанное.

Как для столичных, так и для провинциальных городов XIX века было характерно существование салонов, кружков, обществ различной направленности: музыкальных, литературных, вокальных и др. Административно высланные наравне с местными обывателями могли посещать подобные мероприятия, в качестве зрителей, но не имели права принимать участие в их деятельности, что было направлено на ограничение контактов между высланными лицами и местными обывателями.

Круг общения высланных женщин в месте водворения был достаточно узким и включал в себя лиц близких им по политическим убеждениям и интересам. Административно высланные женщины поддерживали тесное общение между собой, с местными «политически неблагонадежными» лицами, а также с земскими деятелями. Поднадзорные часто собирались друг у друга в гостях, совместно отмечали праздники, обсуждали литературные новинки и новые политические теории.

Важной частью жизни высланных женщин являлась переписка. Так, Р. А. Козлова писала своей подруге Н. Ростовцевой в Париж о жизни в Твери и очень просила выслать адреса для переписки: «Ради бога адресов, а то тоска. [...] Адресов жду как манны небесной» [1, л. 30]. Писали родным, друзьям, оставшимся в столицах, единомышленникам, сосланным в другие регионы империи. Базовые жизненные ситуации и взаимоотношения, горести и радости, физическое и душевное самочувствие также становились предметом эпистолярной рефлексии для высланных женщин. Часть писем «политически неблагонадежных лиц» подвергалась перлюстрации.

Высланные женщины располагали массой свободного времени. Среди форм проведения досуга поднадзорных женщин можно назвать посещение библиотек, театров, концертов, танцевальных вечеров, земских собраний, общественных мероприятий, проводимых в городе. Чтение, переписка, литературная деятельность, обсуждение литературных новинок, устройство вечеринок, совместные празднования и просто общение в своем узком кругу помогало поднадзорным женщинам скрасить однообразие будней в вынужденном месте проживания. Однако социальная обособленность поднадзорных женщин, постоянный полицейский надзор, отсутствие возможности вести прежний активный образ жизни, разлука с семьей порождали негативные настроения.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102. Оп. 265. Д.1204
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф.927. Оп. 1. Д.112.
3. ГАТО. Ф.927. Оп. 1. Д. 1639.
4. Дмитриева В. И. Так было (Путь моей жизни). М.-Л.: Молодая гвардия, 1930.

Русские горожанки эпохи дореволюционной модернизации

Городская среда формировалась как единство истории материальных условий жизни и ее культурно-психологической атмосферы, которые наложили свои черты на отечественные города: столичные, губернские и уездные. Два столичных пояса, дополнявших друг друга — Петербург и Москва — во многом создавали, в частности, в литературе и сознании современников, облик страны, но далеко его не исчерпывали. Городская среда других российских городов оттеняла не всегда привлекательные столичные условия жизни и их контрасты, «социальные язвы».

Жительницы всех городов Российской империи — горожанки — обладали разной степенью мобильности (внутри страны и за рубежом), имели или не имели связи во внегородской среде (поместье, дачу, родственников в родном селе или деревне), но всех их объединяло то, что каждая из них была личностью — матерью, женой, сестрой или дочерью. Ее мир был важен для отдельного человека, близких ей людей, семьи и общества. «Судьба женщины, материальная и нравственная, неразрывно соединена с историей общества, среди которого она поставлена. С ним она возвышается, с ним же и падает. Скажем более: нравственный переворот ни на чем не отражается так живо и ярко, как на нравственном состоянии женщины», — писал еще в середине XIX в. историк, ученик Т.Н. Грановского — П.Н. Кудрявцев [3, с. 209]. От физического и душевного состояния женщины зависела и продолжает зависеть жизнеспособность общества в целом. Поэтому так драгоценны сохранившиеся в источниках конкретно-бытовые изображения городской среды, узнаваемого слоя в городской структуре и ее отдельных представительниц. Содержащиеся в источниках подробности передают чувство живой, подлинной жизни, веяние ушедшего времени, то есть, тех свойств, которыми не обладают статистические источники, хотя и без них не обойтись.

Стремительная модернизация, которую переживала Российская империя в период 1860-х гг. — начала XX в., привнесла фундаментальные перемены в жизнь русской женщины. Они отразились в ее занятиях, повседневном укладе жизни и внешнем виде. Далеко не всегда можно было определить по внешности сословную принадлежность и родословную. Так, современники, а вслед за ними и исследователи отмечали, например, «европейские, аристократические черты <..> в удлиненном овале лица, тонких изящных руках, горделивой постановке головы, — образ едва ли не с картин Гейнсборо или Рейнолдса» у Екатерины Алексеевны Андреевой, в замужестве Бальмонт (1867–1950) [1, с. 6]. Она родилась и умерла в Москве. Еще ее дед, Михаил Леонтьевич Королев, был крепостным крестьянином, который сумел заплатить барину выкуп и вышел на волю перед самым освобождением крестьян в 1861 г., стал успешным купцом. Екатерина Алексеевна писала: «Семья моя, Андреевых, интересна тем, что она одна из первых (в середине девятнадцатого века) явила тип новых купцов, ничем не похожих на грубых, безграмотных купцов времени Островского — ни в приемах своей торговой деятельности, ни в семейном укладе» [1, с. 15]. Женщины из предпринимательской среды были очень разными внешне, различались их вкусы и в костюме. Особенно интересны различия в среде женщин-предпринимательниц, которых было особенно много в текстильной промышленности. Народный образ Феодосьи Гордеевны Шорыгиной и патриархально-купеческий — Марии Федоровны Морозовой, Типичные купчихи Е.В. Шибаева и Т.Я. Смирнова. Совсем иным был интеллигентный вид Варвары Алексеевны Морозовой. Маргариту Кирилловну Морозову отличали красота и аристократичность. Впрочем,

Маргарита Кирилловна занималась не промышленным производством, а финансировала философский журнал «Путь» и вела заинтересованную профессиональную переписку с С.Н. Булгаковым по этому вопросу, интересную обоим, содействуя публикации духовных и интеллектуальных ценностей. То есть, содействуя, по выражению историка А.С. Лаппо-Данилевского, получению «продуктов». Он назвал идею «продуктом», рассматривал ее качество, место и условия происхождения, а также ее дальнейшее движение и последующее восприятие, и затем — проявления в жизни, то есть, последствия.

Легкая промышленность и ее хозяйки, чуткие к потребителю своей продукции, формируя ассортимент тканей и отделки, не могли не учитывать как скромные требования небогатых семейств, так и претензии богатых дам. Среди женщин-предпринимательниц мы видим тех, кто наравне с мужьями выступали в роли организаторов производства, осуществляли социальную работу. Без совета с супругой — Марией Федоровной не принимал ответственных решений Тимофей Саввич Морозов. Если у рабочего в деревне умирала лошадь-кормилица, Мария Федоровна, игравшая на фабрике роль «патриархальной матушки», немедленно принимала решение о выплате ему компенсации. Супруга Василия Прохорова — основателя Прохоровской мануфактуры (позднее Трехгорной фабрики на Красной Пресне в Москве) Екатерина Никифоровна, фактически, определила отраслевую специализацию многовекового дела, заставив, по нравственным соображениям, мужа отказаться от пивоварения и заняться текстильным производством. В сыне Тимофее она воспитала чувство духовной ответственности за богатство и характер распоряжения им. Тимофей Васильевич Прохоров первым в Европе (1815) создал на фабрике школу для детей рабочих фабрики и округа, формировал новую среду. При фабрике был храм, позднее театр. Все эти основания получили последующее развитие на фабрике в XIX — начале XX в.

Отечественные историки размышляли о взаимодействии городского и сельской повседневности в условиях взаимопроникновения городского быта и традиций народного домостроя. Высвечивая проблему, напоминали о страницах из истории костюма. С.А. Ермишина задалась вопросом, а «так ли уж правы те, кто считает народный костюм и светский антиподами» [2, с. 16], и ответ нашла у А.С. Пушкина. Повести «Барышня-крестьянка» предшествует эпиграф: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша. Богданович». Забавные переодевания героини — то в крестьянский сарафан, то в блестящий наряд по последней моде, только усиливают ее очарование и помогают раскрыться особенностям ее характера и самобытности. Идея оказалась бессмертной. Сочетание новинок европейской моды с сохранением и развитием национальных традиций в быту и одежде продолжают оставаться актуальными.

В начале XX в. русская мода, которую приносили искусство театра, кинематограф, иллюстрированные модные журналы, экспонаты всемирных и прочих выставок, старалась вписаться в русло стиля модерна, сложившегося к тому времени. Русский модерн имел отличия, впрочем, как и проявившиеся вкусы в ведущих европейских странах. Если парижанки были ориентированы на кокетливый костюм, то англичанки отдавали предпочтение удобству и функциональности. Наши соотечественницы осваивали все городское пространство — и свое, и иное. «Мода на русское» звучала и в Европе.

Литература

1. Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М, 1996.
2. Былое. 1992. № 1.
3. Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М.: Наука, 1991.

Домашний быт молодой Н. К. Крупской

Мать Надежды Константиновны — Елизавета Васильевна Крупская до замужества работала гувернанткой, отец Константин Игнатьевич учился в Петербургской Военно-юридической академии, а затем получил должность начальника уезда в Гроеце (Польша). Н. К. Крупская тепло вспоминала детство. «Мне милы казались деревянные открытые галерейки во дворах, напоминали они мне те галерейки, на ступеньках которых я играла когда-то с польскими и еврейскими ребятами; мне милы казались «огрудки» (садики), в которых продавалось «квасьне млеко с земняками» (кислое молоко с картофелем)». Польским языком она владела слабо, лишь контакты в Сибири с ссыльными поляками помогли восстановить язык [1].

Судебный процесс против К. И. Крупского привел к бедности семьи, а затем и смерти отца. По возвращении в Петербург Надежда поступила в гимназию Оболенской. С 14 лет она репетировала математику, а затем получила диплом «домашней наставницы». Елизавета Васильевна сняла большую квартиру, а комнаты пересдавала телефонисткам, швеям и т. д. В весенне-летний период мать и дочь снимали избу на Псковщине. Надежда занималась с крестьянскими детьми за натуральную оплату [3]. Первая встреча с В. И. Лениным произошла в 1894 г. на Масленицу у инженера Р. Э. Классона. В. И. Ленин часто посещал квартиру Крупских — Надежда с удовольствием обсуждала марксизм, а Елизавета Васильевна вкусно готовила [4].

Позже В. И. Ленин из тюрьмы сделал предложение Н. К. Крупской. После тюремного заключения и ссылки в Уфимскую губернию Н. К. Крупская подала прошение с просьбой отбывать ссылку вместе с В. И. Лениным. Для переезда в Сибирь Елизавета Васильевна продала участок рядом с могилой мужа на Новодевичьем кладбище. В церковный брак пара вступила 1898 г. по настоянию матери [3]. До смерти последней в 1915 г. ее пенсия была единственным твердым доходом в семье.

В с. Шушенское В. И. Ленин снимал комнату у крестьян Зыряновых, затем семья переехала на квартиру П. О. Петровой, поддома сняли за 4 рубля. Н. К. Крупская быт в домах «полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой». Елизавета Васильевна вместе с дочерью осваивала русскую печь, Н. К. Крупская иногда «опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу». Мать и дочь развели огород, разбили сад, насадив хмеля. Осенью в помощь по хозяйству была нанята «тринадцатилетняя Паша». В Сибирске грибы не росли, поэтому Крупская и Ленин с удовольствием ходили за грибами в Шушенском [2]. Много ходили, катались по замерзшим рекам на коньках. Ленин и Крупская переводили Вебба и Каутского. По окончании ссылки Н. К. Крупской подарили брошку в виде книги с надписью «Карл Маркс».

Существует точка зрения о плохом отношении М. А. Ульяновой к Н. К. Крупской. Но она писала: «Марию Александровну я очень любила, — она такая чуткая и внимательная была всегда». В переписке М. А. Ульянова всегда обращалась к обоим супругам. Перед выездом в эмиграцию Н. К. Крупская с матерью навестили свекровь в Москве. Невестка «старалась описать ей как можно живее нашу жизнь, чтобы почувствовала она хоть немного близость сына» [1].

После ссылки Н. К. Крупская отправилась в Прагу к мужу. Ее никто не встретил, и через цепочку адресов она добралась до Мюнхена, где оказалась единственной женщиной

в шубе, когда вокруг ходили в платьях. Встретившись с В.И. Лениным, Н.К. Крупская ругалась на неточность адреса. Жилье Н.К. Крупскую не устроило. Комната была плохой, ел он у какой-то немки, пил из жестяной кружки и вешал ее на гвоздь. С болгарскими паспортами они поселились в рабочей семье из 6 человек. «Чистота была страшная, детишки ходили чистенькие, вежливые». Семья жила на кухне; готовить Н.К. Крупской разрешали, но нарезать все нужно было в комнате и при этом не мешать В.И. Ленину. Во время его работы Н.К. Крупская не разговаривала с мужем, тот очень не любил шум. При прогулках оба выбирали «места подичее, где меньше народа». Через месяц переехали на собственную квартиру в предместье Мюнхена Швабинг в один из только что отстроенных больших домов. Гордостью стала «обстановочка», которую при отъезде продали за 12 марок. «Местная жизнь не привлекала нашего особенного внимания. Мы наблюдали ее со стороны». Не понравилось Н.К. Крупской немецкое празднование 1 мая без флагов, плакатов и с пивом в загородном ресторане.

В 1902 г. супруги уехали в Лондон. Ранее В.И. Ленин делал замечание Н.К. Крупской о ее плохом произношении, т.к. жена учила язык по самоучителю. Но в Лондоне оказалось, что языка не знают оба. Улучшали язык практикой обменных уроков. Читалки, дискуссии, народные ресторанчики, рабочие собрания... Совершенно не понравилась Н.К. Крупской социал-демократическая церковь. Пение «Выведи нас, господи, из царства капитализма в царство социализма» просто ее обескуражило. «Любили мы ездить на Prime Rose Hill и потому, что там близко было кладбище, где похоронен Маркс». С жильем сначала помогла устроиться А. Якопова (Тахтарева). Но перед приездом Елизаветы Васильевны было решено снять 2 комнаты с возможностью готовить, т.к. «ко всем этим «бычачьим хвостам», жареным в жиру скатам, каксам российские желудки весьма мало приспособлены» [1]. Н.К. Крупская имела слабое представление о медицине. Однажды В.И. Ленин нервничал и заболел воспалением грудных и спинных нервов, потом появилась сыпь. Н.К. Крупская, не желая платить гинею врачу, взялась на медицинский справочник, определив стригущий лишай. Жена щедро намазала Ленина йодом, доставив сильнейшую боль.

С 1903 г. они жили в Женеве. Впервые Н.К. Крупской достался целый дом — три комнаты и кухня. Вместо мебели использовались ящики. После ряда скандалов после II съезда РСРД, Ленин и Крупская ушли на месяц в горы. «Мы питались больше всухомятку — сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка» [1]. Осенью в Женеве супруги сменили квартиру ближе к центру. Постоянным местом питания как насущной, так и духовной пищей стала большевистская столовая супругов Лепешинских, где Н.К. Крупская вычитывала протоколы III съезда РСДРП.

Таким образом, в быту Н.К. Крупская была крайне минималистична, тем не менее, в ее воспоминаниях фигурировала еда. Основные бытовые функции возлагались на мать, сопровождавшую ее и в ссылке, и в эмиграции.

Литература

1. Крупская Н.К. *Мой муж — Владимир Ленин*. М, 2013.
2. Крупская Н.К. *О Ленине. Из ответов на анкету института моза в 1935 г.* URL: <http://leninism.su/private/3685-vladimir-ilich-lenin-v-moskovskom-institute-mozga.html?start=1> (Дата обращения 25.04.2018)
3. Курасова Е. *Надежда с верой без любви, или Как жить с большевиком и не спать с ним.* URL: <http://vginekolog.ru/magazine/historical-woman/nadezhda-krupskaya-biography-revolutionary> (Дата обращения 25.04.2018)

И. М. Пушкарёва

г. Москва, Институт российской истории РАН

Особенности женских эго-документов как источников по истории февральских событий 1917 г. в Петрограде (горожанки — свидетельницы свержения российской монархии)

Столетний юбилей Великой российской революции 1917–1922 гг. заставил подготовить ряд изданий новых источников, в том числе публикацию свидетельств ее очевидцев разной жанровой специфичности. Свое место в этой лавине публикаций занимают дневники, имеющие особую ценность приближением к событию. Они минимизируют число лагун в исторической науке, поддерживают выражение недоверия к штампам классической советологии, способствуя обновлению исследований. Среди таких лагун — воззрения современниц-горожанок на происходившие на их глазах события начала 1917 г. И эту лагуну частично восполняет отлично подготовленное издание текстов, подготовленное екатеринбургским историком Н. В. Суржиковой [1, с. 27–85, 245–358]. В нем четыре дневниковые записи — женские, являющие представительниц разных групп образованных горожанок Москвы, Петербурга и Киева.

Приведем некоторые выписки. Так, книга для записей приближенной ко двору аристократки Елены Мейендорф о событиях в Петрограде с 8 февраля по 3 марта 1917 г., — это по-женски эмоциональное представление восьми дней Февральской революции, которые потрясли мир, целый спектр эмоций, связанных с тревожным ожиданием чего-то масштабного: «8-е февраля. Все ждут забастовок и беспорядков. Уверенность в этом идет снизу... Предприняты меры на случай беспорядков. Округ/Петроградский/отделен от 6-й армии... казачьих полков нагнали много и вооружили их выведенными из употребления пулеметами. Сын няни Раевских работает на заводе. Ему приказали бастовать 14-го, будто две недели (?)» «13-ое февраля... Удвоенные посты городских и конной стражи ...Говорят, что забастует водопровод, электричество» [1, с. 46, 53]. Тут в одном абзаце — картина отношения в «верхах» к царю. Вопрос к гостю у Е. П. и Ф. Е. Мейендорфов «Ш.» (С. И. Шидловскому): «... Отчего Он (царь) не едет в Армию. Все смеются: кто же у нас главнокомандующий?» [1, с. 57–61]. Дневник Елены Мейендорф — особое эмоциональное восприятие женским внутренним миром социальных перемен. Цепкость женского взгляда дает возможность «прочувствовать» по-другому то, что в литературе названо революционным взрывом в Петрограде. Представить его не через приказы начальника Петроградского военного округа Хабалова и не по путям, прочерченным историками партии и линиям демонстраций из рабочих районов в центр города.

Особенность женского восприятия — пожалуй, умение представить себя частью людей и народа (вероятно, одна из особенностей гендерной меморизации!) — с первых строк о начале революции. 23-е/февраля/«Мы проехали, не встретив никого через Самп/сониевский/мост, где стояли ряд пустых трамваев... В общем однако народ благодушно был настроен. Требовали хлеба. С утра и у нас (Петроградская сторона И. П.) еле могли добиться мак/симально/количества стоя без конца в хвосте. Санитар (Ма-

риинского приюта И. П.) мне говорит: «Ведь, голодные, дают фунт семейному человеку, с этого сыт не будешь. Возвращаюсь домой с работы, а есть нечего». 24 —ое/февраля/. «Вчера у нас бесконечный хвост... Путиловцы и Лейснер прекратили работу за недостатком угля... Публика стоит и глумится над афишей: где этот хлеб?.. На Невском была толпа, которая кричала: «Хлеба!» и «Долой немку». 25 февраля — «Воинские части разезжают по городу времена рысью и разгоняют. Видели, как, по команде, вынимают сабли и бросаются на публику... Говорят, что завтра-то именно ждут главных беспорядков... Решено передать продовольствие городу... Нет топлива... Дума совсем потеряла нити к пониманию настоящего движения...». «26-ое. Февраля. Газет нет. Трамваи не ходят. На Невский не пускают. Там стреляли. Есть раненные и убитые. Невский в эту минуту был пуст. (точность до минут —тоже особенность женского рассказа). Только разезжали кавалерийские части. Толпы зевак на всех перекрестках, у всех подъездов и ворот, а также на прилежавших улицах. После раздавшегося сигнала вся толпа бросилась бежать, предполагая вероятно, что это сигнал к атаке: «Усиленно идет провокация и нужен царь», «по данным, полученным в Красном Кресте вернется Царь 4-го» (Снова представление себя частью народа, ожидающего царя). «27-го с утра по телефону Митька (типичное для автора эго-документов женщин гендорное «поименование» героев рассказа как живых людей) Оболенский сообщил: «убили батальонного командира (лейб-гвардии Павловский полкполковник А. Н. Экстен)... Услышанное по телефону: «Некоторые части отказались стрелять в толпу... на Литейном у арсенала стрельба пачками...», дым такой, что на Кирочной ничего не видно ...Вышли к Никольскому мосту погулять ...Погода чудная... На Ковенском (Центр города)... Толпа отнимает оружие у офицеров... Думу распустили... собирается где-то самостоятельно... Целый день слышим пальбу. Бежит народ и солдаты ...Летают переполненные солдатами моторы... Подождли окружной суд. Околоточный — ждут царя завтра... Звонила... Тезя (сестра автора)... перед подъездом стрельба. Части полковые... встречены пулеметным огнем из-под ворот, смятение, ужасно страшно.» и т. д. На правом поле поперек страницы — «Министры вышли в отставку — сукины дети» 28 февраля. «Сидим в бесте. (надежно укрыться, спрятаться)... Ездят моторы, полные солдатами с оружием и без оног, свистят, кричат... Появление толпы на лестнице.. 20 человек хотят оружие... Один с Георгием. Я ему говор., вот ты был на фронте и вот мой сын тоже на фронте. «Да, ты мамочка, не беспокойся, мы за свободу, за порядок, вот и Родзянко, что пишет».— «Мы Родзянку знаем хорошо.»—«Ну вот и отлично»...Они и ушли». «1-ое Марта. Как будто проблески начинающегося введения порядка. Заводы дали гудка — есть надежда, что становятся на работу ...Царь оказывается от престола... Ужасен телефон от Николая (возможно, Н. А. Княжевич) в 4 часа. Шайка грабителей в квартире. Арестовали Стакеальбрга (муж сестры Теси, тогда же убит во дворе дома И. П.)... Николай нечаянно шел к ним... Тезя пришла к ним. У нее все разграбили и наломали. Так во всем доме (Центр, Миллионная 16.) под предлогом, что ищут пулеметов...»; «2-ое Марта..... На улице больше не стреляют. Большого движения и беспорядков в центре нет»; «3-го (Марта)... Все более и более проявляются проблески порядка. Начинается налаживаться».

Сокращенные отрывки из дневника Елены Мейендорф (полный текст еще более выразителен) фиксируют то, о чем, перефразируя М. М. Бахтина, можно сказать: голос любого очевидца самоценен, его «правда» равноправна с «правдами» других (М. М. Бухтин). Восприятие событий Февраля 1917 г. одной из горожанок стоилицы заставляет снова задуматься о цене революции. Революции — те же войны, но войны другими средствами и политическими целями. Они ломают привычный уклад жизни миллионов. Понимание

этого, столь выразительно отображенное в эго-документах женщин, ставших очевидицами революционных событий, актуально и важно как при конструировании прошлого, для обновления концептуально — методологических оснований наших исследований.

Литература

1. *Россия 1917 года в эго-документах*. М. РОССПЭН. 2017. С. 27–85, 245–358.

Е. Л. Бадмацыренова

г. Улан-Удэ, Бурятский государственный университет

Общественно-политическое участие горожанок г. Улан-Удэ: этапы советской модернизации

В советский период вовлечение горожанок Бурятии в общественно-политическую деятельность представляет собой одно из наиболее важных направлений деятельности государственных и партийных органов. Можно констатировать наличие сложной внутренней структуры этой сферы государственной политики, обусловленной широким спектром решаемых задач по вовлечению женщин в различные аспекты общественно-политической деятельности.

В процессе развития государственной политики по вовлечению женщин Бурятии, в том числе жительниц г. Улан-Удэ в общественно-политическую деятельность можно выделить три основных периода. В рамках первого периода, с 1923 до 1937 г., происходит становление идеологии государственной политики по вовлечению женщин, формирование системы государственных органов, нормативной правовой базы их функционирования, разработка основных механизмов включения женщин в общественное производство, повышение массовой политической культуры женщин. Именно в этот период оформляются основные предпосылки повышения общественно-политического значения женщин в советском обществе. Важной функцией государственной политики по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность на этапе формирования советского государства являлось повышение легитимности советского политического режима, формирование устойчивой массовой базы, причем активизации этого направления государственной политики во многом способствовало массовое эмансипаторское женское движение, весьма последовательно поддерживающее преобразования первых лет Советской власти. В БМАССР первый женотдел был создан при Бурят-Монгольском Обкоме РКП (б) в 1922 году [2]. В г. Верхнеудинске делегатские собрания являлись наиболее распространенной формой работы среди женщин и рассматривались как главная форма партийной работы среди «политически отсталых» горожанок в период перехода от капитализма к социализму. Работа собраний в городе началась в 1923 году с охватом 105 женщин, тогда же был организован городской женотдел [3].

Во втором периоде, в 1938–1955 гг. наиболее общей целью интеграции женщин в общественно-политическую деятельность выступает использование потенциала этой социально-демографической общности в сфере общественного производства, поскольку решаемые советским государством задачи ускоренной форсированной модернизации требовали полного включения всего общества. Процессы, происходившие в социально-экономическом развитии БМАССР, ускорили интеграцию женщин, в особенности горожанок в формирующиеся социальные институты, их количество

увеличивается во всех отраслях производства, к чему подталкивали индустриализация, коллективизация и, позже, Великая Отечественная война [1, с. 101]. Именно война привела к ситуации, когда в экономике женский труд стал преобладать над мужским, а представительство женщин в партийных и советских органах значительно увеличилось. Женщины республики в эти годы стали основным кадровым резервом во всех сферах жизни, причем уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки женщин к этому времени характеризовались весьма высокими показателями. Так, в первые месяцы войны только по Железнодорожному району г. Улан-Удэ было выдвинуто на должности начальников цехов, отделов, мастерами и бригадирами 36 женщин, а по Пригородному району — 48 женщин [5].

Третий период, с 1956 г. до 1991 г. характеризуется изменением концепции взаимоотношения женщин и государства. Общественно-политическое участие женщин значительно повышается, что было обусловлено повышением уровня их образования и профессиональной квалификации. Женщины становятся к этому времени незаметной производительной силой и важнейшим фактором демографического развития, но влияние их на формирование политики советского государства и партии остается незначительным. Кроме того, в советском обществе сформировалась противоречивая система занятости женщин, для которой характерны, начиная с пятидесятых-шестидесятых годов доминирующее положение женщин в общей системе социалистического производства при существенно более низких, в сравнении с мужчинами, показателях дохода и престижа.

В этих условиях постепенно возрастает неудовлетворенность горожанок декларативным характером государственной политики в отношении женщин, что остро проявляется в период перестройки, хотя предпосылки к общественно-политической дискуссии складываются уже в шестидесятые и семидесятые годы. Так, создание женсоветов явилось попыткой государства и партии компенсировать недовольство женщин, но эта структура не смогла стать достаточно жизнеспособной для решения проблем гендерного неравенства в советском обществе. Всего женсоветов в городе Улан-Удэ к концу 1960 г. было создано 118, в состав которых вошли 1048 человек [4].

В целом, процессы вовлечения женщин-горожанок в общественно-политическую деятельность и формирование институционализированных форм современного гражданского политического участия в Бурятии, в условиях полиэтничного и многоукладного общества, сталкивалось с необходимостью ломки традиционных механизмов участия женщин. Формирование нового типа «советской женщины» рассматривалась идеологами как один из этапов построения коммунистического общества. Для периода становления советской государственной политики характерна установка на пересмотр традиционных ценностей общества и формирование новых, социалистических, охватывающих личную жизнь граждан, воспитание подрастающего поколения и семейно-бытовую сферу, причем государство играет главную роль в данном процессе посредством проведения последовательной социальной политики. В условиях национальной республики, доминирования патриархальной культуры, основанной на подчинении индивида традиционным структурам, эта проблема не могла быть решена методами, использовавшимися в центральных районах страны.

Основным показателем общественно-политической деятельности горожанок является их участие в функционировании органов государственной власти, партийных структур и общественных организаций. С позиций формального советского статистического подхода эти показатели демонстрируют весьма высокие достижения в этой об-

ласти. На протяжении всего советского периода наблюдается устойчивый рост числа горожанок в рядах коммунистической партии, комсомольской организации, профсоюзам, советах разного уровня, но при этом доля женщин в системе исполнительных органов и на руководящих должностях остается неизменно низкой, увеличиваясь только в годы Великой Отечественной войны. Анализ места и роли женщины в общественно-политической жизни советского общества показал, что женщины участвуют в публичной жизни весьма ограниченно. Их низкая доля в представительных, исполнительных органах власти говорит о наличии в советский период дискриминации в отношении женщин, об их фактическом исключении из процесса принятия наиболее важных политических государственных решений. Система квотирования в процессе формирования представительных органов власти не отражала реальное политическое участие и имело преимущественно символическое значение.

Литература

1. Бадмацыренова Е. Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. — 156 с.
2. ГАРБ. Ф.1. Оп. 1. Д. 757. Л. 2–5.
3. ГАРБ. Ф.1. Оп. 1. Д. 298. Л. 60–62.
4. ГАРБ. Ф.1, Оп. 1, Д. 6925, Л. 40.
5. ГАРБ. Ф.475, Оп. 6, Д.161, Л. 56.

М. А. Текуева

г. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

«Легенды расскажут, какими мы были»: роль комсомола в формировании нового женского образа в южном городе

В редких маленьких городках Северного Кавказа представители местных национальностей не укоренились, воспринимая городскую культуру как чуждую и в этническом и в конфессиональном отношении. Началом существенных перемен стали 1920-е годы, когда советская власть поставила задачу эмансипации горянки.

В 1922 г. в Нальчике — единственном городе Кабардино-Балкарской автономной области был созван съезд женщин-горянок. В воспоминаниях Елены Суховой содержатся свидетельства национальной специфики работы среди женщин: «Делегатки держались робко. Мы, девушки-комсомолки, опекали гостей, дежурили в спальнях, столовых, водили горянок по улицам, посещали с ними кино. Вначале делегатки почти не выступали с трибуны. Каждую из горянок, приехавших на съезд, сопровождал или муж, или кто-нибудь из родственников. Они следили за каждым шагом женщин, даже спали, расположившись у дверей их спальни. Но однажды, когда съезд проделал уже половину своей работы, горянки устроили настоящую демонстрацию. Вечером каким-то образом они выбрались из здания и, взявшись за руки, шеренгами, под звуки гармонки прошли по улицам. Мужчины устроили переполох, побежали разыскивать их, но они, не обращая внимания на своих «телохранителей», продолжали свое гордое шествие».

Город, его непривычная для аула активность вызывали беспокойство патриархального социума. Сельские парторганизации проявляли особую сдержанность и пассивность в отношении признания прав женщин на публичную деятельность. Неприятие

традиционным сознанием новых установок на равноправие полов принимало своеобразную форму не активного сопротивления, а контролирования действий партийных органов местными сельскими авторитетами. Любопытные сведения на этот счет содержатся в материалах совещания секретарей коммунистических и комсомольских ячеек Кабарды (1922 г.): «Среди женщин нигде никакой работы не велось, и на вопрос, заданный на совещании, мулла, он же секретарь комячейки, заявил, что он как коммунист и как мулла готов вести борьбу за самое широкое раскрепощение женщин открыто, на основе Корана».

С 1924 по 1932 г. единственным в области учебным заведением, готовившим специалистов для работы в советских и партийных органах, школах, медпунктах и сельском хозяйстве, был Ленинский учебный городок (ЛУГ) в городе Нальчике. Девушек набирали по разрядке из-за сопротивления их семей. Первыми его курсантками стали сироты и члены семей коммунистов и комсомольцев. Совместное обучение с юношами, включение девушек в пространство межгрупповых коммуникаций вело к изменению телесного опыта и формированию новых моделей, стилей поведения. Перемены начинались уже с формы одежды: длинное платье с серебряным поясом и нагрудником и большой кружевной шалью были заменены на черные пальто и кепи.

Помимо учебы девушек обучали шитью, вышиванию, кулинарии. Эти гендерно маркированные занятия дополнялись совершенно несвойственными для горянки игрой на фортепиано и физкультурой: «Физкультура курсанток это яркий кусочек нового быта, пробивающегося через застарелую кору старых жизненных укладов. Первое время курсантки считали для себя неприличным «ломаться», а сейчас с большой охотой физкультурничают, не считая это позорным» (газета «Карахалк» от 8.03.1926).

Комсомолки, учившиеся в городе, ездившие на слеты и съезды в другие города, перенимали непривычные для села манеры поведения, внешний облик и новый характер. Сознательная сложность их восприятия односельчанами, партийные организации пытались смягчить гендерный конфликт, ставя задачу перед сельскими властями «повести усиленную работу по подготовке к встрече курсанток, чтобы крестьяне встретили их не как чужих, которые нос сверху дерут, а как своих лучших друзей и помощников» (январь 1925 г.).

С течением времени новые поведенческие нормативы становились более привычными, получали распространение в обыденной сельской среде и воспринимались как дополнительный маркер прогрессивного «социалистического» образа жизни. Так, девушки из с. Зарагиж в ознаменование своей победы в соцсоревновании с колхозницами с. Заюково, всей бригадой отправились к соперницам на велосипедах за 65 км, устроив там концерт самодеятельности.

Обычная сельская девушка за трудовые достижения получала возможность не просто испытать новые ощущения от использования непривычного в техническом отношении вида транспорта, но выступить в роли презентаторов новой культуры с активной позицией женщины, имеющей визуальное телесное воплощение.

Секретарь комсомольской организации колхоза с. Псыгансу Цаца Кясова организовала конноспортивный кружок из 80 комсомольцев, сама стала чемпионкой всесоюзных соревнований по массовой джигитовке, заняла 1 место в республике в скачках по пересеченной местности.

Нальчикский аэроклуб, созданный в начале 1930-х годов и воспитавший трех летчиков-героев Советского Союза, подготовил первую девушку-парашютистку Аню Маремукову, совершившую в 1935 г. первый прыжок, и первую кабардинскую летчицу Лелю Дышекову.

Борьба за социально-политическое равноправие женщин в национальных областях Северного Кавказа порой принимала неожиданные формы. Наглядным примером этого может служить кампания «Пальто — горянке». В 1927 г. Кабардино-Балкарский облисполком ходатайствовал о перенесении сроков выборов в местные советы с зимы на весну, обосновывая это снижением активности женского электората, «вследствие отсутствия у них теплой одежды и незначительности закрытых помещений для проведения общих собраний». Проблема приобретения верхней одежды остро стояла перед женщинами ввиду непубличного характера традиционных женских занятий и ограниченности внешних контактов, объясняемых частично обычаями избегания, частично — полунатуральным ведением хозяйства.

Чтобы изменить отношение населения к пальто, бюро обкома партии рекомендовало применять «партвзыскания к коммунистам, придерживающимся старого быта и препятствующим приобретению пальто горянке». На женском съезде в 1928 г. вопрос ставился следующим образом: «Пережитку прошлого, служащему одной из основных причин ослабленного организма женщины — отсутствию пальто у горянки должна быть объявлена решительная борьба. К очередному съезду не должно быть ни одной горянки без пальто».

За 1928–1929 гг. было распределено около 1000 пальто. Уже первая зима после начала кампании, совпавшая с выборами сельских Советов, дала результаты: участие женщин в выборах 1928–1929 гг. возросло вдвое.

Приведенные факты иллюстрируют начальный этап формирования комсомолом нового образа кабардинской и балкарской молодежи, в частности, ее наиболее консервативной части — девушек. В течение всего лишь 20 лет с 1920-х по 1940-е гг. произошли поразительные перемены в традиционном кавказском селе: от скромного существования внутри частных семейных границ до выхода на широкие просторы страны и участия наравне с братьями и мужьями в труде, в войне, на земле и в небе.

Процесс женской эмансипации, создание новой девушки-горянки, с осознанием своей личностной свободы и социальной значимости — процесс, имевший начало в городе и распространявшийся оттуда на остальную часть населения региона.

Д. И. Балибалова

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Особенности борьбы женщин России за политические права в XX в.

На рубеже веков произошла смена целей женского движения. Если в XIX в. женские организации занимались взаимопомощью, не посягая на изменение законодательства, то в XX в. целью их деятельности стала борьба за политические и гражданские права. Революционные события 1905 г. ускорили политизацию женского движения. Была создана новая женская организация с исключительно политическими целями — Союз равноправия женщин, через год в 79 городах действовали его филиалы. Была создана Женская партия, которая издавала свой журнал. В Петербурге был открыт отдел избирательных прав при Русском женском Взаимоблаготворительном обществе, которое стало добиваться проведения женского съезда.

Первый Всероссийский женский съезд открылся 10 декабря 1908 г., на него приехало 1053 делегатки, ежедневно печатался «Бюллетень 1-го ВЖС». На съезде были представле-

ны все регионы России. Крестьянок на съезде не было. Активное участие в работе съезда принимала партия кадетов, участвовали октябристы, эсеры, социал-демократы. Основным вопросом, в обсуждении которого приняли участие большинство делегатов, был вопрос об избирательных правах женщин. По этому вопросу были приняты 2 резолюции: 1) «О предоставлении женщинам равных избирательных прав» и 2) «О реформе земского и городского самоуправления с предоставлением избирательных прав женщинам»,

В 1911 г. Российская Лига равноправия женщин разослала депутатам Государственной Думы заявление о предоставлении женщинам избирательных прав в волостном земстве. Дума приняла решение предоставить женщинам избирательные права в волостном земстве, но без права быть избранными в председатели и члены волостной управы.

В 1913 г. впервые в России было проведено празднование Международного женского дня. В газете «Правда» было дано объявление: «Сегодня в Международный день работниц в зале Калашниковской биржи ... состоится «Научное утро по женскому вопросу» Начало в 1 час дня. Плата за вход 5 копеек». В повестке дня стояло 3 вопроса: 1) Право голоса для женщин. 2) Государственное обеспечение материнства. 3) О дороговизне жизни. На митинге присутствовало 1500 человек, по всем вопросам были приняты резолюции и направлены в правительство.

После февральской революции 19 марта 1917 года в Петрограде состоялась 40-тысячная демонстрация женщин и присоединившимися военнослужащими, они стояли перед резиденцией Временного правительства в Таврическом дворце и требовали предоставления им избирательных прав. Спустя три дня делегация женщин вручила председателю Совета министров Львову Г.Е. заявление о необходимости предоставления женщинам избирательного права при выборах в Учредительное собрание. Всем руководительницам женских организаций было предложено войти в городскую Думу, ибо большинство избранных е е членов не ходили на заседания, а в отсутствие кворума работа городского управления была парализована.

В июне 1917 г. в Положении о выборах появилась запись, что с сентября 1917 г. члены Учредительного собрания будут избираться всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием без различия пола.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции политика равноправия стала государственной и была зафиксирована в первой советской Конституции 1918 г. (ст. 63).

В ноябре 1918 г. собрался I Всероссийский съезд работниц, который рассмотрел большой круг вопросов. Самым важным решением съезда была рекомендация о создании в партии специального аппарата для руководства работой среди женщин. В декабре 1918 г. ЦК РКП (б) создал Комиссию по пропаганде и агитации среди женщин. В 1919 г. Комиссия была преобразована в Женотдел ЦК РКП (б). В нем были отделы — организационно-инструкторский, агитационно-пропагандистский, печати и сектор по работе среди женщин Востока. Повсеместно стали создаваться женотделы. Особый интерес представляет работа органов власти по активизации женщин и вовлечению их в активную политическую и управленческую работу. Основной формой подготовки и вовлечения их были делегатские собрания.

Делегатские собрания не были особой женской организацией. Они формировались при партийных комитетах с целью вовлечения женщин в общественно-политическую деятельность. Что же касается чисто женских организаций, то вопрос о их существовании зависел от того, содействуют они или мешают строительству социализма. В годы гражданской войны они практически не действовали. В 1923 г. стали возникать женские общества,

которые заявляли, что будут вести борьбу за улучшение экономического положения женщин в быту. Однако XII съезд РКП (б) осудил создание таких организаций, посчитав, что они противопоставляли свои цели главному направлению политики партии и государства.

Основная установка компартии была такая: женские организации не нужны, ибо политика равноправия закреплена в Конституции и государство принимает меры по решению женского вопроса. О том, как идет реализация государственной политики в отношении женщин, ежегодно отмечалось во время празднования 8 марта. Организаторами празднования были женотделы. Они создавали женские бригады, которые проверяли выполнение партийных и государственных решений об улучшении положения женщин. В день 8 марта ЦК партии обращался к трудящимся женщинам с посланием, в котором подводились итоги работы по решению женского вопроса и намечались очередные задачи.

Делегатские собрания перестали созываться в 1933 г., само женское движение было ликвидировано. В официальных документах подчёркивалось, что женский вопрос в основном решен. Партия и государство брали на себя разработку и реализацию политики в отношении женщин.

Женсоветы были возрождены в 1987 г., когда Всесоюзная женская конференция утвердила Положение о женсоветах, избрала Комитет советских женщин. Главной целью возродившегося женского движения было провозглашено создание наиболее благоприятных условий для активного участия женщин в общественной жизни. Однако за многие годы у женщин выработалась боязнь борьбы за свои права. Это привело к тому, что на выборах в представительные органы власти при отмене женской квоты, женщины потерпели поражение, их представительство в Верховном Совете СССР сократилось вдвое. Распад Советского Союза в 1991 г. кардинально изменил ситуацию, положение женщин резко ухудшилось. Они оказались изгнаны из активной политики: они практически не участвуют в процессе принятия решений по важнейшим вопросам, например, о распределении создаваемого ими же национального дохода, иных вопросов внутренней и внешней политики.

В 1996 г. Правительство РФ приняло Постановление «О Концепции улучшения положения женщин в РФ», в котором отметило 5 особенностей статуса женщин, в том числе неучастие женщин в принятии решений на всех уровнях. Это означает, что отсутствуют активные политические права. Поэтому, отмечая столетие политики равноправия женщин в России, приходится констатировать, что полностью проблема реализации политических прав женщин до сих пор не решена.

А. А. Перекатова

г. Санкт-Петербург, Северо-Западный Институт Управления Российской Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

Гендерный доступ к социальным лифтам

Мы живем в динамической структуре под названием общество, где существуют различного рода неравенства. Одним из таких неравенств является доступ к социальным лифтам. В свою очередь, социальный лифт является частью социальной мобильности, которая определяется как переход индивида с одной социальной позиции на другую [3, с. 15].

П. Сорокин различал два вида социальной мобильности: горизонтальную и вертикальную [4, с. 17]. В первом случае индивид переходит из одной социальной группы

в другую, находящуюся на том же социальном уровне, например, смена места службы без повышения (понижения) звания, а во втором — перемещение индивида из одного социального пласта в другой. Данное перемещение разделяется на восходящее и нисходящее. К примеру, повышение звания до майора или разжалование с должности командира взвода соответственно.

Факторами мобильности могут стать государство, армия, церковь, образование, профессиональная деятельность. В каждом социальном лифте существуют свои ограничения: по наличию гражданства, умственным способностям, гендерному признаку и т. д.

С точки зрения гендерных различий, перемещение в социальных лифтах представляет собой умение индивидов быстро ориентироваться в ситуации, самоорганизовываться, успешно овладевать новыми видами социальной деятельности, оперативно выполнять поставленные задачи, исходя из половой самоидентификации. Также, в зависимости от того, к какому гендеру принадлежит индивид, зависит и то, насколько успешнее будет деятельность человека в том или ином социальном институте или его передвижение среди них. Например, мужчинам легче даются математические вычисления или такая профессия как хирург, поскольку еще в древнем обществе мужчина занимался исключительно поиском добычи, что требовало, во-первых, точности, а во-вторых, была задана одна конкретная цель, в то время, как женщины занимались собирательством, где были задействованы обе руки и работали оба полушария мозга, в результате чего представителям женского пола проще работать с большим количеством документов или на госслужбе, рассматривая и решая жалобы одновременно нескольких людей, т.е. заниматься тем видом деятельности, который требует решения одновременно нескольких задач [1, с. 120].

Однако существует такой социальный лифт, который до конца XX века исключал наличие женщин это армия. Армия образует собой орудие власти; она имеет такое значение, какого никогда еще не имела на протяжении всей истории человечества; на ее вершине находятся командные пункты современного общества, выявление которых да ет нам социологический ключ к управлению обществом [2, с. 159]. В последнее время этот социальный институт набирает популярность не только среди мужчин, но и среди женщин. Такое явление вызывало интерес, в связи с чем было проведено исследование среди молодежи в возрасте от 18–27 лет.

Как уже говорилось выше, армия — один из агентов социализации человека, для начала следует рассмотреть мнение мужчин, которые еще не служили. Не каждый представитель мужского пола проходит подобную школу жизни. По результатам исследования выяснилось, что 15% студентов не пойдут в армию вообще. Причины указывались разные, например, потому что чужды ценности армии или считают, что страна не заслужила того, чтобы отдавать один год своей жизни для армии; отсутствие должного здоровья. А 28,7% респондентов еще не определились, но доминирующим мнением стало то, что это бесполезная трата времени (63,6%) (рис. 1).

Но следует отметить одно обстоятельство, что 64,3% из тех, кто ответил положительно на вопрос «пойдете ли Вы в армию?», причиной ухода указали необходимость отдать долг Родине, а не отсутствие возможности избежать службы, численность которых составила 19%.

Вышеизложенное относится к представителям мужского пола, еще не отдавшим долг родине. Далее следует рассмотреть такую категорию лиц, как военнослужащие срочной формы.

В ходе проведения исследования выяснилось, что четверть опрошенных служит по причине того, что это необходимо для будущей работы. А 56% опрошенных военнослужащих-срочников признались, что были отчислены из учебных заведений.

Стоит отметить, что у 44% солдат-срочников армия ассоциируется с бесполезной тратой времени.

Кроме того, существуют юноши, которые решили посвятить себя военной сфере. Это требует отдельного уважения, поскольку их повседневная жизнь кардинально отличается от гражданской: отсутствие свободного времени, тотальная занятость на службе, ограниченность свободы действий и т. д.

Выяснилось, что уход в военную сферу связан с тем, что основные социальные потребности курсантов будут удовлетворены (жилье, достойная заработная плата, социальное обеспечение военнослужащего и его семьи), но при этом, не меньшее число респондентов ответило, что им интересна данная область — 44,8%, более того, некоторые из них отметили, что военная служба является их долгом.

Среди респондентов были также девушки-военнослужащие. В последнее время такой феномен не является противостественным. К примеру, в Израиле девушка должна в обязательном порядке пройти военную подготовку. Что же касается РФ, то военная служба возможна в возрасте от 18–23 лет при отсутствии детей.

Но есть такие девушки, которые полностью посвящают свою жизнь военной сфере. Обычно это представительницы МЧС, МВД или военной медицины. По результатам опроса 62,5% девушек-респондентов отметили, что причиной выбора стал интерес к данной сфере. Это очень показательный результат, поскольку в будущем они станут квалифицированными сотрудниками, ибо залогом успеха в любой работе является интерес.

Итак, как можно заметить по результатам исследования, интерес к армии возрастает и среди девушек, но в отличие от мужчин, представительницы женского пола рассматривают армию не как средство ведения войны или отдача долга Родине, а как способ профессиональной реализации. Это доказывает тот факт, что гендерное различие может вносить изменения в функционирование социального института, а также отражает деятельность индивидов и позволяет им найти себя в конкретном социальном лифте, независимо от его изначального предназначения.

Литература

1. Гидденс Э. *Социология*/Э. Гидденс. М., 1999.
2. Дугин А. Г. *Социология воображения. Введение в структурную социологию*/А. Г. Дугин. М., 2010 (гл. 10–1).
3. Радаев В. В. *Социальная стратификация*. М., 1995.
4. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество*/П. А. Сорокин; Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М., 1992.

Л. Н. Попкова

г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

Стратегии участия женщин в постсоветской региональной политике

В постсоветский период многие российские женщины начинают впервые осваивать самостоятельную политическую карьеру. В 1990-е годы особенно заметно стало

участие женщин в региональной политике. В Самарской области в этот период почти половину депутатов Городской думы составили женщины, в Губернской думе они же заняли ключевые посты в комитетах. Исследование, проведенное автором в 1990-е годы, было нацелено на выяснение вопроса, какие цели ставят перед собой женщины, впервые пришедшие в сферу политики. Анализ интервью позволил выявить две группы региональных политиков в зависимости от их понимания задач женского представительства во властных структурах. Интерпретация собственного политического участия отражает, во многом, два возможных подхода к женским политическим стратегиям и оценке их эффективности.

Первый, условно названный «профессиональный» или гендерно-нейтральный подход, идеологически связанный с либеральным направлением в мировом женском движении, основан на признании принципов гендерного равенства, а значит, отсутствия гендерных различий в политической сфере. Преодоление структурных барьеров означало, по мнению его сторонниц, преодоление маргинализации женщин в политике и позволяло им полноправно, т.е. одинаково с мужчинами участвовать в управлении. Поэтому ориентиром в своей политической деятельности они видели исключительный профессионализм в политической карьере. Второй, условно названный нами, «материнский» или гендерно-чувствительный подход к политическому участию, акцентировал гендерные отличия в предпочтениях, ценностях, приоритетах и стратегиях женщин- политиков и особую роль женщин во власти.

Наиболее многочисленной в нашем исследовании стала первая группа политиков, отстаивающая гендерно-нейтральный подход к интерпретации собственной деятельности. По их мнению, в политике не может и не должно быть ни особых женских интересов, ни женского типа лидерства (и соответственно некой специфической роли женщины в политике). «Нет особых женских и мужских интересов, есть общие для всех проблемы, которые надо решать. Различий между мужчинами и женщинами в политике должно быть как можно меньше. Точно так же не существует женского и мужского стиля в политике». (Председатель законодательного комитета Губернской думы). Поскольку «особые» женские интересы ассоциируются в общественном сознании либо с опытом советского государственного патернализма, либо с исключительно женской ответственностью за социальную сферу, то политика с «женским лицом» оказывается, в их глазах, тождественна слабости, некой ущербности, неполноценности и вторичности.

Большинство депутатов этой группы стремились лоббировать в законодательных органах власти свои профессиональные интересы (главврач детского лечебного центра, ректор негосударственного вуза, глава фирмы). В качестве главного и единственного барьера их политического продвижения все респонденты единодушно признавали социально-психологическую специфику традиционной политической социализации женщин, не ориентирующей их на целенаправленную, активную, независимую деятельность и потому создающую неверие в собственную политическую эффективность. «Когда мы впервые предложили баллотироваться, у меня были комплексы, привычные для наших женщин: куда же я иду, там серьезные, умные, умные мужчины. Когда меня выбрали, я послушала и поняла, что я ничем не хуже, а может и лучше. Появилась уверенность в собственных силах» (депутат Городской думы). Трудность сочетания профессиональной карьеры и семейных обязанностей также затрудняла политический выбор.

Пришедшие в политику после того, как состоялась их профессиональная карьера, женщины этой группы дистанцируются от советского опыта «символического» женского представительства, подчеркивая свои индивидуально-личностные заслуги в до-

стижении успеха. Признание факта «особого» отношения к ним они приравнивают к «разыгрыванию женской карты, в политической борьбе и потому недостойным для своей практики». По мнению политиков этой группы, более важным для своей политической карьеры они считали сферу общегражданских интересов. Они не ставили себе задачу отстаивания прав женщин, поскольку эта проблема должна быть включена в общую повестку демократизации российского общества.

Увеличение численного представительства женщин не меняет, по их убеждению, характер власти, поскольку сами по себе женщины не вносят специфически позитивного видения проблем и не способствуют принятию социально значимых решений. «Я считаю, что половой признак изначально не несет в себе плюс или минус. Самарская Городская дума — это достаточно редкое явление, где на момент избрания половина депутатов были женщины. Но количество не всегда переходит в качество. Важно, на что они ориентированы». (Председатель бюджетного комитета Городской думы). Принципиальная позиция депутата важнее гендерной принадлежности, по мнению политиков-профессионалов. Большинство депутатов-женщин Городской думы, даже пришедших из сферы образования и здравоохранения, голосовало за сокращение расходов на медицинское обслуживание населения, поскольку оно было предложено мэром. «Послушные депутаты обоих полов превратили орган самоуправления в карманную организацию при аппарате исполнительной власти».

Представители второй группы политиков, в противовес первой, настаивали на том, что женщины имеют особые интересы и в силу своей «природы» призваны изменить характер всей политической власти в стране. Гендерно-чувствительная интерпретация женского политического лидерства основывается на признании особой, роли женщин в политике. Ключевыми в предвыборной риторике женщин этой группы стали словосочетания «женщина-мать» и «женщина — хозяйка дома». Соответственно под особой «миссией» женщин в политике понимается традиционная сфера женской ответственности — социальная и семейная политика. Закрепляя единоличную ответственность за неблагополучие в этой сфере за женщинами, «женщины-хозяйки» объявляли мужчин неспособными решать эти вопросы в силу своей «природы». «Я уверена, если бы город попал в женские руки, то быстрее бы удалось наладить нормальную жизнь. В любом доме должна быть хозяйка. Мы не подсказали мужчинам, что нам неуютно в таком обществе и в таком городе. Город и наша страна — это большое хозяйство и надо делать то, что мы делаем в своем доме. Обустраивать жизнь у женщин лучше получается». (Депутат Государственной думы третьего созыва). Стратегия «хозяйки» являлась довольно успешной на региональных и городских выборах.

Отличительной чертой публичной риторики «женщин-хозяек» подчас становилось согласие на признание «вторичности» как сферы своего влияния, так и собственной роли. «Пусть женщины наведут порядок в социальной сфере, а мужчины, если им уж так хочется, пусть занимаются оборонкой, космосом, нефтью, газом» (депутат Государственной Думы). Стратегией предвыборного поведения они избирали стиль, не «раздражающий», по их мнению, ни мужскую часть электората, ни коллег по партии. «Женщина-политик не должна быть амбициозной. Не надо мечтать о масштабных акциях, надо делать черновую работу. Только конкретными делами можно завоевать уважение. Мы идем в политику не бороться с мужчинами, а помочь им посмотреть на беду нашими глазами. Неужели мужчины расстроятся, если мы наведем порядок в стране» (депутат Губернской думы). Публичное подчеркивание своей зависимости делает успешной, по их мнению, предвыборную стратегию в условиях традиционной гендерной культуры России.

Женщины-политики первой «профессиональной» группы, отрицающие гендерную специфику собственного участия, в конечном итоге выступают за изменение существующей гендерной системы, отвергая традиционно предписываемые модели жизненных стратегий для женщин. Эффективная стратегия политического успеха исключает, по их логике, подчеркивание половых различия и выделение специфически женских проблем. «Женские» политики второй группы исходят из «натурализованной» гендерной роли. Их единственным политическим козырем становится отождествление женской политики с социальной политикой. В свою очередь, «независимые профессионалы», ориентируясь в программах на общедемократические гражданские идеалы и не выделяя «женского» блока, в ходе своей политической деятельности приходят к осознанию проблемы дискриминации и к задаче отстаивания прав женщин при принятии решений по принципиальным вопросам.

Н. Н. Козлова

г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

О. Г. Овчарова

г. Москва, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

С. В. Рассадин

г. Тверь, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Женщины во власти: региональная специфика

Изучение региональной специфики политического участия женщин в России обусловлено двумя взаимосвязанными причинами. С одной стороны, анализ региональной составляющей проблемы «женщины во власти» позволяет наиболее отчетливо увидеть специфические факторы, влияющие на динамику политической активности женщин. С другой, особенности практики женской политической активности в регионах отражают закономерности гендерных аспектов российской политики в целом. Иными словами, портрет политического участия женщин в общероссийском формате складывается из аналогичных портретов в регионах.

В настоящий момент общим критерием измерения политического участия женщин на уровнях и региональном, и федеральном, выступает гендерная асимметрия. Указанный феномен подразумевает несколько значений: неравномерное количество мужчин и женщин в сфере принятия политических решений (количественный аспект гендерной асимметрии); разницу институциональных возможностей, способствующих продвижению мужчин и женщин в политику (институциональный аспект); неравную оценку значения социального опыта мужчин и женщин, реализуемого ими в политике (неинституциональный аспект: культура, психология и традиции). При этом институциональные проявления политики зачастую определяют институциональное оформление тех или иных политических процессов, в том числе и установление гендерного равенства. Постараемся раскрыть проблему настоящей работы — региональную специфику политического участия женщин — на основе анализа гендерной асимметрии в политике Саратовской области.

Количественный состав представителей органов власти различного уровня в Саратовской области, как и по всей России, гендерно асимметричен. В Саратовской област-

ной Думе VI созыва из 45 депутатов — 7 женщин (15,56%), среди 27 членов Правительства Саратовской области — 10 женщин (37,04%). В городской Думе Саратова V созыва из 40 депутатов — 7 женщин (17,5%). (Отметим, что здесь и далее расчеты проводились 28.04.2018 на основе сведений, размещенных на официальных сайтах указанных органов власти).

Такой гендерный разрыв в эшелонах региональной власти отражает ситуацию наблюдающуюся и на федеральном уровне: в ГД ФС РФ VII созыва из 450 депутатов — 71 женщины (15,8%), в Правительстве РФ на настоящий момент — 3 женщины, СФ ФС РФ возглавляет женщина.

Вместе с тем, сравнивая гендерное соотношение в органах власти ряда территориально и культурно-исторически близких к Саратовской области регионов, следует заметить, что последняя лидирует по количеству женщин на высшем уровне исполнительной власти, занимает вторые позиции по гендерному критерию в законодательной власти региона и в городской представительной власти.

В качестве иллюстрации приведем данные по Самарской, Нижегородской и Пензенской областях. Так, в Самарской Губернской Думе VI созыва из 50 депутатов — 9 женщин (18%); в Законодательном Собрании Нижегородской области VI созыва из 50 депутатов — 4 женщины (8%), в Законодательном Собрании Пензенской области VI созыва среди 36 депутатов 4 женщины (11,11%). В Правительстве Самарской области среди 20 членов Правительства — 2 женщины (10%); в Правительстве Нижегородской области из 24 членов Правительства — 1 женщина (4,17%); в Правительстве Пензенской области из 34 подразделений — 8 возглавляются женщинами, среди них 3 — члены Правительства. В Думе городского округа Самара VI созыва из 39 депутатов (на момент расчета в депутатском корпусе была одна вакансия) — 11 женщин (28,21%); в Нижегородской городской Думе VI созыва из 34 депутатов (на момент расчета в депутатском корпусе была одна вакансия) — 4 женщины (11,76%); в Пензенской городской Думе VI созыва из 35 депутатов — 1 женщина (2,86%). Вместе с тем, Пенза, единственный из анализируемых регионов, где действует Совет женщин при Главе города Пензы.

В чем же причина различий гендерного состава властных органов Саратовской области и г. Саратова? Ответ на этот вопрос можно найти во взаимосвязи институциональных и неинституциональных аспектов, обуславливающей региональную специфику политического участия женщин.

Непосредственное влияние институциональных факторов на политическую активность женщин в Саратовской области можно проследить на примере динамики их численности в областном законодательном собрании: Среди депутатов I созыва Саратовской областной Думы — 1 женщина; II созыва — 2; III созыва — 3; IV созыва — 6; V созыва — 10; VI созыва — 7. Некоторое увеличение количества женщин-депутатов в Саратовской областной Думе произошло с IV созыва, благодаря введению пропорциональной избирательной системы. Применение последней, согласно опыту мировой политической практики, способствует увеличению «представленности... интересов политических меньшинств — женщин» (по А. Лейпхарту). Так как большее количество женщин-депутатов в Думе из одной партии («Единая Россия»), можно проследить и такую политологическую закономерность институционального характера: значимая роль в увеличении представительства женщин принадлежит «сильной, большой» партии (по Г.В. Голосову). А именно уверенные в своей победе партии оказывают поддержку женщинам на выборах разного уровня, привлекая тем самым многочисленный женский электорат. В свою очередь, эффект «привыкания» к женщинам-политикам влияет на количество их назначений на Олимп исполнительной власти.

Вместе с тем очевиден и тот факт, что продуктивность «благоприятствующей женскому представительству» пропорциональной системы выборов зависит и от других условий, влияющих на электоральный цикл. Объясняется подобная ситуация действием неинституциональных факторов, блокирующих действие институциональных инструментов. Возможно предположить, что в Пензенской и Нижегородской областях — крупных промышленных районах действует традиционный механизм рекрутирования в региональную элиту — выдвижение кандидатур из действующего контингента исполнительной и законодательной власти, а также из руководителей промышленных предприятий и крупных бизнесменов, которые чаще всего — мужчины, и, следовательно, их фамилии включаются на лидирующие позиции в региональных партийных списках.

В Саратовской же области существует потенциал для трансформации гендерных стереотипов. Кроме уже обозначенного увеличения женщин-депутатов в областном парламенте (которое ведет к постепенному «привыканию» и власти и общества к наличию женщин-лидеров), присутствуют и другие. Это высокая политическая активность женщин-политиков, наличие социальной памяти об эффективности женщин во власти еще с советского времени, работа по гендерному просвещению со стороны женских НКО и чтение гендерных дисциплин в ряде вузов города.

Таким образом, к специфике участия женщин в политике Саратовской области можно отнести: медленное, но постепенное выравнивание количественной составляющей гендерной асимметрии политики; благоприятное действие политических инструментов равенства при недостаточном оформлении непосредственно правовых механизмов равенства; наличие политического влияния женщин и социальной памяти общества о «женщинах в политике»; развитие гендерного образования и просвещения.

Однако, несмотря на определенное переформатирование гендерно асимметричных отношений в региональной политике, деконструкция их смыслов в состоянии произойти под влиянием ряда практических мер, адекватных культурным условиям и ресурсным возможностям Саратовской области. К таким мерам можно отнести внедрение институциональных механизмов гендерного равенства и мероприятия, направленные на перспективное изменение гендерных норм и ценностей.

Мерами институционального характера, обуславливающими выравнивание гендерной асимметрии политики способны стать гендерная экспертиза и принятие ЗСО «О гендерном равенстве» (однако следует заметить, что принятие юридических новелл на уровне региона требует обязательного федерального аналога). Мерами неинституционального характера выравнивания гендерной асимметрии политики могут быть действия СМИ и системы образования. Обозначенные меры так или иначе будут способствовать интенсивности развития процесса достижения гендерного равновесия и их апробация именно на региональном уровне выглядит вполне логично.

Е. В. Ольшанская

г. Москва, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гендерные аспекты в сфере управления

Одной из актуальных тенденций исследования сферы руководства в настоящее время стало изучение его гендерных аспектов. Современные социально-экономиче-

ские реалии преподносят новые требования, касающиеся успешного управления. И как показывает мировая практика, в современном мире необходимы как мужчины управленцы, так и женщины, в зависимости от задач, которые необходимо решать в той или иной сфере жизни.

Исходя из сравнительного анализа, можно выделить три уровня специфических особенностей проявления политического лидерства среди мужчин и женщин: биологический, психологический и социальный уровень. На биологическом уровне не обнаружено непосредственной связи между действиями политического лидера и совокупностью факторов этого уровня, но есть условия, которые могут являться в какой-то степени барьером при отборе для лидеров [6]: тестостерон, утверждают эксперты, биологически обуславливает стремление к власти и управлению [9].

На психологическом уровне личности как детерминанты, влияющие на политическое поведение, исследуются воля, эмоции, память, способности, мышление и в общем характер. Женщины лидеры порой не только не уступают, но даже и превосходят мужчин по проявлению волевых качеств. Относительно эмоциональной сферы для женщин характерна большая, чем у мужчин вовлеченность в проблемы. Однако, женщина может успешнее управлять людьми, используя сигналы эмоциональной сферы: управлять микроклиматом группы, вдохновлять, поощрять к активным действиям. Относительно интерпретации успеха и неудачи: достижение результатов мужчины приписывают своим личностным характеристикам, женщины — воле случая или везению, неудачи мужчины чаще объясняют не зависящими от них факторами, тогда как женщины чаще связывают неуспех с дефицитом своих способностей. Лидеры-мужчины и лидеры-женщины по-разному относятся к риску. Если для женщин он всегда окрашен отрицательными красками, то для мужчины подразумевает успех или проигрыш, возможность или угрозу [3].

В рамках гендерной роли на мужчин налагается жизненная стратегия, связанная с самореализацией в работе, на женщин — с личной жизнью, самореализацией в семье. Позиция лидера, которая связана с маскулинностью, определяет свои «правила игры», связанные со специфическими ролевыми характеристиками лидера. Женщина-лидер, в состоянии конфликта ролей чаще отходит от гендерного шаблона и исполняет традиционную политическую роль лидер [2].

По мнению Вирджинии Сапиро, занимающейся гендерными исследованиями речи, большая часть научных работ, показывает существенное преобладание влияния мужчин на женщин [10]. Сообщения от женщин чаще обрываются, ими в большей степени пренебрегают, это связано с тем, что представительниц прекрасного пола с детства учат высказываться вежливо, не использовать жестких, сильных высказываний. [8] Хотя в вопросе политического лидерства данное утверждение не всегда верно, так на примере дебатов, происходящих между Бараком Обамой и Хиллари Клинтон, демонстрируется обратная ситуация [1]. В зависимости от ситуации, женский и мужской стиль лидерства эффективен в разной мере, так в структурированных ситуациях и при решении простых проблем, либо в ситуациях с высокой степенью неизвестности более эффективен мужской стиль, при решении рутинных задач в большей степени эффективен женский [5].

Как демонстрирует статистика, женщины лидеры из числа представителей органов государственной власти и их структурных отделений набирают по численности 44%, как топ-менеджеры в производственной сфере — только 24%, в качестве руководителей цехов, предприятий, различных подразделений — 23%. [4]. И. Ф. Рековский

утверждает, что половина мужчин, у которых есть высшее либо среднее специальное образование, оказываются начальниками. Женщины, имеющие аналогичное образование представлены в качестве руководителей только на 7%. По мнению ряда авторов, весомо более низкая доля женщин руководителей по сравнению с мужчинами имеет объективные причины, согласно А.Г. Шестакову, начальники среди мужчин преимущественно выбирают в качестве наемных сотрудников представителей того же пола в 25,3%, тогда как женщин только в 12,9%. Женщины как ни странно также среди работников отдают предпочтение мужчинам, а не представительницам своего пола [5]. Э. Игли и К. Джонсон продемонстрировали, что представительницы женского пола в большей степени ориентированы на получение руководящей позиции при том условии, если это соответствует их гендерной роли (например, директора школы) [4].

Существуют гендерные различия в успешном исполнении тех или иных лидерских задач. Так считается, что мужчины лучше справляются с руководством мужчин, в военных организациях, как спортивные тренеры, эффективны в качестве начальников на нижних ступенях руководства, где необходимы технические способности и в целом лучше справляются с решением задач. Женщины более эффективны как руководители социальной и государственной службы, при ведении бизнеса, в области образования, в качестве менеджеров среднего звена, где требуется налаживать межличностные контакты и в общем там, где важно наладить связь с людьми [5].

Учитывая специфические гендерные аспекты в сфере управления людьми, можно сделать успешнее воплощение в жизнь целей и задач, касающихся как политической сферы, так и многих других областей жизни. Феминизация политического руководства, а также других сфер жизни, может создать условия для обновления и усовершенствования многих аспектов управления, а сам феномен женского лидерства в дальнейшем продолжить свое развитие.

Литература

1. Арустамян Р., Макурина М. А., Пирожкова Ирина Сергеевна Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе//*Политическая лингвистика*. 2016. № 6. С. 244–249.
2. Бушуева Н. В. Сравнительный анализ мужского и женского политического лидерства//*Власть*. 2010. № 5. С. 27–29.
3. Ефремова О. И. *Женщина и успех. Женщина элегантного возраста*. Ростов н/Д, 1996, с. 195.
4. Ильин Е. П. *Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины*. СПб., 2003.
5. Лейченко О. Ф. *Женское лидерство в современном мире*. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/item.asp?id=16763588>
6. Ракитянский Н. М. *Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика*. М.: Наука, 2004. С. 63.
7. Чирикова А. *Женщина во главе фирмы (проблемы становления женского предпринимательства в России)*//*Вопросы экономики*. 2000. № 3.
8. Borisoff D., Merrill L. *The Power to Communicate. Gender Differences as Barriers*. Illinois: Waveland Pr., 1998.
9. Landrum G. N. *Profiles of female genius. Thirteen creative women who changed the world*. N. Y., 1994.
10. Sapiro V. *The Political Integration of Women: Roles, Socialization, and Politics*. Urbana; Chicago: Univ. of Illinois Pr., 1983.

РАЗДЕЛ 3. ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИКИ И ЭДУКОЛОГИИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

А. А. Кальсина

г. Пермь, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Образование и воспитание богатых горожанок в середине XIX в. (взгляд на проблему учителя пермской гимназии Н. А. Фирсова)

В 1858 г. в журнале «Русский педагогический вестник» вышел «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии» учителя пермской гимназии Николая Алексеевича Фирсова. Очерк был посвящен анализу женского образования и воспитания в г. Перми. Автор работы описал проблемы женского образования и методы воспитания в разных сословиях пермского общества, назвав это «историко-статистическим описанием учебно-воспитательной части в нашем крае» [1]. Данный очерк вызвал дискуссию в столичных журналах и активное неприятие в состоятельных кругах горожан г. Перми [2].

Автор достаточно критично описывает деятельность первого частного женского пансиона госпожи Штиккель, который появился в г. Перми в 1845 г. В пансионе обучалось около 30 воспитанниц. Часть обучающихся девиц, жила в нем постоянно, внося за обучение и воспитание 180 руб. в год, в основном это были представители провинциальной аристократии из уездов Пермской губернии, другая часть приезжала в пансион только на учебу, это были состоятельные горожанки губернской столицы. Девиц обучали: Закону Божию (священному писанию и катехезису), русскому языку и словесности, истории, географии, арифметике, французскому и немецкому языкам, чистописанию и рисованию, музыке (за особую плату) и танцам. Несмотря на усердие преподавателей, обучение шло не совсем успешно, ученицы, за исключением танцев и французского языка (на эти предметы обращалось особое внимание) знали весьма мало [3, с. 28]. Танцам придавалось огромное значение. Автор подчеркивает, что состоятельные граждане г. Перми желающие дать своим дочерям светское образование, начинают его с ног, то есть в первую очередь учат их танцам и манерам. Поскольку в Перми таких учебных заведений почти нет, за исключением пансиона госпожи Штиккель, они отправляют их в столичные пансионаты или в г. Казань, откуда их дочери возвращаются с приятным лоском, владея искусством отлично держать себя в обществе, с грацией в движениях, с умением говорить по-французски, ловко танцевать.

В пансионе госпожи Штиккель большую роль в воспитании девиц играли классные дамы. Они следили за нравственностью школьниц. Главным содержанием обучения в пансионе, по мнению Н. А. Фирсова, было «желание научить воспитанниц держать себя прилично в обществе, и правильно вести себя при сдаче экзамена: как держать руки, как подойти к экзаменационному столу, как поклониться» [3, с. 33]. В пансионе существовала система наказаний и поощрений. Так, за прилежание в разговорах на французском языке полагалось носить на правом плече зеленый бант. За шалости, леность, дерзость учениц ставили в угол или оставляли без обеда [3, с. 30]. К сожалению,

этот частный пансион, просуществовав 4 года, прекратил свою деятельность в связи со смертью учредительницы. Тем не менее, пермский губернатор, общественные деятели г. Перми отмечали его положительную роль в деле женского образования и воспитания.

Н.А. Фирсов описывает обучение дочерей богатых родителей. В основном оно носило домашний характер. Автор отмечает, что кроме общеобразовательных предметов особое внимание уделяется рукоделию, на которое отводится значительное количество времени. Французскому языку начинают обучать девочек с семи лет и даже ранее, практикуют обучение каждый день, пока не будет достигнут желаемый результат. Изучение французской грамматики начинается гораздо раньше изучения других предметов, в том числе и русского языка. Обучение игре на фортепиано считалось необходимым «условием элегантного образования девицы» [3, с. 3]. Занятия осуществлялись обычно 3–4 раза в неделю. Что касается вокала, то этому искусству практикуют в Перми не обучали, поскольку не было таких специалистов. На все прочие предметы отводилось не более 4-х уроков в неделю. Знание всех общеобразовательных предметов считалось большой роскошью для девицы. Некоторые родители говорили: «Я не готовлю свою дочь в ученые». Из предмета «Закон Божий» ученицам достаточно было усвоить события Святой истории, понятие Символ веры и 10 заповедей. По «Русской словесности» было необходимо, чтобы воспитанница смогла что-то сказать о писателях новейшего времени: о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, а из зарубежных писателей — о Байроне, Шекспире, Шиллере, Гюго (сочинения этих авторов имелись исключительно в гимназической библиотеке г. Перми) [3, с. 35]. По предмету «География» родители требовали знания важнейших городов, рек, гор, морей, названия государств; по предмету «История» выбирали самые краткие учебники, рассказывающие о судьбах человечества и русском народе; из предмета «Арифметика», девица должна знать только 1 часть (сложение и вычитание). Что касается немецкого языка, то большая часть родителей считала немецкий язык предметом, без которого можно обойтись, сохраняя репутацию образованного человека. Кроме того, «обязательным требованием для учениц было знание мифологии. Причина понятна, можно попасть впросак в приличном обществе, назвав Аполлона римским императором» [3, с. 37].

Характеризуя высшее общество г. Перми Н.А. Фирсов отмечает, что большая часть почтеннейших родителей имеет довольно смутные представления о сущности изучаемых предметов. «Некоторые господа смешивают естественную историю с всеобщей, на историю смотрят как на повесть, где иногда рассказываются приятные вещи, и которой хорошо бы учиться, если бы не было там много имен нерусских» [3, с. 38]. При этом родителей совершенно не интересует, как преподают их дочерям той или иной предмет. Поскольку большинство богатых горожанок получало образование домашним способом, то основными преподавателями были учителя гимназий. Однако, родители отмечали, несговорчивость, излишнюю требовательность к ученице, и высокую стоимость урока гимназического учителя. Многие пользовались услугами домашних учителей и учительниц. В Перми их насчитывалось не более 10 чел., большая часть домашних учителей получила право на преподавание, сдав экзамен в гимназии, а также с помощью утверждения своего статуса в этом звании попечителем учебного округа. Естественно, что их услуги были значительно дешевле.

Н.А. Фирсов, изучая отчеты домашних учителей и учительниц, приходит к выводу о том, что «в связи с ограниченностью времени и в стремлении сделать усвоение предмета для ученицы как можно проще; домашние учителя преподают предмет

фрагментарно, сбивчиво, часто не имея «педагогической сноровки» [3, с. 50]. Кроме того, обучением богатых девиц занимались и другие лица (уволненные со службы чиновники, большей частью ведомства Министерства народного просвещения); ищущие средства к пропитанию дочери бедных, но благородных родителей, не имеющие официального права на обучение, приходящие в дома богатых горожан под видом нянек, родственниц, экономок, отставные унтер — офицеры (учителя в школах кантонистов). Все эти лица, как утверждает автор, «имеют знания весьма жалкие, а понятие о воспитании, бог-весть какое, и приглашаются в дома аристократов вероятно по той причине, что они гораздо дешевле стоят. Одна из таких особ на вопрос ученицы: «Что такое механика»? Ответила так: — «Это душенька, есть наука, которая учит делать меха!» [3, с. 51]. Николай Алексеевич Фирсов, давая оценку пермскому обществу, подчеркивал излишний прагматизм пермяков, который мешал развитию «цивилизации и образованности» даже в высших слоях общества. Он полагал, что решить эту проблему возможно активно развивая систему женского образования в г. Перми и Пермской губернии.

Критикуя обучение и воспитание горожанок высшего сословия г. Перми, Николай Алексеевич Фирсов вызвал серьезное неприятие со стороны родительской общности г. Перми. В 1859 г. он был переведен в г. Казань, преподавал в казанских гимназиях и одновременно читал курс всеобщей истории в университете. 19 декабря 1869 г. был утвержден доктором русской истории, в этом же году стал экстраординарным, а затем (1870) ординарным профессором русской истории. В 1872—1875, 1881—1884 гг. был проректором университета [2]. Н. А. Фирсов не прерывал связи с Пермью. Он был членом Пермской губернской ученой архивной комиссии, продолжал собирать материалы по истории народного образования в Пермской губернии. В 1894 г. в Перми вышла в свет книга «Материалы для истории Пермской гимназии, собранные и обработанные Н. А. Фирсовым» [2].

Литература

1. Фирсов Н. А. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии // *Русский педагогический вестник*. СПб. 1858. № 10–12.
2. Фирсов Николай Алексеевич. Энциклопедия. Пермский край [Электронный ресурс]. Режим доступа pc.permtculture.ru/showObject.do (дата обращения: 01.05.2018 г.)
3. Фирсов Н. А. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб. С. 28.

Г. Х. Джиева

*г. Владикавказ, Северо-Осетинский государственный университет З. Б. Цаллагова
г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

Владикавказские истоки женского образования в Осетии

Первая половина XIX века считается в истории Осетии эпохой национального возрождения и становления народного образования; здесь уже к середине XIX века появляются ростки женского образования, феномен раннего появления и успешного развития которого в Осетии отмечал известный кавказовед Е. Марков: «Осетинские женские школы, заводимые ревнителями православия в горах дикого Кавказа, должны пристыдить многих из наших официальных русских просветителей, которые до последнего времени упирались против женского образования в нашем цивилизованном

обществе, как против опасного новшества, посягающего и на первобытную чистоту женских нравов и едва ли не на самые догматы религии» [5, с. 16].

Со временем происходит дальнейшее становление и развитие национального женского образования, а город Владикавказ, — столица Осетии (а с 1861 по 1921 г. и всей Терской области), — становится организационно-образовательным и научно-методическим центром женского образования в крае. Здесь, как и во всей дореволюционной России, просветительской деятельностью занимались различные благотворительные общества, наиболее крупным из которых было «Благотворительное общество для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» [1, с. 54; 2, с. 48–62]. Благодаря их стараниям, а также деятельности частных благотворителей во Владикавказе в 50-х гг. XIX в. появляются школы для девочек. В 1859 г. жена поручика Зурабова-Кубатиева открыла у себя на дому небольшой пансион для подготовки из осетинских девочек «религиозных, набожных матерей», подобное заведение открыла и жена Т. Ревазова, «русская дворянка, достаточно образованная и понимающая осетинский язык» [2, с. 36–38]. Но основную работу на этом поприще проводили такие религиозные организации, как «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» и «Осетинская Духовная комиссия» [3, с. 8–14].

В 1862 г. священник, инспектор Владикавказского духовного училища Алексей Колиев в своем доме во Владикавказе и на свои средства открыл начальную школу для осетинских девочек; через четыре года она была преобразована в 3-классное училище, названное позднее Ольгинским в честь ее покровительницы Великой княгини Ольги Федоровны. Именно эта школа и считается первоосновой, начальным истоком женского образования в Северной Осетии [3, 274]. Благодаря женской школе протоиерея Алексея (Аксо) Колиева осетинки получили доступ к образованию значительно раньше, чем женщины в других регионах Северного Кавказа. «Школа эта, — писал К. Л. Хетагуров, — находясь во Владикавказе, в умственном и административном центре Осетии, оказала самое благотворное влияние на положение женщин в Осетии. Из стен этого заведения, одного из лучших светочей христианского просвещения среди горских племен Кавказа, вышли десятки интеллигентных осетинок, примерных тружениц — матерей семейств и народных учительниц, в которых все сильнее и сильнее ощущается потребность для духовно-нравственного воспитания как мужского, так и женского населения» [7, с. 49].

Культурное и нравственное воздействие школы Аксо Колиева на осетинское общество тех времен было действительно огромным: самая широкая общественность осознала необходимость и пользу женского образования. В определенной степени этому способствовали гендерные особенности многовекового осетинского уклада жизни, в котором женщина имела высокий общественный статус, закрепленный в традиционном этикете. Это во многом объясняет ту толерантность и демократичность, которую осетинки проявляли по отношению к женскому образованию. Администрация Владикавказского округа признавала, что «... девичье образование идет все лучше. Девочки охотно приходят в школу и родители им в том не препятствуют, напротив, отсылают их учиться с полным желанием» [4, с. 145].

Большую роль в строительстве женских школ, развития женского образования в Осетии сыграли выпускницы Владикавказской школы Аксо Колиева. (школу окончило более 500 учениц). Хорошо известны имена таких выпускниц школы, как Екатерина Кулаева, Анастасия Дзугаева, Анна Хорускова, Сали Баракова, Александра Дзуцева, Голада Хатагова и др. Большинство из них стало инициаторами открытия новых женских

школ и преподавали в них. К началу 1880 г. 196 девочек занимались в семи женских школах Осетии, уровень организации учебного процесса в которых не уступал мужским. Отмечая стремление горцев дать своим дочерям образование, Владикавказские периодические издания начала 1880-х годов отмечали, что имеющиеся в городе женские школы (Ольгинская женская гимназия, первоначальная женская школа и осетинская женская школа) недостаточны для охвата всех желающих учиться, в то время как мужских имеется много — реальное училище, классическая прогимназия, военная прогимназия, частное реальное училище, ремесленное училище, городское и мешанское училище и др. [4, 69]. Более того, женское образование становилось все более престижным в Осетии. Удачный опыт А. Колиева повторил в Алагире священник Алексей Гатуев; широко известен и передовой педагогический опыт непосредственных учениц А. Колиева, а также выпускниц детища его просветительской деятельности, которые становились учительницами в женских церковно-приходских школах Осетии: Софья Гатуева — в Салугардане (выпускница 1867 г.), Мария Саламова — в Ардоне (1871), Мария Плющ — в Ольгинском (1871), Анна Хубаева — в Дарг-Кохе (1871), Мария Коченова — в Хумалаге (1872), Мария Газданова — в Даргавсе (1878). Но эти школы и наполовину не удовлетворяли запросов населения. Так, открывшаяся в с. Хумалаге осетинская женская школа была рассчитана на 50 человек, а желающих поступить было более 100 девушек. Отмечая рвение родителей, стремящихся, дать образование дочерям, краевая официальная газета «Терские ведомости» признавала, что осетинский народ «в стремлении к образованию опередил русское население» [6, с. 3].

Такому настрою населения способствовала и позиция национальных духовных лидеров. Лучшие представители общественно-политической и педагогической мысли К. Хетагуров, Х. Уруймагов, Г. Дзасохов, А. Гассиев, Г. Баев и другие призывали к расширению женского образования с использованием последних достижений педагогики, убеждали современников в необходимости пересмотреть взгляды на роль женщины в обществе [2, с. 3–6]. Опыт женского образования оказался настолько положительным, что по всей Осетии женские школы стали возникать одна за другой.

Наряду с развитием национального женского образования во Владикавказе и подготовкой кадров для женских школ в Осетии, в городе открывались местными этническими общинами и национальные общества свои женские школы и училища для обучения девочек. Так, в 1883 г. во Владикавказе открылась армянская женская школа — плод усилий и сплоченности местной армянской общины. Общество распространения грамотности среди грузин, подготовившее ходатайство с обращением к директору народных школ Терской области о разрешении открыть при Владикавказской грузинской школе отдельную женскую профессиональную школу, добились ее открытия и в дальнейшем курировало ее работу.

Таким образом, к началу XX в. в Осетии в целом была сформирована система начального женского образования. Большая часть детских начальных и средних женских учебных заведений, как и по всей России, содержалась при участии православного духовенства. Неоценимый вклад в развитие женского образования внесла женская часть осетинской интеллигенции. С трудом добываясь открытия школ, учительницы нередко брали на себя материальные расходы, приобретая на свои средства учебники и учебные пособия, письменные принадлежности для девочек, зачастую работали без оплаты, предоставляли под школу свои дома. В целом система начального и среднего женского образования во Владикавказе сложилась из различных типов школ и училищ с различной ведомственной подчиненностью; большая часть

женских школ относилась к ведомствам Владикавказской епархии и дирекции народных училищ Терской области.

Факторами, способствовавшими появлению и развитию женского образования в Осетии следует считать присоединение Осетии к России и ее интеграцию в культурное российское пространство, деятельность православных миссий по созданию системы образования, появление осетинской церковной интеллигенции, гендерные особенности осетинского традиционного общества. В ряду перечисленных факторов особое место занимает город Владикавказ с его урбанистическими возможностями для развития образовательной и научной мысли; город, ставший центром подготовки педагогических кадров; город, располагающий истоком, питающим богатую ниву национального просвещения.

Литература

1. Габоева Л. Р. Из истории женского образования в Осетии//*Эхо Кавказа*, 1994. № 2 (5). С. 43–67.
2. Гатагова Л. С. *Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке*. М.: «АИРО-XX», 1994.
3. Гостиева Л. К. *Православие в Осетии*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014.
4. Магоматов А. Х. *Общественный строй и быт осетин (XVIII–XIX вв.)* Орджоникидзе: Ир, 1974.
5. Марков Е. Л. *Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории*. СПб.; М.: Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1887.
6. *Терские ведомости*. Владикавказ, 1898. № 79.
7. Хетагуров К. Л. *Собр. соч. в 3-х томах*. Т. 3. М.: Художественная литература, 1974.

Н. В. Клементьева

г. Оренбург, ФГБОУ «Оренбургский государственный педагогический университет»

Образовательный уровень горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX в.

На современном этапе развития общества, женщины постепенно начинают занимать лидирующие позиции во многих сферах жизнедеятельности общества. Данная тенденция начала зарождаться еще во второй половине XIX века, когда социально-экономические и политические преобразования, проводимые российским правительством, значительно ускорили протекание таких процессов, как модернизация экономики, развитие буржуазных отношений, урбанизация. Эти трансформации изменили положение определенных групп населения, в том числе женщин, особенно проживающих в городах. Горожанки все активнее вовлекались в общественно-политические и социально-экономические отношения, становились более самостоятельными и независимыми от мужчин. Именно в этот период женщины стали более активно стремиться к получению образования, которое позволяло им более эффективно включаться в профессиональную деятельность. Тем самым, изучение данного аспекта в русле современных процессов, является достаточно актуальным.

Об этом же свидетельствует наличие серьезных и фундаментальных работ по данной проблеме, авторами которых являются такие исследователи, как Б. Н. Миронов [6],

Н. А. Пушкарева [9], Л. В. Кошман [5], Ю. М. Гончаров [2], Е. В. Банникова [1], В. Н. Константинова [4], Н. В. Клементьева [3] и другие.

В 1897 г., согласно данным Первой всероссийской переписи населения, в Оренбургской губернии насчитывалось 1 600 145 человек обоего пола, из которых 806 374 человек составляли женщины (50,4%) [7, с. 1], тем самым соотношение мужского и женского населения было практически равнозначным. Городское население Оренбургской губернии составило 152 601 человека или 9,54% [7, с. IX]. Таким образом, можно констатировать, что Оренбургская губерния относилась к регионам, где сельское население преобладало, а урбанизационные процессы проходили достаточно медленно. Горожанок насчитывалось 74 534 человека или 48,8%. Таким образом, соотношение мужчин и женщин в городах также было практически равным, хотя В. Степанов во вводной части сведений Переписи 1897 г. по Оренбургской губернии писал, что «в отношении состава населения по полу Оренбургская губерния принадлежит к числу местностей с небольшим численным преобладанием женского населения ... на 100 мужчин в ней приходится 101, 59 женщин» [7, с. X].

Следует отметить, что вторая половина XIX века характеризуется для Российской империи рядом социально-экономических, политических и духовных преобразований, которые способствовали активизации модернизационных процессов. Одним из показателей успешного развития государства является наличие образованных людей и их доля к общей численности населения. В связи с этим в исследуемый период государственная власть уделяла особое внимание развитию всех видов образования, в том числе и женского. Однако, в силу различных обстоятельств, данный процесс протекал относительно медленно.

Не была исключением и Оренбургская губерния. Так, например, данные Переписи 1897 г. свидетельствуют о том, что к концу XIX в. в губернии насчитывалось 326 995 человек грамотного населения, что от общей численности жителей губернии составляло всего 20,44%. Из них 55 620 грамотных обоего пола приходилось на городское население (36,45% всех горожан), что от общей численности грамотных составляло 17%. Из городов максимальное число грамотных приходилось на Оренбург (41,19% жителей города), минимальное — на Илецкую Защиту (20,7% горожан) [7, с. XVI].

Для сравнения, в Самарской губернии процент грамотного населения в среднем по губернии составлял 22,1%, а в городах — 41,4%, что превышало показатели Оренбургской губернии [8, с. VIII].

Если принимать во внимание исключительно население старше 7 лет, которое, собственно, и могло обучаться грамоте, то в среднем по губернии грамотные мужчины составляли 37,21% всего мужского населения региона, а грамотные женщины — 14,35% жительниц губернии, а в городах губернии грамотные мужчины составляли 54,38% горожан, а грамотные женщины — 32,03% горожанок [7, с. XVII]. Таким образом, если в среднем по губернии доля грамотных мужчин в 2,6 раза превосходила долю грамотных женщин, в городах это соотношение было меньшим — процент грамотных мужчин был больше процента грамотных женщин всего в 1,7 раза.

Словные различия среди грамотного населения были весьма заметны. Так, по сведениям В. Степанова, в среднем по губернии процент грамотных женщин составлял: среди дворянства и чиновничества — 69,85%, среди духовенства — 66,32%, среди городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан) — 18,66%, среди сельских сословий — 9,69% [7, с. XVII].

В Самарской губернии аналогичные показатели составили: 70,1% для дворянок, 71,9% для женщин духовного звания, 20,7% для представительниц городских сословий

и 12,8% — для представительниц сословий сельских [8, с. X]. Таким образом, за исключением городских сословий — мещан, купцов и почетных граждан — во всех других городских социальных группах уровень грамотности женщин в Самарской губернии был несколько выше.

Таким образом, наивысший уровень грамотности в городах губернии демонстрировали представительницы духовенства (от 64,5 до 84,7 процентов) и дворянства (от 46,5 до 77,7 процентов). Уровень грамотности среди представительниц городских и сельских сословий был примерно одинаковым за счет того, что в состав сельского населения входили казачки, среди которых «грамотность женщин вообще распространена больше, чем среди крестьян» [7, с. XVI].

Практически половина от общей численности образованных женщин Оренбургской губернии приходилась на город Оренбург, в котором насчитывалось 10935 (31,4% от всех горожанок) женщин, имеющих образование различного уровня [7, с. 43]. Объяснялось это достаточно просто, Оренбург являлся губернским центром, в котором находилась основная масса образовательных учреждений, в которых могли получать образование женщины. Кроме того, именно здесь сосредотачивалось максимальное число дворянок, обладающих наивысшим уровнем образования, среди всего женского городского населения. Много было здесь также женщин духовного звания и представительниц городских сословий, которые также обладали довольно высоким уровнем грамотности.

Вторым по уровню женской грамотности городом губернии был Челябинск, где проживало значительное число образованных женщин — 2733 человека или 28,1% от общей численности горожанок [7, с. 51]. Немного от Челябинска отставал Троицк, в котором доля образованных женщин составила 3201 человек или 27,5% горожанок. И Троицк, и Челябинск были относительно крупными торговыми центрами. Именно за счет образованных представительниц городских сословий эти города и смогли выбиться на второе и третье место по губернии. Кроме того, в Челябинске проживало много женщин духовного звания, практически поголовно грамотных. Практически на одном уровне находились Орск (1167 человек или 5,9%) и Верхнеуральск (1125 человек или 5,7%). Наиболее малочисленным по количеству образованных женщин являлась Илецкая Защита (655 человек или 3,3%), в которой было сосредоточено наименьшее число представительниц дворянства, духовенства и торгового сословия [7, с. 36–50].

Категории, относящиеся в первую очередь, к грамотному населению имели различный уровень образования, который можно разделить на следующие ступени: учащиеся в университетах и других высших учебных заведениях; учащиеся в специальных и технических высших учебных заведениях; учащиеся средних специальных учебных заведениях; учащиеся средних учебных заведений; учащиеся высших военных учебных заведений; учащиеся средних военных учебных заведений.

В высших учебных заведениях во второй половине XIX в. обучалось незначительное число горожанок Оренбургской губернии — всего 19 человек. В основном это были представительницы дворянского сословия (14 человек — 8 жительниц Оренбурга, 5 жительниц Троицка и 1 горожанка из Челябинска). Пятеро горожанок, получивших университетское образование, принадлежали к городским сословиям — 2 из Оренбурга и по одной из Илецкой Защиты, Троицка и Челябинска. Основная масса городского женского населения получала образование в средних и средних специальных учебных заведениях.

Таким образом, анализ статистических данных свидетельствует о том, что процент образованных женщин среди всего женского городского населения Оренбургской губернии был достаточно высоким. Наибольший процент образованных женщин был сконцентрирован в наиболее крупных городах Оренбургской губернии, таких как Оренбург, Верхнеуральск и Челябинск. Что касается уровня образования, то большинство женщин обучались в средних учебных заведениях. Высшее образование получало очень незначительное число женщин дворянского происхождения.

Литература

1. Банникова Е. В. *Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода)*. СПб.: Полтораки, 2014. Гончаров Ю. М. *Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в.* Барнаул: Алтайский ун-т, 2002.

2. Клементьева Н. В. *Сословный состав населения городов Оренбургской губернии во второй половине XIX как одно из объективных условий городской повседневности // Условия повседневности. Обстоятельства, определяющие жизнь. Материалы научного семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности*. 2017. С. 7–18.

3. Константинова В. Н. *Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект (на примере Екатеринославской губернии) // Женщина в российском обществе*. 2009. № 4. С. 83–93.

4. Кошман Л. В. *Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты*. М.: РОССПЭН, 2008.

5. Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)*. СПб., 1999. Т. 1.

6. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. Издание Центрального статистического комитета МВД/под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография Товарищества Художественной печати, 1905.

7. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. Издание Центрального статистического комитета МВД/под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXVI: Самарская губерния. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1905. 220 с.

8. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. *Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе*. 2016. № 3 (80). С. 73–89.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 17–31–00010 а1 – Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)

В. Н. Паришина

г. Пенза, Пензенский Государственный университет

Запреты и ограничения в культуре повседневности гимназисток в российской провинции

Во второй половине XIX в. в результате реформ среднего женского образования 1858–1870-х гг. создается всеобщая, открытая средняя школа. Она представляла собой принципиально новую социально — педагогическую модель построения женского образования. В 60 — е годы XIX в. в процесс воспитания учениц вновь созданных

учреждений вносились существенные изменения: ослаблялось значение сословных перегородок, существовавших между отдельными группами учащихся, расширялся учебный курс преподаваемых предметов. Организация и содержание учебно-воспитательного процесса строго определялись соответствующими документами — уставами и положениями. Процесс воспитания гимназистки был немислим без применения методов контроля и мер запретительного характера.

На основе анализа значительного количества разнообразных источников, преимущественно архивных материалов, рассмотрим вопросы организации системы надзора и воспитания как основных аспектов деятельности в женских провинциальных гимназиях указанного периода на примере Пензенской губернии.

Система надзора была возможна во многом благодаря существованию института надзирательниц, которые следили за поведением учениц, осуществляли связь между учебным заведением и семьей.

В архивных фондах находятся запросы учебного округа о числе посещениях ученических квартир в семьях учащихся, общественных собраниях исполненных классными надзирательницами по надзору за учащимися заведения [1, л. 2].

В предписаниях оговаривалось, что для учебно-воспитательных целей важно знать «домашнюю обстановку каждой ученицы, познакомиться с образом жизни и мысли тех людей, среди которых находятся ученицы». Рекомендовалось посещать учениц, живущих с родителями, один раз в год, учениц, живущих на квартире, посещать как можно чаще. «И, если, при посещении, какая-нибудь частная квартира будет найдена не вполне удобною и благонадежною, то требовать от родителей перемещения их детей в другую квартиру [2, л. 10].

Надзирательницы посещали вместе с девочками богослужение, для чего в Пензенской женской прогимназии составлялись списки учащихся посещавших ту или иную церковь и указанием места, где во время богослужения будут стоять ученицы, для того чтобы госпожа начальница могла их видеть. Так же ученицы должны были предоставлять госпоже начальнице свидетельство от своего духовного отца о исполнении ею своих христианских обязанностей: исповеди и причастия [2, л. 8]. Девочкам строгойше запрещалось посещать заседания окружного суда, а также поздно гулять по садам и скверам, даже с родителями. В театр, на концерт и других увеселительных мероприятий ученицы могли присутствовать только с разрешения госпожи начальницы, и в присутствии надзирательницы.

Для лучшего надзора и в качестве дисциплинарного средства гимназистки должны были носить форму определенного образца и цвета. В таблице ученицы шестого класса частной гимназии Мансыревой и Шор, Елизаветы Масловой записано: «Ученицы должны носить в учебный период, включая рождественские и пасхальные каникулы, установленную форменную одежду и нагрудный знак своего заведения» [9, с. 70.]

На время каникул начальницам средних учебных заведений вменялось в обязанность снабжать учащихся, уезжающих на отдых, отпускными билетами с обозначением места отпуска и занесением названия местности в канцелярии попечительского округа [3, л. 14].

Распоряжением Министерства ограничивали участие учениц в чествованиях, носивших публичный характер (циркуляр от 10 декабря 1886 г.), без разрешения учебного начальства не позволялось ученицам принимать участие в деятельности каких-либо обществ без разрешения администрации (циркуляр от 21 января 1887 г.) [4, л. 13 об].

Дисциплина в гимназиях поддерживалась очень строго с помощью четко разработанной системы взысканий, насчитывающей около 20 пунктов. Среди них было сни-

жение оценки за поведение, «выговор начальницы перед классом». Самым строгим наказанием было увольнение из учебного заведения, причем оно могло лишить ученицу права поступления в другое учебное заведение. Часто причиной для наказания служила резвость гимназисток.

Взыскания практиковались и в пансионе: ученицы, получившие плохую оценку, должны были в праздничные дни выучить уроки, которые не знали ранее и лишались театра. Особое внимание обращалось на внешний вид учениц. Оговаривалась даже волярная прическа.

Однако, рассматривать работу надзирательниц только как строгий надзор нельзя, так как классные дамы часто применяли в воспитательном процессе индивидуально-личностный подход. Например, в женской гимназии Е. А. Сердобольской надзирательницы к ученицам, обучающимся в восьмом педагогическом классе, применяли форму общения «в виде не столько надзора, сколько руководства».

Гимназистки жили преимущественно дома, девочки, проживающие на квартирах в городе, подвергались надзору со стороны хозяек, которые должны были доносить гимназическому начальству о поведении квартирантки, т.к. квартиры, как правило, для учениц подбирались начальницей гимназии. В соответствии с установленными правилами, начальство учебных заведений обязано было наблюдать за такими учащимися и квартиросодержателями. Но, поскольку это было затруднительно, то Министерство народного просвещения предложило создание при возможно большем числе средних учебных заведений пансионатов или общежитий. Правительство в очередной раз не имело возможность финансировать, поэтому всю тяжесть расходов оно перекладывало на городские власти, земства и частные благотворительные организации. Инициатором устройства общежития для учениц Пензенской гимназии была Л. А. Татищева, которая поставила цель — доставить возможность родителям, неживущим в Пензе, давать своим дочерям образование в гимназии при, возможно, лучшей в воспитательном отношении обстановке.

Но, в первую очередь, власти беспокоились о политической благонадежности своих граждан и последовательно контролировали эту сторону общественных отношений. Наблюдать за пансионом, где есть воспитатели, установлен режим дня, значительно легче, чем за каждой гимназисткой в отдельности.

Строгая система надзора и запретов приводила к очень печальным результатам. В гимназической жизни присутствовал тяжелый учебный труд, боязнь получить плохую оценку, ссоры с одноклассницами, жесткие правила. В женских гимназиях были случаи самоубийства. Так, 24 мая 1886 года ученица 8 класса Пензенской женской гимназии Александра Померанцева, «получив на выпускном экзамене по математике неудовлетворительный бал, в припадке горя и отчаяния выпила раствор головок фосфорных спичек с намерением отравиться» [5, л. 2 об].

18 февраля 1891 г. был составлен протокол по делу самоубийства Ольги Кононовой, ученицы 5 класса. В этот день она отравилась раствором карболовой кислоты. Девочку в этот день подруга пригласила в театр. Но так как у Ольги не было разрешения на посещение театра, то хозяйка квартиры в этой просьбе ей отказала [6, л. 12]. Эти случаи являются редкими в провинциальных городах. Рост самоубийств среди учащейся молодежи был характерен, прежде всего, для столицы [9, л. 129].

Проблемами просвещения «занималось» и Министерство внутренних дел. В конце 90-х — начале 1900-х годов происходит еще более тесное, чем в предыдущие десятилетия, смыкание деятельности Министерства народного просвещения с деятель-

ностью Министерства внутренних дел и его полицейского департамента. Секретные циркуляры Министерства внутренних дел сообщали, что местное учебное начальство с полным правом может рассчитывать на полицейскую местную администрацию для обеспечения мер, способствующих улучшению поведения учащихся [7, л. 23].

Таким образом, за поведением учениц в женских гимназиях и прогимназиях следили строго, уделяя внимание поведению, как в стенах учебного заведения, так и во внешкольной жизни. В правилах регламентировались многие стороны жизни, в том числе и поведение в тех или иных ситуациях.

Литература

1. ГАПО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 155. Л. 2.
2. ГАПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 259. Л. 8, Л. 10.
3. ГАПО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 371. Л. 14.
4. ГАПО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 140. Л. 13 об.
5. ГАПО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 128. Л. 2 об.
6. ГАПО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 206. Л. 12.
7. ГАПО. Ф. 106. О. 1. Д. 486. Л. 23.
8. Котлова Т. Б. Социокультурная среда в российском провинциальном городе в конце XIX — нач. XX века. Гендерный аспект. Иваново. Изд Иван. Гос. Университета. 2001. С. 129.
9. Маркина О., Полосин Н. И. Из истории женского образования в Пензенской губернии // *Краеведение*. 1998. № 3–4. С. 70.

Л. В. Архангельская

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Проблемы школьного воспитания девушек в условиях провинциальных уральских городов во второй половине XIX — начале XX в.

Со второй половине XIX в. социокультурное пространство городов уральской провинции формировали женские учебные заведения, целью которых являлось «не только давать известные научные познания ученицам, но и насколько возможно воспитывать их в нравственном отношении». Именно для этого в свое время были учреждены закрытые учебные заведения (институты и пансионы) с их удалением девушек от русской семьи XVIII столетия, которая «могла только парализовать наилучшие приемы воспитателей, по причине своей невежественности, разгула, домашнего произвола и деспотизма», чтобы путем отрешения от всего окружающего получалось возможность сформировать поколение новых женщин [8, с. 14].

Ко второй половине XIX в. закрытость женского образования стала рассматриваться как недостаток по причине того, что институты выпускали не приспособленных к реальной жизни девиц, от которых «требовалось, прежде всего, воспитанность и в меньшей степени — образование» [9, с. 85]. Преодолеть этот изъян и были призваны новые школы для приходящих девиц, забота о воспитании которых в первую очередь должна была лежать на семье, благодаря чему девочки росли бы «более трезвыми и практически знакомыми с жизнью» [8, с. 41]. Однако со стороны родителей редко встречалось сочувственное отношение к воспитательным мерам, «поставляемых

учебным заведением». Так, на запрет начальницы екатеринбургской гимназии посещать балы в городском клубе, родители отказались лишать этого удовольствия своих дочерей даже в будние дни, если туда допускаются гимназисты [7, с. 147]. «Трезвый взгляд на жизнь» бедных воспитанниц приводил к тому, что поступив в гимназию, они не только плохо учились и вели себя дурно, но «корчили из себя барышню» и стыдились своих родителей [8, с. 90]. Многие из них, не доучившись, стремились быстрее поступить в начальную учительницы, а не получившие места не гнушались идти даже в проститутки [7, с. 45].

Ввиду того, что связь семьи и школы, провозглашенная основой открытых учреждений, устанавливалась с трудом, в период школьных реформ Д. Толстого ответственность за нравственное воспитание учащихся была возложена на учебные заведения. Стремление педагогов сохранить детей нравственно чистыми в условиях пореформенного города с его индустрией развлечений сделать было трудно. Особенно много хлопот доставляли ярмарки, проходившие в уездных уральских городах, которые наводнялись людьми сомнительного поведения, и где, по словам путешественников, «... жизнь, веселье, вино и золото — кипят и льются через край» [11, с. 73]. Поэтому самыми лучшими в поведении считались воспитанницы епархиальных училищ и гимназистки, проживающие в пансионах и общежитиях под контролем наставниц.

Способом обезопасить учениц от опасностей и соблазнов города служили различные запреты и меры контроля. Так, девицы не должны были отпускатся из школы одни, без присланных за ними провожатых, особенно в теплую погоду, когда «городская улица превращалась в трактирный приход, неся всякую мерзость и сквернословие» [6, л. 23]. Под запретом для них оказывались развлечения в городских садах и парках, где концентрировалась увеселительная жизнь, посещение пристаней, цирков, балов, устраивающихся в общественных собраниях, клубах и народных домах. Танцевальные вечера, которые носили название «детских» также не поощрялись учебным начальством, поскольку туда проникала взрослая публика, а юные создания настолько увлекались танцами, что долго не могли сосредоточиться на учебе, развивая в себе черты и привычки, которые не должны быть свойственны воспитанницам гимназий. Запрет на посещение театра, который являлся массовым культурным явлением провинциального города, был вызван не только содержанием постановок, но и тем, что девушки по своей восприимчивости увлекались страстями героев пьес, заражались мечтательностью, и вместо занятий посещали театральные кулисы и квартиры артистов [4, л. 96–97].

Надзор за ученицами далеко не всегда достигал цели, а «прогрессивно» настроенные педагоги, заигрывая с молодежью, нередко поощряли неповиновение школьным порядкам [3, л. 9]. В связи с этим показательными стали скандальные публикации в прессе о «лигах свободной любви» и пермских обществах «огарков», в которых были замешаны воспитанницы революционно настроенной начальницы частной гимназии А. В. Барбатенко (проходившие к тому же по многим делам о преступных сообществах в Перми) [1, с. 119, 129]. Однако основным источником безнравственного поведения губернской молодежи считалось близкое соседство развращенного заводского населения, из-за чего ее развлечения «грубы и вращаются около пьянства и половых потребностей» [2, л. 6 об.].

Доступность городских развлечений, не соответствующих полу и возрасту учащихся, становилась причиной распущенности некоторых девушек, которые из-за недостатка родительского контроля, проводили свободное время в праздности

и попадали в среду «ведущую их к физической и нравственной гибели» [4, Л. 7, 11]. Некоторых девушек соблазны городской жизни настолько выбивали из колеи, что строгие школьные порядки становились для них невыносимы. Когда до уральской провинции докатилась эпидемия детских самоубийств, ее статистику пополняли школьницы, «предоставленные в городе самим себе и рано начинающие жить недетскими интересами» [5, Л. 3]. Чтобы оставаться твердыми под ударами судьбы, «когда радостные надежды разбиваются от соприкосновения с действительной жизнью», педагоги призывали своих воспитанниц развивать и укреплять «чувство истинной веры в бога» [10, с. 3].

В целом, поведение большинства городских уральских школьниц не выходило за рамки дозволенного, они, как и столичные девушки той эпохи, были озабочены получением высшего образования, материальной независимости, стремлении познать окружающий мир, чему способствовали открытые всесословные женские школы.

Литература

1. Буле О. «Из достаточно компетентного источника...»: Миф о лигах свободной любви в годы безвременья (1907–1917)//Новое литературное обозрение. 2002. № 57. с. 144–162
2. ГАПК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 113
3. ГАПК. Ф. 228. Оп. 1. Д. 235
4. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 512. Л. 23
6. ГАСО. Ф. 458. Оп. 2. Д. 66. Л. 3
7. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования. Оренбург, 1901.
8. Пиллер О. В. Итоги женского образования в России и его задачи. СПб., 1888.
9. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII–начало XX века. М., 2017.
10. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской 1-й женской гимназии. Екатеринбург, 1912.
11. Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: Очерки. М., 1987.

Н. Б. Кончаковская

*г. Екатеринбург, Уральский Федеральный университет
им. Первого президента России Б. Н. Ельцина*

К вопросу о повседневности юных жительниц городов Пермской губернии (конец XIX — начало XX в.)

История женской повседневности стала в настоящее время активно развивающимся направлением современной исторической науки. При обращении к повседневности для историка важно изучить не только образ жизни, быт женщин, но и проследить их ценности, жизненные стратегии для более глубокого понимания процессов урбанизации в городах Пермской губернии, их влияния на женскую идентичность.

В конце XIX — начале XX в. в городах Пермской губернии, вслед за столичными городами, имели место модернизационные изменения и связанная с ними урбанизация. Наиболее динамично урбанизация развивалась в крупных торгово-промышленных центрах, таких как губернская Пермь и Екатеринбург, в маленьких городах данный

процесс шел в значительно меньших размерах. Процессы урбанизации были взаимосвязаны с изменением положения женщины в городском пространстве, ее повседневности. Начинаясь в столичных городах, процессы женской эмансипации проникали в провинцию.

Все более важное место в повседневности юных горожанок в рассматриваемый период становилось обучение в учебных заведениях. Тем более, что в начале XX века сеть женского образования существенно увеличилась, и средние учебные заведения имелись уже в каждом городе, а темпы развития женского образования были выше мужского [2].

Все больше родителей, в том числе из мещанской, крестьянской среды, приходили к пониманию необходимости получения их дочерьми образования. Посещение школ меняло образ жизни, также влияло на жизненные стратегии девушек. В особенности это касалось средних школ — гимназий, прогимназий, где сроки обучения были по 6—8 лет. Часть юных горожанок были нацелены на продолжение образования — как высшего, так и профессионального на женских курсах. Такие тенденции, наиболее характерные для начала XX века, можно проследить по материалам переписки, периодической печати, и даже журнала, выпускаемого екатеринбургскими гимназистками. Например, Е. П. Сигова, дочь чиновника из Перми, закончив гимназию, отправилась учиться на Бестужевские женские курсы в Петербург, где по ее воспоминаниям, училась во время Первой Мировой войны немало девушек из Пермской губернии. [4. Ф. 926. Оп. 1. Д. 173. Л. 18]. Екатеринбургская О. А. Батманова, дочь нотариуса, уехала учиться также в Петербург в 1912 г. психоневрологический институт [5. Ф. 95. Оп. 1 Д. 120]. Однако получение высшего образования требовало от семьи больших расходов. В качестве наглядного примера могут служить письма начала XX в. ученицы последнего класса Екатеринбургского училища Л. В. Боголеповой (дочери священника), мечтавшей поступить в университет, однако семья не могла ей оплатить обучение. Тогда девушка вначале поработала несколько лет сельской учительницей, накопила денег и поступила на женские курсы в Казанский университет, затем поехала учиться в Москву [5. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 3492. Л. 11]. Девушки из малообеспеченных семей или их родители подавали прошения в городские думы о предоставлении помощи в оплате учебы на профессиональных или высших женских курсах, однако материальные возможности городских бюджетов редко могли позволить выделить какие-нибудь суммы. Материальная помощь от города иногда могла идти с благотворительных сборов, например, известная женщина-врач Е. П. Серебренникова, сама закончившая высшие женские медицинские курсы в Санкт-Петербурге, периодически в Перми организовывала сбор пожертвований в пользу бедных уральских студенток высших курсов. Определенную помощь могли оказывать студенческие землячества, объединявшие студентов в высших учебных заведениях в крупных городах, благотворительные организации [13].

Процессы урбанизации повлияли на такую сферу женской повседневности, как профессиональная деятельность. Развитие образования повлекло за собой увеличение числа женщин в преподавательской деятельности. Большое количество девушек, закончивших гимназии, работали учительницами, репетиторами, также гувернантками. Среди части демократически настроенных юных горожанок наблюдалось стремление трудиться на благо народа, нести просвещение в народ. Они шли работать в школы, находившиеся в сельской местности, в заводах. Такая тенденция, согласно выводам Н. А. Пушкаревой, была характерна для России рассматриваемого периода [11, с. 56].

Образованные девушки имели возможность осваивать новые профессии — работать телефонистками, телеграфистками. Самое большое число женского персонала было в телеграфных станциях в Перми [1]. Также в Перми и Екатеринбурге становилась популярной работа конторщицами, приказчицами, низшими канцелярскими служащими.

С увеличением городов росла и потребность в женской прислуге. Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г., работа прислугой являлась самой распространенной женской профессией в Пермской губернии. Предположительно в этой профессии трудились представительницы малообразованной части женского населения, низшего класса городского общества, а также обосновавшиеся в городе сельские жительницы. Значительное количество женской прислуги, нянь приходилось на возраст около 16 лет [10]. В качестве подработки или основной работы девушки могли работать швеями. С увеличением количества предприятий легкой, пищевой промышленности в городах Пермской губернии в начале XX в. работало немало несовершеннолетних девушек, использовался труд девочек-подростков — сведения об этом дают списки предприятий Пермской губернии [4. Ф. 65. Оп. 1. Д.1515. Л. 3–105 об.]. В рассматриваемый период произошли некоторые изменения в фабрично-заводском законодательстве в конце XIX в. ограничило рабочее время малолетних и подростков до 8 часов, был введен запрет на работу в ночное время (с 10 вечера до 4 утра), а предпринимателей обязали отпускать юных работников учиться в школу [8]. Стоит отметить, что для большинства горожанок устройство на работу, по большей части на низкоквалифицированную, являлось вынужденной мерой из-за бедности, и нередко в местной печати, в художественных произведениях приводились примеры работавших молодых девушек, вынужденных обеспечивать всю семью. Профессиональная деятельность влияла на женскую повседневность, тяжелые условия работы могли оказывать вред на здоровье юных горожанок.

Значительную ценность в жизненных стратегиях большинства юных горожанок Пермской губернии продолжало иметь замужество, причем в целом до революции по статистике для городов Пермской губернии была характерна ранняя брачность для большинства девиц — чаще всего девушки выходили замуж в 20 лет и моложе [12]. Такая же ситуация, по словам демографов, была характерна для дореволюционной России в целом [6]. Самой низкой доля девушек, вступавших в брак в 20 лет и моложе (по отношению к общему количеству девиц, вступавших в брак), наблюдалась в губернской Перми. Примечательно, что в целом к 1910 году возраст вступления девиц в брак в небольших городах в целом стал более ранним, чем в конце XIX в. К 1910 г. в Перми и Екатеринбурге число девиц, вступавших в брак в 20 лет и младше (по отношению к общему числу девиц, вступивших в брак), снизилось на несколько процентов. В городах Пермской губернии наблюдалось более позднее вступление в брак, чем в сельской местности [12]. У части образованных девушек менялись взгляды на замужество и положение женщины в семье в соответствии с примерами из демократической литературы, основанные на равноправии супругов. Согласно выводам российских историков, в данный период заключение брака в российских провинциальных городах все чаще базировалось на личной привязанности [3]. Однако играло роль и материальное, социальное положение будущего спутника жизни. К примеру, уральская журналистка Н.В. Сигова-Остроумова в конце XIX в. констатировала, что в современном ей обществе имелось немалое количество мужчин, нацеленных на брак с богатой невестой [7].

Изменения в среде городского досуга в конце XIX — начале XX в. влияли на образ жизни юных горожанок. Развитие театрального искусства, кинематографа, в особенности в крупных городах Пермской губернии, вели к изменению досуга девушек. Примеры такого проведения девушками свободного времени содержат газетные статьи с отчетами о мероприятиях в учебных заведениях, праздниках в городских клубах; источники личного происхождения. Также городская молодежь гуляла по улицам, собиралась в городских садах, молодые люди ходили друг к другу в гости. Часть девушек, преимущественно из высших слоев городского сообщества, интеллигенции, а также ученицы средних учебных заведений принимали участие в любительских спектаклях, литературно-музыкальных вечерах, устраиваемых в Благородных, общественных собраниях, школах. Более свободным, очевидно, становилось общение девушек с противоположным полом. Пермские педагоги, например, начальница мужской гимназии О. А. Циммерман) даже были обеспокоены «развращением» нравов среди учащейся молодежи в первое десятилетие XX в. [9].

Таким образом, новые тенденции, обозначившиеся в городах Пермской губернии в процессе урбанизации — развитие женского образования, появление новых рабочих мест, расширение сферы городского досуга, а также демократизация межличностных отношений влияли на повседневность юных жительниц городов. Увеличивались их включенность в профессиональную деятельность, участие в культурно-массовой сфере городов, возрастал выбор жизненных стратегий, в результате развивались процессы женской эмансипации. Безусловно, наиболее динамично данные процессы шли в крупных городах Пермской губернии. При этом замужество оставалось важной составляющей ценностных установок юных жительниц городов Пермской губернии.

Литература

1. Адрес-календарь Пермской губернии. 1889–1915. Пермь, 1888–1914.
2. Архангельская Л. В. Становление женского гимназического образования в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.)//Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (31). С. 95–102.
3. Бушмаков А. В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.
4. Государственный архив Пермского края
5. Государственный архив Свердловской области
6. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
7. Екатеринбургская неделя, 1892, № 42
8. Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. М., 1904.
9. Отто Б. Провинция и гимназия (об одном скандале с Перми)//Уральская новь. 2000. № 8. С. 155–158.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897. Том. XXXI. Пермская губерния. СПб., 1904.
11. Пушкарева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные» (У истоков феминизма в России)//Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–66.
12. Статистика Российской империи. Движение населения Европейской России. Санкт-Петербург, 1889, 1902, 1904, 1910.
13. Тебиев Б., Кулина С. Гражданином быть обязан... (Из истории российского студенчества)//Высшее образование в России. № 1. 2006. С. 151–156.

Репетиторство учащихся средних учебных заведений в России в начале XX века: источники изучения

В российской культурной памяти более органично присутствует художественный образ студента-репетитора из тургеневской повести «Месяц в деревне» (1850), чем факт репетиторства гимназиста А. П. Чехова, в 1876–1879 гг. частными уроками зарабатывавшего на жизнь не только себе, но и славшего деньги из Таганрога в Москву для всей семьи. Правда, с ходу трудно вспомнить гимназиста-репетитора среди чеховских героев. Именно в художественной литературе О. Буле [1] подметил, что в начале XX в. в конкуренцию со студентами за получение уроков вступили учащиеся средних учебных заведений. В их борьбе за существование началась переориентация учащихся и студентов с умственного на физический труд.

Наблюдения О. Буле, А. Е. Иванова [2] о репетиторстве относятся главным образом к столицам и университетским городам. Интересно понять, что в этом плане происходило в провинции. Это важно еще и потому, что на протяжении XX в. и в современной России, несмотря на реформы образования и изменения государственного устройства, учителя взимали плату со своих же учеников, а репетиторство с гарантией поступления в высшее учебное заведение являлось формой взятки. То есть репетиторство связано с базовыми особенностями системы образования в России, где ценность образования определяется социальными правами, дающимися обладателям соответствующих документов об образовании.

В последние годы в социальной истории образования происходит существенное приращение исследований, основанных на документации женских учебных заведений. В них репетиторство учениц не освещено. Возможно, что необходимые для изучения этой темы материалы все же существуют.

При изучении документации учебных заведений Владимирской, Орловской, Тверской губерний нами выявлены делопроизводственные материалы Орловской мужской гимназии [3], свидетельствующие о массовом занятии репетиторством учащихся в н. XX в. Основной информационный ресурс содержат черновики характеристик выпускников и жизнеописания экстернов гимназии, губернская периодика. На основе локально ограниченного круга источников можно наметить некоторые черты образа учеников-репетиторов в великорусской провинции.

В начале XX в. провинции репетиторством занимались не только гимназисты, но и реалисты, семинаристы и гимназистки. Первые уроки они получали по рекомендации своих учителей. Наиболее активно занимались репетиторством в старших, VII и VIII классах, реже с IV и V классов. Некоторым удавалось подготовить учеников к конкурсным испытаниям в высшие народнохозяйственные учебные заведения.

В качестве оплаты зачастую предоставлялось проживание и питание. Одна часть учеников-репетиторов зарабатывала в дополнение к помощи родителей, другая — полностью покрывала свои расходы, некоторые ученики — зарабатывали для всей семьи. На занятие репетиторством могло уходить до пяти часов в день, что часто вело к снижению успеваемости самих репетиторов, разрушало здоровье. Обычно, репетиторская деятельность не приносила самоудовлетворения, но помимо обеспечения выживания, способствовала выбору умственного труда для получения средств к существованию, адаптации к учебно-бытовой повседневности российского студенчества.

Сделанные наблюдения позволяют предположить, что репетиторство учеников было распространено в провинции. Ответы могут быть получены в ходе сопоставительного изучения документации других учебных заведений разных губерний.

Литература

1. Буле О. Мускулы в обмен на деньги: студенты и борцы между двумя революциями (1907–1917). // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 17–30.

2. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX—начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 85–88, 286–288.

3. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.64 (Орловская губернская мужская гимназия).

Т. В. Осокина

г. Чебоксары, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

Подготовка женских педагогических кадров в Симбирской чувашской учительской школе

Яковлеву Ивану Яковлевичу — педагогу, создателю современной чувашской письменности, организатору Симбирской чувашской учительской школы 25 апреля 2018 года исполнилось 170 лет со дня рождения. В созданной им школе обучались мальчики. И. Я. Яковлев не переставал думать о создании женских школ. Он писал, что знал о тяжелом положении чувашской женщины в деревне. Ему казалось несправедливым, чтобы в то время, когда для чуваша-мужчины открывалась дорога к просвещению, женщины-чувашки оставались бы в невежестве.

В 1878 г. инспектор чувашских школ поднял вопрос о просвещении чувашских женщин. Он предложил открыть при Симбирской чувашской школе женское отделение с курсами двухклассного училища. Министерство народного просвещения отозвалось открытию женского отделения, сославшись на отсутствие средств, в связи с Русско-турецкой войной. Но, не дождавшись официального разрешения, И. Я. Яковлев начал набор девушек в будущее женское училище. В августе сюда прибыла 18-летняя девушка Анастасия из села Городищи Буинского уезда, в сентябре привезли еще трех круглых сирот, а затем еще шесть девушек из села Тюрлема и деревни Семенчино Цивильского уезда. Спустя несколько дней приехали родители, чтобы увезти девушек. Они выражали недовольство тем, что девушки убежали в город. Родителей беспокоила будущая судьба дочерей, что им даст эта школа и за кого они выйдут замуж. Все девушки наотрез отказались ехать домой. Родителям пришлось согласиться, но, уезжая, просили смотреть за ними строго, сберечь их доброе имя, не обесславить, не опозорить доселе честные, незапятнанные семьи и роды. «Вырастили, вспоили мы их, а теперь отдаем в твои руки» — говорили они.

Об открытии женского училища при Симбирской чувашской учительской школе И. Я. Яковлев сообщил в учебный округ 29 сентября 1878 г. Он писал, что в сентябре в школу поступило 11 девушек из Казанской и Симбирской губерний. Все расходы впредь до открытия женского училища в Симбирске приняты им на собственные средства.

Но глава министерства Д. А. Толстой, когда ему было представлено сообщение, не выразил готовности поддерживать школу материально, объявив И. Я. Яковлеву благодарность за это полезное учреждение и пожертвование,

Так помимо министерства, при Симбирской школе возникло женское отделение. Заведование им было поручено Екатерине Алексеевне, супруге И. Я. Яковлева.

Устройство женского отделения совпало с его женитьбой. Мысль об устройстве при Симбирской чувашской школе женского отделения была у И.Я. Яковлева давно, но он не осуществил ее до тех пор, пока не женился. Если бы он, будучи холостым, устроил женское отделение, то это только дало бы повод его врагам создать сплетни о его безнравственности.

Особо бы хотелось отметить деятельность Екатерины Алексеевны (урожденная Бобровникова) в просвещении чувашских женщин. Родилась она 2 октября 1861 года в г. Оренбурге, после смерти отца семья осталась без средств существования. Ее на воспитание взял друг отца Н.И. Ильминский. Она обучалась в Казанской Мариинской женской гимназии. Выйдя замуж в неполные 16 лет (не хватало несколько дней), Екатерина Алексеевна в течение 37 лет существования женского училища принимала самое деятельное участие в обучении и воспитании учениц.

В женском отделении Екатерина Алексеевна в первые три года работала бесплатно, выполняя обязанности наставницы и учительницы рукоделия. Без ее согласия на бесплатную службу это училище не могло быть открыто. В течение 10 лет она была единственной учительницей и воспитательницей в женском училище. Она стремилась не только дать ученицам надежную подготовку, но и воспитывать примерных жен и матерей, — отмечает И.Я. Яковлев. За многолетний труд на ниве просвещения Екатерина Алексеевна награждена золотой медалью «За усердие».

Предметами обучения в женском училище были Закон Божий, церковное пение, славянский и русский язык, арифметика, чистописание, чтение книг религиозно-нравственного содержания, рукоделие, краткая русская история, география, рисование и черчение.

Заслуживает внимания и распорядок жизни воспитанниц женского училища. Утром они вставали в 6 ч, умывались и в 6 ч. 30 мин. отправлялись на молитву и завтракали. Уроки начинались в 8 ч. и оканчивались в 13 ч. 30 мин. Перед началом уроков пели молитву «Царю небесный». После нескольких уроков была большая перемена продолжительностью тридцать минут (с 11 ч. до 11 ч. 30 мин.). В 14 ч. обед и прогулка во дворе школы. Два часа с 15 до 17 отводилось на внеурочную деятельность — занятием рукоделием, участие в спевках и т.д. Время от 18 ч. до 20 ч. 30 мин. отводилось на приготовление уроков. Ужин и вечерняя молитва проходили с 20 ч. 30 мин. до 21 ч. Далее свободное время до отбоя. В 22 ч. тушили лампы в классах и воспитанницы ложились спать.

В школе было организовано самообслуживание. Для поддержания чистоты девочки дежурили в комнатах и классах по две смены в неделю. Между собой воспитанницы жили дружно, скромно и вполне по-христиански — отмечал И.Я. Яковлев.

Подъем образования не возможен без подготовки профессиональных педагогических кадров. Как инспектор чувашских школ, Иван Яковлевич целенаправленно работал по открытию училища «для приготовления учительниц» при женском отделении Симбирской чувашской учительской школе. Без официального разрешения он в 1900 г. открывает педагогические курсы на 20 человек. Первоначально на педагогических курсах обучались лишь год, но с 1905 г. обучение длилось два года. В связи с этим на курсы принимались один раз в два года. 1 июля 1912 г. курсы были преобразованы в трехгодичные. Выпускницы курсов получали специальность «учительница начального училища». Теоретические и практические занятия занимали 30 часов в неделю. Кроме общеобразовательных предметов слушательницы изучали педагогику, дидактику, чистописание с методикой, гигиену, гимнастику, давали не менее 10 пробных уроков

в базовой начальной школе. Рукоделию и игре на скрипке обучались во внеурочное время.

Фактически женское училище явилось первым чувашским женским учебным заведением, готовившим учительниц для чувашских школ в дореволюционной России. За годы его существования (1878–1918 гг.) его окончили 505 девочек. Подводя итоги развития женского образования среди чувашей, И. Я. Яковлев писал, что чувашские девушки оправдали его надежды. Из чувашской школы вышло много хороших учительниц для сельских школ.

Литература

1. Ефимов, Л. А. И. Я. Яковлев — организатор женского педагогического образования в Чувашии/Л. А. Ефимов, А. Л. Ефимов, Е. Л. Ефимов. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013.
2. Земляков, А. Е. Яковлеведение: учеб. пособие для студентов пед. учеб. заведений/А. Е. Земляков. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2006.
3. И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары.: Чувашкнигоиздат, 1968.
4. Яковлев, И. Я. Моя жизнь/И. Я. Яковлев. Москва: Республика, 1997.

Л. А. Болокина

г. Тверь, Тверской государственный технический университет

Из практики раздельного школьного обучения в городе Калининне в 1943–1944 гг.

С первого сентября 1943 г. в Калининне было введено раздельное обучение мальчиков и девочек, что потребовало большой работы по реорганизации школьной сети. В городе тогда функционировало 29 школ, в т.ч. 17 начальных, 7 женских и 5 мужских. Сначала учащиеся занимались по одинаковым планам и программам, и в конце учебного года общие результаты мало чем отличались от других школ области. Было признано, что раздельное обучение в основном показало удовлетворительные результаты. Но проявились и негативные моменты: в отдельных случаях значительно увеличился радиус обслуживания школой, а значит, учащимся нужно было дальше добираться; в Центральном районе Калининна школьники занимались в 3 смены, что не позволяло вести кружковую работу. Кроме того, стало ясно, что подбор педагогов в школы должен быть более внимательным, особенно это касалось мужских школ, где чаще возникали проблемы с дисциплиной, а учителя слабо понимали специфику раздельного обучения. Разумеется, мальчики проявляли больший интерес к военным занятиям и играм, в рамках отдельных предметов к конкретным темам. Например, на уроках физики хотели говорить о военной технике, на физической географии изучать топографию, на экономической географии обсуждать военные и сырьевые потенциалы разных стран, а от учителей химии ждали разъяснений о практическом применении химии в военном деле. Хотя девочек также интересовали физкультура и военное дело, новейшие достижения техники, а кроме традиционного кружка кройки и шитья многие хотели посещать кружок, где их учили ремонту бытовых электроприборов. Полученный опыт обсуждался на городских совещаниях школьных директоров, и данный учебный год был назван «годом исканий» [4, л. 108–109].

Стараясь найти верные подходы в рамках раздельного обучения, педагоги предлагали неодинаковые темы докладов и лекций, ведь в мальчиках следовало развивать прежде всего волевые качества, а в девочках готовность служить родине трудом, но если понадобится, то и оружием. Если в мужских школах рассказывали о героях гражданской и Отечественной войны, великих победах Красной Армии, партизанском движении в 1812 г. и знаменитых полководцах прошлого, то в женских школах темы могли звучать гораздо более эмоционально, например, «Любовь к Родине (За что мы любим свою Родину)», «О любви и дружбе», «Женщина — героиня на фронте и в тылу», «Облик советской девушки», «О Жанне Д'Арк», «О внешности и культуре». Последняя тема вызвала в школе № 2 активное обсуждение, в ходе которого учащаяся-комсомолка «резко критиковала девушек-комсомолок класса за некультурное поведение, крикливость в одежде и причёске» [3, л. 10–11]. Раздельное обучение отразилось на атмосфере школьных мероприятий: теперь мальчики и девочки принимали друг друга, а значит, должны были заниматься тщательным оформлением помещений, проявлять гостеприимство и заботу о гостях, выглядеть должным образом. Разумеется, выполнение данных задач труднее давалось учащимся мужских школ.

Опыт первого года раздельного обучения в женских школах был оценен как более плодотворный, и калининская школа № 2 стала тому примером. В ней последовательно велась кружковая работа по изучению иностранных языков, в которую оказались вовлечены многие школьницы. Для лучшего усвоения материала они слушали пластинки на патефоне, участвовали в постановках скетчей на немецком языке, игре в пословицы и шарады, что обеспечило хороший результат. Учащиеся школы уделяли много времени и сил для помощи военнослужащим в госпитале. 186 девочек были распределены по палатам и дежурили по 1–2 часа — следили за чистотой, кормили раненых, писали им письма, читали газеты, рассказы, иногда даже пели по просьбе бойцов. Они сформировали отдельную библиотеку для раненых, чтобы те могли читать самостоятельно, проводили сбор посуды и подарков, а школьный хор провел 20 концертов в госпитале, и публика принимала приветливо. Благодарность от начальника госпиталя в адрес девочек прозвучала по радио. Кроме того, школьницы занимались уборкой и утеплением классов, своими силами перевезли и перетаскали 500 кубометров дров и много тонн торфа, помогали семьям фронтовиков и успевали шить кисеты с вложенными подарками для военнослужащих на фронте [5, л. 12–13].

Однако и в женских школах города ситуация складывалась по-разному. После выхода постановления о раздельном обучении сотрудники школы № 9 провели массовую разъяснительную работу в казармах фабрики «Пролетарка». Отметим, что родители отнеслись с пониманием и одобрили постановление, соглашаясь с тем, что раздельное обучение принесет больше пользы. Последующие проверки показывали большое количество неохваченных школьным обучением. Например, в феврале 1944 г. школы Пролетарского района Калинин не посетило 219 детей из 1–6 классов, из них 105 человек из-за отсутствия одежды и обуви, 12 по болезни, 5 человек выполняли обязанности няни в семье, 17 по иным причинам, а 80 человек заявили о нежелании учиться вообще [2, л. 29–34]. Пытаясь выяснить положение дел в раздельных школах района, мы увидим, что в мужской школе № 1 не охвачено всеобучем оказалось 94 человека, а в женской школе № 9–18 человек, т. е. значительно меньше.

Анализ архивных источников показывает, что большая часть детей школьного возраста находилась в исключительно тяжелых материально-бытовых условиях. Таких семей было немало среди работниц прядильной фабрики, жен фронтови-

ков. Так, в семье Колесовых кроме мамы было трое детей, но только один пропуск в столовую, и первоклассница Валя, проучившись 2 недели, перестала посещать школу, так как «не имела совершенно белья» и обуви; точно такая ситуация сложилась в семье четвероклассницы Т. Федоровой. При этом некоторые дети выражали желание учиться, но фактически не имели возможности пойти на уроки. Например, проживавшая в казарме № 14 12-летняя Н. Иванова очень хотела учиться, но тоже не имела одежды и обуви, находилась в иждивении 16-летней сестры, работавшей в швейном цехе. Еще более плачевное положение проверяющие увидели у Беляковых, мать которых работала на механическом заводе, но заболела туберкулезом. Женщина и дети ютились на холодной кухне, спали на плите и укрывались тряпкой. Находясь «в ужасной грязи», дети опухли от голода. Полученная помощь в 100 руб не могла улучшить ситуацию, и проверяющие констатировали, что «семья медленно предоставлена на вымирание». Однако в некоторых случаях именно родители препятствовали посещению школ. Работавшая на прядильной фабрике мама 13-летней Ермаковой, желавшей учиться, заставляла девочку стоять в очередях и не пускала в школу. Работница той же фабрики Завьялова получала по аттестату мужа-военнослужащего 500 руб., а к ним еще выдали детские валенки от военкомата, которые женщина тут же продала на базаре. Двое ее дочерей 11-ти и 14-ти лет в школе не учились по инициативе мамы [1, л. 8–9, 14–15].

Таким образом, с переходом городских школ Калинина к раздельному обучению учителям приходилось перестраивать свою работу, мальчикам и девочкам с разным успехом выполнять одинаковые обязанности; им настоятельно прививалось чувство патриотизма, при этом разъяснялась специфика их социальной роли в период войны.

Литература

1. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1343.
2. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1346.
3. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1352.
4. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2167
5. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2183.

М. Б. Буланова

г. Москва, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Проблема гендерных асимметрий в городской образовательной среде: прошлое и настоящее

Среди всех видов социального неравенства, существующих в современном мире, особенно острым остается гендерное неравенство, проявляющееся в явном или скрытом виде в различных областях жизни, в том числе и в городской образовательной среде. Образование женщин как их право

Принято считать, что появление женского образования в России связано с открытием по указу Екатерины II в 1764 г. Смольного института благородных девиц (для дочерей дворян) и при нем училища для девушек из мещан (1765). К 1845 г. были организованы 36 закрытых гимназических институтов и училищ сословного характера (например, «Училище для дочерей чинов Черноморского флота», «Девичье училище

военно-сиротского дела»). К концу XIX в. в России имелись 142 женских гимназии Министерства народного просвещения [2].

Однако с самого начала в женском образовании были приняты неравные программы обучения: для девочек привилегированных сословий — обучение хорошим манерам, французскому языку, основам наук; для девочек низших сословий, главным образом, обучение профессии.

Кроме того, процесс введения высшего женского образования проходил неравномерно. Так, с 1859 г. женщины допустили в качестве вольнослушателей к посещению лекций в университетах, однако в середине 1870-х это решение было отменено и возобновилось в период революции 1905—07 гг. С 1908 г. женщины даже в звании вольнослушателей в университеты не допускались, и лишь в 1911 г. был издан закон о праве женщин на высшее образование в медицинских, педагогических и некоторых других учебных заведениях.

Следует подчеркнуть тот факт, что женское образование (среднее и высшее) развивалось в городах, однако деревенские женщины в основном оставались неграмотными. От XVIII в. дошли свидетельства о грамотности примерно пятой части крестьян мужского пола. Так, по переписи 1785 г. в одиннадцати волостях Архангельской губернии 17,1% дворов имели грамотного хозяина; в Холмогорской округе — 18,6%, в Онежской — 16,4% [1, с. 272]. Отметим, что в имеющихся данных отсутствовали сведения о грамотности женщин.

В XX в., в советский период, были сняты все ограничения на получение женщинами начального, среднего и высшего образования (общего и профессионального), однако формы реализации данного права менялись (совместное, раздельное обучение). В настоящее время в российских городских школах существуют смешанные формы гендерного образования. Например, раздельные классы в рамках одной школы. Среди плюсов: нет конкуренции с одноклассниками другого пола; уходит тревога из-за оценки противоположного пола; легче учитывать гендерные особенности. Основной минус — отсутствие отношений с противоположным полом — компенсируется на внеклассных, общешкольных мероприятиях. Но данная форма обучения — скорее исключение, чем правило.

Образование женщин как необходимость

Включение женщин в профессиональную деятельность в городах внесло коррективы в способы овладения той или иной специальностью. В качестве исторического примера можно привести деятельность открытых в 1896 г. в Санкт-Петербурге под руководством П.Ф. Лесгафта Курсов Воспитательниц и Руководительниц Физического Образования (Курсы Лесгафта). Программа курсов включала предметы: основы анатомии и физиологии человека; гигиена; теория телесных движений; химия; физика; математика; методика проведения физических упражнений и игр. Со второго года программу дополняли зоология, ботаника, психология, педагогика, а затем — всеобщая история, литература, черчение, пение, рисование. Продолжительность обучения на Курсах постепенно была увеличена до 3 лет. Если первоначально предполагалось готовить на Курсах преподавательниц физического воспитания для работы в Петербурге и его окрестностях, то по мере роста их популярности границы подготовки были расширены до масштабов всей России. В 1987 г. на Курсах Лесгафта обучались более 200 слушательниц, а с 1903/04 учебного года их число удвоилось до 432, прибывших со всех районов Империи: Кавка-

за, Украины, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Северного Урала, Польши и Финляндии.

Количество выпускниц Курсов не могло обеспечить и самой малой потребности в педагогических кадрах: на каждую из них приходилось по несколько предложений, из которых они могли выбрать, кем быть: руководительницей по физическому образованию в женском учебном заведении; воспитательницей и заведующей элементарным учебным заведением; заведующей детскими яслями [3, с. 129–214].

Несмотря на то, что в то время Курсы Лесгафта были единственным гражданским учреждением университетского типа, готовившим женщин — организаторов и руководителей физического воспитания, со стороны Министерства просвещения были серьезные претензии к выдаваемым аттестатам об их окончании. С самого первого выпуска (1900 г.) окончившие Курсы получали диплом, присваивающий им звание воспитательницы и руководительницы физического образования, с приложением печати и подписью зав. курсами и членов Попечительского совета. По мнению Министерства, это было серьезным превышением полномочий со стороны учебного заведения: звания могло присваивать только государство и от имени монарха.

На основании этого и других нарушений (антирелигиозная направленность, привлечение к преподаванию лиц «небезупречных в отношении политической благонадежности», участие «лесгафтичек в политических беспорядках» и пр.), Курсы неоднократно закрывались и вновь открывались уже под новым названием. Всего таких вынужденных официальных переименований учебного заведения было 4 за период с 1896 по 1906 г. Только открытие в 1906 г. на базе Курсов Вольной высшей школы с обучением лиц обоего пола несколько изменило ситуацию в лучшую сторону, что можно считать примером скрытой формы гендерной асимметрии в городской образовательной среде.

Образование женщин как свобода

В современных условиях право и необходимость образования женщин не вызывает сомнений, нет формальных ограничений для них при поступлении в высшие учебные заведения (за исключением сохранения традиционных гендерных стереотипов по профессиям: в технические вузы поступает больше мужчин, в гуманитарные — женщины).

С получением образования (особенно — высшего) женщина получает свободу выбора не только своей профессиональной, но и жизненной траектории (возможность самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым; самостоятельно содержать своих детей; передавать свои полученные знания подрастающему поколению). Выстраивая образовательную траекторию в городе, женщина учитывает возможность достижения как материальной, так и моральной независимости от мужчины, позволяющую расширить трактовку своей гендерной роли в обществе. Работа для женщины без образования предполагает не только тяжелые физические условия труда, но и мизерную заработную плату, что понижает качество выполнения ею даже традиционной роли матери и домохозяйки.

Однако следует учесть и тот факт, что современная городская культура, убрав явные гендерные асимметрии в образовании, породила другие — скрытые. Среди них, например, явно «мужская постановка» проблемы феминизации науки и образования. Как отмечает Дж. Хубер: «В 1960-х, к примеру, колледжи Нью-Йорка требовали от мужчин среднюю оценку 85, а от женщин — 90, чтобы последние не заполнили

систему образования» [4, с. 79]. Или «гендерный комплекс работодателя» — при прочих равных (образование, опыт работы, достижения) делать выбор в пользу мужчины — претендента на искомую должность. Как прозорливо подчеркивает Дж. Хубер: «Женщины до тех пор не обретут равенства с мужчинами, пока наиболее одаренные из них не смогут надеяться на реализацию своего таланта с такой же долей уверенности, как и мужчины» [4, с. 96]. Скрытые формы гендерной асимметрии в городской образовательной среде нуждаются в дополнительном изучении средствами современной социологии.

Литература

1. Громько М. М. *Мир русской деревни*. М.: Молодая гвардия, 1991.
2. Зинченко Н. *Женское образование в России*. СПб., 1901.
3. Таймазов В. А., Курамини Ю. Ф., Марьянович А. Т. *Петр Францевич Лесгафт. История жизни и деятельности*. СПб., 2006.
4. Хубер Дж. *Теория гендерной стратификации//Антология гендерной социологии*. Минск, 2000. С. 77–99.

Г. В. Вержибок

г. Минск (Республика Беларусь), Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»

Оценка благополучия и здоровья женщинами-педагогами с учетом территориального признака

Социально-экономическая ситуация требует от современных специалистов не только знаний и навыков в области своей профессии, но и наличия целого ряда качеств, которые определяют эффективность их деятельности и степень конкурентоспособности на рынке труда. Психологическое благополучие, здоровье, жизненная удовлетворенность рассматриваются как важные ресурсы успешной жизни, показатели эффективности специалиста (В. А. Ананьев, М. М. Безруких, Е. Ф. Зеер, Е. Р. Калитевская, А. В. Куликов, А. М. Митина, Г. С. Никифоров и др.).

Психологическое благополучие рассматривается многогранно и представлено как область переживаний и состояний, свойственных здоровой личности; полнота самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Выделяют его детерминанты, такие как: возможность контроля и межличностного контакта, использование навыков, внешне порождаемые цели, разнообразие и ясность среды, доступность денег, физическая безопасность, достойное социальное положение [4]. Предлагаются три основных и один дополнительный показателя благополучия (wellbeing): 1) эмоциональное благополучие — счастье и уверенность, или депрессии; 2) психологическое благополучие — автономия, решение проблем, устойчивость, внимательность/вовлечение; 3) социальное благополучие — хорошие отношения с другими или расстройств поведения, правонарушения, межличностное насилие и издевательства; 4) духовное благополучие [3].

Как состояние благополучия, по оценке ВОЗ (WHO, 2014), при котором каждый человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, вносить вклад в жизнь своего сообщества, определяется психическое здоровье (mental health). Названы раз-

личные взаимодействующие факторы, определяющие здоровье и благополучие, это: материальное положение, социальная среда, психосоциальные факторы, модели поведения и биологические факторы. В свою очередь, эти факторы определяются социальным положением, самой системой образования, профессией, уровнем доходов, полом (gender), этнической принадлежностью и расой, вытекают из общественно-политического, культурного и социального контекста [3].

С благополучием и здоровьем связано также удовлетворенность и качество жизни, которое есть оценка таких субъективных факторов, как: забота и определенные действия, способствующие укреплению здоровья, умение достигать и поддерживать уровень функционирования, позволяющий людям следовать их жизненным целям и отражающий уровень их благополучия. С точки зрения функционального подхода оптимальное здоровье достижимо только при максимально высоком качестве жизни, признано ведущее значение его социальных компонентов [2, с. 24]. По самооценке осознаваемого благополучия здоровье мужчин в значительной мере определяется тем, какое положение они занимают в обществе, у женщин оно в большей мере детерминировано поведенческими факторами: личной ответственностью за здоровье и возможностью посвятить время заботе о себе лично; нервно-психическим воздействием семейной сферы; выраженностью личностного психологического ресурса, позволяющего справляться со стрессами [1, с. 120].

В последние годы проблема сохранения здоровья педагогов стала особенно актуальной. Здоровый педагог характеризуется высокой приспособляемостью к изменяющимся условиям жизни, психической уравновешенностью, необходимой работоспособностью, социальным оптимизмом (Н. А. Заруба, Н. А. Литвинова и др., 2007; Н. А. Литвинова, Е. В. Броздовская, 2007), эффективность его деятельности во многом зависит и от состояния физического, психического и социального благополучия (Р. М. Шамионов, 2008), качества жизни (А. И. Субетто, 2014). Отмечается, что психологическое благополучие директоров школ и учителей имеет важное значение для благополучия подрастающего поколения.

В группах женщин-педагогов из гг. Минска и Витебска — 55 чел. (в возрасте 22–55 лет, стаж работы 1–26 лет) были изучены показатели по методикам: «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адапт. Н. Н. Лепешинский), «Краткая форма оценки здоровья» (John E. Ware), «Индекс жизненной удовлетворенности» (А. Ньюгартен, адапт. Н. В. Паниной). Первичный материал обработан с помощью программы SPSS.19 (сравнение средних, корреляционная матрица).

У женщин-педагогов среди показателей психологического благополучия (по средним значениям) выявлено преобладание «цели в жизни» (общее: 60,29), «позитивные отношения» (общее: 59,67; Минск: 57,17; Витебск: 61,47), «личностный рост» (общее: 58,56; Минск: 55,91; Витебск: 60,47), при этом, в двух последних отмечаются статистически значимые различия между группами из столицы и региона — здесь представители периферии лидируют (соответственно, $r=0,76$ и $r=0,35$). Оценка здоровья представлена ценностью физического компонента и выполнения физических нагрузок (83,55), как и ролевого функционирования, оказывающего влияние на работу и выполнение будничной деятельности (64,09). Менее всего выражено значение болевых ощущений и их связь с работой по дому и вне его (28,18), однако различия по территориальному признаку показаны лишь по «социальному здоровью» (48,92), где физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность (общение), что характерно для педагогов из региона (Минск: 39,78; Витебск: 55,48; $r=0,22$). У жен-

щин фемининного типа внимание обращено на состояние общего здоровья ($r=0,53$), у маскулинных — более четко выстроены жизненные цели ($r=0,50$), значимы выполнение будничной деятельности ($r=0,10$), самооценка психического здоровья и настроения ($r=0,76$). Психологическое благополучие коррелирует со всеми показателями здоровья, типом гендерной ориентации и удовлетворенностью жизнью ($p=0,01$), что свойственно в большей мере педагогам столицы, в регионе — установлена связь с ролевым функционированием здоровья ($p=0,05$).

В целом, эти данные подтверждают результаты исследования, где женщины-учителя имеют достаточно высокий уровень психологического благополучия (N. L. Srimathi, S. K. Kiran Kumar, 2010). Следовательно, при упрочении этих показателей каждый человек может реализовать свой потенциал, справляться с жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, вносить вклад в жизнь сообщества.

Литература

1. Браун, Дж. Гендерные различия в здоровье/Дж. Браун, Л. В. Панова, Н. Л. Русинава//Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114–122.
2. Сурмач, М. Ю. Качество жизни подростков Республики Беларусь: связь со здоровьем: монография/М. Ю. Сурмач. — Гродно: ГрГМУ, 2013.
3. Etoile, J. A Wellbeing Framework for Schools/J. Etoile, R. Greenslade, Ch. Mcinnes, D. Millard. 2012. Norwich.
4. Warr, P. How to Think About and Measure Psychological Well-being/P. Warr, M. Wang, R. R. Sinclair, L. E. Tetrick (eds.); Institute of Work Psychology, University of Sheffield//Research Methods in Occupational Health Psychology. New York: Psychology Press/Routledge, 2012.

Н. А. Винокурова

г. Москва, Центральный экономико-математический институт РАН

Г. Ю. Ризниченко

г. Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Положение женщин в науке: некоторые латентные проблемы

В гендерных исследованиях проблемам женщин в науке уделяется много внимания. В первую очередь, рассматриваются количественные характеристики, отражающие гендерный дисбаланс, сложившийся в этой сфере. К таким количественным показателям можно отнести соотношение численности мужчин и женщин, обладающим высоким научно-академическим статусом (академиков, членов-корреспондентов РАН, докторов и кандидатов наук). Ещё один показатель — соотношений численности мужчин и женщин, занимающих высокие административные должности (директоров институтов, заведующих отделами, секторами, кафедрами и т. п.). Доказано, что женщины защищают докторские диссертации в более позднем возрасте, чем мужчины, затрачивая на написание больше времени. Не менее важно и сравнение в гендерном разрезе средней заработной платы научных работников. Все это явно не в пользу женщин. В результате материальное положение большинства женщин не позволяет им пользоваться услугами платной медицины или рекреационных учреждений, женщинам труднее оплатить образование своих детей. Женщины хуже, чем мужчины, обеспечены необходимой для работы техникой и т. п.

Но в данной статье мы хотели привлечь внимание к некоторым латентным проблемам, от которых порой зависит и продвижение по службе, и уровень заработной платы. Прежде всего, имеется в виду различное отношение к публичным выступлениям женщин и их коллег мужского пола, будь то выступление на семинаре, участие в дискуссии или что-то подобное. Даже, если по содержанию их выступления абсолютно не различаются, слушатели воспринимают выступления мужчин с большим доверием и уважением. Это вызвано несколькими причинами.

Во-первых, уважение и одобрение связано со статусом выступающего. То, что из уст академика звучит как истина в последней инстанции, может восприниматься лишь как очередной результат, требующий обсуждения, когда об этом говорит женщина-кандидат наук. Это же относится и к административному статусу. Выступление директора будет восприниматься серьезнее, чем выступление старшего научного сотрудника. Таким образом, существующий гендерный дисбаланс в этом отношении создает предпосылки для сохранения ситуации в будущем.

Во-вторых, слушатели реагируют не только на содержание выступления, но и на голос говорящего. К физиологическим особенностям голоса относятся регистр (высота звучания) и тембр (окраска звучания). Восприятие голоса происходит на бессознательном уровне. Известно, что мужские, более низкие голоса, производят на слушателей определенное «гипнотическое» воздействие. Текст, озвучиваемый голосами с низким регистром, сильнее воздействует на слушателей в сравнении с голосами высокого регистра. Мужские низкие голоса, особенно в сочетании с уверенной манерой держаться, вызывают у слушателей доверие, создают атмосферу значительности. Они обладают качеством особой внушительности, авторитетности. Исследователи подчеркивают, что низкие голоса часто сочетаются с высоким общественным статусом. В пример приводятся голоса известных политиков (Лебедь, Ельцин, Громыко, Примаков). Мужчин с низкими и сверхнизкими голосами специально подбирают для работы дикторов. Известно также, что на Западе женщинам, попадающим на руководящие должности, рекомендуется понизить регистр голоса». Высокие женские голоса могут создавать ощущение легковесности, иногда даже «детскости» говорящей, вызывать желание защитить ее и т. п. Женщина с высоким голосом и мягкой манерой поведения как будто ищет совета, сочувствия. Факт разного влияния на слушателей мужских и женских голосов широко используется в рекламе. Там приветствуются мужские голоса низкой или средней регистровой зоны, но никогда не используются высокие голоса мужчин. Считается, что это может придать рекламе пародийный характер. Женские голоса создатели рекламы используют для роликов с эмоциональной мотивацией, поскольку уверены, что они слабо сочетаются с мотивацией рациональной. Наоборот, мужские голоса, по опыту рекламщиков, хорошо сочетаются с рациональной мотивацией. Использование низких мужских голосов повышает эффективность рекламы. Все это характерно и для научной аудитории, где существуют абсолютно те же стереотипы восприятия голоса.

Поведение мужчин и женщин в аудитории тоже различается. Мужчины чаще перебивают женщин, чаще делают категоричные заявления, не утруждая себя доказательствами своей позиции. И, хотя в наше время мало кто в научной среде готов сказать вслух, что мужчины умнее женщин или что женщины не бывают настоящими учеными, в основе мужского поведения часто лежит именно уверенность в превосходстве «мужского» ума.

Гендерный аспект социальной интеграции в образовательное пространство вуза

Данная статья актуальна ввиду значимости изучения гендерного аспекта социальной интеграции студентов в образовательное пространство вуза. Статья представляет результат исследования студенческой активности на базе СЗИУ РАНХиГС. Цель исследования — сравнение результатов социальной интеграции юношей и девушек в образовательное пространство вуза.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучение теоретической базы по заданной теме;
- 2) изучение социального пространства вуза, студенческой социальной активности, выявление необходимых параметров и позиций;
- 3) анализ эмпирических данных;
- 4) обобщение и выводы.

Объектом исследования выступил процесс социальной интеграции студентов СЗИУ РАНХиГС в образовательное пространство института. Предмет исследования — гендерный аспект социальной интеграции студенческой молодежи.

Научная новизна заключается в рассмотрении внутренних механизмов социальной интеграции, действующих в ходе вузовской учебной карьеры (бакалавриат), выделении гендерного аспекта данного явления.

Анализ социальной интеграции в образовательное пространство вуза невозможен без понимания теории, на которой базируются данные понятия, а потому необходимо сказать, что за основу данного исследования был взят реляционный подход. П. Бурдьё [2; С. 556], рассматривал социальное пространство как форму выражения эмпирической информации, реализующуюся в структуре определенных диспозиций. Пользуясь данными положениями, отмечаем, что А. Лефевр отнес образовательную деятельность к особым производительным силам и производственным отношениям [6, с. 208]. Выделяя гендерный аспект социальной интеграции в образовательное пространство, необходимо обратиться к М. Кастельсу [5, с. 24], который считает, что существуют гендерно-детерминированные виды поведения [2, с. 311], обусловленные исторически сложившимися формами институтов. В первую очередь, это касается семейных ролей и исходящих из них социальных «предписаний».

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что при изучении результатов социальной интеграции студентов — девушек и юношей — будут иметься весомые различия, в основе которых лежат различные гендерные позиции.

Исследование проводилось на базе СЗИУ РАНХиГС, а потому, исходя из нормативности подхода, точками координат социального пространства были определены официально утвержденные вузом виды деятельности. Из общего количества студентов, учащихся в вузе (чуть более 4 тыс. чел. очной формы бакалавриата), на основе данных из открытых источников (сайт института, социальные сети) были выявлены участники сообществ, которые указали свою принадлежность к тому или иному типу социально-образовательных практик вуза, в количестве 300 человек (7,3% от всех студентов) (рис. 1). Эти люди выступили активными участниками социальной интеграции. Был проведен пофамильный адресный опрос для подтверждения участия в той или иной деятельности.

Из них 114 человек поддержали контакт, заполнили анкету. Это количество составило 2,8% от представителей студенческого сообщества или 38% от активных участников социальной интеграции.

Полученная выборка (n=114) включала студентов бакалавриата 1–4 курсов. Ориентировочный возраст респондентов составил от 16 до 25 лет. Гендерный состав респондентов по курсам представлен на рис. 2.

Данная гистограмма (рис. 2) демонстрирует преобладание девушек среди студентов, принимавших активное участие в социальной интеграции. Можно также говорить о сохранении определенной пропорциональности гендерного состава респондентов, максимальный разрыв между курсами составил всего 13,7%. Наибольшее количество интегрирующихся студентов женского пола зафиксировано на IV курсе обучения.

Согласно официальной документации вуза было выделено 4 вида деятельности упрощенно названных «наукой», «активизмом», «творчеством» и «спортом». В опросе студенту предлагалось ответить (с возможностью множественного выбора), какому из этих направлений он уделяет наибольшее внимание.

В «творческой» деятельности (рис. 3) были выявлены следующие факты: 1) массовое преобладание девушек и повышение их доли от курса к курсу; 2) понижение доли участвующих в интеграции через «творчество» к старшим курсам. Этот пункт равно справедлив и для «спорта» (рис. 4), где обозначилось еще большее падение активности (вплоть до нулевого значения). В противовес «творчеству», в «спорте» стабильно сохранялось преобладание мужчин, что можно объяснить предрасположенностью к следованию ролевой модели. Спортивные практики можно отнести к деятельности, где проявляется наиболее явная конкуренция качеств, традиционно считающихся мужскими [2; с. 293].

Относительно «общественно-полезных», организационных и прочих видов деятельности, обобщенно названных «активизмом», можно сделать вывод о сохранении до IV курса пропорций с преобладанием студентов-девушек в этом направлении (рис. 5). На старших курсах наблюдается снижение (относительно юношей) доли девушек на данном направлении, что можно связать, во-первых, с завершением (достижением) интеграции, во-вторых, с возрастающей занятостью в других сферах жизни.

В «научной» деятельности, помимо сохранения стабильной «аудитории» относительно других практик, неожиданным стал «хаотичный» скачок интереса к данной активности со стороны юношей на II и III курсах и столь же резкое возвращение гендерных соотношений к привычному «женскому» преобладанию (рис. 6). Количество девушек, наоборот, довольно резко падает на II и III курсах, а потом повышается на IV. Учитывая эти тенденции, можно говорить о несовпадении стратегий интеграции двух групп. Предположительно, девушки проявляют себя на «средних курсах» в общественной активности (студенческий совет, организация мероприятий и т.д.), успешно встраиваются в социальное пространство вуза, а к последнему курсу делают упор на научную деятельность, в то время как юноши, проявив интерес к научным практикам в середине учебной карьеры, на IV курсе частично «мигрируют» в «активизм».

Данные отличия можно соотнести с разрывом в средних баллах, которые были рассчитаны из оценки успеваемости, которую студент ставил себе в опросе (рис. 7). Несмотря на субъективность «самооценки», наибольший отрыв девушек наблюдается на I и IV курсах (0,8 и 0,9 соответственно), когда научные практики становятся наиболее популярными.

Обобщая результаты исследования, можно привести основные положения:

- 1) старшие курсы проявляют меньший интерес к практикам социальной интеграции;
- 2) активность девушек в трех видах деятельности (за исключением спорта) в целом превышает активность юношей;
- 3) девушки проявляют больший интерес к социальной интеграции и используют другие стратегии для ее осуществления;
- 4) девушки более успешно интегрируются в социальное и образовательное пространство вуза.

Первый факт объясняется тем, что старшие курсы уже социально интегрированы и уделяют время лишь наиболее «образовательно-эффективным» направлениям. Данное предположение подтверждает стабильный интерес к «научной» деятельности, являющейся одной из базовых и поощряемых практик вуза. Общее падение «интереса» к «дополнительным» вузовским практикам может быть объяснено необходимостью выхода на рынок труда по завершении учебы: внимание четверокурсников перенаправляется на предстоящую интеграцию в другие области жизни.

Повышенная активность девушек может быть объяснена гендерно-ролевой моделью. Образование в этой группе является большей ценностью, поскольку позволяет закрепить социальный статус и конкурировать с мужчинами. Это способ преодолеть изначальное неравенство возможностей, так как продвижение женщин по карьерной лестнице социальными барьерами [7, с. 27–28]. Карьерная реализация вынуждает проявлять большую и более направленную, по сравнению с мужчиной в том же положении, активность [4]. Это отражается в том числе и на сфере высшего образования, которая является одним из социальных лифтов, обеспечивающих социальную мобильность. В интегративных стратегиях девушек наблюдается большая последовательность, что приводит к большей удовлетворенности результатами учебной карьеры (рост среднего балла самооценки успеваемости у девушек).

Таким образом, в ходе сравнения результатов социальной интеграции девушек и юношей (студентов) в образовательное пространство вуза выявлены отличия, обусловленные разницей гендерно-ролевых моделей поведения. Как следствие — установлено влияние гендерного аспекта на интегративные стратегии студентов.

Литература

1. Bourdieu P. *La domination masculine*//*Actes de la recherche en sciences sociales*. 1990. № 84. P. 2–31.
2. Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*/Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
3. Бурдые П. *Социология политики*/пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Грязнова А. Г. *Ректор — слово мужского рода*//*Журнал Блики*. 2005. — № 3. С. 3.
5. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*/Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. Лефевр А. *Производство пространства*/пер. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
7. *Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография*/Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
8. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество*/Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

Феноменологические исследования в образовании Германии: может ли знание о восприятии концептов учащимися влиять на эффективность обучения

Уже более 10 лет в области экономического образования было проведено и опубликовано большое количество феноменологических исследований (Marton & Pong, 2005, Davies & Lundholm, 2008, Davies, 2011, Birke & Seeber, 2012, Aprea, 2013, Egbert, 2015; Low Beer, 2016). Результаты, несомненно, являются захватывающими и способствуют основному пониманию типичных представлений, а также проблем в понимании изучаемых предметов, возникающих у учителя или учащихся. Однако в настоящее время неясно, насколько и как результаты данных исследований могут быть применимы для повышения эффективности преподавания.

Данный исследовательский проект заключается в том, чтобы перевести результаты феноменологического исследования автора на дидактически легитимизированную и эмпирическую модель обучения для общего образования (9 класс, Бранденбург). Основным вопросом исследования является в чем будут различаться результаты обучения (декларативные, процедурные и системные) при обучении при традиционной методике и при использовании учебной программы, разработанной с учетом феноменологического исследования.

Цель исследования — ответить на вопрос, приводят ли огромные усилия, связанные с феноменологическими фундаментальными исследованиями, к изменению эффективности образовательного процесса. В рамках пилотного проекта в трех параллельных классах в течение 10 месяцев в Бранденбургской гимназии в ходе регулярного курса предметной экономики было организовано преподавание в соответствии с тремя моделями:

1: классическое школьное обучение (обычные занятия).

2: основанное на теории, используемое в течение нескольких лет в различных Бранденбургских школах, постоянно совершенствуется и формально оценивается (концепция UniClass + (опубликованная автором и Кати Рихтер в 2014 году)).

3: экспериментальное, основанное на результатах феноменологического исследования.

Первые результаты исследования будут представлены в докладе.

М. А. Солдатова

г. Уссурийск, Школа педагогики ДВФУ

Образовательное пространство городской школы: гендерный аспект

Современные исследователи считают, что разделение людей на мужчин и женщин — центральная установка восприятия людьми различий, имеющихся в психике и поведении человека. В связи с этим они четко разделяют два понятия, связанные

с идентификацией человека. Например, в английском языке для обозначения пола человека употребляются два слова: sex и gender. Если первое слово обозначает пол как сексуально-биологическую характеристику, то второе — пол как систему полоролевых отношений, то есть «гендер», имея отношение к мужчине и женщине, он затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. В контексте гендерного подхода становление личности человека определяется социально-культурными, а не его физиологическими, биологическими и анатомическими особенностями. Гендерный подход становится все более актуальным во всех сферах жизни общества [1], включая и начальное образование, особенности его воздействия на младших школьников.

Образовательное пространство Российской школы, включая городскую и сельскую школы, направлено на формирование универсальных учебных действий как условий для успешной социализации младших школьников на стадии формирования профессиональных намерений. В организационном плане для младших школьников оно состоит из учебной и внеучебной деятельности учащихся, формы проведения которой связаны с условиями, позволяющими учащимся формировать свои портфолио — образцы работ, показывающих их способности и позволяющих судить о предполагаемых возможностях. При этом имеет значение тот факт, что родители получают возможность судить о достижениях ребенка, а сам ученик становится участником творческого процесса, формирующего его личность, которая может определиться и с выбором профессии [2]. Имеет значение и тот факт, что образовательный процесс осуществляется с учетом особенностей учащихся, но не всегда в контексте гендерного подхода к становлению личности ученика в начальной школе различаются такие понятия, как «образовательное пространство» и «образовательная среда».

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту учитель должен учитывать возможности образовательного пространства, решая педагогические и иные задачи. При этом образовательное пространство рассматривается как место (условия), где может произойти развитие человека или качественное изменение с ним, а школа, или образовательное учреждение, — форма организации образовательного пространства. В этом случае имеется в виду комплекс правил и норм, регламентирующих образование, а также определяющих порядок разворачивания образовательного пространства человека. Если образовательное пространство начальной школы представлено лишь урочной и внеурочной деятельностью учащихся [3], то оно может отождествляться с образовательной средой, то есть ориентируется в большей степени на обучение. Анализ различий между мальчиками и девочками при освоении учебных предметов выступает основанием формулирования как важной проблемы целесообразности «... раздельного обучения мальчиков и девочек в начальной школе», а гендерное обучение в соответствии с особенностями мальчиков и девочек рассматривается условием оптимизации учебного процесса в начальной школе [4].

Родители и ученые знают, что мальчики и девочки, особенно в начальной школе, развиваются по-разному. Поэтому в России стали создавать «гендерные классы», где дети учатся раздельно, но вместе участвуют в школьных мероприятиях. К присвоенной классам статуса «гендерного» имеет отношение понятие «ГЭП» — городская экспериментальная площадка, а инициатором нередко выступает городской Департамент образования, который расширяет возможности школ и родителей для

выбора различных форм обучения [5]. Но в контексте идей «гендерного класса» получает развитие и представление о том, что важно формировать детей традиционно: девочку как «мать и хозяйку», а мальчиков как мужчину, способного «зарабатывать деньги и содержать семью». Поэтому идея «гендерного класса», рожденная вне стен образовательных учреждений, требует научного анализа.

В наши дни в России идея гендерного воспитания и обучения, как и гендерного воспитания и гендерной культуры, в наибольшей степени получила распространение в городских школах. При этом ученые, учителя и родители считают, что гендерный подход в педагогике и образовании, — это индивидуальный подход к проявлению ребенком своей идентичности, обеспечивая человека большей свободой выбора и самореализации, то есть помогает быть гибким и уметь использовать разные возможности поведения [6]. Но в этом случае недостаточно включен учебный процесс в формирование у младших школьников мотивации на учебную, а затем и профессиональную деятельность, идея которой отражена в практике формирования портфолио. Возможно и противоречие между формированием у младших школьников образовательной траектории (образовательное пространство) и профессиональной траектории, которая соотносится с идеей непрерывного образования, или образования в течение всей жизни, связанного с такими формами, как формальное образование (диплом), неформальное образование (навыки без диплома) и информальное образование, то есть умение использовать ресурсы Интернет [7].

Итак, гендерный аспект образовательного пространства, прежде всего в городской школе, но не только, актуализирует роль отношений между мальчиками и девочками, а затем мужчин и женщин на производстве как отношений неформальных, которые способны становиться факторами учебной, а затем и производственной мотивации. В какой форме — предмет дальнейшего исследования.

Литература

1. Андреева О. В. Особенности проявления агрессии подростками с точки зрения гендерного подхода [Электронный ресурс]//Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 6 (25). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/156PVN614.pdf>.
2. Образовательное пространство в начальной школе [Электронный ресурс]. URL: [https://multiurok.ru/files/obrazovatelnoe-prostranstvo-v-nachal-noi-shkolie.html](https://multiurok.ru/files/obrazovatelnoe-prostranstvo-v-nachalnoi-shkolie.html)
3. Корнеева Е. А. Образовательное пространство и образовательная среда начальной школы в свете требований Федерального государственного образовательного стандарта [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/user/173514/page/vneurochnaya-ekskursionnaya-deyatelnost-khochu-vsyo-znat>.
4. Комарова О. Н. Гендерное обучение и воспитание в начальной школе [Электронный ресурс]//Вестник ЧГПУ. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-obucheniye-i-vospitanie-v-nachalnoy-shkole>.
5. Гендерный класс: в чем преимущества раздельного обучения? [Электронный ресурс]. URL: <https://materinstvo.ru/art/15901>.
6. Семиглазова Г. Б. Гендерное воспитание в школе [Электронный ресурс]//Социальная сеть работников образования nsportal.ru. URL: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2015/10/22/gendernoe-vospitanie-v-shkole>.
7. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/Konstantinovskiy_2014_001_548_T.pdf.

Детская площадка как пространство конструирования гендерных различий

Детская площадка — это пространство конструирования и закрепления гендерных различий. Но что именно дает нам детская площадка, какие горизонты открывает в понимании такого сложного процесса, как гендерная социализация через *doing gender*? И какие именно конструкты, а выражаясь терминами И. Гофмана, какой гендерный дисплей, предстает перед нами на детской площадке? Дети, приходя на детскую площадку, в большинстве случаев уже имеют опыт общения с другими людьми. Такое допущение является вполне правомерным, так как известно, что социализация, в том числе (или прежде всего) гендерная, начинается с первых дней жизни ребенка. Он или она очень быстро начинают понимать различия между «быть мужчиной» и «быть женщиной». Все это говорит о том, что на детской площадке мы способны увидеть детей, гендерный дисплей которых вписывается в общепринятые нормы, показывает их социальную компетентность.

Иными словами, мальчики и девочки уже обладают «правильными» представлениями, как должны вести и подавать себя. Ведь в какой-то степени они свободны на детской площадке и не находятся под постоянной опекой своих родственников и в данный конкретный момент уже сами решают (знают), какую игрушку выбрать, с кем пойти играть. Они уже обладают теми атрибутами, которые принимаются в обществе как «соответствующие» их полу. Вот именно с этих моментов мы и начнем: с того, что уже усвоено и принято; с того, что уже сделано (сконструировано), например, родителями. Известно, что родители (семья в целом) оказывают значительную роль в конструировании гендера: например, они одевают своих детей определенным образом, зачастую руководствуясь стереотипами (согласно которым девочек надо одевать в розовое (светлые и теплые тона), а мальчиков — в голубое (соответственно в темные и холодные тона), дающими четко понять, кто их ребенок — мальчик или девочка; они дают детям для игры гендерно ориентированные игрушки, а также по-разному ведут себя с сыновьями и дочерьми.

Для начала обратимся к одежде мальчиков и девочек на детской площадке. Гипотеза нашего исследования сводилась к тому, что данный принцип не действует, так как в принципе это пространство само по себе предполагает возможность испачкаться. Материалы нашего исследования показали, что мальчики одеваются, как и ожидалось, в темную, немаркую одежду (джинсы, курточки, кроссовки); из цветов преобладали синий, черный, серый. С девочками ситуация выглядит более разнообразной. Одевая детей соответствующим способом, родители призывают других людей общаться с ребенком так, как принято в обществе общаться с мальчиком или девочкой, и как следствие меняется голос, предмет разговора, характер комментариев для родителей и ребенка. Скорее всего, младенец в розовой одежде будет восприниматься как прелестная, нежная девочка; а младенец в голубом — как крепкий карапуз. Но это лишь одно из следствий конструирования гендера через одежду. Обратимся к еще одному явлению в нашей культуре, которое является неотъемлемым средством конструирования гендера, — к игрушкам, с которыми приходят дети на детскую площадку. Чаще всего это лопатка, совок, ведерко, различные формочки; машинки, роботы и пистолеты у мальчиков, и предметы домашней утвари (посуда), куклы у девочек.

Как уже выяснилось, мир ребенка не гендерно-нейтрален, и игрушки вносят свой значительный вклад в эту ситуацию. Предоставляя разные игрушки девочкам и мальчикам, мы косвенно сообщаем им, что то, что они могут делать, каким-то образом зависит от их пола. В нашей культуре, считается, что девочки должны играть с куклами, посудой, а мальчики с машинками, оружием. Отметим, что именно взрослые (родители) первоначально делают выбор в пользу той или иной игрушки для своего ребенка, исходя из своих собственных соображений и ожиданий, что надо и правильно для мальчика, а что — для девочки. Но позднее «в возрасте от 18–24 месяцев дети уже четко предпочитают те игрушки, которые традиционно относятся к мальчишеским или же девчоночьим» [1, с. 45]. На детской площадке могут находиться такие игрушки, которые можно охарактеризовать как гендерно-нейтральные, такие как, лопатки, совки, ведерки, различные формочки — те предметы, с которыми обычно играют в песке. Но любопытный момент: девочки и мальчики обращаются с ними в своих играх по-разному. Например, девочки, играя в «дочки-матери», используют эти предметы в качестве посуды, создают с помощью них разные блюда. Мальчики же нередко строят из песка с помощью этих же предметов замки, которые в последствие либо бомбят, либо наоборот защищают.

Но как говорилось, помимо нейтральных игрушек существуют и гендерно специфические и наблюдение показало, что мальчики и девочки выбирают себе для игр «соответствующие» полу игрушки. И за этим выбором стоит очень многое. Неоднократно замечалось, что разные игрушки предоставляют разные возможности для развития [2]. Так, игрушки для мальчиков стимулируют двигательную активность, исследование пространства, склонность к риску, изобретательность, для девочек — близость с другим человеком и вербальное взаимодействие. На площадке предоставляется возможность выбрать «другие», например девчачьи, игрушки, так как очень часто в песке разборсаны совершенно разные игровые предметы, и в том числе куклы, но их мальчики не выбирают. А если бы и произошло такой случай, когда мальчик выражает свое открытое желание играть, например, с куклой, то с позиций социального конструирования гендера он (мальчик) бы непременно столкнулся с сомнением общества в его социальной компетенции как мужчины, и произошло бы нарушение гендерного дисплея.

К тому же известно, что дети разделяются на группы для игры по признаку пола и предпочитают играть именно в таком составе. И для детей очень важно быть своим, а не аутсайдером или другим. Для мальчиков это значит продемонстрировать свою силу и напористость, а для девочек — свою способность изображать маму, жену [3]. А если мальчик начнет играть в куклы, то велика вероятность, что к нему никто не присоединится в игре или его будут дразнить.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сами дети активно участвуют в процессе гендерной социализации; и что родители по-разному реагируют на игры своих детей, причем их реакции одобрения выбора «подходящей» игрушки более выражены в случае мальчиков. На мой взгляд, это объясняется тем фактом, что мужские атрибуты по-прежнему «в моде»: девочки могут носить брюки, коротко стричься, играть в солдатиков, даже быть напористой, порой агрессивной. И к этому будут относиться лояльнее, чем к тому, если мальчик примерит на себя что-то женское (имеется в виду не только одежда, но и другие признаки женственности). Таким образом, мужское ценится больше женского.

Проведенное исследование также показало, что территория детской площадки неравномерно используется мальчиками и девочками: мальчики контролируют зна-

чительно больше игрового пространства площадки, чем девочки. Еще один пример проявления гендерных различий и неравенства на детской площадке сводится к тому, что в сознании большинства людей данная территория закреплена за женщинами как главной «ответчицей» за воспитание детей, и что воспитание детей, как составная часть домашней работы женщины, является по-прежнему неоплачиваемым трудом.

Таким образом, на примере детской площадки мы увидели, каким образом мы самостоятельно день ото дня конструируем наши представления о том, что значит быть «мужчиной» и что значит быть «женщиной».

Литература

1. Попова Л. В. *Гендерная социализация в детстве//Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика/под ред. Л. В. Штылевой. Мурманск. ОУ КРЦДЮиРЖ, 2001. С. 40–47.*

2. *The impact of parenting experience on gender stereotyped toy play of children//http://findarticles.com/p/articles/mi_m2294/is_2002_July/ai_94775612 Обращение к ресурсу 20.03.2018*

3. Ackerley J. *Gender differences in the folklore play of children in primary school playgrounds//http://museumvictoria.com.au/pages/2714/play-and-folklore-49-July-2017.pdf Обращение к ресурсу 10.04.2018*

Ю. О. Андреева

г. Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Обучаясь женственности: конструирование гендерной идентичности в современной городской среде

На сегодняшний день в городах России широко представлены предложения по работе с гендерными качествами. Курсы и тренинги, посвященные женственности, поиску предназначения мужчины и женщины, созданию семейного союза, работе с энергиями проводятся не только психологами, но и религиозными/духовными специалистами, имеющими доступ к «ведическим знаниям». В первую очередь, речь идет, конечно, о развитии женских характеристик.

Популярная индустрия «ведической женственности» включает в себя ряд идеологических моментов. Есть несколько вариантов развития женских качеств, среди них и практические рекомендации по соблазнению («как стать стервой»), и религиозные критерии, которым должны соответствовать последовательницы той или иной конфессии, и даже редкие ньюэйджерские учения, пропагандирующие главенство женской природы над мужской. Я же остановлюсь на другой прослойке потребителей «женственности», не связанных религиозными оковами, однако имеющих некий религиозный опыт или интерес к вопросам смысла жизни и ставящих во главу угла семейные ценности. Схематично очерчивая срез, в который попадают мои информанты, я бы выделила следующие черты: традиционный стиль одежды, духовные практики (медитация, йога, молитва, паломничество), самосовершенствование, общение с природой, вегетарианство, рукоделие, астрология. Разумеется, среди людей, подпадающих под перечисленные выше черты, будут и те, кто совсем далек от интересующей меня тематики, и более того, находятся в оппозиции к ее ценностям. Но в целом они довольно хорошо характеризуют круг авторов и клиентов курсов женственности.

Доминирующим дискурсивным моментом этой группы людей являются подчас механические упоминания в качестве причины всех бед современной цивилизации

перевернутые мужские и женские роли, где феминизм становится одним из бедствий западной цивилизации. Важная интенция всех сетований — возвращение к утерянному порядку патриархальности, который существовал в прошлом. Выяснение, какой именно период прошлого имеется в виду, приводит к разночтениям. Это и по-разному понимаемое Ведическое прошлое, и допетровская Русь и даже традиционная культура конца XIX века.

Современные женщины оказываются во многом конструктивистами. Они уже не считают, что рождены женщинами или что им нужно пройти обряд перехода. С их точки зрения, женственность в себе нужно «принять», «пробудить», «воспитать», «найти», «увидеть», «отработать», «раскрыть», «развить» и т.п. Большой спектр вариантов предполагает обязательную работу с собой и своими гендерными качествами.

Социолог Зигмунт Бауман сообщает об удивительных закономерностях в поведении постмодерных людей: растущий индивидуализм совпадает с тем, что они все больше нуждаются во власти одобрения другими. «Постмодернизм — это эра экспертов по «проблемам идентичности», целителей личности, брачных консультантов, писателей о том, как «восстановить себя»; это эра «бума консалтинга». Постмодернизм принуждает индивида к совершению выбора, который приводит к состоянию неопределенности и неуверенности в собственных предпочтениях. Для выхода из кризисного состояния люди нуждаются даже не в религии, которая будет им говорить о «слабостях человека и недостаточности человеческих ресурсов», а в «учителях опыта», придающих им уверенность в том, что они смогут сделать задуманное и как именно это следует делать [Bauman 1999: 68–69].

Сказанное выше может быть проиллюстрировано собственно той проблемой, с которой пытаются справиться современные женщины, ощущающие неопределенность своей идентичности даже в казалась бы привычном и понятном вопросе. Они ищут все новых и новых учителей, предлагающих другие практики, обещающих научить, наконец, тем азам, которые необходимы каждому человеку. Однако червь сомнения остается, и жажда новых познаний приводит к новому циклу учителей, методик и результатов. Это связано с тем, что современный индивид, далекий от религиозной дисциплины, в первую очередь мыслит себя как существо, обладающее полным объемом знаний и потенциалов. Посюсторонняя ориентация нью-эйдж в данном случае проявляется в том, что все богатство возможностей уже заложено природой, а субъекту остается только, с одной стороны, подчиниться ей, с другой, ежеминутно проявлять собственную агентность в стремлении к достижению такого близкого и доступного идеала. Индивиду дается свобода выбора, в которой есть постоянное ощущение упущенных возможностей, поэтому ему требуется руководство, ведущее его к реализации всего богатства человеческого потенциала.

В обретении женского предназначения помогают работа над собой, традиции, следование природе (инстинктам) или интуиция. Многие черты настоящей женщины такие, как творческие способности, украшение себя, уход за собой и окружающим пространством, кулинарные таланты, владение ремеслами, рукоделием и т.п. уже ей даны, но не каждая способна узреть их. Одна из выдвигаемых информантами причин — интеллектуальная деятельность, которая претит женской природе и мешает ей реализоваться. Другая причина состоит в навязывании на себя мужских качеств.

Для того чтобы закрепить или даже освоить черты приписанной гендерной идентичности предлагается обучение специальным практикам, относящимся к поведению, речи, одежде, профессиональной занятости и хобби. Сейчас есть немало консультан-

тов, помогающих в поисках своей женской сущности. Они называют себя «ведическими психологами», настоящими женщинами, психодизайнерами, «гуру женского счастья» и т.п. «Женская школа», «Мудрая жизнь», «Искусство быть женщиной», «Гимнастика славянских чаровниц», «Женская духовная академия «Лада», «Школа практик «Лунолика», «Система сферического развития» — такие названия женских курсов, тренингов, а в последние годы еще и марафонов женственности можно найти в Интернете.

И авторы, и посетители подобных мероприятий склонны разделять эклектичный комплекс верований, который они часто называют «ведизмом». В него входит как увлечение популярным индуизмом и буддизмом, так и симпатия к славянскому неоязычеству. Кто-то из гуру посещает или посещал в прошлом Общество сознания Кришны, но для большинства любые отсылки к мудрости Востока достаточно формальны, практически никто незнаком с оригинальными индийскими ведами. Ведические руководители могут симпатизировать также неоязычеству, православию или движению нью-эйдж.

Предлагаемая программа обретения необходимых гендерных знаний хоть и разнится по содержанию от группы к группе и от учителя к учителю, однако имеет ряд общих черт, отличных от западноевропейского нью-эйдж. Обычно выбирается патриархальный уклад, в котором мужчина отвечает за семейный порядок и достаток, а женщине отводится роль хранительницы домашнего очага. Если в западных религиозных поисках женщине отводится значительная роль как властительнице и управительнице энергий, а гендерные роли распределяются на равных, то в случае «ведических женщин» речь идет о жесткой реализации задач именно своего приписанного пола и подчиненном положении женщины.

Литература

1. Bauman Z. *Postmodern Religion//Religion, Modernity and Postmodernity*/edited by Paul Heelas, with the assistance of David Martin and Paul Morris. Blackwell Publishers, 1999. P. 55–78.

РАЗДЕЛ 4. «ГОРОД — ЦАРЬ, ДЕРЕВНЯ — РАЙ»: ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКИХ ПРАКТИК НА ДЕРЕВЕНСКУЮ ЖИЗНЬ И ОСОБЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН СО СВОИМ КРЕСТЬЯНСКИМ ПРОШЛЫМ

О.В. Смурова

г. Кострома, ФГБОУ ВО КГУ

Трансформация предметного мира деревни в процессе межкультурной коммуникации костромских крестьян-отходников

Во второй пол. XIX — начале XX в. стремительно менялся предметный мир деревни. Причем, еще современники отмечали, что в крае отхожих промыслов этот процесс шел более интенсивно, чем в оседлых местностях [1, 123–124; 10, 156]. Отходники везли с собой новые, приобретенные в городе вещи и новые представления о бытоустройстве. Процесс преобразования предметного мира ускорился в пореформенный период [6, с. 56; 5, с. 177].

Исследователи и публицисты дореволюционного периода, а также современные этнографы отмечали изменение внешнего облика жилища [5, с. 173–174; 10, с. 156; 56; 12, с. 278–279, 284]. Дома становились большими по размерам, происходило увеличение жилой части дома за счет возведения мезонинов («мизинеты» — Костромская губерния), перепланировки жилища. Больше внимания уделялось декору дома. Стрельня обильно украшалась сквозной резьбой, окрашивались в яркие цвета, остеклялись. Дома по внешнему облику приближались к городским. Домовладельцы: плотники, столяры — нередко возводили в деревне дома необыкновенной красоты по собственным проектам. В частности, до 60-х гг. XX в. в д. Андронново Костомского с/с Галичского района Костромской области стоял такой дом, построенный паркетчиками-отходниками Ф.А. и В.А. Новожиловыми [4]. В соседнем, Чухломском уезде, также были многочисленны дома оригинальной, в том числе теремной архитектуры. Уникальный дом Мартьяна Сазонова в д. Асташово предположительно построен по проекту петербургского архитектора И.П. Ропета.

В начале XX в. вошло в моду вставлять в окна целые стекла, причем, по наблюдению В.И. Смирнова, эта тенденция просматривалась не только в оформлении больших двухэтажных домов, построенных на городской лад, но и в маленьких, покосившихся, с 2–3 окошками, крытых соломой хижинах [10, с. 156]. У горожан сельские жители переняли и двойные рамы. Зажиточность крестьянства нашла свое отражение и в перепланировке жилища. Ведущая тенденция — увеличение жилой площади. В сохранившемся доме И. Поляшова в д. Погорелово Чухломского района Костромской области 12 комнат. По сведениям этнографов, в Верхнем Поволжье, с целью увеличения жилой площади в клетях (горнице) ставили печь и превращали ее в жилое помещение.

Изменение уровня благосостояния отходников нашло свое выражение и в преобразовании внутреннего пространства дома, наводнении его вещами городскими,

прежде незнакомыми. Сведения об этом мы находим как в музейных коллекциях, письмах крестьян-отходников, корреспонденциях с мест, путевых записках современников, очерках публицистов, так и в исследованиях современных этнографов. В домах появилась передвижная мебель: столы, стулья, кровати, шкафы, комоды, диваны и т.д. Обстановка сельского дома зажиточного крестьянина включала занавески на окнах и дверях, коврики, зеркала, фотографии и картины на стенах, скатерти на столах, комнатные цветы и прочие вещи, характерные в то время для среды городского мешанства [8, с. 284; 1, с. 123—124; 6, с. 56; 12, с. 37—38; 11]. Как известно, пристрастие к «картиночкам» привело некрасовского Якимущку («старик убогонький, жывал когда-то в Питере») к потере денежных накоплений во время пожара [7, с. 251].

Широко распространилось керосиновое освещение, поэтому везли из столиц керосиновые лампы. Дивом для деревни того времени стал граммофон. Упомянутый уже А. Исаев отмечал наличие в крестьянских домах настенных часов: «Из многих десятков изб, посещенных мною в разных селениях, я не нашел ни одной, где бы не было настенных часов» [5, с. 176—177]. Беднейшие хозяева довольствовались рублевыми часами без боя, а у более зажиточных встречались часы в 4—5 рублей.

Питерщики считали необходимым привезти с собой самовар. Даже в домах среднего достатка было по два — три самовара. В приходе Сретенья Зашугомья Солигаличского уезда Костромской губернии, состоявшем из 195 дворов, только в 20 домах не было самоваров. Но и их жильцы употребляли чай, кипятя его в чугунах (9, с. 127). Тогда как в 40-х гг. XIX в. самовары были еще редкостью. В деревне Макарова Николо-Тронской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии на 25 домов было только 5 самоваров [2, 4 об.]. Каждый дом имел «порядочную» чайную посуду (фабрик Гарднера, Кузнецова), мельхиоровые и даже серебряные чайные ложки. Чаепитие в бедных домах производилось по большим праздникам, в средних — по всем праздникам, а в остальных — каждый день один или два раза. К чаю, особенно в праздники, подавался белый хлеб и баранки, нередко коньяк и ром, в домах побогаче — лимон, варенье, деревенские конфеты и пряники, а у «настоящих богачей» подавали прекрасную закуску и «крайне разнообразные вина» [3, с. 54].

Распространение белого хлеба в деревне относится к пореформенному периоду. До этого времени пекли его только в годовые праздники и только в богатых семьях (да и те брали для хлеба пшеничную муку второго сорта). В 80-е гг. XIX в. в Ярославской губернии каждая хозяйка покупала для праздника белую муку, а люди с достатком — крупчатку. Увеличилось и потребление мяса. «Мне пришлось видеть базар в селе Бурмакине; базары бывают по четвергам; среди прочих предметов торгуют и мясом, сбывая его каждый раз в количестве 150—200 пудов. Покупателями на эти базары являются исключительно крестьяне», — писал А. Исаев [5, с. 176]. Понятно, что не все отходники проявляли такую заботу о своем доме, а только те, кто был удачлив в заработках, и в ком была заложена домовитость.

В рассматриваемый период деревня оказалась вовлеченной в процесс постижения относительно нового для данной среды понятия — мода. Распространившийся отход в город стал истоком изменений в одежде. Городское общество было наиболее пестрым по сословно-имущественному положению, по этносоциальному составу, поэтому именно отсюда и шли в деревню новые веяния.

Таким образом, отход крестьянства на заработки в города, столицы имел своим следствием изменение предметного мира деревни. Происходило не просто изменение

предметного мира, вымывание традиционных вещей, а смена самого принципа бытоустройства, суть которого для крестьянской среды заключалась в слитности функционального, эстетического и магического начал.

Литература

1. Весин Л. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства//Дело. 1887. № 2.
2. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области), ф. 582, оп. 1, д. 230, л. 4 об.
3. Жбанков Д. Бабыя сторона//Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1891.
4. Из беседы с Ольгой Сергеевной Смирновой, директором Костомского дома культуры, Галичского района Костромской области. 2001 г. Архив автора.
5. Исаев А. В. Ярославской губернии: из путевых заметок//Отечественные записки. 1880. № 8.
6. Корреспонденция из сел//Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. IV. Кострома, 1881.
7. Некрасов Н. А. Избранные сочинения. М., 1945.
8. Русские. М., 1999.
9. Свяц, Ф. Митинский. Отхожие плотники в приходе Сретенья в Зашугомье//Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VI. Кострома, 1884.
10. Смирнов В. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края//Костромской край в докладах I Костромской губернской конференции по изучению производительных сил края. Кострома, 1924.
11. Солигаличский краеведческий музей..
12. Студент С.И Трухин. Отчеты и заметки временно работавшего летом 1905 г. в земствах Костромской губернии медицинском персонала. Несколько слов о врачебно-наблюдательном пункте в Чернопенье летом 1905 г. //Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. 1905 г.

А. А. Цыбулькиова

г. Армавир, Армавирский государственный педагогический университет

Влияние городской культуры на быт полиэтничного населения Кубани на рубеже XIX–XX вв.: гендерный аспект

Русская городская культура со второй половины XIX века стала оказывать решающее влияние на быт практически всех этносов и социальных слоев рассматриваемого региона. Администрация населенных пунктов и богатая часть населения, в них проживающая, первой вводила в свой быт технические достижения прогресса, осваивала новейшие тенденции в архитектуре и градостроительстве. Конечно, локомотивом этих культурно-бытовых процессов были мужчины.

Особо заметно влияние городской культуры было у адыгов, у которых до включения в состав России преобладал аграрно-скотоводческий хозяйственно тип, и кроме того, они несколько веков до этого испытывали доминирующее влияние турецкой культуры. С приходом российской власти новые аулы стали закладываться не хаотично, а как поселения уличного типа. В тех аулах, через которые проходили почтовые тракты, прокладывались относительно прямые улицы, в некоторых аулах часть улиц стали покрывать гравием. Постепенная адаптация к новой административной и экономической системе способствовала строительству общественных зданий и лавок,

мельниц, заводиков и кустарных предприятий. В результате аулы постепенно теряли черты прежней замкнутости.

Под влиянием русской домостроительной культуры в адыгских жилищах появляются потолки, застекленные окна, одностворчатые двери из распиленных и обструганных досок, державшиеся на петях. В аулах начинают строиться дома нового типа — «унэ зэхэт» (дом, состоящий из нескольких комнат), или «урыс ун» («русский дом»).

При этом нельзя сказать, что местное кавказское население просто копировало русскую материальную культуру. Нет, шел процесс взаимовоздействия, когда от обеих культур в обиходе населения Кубани в итоге оставалось самое лучшее. Очень интересно это отразилось на гендерных особенностях быта. Например, к началу XX в. в планировке адыгских жилищ стали удачно совмещаться русские домостроительные традиции и мусульманские каноны, когда в добротном, квадратном доме, построенном по казачьему образцу, делался специальный сквозной коридор «хьяят», разделявший жилище на две половины, что позволяло реализовывать национальный обычай избегания и изоляции женщин.

Постепенно менялось и внутреннее убранство жилищ. У богатых горцев появилась европейская мебель — столы, стулья, металлические кровати, шкафы, комоды, зеркала. На окна стали вешать занавеси и портьеры из фабричных тканей, столы накрывать скатертью, пользоваться постельным бельем. Зажиточные горцы покупали самовары, швейные машины, изредка даже граммофоны и пианино.

Явное влияние русских домостроительных традиций стало заметным уже в начале 70-х годов XIX в. и у горских армян. Очевидец писал, что у черкесо-гаев в это время плетеные саки заменяются прочными домами с «европейским» очагом.

Малочисленные группы поселенцев-иностранцев (например, поляки, сербы, черногорцы и др.) компактных поселений на территории края не создали. Поэтому представители этих народов сразу селились в жилищах русского или украинского типов (в зависимости от традиций пункта проживания), заключали межэтнические браки, довольно быстро теряя национальные черты быта, одежды и языка.

Влияние русской городской культуры сказалось и на одежде кавказских народов. Конечно, в первую очередь претерпел изменения мужской комплекс одежды. Уже в конце XIX в. зажиточные адыги начали ходить в пальто и русских сапогах, носить пенсне и часы на цепочке, пользоваться тросточкой, во всем подражая русской знати с ее европейским лоском.

Традиционный женский костюм менялся медленнее, и в первую очередь у молодых девушек из богатых семей. К началу XX в. женский черкесский костюм стал украшаться фабричными элементами отделки: тесьмой, лентами и кружевом. Адыгские модницы из зажиточных семей стали носить часы-медальоны на цепочке, городские ботинки, а также использовать сумочки-ридикюли. Кроме того, они приобретали ввозимые из России шелковые и шерстяные шали, плаеды, платки, газовые, шифоновые и кружевные (ручного плетения, вологодской работы) шарфы.

Аналогичные тенденции в эволюции типов одежды были характерны и для другого кавказского народа — горских армян. Один из авторов конца XIX в. так описывал быт армавирских армян: «Исчезло затворничество женщины, восточные костюмы сменились европейскими... чуть ли не все девушки коренного населения превратились в барышень, ибо самая последняя из них носит шляпку и платье по моде».

Все большее распространение к концу XIX в. на Кубани продукту фабричного и заводского производства привело к ликвидации многих кустарных промыслов, что

отразилось как на русском, так и на адыгском населении. Так, у горцев постепенно пришло в упадок ткачество, бурочное, седельное производства, кожевенный и керамический промыслы, обработка дерева, оружейное и ювелирное дело, которые не выдерживали конкуренции с промышленностью. При этом сохранили свою рентабельность национальные черкесские диновки, украшавшиеся богатым орнаментом, которые с большим мастерством плели кавказские женщины из низших социальных слоев.

Под влиянием русской культуры происходят изменения и в горской традиционной кухне, где хозяйки стали использовать подсолнечное масло и свеклу, делать квашеную капусту и даже готовить борщ. Адыги чаще стали употреблять картофель, капусту, свеклу, расширилось потребление кондитерских изделий, чая и сахара. Появление в горских домах русских печей привело к вытеснению национального блюда — круто сваренной просяной каши — пшеничным хлебом домашней выпечки.

Таким образом, влияние русской городской культуры было актуально для всех сфер бытовой культуры полиэтничного населения Кубани, включая и само русское сельское население (преимущественно «иногородних»-крестьян и казаков). В первую очередь это были прогрессивные изменения в хозяйственном укладе, связанные с внедрением современных для того времени орудий труда и агротехнических достижений. В значительной степени в рассматриваемый период эволюционирует планировка поселений, этнические черты архитектуры жилых и хозяйственных построек заменяются типично городскими. Не менее заметные процессы охватывают сферу пошива и украшения одежды. Она все более приобретает городские черты — на нее оказывает влияние европейский универсализм и русское фабричное производство. Приверженность традиционному костюму наиболее долго сохраняли женщины нижних слоев неславянских этносов Кубани, что объясняется с одной стороны отсутствием финансовой возможности приобретать дорогостоящие новинки, а с другой — инертностью женского традиционного сознания, приверженностью архаичным национальным традициям.

О. Т. Якояма

г. Лос-Анджелес (США), Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе

Из прикамского села в город: анализ писем крестьянской девушки конца XIX в.

Документ оформлен в жанре «кейс стади». В нем будут представлены данные из писем крестьянской девушки Тани, писанные ею начиная с одиннадцатилетнего возраста. Письма, охватывающие период от 1888 до 1896 гг., адресованы старшему брату, уехавшему в Сибирь на заработки. Они начинаются в год поступления Тани в сарапульскую женскую прогимназию и обрываются незадолго до того, как она выходит замуж. Исключительно подробные и толково, даже красноречиво написанные, они отражают не только конкретные события и поведение окружающих девушку людей, но ее ценности и осмысленное отношение ее к другим людям и к более широкому жизненному контексту. На основании этого материала создается достаточно полная картина-портрет как и автора их — способной, энергичной и всем интересующейся молодой девушки-крестьянки, так и ее окружения.

Целью данного доклада является в первую очередь ознакомление участников с данным необычайно богатым первичным источником [5; 2]. Материал будет органи-

зован в соответствии с наиболее релевантными для Тани рубриками из числа тех, что подсказаны организаторами конференции в первом информационном письме. Так то:

(1) Повседневность подростка (потом девушки) в селе, в губернском городе, в поездках по Каме и Волге от Сарапула и до Нижнего Новгорода;

(2) Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни ее, достаточно яркие несмотря на недолгие 8 лет, в которые писались эти письма, и отражающиеся в Танином отношении к своим школьным занятиям, одежде, книгам, обществу трезвости и взглядах на старшее поколение;

(3) Динамика изменений в занятиях девушки по ходу ее развития и получения образования; сопутствующие им изменения в ее сознании и понимании своей жизненной роли;

(4) Досуг в родном селе, в губернском городе Сарапуле, в Нижнем Новгороде и в Тюмени, разделяемый с другими членами семьи;

(5) Деревня и город: изменения гендерных отношений в связи с урбанизацией и экономическим развитием хозяйственных отношений в семейном деле. Влияние городской жизни на психологию девушки по мере ее взросления и расширения ее кругозора.

Жизнь Тани протекала на фоне экономического успеха ее старших пятерых братьев, выхода их в люди из безлошадной многодетной семьи государственных крестьян Вятской губернии в купеческое сословие пароходчиков Прикамья, и сопутствующей ему урбанизации всего поколения этой семьи. Регулярные рейсы вверх и вниз по водным путям, а также поездка Тани к обосновавшемуся в Западной Сибири старшему брату расширили Танин кругозор и повышали ее требования к себе, к другим и к жизни вообще. Динамика стремительного развития девушки-подростка Тани вычитывается из ее писем с предельной ясностью.

Если позволит время, после общей характеристики писем и обсуждения перечисленных выше пяти пунктов будет произведен разбор некоторых отрывков текста прагмафилологическим методом, иллюстрирующим развитие пишущей и обнажающим ее имплицитур и установку, вплоть до признаков женского гендерлекта [4]. При всем том, в выраженных в тексте установках пишущей и переменах в них на протяжении восьми лет усматриваются и андрогенные признаки [3], как предвестники сдвигов в гендерных ролях, происшедших в России в последующие десятилетия [1].

Литература

1. Йокояма, О. 2011. *Гендер в письмах крестьян 19-го века. Под ред. R. Nohejl, F. Karl, и E. Cheaigé, Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия — Серебряный век, 141–152. Изд-во РГГУ: Москва.*

2. Йокояма, О. 2014. *Письма русских крестьян: тексты и контексты, в 2-х томах. Пер. М. А. Осиповой, А. В. Тер-Аванесовой и С. Н. Ушаковой. Языки славянской культуры: Москва. [авторизованный перевод Yokoyama 2008]*

3. Lippa, R. A. 2002. *Gender, Nature, and Nurture. Erlbaum: Mahwah.*

4. Yokoyama, O. T. 1999. *Russian genderlects and referential expressions, Language in Society 28: 401–429.*

5. Yokoyama, O. T. 2008. *Russian Peasant Letters: Texts and Contexts. 2 vols. Verlag Otto Harrassowitz: Wiesbaden.*

Женский вопрос в свете фронтирно-модернизационных подходов на примере сибирско-казахстанского порубежья: возможности нового взгляда в решение старых проблем

Вопрос о начале формирования государственной российско-казахстанской границы является дискуссионным. Бесспорно, что в культурном отношении российско-казахстанское пограничье было относительно прозрачным для народов с западными и восточными, христианскими и мусульманскими традициями. Эти территории в соответствии с теорией фронтира, относятся к зонам с особым «микроклиматом» и социокультурными процессами.

Понятие «frontier» его основателем Ф.Д. Тернером рассматривалось как территория, на которой социально-экономические условия определялись идущим на ней процессами освоения. Американская история, по его словам, «была в значительной степени историей колонизации Великого Запада» [2, с. 13]. Симметрично характеристикам американского фронтира стали прорабатываться вопросы «сибирского фронтира» (Д.П. Резун и М. Пилипась) через их сравнение. Но в применении теории фронтира относительно Сибири есть и оппоненты (А.И. Шерстова, В.П. Зиновьев). Действительно, как и любая другая теоретико-методологическая концепция, она носит структурно-системный характер, но не может отвечать на вызовы всех макро и микротерриторий. Для нас исследование порубежных территорий более интересным представляется в социокультурологическом содержании процессов, поскольку продвижение фронтира ведет к формированию культуры новой личности и нового общества. Поэтому, при наложении основных положений фронтира на другие территории и народы, необходимо учитывать не только его влияние на культуру и развитие этносоциальных локусов, но и взаимовлияние

Введенное понятие сибирский фронтир региональные исследователи применяют в целом к территории освоения Северной Евразии с XVI в. по в XIX вв. он сфокусировался на российско-казахстанском порубежье, с его административно-территориальным обустройством сначала как части Западно-Сибирского генерал-губернаторства, с 1882 г. как самостоятельного Степного генерал-губернаторства. Культурными маркерами двух цивилизаций: славянской и тюркской (земледельческой и скотоводческой; христианской, мусульманской). Они отличались гендерной культурой в семейной, общественной и государственной жизни. Инкорпорация в единое региональное сообщество вела к шлифовке этнических установок и ценностей, в т.ч. в женском вопросе и не только в повседневной жизни. С этой стороны, исследователи еще серьезно не прорабатывали вопросы включения фронтирных территорий. А учитывая, что XIX в. являлся периодом «собираания империи» путем раздвижения границ по всему периметру (от Финляндии и Польши до Приамурья и Сахалина), можно говорить, что огромные территории, включавшие и Центральную Азию и Кавказ, представляли собой фронтир. Предметным полем его изучения должны стать и прикладные вопросы его продвижения, в т.ч. антропологическая и гендерная составляющая.

Одним из инструментов освоения порубежья являлась торговля, способствующая формированию иных гендерных отношений в кочевом скотоводческом обществе, отличавшегося самостоятельным взглядом на женщин и на взаимоотношения мужчин

и женщин. Включение скотоводческого хозяйства в орбиту всероссийского рынка, поставило это общество перед новыми реалиями и вызовами, способствовавшими вовлечению женщин во все сферы жизни и, прежде всего, в экономику. Фронтально- модернизационный подход позволяет решать через включение в производственную жизнь вопросы связанные с женской эмансипацией с учетом порубежных социокультурных ситуаций.

Ситуация сибирско-казахстанского определялась возросшими потребностями промышленности Центральной России в скотоводческом сырье и транзитным значением торговли с Западным Китаем. Основным сосредоточием российско-азиатской торговли являлись города Тобольской губернии — Омск, Ишим, Шадринск, Курган и городские ярмарки — Ишимская, Ирбитская, Нижегородская. И города Акмолинской и Семипалатинской областей — Петропавловск, Усть-Каменогорск, Павлодар, Акмолинск, а также крупнейшие степные ярмарки — Таинчикулинская Куяндино-Ботовская, Атбасаровская, Акмолинская [4]. Участие женщин в торговых производственных процессах еще серьезно не анализировались. Но женский вопрос с исторической точки зрения очень важен выявления изменений в социально-гендерной сфере фронтальных территорий. Он позволяет выявить степень трансформации восточных «стереотипов» о месте и роли женщин в семье и в обществе. Выпукло демонстрирует значение городов в формировании новой социокультурной ситуации и готовности кочевого скотоводческого социума перейти этнокультурный рубеж в вопросах признания гражданских прав женщинам, особенно коренного населения — казахов. Наряду с которыми на территории Степного генерал-губернаторства проживали татары, «бухарцы», сибирские и касимские татары (мусульмане, в источниках — магометане) и русские (православные), поляки (католики), евреи (иудеи). Главной проблемой при изучении этих вопросов является особенность источниковой базы. В историко-статистических документах национальный состав не указывался, а учет велся по конфессиональному принципу. На всероссийских рынках всех купцов из Степного края называли «степняки», а в податной статистике — купцы семипалатинские, акмолинские, каркаралские, кокпектинские, павлодарские, усть-каменогорские, петропавловские, по месту выборки торговых документов [3, 4]. Поэтому этническую принадлежность можно условно определять по антропонимам и конфессиональной принадлежности.

Ведущая роль городов и ярмарок в торговле и соответственно в продвижении новых представлений о женщинах несомненна. В прагматичности рыночных отношений, строившихся, прежде всего, на деловых связях и получении прибыли сословные, религиозные, этнокультурные и гендерные принадлежности уходили на задний план [4]. В 1897 г. не менее 87% мужчин и 90,7% женщин из числа купцов проживало в городах Семипалатинской области и соответственно 97,8% и 98% по Акмолинской области [1, с. 79]. После реформы 1882 г., разрешившей инородцам свободно производить торговлю, особенно выросло число торговцев среди казахов. По совокупному показателю (1897 г.) торгующие в городах Степного края были представлены: 52,6% — русские, 40% татары, 2,5% казахи, 4,9% прочие (евреи, поляки, немцы). В целом перепись 1897 г. показала увеличение числа торговцев из казахов и незначительный рост женщин в общем составе торгующих в Степном крае.

На рубеже XIX—XX столетий появляется и информация о женщинах — главах купеческих семей. Российское законодательство создало «лифты» роста имущественной и гражданской свободы для купцов, с распространением их прав на купеческих жен через институт наследования. Женщины часто становились во главе семейного дела после смерти мужа. Они могли, как «начальники купеческого семейства», занимать-

ся предпринимательской деятельностью в рамках гильдии, к которой принадлежали. Даже при наличии взрослых детей мужского пола. Таким образом, торговля становилась рычагом трансформации этнокультурных гендерных отношений. Включение же женщин в производство при смене традиционных ценностей рыночными повышало их общественный статус.

Аргументом в пользу роста авторитета женщин являлась и успешное продолжение предпринимательской деятельности мужа. Достижения ими более высоких показателей разрушало стереотипы о способностях и месте женщин. Достоточно приведем пример Биби-Фатимы Серозетдиновны Каримовой, которая в 65 лет после смерти мужа в 1900 г. возглавила торговый дом «Карима Биби-Фатима Серозетдиновна с сыновьями» и подняла показатели его доходов с 60 тыс. руб. до 85 тыс. А общее имущество, включая мыловаренный завод, до 185 тыс. руб. и уже два жилых дома — в 100 тыс. руб. Основой успешности стали торговые связи с ведущими промышленниками России через всероссийскую ярмарочную сеть: на Нижегородской ярмарке с Товариществом Никольской мануфактуры «Саввы Морозова и К», на Ирбитской ярмарке с «Товариществом мануфактур Викулы Морозова с сыновьями» 5, с. 300–301]. В одном ряду с Каримовой стояли купчиха Габдулжапарова Биби Газиза, основавшая свое дело с сыновьями «Габдулжапарова Б. Г. с сыновьями» в Семипалатинске и др. [5, с. 145].

Появились женщины-купчихи не только в крупных городах, но и в уездных — Кокпекты, Каркаралы и др. По данным А. Керейбаевой, в 1900 г. купеческие свидетельства были выбраны 9 женщинами (2 — Акмолинск, 9 — Семипалатинск), в 1901 г. их стало 20 (по 1 в Каркаралы, Усть-Каменогорске и Акмолинске; по 3 в Кокпекты, 5 в Петропавловске, 9 в Семипалатинске). В 1902–3, в 1903–9, в 1904–8, в 1905–7. Особенностью купечествуемых женщин был довольно солидный возраст, он колебался в пределах 50–75 лет. Что подтверждает вывод о преобладании включения купечествуемых женщин через продолжение дела мужей после их смерти. Реже основания ими собственного дела. Эти явления свидетельствуют о начальном этапе модернизации гендерных отношений. Тем не менее, именно города через развитие рыночных отношений стали локомотивами трансформации женского вопроса в традиционном скотоводческом обществе.

Таким образом, российское городское и ярмарочное пространство втягивало в предпринимательскую деятельность скотоводов Степного края, предоставляя площадку для формирования нового мышления и нового типа российского предпринимателя, шлифуя и изменяя межличностные и межполовые отношения не только в купеческом сообществе, но и на уровне семьи, и на уровне городского общества.

Литература

1. Керейбаева А. С. Национально-конфессиональный и половозрастной состав купечества Степного края второй половины XIX — начала XX в. // *Известия Алтайского государственного университета* 2016. № 4 (92). С. 76–80.

2. Тернер Ф. Дж. *Фронтир в американской истории* / Пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009.

3. Щеглова, Т. К. *Ярмарки юга Западной Сибири в XIX — начале XX века: из истории формирования и развития всероссийского рынка* / Т. К. Щеглова; Алтайский государственный университет; [отв. ред. М. А. Демин; предисл. С. П. Алексеева]. — Барнаул, 2001.

4. Щеглова, Т. К. *Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли: [монография]* / Т. К. Щеглова; [отв. ред. М. А. Демин]. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002.

5. *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 1. А-Л* / [М. О. Акишин и др.]: Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории; отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск: Гео, 2012.

И. В. Баданина

г. Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Изменения социальных статусов женщин после Октябрьской революции: отражение в русском языке

Октябрьская революция 1917 г. в России принесла коренные изменения в жизни всех слоев общества, что не могло не отразиться в гендерных отношениях. Так, женщины из низких социальных слоев получили возможность учиться и затем работать в различных должностях. Несмотря на бытующую точку зрения, что вовлечение женщин в профессиональные сферы было следствием стремления государства не дать женщине действительно равные с мужчинами права, а лишь получить в лице работающих женщин дополнительную рабочую силу [1, с. 102], для них это означало радикальное изменение социального статуса. История дала женщинам небывалый шанс из социального небытия, из вековой зависимости от мужчин выйти на простор профессиональной и общественной деятельности. Эти изменения социального статуса женщин отразились в языке появлением многочисленных номинаций женского рода, называющих женщин по видам деятельности. Вместе с тем это было лишь начало пути женщин в профессиональные сферы, в общественную жизнь, поэтому номинаций женского рода значительно меньше, чем мужского рода. В дальнейшем прирост номинаций женского рода шел в русском языке непрерывно, все расширяясь и включая все более многочисленные сферы деятельности женщин. В основном существительные, называющие женщину по виду деятельности, образуются от однокоренных существительных мужского рода: ассистент — ассистентка, библиотекарь — библиотекарша. Женщины овладевают многочисленными рабочими профессиями: багетчик — багетчица, вельщик — вельщица; занимают посты в сфере управленческой деятельности: выдвигенец «рабочий, назначенный, выдвинутый на ответственную должность (в органах государственного и хозяйственного управления). Студент, выдвинутый учебными организациями для подготовки к научной деятельности» — выдвигенка; они могут иметь те или иные политические убеждения: большевик — большевичка. Женщины занимаются наукой: лингвист «ученый, специалист по лингвистике» — лингвистка. Перед женщинами открылись возможности заниматься спортом, что отражается в номинациях баскетболист — баскетболистка, велосипедист — велосипедистка и нек. др.; они могут стать профессионалами в сфере искусства: арфист — арфистка, виолончелист — виолончелистка. Женщины не только работают, учатся, но и становятся последователями тех или иных философских учений: марксист «последователь идей марксизма» — марксистка

Среди номинаций женщин заметное место занимают неологизмы: внешкольник «специалист по внешкольному образованию» — внешкольница, втузовец «студент втуза» — втузовка и др. Если сравнить состав значений слов женского рода в послереволюционный период с современным, то в ряде случаев после революции наблюдается то же, что было и до нее: например, слова бригадирша от бригадир, генеральша от ге-

нерал называют только жену бригадира, генерала, тогда как в современном разговорном языке — также женщину-бригадира и, редко, женщину-генерала. В послереволюционный период существительные женского рода, называющие женщин по видам деятельности, по-прежнему не имеют стилистического статуса, равного существительным мужского рода.

Слова женского рода, не составляющие пар со словами мужского рода, немногочисленны и называют специфические женские виды деятельности: бельевщица «заведующая казенным бельем в интернатах и санаториях; мастерица, занимающаяся починкой белья», ватерщица «работница-текстильщица на ватерной машине», доильщица, доярка «работница, которая доит коров». В этой подгруппе встречаются и неологизмы: банкаброшница «работница, работающая на банкаброше — машине в бумагопрядильном производстве»; жеңдегатакка «член делегатского собрания работниц и крестьянок, созывавшегося с целью подготовки трудящихся женщин к активной общественно-политической деятельности и к участию в социалистическом строительстве».

Таким образом, Октябрьская революция принесла женщине в России широкие возможности проявлять свои способности в общественно значимой деятельности, а не только в семье, как было прежде. Это существенное повышение статуса женщины в обществе отразилось появлением значительного количества слов, называющих женщин по различным признакам, прежде всего по видам деятельности.

Литература

1. Гапова Е. *Классы наций: феминистская критика национализма*/Елена Гапова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

2. Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. — М. 1935–1940. Электронный адрес словаря: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovjy_slovar_russogo_jazyka_pod_red_d.n._ushakova

Л.В. Лебедева

г. Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Влияние городской жизни на культурную трансформацию крестьян в период нэпа

Урбанизация — сложный и многосторонний цивилизационный процесс, происходящий на основе распространения городского образа жизни, культуры в обществе, роста числа городов, в том числе за счет включения пригородных территорий и роста численности городского населения. Одним из этапов этого процесса в России были 1920-е гг. После убыли городского населения в первое пятилетие советской власти, по мере роста экономики, к середине 20-х годов доля городских жителей восстановилась. Более бурная миграция населения началась к концу десятилетия в связи с переходом к индустриализации. Период нэпа характеризуется важными процессами культурных преобразований крестьянской жизни, сильным городским влиянием на деревенский быт и психологию сельских жителей, ярким проявлением патриархальной и модернистской направленности в материальной и духовной культуре крестьян. Рассмотрим более подробно данные тенденции.

Процесс культурной трансформации крестьян происходил под влиянием нескольких факторов:

- Изменения в материальной и духовной культуре крестьян проходили вследствие внутренних потребностей социума, их стремления к грамотности, информированности, совершенствованию орудий труда, техники производства, использованию фабричных изделий и т.д.

- Сказываясь общим прогрессом общества и развитием промышленного производства. Проникновение городской культуры, технических новшеств проходило поступательно, но имело разную степень интенсивности. Оно зависело от местных условий, развития товарно-денежных отношений, мировоззренческих ценностей и национальных традиций.

- Культурные преобразования сдерживались натурально-потребительским характером крестьянского хозяйства, слабым развитием товарно-денежных отношений. В годы Гражданской войны резко снизились объемы производства. Стояли многие фабрики: не хватало сырья, рабочих рук, топлива. Необходимо было восстанавливать экономику. Возрождение крестьянского хозяйства после войн и революции происходило крайне медленно. Ситуация осложнялась неурожаями 1920–1921 и 1924–1925 гг. Социальное выравнивание выразилось в маломощности большинства крестьянских хозяйств на фоне общего обнищания деревни.

- Перемены совершались под воздействием проводимой большевиками политики распространения новых культурных ценностей, включающих в себя коммунистическую мораль, атеизм, агрокультуру, равенство полов и т.д.

- Разрушение традиционных устоев деревни, ослабление социального контроля со стороны общины, высокая подвижность сельского населения содействовали изменению крестьянского сознания, делая его более восприимчивым к внешнему влиянию. Крестьяне стали проявлять себя более индивидуально, не прикрываясь мнением общества, как это было до революции, когда роль общины была более весома и общественное сознание преобладало. Происходило развитие политической культуры крестьянства в связи с утверждением систем советских и партийных органов на селе. Вместе с тем, не все новшества принимались крестьянами, многие вызывали у них неприятие, а также активное или пассивное сопротивление.

- Преобразования проходили на фоне стойкой традиционности крестьянской культуры, которая была гарантом благополучия данного социума, условием его физического выживания, позволяла с наименьшими потерями пережить различные жизненные катаклизмы.

В материальной культуре распространение городского образа жизни было незначительным. Способы постройки, организация жилого пространства: его планировка, убранство, утварь — оставались в этот период в рамках принятых обычаев. Состояние жилища и его убранство зависели от материального достатка владельцев. В этот период времени больше стали использовать в качестве строительного материала глину и саман, покрывать крышу железом и черепицей, в незначительном количестве строить каменные дома. Распространение городской культуры проявлялось содержании избы в большей чистоте, устройстве дополнительных перегородок, оклейке стен обоями, применении штор на окнах, разведении комнатных цветов, использовании в обиходе часов, зеркал, подвижной мебели: шкафов, стульев, комодов, кроватей. Жилище украшалось фотографиями, картинками, плакатами, портретами политических деятелей [1]. В последующий период, по мере развития экономических

отношений, укоренение городской культуры в сельском мире усилилось, но незначительно [4]. Одним из показателей процессов культурных трансформаций были изменения, происходящие в традиционной одежде крестьян. Процесс распространения городской одежды начался с середины XIX в. Уменьшение натуральности и развитие товарности в крестьянском хозяйстве сокращало домашнее производство, делало невозможным выполнять весь комплекс работ, связанный с изготовлением одежды и обуви. Даже при низком уровне материального благосостояния крестьяне старались покупать доступные им промышленные товары. Модернистскую одежду и все новые веяния принимали в первую очередь те, кто работал в городе. Одежда крестьян все более становилась схожей с одеждой мещан и мастеровых. Большое влияние на нее всегда оказывала военная форма. Следующий этап изменений традиционной одежды был связан с революционными преобразованиями. Установление советской власти, формирование образа нового человека, борца, героя, отрекшегося от старого мира, строящего новую жизнь по новым идеалам правды и красоты, сначала отразилось на городском, а вслед за ним и на крестьянском костюме. Новые веяния проявлялись, в первую очередь, в использовании разнообразных покупных материалов: фабричных тканей, нитей, украшений одежды, которые неизбежно влекли за собой изменения в покрое отдельных элементов традиционного костюма, замену отдельных частей, отдаляющихся от старинных образцов. Также при наличии средств крестьяне стремились покупать готовые изделия. Данные новшества постепенно приводили к сглаживанию сформировавшихся локальных комплексов традиционной одежды. Распространение промышленных тканей способствовало использованию крестьянками швейных машин, которые появились в деревенской жизни еще до Первой мировой войны [6].

Значительные перемены в 20-е гг. происходили в духовной культуре крестьян. Многие явления: стремление к овладению знаниями, распространение газет и книг в деревне, совместные чтения, интерес к политической жизни страны, секуляризация сознания — стали характерной тенденцией еще в предшествующий период. Изменению крестьянского сознания способствовало разрушение традиционных устоев деревни, ослабление социального контроля со стороны общины, высокая подвижность сельского населения, овладение грамотностью, распространение среди сельских жителей агитационной литературы. В свою очередь советские органы своими основными задачами пропаганды в деревне считали донесение информации о мероприятиях правительства, популяризацию советского законодательства, ликвидацию безграмотности, пропаганду кооперации, содействие партийным, комсомольским, профсоюзным организациям в деревне, проведение антирелигиозных компаний, организацию изб-читален и библиотек [2].

Первое десятилетие советской власти стало поворотным в гендерных отношениях. Государство определило новое место женщин в обществе, предоставив им равноправие в семейной, трудовой и политической жизни. Соответственно происходило новое моделирование отношений, коррекция поведения в связи с нормативными предписаниями и ожиданиями, которое предъявляло общество. Переосмысление социальных ролей в крестьянском социуме, осознание своих новых возможностей женщиной и положительное отношение к равноправию мужчин, происходило очень медленно. Низкая политическая активность крестьянок была связана и зависела от располагаемых ими ресурсов участия: уровня образованности, информированности, заинтересованности и ценностных ориентаций. В основе

семейных отношений продолжала оставаться экономической модель, доминирующая в предшествующую эпоху [3]. Доминирование традиционных отношений сохранялось в 1940–50-е гг. [5].

Анализ культурной трансформации крестьян свидетельствует о непрерывности традиций — их постепенном видоизменении и создании новых традиционных образцов. В 20-е гг. влияние городской жизни на сельскую было незначительным. В первую очередь распространение получали новшества, которые развивались постепенно, соответствовали крестьянской ментальности и способствовали улучшению их жизни. Важным фактором было индивидуальное экономическое благосостояние — необходимый определенный уровень достатка для большей расположенности к поведенческим и мировоззренческим переменам. Большую роль играл уровень информированности и грамотности. В развитии политической культуры значительным было вмешательство государства, применение не только агитационно-пропагандистских методов, но и административных ресурсов.

Литература

1. Лебедева Л. В. *Жизненные трудности крестьянки 1920-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Сборник научных трудов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. С. 223–242.*
2. Лебедева Л. В. *Тенденции в мировоззрении крестьян в 20-х годах XX века на примере Пензенской губернии // Пензенский временник любителей старины: Научный и научно-популярный сборник Церковно-исторического комитета Пензенской епархии Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Вып. 14. — Пенза: Пензенское епархиальное управление, 2004. С. 148–155.*
3. Лебедева Л. В. *«Теперь мы равноправные граждане, теперь мы, бабы, такие же люди...» // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей/Ответ. Ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М., 2013. С. 583–604.*
4. Новинская Т. Ю. *Быт и дом крестьян Пензенской области. 1945–1950-е гг. // В мире научных открытий. 2015. № 1 (61). С. 297–303.*
5. Новинская Т. Ю. *Труд сельских женщин. 1940–1950-е годы // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4–2. С. 41–44.*
6. *Традиционная культура русского народа в период 1920-х — 1930-х годов: трансформации и развитие // Липинская В. А., Васеха М. В. и др. М.: Индрик, 2016. С. 217–262.*

М. В. Васеха

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Из крестьянок в горожанки: механизмы миграции женщин в сибирские города в первой трети XX в.

В первой трети XX века население Западной Сибири, как в целом и всей страны, было в основном крестьянским согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. почти 87% проживало в сельской местности. В отличие от Европейской России такое явление как отходничество было развито здесь в значительно меньшей степени по различным причинам: не достаточное развитие сибирской промышленности, очень большие расстояния между населенными пунктами, в условиях земельного достатка на сибирских просторах загруженность населения сельхоз работами и др. Вопрос взаимоотношений «города» и «деревни» в рассматриваемый период был обусловлен этими

сибирскими особенностями, и сквозь призму этого процесса интересно увидеть женские сценарии проникновения в сибирские города.

По воспоминаниям информантов, родившихся в начале XX в., отношения селян и горожан были достаточно гармоничными. Несмотря на невысокий уровень урбанизации в Сибири, ментальная граница между «городом» и «деревней» все же имела место быть. Крестьяне и горожане относились друг к другу на равных, характерного в более поздние годы XX в. понятия «отсталой» деревни в этих отношениях совершенно не прослеживалось. Более того, несмотря на изнуряющий сельский труд, культурная жизнь в деревне была очень активной (имеются ввиду многочисленные праздники, вечерки и пр. в рамках традиционной русской культуры). В начале XX в. в Сибири деревня была сосредоточением жизни русского народа и выезд в сельскую местность горожанами носил досуговый характер. Ну и, конечно, часть сибирских горожан в прошлом сами были сельскими жителями и продолжали поддерживать связь с малой Родиной.

Татьяна Ивановна Шадрина, 1910 г. р. из д. Шубинка Зонального района Алтайского края вспоминала о том, как ее дедушка Прохор сам делаа кирпичи и уходил осенью в город Бийск класть печи. «Если там побудет недели две, идет домой, то бесплатно целую сумку натолкают ему товара. А у него семья семь человек. Он идет радуется, они бегут его встречают, а он всем по рубашке принесет. Вот как было». Старые жители д. Шубинка вспоминали, как в начале XX в. на Рождество приезжали зажиточные горожане и привозили крестьянским детям подарки («целый воз»), елку, устраивали праздник, где дети читали у Рождественской елки молитвы, за что получали подарки. В Алтайском крае был записан довольно распространенный сюжет о том, как на одной из таких елок подаренный крестьянской семье кулек конфет негативно сказался на здоровье детей. Родители-крестьяне, видимо практически не знакомые с последствиями употребления сладостей, накормили конфетами свою грудную девочку — «началась золотуха, стали болеть глаза, и она ослепла».

Контакты были двусторонними, как городские жители с удовольствием приезжали погостить к селянам на праздники, так и крестьяне приглашались в город пожить некоторое время в городских семьях. Т. И. Шадрина вспоминала, как в детстве гостила в г. Бийске в семье Пастуховых, а одного из членов семьи, учительницу, крестьянская семья пригласила «в кумушки» (то есть она стала крестной их ребенка). Помимо установления духовного родства селян и горожан, горожане не редко хотели видеть в роли невестки девушку «из крестьян». Считалось, что деревенские девушки были более благочестивыми, чем горожанки, имели кроткий нрав и хорошее здоровье, и, конечно же, отличные рабочие навыки. Случалось, что во время визитов в села городские родители часто присматривали потенциальных невест своим сыновьям.

Как вспоминала Елена Петровна Саблина, потомственная старообрядка родом из Горной Шории, ее «приезжали сватать из города трижды». Принять положительное решение «помог» отец, который сказал, что отдаст ее только за жениха-старообрядца из города Новокузнецка. После сватанья невесту заранее перевезли в Новокузнецк, поскольку деревенские ухажеры уговаривали ее не ехать в город, а «уйти убегом» за одного из них. Елена Петровна вспоминала, как трудно привыкала к городской жизни. Первое, с чем ей пришлось столкнуться — перестать носить домотканую холщовую одежду, а также она впервые узнала, что «вместо слова “кержак” нас можно называть культурно старообрядцы». В городе она впервые столкнулась с тем, что существует понятие «свободное время». Выросшая в деревне в многодетной семье с большим хозяйством, она долго не могла понять, что значит «отдыхать» без дела.

Еще один путь в город, правда не столь распространенный как в Европейской части России, был для молодых девушек через наем «в прислуги». «В люди» шли жительницы из сельской местности, расположенной недалеко от сибирских городов. В основном это были дочери из семей поздней волны столыпинских переселенцев, которые с большим трудом осваивались на сибирских землях и терпели лишения. На страницах сибирского женского журнала «Красная сибирячка» эта совсем небольшая категория женского населения упоминалась как одна из важнейших в деле осуществления революции в Сибири. Истории многих сибирских женских лидеров на страницах этого журнала начинались с рассказа о том, как героиня работала на «хозяев» и была недовольна своим положением, поэтому и откликнулась на революционные идеи. Например, в журнале «Красная сибирячка» в рассказе «Настя Холодова» [3] описывалась непростая судьба «лица командного состава и члена штаба партизанского отряда» красных во времена колчаковщины. Социальное положение было типичным для женщин-активисток 1920-х гг. «Родилась в бедной крестьянской семье поселенца Томской губернии, 14-ти лет ушла на заработки в город, где поступила ученицей в портновскую мастерскую... «Настя 16-ти лет вернулась в деревню к отцу, у ней уже были свои стихийно-создавшиеся, не обоснованные теоретически, но твердые убеждения». В деревне Настя начинает вести «бунтарские» речи среди деревенской молодежи, «втягивать в коммунию» за что ее впоследствии арестовали.

В русле строительства «нового быта», а также в связи с объявлением советским правительством движения «за смычку города и деревни» и вбрасываемыми лозунгами типа «Работница, помоги крестьянке встать с колен!» статус деревенского жителя начал стремительно падать. В текстах советских идеологов, в прессе 1920-х годов образ деревни олицетворяет ни что иное как «старый быт», «темное, отживающее прошлое». В 1920-х годах начала моделироваться и новая жизненная женская стратегия — уехать в город учиться, чтобы потом вернуться в деревню и бороться с «темнотой» своих односельчанок [1].

В журнале «Красная сибирячка» в рассказе «Бабий предводитель», охарактеризованном как очерк с натуры, рассказывается впечатление о собственной деревне ее бывшей жительницей Поли Каураковой, получившей в городе образование «по женской линии»: «Люди те же суровые, скрытные, живущие по старым правилам» [2]. И, будучи уже горожанкой, героиня очерка начинает учить деревенских баб как жить в «новом быту»: организовывать ясли, объединяться в коммуну, отказываться от «религиозной темноты» и пр. Тема оставления «темной деревни» со свекрами-мироедами, мужьями-пьянчужками и прочими девиантными проявлениями деревенской жизни и переезд в город учиться, конечно, по женской или партийной линии — очень популярный сюжет женской прессы 1920-х годов. У этих рассказов обычно говорящие названия «К свету», «Молодые побеги к солнцу тянутся», «Новыми путями» и др. Конечно же, конструирование такой модели женского поведения было необходимо для реализации политики по раскрепощению женщин. Молодой советской власти были необходимы женские кадры для массовой работы с женским населением. Однако, далеко не все крестьянки, уехавшие в город учиться возвращались на малую Родину. В сибирских городах также не хватало женских лидеров, и, если женщина хорошо себя зарекомендовала в женсовете, ее часто «перебрасывали» на другие, более серьезные направления работы.

Пресса 1920-х гг. изображала крестьянок в образе «забитой жизнью» женщины, не грамотной, погруженной в бытовую жизнь, которая не в состоянии правильно

воспитывать собственных многочисленных детей, часто притесняемая сначала собственным отцом, затем мужем и родственниками мужа. На сибирских агитплакатах крестьянок часто рисовали закутанными в толстый платок, бесформенный полушубок и в валенках. Со временем образ несколько «отсталой», немодной и не образованной крестьянки прижился в массовом сознании.

Одна из информанток охарактеризовала отношения в дореволюционный период городских благотворителей к деревенским жителям выражением «любили крестьян». Из интервью вырисовывается такая форма общения как «они (городские) с нами знались, к нам ездили, да не погребуют (не побрезгуют, — авт.), что у нас грязно». Безусловно, информант употребила такое выражение, наблюдая последующее изменение отношений горожан к крестьянам, потере символического статуса русской деревни как сосредоточения культурной жизни. Брачная партия с девушкой из деревни постепенно перестала выглядеть желанной и перспективной для городских родителей. Незримая граница между городским и сельским образом жизни начала все более увеличиваться. Процессы раскрестьянивания, коллективизации, репрессии, общая тяжелая психологическая атмосфера в деревенском обществе привели к постепенной деградации сельского мира и деревенского образа жизни. Престижность статуса горожанки постепенно стала бесспорной и часто желаемой для жительниц деревень, которые на протяжении XX в. изыскивали самые разные способы переезда в город и изменения своего крестьянского статуса. В дореволюционный период процесс миграции крестьянок в город не педалировался сельскими девушками, а к концу первой трети XX века переезда в город стал олицетворением лучшей жизни.

Литература

1. Васеха М. В. Влияние женской всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек//Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.
2. Кручина А. Бабий предводитель (очерк с натуры).//Красная сибирячка. 1928. № 8. С. 9–10.
3. Ширман Т. Настя Холодова//Красная сибирячка. 1922. № 2–3. С. 75–77.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16–01–00136

Т. Ю. Новинская

г. Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Город и село в СССР (1940–50-е годы): их взаимовлияние

В начале XX в. Россия являлась аграрной страной, в которой сельское население составляло 77% населения страны. Процесс урбанизации, получивший ускорение в конце XIX в., стал одной из главных характерных черт социально-экономического развития всего XX в. К 1959 г сельское население РСФСР сократилось до 48% от общего числа. Отметим, что по данным ООН, в мире лишь в начале XXI в. половина населения стала жить в городах.

Миграции из села в город носила на тот момент безвозвратный характер, то есть основная часть переселившихся не возвращалась обратно. В 1920–30-е годы стимулом переселения из села в город надо считать индустриализацию, которая нуждалась в рабочей силе, и коллективизацию с ее методами, заставлявшими крестьян «бежать» в город. Однако надо отметить, что индустриализация затронула не все районы СССР

в плане превращения городов в индустриальные центры. С началом Великой отечественной войны началась новая волна переселения в город, связанная с эвакуацией промышленных предприятий и тяжелым материальным положением в сельской местности.

В 1940–50-е годы городское население увеличивалось за счет административных преобразований — образования новых городских поселений, преобразования сельских поселений в городские или включения их в черту городских поселений.

Однако, даже к середине века города центральной России в своем большинстве продолжали носить провинциальный характер. Во многом он был обусловлен сходством материального положения, домашнего и семейного быта, мировоззрения и менталитета крестьян и горожан. Так как большинство горожан были вчерашними крестьянами, переселившимися в город. Привнося с собой, свойственный им образ жизни, они были достаточно устойчивы к менталитету города, в отличие от тех, кто переселялся в города-мегаполисы.

Большому влиянию или лучше сказать приобщению к городскому менталитету, подвергались те, кто отрывался от семьи — одиночки. Они снимали квартиры или попадали в общежития. Те же, кто переезжал семьями, чаще всего покупали или «ставили» дом и продолжали вести традиционный для села образ жизни. Так постепенно уплотнялись окраины городов.

Большая часть горожан продолжала в 1950-е годы проживать в индивидуальных домах с приусадебным участком, что давало им возможность заниматься сельским хозяйством и иметь домашний скот. Индивидуальное хозяйство было большим подспорьем для многих городских жителей не только в плане личного потребления, но и продаже на рынке [5]. Поэтому распорядок дня мало, чем отличался от сельской семьи.

К тому же для основной массы горожан «уровень комфорта оставался таким же, как и в начале XIX века». Деревянные дома с печным отоплением, отсутствие водопровода, не говоря уже о канализации. Поэтому и заботы о благоустройстве домашнего быта не отличались от забот сельских жителей.

В городе, как и в деревне, виды досуга были одни и те же [3]. Даже в 1950-е годы посиделки, танцы и песни под гармошку «на пустырях» продолжали оставаться главным видом проведения досуга.

В свою очередь город продолжал оказывать влияние на деревню. Однако это влияние было специфическим, так большей частью оно было обусловлено социально-экономическими процессами, связанными с государственной политикой. Еще в 1920-е годы власть развернула активную кампанию по утверждению в народном сознании коммунистической идеологии, направленной на создание «общества единомышленников». Методами усвоения основных азов коммунистического мировоззрения были такие традиционные формы идеологического воздействия, как чтение, агиткампании и работа культурно-просветительских учреждений [4]. Особое значение позднее приобрело кино.

И здесь надо отметить результат, который имела кампания по распространению советской идеологии. Активная работа по приобщению широких слоев населения к массовой культуре «урбанистического» типа через чтение, кино, театр и т.д. влияла на структуру советской повседневности и характер ментальности людей той эпохи, как в городе, так и в деревне. «В будни и в праздники в производственных коллективах, в домашнем быту, в здравоохранении, досуге, системе образования вплоть до характера и особенностей антиобщественных проявлений складывались новые формы

образа жизни» [2, с. 3]. В них было много негативного, порожденного уравнительностью, бедностью, огромной идеологической и административной ролью правящей партии и государственных структур, но было немало и позитивных черт, обусловленных стремлением укрепить коллективизм, повысить образовательный и культурный уровень населения.

Необходимо отметить тот факт, что, несмотря на изменившееся положение женщин в советском обществе к середине XX в. — востребованность со стороны государства расширила их права и возможности, — они предпочитали по возможности оставаться в семье и вести хозяйство. Патриархальный уклад, присущий сельским семьям, продолжал оставаться основополагающим и в семьях многих горожан [7].

Кроме всего вышесказанного перемены, и не только материального плана, зависели не от потребностей, а от возможностей крестьян, которые были сильно ограничены [6]. Уместно говорить и о доступности к конкретным сферам — здравоохранению, образованию, культурной сфере. В ряде сел до середины прошлого века электричество использовали лишь на фермах, токах, в клубах.

Конечно, изменения проникали в крестьянский быт, но они носили до середины эпизодический характер. А город в свою очередь «одеревенчивался» [1, с. 98]. Таким образом, мы можем говорить о сходстве быта с его патриархальным укладом провинциального города и села.

Литература

1. Вишневский А. Г. *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ, 1988.
2. Доценко А. *Повседневная жизнь советского города начала 1950 — первой половины 1960-х годов*. (На материалах Куйбышевской области. Автор канд. ист. наук. 2007).
3. Лебедева Л. В. *Игры как показатель мировоззрения крестьян//Россия — крестьянская страна: Сборник научных статей*. Саранск: МГУ, 2005. С. 240–251.
4. Лебедева Л. В. *Тенденции в мировоззрении крестьян в 20-х годах XX века на примере Пензенской губернии//Пензенский временник любителей старины*. Вып. 14. Пенза, 2004. С. 148–155.
5. Новинская Т. Ю. *Благополучие населения Пензенской области (1946–начало 1960-х гг.)*: Дис. канд. ист. наук. Пенза, 2002.
6. Новинская Т. Ю. *Быт и дом крестьян Пензенской области. 1945–1950 гг.* //В мире научных открытий. 2015. № 1 (61). С. 297–303.
7. Новинская Т. Ю. *Роль женщин в общественном производстве в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)//XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. 2013. № 8 (12). С. 31–34.

Т. А. Мищенко

г. Новозыбков, ФГБОУ ВО

«Брянский государственный университет им. ак. И. Г. Петровского»

Сельские клубы в конце 1950 — начале 1960-х годов: влияние ценностей городской жизни на женскую и мужскую повседневность в деревне

Советские культурные новации в деревне проводились через сельские учреждения культуры и рассматривались как одно из достижений советской власти. В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть динамику исчезновения тради-

дионной крестьянской культуры и наступления новой советской «культуры города» в конце 1950 — начале 1960-х годов. Значимым аспектом исследования является выявление женского и мужского «отклика» селян при распространении городских ценностей. Источниками работы послужили записи полевых исследований, собранные на территории российско-белорусского пограничья преподавателями и студентами НФ БГУ им. ак. И.Г. Петровского в 2014–2018 гг., в том числе материалы музейных комнат при сельских домах культуры и библиотеках; архив номеров газеты «Маяк» за 1962–1963 гг., Регион исследования — пограничье юго-запада Брянской области и восточной части Гомельской области — является частью обширной территории Восточного Полесья, наиболее архаичного региона европейской части СССР, со значительным количеством сельского и провинциального населения в к. 1950 — нач. 1960-х годов.

Постановление от Верховного совета СССР в мае 1960-го г. сконцентрировало внимание властей на местах на организации правильной досуговой политикой. Изменения в характере труда и отдыха были адресованы прежде всего городским жителям, однако новая политика организации досуга пришла и в села. При этом идея сближения города и села оставалась актуальной, как и проблема национального в культуре, поиск и конструирование которого связывался с сельской жизнью народа.

Итак, на рубеже 1950 — начале 1960-х годов еще существует традиционный мир сельской культуры юго-запада Брянщины и востока Гомельщины, но рост влияния советской культурной политики уже распространяется от города к деревне. Проводником новой советской культуры на селе являлся сельский клуб. Интенсивность советских культурных новаций была связана со следующими критериями: близость города, наличие сельского клуба, религиозная принадлежность деревенских жителей.

Так, в удаленной от городских центров деревне Столбун Ветковского района Гомельской области присутствие советской власти обнаружилось лишь в сюжете о самогонварении. «Матка выгнала с крушины... её брат привёз милиционера... крушины як выпили, пошалели... пяють, ругаются, ска чать». [3]

Ответы жители близлежащей к г. Новозыбкову д. Сновское свидетельствуют об активной замене традиционных элементов культуры на советские. Так, осуждению на комсомольском собрании подвергся обряд «колодка», а местом сбора молодежи уже служил клуб, а не квартирные посиделки.

В других населенных пунктах мы обнаружили «промежуточный вариант» распределения мест гуляния молодежи: стихийные «пяточки» летом и клуб в холодное время года. «У клубах не гуляли летом. Пяточки. Девки, на пяточок пойдём? Пойдём. У парк это потом стали ходить» [2].

Анализ местной периодической печати показывает, что наиболее активное продвижение «новой советской культуры» началось после XXII съезда КПСС, провозгласившего идею построения коммунизма в СССР, что требовало воспитания «нового советского человека», без каких-либо поправок на его место проживания, пол, возраст и род занятий. «Воспитанием человека коммунистического завтра, по выражению первого секретаря Новозыбковского райкома КПСС Н.М. Голуба» должны были заниматься опытные кадры из числа партийных работников с опорой на сельские учреждения культуры. [8] Так, работникам сельских Домов Культуры предписывалось создавать коллективы самодеятельности. К ним предъявлялись определенные эстетические нормы:

«... Привал З.И. инспектор отдела культуры: Мы посмотрели выступление 4-х коллективов художественной самодеятельности. Нужно прямо сказать, что впечатление очень плохое. Коллективы худ. самодеятельности совершенно не подготовлены к смотру. Вот, например, Верецкацкий коллектив. Массовость хорошая, но ведь поют в один голос, не дружно. Совершенно не передают характер песни. Мужской ансамбль — один из ребят совершенно без слуха и поэтому ужасно фальшивит. Ребята слов не знают, над характером песни не работают, вылезли из тональности» [7]. Как видим, сельские жители впервые сталкиваются с тем, что их творчество можно инспектировать, что оно бывает «хорошим» и «плохим», а культура «высокой» и «низкой».

Участниками коллективов самодеятельности, хоров, самодеятельных театров становилась сельская молодежь. Взрослые женщины — любительницы петь, лишённые привычных посиделок, также шли в клуб, где могли по-прежнему наблюдать за молодежью, переговариваться и сплетничать.

Как правило, работниками сельских клубов в к. 1950-х годах были мужчины — гармонисты и плясуньи. Иногда они выполняли подобные роли и «на общественных началах»: «Был у нас Василий Васильевич Бургуто — вечный бригадир: «Так, становитесь, общий вальс. Все в круг — общий вальс. Так, вальс слева, вальс справа, вальс через одного», — и вот менялись эти пары — он командовал всем. А потом и с нами он танцевал». [5] Однако «доморощенные» руководители зачастую не разделяли городских ценностей, согласно которым сельский клуб — постоянно действующий центр досуга селян: «Придешь к клубу, ходишь вокруг него, но заведующего нет... Гармошки в клубе нет, хоть её и обещали купить... В самом помещении клуба нет ни одного плаката, настольных игр, не выпускается стенгазета...» [6].

В 1963–1965-х гг. был принят план о подготовке и переподготовке работников клубов. В учебные заведения по подготовке работников клубов пришли и девушки: «Я окончила Брянское областное культурно-просветительное училище в 1967 году. 24 августа 1967 года поступила на работу в Шеломовский клуб, который был переделан из церкви. К 50-летию Великой октябрьской революции сдали новый дом культуры... Я была первым директором, художественным руководителем и художником, всю работу выполняла одна» [4].

Сельские учительницы также были призваны нести «новую культуру» в массы, прежде всего речь шла о культуре поведения, этических нормах, которые следовало прививать селянам. Так, в статье «В этом и ваша вина, Вера Ивановна» сельскую учительницу Веру Савулову обвиняют в скандальном поведении женщин с. Чертовичи Клинецовского района, которые спорят и дерутся из-за курицы или кота, забежавших на огород: «Нет, уважаемая Вера Ивановна, так вести агитационно-массовую работу не годится. Вы после занятий в школе спешите скорей в Клинцы, а надобно бы хоть через день встречаться с людьми, поговорить с каждым человеком по душам. И ваша вина, Вера Ивановна, что на десятидневке разыгрываются скандальные истории, что люди живут там, как обыватели» [10]

Упомянутая в статье «десятидневка» — элемент «новой культуры», связанный с пропагандой низовых общественных объединений.

В течение 1962–1963 гг. в газете «Маяк» появляется множество статей и заметок, которые рапортуют об успехах общественности на селе. Это и товарищеские суды, женсоветы, советы бригады. Образцовым выглядит село Каташин: «Присмотритесь к жизни села Каташин, что расположено в 10 км от Новозыбкова. Здесь, как говорится, и млад и стар — участники различных организаций, созданных и действующих

на общественных началах...» [9]. В этом процессе можно усмотреть сохранение коллективистских традиций, свойственных традиционной культуре. Близкой сельским женщинам оказалась и модель женсоветов: личное, рассматриваемое в крестьянской традиции, как коллективное, становится общественно значимым через советские учреждения идеологии и культуры. В заметке «Так работает женсовет» описывается подобный опыт: «В 1960 г. в селе организован женский совет. В его состав вошли 20 активисток из числа передовых колхозниц и интеллигенции села... бывают в жизни и горести и радости. И это не остается незамеченным женским советом. Один мужчина (фамилии его не называю) часто устраивал семейные скандалы, грубо обращался с женой. Узнав об этом, мы посоветовались на заседании совета и решили послать в эту семью члена совета А. Т. Ковалеву. Состоялся строгий, деловой разговор. Мужчина пообещал наладить семейную жизнь. И слово сдержал» [1].

Таким образом, к 1960-м годам можно заметить значительные изменения во внешнем и внутреннем облике полесской деревни Брянско-Гомельского пограничья. «Проводниками» новой городской досуговой культуры в деревне стали подготовленные в учебных заведениях работники: и мужчины, и женщины. Среди восприимчивых новой культуры было больше женщин, о чем свидетельствуют кадры клубной фотохроники: хоры, танцевальные коллективы были женскими. Сельский клуб транслировал установку на предание забвению подлинной крестьянской традиционной культуры, как отсталой, религиозной; формировался типичный деревенский образ, в котором смешались элементы традиционной крестьянской культуры и новые советские, призванные исправить и сконструировать «нового советского человека» в деревне.

Литература

1. Гетман В. Так работает женсовет//Маяк. 1962. № 27, 2 сентября.
2. Записано от Грищенко В. И. 1940 г. р., с. Спиридонова Буда Злынковского р-на Брянской обл.
3. Записано от Крупенковой М. А. 1938 г. р., Ветковский р-н, д. Столбун, Гомельская обл.
4. Записано от Поляковой Антонины Кузьминичны 1949 г. р., с. Шеломы Новозыбковского района Брянской обл.
5. Записано от Потапенко Раисы Васильевны, 1940 г. р. с. Сновское Новозыбковского района Брянской обл.
6. Кулешов Д., Дело за вами, товарищи!//Маяк. № 6. Четверг, 10 мая 1962 г.
7. Новозыбковский районный архив. Ф. 162. оп. 1. ед. х. 23. л.10
8. Повышать уровень идеологической работы//Маяк. 1962. № 77, 11 сентября
9. Развивать общественные начала//Маяк. 1961. № 72, 2 сентября
10. Шкарубо А. В этом и ваша вина, Вера Ивановна//Маяк. 1962. № 76, 9 сентября

Г. П. Сидорова

г. Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Повседневность советских горожан 1950–1980-х годов глазами сельских жителей (по художественным текстам)

В начале 1950-х в городах проживало более 50% населения СССР, но до 1970-х годов объектом внимания отечественных ученых было сельское поселение, его общество и культура. С 1970-х российский город в историческом и современном контексте стал

предметом изучения историков-этнографов, социологов и демографов: М. Рабиновича, М. Шмелевой, А. Анохиной, О. Будиной, Г. Жирновой, А. Вишневого, Б. Хорева, Л. Гордона, З. Янковой. В 1990-е годы появились новые исследования А. Вишневого, а также Н. Козловой, Н. Лебиной, П. Вайля и А. Гениса, Е. Зубковой, Н. Пушкаревой и др., посвященные городскому образу жизни российского общества или советской повседневности. В 2000-е и 2010-е годы российские и зарубежные ученые — Б. Грушин, А. Брусиловская, Н. Козлова, А. Сенявский, Н. Лебина и А. Чистиков, А. Маркевич и А. Соколов, В. Тяжельникова, Е. Осокина, Ш. Фицпатрик, Э. Горсач, И. Утехин, А. Юрчак, О. Гурова, С. Лоувелл, И. Орлов, М. Денисова, Л. Сигельбаум, Н. Журавлева — представили труды, где были разносторонне исследованы советская повседневность и городской образ жизни 1920-х—1980-х годов.

Городской образ жизни характеризуется рядом черт: прогрессирующим разделением труда; усилением роли массовой коммуникации; утратой эмоционально наполненных первичных отношений; стремлением горожан относиться друг к другу инструментально; ослаблением социального контроля; анонимностью социальных контактов (А. Вирт, Г. Зиммель). Советскому городу в конце 1950-х уже присущи все черты индустриального общества и некоторые черты постиндустриального. Это время перехода его культуры от «простоты» к «сложности», от «коллективизма» к «индивидуализму». В то же время, в силу неравномерности социально-экономического развития страны и связи с тем, что города до 1970-х гг. пополняли выходы непосредственно из села, старые городские субкультуры стирались потоком бывших сельских жителей и приобретали налет маргинальности.

Автор исследования делает попытку через художественные образы — глазами сельских жителей — увидеть аксиологику городской повседневности 1950—1980-х годов. С другой стороны, те значения и смыслы, которыми человек наделяет это жизненно-практическое пространство, выявить через взгляд горожан на сельских жителей. Источником для изучения городской повседневности служат культовые тексты советской художественной литературы и кино 1950—1980-х, так как искусство конкретного исторического типа культуры и эпохи обладает способностью целостного отражения действительности, постижения ее сути и глубинного обобщения в художественных образах. Проанализированы повести С. Антонова «Дело было в Пенькове» и В. Аксенова «Коллеги»; роман Ф. Абрамова «Дом»; фильмы «Дело было в Пенькове» С. Ростюцкого; «Отчий дом» Л. Кулиджанова; «Коллеги» А. Сахарова; «Ваш сын и брат», «Живет такой парень» и «Печки-лавочки» В. Шукшина; «Приходите завтра» Е. Ташкова; «Женщины» П. Любимова; «Деревенский детектив» И. Лукинского; «Три тополя на Плющихе» Т. Лиозновой; «Здравствуй и прощай» В. Мельникова; «Сладкая женщина» В. Фетина; «Приезжая» В. Лонского; «И снова Анискин» М. Жарова; «Родня» Н. Михалкова; «Любовь и голуби» В. Меньшова. Так удалось выявить следующие особенности аксиологии городской повседневности.

1. Для горожан быстрый ритм и шум города, постоянная толпа, которые так утомляют сельчан, — привычная среда обитания («Приходите завтра», «Печки-лавочки»).

2. Несмотря на привычную в городе анонимность общения, горожан неприятно удивляет привычка сельчан говорить о присутствующем незнакомом человеке в 3-м лице («Дело было в Пенькове», «Ваш сын и брат»).

3. Горожан, разделяющих межличностные отношения на инструментальные и эмоциональные, раздражает и шокирует стремление сельчан придавать деловым

отношениям эмоциональную окраску, использовать для публичного сведения личных счетов. А сельчан огорчает, что горожане не откликаются на их попытки сделать деловые отношения более эмоциональными («Коллеги», «Дело было в Пенькове», в х/ф «Отчий дом», «Ваш сын и брат», «Родня»).

4. Считая город центром современной культуры, сельчане убеждены, что горожане должны превосходить их в профессиональном образовании. Поэтому с возмущением воспринимают непрофессионализм горожан, особенно тех, кто приезжает в село с контролирующими функциями (в х/ф «Деревенский детектив»).

5. Горожан забавляет деревенская привычка — в проезде прятать деньги в нижнее белье. Но язвительные замечания горожан на этот счет провоцируются неловкими попытками сельчан высмеять свои привычки (в х/ф «Печки-лавочки»).

6. Сельчанин убежден, что «на такую же» зарплату (100–150 рублей) горожанин живет «интереснее» (в х/ф «Печки-лавочки»).

7. Горожане активно занимаются физкультурой и любительским спортом: начав ухаживать за молодой сельчанкой, переехавшей в город, горожанин приглашает ее на каток, но выясняется, что кататься на коньках она не умеет (в х/ф «Женщины»). Сельчане, занимаясь тяжелым физическим трудом, считают: любительский спорт для взрослых — занятие несолидное («Коллеги»). Занятия физкультурой считаются лишними даже для детей: сельский учитель сообщает приехавшей из города учителю географии, что часы по физкультуре пишутся ей, но проводить занятия не надо. Горожанка отрицает такой подход к делу и ведет уроки физкультуры (в х/ф «Приезжая»).

8. Горожане свободнее сельчан в проведении отпуска и активно приобщаются к модному отдыху на южном море, а безвыездно живущая на Оке сельчанка «не каждый год купается» (в х/ф «Три тополя на Плющихе»). У сельчан, при наличии подсобного хозяйства, многодневный отъезд из дома на море или в столицу — случай исключительный (в х/ф «Печки-лавочки», романе «Дом»).

9. Горожане более, чем сельчане, заботятся о безопасности ребенка на улице: городской бабушке по состоянию здоровья трудно гулять с внуком, она предлагает нанять няню, но мать — вчерашняя сельчанка (маргинал) возражает, что платить «за гулянье» — это роскошь и планирует отправить малыша летом в деревню, где он будет гулять самостоятельно (в х/ф «Сладкая женщина»).

10. В отношениях городских и сельских родственников сталкиваются нормы индустриальной и традиционной культуры. Так, дочь-горожанка, закурившая в такси, шокирует мать-сельчанку: ее свободное поведение, обусловленное ослаблением социального контроля и анонимностью общения, нарушает традиционную этическую норму, согласно которой женщина не должна курить (в х/ф «Родня»).

11. Сельчане в середине 1970-х гордятся тем, что «по-городскому» обустроили свой дом: современной мебелью, коврами, хрусталем, бытовой техникой, СМИ. А горожане ценят сельский бревенчатый дом, украшают квартиру старинными предметами традиционного прикладного искусства, коллекционируют его и собирают сельский фольклор, что связано, очевидно, с насыщением модернизацией и массовой культурой (в романе «Дом», в х/ф «Печки-лавочки», «Приезжая», «И снова Анискин»).

Книжная культура советских городов и сел сквозь призму деятельности Всесоюзного общества книголюбов в 1970–1980-е годы

Всесоюзное общество книголюбов ((1974–1992), далее ВОК) было одной из самых массовых организацией позднесоветского периода. К 1989 г. оно достигло рекордной численности — почти 19 миллионов человек. Среди них были представители разных социальных групп, поколений: как горожане, так и жители села. Функционирование Общества книголюбов обнаруживает не только специфику книжной культуры позднего советского общества, но и позволяет выявить ряд характерных черт самого этого общества. «Городское» и «сельское» измерения в риторике и практике ВОК позволяют оценить специфику советского чтения в целом, а также распространения городского формата массовой организации за пределами городской среды. В данном исследовании анализируются составляющие публичного дискурса Общества — публикации в корпоративной газете «Книжное обозрение», опубликованные материалы съездов Общества и др. Еще одним источником является официальная документация ВОК, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (Р-9650 «Всесоюзное общество любителей книги»).

Чтение часто воспринималось исследователями-современниками как преимущественно городская практика. Так, специалисты сектора социологии читателя и библиотек Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, начиная с 1963 года, провели более десятка масштабных исследований, посвященных читательским интересам советского общества. В фокусе их научного интереса были как горожане, так и жители села. Притом уровень читательских практик последних часто оценивался в категориях роста, по отношению ко вторым.

Так, в рамках исследования «Книга и чтение в жизни советского села» (1973–1975) авторы, среди прочего, пришли к выводу, что, несмотря на приближение села к городу по многим показателям, в том числе, по числу выписанных газет и журналов, «разница между городом и деревней в культурном развитии остается еще существенной» [4, с. 7]. Кроме того, в конце 1980-х исследователь Ю. Васюнькин, пытаясь объяснить читательский бум, выдвинул концепт «нового» читателя — культурного мигранта, прибывшего на волне урбанизации конца 1950-начала 1960-х годов «к книжной, и шире городской культуре» [1, с. 106].

Именно на горожан были направлены основные шаги власти в сфере чтения в 1970–1980-е годы: дополнительный анализ спроса, развитие книготорговой сети, макулатурный эксперимент и т. д. На сельскую местность эти меры распространялись в меньшей степени.

ВОК стал проектом, потенциально адресованным всем советским читателям. Несмотря на то, что в учредительных документах организации не делалось особой разницы между работой с «городским» и «сельским» читающим населением, устав Общества содержал свидетельства особого положения колхозов и совхозов среди других организаций. Они ставились в один «привилегированный» ряд с новостройками, библиотеками, школами и стройками БАМа, чьи книжные фонды, требовали дополнительной комплектации печатными изданиями. По мнению руководства Общества, село нуждалось в постоянном особом внимании со стороны ВОК.

Так, в докладе председателя Госкомиздата СССР Б. И. Стукалина во время Учредительного съезда подчеркивалось положение дел на селе: «Надо признать, товарищи, что издатели и распространители литературы пока в большом долгу перед сельским читателем. <..> требуются конкретные меры, которые привели бы к увеличению поставок литературы для села, совершенствования всех форм пропаганды и распространения» [2, Л. 24].

Книга в этом ключе трактовалась как проводник идеологии и сельскохозяйственных знаний. Рядовой в этом отношении являлась реплика, опубликованная в газете «Книжное обозрение» о работе актива книголюбов в сельской местности в Винницкой области УССР в 1983 году: «Мы ставим своей целью превратить сельские первичные организации в настоящих пропагандистов и распространителей общественно-политической и сельскохозяйственной литературы, а через книги — и передового опыта в растениеводстве и животноводстве» [7, с. 14].

Такое толкование сельской читательской культуры обеспечивало обществу книголюбов особую роль проводника городских порядков в деревенской среде. На фоне такой просветительской задачи, в городах у Общества существовали иные ориентиры: возвращение контроля над читателем, снижение накала ситуации с книжным дефицитом.

По замечанию исследователя Ю. Васюнькина, если ранее «новый» читатель «... с готовностью брал на себя роль ведомого, то в ситуации 60–70-х годов (он)..., отказал всем... инстанциям в праве руководить им» [1, с. 106]. В первую очередь, у горожан падал интерес к публичным библиотекам: они не могли удовлетворить возрастающие интересы советских читателей. Поэтому у части читателей, по мнению исследовательницы В. Д. Стельмах, сложился негативный стереотип: «в библиотеке все равно хороших книг не достать» [5, с. 110]. На этом фоне активно росли домашние библиотеки, подбор репертуара никем не контролировался, а спрос, прежде всего, на художественную литературу возрастал.

Дискурс и документация Общества позволяет оценить запланированную для ВОК роль в сложившейся конфигурации: проводника рационального книгопользования, инструмента нормирования и стимулирования читательской среды в границах городов. В этом направлении ВОК пропагандировало три последовательных идеи: соблюдение меры в собирании домашней библиотеки, контроль над репертуаром и обобществление личных собраний. Так, общее правило по количественному наполнению личных библиотек было выражено в следующей формуле: «... существует один общий критерий: библиотека тем лучше, чем меньше в ней книг, которые после прочтения ставятся на полку и больше с нее не снимаются...» [3, с. 5].

Узкое понимание потребностей сельских читателей (только общественно-политическая и производственная литература) вместе с поспевающим характером развития сферы чтения в сельской местности привели к тому, что первичные ячейки ВОК к 1983 году охватили только 33% колхозов и 23% совхозов [6, с. 14]. Тем временем в большинстве городов СССР организации ВОК уже существовали. Поддержка специфического формата массовой организации выглядела на селе менее привлекательным предприятием, в сравнении с членством в Обществе в городе. Статус книголюбца позволял горожанину-читателю не только легализовать свое большое книжное собрание, но и включиться в погоню за новыми изданиями, так как ВОК стал в итоге одним из каналов распределения книжного дефицита. На селе такая опция была, как правило, недоступна.

Литература

1. Васюнькин Ю. *Спешу, пока горит свеча*. М., 1989.
2. *Документы Учредительного съезда ВОК и I Организационного пленума ЦП ВОК, т. 2 (доклад, постановления, списки делегатов)/ГАРФ Ф.Р-9650. Оп. 1, Д. 1.*
3. *Домашняя библиотека книголюбца. Комплектования и хранение. Методическое пособие*. Таллин., 1977.
4. *Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции*. М., 1978. с. 7.
5. *Книга и чтение в зеркале социологии*. М., 1991. С. 110
6. *Книжное обозрение*. 1983. 25 февраля. № 8.
7. *Книжное обозрение*. 1983. 25 марта. № 12.

Е. О. Бобровская

г. Минск (Республика Беларусь), Белорусский государственный университет

Жизнь в глубинке и мегаполисе: трансформации гендерных позиций (на материале дилогии О. Роя «Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево» и «Синдром Атяшево»)

*Москва — она светлая,
от нее нужно отдыхать.*

О. Рой «Синдром Атяшево»

Современные российские писатели, работающие в жанре бытоописательной прозы, презентуют такие взаимоотношения между героями своих произведений, которые наблюдают сегодня в обществе, обществе конца XX — начала XXI в.

Изучение позиции персонажей прозаических произведений в разных сферах жизни (личных отношениях, дружбе, профессии, родителей по отношению к детям и наоборот) в гендерном аспекте с учетом поколения героев представляет богатый материал для размышлений. При исследовании творчества современных авторов, как мужчин, так и женщин (материалом для масштабного исследования послужили тексты таких писателей, как В. Токарева, Д. Рубина, Г. Щербакова, А. Улицкая, М. Трауб М. Веллер, О. Рой, В. Кунин, Ю. Поляков, Е. Гришкoveц), были выявлены наметившиеся трансформации поведения героев в разных сферах [1]. Важнейшие преобразования позиций зафиксированы в дружеских взаимоотношениях, профессиональных и, конечно же, в личных. Конкретные выводы следующие: для современного поколения характерна действенность героини в сфере личных отношений ($70\% \pm 3\%$), которая либо равна, либо ниже активности героя-ровесника ($74\% \pm 3\%$); динамика женщины современного поколения в сфере дружеских отношений, по сравнению с предыдущим поколением снижается, в то время как в мужской дружбе намечается противоположная тенденция; действенность героя современного поколения в профессиональной сфере ($75\% \pm 4\%$) ниже либо равна активности героини-современницы ($75\% \pm 6\%$).

В связи с тем, что персонажами исследуемых нами произведений были городские жители, то весьма интересной становится дилогия Олега Роя, в которой главными героями являются не коренные жители Москвы, а люди, переехавшие в столицу в сознательном возрасте. На этом факте неоднократно акцентируется внимание читателя. Кроме того, читатель имеет возможность наблюдать за изменением поведения мужчин и женщин в столице и у себя на родине.

Композиция произведений довольно интересна: развитие сюжета первого романа происходит в глубинке, на родине главной героини и ее дочери, а действие второго романа сосредоточено в Москве.

На протяжении первой части мы следим за развитием личных взаимоотношений персонажей: матери — дочери, мужа — жены, друзей, а также за встречей и развитием отношений между представителями молодого поколения (Алики и Артема), за поведением наших сверстников (Ивана и Ирины), за свадьбой людей старшего поколения (Игнатия Андреевича и Татьяны Сергеевны), имеющих уже внуков. Второй роман позволяет познакомиться с профессиональной деятельностью героев, с влиянием этой сферы на личные отношения.

Результатом жизни в Москве популярной актрисы театра и кино Ирины Невельской становятся личное одиночество (два развода); распущенность дочери Алики (прожигание жизни в клубах, нежелание учиться, получить какую-то профессию), так как работа не оставляет времени на воспитание; внешне успешная профессиональная деятельность, которая имеет свои подводные камни (приглашений к участию в полнометражном фильме пока нет, а участие в сериалах надоело, в связи с чем героиня отмечает, что «штампует роли, как автомат в общепите наливает кофе в стаканчики» [2, с. 17]). Упоминания о «городских» друзьях Ирины в первой части отсутствуют, а фальшь отношений ее дочери с «подружкой» Викой на фоне настоящей дружбы, зародившейся в деревне, становится очевидной. Жизнь сестры главной героини Ольги, оставшейся жить в деревне, на удивление успешна: у нее любящий и любимый муж, две воспитанные дочери, которые нашли себя в учебе и увлечениях, любимая работа.

Последним средством, которое может помочь наладить отношения с дочерью, Ирина посчитала поездку в отпуск на родину и не ошиблась. Повествование выстроено таким образом, что проблемы, приобретенные в мегаполисе, где «суррогаты чувств стали обыденными настолько, что вытеснили настоящие чувства» [2, с. 13], где «натуральные чувства ... просто недоступны» [2, с. 13], разрешаются в сельской местности.

При налаживании личных отношений женщина современного поколения придерживается активной позиции, а представительница молодого поколения сознательно демонстрирует статичность, намеренно подавляет свою действенность на этом этапе либо же бездейственность возникает сама собой как реакция на определенные события: «в ответ на его предложение встретиться послезавтра написала, что никак не может. — Ладно, тогда как-нибудь в другой раз. Пока, мне надо бежать» [2, с. 233]; «— На танцы завтра придешь? — Не знаю, я еще не решила, — томно протянула Алика и была очень горда собой» [2, с. 192]; «Алика так и не смогла понять, что же выражает лицо Артема» [2, с. 299]. Такая позиция одобрена в авторском отступлении: «В наше время теория, что женщина должна делать первый шаг, возведена едва ли не в культ, а стоило бы иногда и подумать, как оценивают мужчины такую первошагающую женщину. Возможно, как излишне легко доступную? Не в этом ли секрет современной мужской нерешительности? Может, вместо того чтобы самой бежать навстречу мужчине, иногда все-таки следует подождать?» [2, с. 340] И, следует отдать должное автору, такая позиция оказывается выгодной при налаживании отношений между женщиной и женщиной, однако в совместной жизни героиня современного поколения в ключевых моментах активна наравне с мужчиной, что способствует сохранению отношений: «Но как бы то ни было, оба — и Иван, и Ирина — чувствовали, что надо что-то менять» [3, с. 280]; «оба волновались, понимали, что надо выяснить отношения» [3, с. 289], хотя словесно свою позицию героиня презентует как пассивную: «Не могу я тебя отпустить.

Не могу...Ведь я люблю тебя!...Ты уехал, я работать не могу...» [3, с. 290]. И после такой ключевой презентации статичности, Ирина опять активна. А пассивность Алики — представительницы молодого поколения, приводит к разрыву: «Долго продержаться девушка так и не сумела: она начала безутешно плакать» [3, с. 229], ведь парень слушает мнение своих коллег по команде — москвичей: «Нет, не стоит прогибаться под девчонку. Пусть лучше она за ним побегает» [3, с. 232].

Пребывание в городе или в деревне на развитие личных отношений мужчин и женщин, согласно сюжету, влияет следующим образом: зарождение чувств героев всех поколений, налаживание отношений происходит на родной земле. Выяснение отношений в городе приводит к разрыву (у представителей молодого поколения), а разговор по душам в деревне — к примирению (у современного поколения).

Мужчины современного и молодого поколений активны в профессии, однако у современников действенность на работе не препятствует динамике в личных отношениях, чего не скажешь о молодых людях: «он ведь даже не перезванивает, не отвечает на звонки» [3, с. 174], причем такое поведение Артема проявилось только в столице, у себя на родине ему хватало времени и на работу, и на личные отношения. Общая позиция мужчины молодого поколения следующая: «Он не хотел проблем, не хотел брать на себя ответственность» [3, с. 236], в то время как Иван стремился к свадьбе, чем все и закончилось.

Если обратиться к женской позиции, то стоит отметить следующее: для представительницы современного поколения важны роли матери, возлюбленной/жены и профессионала своего дела: Ирине Невельской «хотелось быть самой талантливой, самой лучшей матерью и самой счастливой женщиной» [3, с. 179], чего она и добилась. Однако приоритет героиня оставляет за личными отношениями: «Самое главное — это семейный тыл» [3, с. 33]. Представительница молодого поколения может быть активна и в учебе, и в личных отношениях.

Литература

1. Бобровская Е. О., *Синтаксическая модальность как отражение гендерной позиции в современной русской прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02/Е. О. Бобровская; БГПУ Минск, 2017.*
2. Рой О. *Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево/О. Рой. М.: Эксмо, 2014.*
3. Рой О. *Синдром Атяшево/О. Рой. М.: Эксмо, 2017.*

Т. В. Шершинева

г. Минск (Республика Беларусь), Белорусский национальный технический университет

Специфика адаптации сельской молодежи к условиям обучения в столичном вузе

Профессиональное становление личности во многом зависит от того, как долго и с какими затратами происходит процесс адаптации к условиям обучения в вузе и жизни в динамичной городской среде. Под социальной адаптацией обычно понимается процесс изменений социальных, социально-психологических, морально-психологических, экономических, демографических отношений между людьми, приспособление к социальной среде. Психологическая адаптация, возникающая в ответ

на значительную новизну окружающей среды, запускает мотивацию адаптивного поведения человека, формирование целей и программы поведения.

Адаптация студента — это процесс приведения основных параметров его социальных и личностных характеристик в соответствие с новыми условиями вузовской среды, включающий ряд этапов. На подготовительном этапе происходит профессиональное самоопределение абитуриентов и формирование начальной психологической базы для преодоления трудностей первого периода адаптации к обучению. Ориентировочный этап связан с усвоением действующих норм, правил и подчинением их требованиям. На третьем этапе происходит адаптация к особенностям и требованиям, обусловленным выбранной специальностью, а также к учебной студенческой группе, происходит сближение целей и ценностей группы и индивида, входящего в нее, усвоение и интерпретация им групповых норм, включение в ролевую структуру группы. Далее первокурсник за счет уточнения знаний о специфике выбранной специальности осуществляет первичную оценку правильности профессионального самоопределения и поведения в группе. В исследовании С.Ю. Басовской выделяется три стадии адаптации студента: 1) автономизация характеризуется тем, что первокурсник противопоставляет себя среде; 2) идентификация предполагает включение первокурсника в систему окружающей вузовской среды; 3) интеграция достигается тогда, когда студент ощущает себя элементом системы образовательного пространства вуза [2, с. 7–9]. Критерии успешности адаптации студентов подразделяются на объективные (успеваемость, показатели общественной и научной активности, общей и профессиональной направленности, стабилизация свойств внимания, памяти, мышления) и субъективные (отношение к учебным предметам, выбранной профессии) [4, с. 60–68].

Однако адаптация студентов, проживавших до поступления в вуз в сельской местности, имеет ряд специфических особенностей. В исследовании Е.Б. Алексеевой проводится анализ причин, затрудняющих адаптацию сельской молодежи, и указывается на необходимость создания субъект-субъектного взаимодействия, направленного на формирование открытой образовательной среды, способствующей приобретению сельской молодежью опыта успешной социальной адаптации [1]. Субъективно переживаемые затруднения во многом обусловлены тем, что адаптация к обучению в университете для сельской молодежи совмещается с адаптацией к городскому образу жизни, радикально меняющему способы жизнедеятельности. На это указывают результаты проведенного на базе столичных технических вузов исследования. Большинство первокурсников проживают в общежитии или снимают квартиру (78,2%), из них 69,8% испытывают трудности в социально-бытовой адаптации. На это влияют материальные проблемы. Стеснены в средствах 12,7% студентов, 34,5% студентам хватает денег на скромное питание и недорогую одежду, 45,5% могут позволить себе хорошее питание и одежду, 5,5% приобретают вещи длительного пользования, только для 1,8% респондентов доступна покупка дорогих вещей. 50,9% респондентов разочарованы в вузе. Наибольшие адаптационные трудности связаны с учебным процессом: 60% испытывают дефицит времени для подготовки к занятиям; 40% испытывают трудности в понимании учебного материала, 36,4% боятся отвечать, 32,7% указывают на недоступность необходимой литературы. Познавательные мотивы преобладают лишь у 16,4% студентов, 7,3% учатся потому, что этого требуют родители, 65,4% — потому, что это необходимо для будущего, 9,1% равнодушны к учебе, 1,8% хотят оставить обучение.

Трудности адаптации у сельской молодежи возникают и в межличностных отношениях при их высокой значимости в юношеском возрасте: испытывают затрудне-

ния в общении со сверстниками 50,9% респондентов, с преподавателями — 34,5%. При этом студенты полагают, что трудности в общении связаны с их застенчивостью (27,3%), боязнью получить отказ (27,3%), отсутствием инициативы со стороны партнера по общению (14,5%), а также с неумением начать отношения (12,7%). Дополнительное исследование причин коммуникативных затруднений выявило низкую самооценку (37% испытуемых недовольны собственными способностями, достижениями, внешностью) и зависимость от виртуальной реальности (34% испытуемых, причем интернет-аддиктов среди юношей значительно больше) [3].

Таким образом, переход к новым условиям обучения, к городскому образу жизни является сложным адаптационным процессом, нарушение которого отражается на психологическом состоянии и здоровье студентов, на их личностном развитии и эффективности профессиональной подготовки. Профессиональная направленность, уровень усвоения содержания и способов выполнения деятельности, а также формирования профессионально важных качеств личности напрямую зависит от успешности адаптации. Это дает основание отнести проблему психологической поддержки студентов-выходцев из сельской местности в период адаптации к обучению в вузе и к условиям жизни в городе к числу наиболее актуальных проблем высшей школы. Очевидна необходимость психологического сопровождения данной категории студентов. Психологическая служба университетов, преподаватели и кураторы учебных групп должны осуществлять работу по предупреждению, выявлению и коррекции социально-психологической дезадаптации сельской молодежи. Результат этой работы будет влиять на успешность учебно-профессиональной деятельности, формирование положительного самоотношения и отношения к деятельности, а также субъективной удовлетворенности выбором профессии.

Литература

1. Алексеева, Е. Б. Социальная адаптация сельской молодежи к получению высшего технического образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук/Е. Б. Алексеева. М., 2003.
2. Басовская, С. Ю. Адаптация студентов на начальном этапе профессионально-педагогической подготовки//Педагогические проблемы становления субъектности школьника, студента, педагога в системе непрерывного образования: сб. науч. и метод. тр. Вып. 5: в 3 ч./под ред. Н. К. Сергеева, Н. М. Борытко/С. Ю. Басовская. Волгоград: Изд-во ВГИПКРО, 2002. Ч. 3. С. 7–9.
3. Шершинева, Т. В. Трансформация личности при развитии зависимости от виртуальной среды/Т. В. Шершинева, И. И. Дроздов//Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2017. № 5. С. 262–269.
4. Яницкий, М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе//Вопросы общей и дифференциальной психологии/М. С. Яницкий. Кемерово, 1997. С. 60–68.

И. В. Кузнецов

г. Краснодар, Кубанский государственный университет

«Феминизация» и «урбанизм» по-чукотски (сиренинские эскимосы)

Население Чукотского автономного округа, площадь которого примерно в 7 раз больше территории Нижегородской и Московской областей вместе взятых, составляет менее 50 тыс. чел., 31,6% его проживает в чукотской столице (примерно то же

соотношение, что и в Нижегородской области с Нижним Новгородом). Среди нас. пунктов, за пределами Анадыря, в одной из самых редконаселенных зон, до сих пор сохраняются два т.н. национальных поселка, считающихся эскимосскими — Сиреники и Новое Чаплино. В основу исследования положены полевые материалы, собранные в первом из них летом 2017 г. группой исследователей под руководством автора.

На XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2017) проходила презентация книги — плода почти полувекового изучения азиатских эскимосов И.И. Крупником и М.А. Членовым. Название ее («Yupik Transitions») явно указывало на драматический перелом в жизни юпик, которые в советский период прошли через коллективизацию, означавшую разрушение социальной структуры и основ природопользования, волну закрытия поселков пограничниками, наконец, физическую депопуляцию и исчезновение языков. В действительности тоже можно было бы сказать и о конфигурации развития теоретических взглядов самих авторов книги, особенно И.И. Крупника, сложившегося как ученый еще в СССР, а теперь успешно работающего в США.

Еще в статье 1979 г., посвященной анализу социальной организации азиатских эскимосов, упомянутым тандемом был сделан вывод о наличии у них трех уровней: племени («под «племенем» мы понимаем не какую-либо специфическую форму социальной организации, подобную, например, ирокезской, а определенную стадийную форму этнической общности»), клана («патрилинейный семейно-родственный коллектив», а не «экзогамный род») и линиджа («унилинейную группу, ведущую свое происхождение от одного реально существовавшего предка <...>, но не осознаваемую ее членами в качестве самостоятельной социальной единицы»). Даже если принять во внимание перечисленные оговорки, все равно видно, что выстроенная таким образом система подразумевала базовый концепт универсальной родоплеменной организации в качестве отправной точки. Тем не менее, позднее, работая уже в Смитсоновском институте, И.И. Крупник, как добросовестный исследователь, обнаружил свои и Членова полевые материалы, из коих следовало, что сами их информанты вовсе не склонны были так сложно и упорядоченно описывать свое общество, ср. (Сергей Муми, Сиреники, 1975 г.): «Нет по-эскимосски слова «племя». У нас только по селам говорят — откуда ты родом. <...> А спросить: какого «рода» (рамки) [заимствование из чукотского языка — авт.] человек, наверное, у нас нельзя. Не спрашивают обычно, я таких слов не знаю».

Но в своих комментариях к указанным интервью Крупник продолжал настаивать на правильности взгляда, сформировавшегося еще в 1970-х, в ходе его первых четырех экспедиций с Членовым на Чукотку. И только, будучи уже полностью интегрированным в западную науку, давно отринувшую социологические построения, основанные на раннем эволюционизме, он существенно скорректировал свою позицию. Именно это и отражено в тексте итогового труда. Прежде всего, его авторы остроумно предложили развести, с одной стороны, исследовательские модели («конечные, социальные модели в реальности не существуют»), а с другой — «интерпретацию социальной системы самим коренным населением». К первым они отнесли трехуровневую систему, которой придерживались ранее, под последней же подразумевали куда более гибкую, выраженную непосредственно в языке изучаемого населения, т.н. азиатском юпик. В нем нет обозначения линиджей вообще, но для их названий используется суффикс -kut. Еще один формант, — miit, служит для образования названий т.н. locusов, или «групп пережившихся линиджей». Примечательно также и то, что еще более ранние поколения советских этнографов вовсе не ощущали избыточность предложенных ими

моделей, видя в аморфных социальных институтах у юпик то состояние зарождения родовой организации (В.Г. Богораз), то пережитки материнского рода (С.И. Руденко), а то и экзогамный отцовский род (Г.А. Меновщиков, Д.А. Сергеев). В противовес этому в последние десятилетия либо констатируют (А. Керттула), что ядром социальной организации у юпик является все-таки простая семья, либо приходят к выводу (Д.А. Опарин), что клановая структура у них просто исчезла.

По нашим собственным данным, сиреникские эскимосы (сыг'иньг'мит) действительно радикально поменяли в последние полвека свой этнокультурный и даже генетический облик. Из-за коллапса советской системы хозяйствования, незанятости и пьянства, более всего ударивших по мужчинам, их в качестве глав домохозяйств начали фактически замещать женщины. Пресловутый обмен женами, рассматриваемый сегодня как проявление «дикости», инвертировался в своеобразный «обмен» мужьями — многие эскимоски в Сирениках выходили замуж дважды или трижды, и одним из избранных, как правило, становился «русский» (который мог оказаться также татарином, латышом и проч.). Дети от таких смешанных браков, если оставались в селе, продолжали идентифицировать себя эскимосами, рассчитывая на льготы от получения статуса коренного малочисленного населения Севера. Их же отцы «креолизировались», включаясь в бесконечные поминальные циклы местных, употребляя квашенное китовое и моржовое мясо на их лад и став членами ТСО (территориально-соседских общин), в которые с некоторого времени власть пытается организовать северные народы. В итоге сиреникские эскимосы превратились в смешанную популяцию с русским языком и зачастую соответствующими фамилиями (Акбердины, Алексеевы, Веселовы, Старцевы и др.), но с отчетливой эскимосской идентичностью.

Сегодня в Сирениках больше никто не занимается видами деятельности, которые можно было бы назвать сельскими. Среди мужчин царят повальный алкоголизм и безработица, а те, кто еще занят, работают сторожами, котельщиками и проч. Делаются шаги по поддержанию традиционного «морзверобойного» промысла, но он носит сезонный характер. В больнице, школе, библиотеке и двух магазинах работают женщины, женщина возглавляет в Сирениках ТСО, объединяющую китобоев, а другая является местным уполномоченным главы администрации Провиденского района. По признанию одного из жителей, все держится на 5–6 женщинах, которые еще трезвы. Становится понятным, какого рода эмансипация стоит за женским активизмом в деле сохранения коренного малочисленного населения в целом ряде мест российского Севера.

Литература

1. Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970-е гг.)//*Советская этнография*. 1979. № 2.
2. Опарин, Д. А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015.
3. Пусть говорят наши старики: рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1977–1987 гг. /под науч. ред. И. И. Крупника. М.: Институт Наследия, 2000.
4. Kerttula, Anna M. Antler on the Sea: The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000.
5. Krupnik, Igor; Chlenov, Michael. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15–18–00008). Организация, через которую осуществляется финансирование — Кубанский государственный университет

Оленеводы в советском городе: Якутск и «Гости с тундры»

Якутск — административный и культурный центр Республики Саха (Якутия), один из старейших городов Сибири и Дальнего Востока, основан в 1632 г. Именно в советский период Якутск разросся и превратился в большой город: в 1939 г. жителей в нем было около 53 тыс. чел., а к 1985 году население города достигло 175 тыс. чел. В настоящее время в нем проживает более 311 тыс. чел., что составляет практически треть населения Якутии — крупнейшего по территории субъекта Дальневосточного федерального округа.

Город Якутск притягивал мигрантов из сельской местности весь XX в. Урбанизационные процессы наиболее четко обозначились в эпоху позднего социализма [1]. Невысокий уровень жизни в сельской местности, отсутствие элементарного комфорта в советских селах Якутии обуславливали миграцию селян в города и рабочие поселки. Мы сравнивали опубликованные и архивные данные по 1970–1980-м годам о процессах урбанизации и внутри республиканской миграции с материалами, собранными в начале 2000-х гг. в столице республики. Обнаружилось, что доминирующая идея миграции из села в город осталась прежней: «поиски лучшей доли». Но, бесспорно, содержание и масштабы миграции видоизменялись [2].

Нами изучалось восприятие столичного Якутска женщинами и мужчинами — мигрантами из села [3]. Женщины из национальных сел: якутки, эвенкийки, эвенки и другие, приезжали в советский Якутск часто с целью получить образование. При этом многие девушки и молодые женщины рассматривали город как средоточие культурной жизни, как ресурс для профессионального и личностного роста. Учебные заведения Якутска также расширяли брачный рынок для сельских девушек, особенно для уроженок небольших отдаленных сел. Возможность «выйти замуж за городского» была еще и шанс закрепиться в городе. Большинству молодых мужчин учеба и повышение квалификации в Якутске также давало возможность подняться по социальной лестнице у себя на малой родине. Советская система трудоустройства выпускников обеспечивала достаточно высокий процент возвращения молодых специалистов в сельскую местность. Город воспринимался не как пространство, а как определенный этап жизненного времени.

Еще более кратковременным было и плановое (летнее, отпускное и т. п.), или вынужденное (медицинское обследование, лечение) пребывание в Якутске жителей национальных сел. Если колхозники в Якутск могли попасть только по особому случаю, то в интересующий нас период 1970–1980-х гг. рабочие совхозов уже могли себе позволить поездки в столицу республики по личным делам. Кроме решения вопросов здоровья (получение стоматологических и других услуг), целью поездки в город были покупки необходимых семье и хозяйству вещей. Хронический дефицит школьных принадлежностей и детской одежды породил даже специфический вид сезонного заезда селян в город: жители, преимущественно женщины, ближних районов практиковали особый шопинг, приуроченный к открытию учебного года.

Для жителей арктических сел посещение Якутска было менее доступным как по материальным, так и другим причинам. Стоимость авиабилетов в отдаленные районы Севера Якутии была и осталась очень высокой. Погодные условия, сезонные

трудности в коммуникациях также препятствовали регулярным сообщениям. Для простых рабочих совхозов Арктики поездка в столицу означала большой вызов: нужно было прервать промысловый и оленеводческий сезон, «угадать» погоду и сроки планируемых в городе дел. Неудивительно, что для оленеводов и охотников из арктических сел поездка в Якутск была событием нередковым.

Город был местом, где можно было осуществить свои нереализованные на селе социальные права и потребности. Интересно, что если студентки и учащиеся девушки рассматривали Якутск как культурный ресурс с матримонциальными возможностями, то условно они же, вернувшись в родное село, воспринимали Якутск больше как место, где можно воспользоваться социальным сервисом. В изученных нами историях жизни женщин, чья молодость приходится на 1970–1980-е гг. постоянно присутствует сюжет приезда в город «для медицинского обследования», «для покупки дефицитных вещей: от краски для полов до детских вещей» и т.п. Для жительниц арктических сел Якутск также был местом «исполнения желаний»: обследовать себя или ребенка, решить сложные житейские проблемы — получить правовую консультацию.

В письмах сельских жительниц тех лет часто встречается и формулировка «Однокурсница-горожанка живет лучше и легче (комфортнее)». В свою очередь горожанки также оценивали сельских жительниц. Нами были рассмотрены часто встречавшиеся высказывания в адрес приезжающих, в которых нельзя не заметить общий снисходительный тон. Напр., «Очень устали, у нас гостили сельские родственники (друзья) из глубинки», «Было прямо нашествие — человек пять, как они могут так ездить, кочевники, одним словом». У горожан на якутском языке существовал термин «тыалар» для обозначения именно сельских жителей, дословно означающий — «жители лесов».

Таежные и тундровые жители 1970–1980-х гг., новоприезжие в город или приехавшие на небольшой срок, даже внешне выделялись на улицах Якутска. Сельского жителя на столичной улице было видно и по манерам, поведению в многолюдных местах. Возникал и языковой конфликт: лица старшего и пожилого возраста в силу отсутствия практики затруднялись в восприятии беглой русской речи, даже если владели письменным русским языком. Также именно выходцы из отдаленных арктических сел, мужчины и женщины, непривычные к оживленному транспортному движению, к городскому повседневному криминалу (карманные воров, грабители и т.д.), нередко становились жертвами ДТП или уличных преступлений.

Кроме опасностей, Якутск предстал перед жителями отдаленных арктических сел местом мало привлекательным для проживания. По устным источникам можно выявить следующий круг замечаний о городской среде жизни: «Много шума», «Запах бензина на улицах», «В домах воздух сухой и спертый», «Многоэтажные дома неуютные». При этом оленеводы и охотники тонко чувствовали обыденное снисходительное отношение к себе: «Мы понимали, что мы в этом каменном городе чужие», «На нас смотрели как на отсталых, смешных существ». Разница в качестве жизни, разрывы в степени комфорта и развития сервиса порождали зримую дистанцию между «олeneводами», как насмешливо называли всех жителей арктических сел, и горожанами советской Якутии.

Литература

1. Аргунов И. А. *Социальное развитие якутского народа: Ист.-социол. исслед. образа жизни.* Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1985.

2. Сукнева С. А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия)//Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 62–77.

3. Здесь и далее — полевые материалы автора за 2008–2009 и 2016–2018 гг.

В исследовании использованы результаты проекта РФФИ №№ 17–11–14003

А. Б. Федулова

г. Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

Семейные ресурсы и проблемы многодетных семей, проживающих в сельской местности (на примере Архангельской области)

Согласно переписи населения число семей с тремя и более детьми непрерывно сокращалось, начиная с 1950-х годов. С 1980 года начался постепенный рост рождаемости, в том числе и увеличилось количество семей, имеющих троих и более детей, что подтверждает перепись населения 1989 года, доля многодетных семей составляла 2310581. Далее наступил длительный период социально-экономического кризиса, который сопровождался низкими показателями рождаемости в целом, в том числе уменьшением семей с тремя и более детьми, в 2002 году — 1143980, а в 2010 году — 1005294 [2].

На сегодняшний день в России наблюдается тенденция к увеличению числа многодетных семей. По данным на 1 января 2017 года доля многодетных семей составила 1 млн. 250 тыс., что превысило количество данных семей согласно последней переписи населения 2010 года на 25%. В Архангельской области также наблюдается положительная динамика, так по сравнению с 2010 годом количество многодетных семей возросло на 63%, по данным на 1 января 2017 г. троих и более детей воспитывают 9515 семей [1].

Вследствие этого необходимо не просто сохранять положительную динамику рождаемости, но и обеспечить благоприятные условия для увеличения численности семей с тремя и более детьми. Материальная и моральная поддержка многодетных семей, создание оптимальных условий для жизнедеятельности семьи будет способствовать сохранению традиционных семейных ценностей, и, как следствие, решению демографической проблемы.

В сельской местности многодетная семья часто сталкивается с рядом проблем как средового, так и ресурсного характера, что проявляется в ее функционировании в обществе. Сегодня в центре внимания исследователей находится изучение семейных ресурсов, так как активизация и развитие собственного потенциала семьи силами социальной работы носит актуальный характер и является инновационной практикой решения проблем семьи.

В 2017 г. в Архангельской области был проведен социологический опрос, направленный на изучение семейных ресурсов и проблем многодетных семей, проживающих в сельской местности (Архангельская область, Холмогорский район). Всего методом анкетирования было опрошено 70 многодетных семей.

В ходе исследования были выявлены основные проблемы многодетных семей региона: проблемы материального характера (69%), жилищно-бытовые (51%), проблемы организации отдыха детей (41%), проблема трудоустройства родителей (24%), про-

блемы в сфере здравоохранения (26%) и распределения обязанностей в семье (13%), проблемы психолого-педагогического характера (14%).

Рассматривая внутренние ресурсы многодетных сельских семей, можно отметить, что среди опрошенных семей преобладают многодетные семьи с тремя детьми (69%), это отражает ресурс целостности и полноценности. Практически все семьи считают свою семью дружным коллективом (79%), что свидетельствует о наличии ресурсов заботы и взаимопомощи.

Немаловажным внутренним ресурсом семьи является трудовой и профессиональный потенциал родителей. Так, 70% опрошенных респондентов имеют профессиональное образование, 30% — среднее образование. Большая часть семей имеют профессиональную занятость (54%), остальные, в силу обстоятельств (например, нахождение матери в декретном отпуске (3%)), имеют одного работающего члена семьи (33%), 10% не имеют трудовой занятости.

К внутренним ресурсам семьи также относятся общесемейные ресурсы, которые принято делить на материальные (доход, жилье и другие материальные ценности) и духовные. Говоря о доходе семей, можно увидеть, что основная часть семей имеет доход в размере 10–30 тысяч рублей, что в целом указывает на низкий материальный потенциал многодетных семей, проживающих в сельской местности. 34% многодетных семей имеют съемное жилье, 27% — собственное, 24% — муниципальное, 15% проживают с родителями.

Анализируя внешние ресурсы многодетной семьи, мы выявили, что формальными социальными ресурсами поддержки многодетных семей, проживающих в сельской местности, являются: отделение социальной защиты (69%), школа (40%), специалисты: социальный педагог (17%) и психолог (3%). Внеинституциональные внешние ресурсы семьи представлены кровно-родственными связями. Так, можно отметить, что практически все семьи (91%) взаимодействуют со своими родными, что в сельской местности играет немаловажную роль.

К внешним ресурсам также можно отнести коммерческие ресурсы (сфера потребления и услуг), ориентированные на семью. Стоит отметить, что большая часть опрошенных многодетных семей получают в той или иной мере основные образовательные услуги, меньше отмечено получение медицинских услуг (53%). При этом семьи указывают на то, что не могут обратиться к более узким квалифицированным специалистам в условиях сельской местности. Рынок социальных и психологических услуг вообще отсутствует во многих поселениях. А для некоторых семей данные учреждения находятся в удаленном доступе (26%), что требует поиска возможностей для получения данных услуг.

Как показали результаты исследования, многодетные семьи отметили низкую удовлетворенность относительно поддержки со стороны государства, что свидетельствует о недостаточности институциональных внешних ресурсов семьи. Удаленность социальных служб от сельских поселений не позволяет семье оперативно получать информацию и использовать возможности, предусмотренные законодательством. Учреждения социальной сферы Холмогорского района находятся на значительном расстоянии от большинства поселений, что делает их недоступными для многодетных семей.

Если говорить о неформальных ресурсах многодетных семей, то в большинстве населенных пунктов нет клубов и сообществ для родителей с детьми, это отметили 69% опрошенных. При этом почти половина семей (44%) готовы организовывать данные

объединения и активно в них участвовать, что свидетельствует о возможном потенциале данных семей, который нужно активизировать силами социума и социальной работы как профессиональной деятельности.

В целях развития сельских поселений и активизации ресурсного потенциала, актуальным является вопрос о формировании предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства, досуга, спорта и т.д. Так, исходя из исследования, мы выяснили, что большая часть опрошенных семей (56%) считают, что предпринимательская деятельность может дать семье ресурсные возможности, 37% отмечают, что только частично, а 7% семей считают предпринимательство на селе убыточным делом. Однако заниматься данной деятельностью многолетние семьи в основном пока не готовы (50%), 19% затруднились с ответом и только 31% указали на готовность заняться предпринимательством, но им нужны профессиональные знания и финансы для его реализации.

Таким образом, у многолетних семей, проживающих в сельской местности, присутствует множество проблем связанных с трудоустройством, организацией отдыха детей, в сфере медицины и психологии, но ведущими выступают материальные и жилищно-бытовые проблемы, а для их решения следует подключать как внутренние, так и внешние ресурсы семьи. В связи со спецификой исследуемого района, роль внешних ресурсов, вкладываемых в развитие и поддержку семьи, ограничена, но можно предположить, что данные семьи обладают большим внутренним потенциалом, который может помочь им в преодолении экономических и иных трудностей, путем частично самообеспечения и самозанятости.

Литература

1. Мабудов Р. Что изменилось для многолетних семей Поморья? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://29.ru/text/news/256604679467008.html> (дата обращения 18.05.2017).

2. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]//Демоскоп. 2017. № 729–730. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=7> (дата обращения 09.06.2017)

Е. М. Красавина

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Городская и деревенская банная традиция: сходства и различия

Для современного городского жителя баня уже не является необходимостью: вполне комфортно можно вымыться дома в ванной. Однако большое количество горожан продолжают ходить в баню поодиночке, с друзьями или семьями. В связи с этим возникает вопрос, зачем современные городские жители посещают баню? Если для деревенского жителя баня — условие повседневной жизни (другого места для мытья в деревне нет), то для жителей городов баня в большей степени становится местом отдыха и досуга. Цель доклада — показать изменение восприятия пространства бани по мере переезда деревенских жителей в города на примере жизни провинциального города Ленинградской области.

Переезжая в город, люди оказываются в специфической для жизни среде, но это организация разительно отличается от организации жизни в деревне. Так, функции одного пространства оказываются распределены иначе, что можно проследить на при-

мере пространства бани. В связи с вынужденным переселением из деревни, где баня была либо пристроена к дому, либо находилась непосредственно на участке возле дома, в новые блочные высотные дома люди вынужденно меняли свои привычки и вместо частной бани начинали посещать общественную. Даже те, кто имел ванную, все равно хотя бы раз в неделю ходили в городскую баню.

Важно заметить, что городские бани по определению — общественные, причем разделение на мужские и женские залы для мытья производилось по-разному, а в некоторых банях такие разделение и вовсе отсутствовало. Таким образом, люди, привыкшие к небольшому, но частному пространству своей бани, имели выбор: использовать маленькую, но личную ванную в квартире или ходить в городскую баню. Что удивительно для современного исследователя, большинство предпочло ванной комнате «помывочную» общественной бани. Этому выбору, возможно, способствовало стремление человека сохранить привычную практику мытья, традицию париться, восприятие которых в городской квартире, разумеется, невозможно.

Замечательно, что предпочтения связаны не только с привычкой к бане, но и с представлениями, что мыться в бане полезнее для здоровья. В разговорах с женщинами, которые приезжая из деревни в город, продолжают ходить в баню, часто звучит противопоставление «бани» и «ванной», как пространств теплого и холодного. Таким образом, женщины предпочитают ходить в баню в городе для поддержания здоровья или даже лечения (парения, втирания масел и проч.). Заметим, что в деревне баня воспринимается и как полезное, очистительное, придающее силы пространство, и как опасное, требующее соблюдения определенных правил поведения. Для городских жителей пространство бани перестает восприниматься как опасное, населенное инфернальными существами, однако также требует соблюдения целого ряда правил и табу.

К тому же посещение общественной бани редко совершается в одиночку. А те женщины и мужчины, которые отправляются в баню по одному, часто встречаются там своих знакомых, коллег, родственников или завязывают общение с незнакомцами. То есть городская общественная баня становится местом общения, коммуникации, обсуждения последних новостей, обмена сплетнями (например, в ситуации наличия в маленьком провинциальном городе только одной бани). Функция коммуникативной площадки в этом смысле менее свойственна деревенской бане, однако передача опыта в процессе коммуникации происходит как в деревне, так и в городе.

Баня как место магических и ритуальных практик фигурирует в деревенской культуре особенно ярко: в банях лечат, заговаривают болезни, рожают, моют новорожденных, расплетают косу невесте, гадают. Эти функции бани в городе оказываются распределены между разными пространствами: больницей, роддомом, городской квартирой, ЗАГСом и т. п. Это означает, что магические практики в большей степени перестают связываться с банным пространством и переносятся на другие места и институты. Исключение составляют практики лечения, которые продолжают сохраняться и воспроизводиться в городских общественных банях. В этом случае, как правило, в общественной бане существует банщица или банщик, местный знающий, который может научить «правильно» париться и который часто умеет лечить и заговаривать болезни. Передача опыта от более опытных банщиков к менее опытным в ситуации городской бани может совершаться не только внутри малой группы, например, женщин одной семьи, но и между людьми малознакомыми или вовсе незнакомыми, но моющимися в одной городской бане. Таким образом, городская баня принимает на себя

функцию консолидации малых групп в большее сообщество, что особенно важно для небольших провинциальных городов.

Особенной для города является современная практика отдыха в бане, которая в деревне не представлена. Баня в городской среде, потеряв значение необходимого для повседневной жизни места, становится развлекательным пространством, выполняющим в первую очередь роль специфической коммуникативной площадки.

Литература

1. Адоньева, С. Б., Олсон, Л. *Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины*. М.: НЛО, 2016.
2. Богданов, И. А. *Три века Петербургской бани*. СПб: «Искусство-СПб», 2000.
3. Серто, Мишель де *Изобретение повседневности*. 1. *Искусство делать*/Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовиной. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
4. Скотт, Дж. *Благими намерениями государства*/Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчиновой. М.: «Университетская книга», 2005.

Е. В. Самойлова

г. Санкт-Петербург, СПбГК

Дачницы? Городские крестьянки из Бокситогорского района Ленинградской области

Феномен российского дачничества сохраняет свою притягательность для отечественных и зарубежных исследователей на протяжении последних десятилетий — М. Caldwell, S. Lovell, P. Deotto, О. Малинова-Тзиафета, И. Чеховских, Е. Полухина, А. Касаткина и др. Исследователи отмечают существенные изменения самих понятий дача (функциональность, статус, территория), дачники, прослеживаемые на протяжении пяти столетий (XVII — н. XXI в.). В современном представлении под дачей понимается загородный дом с земельным участком, используемый владельцами-горожанами в летнее время (дачники — горожане). А дачников характеризует «вовлеченность в практики и поддержание неформальных, но существующих правил дачи как пространства с особым социальным порядком» [Полухина 2014, 27].

На мой взгляд, в отношении деревенских дач, данное определение верно лишь отчасти, и касается тех случаев, когда деревенские дома с земельными наделами приобретаются горожанами, не проживавшими ранее в этих местах и не имевшими родственных связей с местным населением.

Вопрос возникает, когда тот же термин используют при характеристике коренных жителей, покинувших на несколько десятилетий отчий дом, но в пенсионном возрасте вернувшихся в родные пенаты. Такие «дачники» живут «на два дома» — сельский и городской, причем, в последнем проводят почти вдвое меньше времени (4–5 месяцев), перемещаясь в более комфортные условия для зимовки. С началом весны перебираются в деревню, где придерживаются усвоенного с детства уклада сельской жизни: занимаются огородничеством, садоводством, собирательством, участвуют в коллективных трудовых практиках и ритуалах. Сезонные заготовки служат основой пищевого рациона и обеспечивают потребности пенсионеров, а нередко и детей, внуков в качественных продуктах — зелени, овощах, ягодах, грибах, фруктах, лекарственных травах. Существенным подспорьем в системе жизнеобеспечения таких хозяйств служат

пенсионные выплаты, которые используются для содержания городского и сельского жилья, оплаты социальных услуг, транспорта, приобретения промтоваров и недостающей части продовольствия.

В рамках устоявшихся в отечественной науке определений культурно-хозяйственных типов (М. Левин, Н. Чебоксаров, Р. Итс, Ю. Бромлей, Г. Марков) такой способ ведения хозяйства наиболее соответствует понятию о полуседелом образе жизни, предполагающем два перемещения в году при наличии постоянного сезонного жилища — зимнего и летнего. Само же перемещение в места, где прошли детство и юность, можно рассматривать в контексте возвратных миграций.

Случаи возвращения коренного населения пенсионного возраста неоднократно фиксировались в период проведения полевых работ (работа в Бокситогорском районе проводилась ежегодно с 2005 по 2017 г., для тезисов отобраны ПМА, собранные в Анисимовском с/п, 2014–2015). Большинство из них женщины в возрасте 60–75 л., остановившие выбор на системе хозяйствования с сохранением городской прописки и жилья, (сторонники полуседелого образа жизни), но встречались и те, кто проживал круглогодично. Мужчины такого возраста — редкость, в д. Калинец «один на всю деревню остался». Недостача мужских рук компенсируется ситуативной помощью родственников: сыновья, внуки, зятья, помогают при распахке земли, посадке/уборке картофеля, переездах, проведении строительных работ и пр.

В силу сложившихся причин, большинство информантов этой социовозрастной страты — городские крестьянки или сельские горожанки: женщины «с сельскими корнями», с опытом городской и деревенской жизни. Многие приезжают из расположенного поблизости Пикалева, реже — из Санкт-Петербурга, Тихвина, Бокситогорска, владеют недвижимостью в городе и в селе.

Сотрудники администрации и жители деревень с постоянной пропиской называют их дачниками, подчеркивая отчужденность от территории, тогда как сами «дачники» непременно упоминают о значимости давних связей с домом, землей, людьми — «родительское все у нас», «дома-то родительские — свои, калинецкие» [д. Калинец]. Переезд в город в поисках лучшей жизни, одна из причин, по которой уезжала молодежь в 60–80-е гг. XX в. — «всем хотелось уезжать, всем хотелось в город, любыми путями». В 90-е бежали от безысходности и разрухи: «я бы и жила в деревне, но <...> тут не было ни работы, ничего. Просто вынуждены были уезжать» [д. Гагрино].

Отъезд не означал разрыв (с территорией, населением), поскольку родственные связи поддерживались, а относительная близость позволяла приезжать в дни семейных торжеств и календарных праздников, по случаю похорон или поминок, в отпуск, на выходные, за ягодами/грибами, для оказания необходимой помощи в хозяйственных практиках и др. Немаловажную роль в поддержке семейно-родственных отношений играл экономический («пищевой») интерес: хорошим подспорьем служили продукты, полученные из закровов родительского дома. Старшие родственники оказывали помощь в воспитании детей/внуков.

ПМА позволяют рассматривать переезд в город как начало нового жизненного этапа с опытом ведения хозяйства на два дома (родительский — деревенский и свой — городской), при сохранении родственных и территориальных (экономических, социокультурных) связей. При жизни родителей они остаются своими для деревенского социума — дети/внуки, приезжающие по случаю, поработать и погостить, что подтверждается использованием терминов родства (дети/внуки таких-то). Со смертью родных социальные отношения меняются, происходит отчуждение недавно еще сво-

их для сообщества — детей и внуков почивших, что находит отражение в присвоении статуса дачников. Хотя нередко именно после смерти родителей многие становятся только ближе, и с выходом на пенсию проводят в деревне большую часть годового цикла, участвуют в сохранении и воспроизводстве усвоенных с детства хозяйственных и культурных практик.

На огородах городских крестьянок растет тот же лук-семейка, «который рос у мамы», и та же картошка — «Мы деревенский садим», «У нас Розочка, и Синеглазка» (старые сорта картофеля) [д. Калинец, Горская]. Женщины придерживаются правил, усвоенных от матерей: сажают «как мама», и также разбивают гряды, проводят селекционный отбор — «Мама все говорила: “Оставляй середовенькой! Крупный лук не оставляй» [д. Калинец, Гагрино]. В числе сохраняемых огородных раритетов — ямы (прятки) для хранения картофеля и моркови (в огородах постоянно проживающих жителей уже не используются), такие раньше «у всех были». Один из огородов вот уже много лет стережет пугало, сделанное маминими руками [д. Калинец], а сторожем деревенского дома в Гагрино по наставлению маминой сестры на время зимовки остается кукла: «Когда ты уезжаешь, должна оставаться хозяйка в доме».

Они же являются хранителями местных обычаев, преданий, ритуалов: устраивают молебствия в деревенских часовнях, просят — в зависимости от погоды, солнца или дождя: «Господи, дай нам тепла»; «у нас бабушки ходили с иконочками, и дождики пошли» [д. Анисимово, Калинец].

Сохранению «чистоты» традиций и культурной памяти группы способствует удаленность от административного центра (в Анисимовском с/п деревни городских крестьян находятся на периферии поселения, д. Калинец, Гагрино — дачные, тогда как постоянно проживающее население — в большинстве переселенцы, предпочитает иметь жилье поближе к центру, где сохраняются следы социальной инфраструктуры — администрация, школа, клуб, библиотека, медпункт, почта и магазины) и институциональных проводников новой культуры, т.е. окраины играют ведущую роль в поддержке локальных традиций.

Представленные материалы позволяют вступить в полемику с английским социологом Саймоном Кларком («The Myth of the Urban Peasant», 2000), и выделить из числа дачников-горожан группу городских крестьян.

РАЗДЕЛ 5. СЕМЬЯ, ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ, РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

А. В. Белова

г. Тверь, Тверской государственный университет

Проведение беременности дворянками в XVIII — середине XIX в. как аспект репродуктивного поведения в городах Российской империи

Особенности репродуктивного поведения закрепляются в устойчивых практиках, связанных с элементами родильной обрядности. Не только восприятие беременности, но и ее проведение позволяет интерпретировать характерные черты репродуктивной культуры определенного социального слоя [2, с. 4–23]. Дворянки в автодокументах практически не акцентировали внимание на теме проведения беременности, сведения об этом в источниках личного происхождения отрывочны и лаконичны. Иногда они не специально описывали свое состояние, а как бы проговаривались о нем, сами того не подозревая: в частности, упоминание тошноты и отсутствия аппетита — верный признак токсикоза начала беременности.

«Чужая» беременность виделась, в первую очередь, как ухудшение самочувствия, одна из «своих» первых могла запомниться, например, необычным физиологическим состоянием повышенной сонливости. Современная медицина считает «постоянное желание спать» одним из признаков беременности, возникающим «немного позже» [4, с. 272]. Сон — своеобразная защитная реакция организма, призванная предотвратить его переутомление и мобилизовать внутренние ресурсы. Культурные антропологи относят сон к измененным состояниям сознания, в результате чего, по словам А. А. Белика, «поддерживается психологическая стабильность и активизируются энергетические резервы человека» [1, с. 151]. В источниках встречаются указания на одну из «ошибок» в поведении беременной женщины (кстати, не вполне уверенной в своей беременности) — если бы она лучше «прислушалась» к своему организму, который все время «хотел» спать, а не была вынуждена, подчиняясь придворному этикету, присутствовать на обязательных мероприятиях, сопряженных с длительным стоянием, излишней подвижностью и отсутствием отдыха в течение дня, возможно у нее не случился бы самопроизвольный выкидыш.

Беременность ввиду многократной повторяемости [3, с. 21–24] не воспринималась светскими женщинами в качестве повода к изменению привычного образа жизни. Они не прекращали своего участия не только в приемах, сопряженных с разъездами, но и в балах, связанных с повышенной подвижностью, эмоциональной и двигательной активностью. Только в самом конце беременности они заключали себя в домашнем пространстве, не прерывая, вместе с тем, общения с ограниченным кругом наиболее близких знакомых, для которых теперь организовывали вечера у себя дома. Причиной

добровольного заточения были физиологические сложности перенесения поздней стадии беременности.

Именно заключительный этап беременности и приближавшиеся роды наиболее часто маркировались автодокументальной традицией. Но даже эта поздняя стадия не считалась достаточным поводом к приостановке не только светской жизни, но и придворной карьеры. Мемуаристки отмечали большую восприимчивость на поздних стадиях беременности к происходящим вокруг событиям и свою экспрессивную реакцию на них, например в виде «страха».

Если благородная горожанка специально не пишет, как изменилось ее времяпровождение в связи с беременностью, то упоминает, например, поездку с мужем в «поместья». Очевидно, переезды считались для беременной женщины небезопасными, поэтому она специально сообщает об их благополучном завершении.

Даже обычный променад по городу в карете мог таить опасность для беременной женщины, неся в себе угрозу выкидыша. Подобное стечение обстоятельств воспринималось ею иногда как средство избавиться от нежелательной беременности.

Медики могли ограничить свободу перемещения беременной при ее неудовлетворительном самочувствии и неблагоприятном исходе предыдущих родов, однако слова мемуаристок показывают, что ожидание ухуждения состояния соотносилось только с поздней стадией беременности.

Тем не менее в дворянской культуре не прослеживаются распространенные в народной традиции табу на свободное перемещение в пространстве беременной женщины, ограничения ее двигательной активности. Дворянки «на сносях» предпринимали дальние, в том числе заграничные, переезды и морские плавания с целью оказаться к моменту родов в нужном им месте, например, рядом с матерью. Иногда это оборачивалось курьезными ситуациями.

Более того, повседневная жизнь провинциальных дворянок в период беременности мало отличалась от повседневности небеременных женщин. Имея срок более половины беременности, они могли самостоятельно отправиться в Петербург устраивать старших сыновей в кадетский корпус. Тем не менее несмотря на череду беременностей роды воспринимались как состояние, пограничное между жизнью и смертью, исход их представлялся неясным заранее даже многократно рожавшим дворянкам.

Что касается рациона будущих мам, то в начале беременности женщины жаловались на отсутствие аппетита, ели немного, даже постились, хотя формально беременные, наряду с детьми и больными, освобождаются от поста.

Мужья беременных женщин регистрировали в письмах «необычности» или отсутствие таковых во вкусовых предпочтениях жен, сопровождая их собственными шутиливыми предсказаниями относительно того, кто должен родиться, например: «Жена моя брюхата, без причуд, только не любит табак, — знать будет старовер» (Письмо П.В. Нащокина к А.С. Пушкину от конца апреля 1834 г.). Примечательно, что на уровне «проговорок» в «несерьезном» дружеском дискурсе пол будущего ребенка ожидался мужем как мужской.

К числу интуиций беременных следует отнести самовольный отказ от приема назначенных лекарственных препаратов, необоснованного с их собственной точки зрения.

Манера одеваться в период беременности несколько отличалась от обычной, хотя специальной одежды для беременных, по-видимому, не существовало. Даже представительницам императорской семьи, великим княгиням, в 40-е гг. XIX в. принято было в этом случае «перешивать платья», составлявшие их привычный гардероб.

При том, что дворянки в основном активно и деятельно проводили беременность и успевали не только справляться с собственными делами, но и заботиться об окружающих, принимали самостоятельные решения по многим житейским вопросам, достаточно свободно перемещались в пространстве и старались не изменять своим повседневным занятиям и привычкам, по мере приближения предполагаемого срока родов мужа начинали воспринимать их в качестве лишенных инициативы своего рода объектов манипуляции. Мемуары и письма пестрят сведениями о том, что молодых первородящих жен незадолго до родов мужа не только старшие по возрасту, но и сверстники, «поручали» и «не брали», «отправляли», «перевозили», «отвозили» и «сдавали на попечение». Причем «сбывание с рук» жены, которая вот-вот должна была родить, — наиболее типичная стратегия поведения мужа, участие которого в родах зачастую ограничивалось этим, не доходя даже до сопереживания роженице в соседней комнате. В этом смысле муж графини В.Н. Головиной, присутствовавший при ее первых «ужасных родах», представлял собой редкое исключение. Опасения мемуаристки, «что он может упасть в обморок», несмотря на абсолютное очень тяжелое самочувствие, были обусловлены тем, что пребывание мужа рядом с роженицей воспринималось как нехарактерное для мужчины поведение.

Любящий муж князь М.-К.И. Дашков (1736–1764), получивший служебный отпуск в период второй беременности Е.Р. Дашковой, добивался его продления не только, чтобы «оградить заботливым попечением» беременную жену, но и остаться с ней на время родов и последующего восстановления. Напротив, «оставляющее» поведение мужа по отношению к беременной жене констатировала М.А. Волкова, внутренне убежденная, что пережить роды вместе с женой сложнее и важнее, чем участвовать в военной кампании, и, не разделявшая позиции мужчины, думавшего иначе.

В лучшем случае заботливые мужа, провозглашавшие приоритет семейных ценностей, интересовались потом с театра военных действий самочувствием даже не самой беременной жены, а вынашиваемого ею очередного ребенка. Однако не всякий мужчина, подобно П.А. Вяземскому, мог, по крайней мере вербально, предпочесть спокойствие беременной жены своим честолюбивым «геройским» амбициям и открыто признаться ей в этом, тем более в момент общенационального патриотического подъема 1812 г.

Последний триместр беременности становился поводом для более тесного, буквально каждодневного, общения свекрови с молодой невесткой, если обе жили в одном городе. В многодетных семьях особую заботу о беременных матерях проявляли старшие дочери.

Таким образом, в сфере репродуктивного поведения дворянок, связанной с проведением беременности, в большей степени выражалось влияние городского образа жизни, горизонтальной мобильности, отсутствие жестких ограничений со стороны общества, обусловленных вестернизацией дворянского образа жизни, нежели приверженность традиционным устоям национальной репродуктивной культуры с табуированием ряда практик.

Литература

1. Белик А.А. *Культурология: Антропологические теории культур*. М., 1999.
2. Белова А.В. *Беременность в структуре российской репродуктивной культуры дворянства в XVIII — середине XIX века*//*Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2017. № 2. С. 4–23.

3. Белова А. В. *Беременность как антропологический «контекст» женской дворянской повседневности//«Сохрани мне жизнь».* (Ценность жизни в контексте гуманитарного и утилитарного подходов). 2-ая междисциплинарная научно-практическая конференция с международным участием (г. Смоленск, 18 мая 2012 г.). Смоленск, 2012. С. 21–24.

4. Кервасдуэ А. де. *Девочка. Девушка. Женица*/пер. с фр. И. Ю. Крупицовой. М., 2000.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ», проект № 16-01-00136

*А. А. Плетнева
г Москва, ИРЯ РАН*

Кормилицы: институция, которую общество предпочитало не замечать

Институт кормилиц, существовавший в России в XVIII–XIX вв., обойден вниманием исследователей. Современники тоже предпочитали не замечать тех проблем, которые возникали в связи с этой распространенной женской профессией.

Как массовое явление кормилицы появились в России в связи с модернизацией русского общества в петровское и послепетровское время. Дворянки, как правило, не кормили своих детей сами, а приглашали кормилицу. В XIX веке так поступали не только дворянки, но и женщины других сословий, имеющие финансовую возможность содержать кормилицу. Очевидно, что кормилиц было очень много: почти каждая состоятельная семья нанимала кормилицу для каждого из своих детей. Между тем понять, где семьи находили кормилиц, как кормилицы жили, как взаимодействовали с содержащей семьей, что происходило с ребенком кормилицы и т. п., достаточно сложно. Простых и очевидных источников, которые проливают свет на этот вопрос, не так уж много. Между тем существует, по крайней мере, три темы, в связи с которыми вопрос о кормилицах должен быть рассмотрен.

1. Кормилицы и социальные стереотипы в вопросе ухода за младенцем

Бытовые нормы в дореволюционной России были связаны с сословной структурой общества. Быт дворян существенно отличался от крестьянского. Городские мещане жили не так как дворяне и крестьяне. Жизнь духовенства тоже имела свои особенности. Однако жесткой культурной изоляции сословий не было. И в преодолении этой изоляции не последнюю роль играла фигура кормилицы. Кормилица всегда была из иной социальной среды, чем ее работодатели. Она приходила в господский дом с собственным набором представлений о том, как надо ухаживать за младенцем, как и когда его следует кормить, мыть и т. п. Мать ребенка, как правило, не разделяла взглядов кормилицы. И в этой ситуации, когда мать знала, как надо, как правильно, при этом сама не кормила ребенка, конфликты с кормилицей были неизбежны.

Руководства по уходу за детьми, адресованные образованным матерям, часто имеют специальный раздел, посвященный вопросам взаимодействия матери и кормилицы. Это было характерно для книг, написанных русскими врачами. В медицинских пособиях, которые были переведены на русский язык с европейских языков, такой раздел отсутствует. То есть для европейского общества не было столь резкого разрыва

в типе бытового поведения матери и кормилицы. В пособиях же, составленных русскими врачами, обязательно оговаривается разница в правилах ухода за младенцем в разных слоях русского общества. Все это говорит о том, что кормилица является проводником крестьянской культуры в господском доме, то есть уход за младенцем — точка пересечения быта разных сословий. Именно поэтому при изучении истории повседневности кормилица — чрезвычайно важная фигура.

2. Этическая оценка деятельности кормилицы

Второй аспект, в связи с которым следует рассматривать фигуру кормилицы, связан с обсуждаемыми в обществе вопросами этики. Дело в том, что когда кормилицы устраивались в городе на работу, они должны были оставить своего ребенка. Ребенка можно было оставить у родственников в деревне или же отдать в воспитательный дом. То есть, выкармливая чужого ребенка, своего собственного кормилица лишала естественного питания. В пособиях по уходу за младенцами, в первую очередь переведенных с европейских языков, это осознавалось как этическая проблема. В русском обществе вопрос об этических аспектах труда кормилицы практически не поднимался.

Хорошим примером того, что этот вопрос прогрессивная общественность предпочитала игнорировать, являются материалы женских съездов начала XX в. Так, например, в материалах Первого всероссийского женского съезда (10–16 декабря 1908 г.) есть доклады, касающиеся практически всех возможных аспектов жизни женщин. Рассматриваются вопросы детских садов, яслей, вопросы национальных особенностей жизни, оплаты труда, гражданских прав женщин и т.д. и т.п. В материалах съезда есть несколько докладов о проституции, есть доклад, посвященный черничкам в деревне. И нет ни одного доклада, который был бы посвящен вопросам, связанным с положением кормилиц. Этот вопрос стыдливо замалчивался обществом и не входил в проблематику женского движения. Дело в том, что работодателями кормилиц были образованные состоятельные женщины. Они покупали услуги кормилицы (фактически — ее тело), обрекая при этом ее ребенка на отсутствие матери. Таким образом, вопрос о нравственном аспекте труда кормилицы не поднимался именно потому, что в ситуацию оказывалось вовлеченным значительное количество женщин, в частности, и те, кто писал по женскому вопросу.

3. Медицинские вопросы, встающие в связи с работой кормилиц

В конце XIX в. врачи увидели связь распространения сифилиса и туберкулеза с институтом кормилиц. Дело в том, что кормилица часто попадала в семью из специального приюта для кормилиц. В этом приюте первые недели она, как правило, кормила нескольких детей из воспитательного дома. Часто бывало так, что эти дети рождались от больных матерей и были инфицированными. В этом случае кормилица могла заразиться и потом, устроившись на работу в семью, заразить своего воспитанника. При русском сифилидологическом обществе была создана комиссия, которая занималась этим вопросом. Медики, в течение нескольких лет изучавшие вопрос о заражении детей через кормилиц и кормилиц через детей, пришли к выводу, что приюты для кормилиц должны быть отделены от приютов для вскармливания. Врачи предлагали, чтобы приюты для кормилиц открывались в соответствии с той же документацией, что и любые частные медицинские учреждения, а во главе их должны были стоять медики. Такие приюты должны были составлять списки поступающих женщин, а женщины в свою очередь должны были проходить медицинское освидетельствование. У кормилицы при поступлении

на работу в семью должна была быть медицинская книжка, где бы были зафиксированы медицинские осмотры и дана информация о ней самой.

В заключении кажется важным упомянуть о юридических последствиях медицинского вопроса. Беспокойство врачей привело к тому, что в 1903 г. в Уголовное уложение был включен пункт (ст. 151) юридической ответственности кормилицы перед семьей, ее нанявшей, в случае сокрытия информации о заразной болезни. Это Уложение (работало ли оно до революции — не ясно) было введено в действие Наркоматом юстиции в декабре 1917 г., уже при советской власти.

Ю.В. Бодрова

г. Тверь, ФГОБУ ВО «Тверской государственный университет»

Демографическое поведение провинциального чиновничества первой половины XIX в.: переход к современной модели семьи

В исторической науке сформировалось мнение о начале трансформации традиционной модели семьи во второй половине XIX в. в следствие модернизационных процессов, охвативших российское общество. По-иному взглянуть на данное суждение заставляет изучение ключевых аспектов демографического поведения провинциальной бюрократии дореформенного периода.

1. Структурно-количественный состав чиновничьей семьи

По данным исповедных ведомостей г. Твери в чиновничьей среде наблюдалось преобладание малых семей (более 70%), упрощение их состава и сокращение средней людности с 4 до 2,7 чел. на протяжении первой половины XIX в. Тенденцию к увеличению имели малые одиночные семьи (в 1800 г. они составляли 7,6% от общего числа семей, к 1850 г. — 32,4%) и семьи без детей (с 6,8% в 1800 г. до 13,1% в 1850 г.). Количество малых вдовческих семей на протяжении изучаемого периода было стабильным и составляло примерно 10%. Доля нуклеарных семей, супруги с неженатыми детьми, постепенно сокращалась (с 44% в 1800 г. до 27,3% в 1850 г.).

Структурное упрощение чиновничьих семей было обусловлено требованиями гражданской службы. При поступлении на службу в возрасте 16–18 лет чиновники, как правило, покидали родительский дом и вели самостоятельный образ жизни. Необходимость в получении образования для служебного роста, недостаточное жалование для содержания семьи на начальном этапе карьеры препятствовали раннему вступлению чиновника в брак и не позволяли их семьям разрастаться до больших размеров и сложных форм.

2. Брачное поведение чиновников

Согласно сведениям метрических книг г. Твери и формулярных списков тверских чиновников наиболее распространенным брачным возрастом в начале XIX века были 23–25 лет, в середине века — 25–27 лет. Средняя разница в возрасте между супругами составляла 5–6 лет. Кроме того, значительная доля служащих (10–15%) никогда не состояла в браке.

Выбор супруги чиновником зависел от круга социального общения. Самый большой процент невест давала дворянско-чиновничья среда, значительно меньше купеческая, мещанская. На дочерях священно- и церковнослужителей обычно женились

чиновники, вышедшие из той же среды. Встречались случаи браков чиновников с вольноотпущенными девицами.

Несмотря на традицию совершать обряды венчания в осенне-зимний период, в чиновничьей среде наблюдалась тенденция к увеличению числа браков в мае, июле, что свидетельствует об ослаблении общепринятых и формировании собственных брачных обычаев.

3. Рождаемость

Повышение брачного возраста, упрощение состава семьи предопределили невысокий уровень рождаемости. По данным формулярных списков первой половины XIX в. лишь половина женатых и вдовых чиновников имели детей. Наиболее распространенными были семьи с 1–2 детьми (в 1808 г. их доля составляла 68%, в 1858 г. — 50%). Наличие 3–4 детей было характерно примерно для четверти чиновничьих семей.

Изучение календаря рождаемости и предполагаемых зачатий позволило выявить многочисленные случаи зачатий в период постов. В начале века всплеск зачатий наблюдался в декабре (рождественский пост) и небольшая доля в марте (великий пост). К середине века сезонность зачатий вовсе размывается. Отход от традиционной сезонности зачатий свидетельствует об ослаблении религиозных норм в семейной жизни чиновничества.

4. Разводы и вдовство

По данным формулярных списков доля вдовых среди тверской бюрократии в начале XIX в. составляла 4,5%, в середине века — 3%. Семьи вдовцов считались неполноценными, сами вдовцы воспринимались окружающими не столь благочестивыми, способными на порочные поступки. Под влиянием семейно-бытовых трудностей и общественного мнения вдовцы стремились к вступлению в новый брак.

Способами прекращения брака могло быть признание его недействительным и развод. Основанием для развода являлось доказанное прелюбодеяние, неспособность к супружеской жизни, безвестное отсутствие и лишение всех прав состояния одного из супругов. Но даже эти основания были ограничены церковью настолько, что получение развода представлялось невозможным.

При изучении материалов Тверской Духовной консистории первой половины XIX в. были обнаружены единичные случаи обращения за разводом по причине прелюбодеяния супруга, но свидетельств официального расторжения брака не установлено. Убежденность церкви в неразрывности брачных уз препятствовала распаду даже самых неблагополучных семей, что приводило к распространению несанкционированных властями разводов и двоеженству, наблюдавшимся в среде провинциального чиновничества.

5. Смертность

На протяжении первой половины XIX в. для чиновничьей среды был характерен высокий уровень смертности. Анализируя структуру смертности по данным метрических книг, следует отметить стабильно высокий показатель младенческой смертности (42%). По приблизительным подсчетам ежегодно смертность детей до одного года составляла 35% от общего числа рождений, т.е. на 100 рождений приходилось 35 смертей младенцев. С взрослением детей риск смерти сокращался.

В начале XIX в. наибольшее количество мужчин умирало в 31–35-летнем возрасте, женщин — в возрасте 26–30, 36–40, 76–80 лет. К середине века увеличилась доля лиц, умерших в возрасте 21–35 лет из-за эпидемии холеры 1853 г.

Долевое соотношение причин мужской и женской смертности не имело заметных различий. Наибольшее число смертей происходило от болезней экзогенного характера, спровоцированных спецификой их деятельности, — легочно-простудные, сердечно-сосудистые заболевания. Их причиной являлось долгое пребывание в плохо отапливаемых, сырых служебных помещениях, стрессы, малая подвижность на службе или частые служебные поездки. Случаи насильственной смерти отсутствуют, а смерти из-за механических повреждений и других заболеваний единичны.

6. Продолжительность жизни

Вычислив среднестатистический показатель возраста смерти, можно заключить, что в начале XIX в. средняя продолжительность жизни чиновников составляла 41 год; женщин, находившихся с ними в родстве, — 51 год. К середине века продолжительность жизни мужчин увеличилась до 44,8 лет, женщин сократилась до 44,5 лет.

Вывод: Сочетание модернизационных и традиционных процессов в демографическом поведении провинциального чиновничества свидетельствует о переходе к современной модели семьи с начала XIX в. Причина этих изменений кроется в особой жизненной стратегии чиновничества, обусловленной родом профессиональной деятельности, что и отличало их от представителей других социальных групп.

Литература

1. Бодрова Ю. В. *Рождаемость в дворянско-чиновничьей среде первой половины XIX в. (по материалам Тверской губернии)*//Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. СПб., 2013. С. 7–11.

2. Борисенко М. В. *Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI — середины XIX вв.* СПб.: Нестор, 1998.

3. Миттерауер М., Каган А. *Структуры семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ*//Семья, дом и узы родства в истории. СПб., 2004. С. 35–80.

4. Миронов Б. Н. *Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие.* Л.: Наука, 1990. Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 1.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

С. В. Зайцева

г. Санкт-Петербург, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. российское общество стали волновать вопросы рождения, смертности и судьбы незаконнорожденных детей.

В целом количество незаконнорожденных детей в Российской империи во второй половине XIX составляло в среднем 2–3% от числа новорожденных в стране и было

разным по губерниям и городам. Согласно статистическим данным, наибольшее число незаконных детей рождалось в Санкт-Петербурге и Москве: в 1870-е годы в среднем в Москве рождалось 44,3% детей вне брака от общего числа рожденных, в Санкт-Петербурге — 27%, в других городах Европейской России средний процент составлял 17,4% [6].

Составители многих статистических сборников утверждали, что с фактом рождения внебрачных детей тесно были связаны промыслы местных жителей: уходя на заработки на длительное время, мужчины и женщины вливались в жизнь большого города, по разным причинам не всегда обременяли себя узами брака.

Женский отход на заработки был не таким значительным, как мужской. В основном, деревенские девушки устраивались прислугой. Так, по данным Московской переписи 1902 г., в качестве женской прислуги работало 94,8% сельских и деревенских жительниц [2, с. 130]. По мнению М.Н. Гернета, девушку, приехавшую из деревни, где в большинстве случаев она и ее семья испытывали нужду, ожидали самые разные трудности: от чрезмерных требований хозяев и невозможности «забыться, отдохнуть и развлечься» до различного рода предложений со стороны хозяев или их знакомых, от которых девушка не могла отказаться «по причине незнания, отсутствия опыта, либо потери места, тем самым облегчалась возможность сделать так называемый «ложный» шаг» [2, с. 131].

Наибольшее количество внебрачных детей рождалось именно у женщин, работавших прислугой, и только на втором месте — у женщин, работавших на фабриках и заводах. С.А. Селюгин приводил следующие сведения о занятиях матерей незаконных детей по Санкт-Петербургу: в 1898 г. из 8475 матерей 3840 (45,3%) работали кухарками, нянями, судомойками, горничными, 2220 (26,2%) матерей являлись чернорабочими и фабричными поденщицами, 1248 (14,7%) были заняты в сфере ремесла [5, с. 38–39].

Рождение внебрачного ребенка в большинстве случаев выливалось в осуждение и избегание в общении не только с матерью, но и со всей семьей. Поэтому нередки были случаи, когда забеременевшие девушки и женщины пытались избавиться от ребенка еще до родов либо в первые минуты его жизни, несмотря на то, что истребление плода и детоубийство строго преследовались по закону. При этом девушки из состоятельных слоев общества чаще прибегали к вытравлению плода, нежели к детоубийству, а в случае неудачи им легче было скрыть свою беременность и родившегося ребенка, так как в их распоряжении были акушерки, специально занимавшиеся за высокую плату секретными родами и бравшие на себя хлопоты по отдаче ребенка на воспитание кормилицам или в Воспитательные дома. С другой стороны, бедные крестьянки были вынуждены пользоваться услугами повитух и «сомнительных личностей», поскольку бесплатные родильные приюты были устроены лишь в крупных городах и тайна родов в них не гарантировалась. Кроме того многие женщины, устроившиеся на работу прислугой, не имели возможности без указания господ отсутствовать, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться услугами врача или родильного учреждения, а затем устроить судьбу ребенка. Не выполняя свою работу и не находясь в доме хозяев, они могли быть уволены и оказаться, таким образом, лишенными даже тех незначительных средств, которые они получали. В судебной практике тех лет встречалось немало случаев убийств прислугой своих только что родившихся детей по причине боязни потери места [2, с. 300 и др.].

Детоубийство, по мнению М.Н. Гернета, было более распространено в деревенской среде, поскольку в городе, помимо приютов, существовало большое количество

акушеров, повитух, которые могли помочь с истреблением плода [2, с. 127]. Кроме того, в городах нередко существовали так называемые «фабрики ангелов», действовавшие под наименованиями «приютов», «родильных учреждений» и т.д. Однако условия жизни новорожденных в таких учреждениях, созданные специально или случайно, приводили к смерти детей [2, с. 118; 1; 4 и др.].

Деятельность многих таких учреждений осталась безнаказанной, как и многие детоубийства, совершенные матерями и скрытые ими. Обыкновенные в преступлении женщины были оправданы в суде либо подвержены незначительному наказанию без лишения прав состояния по причине «незнания», «временного помешательства», а также раскаяния и безупречной жизни обвиняемой матери до совершения преступления.

Несомненно, и сам внебрачный ребенок, и его мать были настолько незащищены со стороны государства, что отсутствие помощи, материальной и моральной, заставляло женщин искать различные способы заработка с целью прокормить родившегося младенца или выжить самой; зачастую выбранная деятельность осуждалась обществом или преследовалась по закону. Около половины проституток домов терпимости начинали трудовую деятельность домашней прислужкой, но после соблазнения хозяином, его сыном, другими мужчинами нередко были вынуждены бросать работу. Однако без хорошей рекомендации, которую, без сомнения, в данном случае они получить не могли, устроиться на новое место было невозможно. Чаще всего решением ситуации становилось следующее: «... волей-неволей идет в дом терпимости, где ее встретят с распростертыми объятьями, с лаской, с прельщающими обещаниями относительно нарядов, с угощением... Она сразу, благодаря радушию хозяйки и такому изобилию угощений, действующих ошеломляюще на ее молодой неразвитый мозг, делается послушной рабой и без рассуждения, благодаря молодости, падает в бездну» [3, с. 232–233].

Таким образом, основную массу проституток составляли бедные, неимущие, неустроенные, лишенные семьи женщины, а также девочки 12–16 лет, брошенные, выросшие без родителей, сироты, питомицы Воспитательных домов, выбравшие добровольно или насильно подобный способ зарабатывания денег.

Судьбу матери нередко повторяли ее дети. Поскольку проститутка не могла оставить ребенка, то часто бывали случаи подкидывания детей к дверям квартир, оставления их на вокзалах, приноса в полицию, Воспитательные дома, приюты. Брошенные младенцы в большинстве случаев уже были заражены от матери сифилисом и передавали эту болезнь крестьянкам-кормилицам приюта, тем самым распространяя заразу на целую семью или даже деревню. Кроме того, некоторые проститутки, родив ребенка и не желая продолжать свою работу, шли работать кормилицами, заражая сифилисом помимо своего младенца и других детей.

Таким образом, несмотря на многочисленность незаконнорожденных детей в составе населения Российского государства, эта социальная группа оказывала чаще всего негативное влияние на различные сферы жизни. Государству приходилось бороться с преступными явлениями, последствиями, источником либо непосредственным участником которых являлись незаконные дети. Особенно тесно проблема незаконнорожденных детей была связана с моралью и нравственностью.

Литература

1. *Газетные старости*. — *Русское Слово*. 26.04.1907. <http://starosti.ru/article.php?id=1395>

2. Гернет М. Н. *Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование*. М., 1911.
3. Илюхов А. А. *Проституция в России с XVII века до 1917 года*. М., 2008.
4. Лоцилов М. *Кузнечиха начала XX века*//*Правда Севера*. 06.12.01. <http://www.arhpress.ru/ps/2001/12/6/38.shtml>
5. Селюгин С. А. *Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в Санкт-Петербурге. Диссертация на степень доктора медицины. № 9. СПб., 1906.*
6. *Статистический Временник Российской империи. Движение населения Европейской России за 1870–1880-е гг. СПб., 1879–1887.*

О. И. Лисицына

г. Тверь, ФГБОУ «Тверской государственный университет»

Развитие акушерства и гинекологии в последней четверти XIX в. (по материалам журналов «Акушерка» и «Журнал акушерства и женских болезней»)

В пореформенный период в России происходит динамичный рост женского самосознания, что, с одной стороны, приводит к переосмыслению традиционных гендерных ролей и, в первую очередь, роли материнской, а с другой, — дает толчок развитию женского образования на различных уровнях. Оба эти фактора способствуют трансформациям в акушерстве и гинекологии, которые становятся особенно заметны уже при Александре III ввиду появления достаточно большого количества профессионально образованных акушерок и повивальных бабок, пришедших на смену сельским повитухам, формирования феномена «сознательного материнства» и «рационализации сексуальности» [3, с. 78], а также открытия ряда медицинских журналов, таких как «Акушерка» и «Журнал акушерства и женских болезней», позволяющих проследить данные изменения.

Статьи и материалы, подаваемые в журналы практикующими врачами-акушерами, демонстрируют ряд общих для репродуктивной медицины конца XIX в. тенденций.

В первую очередь, следует отметить, что, в целом, развитие медицины на протяжении второй половины XIX в. ведет не только к медикализации, но и к патологизации родов [2, с. 151]. Приглашение в дом «опытного» специалиста на период родов в обеспеченных слоях общества становится все более распространенной практикой, о чем свидетельствуют многочисленные объявления врачей, а особенно акушерок, фельдшеров и фельдшерниц о предоставлении подобных услуг.

При этом некоторыми врачами даже в середине 1890-х гг. формулируются идеи о том, что в подавляющем большинстве случаев роды должны осуществляться «силами природы без всякой искусственной помощи» [4, с. 75], что «беременная, роженица и родильница — не больные» и задача акушерки — только следить «за естественным ходом родов» [4, с. 76]. Также с конца 1870-х гг. со стороны пишущих врачей звучат призывы сокращения участия акушерок не только в родах, но и в ведении послеродового периода.

По-видимому, подобные представления о естественности процесса родов и нежелательности чьего-либо вмешательства в этот процесс были напрямую связаны с бы-

стрым развитием теоретических представлений об асептике и антисептике в этот период. Эта проблема является одной из наиболее часто обсуждаемых на страницах медицинской прессы. Очевидно, в этой сфере теоретические представления шли вразрез с реальной акушерской практикой, о которой красноречиво свидетельствуют заголовки заметок, констатирующие, например, необходимость мытья рук с мылом или стерилизации инструментов перед гинекологическим осмотром и иным медицинским вмешательством.

При этом важно отметить поиски решения данной проблемы, происходящие именно в рассматриваемый период. Так, если еще в 1870-е годы в качестве антисептического средства зачастую используется простой лимонный сок, то для 1880-х годов характерны эксперименты с использованием «двуйодистой ртути» или очень распространенного в гинекологической практике в эти годы «раствора сулемы», оказавшегося токсичным и приведшим к смерти многих пациенток. Нерешенная проблема предотвращения заражений заставляла врачей, в особенности хирургов, оборудовать полностью изолированные стерильные комнаты [1. С. 3] или — значительно чаще — отказываться от проведения сложных операций, требующих для проведения более полутора часов [1, с. 3; 5, с. 23–24]. Однако широкое распространение так называемой «послеродовой» или «родильной горячки», очевидно, вызываемой, заражением в процессе родов, свидетельствует о недостаточной степени развития дезинфицирующих антисептических средств.

Безусловно, характерными новациями, получившими распространение медицинском дискурсе в рассматриваемый период следует считать лечение посредством электрического тока, широко обсуждавшееся на страницах медицинских журналов, а также введение в употребление различных «пессариев», «катетеров», «перфораторов» для извлечения «неживого плода». Однако на практике подобные нововведения использовались, вероятно, весьма ограниченно и зачастую только в условиях больничного стационара, к услугам которого прибегали далеко не все и не всегда даже тогда, когда это было необходимо. Можно сказать, что при очевидной положительной динамике в лечении женских заболеваний, в целом, гинекология в данный период максимально ориентирована именно на роды, ведение беременности или лечение патологий связанных с ее наступлением (реже — по причине угрозы здоровью и жизни женщины). Поэтому в ситуации, когда роды в большинстве случаев оставались «домашними», а нередко были и «уличными», новейшие достижения медицины слабо влияли на реальные практики в сфере акушерства и гинекологии в последней четверти XIX в.

Литература

1. Дрентельн К. С. *О порядке осмотра и приема рожениц и о правилах дезинфекции, установленных покойных профессором И. Ф. Баландиным в С-Петербургском Еленинском Повивальном институте. Женщины-врача К. С. Дрентельн//Акушерка. 1894. № 1.*
2. *Об условиях и показаниях к производству родовспомогательных операций. Доцента д-ра Фервальда//Акушерка. 1893. № 18.*
3. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. *Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в.//Женщина в российском обществе. 2016. № 3.*
4. *Фомилиант И. И. Обязанности акушерки по новейшим взглядам на антисептику и асептику. Беседы врача И. И. Фомилианта//Акушерка. 1895. № 10.*
5. *Ястребов Н. В. К вопросу об удалении двухсторонних паравариаальных кист//Журнал акушерства и женских болезней. 1887. № 1.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ): проект № 16–01–00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России 16–21 вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»; проект № 17–31–01–020 «Взаимодействие государства и провинциального общества в формировании национальной модели медико-социальной работы в 19-начале 20 в.»

А. Ю. Морозова

г. Москва, Институт российской истории РАН

Фиктивный брак в среде передовой молодежи в России во второй половине XIX — начале XX в.

Согласно законам Российской империи, женщины, даже из привилегированных сословий, не могли покинуть дом мужа или отца вопреки воле этих мужчин, т. к. это было невозможно сделать без паспорта, а этот документ вплоть до 1914 г. выдавался женщинам только с разрешения отца или мужа. Поэтому они не могли «самовольно» отправиться для учебы за границу, не могли переехать в другой город, чтобы зарабатывать на жизнь собственным трудом. Для патриархального общества в этом не было никакой проблемы, ибо идеалом женщины была хорошая хозяйка, добродетельная жена и заботливая мать, хорошее воспитание и образование которой было нужно лишь для выполнения этих функций.

Но в 60–70-е годы XIX в. положение дел резко меняется, и на сцену выходят «новые люди», отрицающие устои старого общества. Множество молодых девушек стремится к самостоятельности, хочет зарабатывать на жизнь собственным трудом, видит смысл своей жизни в общественном служении, а не в исполнении домашних обязанностей. Характерно, что их стремления встречают понимание и одобрение со стороны их ровесников, готовых помочь им в достижении этих целей.

Для освобождения от родительской опеки и обретения возможности учиться и работать стремившиеся к эмансипации женщины использовали фиктивные браки. Конечно, вступление в фиктивный брак было уже само по себе смелым гражданским поступком, и к нему прибегали, как правило, как к крайнему средству. Писатель Н. В. Шелгунов называл его «мерой отчаянной», «последним средством для выхода, когда не оставалось никаких других средств», «явлением ненормальным», но тут же оговаривался, что «ведь и порядок, вызвавший его, был тоже ненормальным...» [Цит. по: 3, с. 91].

Ненормальность этого порядка, осознаваемая новым поколением, приводила к тому, что, по утверждению одного из современников, в 60–70-е годы в России, «фиктивные браки с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под ига семейного деспотизма ... сделались обыденным явлением жизни» [Цит. по: 3, с. 89].

Одним из наиболее известных примеров такого брака стал союз С. Корвин-Круковской и В. О. Ковалевского, результатом которого стало появление первой в мире женщины — профессора математики Софьи Ковалевской. Товарищ В. О. Ковалевского по училищу правоведения, участник революционных кружков 60-х годов, князь А. С. Голицын, пошел на фиктивный брак с Варварой Александровной Зайцевой, для того чтобы дать ей возможность получить заграничный паспорт и тут же уехать вместе с матерью из-под бдительного полицейского надзора. Подобных примеров можно привести множество.

С другой стороны, к фиктивным бракам часто прибегали участники революционных кружков и организаций в подражание Лопухову и Вере Павловне — героям романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», который стал настольной книгой и руководством к действию для сотен молодых людей того поколения.

Позднее в революционной среде фиктивный брак также нередко использовался в тех случаях, когда, например, под видом семейной пары должны были снять дом или квартиру работники подпольной типографии или члены Боевой организации. Сделать это, не имея соответствующих документов, они не могли, т.к. паспорта нужно было нести в полицию для регистрации, а совместное проживание двух молодых людей, не состоявших в законном браке, вызывало подозрения и ненужные пересуды соседей. О такой ситуации вспоминает, в частности, эсер Б.Ф. Тарасов, в квартире которого в Пензе размещалась подпольная типография, куда в качестве работницы должна была приехать Ольга Красильникова, родственница эсера С.А. Никонова. Она была молодой девушкой, недавно закончившей курсы и горевшей желанием все свои силы отдать служению народу. Внешний ее вид не позволял «сделать из нее экономку, кухарку, прислугу» и потому «склонялись к мысли», что она должна поехать в качестве жены Тарасова, для чего им необходимо было обвенчаться [2, л. 104–105].

Но, принося сиюминутную выгоду и решая проблемы ближайшего дня (освобождения женщины из-под власти семьи и домашнего диктата, соблюдения конспирации и т.п.), фиктивный брак мог иметь трудно предсказуемые последствия. Бывали случаи, когда фиктивные браки, заключенные в молодости, потом изрядно портили жизнь людям, начинавшим жить уже легальной жизнью. Так, например, родители Татьяны Барцевой, жена русского философа С.Л. Франка, «не были обвенчаны, потому что отец когда-то был революционером и женился на какой-то своей соратнице, чтобы дать ей другую фамилию, но никогда с ней не жил. Когда он встретил мать Татьяны, та женщина не согласилась на развод, и Татьянины родители так и не смогли пожениться. Для Татьяны большим ударом было прочесть в своем школьном табеле, что она — «дочь С.И. Барцева и девицы Филипповой». Несмотря на это, семья их была счастливой и весьма уважаемой в Саратове» [1, с. 68–69].

Думая именно об отдаленных последствиях, Б.Ф. Тарасов отказался от заключения фиктивного брака с наборщицей подпольной типографии. «Я боялся, — вспоминал он, — что в будущей жизни фиктивный брак может очень связать ее, создать тяжелое жизненное положение для нее» (в результате было решено, что она придет под видом его двоюродной сестры, которой он помогает готовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости [2, л. 104–105].

С другой стороны, нередко были случаи, когда фиктивные браки перерастали в настоящие, и товарищи по борьбе становились супругами в подлинном смысле этого слова, как, например, в истории народника С.С. Синегуба и дочери сельского священника Л.В. Чемодановой, положенной в основу сюжета советского фильма «Нас венчали не в церкви». Впрочем, даже при возникновении искренних и взаимных чувств путь к счастью был труден, потому что народнические принципы не позволяли Синегубу признаться Ларисе в любви, даже когда они оба приехал в Петербург и стали жить в коммуне единомышленников, т.к. он полагал, что «это было бы преступлением, посягательством на ее свободу» с его стороны, использованием его статуса законного мужа. В конце концов Лариса первая призналась ему и после процесса «193-х» поехала за ним в Сибирь.

В заключение отметим следующее. Значительное число фиктивных браков в среде

передовой и революционной молодежи было, с одной стороны, несомненным признаком проникновения модерности в российское общество, а с другой — свидетельством того, что российское законодательство и общепринятые нормы поведения уже не соответствовали запросам молодого поколения. Кроме того, относительная массовость этого явления свидетельствовала о том, что самостоятельные женщины, стремящиеся к учебе, профессиональной и общественной деятельности стали значимым фактором общественной жизни.

Мы можем выделить две группы целей, ради которых молодые люди решались на заключение фиктивных браков. Первая, абсолютно «невинная» и естественная с позиций сегодняшнего дня — возможность для девушки вырваться из-под опеки патриархальной семьи, получить образование и профессию и как следствие обрести независимость. Вторая, преобладавшая в более позднее время, — обеспечение конспирации, легального прикрытия подпольной революционной деятельности. И в том, и в другом случае обе стороны, вступавшие в фиктивный брак, делали это не ради личной выгоды, а ради получения возможности отдать свою жизнь служению обществу и своим идеалам.

Литература

1. Буббайер Ф. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. М., 2001. С. 68–69
2. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1980.
3. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 249. Тарасов Б. Ф. Воспоминания.

В. А. Веремenco

г. Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

«Женское царство» — эволюция организации питания городской дворянской семьи в России в конце XIX — начале XX в.

Вторая половина XIX — начала XX вв. время кардинальных изменений всех сторон жизни российского общества. Существенную эволюцию претерпела и сфера домашнего питания. Попытаемся реконструировать отдельные элементы кухонной культуры городского российского дворянства конца XIX — начала XX в. [4].

Плита

Центром дореформенной кухни во многих дворянских домах традиционно являлась русская печь. Приспособленная для приготовления «простых» блюд, таких, например, как «черный хлеб, квас, пироги ..., щи, различные похлебки», она мало подходила для кулинарных изысков: «настоящего бульона», жаркого, кондитерских изделий и т. д. Не устраивало вестернизирующееся городское дворянство и то, что в печи трудно было готовить одновременно несколько блюд, требующих разного нагрева [9, с. 90–91]. Самым же отрицательным качеством русской печи в городских условиях была ее неэкономичность. А, расходы на дрова занимали существенную долю бюджета семьи, недаром популярностью пользовалась шутка о том, что «весь заработок ушел в трубу» [5].

В результате, если в 1870-е годы авторам кулинарных книг еще приходилось убеждать «старозаветных помещиц» в преимуществах плиты, приводя всевозможные дово-

ды от очевидной экономичности до возможности одновременно «готовить что угодно» [9, с. 90–92], то к концу XIX в. выгоды плиты были уже признаны повсеместно. И в описаниях пространства «всякой кухни» обязательно указывалось, что ее «главным центром» является «горизонтальная кухонная печь, плита», состоящая из «трех главных частей — топки, ..., дымоходов со стенками и дымовой трубы...» [1, с. 29].

В начале XX в. широкое распространение в городских дворянских семьях получает «газовая кухня». Первые «подвижные газовые жаровни» стали проникать в страну в самом начале пореформенного периода. Они состояли из «треножника, находящегося в соединении с ... воронкообразной трубкою, в которой пробегает газопроводная трубка ...Открывая и закрывая кран, можно совершенно произвольно управлять притоком газа и таким образом то уменьшать, то увеличивать пламя» [9, с. 50–51]. Важнейшей характеристикой «газовой жаровни» было то, что ее небольшая варочная поверхность не давала возможности готовить более двух блюд одновременно, в упрощенных же образцах, вообще можно было «ставить на газ» только что-то одно.

Кухня

Наличие дровяной печи и, тем более, громоздкой русской печи, требовало выделения для кухни значительной площади в рамках городской квартиры. Обычно она занимала от 12 до 30 м². Большая площадь отводилась плите, за ней шло спальное место для кухарки, поэтому в кухнях было тесно [3; 12, с. 211]. Современники традиционно описывали это помещения так: «грязная дровяная кухня, с ночующей в ней пьяной кухаркой» [1, с. 29]. Добавим к этому то, что в кухне было постоянно сильно натоплено, и единственным способом хоть немного избавиться от изнуряющей жары, было держать открытой дверь на черную лестницу, по которой вечно гуляли сквозняки. «А не редко бывает и так, что кухня помещается рядом с отхожим местом, так что приходится задыхаться не только от чада и дыма печки, но и от вони идущей из клозетов» [10, с. 4]. Такое место мало подходило для деятельности самой хозяйки дворянской семьи.

Другое дело — «газовая кухня» — экономичная, безопасная, обеспечивающая «огонь днем и ночью во всякий момент без особых приготовлений», не дающая копоти и грязи от дров. К тому же такая кухня могла расположиться на небольшом пространстве, а при необходимости ее можно было совместить со столовой. И, наконец, как особо отмечалось в рекламе, в такой кухне не нагревается помещение и все ее удобства вместе «дают возможность обходиться без прислуги» (выделено в источнике) [6, с. 106].

Режим питания

В условиях «печной экономики», когда приготовление пищи осуществлялось в печи, а с 80-х гг. XIX в. преимущественно на дровяной плите, сделать горячий завтрак к 7–8 утра было крайне затруднительно. Поэтому, как правило, утром пили чай/кофе, заедали его свежей булкой с маслом и/или джемом, при желании добавляли какие-либо остатки от вчерашнего обеда. Более плотный завтрак, который собственно и назывался завтрак, в отличие от утреннего чая (кофе) традиционно подавали в промежутке от 10 до 12 ч. утра [2].

Это же обстоятельство, а также крайне отрицательное отношение в дворянско-интеллигентской среде к подогреванию пищи приводило к тому, что в каждой семье устанавливалось определенное время обеда, на который собирались все домочадцы. Во второй половине XIX в. обед в городских дворянских семьях, как правило, приу-

рочивался к приходу со службы ее главы. Таким образом, обед отодвигался на период от 16 до 18 часов. Холодный ужин (из остатков обеда) и/или вечерний чай подавался ок. 9–10 ч. вечера [2].

В конце столетия, по мере увеличения числа обучающихся в открытых учебных заведениях и возрастания роли детей в дворянской среде, с одной стороны, и изменения характера рабочего дня многих учреждений, в которых стал устанавливаться перерыв на обед, с другой, произошло изменение времени обеда — он стал подаваться раньше и час его определялся сроком прихода детей со школы [11, с. 10; 8, с. 7].

Наконец, в начале XX в., по мере распространения газовых плит, что способствовало значительному ускорению процесса приготовления пищи, в быт дворянской семьи стал входить ранний горячий завтрак, состоящий, как правило, из каши, бутербродов и чая/кофе. Так, гимназистка Катя Кавос, жившая у родственников, следующим образом описывала в письмах к родителям свое ежедневное утро 1912 г.: «... Встаю ровно в 8-го. Ем кашу... Затем в поддеваю уже сижу на извозчике...» [7. Л. 96].

Наиболее же важным следствием появления газовой жаровни стал постепенный отказ от совместных приемов пищи всеми членами семьи. Теперь каждый из них мог сесть за стол не тогда, когда было положено, а когда посчитал нужным.

Таким образом, происходившая, на рубеже XIX–XX вв. эволюция организации питания дворянской семьи с одной стороны отражала кардинальные изменения ее структуры — рост индивидуализации членов, расширение прав женщин и детей, отказ от прислуги или сокращение расходов на нее с увеличением занятости домашними делами хозяйки или переходом к общественному питанию, а с другой еще более стигмулировала и ускорила данные процессы.

Литература

1. Б-ий И. Ф. *Гигиенический стол. Питательные и вкусные обеды на каждый день. Настольная книга для каждой семьи.* СПб., 1902.
2. Веремко В. А. *Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX — начала XX вв.*//История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79–105.
3. Веремко В. А. «Дура в доме» — женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX — начала XX вв.//Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. (21). С. 241–273.
4. Веремко В. А. «Пост матушка ...»: дворянские семьи и религиозные ограничения в еде (вторая половина XIX — начало XX в.)//КЛИО. 2015. № 4 (100). С. 83–87.
5. Веремко В. А. *Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX — начале XX в.*//Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. /отв. ред. В. А. Веремко. СПб., 2017. С. 315–323.
6. *Дамский календарь. На 1898 год. 1-й год издания. Издание И. В. Бартошевича.* М., 1898.
7. *Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом).* Ф. 445. Д. 44.
8. *Питание детей школьного возраста//Домоводство за 1903 г.* СПб., 1903. Кн. 2
9. *Подарок молодым хозяйкам, руководящий к рациональному уменьшению расходов в домашнем хозяйстве.* М., 1872.
10. *Невский В. Л. Домашняя прислуга.* Пг., 1917.
11. *Синицына М. Хорошая хозяйка.* М., 1899.
12. *Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта.* М., 2012.

Источниковедческий потенциал журналов и приемных карт родильных отделений дореволюционной России

Обращение к данному источнику информации было вызвано работой над исследовательским проектом по гранту РФФИ № 16–01–00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ». Работа с различными архивными фондами показала, что сохранившиеся журналы родильных отделений, гинекологических клиник, карты рожениц имеют чрезвычайно скудные листы просмотров и практически никак не вовлечены в исторические исследования. Данный источник информации не рассматривается социальными историками, историками медицины в качестве содержательного и целесообразного для изучения. В то же время в зарубежных исследованиях приемные карты беременных, рожениц являются значимым источником в изучении истории деторождения [3]. Цель представленной работы состояла в установлении географии сохранившихся журналов и в определении позитивных для исследователя сведений, которые могли бы быть извлечены из данного вида источников.

Анализ архивных фондов показал, что до нашего дня сохранились подробные журналы родильных отделений в архивах Москвы (ОХД до 1917 г. ЦГАМ) и Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). В Отделе хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива Москвы содержатся подробные журналы, карты беременных и рожениц 1) Московского родильного госпиталя при Московском Воспитательном доме (Фонд 112); 2) Московского императорского родовспомогательного заведения с повивальным институтом при Московском воспитательном доме за 1877–1919 гг. (Фонд 112); 3) Московского городского родильного дома им. С. В. Лепехина с 1907–1917 гг.; 4) Московского родовспомогательного заведения 1 и 2 разряда доктора В. А. Бродского (Фонд 181). В Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга были обнаружены подробнейшие журналы, карты приема рожениц Петроградского родовспомогательного заведения (Фонд 145). Данный фонд содержит наиболее полные отчеты с 1836 г. до 1918 г., здесь представлены наиболее древние из сохранившихся журналов родовспомогательных заведений. Кроме этого в ЦГИА СПб имеют прекрасную сохранность журналы родильного приюта Путиловского завода за 1906–1917 гг. (Фонд 366), родильных приютов различных частей Санкт-Петербурга (Коломенский родильный приют — фонд 432, Петровский родильный приют — фонд 1930, родильный приют М. А. Дрожжиной — фонд 209, Второй Рождественский приют — фонд 208).

Журналы родильных отделений позволяют выявить процесс медиализации повседневной жизни горожан. Под медиализацией, явившейся в отечественной науке преимущественно предметом социологических исследований [4], понимается процесс вовлечения в сферу научной (профессиональной, клинической) медицины различных сторон повседневной жизни общества и превращения медицины в область особого социального контроля над поведением людей. Журналы родильных приютов позволяют проследить процесс перехода от домашним к стационарным родам и, как следствие, медиализации репродуктивного поведения населения [2]. В пользу этого свидетельствует положительная динамика стационарных родов за 80 лет (с 1830-х до 1918 г., до формирования советской системы родовспоможения). Если в первой

половине XIX в. услугами родильных приютов пользовались в основном беднейшие слои населения, не способные вызвать на дом повитуху (акушерку), то в 1910-е годы среди пациенток родильных отделений — широкие городские слои. Скачок в числе родовспоможений наблюдался в 1908–1911-е годы и с началом Первой мировой войны по причине снижения уровня благосостояния населения (многие не могли оплатить услуг частнопрактикующих акушерок). Среди оказавших влияние факторов — эмансипации женщин, десакрализации сексуальности. Менялся и социальный состав рожениц. Если в первые десятилетия существования отделения за помощью в него обращались бедные слои населения, «несостоятельный рабочий элемент», то в 1910-е годы пациентками становились женщины из обеспеченных семей, жены чиновников, офицеров.

Изучение документов родильных приютов демонстрирует, что изначально клиническое пространство воспринималось как патологическое. Родовой акт рассматривался в качестве естественного процесса, не требовавшего врачебного вмешательства. Наличие выраженных патологий приводили родильниц в специальные приюты.

Со временем патологическое пространство клиник выражалось в росте оперативных вмешательств, что находит подтверждение в сухих цифрах карт рожениц. Происходила медикализация и патологизация родов. Стационар изначально предназначался для принятия сложных родов, однако процент оперативного вмешательства до конца XIX в. не превышал 10%. В последующие десятилетия он неуклонно рос, достигнув к 1915 г. четверти всех принимаемых родов. В начале XX в. 45% родильниц были поставлены те или иные формы патологий.

Журналы и карты свидетельствуют о важной социальной стороне повседневной жизни горожан — услугами стационаров пользовались чаще незамужние женщины, желавшие скрыть факт своей беременности. В особенности высокий процент «незаконных» рождений представлен в родильных приютах воспитательных домов. Незаконные рождения, которые нередко приводили к оставлению младенцев в приюте, приходились на женщин из прослойки городской прислуги. Эти косвенные данные свидетельствуют о существовании особых взаимоотношений с прислугой, о распространении случаев насилия и использовании прислуги нанимателями для удовлетворения сексуальных потребностей [1].

Разрозненные данные журналов дают возможность анализировать динамику материнской и младенческой смертности при родах. Процент смертности был низким, родовой акт заканчивался в большинстве случаев успешно. Эти данные противоречат устоявшейся в историко-медицинских работах точки зрения, согласно которой развитие акушерской науки коррелировало с сокращением материнской и младенческой смертности. Журналы и карты рожениц свидетельствуют, что смертность наступала в результате заражений, которые приводили к родильной горячке или к сильным кровотечениям. В связи с этим, уменьшение материнской смертности было связано прежде всего внедрением правил асептики и антисептики, а также проникновением в середине XX в. в стационары антибиотиков, а не развитием акушерских техник и инструментов.

Карты беременных содержат широкий анамнез пациенток, включая данные о первом половом контакте, начале регул, числе беременностей, возрасте первой беременности, что дает важную информацию по истории женской сексуальности, женской телесности.

Журналы способны репрезентировать повседневную жизнь родильных отделений дореволюционной России, которая включала в себя организацию больничного пространства, взаимодействие врачебного персонала с родильницами и роженицами, особенности их содержания и оказываемых медицинских процедур.

Данные родильных отделений демонстрируют существенный рост числа мертворождений/выкидышей, которые к 1915 г. могли достигать четверти от принятых родов, что в 4–5 раз больше, чем в конце XIX в. Эти данные свидетельствовали об увеличении количества абортированных, которые становились одним из способов регулирования рождаемости населением. Зачастую женщины обращались за помощью после самостоятельных попыток прервать беременность, которые приводили к осложнениям. Важно и другое, с конца XIX в. врачебное сообщество все чаще склонялось в пользу необходимости легализации абортов по медицинским показаниям. Журналы родильных приютов свидетельствуют, что до официальной легализации абортов в 1920 г. они стали выполняться врачами в родильных отделениях.

Выявленные данные из, казалось бы, ничем не примечательных журналов родильных отделений вносят вклад в изучение социальной, повседневной, гендерной истории; способны предоставить новые сведения для тех, кто занимается изучением истории телесности, деторождения, сексуальности.

Литература

1. Веретенко В. А. «Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права//*Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2013. № 4. С. 82–89.

2. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. У истоков медиализации: основы российской социальной политики в сфере репродуктивного здоровья (1760–1860 гг.)//*Журнал исследований социальной политики*. 2017. № 4. С. 515–530.

3. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Родовспоможение и культура деторождения в новейшей зарубежной историографии//*Этнографическое обозрение*. 2017. № 4. С. 147–163.

4. Темкина А. А. Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль//*Журнал исследований социальной политики*. 2012. № 3. С. 321–336.

Поддержка: Проект РФФИ № 16–01–00136–ОГН «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ».

Н. Л. Пушкарева

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Город как локус конструирования нового репродуктивного поведения и новой сексуальной культуры

(К 100-летию Первой советской Конституции и Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 22 Октября 1918 г.)

Великая русская революция 1917–1922 годов вобрала в себя не только собственные мощные политические перевороты, но и огромные трансформации во всех сферах жизни россиян. Не составляет исключения и женская история: к первому году Совет-

ской власти, к первым ее преобразованиям стоит присмотреться попристальнее с точки зрения того, как они повлияли на жизнь россиянок в городе и на селе, на гендерные нормы и семейные права дочерей, жен, вдов, на гендерную идентичность тех, кто апробировал ранее непривычные формы сексуального партнерства. Можно ли назвать крупные российские города в конце 1910-х годов (и особенно Москву и Петроград, где разворачивались главные политические события и сочинялись новые правовые акты, регулировавшие репродуктивное, семейное, брачное поведение) лабораториями конструирования новой сексуальной культуры и опытной площадкой огромного социально-демографического эксперимента?

Вся дореволюционная российская история, в особенности ускорившая свой бег в 1910-е годы, была историей медленного, но верного осознания права на автономность человеческой личности. Для женщин эта тема была даже более важна, чем для мужчин, потому что она была темой эмансипации не только от государственно-бюрократических институтов, не только от синодальных чиновников, но и от патриархальных социокультурных регламентаций. Поступательный процесс демократизации предполагал критический пересмотр прежних норм морали и методов социального контроля, и именно в городе разворачивалось то самое «сексуальное освобождение», которое было составной частью неписаной программы обновления, сопровождавшей революции и 1905, и 1917–1922 гг.

Уже 19 декабря 1917 г. (19 (31)12.1917) Декретом ВЦИК и СНК о гражданском браке большевики отменили прежние формы регистрации брака, узаконили его расторжимость, ввели предельно простую процедуру развода. Новые правоустанавливающие документы были приняты через неполный год (в сентябре — и особенно в конце октября 1918 г.): по ним узаконивался низкий брачный возраст (18 лет для мужчин и 16 лет для женщин, право женщин не брать фамилии мужа при регистрации, свобода выбора местожительства, подтверждалось право женщин на отпуск по беременности). К законам, свидетельствующим о либертианских взглядах большевиков, относят и отмену в том же Декрете от 19 декабря введенной еще Воинском уставом 1716 г. Петра I ответственности за гомосексуализм.

В 1920 г. Советская Россия подтвердила декриминализацию медицинских абортотворений (известная с 1914 г. норма была утверждена одним из декретов советской власти, это снизило число внебольничных абортов, но привело к их совокупному росту, ведь контрацептивы не производились). Если деревня относилась настороженно к нововведениям, то в городах «революция чувств» продолжалась. «Половой вопрос» полыхал в центре обсуждений, в которые втянулись не только юристы и врачи, но и социальные и идеологические работники, педагоги, чиновники и «труженики слова» (журналисты, поэты, писатели шло стремительное формирование идеологии сексуальной реформы. Задачи перестройки «половых отношений» совершенно естественно вплелись в общую задачу построения нового общества новыми людьми.

Многообразие взглядов участников дискуссий середины 1920-х гг. помещается между двумя полярными точками зрения — и обе берут начало в ленинском страхе индивидуальной автономии и ленинском желании подчинять индивидуальное коллективному. Одна — классовая, аскетическая, осуждающая сексуальность как противоречащую принципам нового общества — принадлежала мужчине, педологу и психоаналитику, лидеру советского фрейдизма 32-летнему Арону Б. Залкиндю (он лечил от нервных расстройств партийных деятелей, отчего его прозвали «вра-

чом партии»). «Октябрьская революция проделала чрезвычайно сложную ломку в идеологии масс, сложные сдвиги вызвала она в психофизиологии. Меняющаяся социальная среда изменяет не только сознание, но и организмы» — полагал он и предлагал отрегулировать социальную политику в области сексуальности таким образом, чтобы встроить задачи перестройки «половых отношений» в общую задачу построения нового общества новыми людьми. В своем программном произведении «12 половых заповедей пролетариата» Арон Б. Залкинд настаивал на необходимости подчинения брачной жизни людей строгому классовому контролю («Необходимо, чтобы коллектив больше тянул к себе, чем любовный партнер»). Запрос Власти и перспективы развития сексуальной культуры в СССР Залкинд предвосхитил с изумительной прозорливостью, выстроив в 1924 г. стройную концепцию строительства межполовых отношений в стране, где 70% населения не умело ни читать, ни писать, ни понимать того, что говорилось с трибун. Надо было не мешать тем тысячам молодых энтузиастов, которые желали внести свой вклад в строительство утопии. И Залкинд предложил им простое и нужное государству видение такого пути, закреплявшее приоритет общества над индивидом. Несмотря на всю прямолинейность «Заповедей», они были восприняты многими с энтузиазмом.

Другую точку зрения — либеральную, ориентирующую на принятие сексуальности как законного элемента личной жизни во имя создания брака нового типа — защищала первая женщина, избранная в Центральный комитет партии, которая прошла к власти в 1917 г., нарком здравоохранения, активно участвовавшая в разработке кодекса законов 1917–1918 г. о браке Александра М. Коллонтай. Она полагала, что новые брачные отношения должны основываться на равенстве партнеров, взаимном признании прав друг друга, на взаимном умении понимать работу души любимого человека. Освобожденные от обязательств домашней работы и воспитания детей женщины, мечтала она, смогут формировать брачные союзы, не сообразуясь с проблемой финансового благополучия, а основываясь только на любовной страсти и духовной общности. Ей хотелось верить в то, что тонкая эротическая дружба, основанная на взаимоуважении, должна уничтожить в мужчинах ревность и собственнический инстинкт. И произойдет все именно потому, что отныне (сошлюсь на ее сторонницу Майорову, которая считала, что работницы потому и поддержали революцию, что она «освободила любовь от экономики») женщины «строят быт не на принципах семейственности, а на принципах общественности».

В реальной жизни «сексуальная реформа» в стране выразилась в «невообразимой вакханалии», говоря словами современницы Коллонтай, некой Равич. Старые нормы и ценности были объявлены устаревшими, «но ничего нового, кроме полной анархии, не возникло». Люди чувствовали себя освобожденными от прежних ограничений, но не знали, что им с этой свободой делать. Стала очевидной живучесть традиционности и патриархатности стандартов, равно как большая заинтересованность в сексуальной реформе мужчин с их желанием бесконтрольности и господства, грубости и натуралистичности говорения о сексуальном, нежели женщин.

С оговорками можно сказать, что горожанки и горожане России, более или менее быстро приняли возможность жить в незарегистрированном браке, свободу развода и свободу аборта. Все остальные проявления свобод, включая однополые отношения, любовь втроем, свингерство обществом принимались неоднозначно. Помыслы горожанок и горожан и их идейных были радикальнее их поведения. Во множестве вопро-

сов ниспровергателям удобнее было модифицировать традиционное, нежели придумать и построить что-то новое.

Подготовлено в рамках работы над проектом РФФИ 16-01-00136 ««Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»

О.Д. Минаева

г. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

Семья как «кабала» и «последняя крепость старого строя» (анализ публикаций журналов «Работница» в 1920-е годы)

Версоссийский съезд работниц в ноябре 1918 г. заявил, что с победой коммунизма все хозяйственные заботы о членах семьи возьмут на себя коллектив и государство трудящихся, поэтому семья перестанет быть нужна. По сути, это манифест женской партийной печати 1920-х гг., в которой реформа семьи в значительной степени сводилась к реформе быта и «освобождению» женщины от него.

Журналы «Работница» и «Крестьянка», которые в 1920-е гг. издавал Женотдел ЦК партии большевиков, определяли основные принципиальные позиции и содержание всех региональных партийных журналов для женщин. Подходы Женотдела к решению проблем эмансипации женщин были достаточно радикальными.

Однако нужно заметить, что наиболее действенной пропаганда идей равноправия была для жителей городов. Уровень жизни в городе и деревне был несопоставим, работницы (даже неграмотные) были более активны и развиты, больше вовлечены в поле влияния партийных агитаторов. Лексика «Работницы» отличается от публикаций «Крестьянки». Работницы больше знакомы и с производственной лексикой, и с политической.

Первое место по важности и по объему в женской печати занимали публикации о включении женщин в производственную и общественную сферу. Пресса активно агитировала читательниц участвовать в общественной работе и в новых органах власти: в фабрично-заводских, местных исполнительных комитетах и т.д. Для горожанок производственная сфера позиционировалась как единственный путь завоевать достойную жизнь и содержать себя и детей.

Женские журналы приводят примеры ожесточенной борьбы, которая разворачивалась в семьях женщин, решившихся на участие в общественной работе. Вот типичный пример того, как строилась пропаганда нового образа жизни женщины, решившейся изменить свою жизнь: очерк Н. Алексеева «Мертвый хватает живого» в рубрике «Старый враг в новом быту».

Работница с красивой фабрики «отучила мужа от пьянства, сама пошла в делегатки, создала образцовый порядок дома и <..> купила детям шашки. “Теперь у меня ребятам занятия, а я на собрании”, — светло улыбается она». Этот положительный пример типичен для женской прессы — жена может «перевоспитать» мужа.

Таким судьбам противопоставляются другие: «у нее пьяный озорной муж, который нещадно бьет ее за общественную работу. Часто, придя с собрания, вместе с ребятами она ночует по соседям». Автор очерка описывает два пути, которые есть

у женщин: отступить, «горько сжав губы», или выйти победительницей «после жестокой борьбы, принося часто ей в жертву свое здоровье». Слово «развод» не упоминается, но этот вариант описан тоже: «Имея даже ребят, они разрывают навсегда с тем, кто попытался преградить их победный путь».

На самом деле в очерке речь идет не о старом быте, а о прежнем распределении ролей в семье и обществе. Ведь работающая женщина, всячески побуждаемая к общественной работе, обязательно начинает тяготиться бесправным положением в семье.

В «Бабьей песне», опубликованной в «Работнице» в 1925 г., высказано типичное для женского журнала убеждение, что свободу в первую очередь надо завоевать от мужчин. И хотя пропагандисты разъясняли советским женщинам, что главный враг у них с мужчинами общий — это мировой капитализм, с которым надо сообща бороться, в сознании большинства женщин идея освобождения и раскрепощения все же связана с тем, что ближе и понятнее — изменением отношения к женщине в обществе, с ее новым социальным статусом.

*Ну-ка, бабы, при вперед. Напирай-ка!
Наша сила, знать, берет: мы — хозяйки.
Уж довольно мужику править бабой,
Хошь цени, а хошь бракуй, да не лапай! <...>
В кабале у мужиков долги годы
Ждали красных мы деньков да свободы. <...>
Чуть что — мы и в исполком мужиков-то:
Не гордися пиджаком перед кофтой.*

Пропагандистские приемы классовой борьбы (агрессивные нападки, создание негативного образа, навешивание ярлыков) переносятся на пропаганду идей женского равноправия. «Женский вопрос» часто превращался в борьбу против мужчин — ведь нужен был образ врага, который мешал равноправию. Агрессивная пропаганда способствовала более быстрому разрушению патриархальной семьи, отношений между супругами, вела к негативным последствиям, которые сказывались и спустя десятилетия.

Подход к мужчинам как к врагам не соответствовал задачам партийной пропаганды сплотить пролетариат и крестьянство без разделения по половому признаку. Однако женская пресса постоянно возвращается к этой теме.

В женской прессе активно формировалось негативное отношение к традиционным семейным отношениям. Внедрение в сознание женской аудитории образа «семья как кабала» активно шло в начале 1920-х гг. И. Ф. Арманда назвала семейный уклад «как бы последней крепостью старого строя, старого рабства», которую нужно разрушить. Этот образ поддерживался в многочисленных публикациях в различных аспектах. Все семейные конфликты сводятся к выбору «домашняя каторга» или общественная (партийная) работа. О проблемах в отношениях мужа и жены или в сексуальной жизни журналисты и читательницы не пишут никогда. Выход для всех конфликтов предлагается в создании общественных столовых, прачечных и пр., в разделении домашних обязанностей поровну. Семейные конфликты решаются в духе классовой борьбы: «перевоспитание» мужа или развод. Целью таких публикаций было поддержать женщин в их стремлении «сбросить ярмо» бытовых проблем, а не «укрепление» семьи.

Особое отношение к семье формировалось у женщин — членов партии: партия для них стояла на первом месте, как и обязанности коммуниста, а не жены. В пример можно привести очерк «Выше». Журналист пишет: жена решила «побороть в себе чувства жены-друга, побороть в себе женщину». Она выступила на заседании пленума райкома партии и разоблачила своего мужа-коммуниста: «Разложение, болезнь мужа вскрыла твердыми и острыми словами <..>. Коммунистка обличала, бичевала мужа — настоящая работница и коммунистка! <..> Алексеева своим шагом показала, что жизнь общественная для новой женщины непоколебимо выше личной привязанности и семейной жизни».

Эта история рассматривается как пример для подражания. В нем, помимо всего, проявлено и отношение к семье как к второстепенной и далеко не личной сфере жизни человека. Подобные примеры позволяют говорить о деконструкции семьи в этот период.

Литература

1. Алексеева Н. *Мертвый хватает живого*//Работница. 1928. № 7. С. 14–15.
2. Гориков В. *Бабыя песня*//Работница. 1925. № 4. С. 25.
3. З. Ч. *Выше!*//Работница. 1928. № 28. С. 12.
4. Крупская Н. К. *Усилим идейно-политическое воспитание женской молодежи*//Работница. 1935. № 20.
5. *Резолюция по вопросу «Семья и коммунистическое государство»*//Коммунистическая партия и организация работниц. Пособие для пропагандисток.

В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева

г. Краснодар, Кубанский государственный университет

Социально-демографические особенности развития городов Юга России в 1930–1950-е годы: гендерный анализ

Урбанизация является неотъемлемым элементом модернизационных процессов, поскольку в ходе нее происходят количественные и качественные трансформации общества, изменяется не только поселенческая структура, но и нормы, ценности, образ жизни населения, сконцентрированного в городах. Свои особенности процессы урбанизации имели в России в XX в., где она выступила важнейшим рычагом модернизационных преобразований.

Советская модернизация отличалась непоследовательностью и противоречивостью, количественный рост городского населения опережал его качественное наполнение. Существенно отставала в развитии и инфраструктура новых городов, советская урбанизация по сути была экстенсивной.

Главным результатом советской урбанизации стал численный рост городского населения, которое на протяжении века увеличилось более чем в 10 раз. К началу XX в. горожане насчитывали 7% населения страны, к концу 1930-х гг. — около 30%, а к середине XX в. доля городских жителей перешагнула 50% отметку.

Однако этот процесс имел свои особенности. Если в первые десятилетия XX в. рост городов в России носил эволюционный характер, то в начале 1930-х гг. важную роль в развитии города стали играть внешние факторы, в первую очередь форсированная «социалистическая индустриализация». Индустриализации требовалась максимально

сконцентрировать человеческие и материальные ресурсы, обеспечить создание необходимой инфраструктуры, что было возможно, прежде всего, в условиях города. Вместе с тем этот процесс в условиях советского общества осуществлялся форсированными темпами при значительном контроле со стороны государства. Рост городов и городского населения зачастую становился результатом прямого администрирования.

Число горожан в стране в период 1927–1939 гг. за счет естественного прироста выросло на 17,8%, тогда как вклад внешних источников — миграций и административных преобразований составил 82,2%. При этом за счет перевода сельских населенных пунктов в городские численность горожан выросла на 19%. Это определяло структуру городского населения.

Логика развития южнороссийских городов имела свои особенности. Прежде всего, это можно проследить на примере соотношения полов. В целом по СССР в 1939 г. соотношение полов в городском населении выглядело как 1086 женщин на 1000 мужчин, по РСФСР соответственно 1109:1000. В городах таких крупных южнороссийских регионов как Кубань и Ставрополье половая диспропорция была еще более заметной: 1000:1124 и 1000:1085 чел. соответственно.

Дисбаланс полов, значительно усиленный Великой Отечественной войной, на долгие годы вперед предопределил негативные тенденции в развитии населения. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают, что спустя почти полтора десятилетия еще сохранялся значительный разрыв в соотношении мужчин и женщин населения. В городах Кубани доля женщин на 12,6% превышала долю мужчин, на Ставрополье — на 12,5%. Соотношение мужчин и женщин в городских поселениях Краснодарского края составляло 1000:1260, в Ставропольском крае эта разница составляла соответственно 1000:1247. Причем дисбаланс полов в городе не смог сгладиться даже за счет активной миграции.

Половая диспропорция в городах отражалась и на показателях брачности. Доля состоящих в браке мужчин в 1939 г. заметно превышала долю замужних женщин. При этом в целом уровень брачности в городах Кубани и Ставрополья еще оставался достаточно высоким, с высокой долей ранних браков как среди мужчин, так и среди женщин. К 19-летнему возрасту от 25 до 30% городских женщин состояли в браке. В послевоенный период, когда половой дисбаланс значительно усилился, в сфере брачности у городского населения также наблюдалась заметная диспропорция. К 1959 г. доля состоящих в браке мужчин в городах Кубани составляла 53,2%, а замужних женщин — 42,2%, в городах Ставрополья соответственно 54,5 и 42,1%. И если в возрастной группе 25–39-летних, чье время рождения пришлось на предвоенные годы и чей брачный возраст в основном пришелся на послевоенный период доля замужних женщин достигала 80%, то в возрастах старше 40 лет она сокращалась практически вдвое.

В 1930-е годы женщины активно вовлекаются в сферу общественного производства, но они по этим показателям еще значительно отставали от мужчин. В городах Ставрополья в общественной сфере работало 29% от всех женщин, тогда как у мужчин соответствующие показатели составляли 60%. Сходные показатели были и по Кубани.

За период 1930–1950-х годов произошли существенные изменения в области вовлеченности населения в сферу общественного производства, особенно наглядно это проявилось в отношении женщин. Среди них увеличилось число занятых в общественном производстве, уменьшилось число иждивенцев и доля занятых в личном подсобном хозяйстве.

Модернизация страны в 1930–1950-е годы была тесно связана с процессами образования, так как индустриальное общество нуждалось в квалифицированных специалистах, научно-технических кадрах. Острой проблемой была неграмотность. По этим показателям в 1939 г. в городах Кубани неграмотными были 37,4% мужчин и 62,6% женщин, похожими были соответствующие показатели на Ставрополье — 37,9 и 62,1%. Постепенно с введением всеобщего образования эта разница стиралась.

О двадцатилетних результатах в области ликвидации неграмотности можно судить по данным переписи 1959 г. В возрасте 9–49 лет в городах Краснодарского края грамотными были 99,5% мужчин и 98,6% женщин, в городах Ставрополья соответственно 99,6 и 98,5%. Таким образом, практически был достигнут уровень сплошной грамотности.

Следующей важной задачей было повышение уровня образования. К 1959 г. рост числа лиц с высшим, средним и начальным образованием был повсеместным. В Краснодарском крае доля лиц с высшим образованием в городах выросла по сравнению с 1939 г. среди мужчин в 1,8, среди женщин — в 2,8 раза. На Ставрополье: у мужчин их доля увеличилась в 1,8 раза, у женщин — в 3,4 раза.

Выросло и число учащихся во всех типах учебных заведений. Однако на средней и высшей ступени образования практически во всех возрастных группах преобладание было на стороне мужчин. При этом в отдельных областях хозяйства среди специалистов, в том числе с высшим и средним специальным образованием, преобладали женщины. Так, на Ставрополье на 1955 г. доля женщин — специалистов с высшим образованием среди врачей составляла 71%, педагогов, библиотечных и культурно-просветительских работников — 69, экономистов и экономистов-статистиков — 52%. Таким образом, за период 1930–1950-х гг. произошли кардинальные изменения в области грамотности и образования городского населения.

В целом в рассматриваемый период городская среда создавала, с одной стороны, необходимые условия для активного развития, получения образования и самореализации, с другой стороны, прежде всего в городе стал обозначаться последствия модернизационных преобразований: половой дисбаланс, снижение брачности и рост разводимости, снижение рождаемости и старение населения.

Е. А. Воронова

г. Москва, Институт российской истории РАН

Городские практики советского городского отцовства 1950–1960-х годов

Представления о том, каким должен быть «советский отец», менялись с течением времени. В процессе формирования представлений об отце и отцовстве переломным являлся период 1950-х — 1960-х годов. Тогда на волне «оттепели» одновременно с критикой прежних норм и практик осуществления мужчинами своих родительских функций была подготовлена почва для нормативных и социальных изменений в семейной сфере, которые нашли свое окончательное оформление в Кодексе о браке и семье 1969 г.

Исследователи отмечают, что уже в первые годы советской власти происходила деконструкция отцовства как традиционной мужской социальной роли в патриархальном

обществе [8, с. 300]. В 1930-е годы в общественном сознании превалировал образ «отца — героя»: строителя, труженика, воина. Отцовство не являлось системообразующей частью этого образа: мужчина творил великие дела и участвовал в строительстве нового мира за пределами семьи [12, с. 113]. После смерти Сталина политический климат значительно потеплел, что сделало возможным обсуждение некоторых злободневных проблем, связанных с советской семьей. Особое беспокойство современников вызывало подрастающее послевоенное поколение детей, среди которых было много подростков с девиантным поведением и малолетних преступников. Существование таких «проблемных», «трудных» детей и подростков было характерным прежде всего для городской среды, с ее более низким, по сравнению с сельской местностью, общественным контролем. И, в связи с этим, в публичном дискурсе возникает фигура городского мужчины-отца, который, по мнению современников, должен был помочь советскому обществу с воспитанием проблемных детей и подростков, как минимум, в рамках собственной семьи.

В центре нашего внимания будут находиться городские отцы и их поведенческие акты, стратегии действий, которые определялись как «родительские». Отцовство существует в контексте эпохи, и потому воспроизведение определенных родительских практик мужчин в советском социальном дискурсе свидетельствовало о том, как отцовство было институционализировано в советском обществе. Стоит отметить, несмотря на то, что не все эти поведенческие паттерны были «позитивными», тем не менее, общество продолжала маркировать их как «отцовские».

Родительские практики советских отцов в городах будут рассматриваться на основе следующих источников: письма граждан «во власть», которые сохранились в фондах Юридической Комиссии Совета Министров СССР и в Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР; публицистические источники, представленные статьями из «Литературной газеты» и «Работницы». Для выделения «городской» специфики отцовства, особое внимание уделялось письмам «во власть» людей, которые позиционировали себя как городских жителей, а также публицистические статьи, посвященных городской жизни.

Начать бы хотелось с «базовой» (по мнению многих советских граждан) деятельности отцов, а именно с практики «добытчика», того, кто заботится об экономическом обеспечении семьи. Особенную злободневность эта проблема обретает именно в 1950–60-е гг., когда в обществе остро стояла проблема обеспечения детей — «безотцовщины». Современники полагали, что роль «добытчика» является «долгом», «обязанностью» отца, однако, не исчерпывается только лишь этим («Восстановил сына против матери. У него перед семьей нет ответственности. Приносит в дом деньги... остальное меня не касается» [7, с. 2]). С течением времени в общественном сознании укреплялась идея о том, что отец несет ответственность за воспитание детей в той же мере, что и мать ребенка: «Отец обязан, это его моральный долг, следить за развитием и ростом своего ребенка, содействовать его развитию умственному и физическому» [1, с. 257–265].

Но что подразумевалось под фразой «воспитание детей»? Можно выделить несколько воспитательных стратегий отцов, которые характеризуются эпизодическим участием в жизни детей и домашних делах. От отцов требовалось выполнения лишь части работы по дому (в лучшем случае), и круг их обязанностей был намного меньше, чем у женщин. Впрочем, были и специфические, «мужские» практики в воспитании, которые могли осуществлять только отцы. Это так называемая «сильная рука», или «строгий родитель».

Важно отметить, что и «Работница» и «Литературная газета» отмечают эффективность такого метода воспитания, но одновременно с этим они все же осуждают отцовский деспотизм: «Так, Лида Р., ученица 8-го класса нашей школы. Признает только отца, который с ней очень строг и требователен; мать и бабушку, действующих методом убеждения, Лида ни во что не ставит» [10, с. 27].

Помимо непосредственного участия в воспитании и помощи с детьми, отцы должны были быть моральным авторитетом для детей, и быть своего рода ролевой моделью, особенно, когда дело касается сыновей («Дети тянутся к заводу... на котором работает их отец» [6, с. 2]). Однако в общественном дискурсе 1950–1960 годов чаще уделялось внимание негативному влиянию отцовской ролевой модели — «дурному примеру»: «Когда отец на глазах ребенка уходит... не попрощавшись с матерью. Отец говорит матери «подай» вместо «подай, пожалуйста»... Когда отец, уткнувшись в газету, не обращает на мать никакого внимания... когда видит в окно нагруженную сумками мать и не бежит ей помогать... Отец небрежно бросает «да мало ли что там мать сказала»... Мальчику... начинает импонировать грубый тон отца... и он начинает подражать» [11, с. 2].

В качестве одной из самых ярких и специфически «мужских» отцовских городских практик можно отметить проведение досуга вместе с ребенком, так называемая роль «воскресного отца». Для городских жителей это мог быть культурный досуг (кино, праздничные мероприятия [2, с. 233–234]). В публицистике образ «воскресного отца» преимущественно связан с совместным препровождением на рыбалке или при сборе грибов. В «Работнице» связь «воскресный отец» — рыбалка повторяется в нескольких публикациях: «И отказывают им в удовольствии поехать с отцом на рыбалку» [9, с. 28–29]. Странным образом «Литературная газета» в качестве совместного отцов и детей отдает предпочтение сбору грибов: «В субботу вечером папа достает авторучку и нарочно выкапывает из нее все чернила. Это означает, что в воскресенье он писать не будет. В воскресенье мы идем в лес и собираем грибы. Папа рассказывает истории, например, как он был маленьким» [5, с. 16].

Во всех случаях речь идет об отношениях «отец-сын» — формате, где они выступают «добытчиками». Рыбалка и сбориание грибов презентуется как «мужской» промысел, маскулинное пространство, в которое происходит передача опыта и знаний «добытчиков», а также идет трансляция одной из основополагающих маскулинных моделей.

Родительские практики городских отцов, рассмотренные выше, в общественном дискурсе отождествлялись с отцами, которые жили в семье, вместе с женой и детьми. Однако в сознании современников была категория девиантных отцов, которых неформально называли «отцами-подлецами». Так называли мужчин, у которых были биологические дети от неформального брака, однако, согласно Указу от 8 июля 1944 г., их отцовство не могло быть установлено в суде, и, следовательно, у них не было юридических обязательств перед своей неофициальной семьей. Поэтому авторы «писем во власть» конструировали этот паттерн родительства как идеальный «антипример» отца, немного упрощая и стереотипизируя то, с чем сталкивались в реальности. Сложно сказать, были ли «отцы-подлецы» исключительно городским феноменом, однако, можно предположить, что для такой стратегии поведения девиантного общества городская среда была комфортнее из-за меньшего контроля со стороны общества. Для иллюстрации стоит привести две цитаты, женскую и мужскую, от «матери-одиночки» и «сожалеющего отца-подлеца»: «Люди оскорбляют их безотцовщиной, нагулянными...

а отцы этих детей — подлецы, прекрываются (Здесь и далее сохранена оригинальная орфография и пунктуация — Примеч. автора) Указом... почему дети страдают и становятся обвиняемыми», [4, с. 63–75] «14 лет тому назад я отказался от своего сына в Челябинске, а 9 лет тому назад я отказался от дочери в Москве. Сейчас меня потянуло к детям, а чужие это не то. В тот момент я думал, что закон есть чтобы не плотить и надо за него бороться. Сейчас я считаю что счастье не в деньгах. Отцы должны вернуть своих детей. А о мужском самолюбии тоже не забывайте» [1, с. 5]. Образ «отца-подлеца» достаточно яркий и узнаваемый, каждый автор наделял его теми чертами, которые казались ей (или ему) важными. Однако, их выделяло именно их оторванность от семьи, или же, как минимум, наличие детей от предыдущих отношений, поскольку, иначе, они не могли бы считаться «отцами».

Более конкретно хотелось бы также выделить распространенные характеристики, присущие этой модели поведения: «жизнь в свое удовольствие», составляющими которой были «разврат», «праздность», «фроскошь», «пьянство».

«Отцы-подлецы» нарушали общественный порядок, негласные правила тем, что отказывались принимать на себя ответственность отцовства и семейную жизнь вообще. Их «жизнь в свое удовольствие» и «свободный образ жизни», за что их зачастую сравнивали с «котами» и «мотыльками», вызывали неприятие общества. Такая родительская практика не вязалась с образом советского человека, однако, этот вариант «традиционного machismo» существовал в социальном дискурсе того времени.

Литература

1. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 445.
2. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 218.
3. ГА РФ. Ф. 9514. Оп. 1. Д. 71.
4. Дробиз Г. *Мой папа-писатель*//Литературная газета. 1967. № 9.
5. Елисеева В. *Подростки*//Литературная газета. 1958. № 079 (3890).
6. Лацис А. *Назовите фамилию! Рассказ без конца*//Литературная газета. 1955. № 085 (3430).
7. Лебина Н. Б. *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М.: НЛЮ, 2015.
8. Панфилова Т. *О солнце, лете и серьезных вещах*//Работница. 1964. № 5.
9. *Подход к детям*//Работница. 1957. № 3.
10. Протопопова А. *Молодая мать*//Литературная газета. 1955. № 153 (3498).
11. Чернова Ж. В. *Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства*//Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1.

А. В. Жидченко

г. Москва, Музей Якова Брюса

Родильный дом в повседневной жизни советских горожан 1950–60-х годов: постановка проблемы

В современной энциклопедической литературе родильный дом определяется как медицинское учреждение, обеспечивающее квалифицированную помощь женщинам во время беременности, непосредственно в ходе родов и в послеродовой период, а также медицинскую помощь новорожденным. Однако в массовом сознании и массовой

культуре понятие «родильный дом» вышло далеко за пределы своего определения как медицинского учреждения, а стало ассоциироваться с самим фактом появления на свет новых людей, новых членов семьи, чаще с фактами счастья по случаю прибавления в семействе.

При этом самым важным в изучении родильных домов в повседневной жизни советских горожан 1950–60-х годов становится факт разного к ним отношения и различного их восприятия со стороны мужчин и женщин. Степень участия, как первых, так и вторых, в деятельности родильных домов для большинства жителей советского города, напрямую связана с гендерными различиями, и определяется помимо медицинских процессов общими нормами социального поведения.

В предлагаемой работе мы попробуем сформулировать основное проблемное поле, связанное с тематикой изучения места «родильного дома» в повседневной жизни советских горожан в 1950–60-е годы. Данное исследование носит междисциплинарный характер и связано с проблематикой этногендерного подхода [3], истории повседневности [2], социальной истории и теории городского культурно-исторического пространства [4].

Основные источники для изучения данной темы — это законодательные акты, делопроизводственная документация, отраслевая и художественная литература, а также большой объем данных, связанных с источниками личного происхождения (воспоминания, фотографии, письма, дневники и т.д.).

Период 1950–60-х гг. был связан со снижением уровня рождаемости по сравнению с «бумом» конца 1940-х гг. Однако, на эти два десятилетия в сфере родовспоможения повлияло Постановление Совета министров СССР от 18 мая 1949 г. № 2004 «О мерах по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы» [1]. После выхода данного Постановления ситуация с обеспечением городских и сельских рожениц квалифицированной медицинской помощью значительно улучшилась. Примерно в этот период (1950–60-е годы) родильные дома и стали восприниматься в качестве повсеместно функционирующих медицинских учреждений, обеспечивающих женщинам, готовящимся стать матерями, определенный уровень безопасности и здоровьесбережения. После обеспечения этой важнейшей задачи, роддома стали восприниматься как неотъемлемая часть процесса появления на свет нового человека, и в каждой советской семье долгожданное и самое большое в жизни событие становилось невозможным без исполнения своей роли данного учреждения.

Для большинства горожан и горожанок в их повседневной жизни родильный дом играл какую-либо роль эпизодически. Процесс консультаций до родов и после них касался сугубо женских вопросов, которые в своих кругах обсуждали данные вопросы друг с другом, советовались и делились опытом. Среди рожениц в больших городах, в которых функционировало несколько роддомов, существовал и их негласный рейтинг, связанный с временем приезда скорой помощи, отношением персонала, квалифицированностью врачей, современным оснащением, санитарным состоянием, новизной самого учреждения и многими другими факторами.

По воспоминаниям старожилков именно с роддомами у женщин, да часто и их мужей, были связаны одни из самых значимых моментов в жизни. Поэтому в пространственном отношении расположение роддома в городе не определялось центром или окраиной, а зависело от того, что именно там в семье появился новый человек. Важность своей профессии осознавали и акушеры-гинекологи, о которых писали в газетах, журналах, услуги которых молодые мамы советовали своим знакомым, будущим

матерям. Многие специально приезжали рожать из деревни в город, поскольку это было безопасней.

Отдельная проблематика, которая заслуживает внимания в подобном исследовании, заключается в отношении представителей мужского пола к родильным домам и самому факту появления в этих учреждениях новых членов семьи. Следует отметить, что особую «романтизацию» тема встречи мужьями своих жен после рождения детей в роддомах, приобрела именно в 1950–60-е годы. Кинематограф, литературные произведения и личный опыт каждой семьи заложили определенные традиции, которые в дальнейшем передавались следующим поколениям горожан.

В целом, место родильного дома в повседневной жизни советских горожан 1950–60-х годах определяется целым рядом факторов, которые следует изучать со стороны женщин и со стороны мужчин, со стороны самих работников данных учреждений, и со стороны внешней по отношению к повседневности сферы — той, которая транслировала деятельность родильных домов в широкие массы и закрепляла в массовом сознании определенные связанные с ними стереотипы.

Литература

1. Постановление Совета министров СССР от 18 мая 1949 г. № 2004 «О мерах по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы»//Постановления Совета министров СССР по вопросам народного хозяйства. М.: 1950. С. 165–172.

2. Пушкарева Н. Л. История повседневности: Предмет и методы//Социальная история. Ежегодник, 2007/Редкол.: И. Ю. Новиченко, А. К. Соколов, Р. М. Андерсон. М., 2008. С. 9–54.

3. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011.

4. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: Изд-во Ом. Гос. Ун-та, 2010. С. 19–29.

Подготовлено в рамках проекта РФФИ 16–01–00136 — «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ»

А. А. Ожиганова

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

Домашние роды в России и США: борьба горожанок за репродуктивные права и женский empowerment

Работы американских социальных исследователей независимого акушерства, многие из которых сами были активистами движения за домашние роды (Robby Davis-Floyd, Betty-Anne Daviss, Christine Barbara Johnson, Christa Craven и других), показывают, что на Западе это движение является частью «глобального феминистского проекта», а выбор места родов и помощников в родах признан «базовым репродуктивным правом» [2; 3].

В России помощь в родах вне медицинских учреждений является нелегальной. Статистика домашних родов не ведется. Известно только, что роды вне медицинских учреждений составляют чуть более 1% от общего числа родов в стране, включая рожениц, которых по тем или иным причинам просто не успели довести до роддома. Надо

отметить, что женщины, выбирающие домашние роды, как правило, являются представительницами среднего класса, имеют хорошее образование и проживают в крупных городах. В настоящее время большинство российских домашних акушерок получили дипломы о медицинской школе как акушерки или медсестры и считают себя профессионалами. По их мнению, профессионализм включает формальное и неформальное образование, личный опыт и особый подход к родам или профессиональной этике, выражающийся в профессиональном самосознании. Группа московских акушерок создала Ассоциацию профессиональных акушерок, в которую впоследствии вошли также домашние акушерки из других городов.

Движение за легализацию домашнего акушерства в США, заявившее о себе в 1970-х годах, развивалось параллельно с более широким движением за репродуктивные права женщин. Сначала многие женщины, поддерживающие домашних (или непрофессиональных — lay) акушерок, сомневались, что их требования можно рассматривать в рамках борьбы за репродуктивные права, из-за ассоциации с феминистскими требованиями права женщин на аборт и контрацепцию. Тем не менее, вскоре лидеры движения за домашние роды (вне зависимости от того, разделяли ли они pro-life или pro-choice позиции) освоили язык «прав» и «выбора» для описания важности расширения возможностей женщин в сфере репродуктивного здоровья.

В 1982 году независимые акушерки создали собственную организацию — Midwives Alliance of North America (MANA), которая со временем стала центром широкого движения сторонников домашних родов. В 1985 году на очередном съезде MANA был поднят вопрос о разработке национальной сертификации непрофессиональных домашних акушерок. Начала совершенствоваться система подготовки акушерок, открывались школы, где они могли получить формальное образование.

В начале 1990-х годов среди членов MANA активно обсуждался отказ от названия lay midwife (непрофессиональная акушерка) в пользу более профессионального термина direct-entry midwife (акушерка без медицинского образования). В начале 2000-х годов члены MANA инициировали создание Национальной ассоциации сертифицированных профессиональных акушерок (NASPM), которая стала осуществлять контроль за подготовкой и сертифицированием независимых акушерок.

В настоящее время деятельность сертифицированных независимых акушерок является легальной в 21 штате (всего более 700 DEMs). При этом неизвестно, сколько на самом деле таких акушерок в Соединенных Штатах. По оценкам Девис-Флойд, к началу 2000-х годов число сертифицированных DEM в Соединенных Штатах составило около 2000, еще приблизительно 1500 акушерок не имели лицензии [1, с. 60].

В ходе отстаивания своих прав на немедициализованные роды, многие женщины обращались к термину «потребитель» и своим потребительским правам. Роль потребителя воспринималась в контексте расширения возможностей женщин (empowerment) как альтернатива патерналистским отношениям врача и пациентки [2, с. 5].

Памела Классен, в своем исследовании религии и родов, утверждала, что женщины могут оспаривать систему родовспоможения посредством осуществления своей потребительской власти и способствовать развитию альтернативного акушерства и домашних родов. В то же время Классен отмечала, что многие американские женщины принимают идею, что уход за беременными женщинами является товаром, только со значительными оговорками. Например, феминистские сторонницы домашних родов активно сопротивлялись метафорам потребления и обращались

к критике «бизнеса родов». Другие домашние роженицы, отвергающие идеи феминизма, подчеркивали важность сильной эмоциональной связи между женщиной, невозможной в отношении потребитель — продавец. Акцент на правах потребителей усиливает социальную напряженность, осложняет борьбу за доступность услуг в области репродуктивного здоровья для всех женщин, особенно для женщин из низших социальных слоев, обладающих низким доходом. Криста Крейвен обвинила движение за домашние роды в поддержке неолиберальных лозунгов, «свободного» рынка, а значит, и социального неравенства и отходе от идеи глобальной солидарности женщин (global sisterhood) [2].

В последнее десятилетие участники движения за независимое акушерство все чаще обращаются к понятию «стратифицированная репродукция», описывающему дифференцированный доступ к медицинской помощи в сфере репродукции, отношения, которые предоставляют одним женщинам широкие возможности и делают других бесправными и зависимыми. Активисты движения предпринимают значительные усилия для установления «репродуктивной справедливости»: они обращаются ко всем женщинам, независимо от их социального положения, образования, способности сделать «выбор» в силу недостатка знаний или материального положения; поощряют их к ведению совместной борьбы для укрепления репродуктивных прав для всех женщин, а не только тех, у кого есть средства для их «потребления».

Российское движение за домашние роды кардинально отличается от американского: домашние акушерки и родители, являющиеся сторонниками домашних родов, избегают публичности, предпочитая действовать через частные социальные сети. Проблема домашних родов не присутствует в повестке ни правозащитного, ни феминистского движения.

Литература

1. Davis-Floyd R., Johnson Ch. B. (ed.) (2006) *Mainstreaming midwives: the politics of change*, N. Y., London: Routledge.
2. Craven Ch. (2010) *Pushing for midwives. Homebirth mothers and the reproductive rights movement*, Philadelphia: Temple University Press.
3. Fiedler D. C., Davis- Floyd R. (2002) *Midwifery as a Reproductive Right, Historical and multicultural encyclopedia of women's reproductive rights in the United States*, Baer, Judith A. (ed.), Westport: Greenwood Press.
4. Klassen P. (2001) *Blessed events. Religion and home birth in America*, Princeton University Press.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) № 16–01–00136 а

Н. А. Араловец

г. Москва, Институт российской истории РАН (ИРИ РАН)

Репродуктивное поведение женщин в городах РСФСР, 1960-е годы

В 1960–1970-е гг. в РСФСР, как и во многих развитых странах, совершился демографический переход, т. е. переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения с низким уровнем рождаемости и смертности населения. В РСФСР демографический переход развивался в условиях вмешательства государства в личную и семейную жизнь населения. Особую роль играли низкая половая культура большин-

ства населения страны, отсутствие качественных и доступных средств контрацепции, широкое распространение абортот и т.д. [1, с. 39].

В конце 1950-х-начале 1960-х годов уровень рождаемости в городах и, особенно в сельских местностях РСФСР оставался высоким. Однако в последующие годы в условиях трансформации традиционных репродуктивных установок ее уровень понижался. В 1960-е годы наиболее низкие показатели рождаемости отмечались в городах. Исключением был 1970 г., когда уровень рождаемости в городах был выше, чем в сельских местностях и в целом в РСФСР. На 1000 человек населения родившихся было в городах в 1959 г. — 21,0, в 1960 г. — 20,4, в 1965—14,4, в 1970—14,8; в сельских местностях соответственно — 26,8, 26,5, 17,6, 14,3; в целом в РСФСР — 23,8, 23,2, 15,7, 14,6 [2, с. 50—52; 7, л. 1—2 (подсчеты автора)].

Из данных статистики видно сближение уровня рождаемости населения в городах, сельских местностях и в целом в РСФСР.

Снижение уровня рождаемости населения отмечалось в условиях государственной помощи беременным женщинам, кормящим матерям, женщинам с детьми в возрасте до 1 года, в т.ч. одиноким и многодетным матерям [8, л. 5—5 об.; 12, л. 1].

В РСФСР, особенно в городах было создано специальное медицинское обслуживание беременных женщин. Все это свидетельствовало об изменении репродуктивного поведения населения и перехода к малодетности.

Уровень рождаемости снижался у русских женщин. На 1000 человек населения родилось в городах РСФСР: 1959 г. — 17,7, 1965 г. — 12,3, 1970 г. — 12,6; в сельских местностях соответственно — 19,2, 11,3, 9,3; в РСФСР в целом — 18,5, 11,9, 11,4. Из данных статистики видно, что в 1959 г. более низкий уровень рождаемости был у русских женщин в городах. Однако в 1965 г. по сравнению с 1959 г. показатель рождаемости у русских женщин в городах был выше, чем в сельских местностях и в целом в РСФСР. В 1970 г. уровень рождаемости у русских женщин в городах немного увеличился, в РСФСР в целом и, особенно в сельских местностях понизился.

Однако уровень рождаемости у русских матерей был выше, чем украинских и белорусских. В 1970 г. — на 1000 человек населения родилось в городах у русских женщин — 12,6, украинских — 0,5, белорусских — 0,2; в сельских местностях соответственно — 9,3, 0,4, 0,1; в РСФСР в целом — 11,4, 0,4, 1,6 [4, л. 2—3 об., 68—68 об., 71—71 об., 78—78 об., 82—82 об., 86—86 об., 96—96 об., 98—98 об., 100—100 об., 103—104 об., 109—110 об., 113—113 об., 124—124 об., 127—127 об., 147—147 об.; 6, л. 2—2 об. (подсчеты автор)].

Показатели рождаемости у русских женщин снижались в городах и, особенно в сельских местностях национальных регионов РСФСР. В 1970 г. — на 1000 человек населения у русских женщин родилось в городах Якутской АССР — 7,4, Башкирской АССР — 4,3, Дагестанской АССР — 1,8; в сельских местностях соответственно — 2,1, 3,1, 1,4.

Заметно выше, прежде всего в сельской местности, был уровень рождаемости у коренных национальностей этих регионов. В 1970 г. — на 1000 человек населения родилось в городах Якутской АССР у якутов — 1,6, в сельской местности — 15,3; в городах Башкирской АССР у башкир — 1,0, у татар — 1,7, в сельской местности соответственно — 6,7 и 5,8; в городах Дагестанской АССР у аварцев — 1,2, даргинцев — 0,9; в сельских местностях — 17,5 и 12,3 [11, л. 4 об., 5 об., 28 об., 29 об., 99 об., 100 об., 132 об., 133 об., 162 об., 163 об., 168 об., 169 об., 207 об., 208 об. (подсчеты автора)].

Возраст матери при рождении ребенка по сравнению с предыдущими десятилетиями повышался. В 1960-е гг. в РСФСР женщины в среднем рожали в возрастах 26–27 лет. Вместе с тем данные статистики свидетельствовали о небольшом понижении среднего возраста матери при рождении ребенка (лет): в 1961–1962 гг. в городах — 27,2, в сельских местностях — 28,2, в РСФСР в целом — 27,8; в 1965–1966 гг. — 26,8, 27,8, 27,5; в 1969–1970 гг. — 26,5, 27,5, 27,0 [3, с. 148]. Следует отметить, что средний возраст матери при рождении ребенка в городах был ниже, чем в сельских местностях. Таким образом, с 1961–1962 гг. по 1969–1970 гг. средний возраст матери при рождении ребенка немного сократился в городах на 0,7 лет, в сельских местностях — на 0,7 лет, в РСФСР в целом — на 0,8 лет.

Уменьшалось число детей, рожденных женщиной к концу репродуктивного периода (репродуктивный период охватывает возраста — 15–49 лет): в начале 1960-х гг. в городах 1–2, в сельских местностях — 3–4, в РСФСР в целом — 2–3; в конце 1960-х гг. соответственно — 1–2, 2–3, 1–2 [3, с. 94]. Из приведенных данных видно, что среднее число детей, рожденных женщиной к концу репродуктивного периода, в городах не изменилось, в сельской местности и в РСФСР в целом понизилось.

В РСФСР доминировала брачная рождаемость. В 1970 г. в РСФСР в зарегистрированном браке родилось 89,4%, вне зарегистрированного брака — 10,6% детей [3, с. 149]. Преобладание в РСФСР брачной рождаемости положительно влияло на репродуктивное здоровье населения.

В городах для брачной рождаемости было характерно доминирование первых и вторых рождений, в сельских местностях при численном преобладании первых рождений число первых и вторых рождений было меньше, чем в городах, а последующих — заметно больше. Внебрачная рождаемость характеризовалась доминированием первых рождений, особенно в городах: в 1970 г. первые внебрачные рождения составляли в городах — 72,3% (от числа всех рождений), в сельских местностях — 51,2% [5, л. 4–5 об.; 9, л. 4–5 об.; 10, л. 4 об., 5 об. (подсчеты автора)].

Таким образом, в 1960-е гг. наблюдалось заметное изменение репродуктивного поведения, особенно городских женщин, что способствовало, наряду с другими факторами, переходу к малодетности.

Литература

1. Васильева Э. К. *Семья и ее функции (демографо-статистический анализ)*. М.: Финансы и статистика, 1975. 181 с.
2. *Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. М., 1998. 398 с.*
3. *Демографический ежегодник России, 2002: стат. сб. М., 2002. 397 с.*
4. *Российский статистический архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 817.*
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 819.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2608.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2666.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2668.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1405.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1407.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1419.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1484.

Об отношении черкесов к детям и рождаемости

В системе жизненных ценностей черкесов ребенку отводилось одно из главных мест. «В крестьянском быту от наличия детей, и прежде всего, сыновей, зависели и количество рабочих рук в семье, и уход за родителями в старости. Бездетность была несчастьем и считалась позором, а женщине грозила почти неминуемым разводом или появлением в доме второй жены. С появлением детей упреждалось и общественное положение отца. Детей нет, в семье нет жизни» — говорили адыги [3, с. 66]. Как и многие народы, жившие крестьянским обществом, черкесы стремились к многодетности. Один ребенок в семье оценивался, как вообще отсутствие детей (Т1ур зы, зыр уимы́з пзлы́тэ — Двое, что один, один — считай, совсем нет; Къуэ закбуэ́рэ нэ закбуэ́рэ — Один сын, что один глаз). В литературе отмечается, что «брак заключается в расчете на большое потомство и продолжение рода. Полагается иметь как минимум 3 детей... В качестве идеального количества детей от одного брака называются семь и девять. В их числе должно быть непременно двое сыновей. Наличие одного сына воспринималось как нежелательная тенденция к сужению патрилинейности» [1, с. 28]. К появлению детей мужского и женского пола относились по-разному, ценность мальчиков была несравнимо больше, чем девочек. Сын связывался с продолжением рода, фамилии, наследованием власти и имущества. Помощи в болезни, несчастье, старости обычно ожидали от сыновей. «Привитие дочери соответствующих навыков претворяли в жизнь общественное предписание, в котором расчет на действительную помощь себе занимал второстепенное место» [2, с. 27]. Взгляд на нее определялся соображениями о том, что она является временным членом семьи (пхъур хамэ, пхъур хамэ бын — дочь чужая, дочь — чужой ребенок), который после замужества навсегда покинет родительский дом.

У нас нет данных о том, был ли у черкесов контроль над рождаемостью в прошлом, какие интервалы между детьми считались нормативными в традиции, и существовали ли вообще такие понятия. Такого рода детали обошли вниманием, как первоисточники, так и литература по черкесам. Вопросы деторождения относились к достаточно закрытой сфере, как и все имеющее отношение к телесным проявлениям, что было одной из характерных особенностей черкесской культуры. В традиционном обществе понятий о регулировании или ограничении рождаемости, по большому счету, быстрее всего, не было. По крайней мере, нам не встречались материалы, где содержались бы сведения по этому вопросу. В религиозных установках (ислам) не только конкретные действия, но и мысли об этом, признавались величайшим грехом. Идеалом считалась многодетная семья. Говоря о заинтересованности семьи, общества иметь много детей, наверно, надо еще учитывать и высокую смертность детей, низкую продолжительность жизни людей в прошлые времена. Но все же слишком большое их количество в семье создавало, вероятно, проблемы витального характера, в том числе, в целом для народа, но были ли понятия о социально-экономических причинах перенаселения сказать трудно. В настоящее время эту информацию уже не найдешь посредством опроса информантов, с определенной долей уверенности можно о чем-то говорить, начиная только с советского времени.

Несмотря на процессы, происходящие в жизни черкесского общества весь советский и постсоветский периоды, как в целом и российского, трансформацию и мо-

дернизацию ценностных установок черкесов, наличие детей осмысливается одним из главных составляющих благополучия счастья человека в жизни. Ихсоциальная ценность продолжает быть высокой, но с оглядкой на реалии времени. В жизни современной семьи ребенок занимает центральное место, и он представляется смыслом существования. В народном сознании довлеет мысль о том, что, в общем-то, оправдана лишь жизнь ради детей и все, что человек делает, он делает ради них (Цыхур и бы-нын шхэжэ шэпсоур). Повысилась и социальная ценность девочек по сравнению с прошлыми временами. Долгом, обязанностью считается давать ребенку лучшее, что имеется, жертвовать ради него своими интересами. Эти взгляды, как известно, являются общими для человеческого сообщества. Несмотря на то, что высокая ценность детей продолжает существовать, но представления о необходимости иметь их много, ушли в прошлое. Изменения в укладе жизни, структуре семьи и общества, занятость женщин общественной, профессиональной деятельностью и трудность совмещения социальных ролей, повлекли за собой изменение мотивации деторождения и снижение потребности в детях. Детность в черкесских семьях ощутимо начала падать в 60–70 годы XX в. Эта тенденция отмечалась по всей стране, а в русских регионах она возникла еще раньше. Исторический, традиционный тип рождаемости, с установкой на многодетность, сменился на современный — с низкой рождаемостью. В городских семьях обычно было двое детей, в сельских трое и больше, но и там количество детей, отношение к рождаемости зависели от принадлежности людей к разным социальным, возрастным слоям и группам, уровня образования, склада менталитета и т.п. Но желательные размеры семьи сократились везде, и двое-трое детей в семье со временем стало видаться оптимальным количеством, соответствующим реалиям современной жизни. Повысилась продолжительность жизни людей, снизилась детская смертность, изменились социально — экономические условия и стандарты жизни. Появились знания о контрацепции и положительное отношение к ней. В черкесском обществе сформировался новый тип семьи, основанный на малодетности, а жизнь отдельного ребенка сегодня является намного более ценной, чем в прошлом. «Детоцентризм», свойственный сегодняшнему времени, по мнению ученых, явление мирового порядка, и основывается на репродуктивной мотивации нового типа. В сегодняшнем родительском понимании успешное будущее детям легче обеспечить, когда их немного. Знаковая в прошлом формула «шхэжэ езы и насып и!»», имеющая смысл, что каждому рождающемуся на свет, «выделена» своя доля счастья на земле (т.е., не надо думать о трудностях многодетности), не так часто уже употребляется в разговорах людей.

В виде ремарки можно заметить, что с середины 90-х годов, когда в обществе наблюдалось возрождение религии, традиций, определенный слой молодых людей, обо-его пола в своем прокреативном поведении стали ориентироваться на установки ислама, который запрещает ограничение рождаемости. В таких семьях количество детей выше, чем в других слоях общества. В этом явлении, как и во внешнем облике этих людей (хиджаб у женщин, борода у мужчин), поведении, мировоззренческих взглядах и установках, можно видеть элементы архаизации общества, т.е., возврата в прошлое. Данный вопрос требует специального, глубокого исследования, мы же основываемся на собственных наблюдениях повседневной реальности.

Литература

1. Бгажников Б. Х. *Социальная организация семьи. По материалам исторической этнографии адыгов. Нальчик, 2010.*

2. Карпов Ю. Ю. *Женское пространство в культуре народов Кавказа*. СПб., 2001.

3. *Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX в. М.*, 1983.

О. В. Семенова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Теоретические вопросы эволюции и экологии человека: модели изменения репродуктивного поведения мужчин и женщин в условиях урбанизации

Индустриализация и результирующая урбанизация сопровождаются выраженными процессами, связанными с изменением репродуктивного поведения человека. При этом, «продолжающийся переход к моделям репродукции с низкой рождаемостью наряду с увеличением продолжительности жизни являются ключевыми факторами, воздействующими на динамику народонаселения во всем мире. В настоящее время почти половина населения планеты живет в регионах с рождаемостью ниже уровня воспроизводства» [13].

Теоретические положения эволюционной экологии предполагают, что репродуктивные стратегии человека могут значительно изменяться с ростом популяционной плотности [10]. В представленном докладе мы предлагаем обсудить ряд экологических событий, изучаемых в рамках «эволюционной демографии» [15], оказывающих воздействие на индивидуальные репродуктивные решения в условиях растущей численности населения в крупных городах — мегаполисах.

Экономические предпосылки к изменению репродуктивного поведения

На сегодняшний день большинство эволюционных экологов сходятся во мнении: индивидуальное репродуктивное поведение имеет строгие ресурсные (прежде всего экономические) ограничения [4]. Каплан показал, что баланс между альтернативными стратегиями поведения, такими как: образование и/или размножение, в современном обществе смещается в сторону образования; при этом, женщины часто откладывают материнство на более поздний возраст, что негативно сказывается на рождаемости [6].

Согласно взглядам сторонников структурного (экономического) подхода, в индустриально развитых странах, в присутствии повышенной плотности населения, где индивидуальная и групповая конкуренция возрастает пропорционально уровню урбанизации, модели различных форм репродуктивных решений возникают в результате планирования индивидом альтернативных экономических стратегий. И если конкуренция требует увеличения экономических инвестиций в «человеческий капитал» [1], базовые эволюционные принципы позволяют предположить, что оптимальный уровень репродукции будет падать [14].

Влияние урбанизации на поиск и выбор партнера

Процесс поиска партнера может быть затруднен при высокой плотности населения рядом когнитивных ограничений, осложняющих этот выбор, в связи с доступностью большого числа вариантов [4]. Результаты математического моделирования [9] предсказывают что, взаимная избирательность обоих полов наиболее распространена в условиях высокой плотности, например в крупных мегаполисах.

Особая негативная форма взаимного выбора партнера — «развод» с партнером

в случае неудовлетворенности последним. Поскольку эволюционные «выгоды» от развода также зависят от будущих возможностей создания новой пары, можно предположить, что при прочих равных условиях, случаи развода будут редки в популяциях с низкой плотностью населения, а в крупных поселениях количество разводов возрастает [3].

Воспитание детей в условиях больших городов

Продолжительный период детства, связанный с полной ресурсной зависимостью ребенка от родителей, родственников, социума в современных обществах обусловлен не только особенностями физиологии ребенка, но и культурным контекстом современных обществ, в которых экономическая независимость индивида отложена и приурочена к прохождению молодым человеком или девушкой определенных социальных ступеней и возрастных рубежей. При этом в современных городах доступность помощи родственников, прежде всего бабушек и дедушек снижается [14], так как размер семьи в городах сокращается [11]. Таким образом, участие родителей в прямой заботе о детях, и родительские косвенные экономические инвестиции в детей, приобретают особую актуальность и значимость.

Эволюционная экология предсказывает, что в определенных случаях ресурсное обеспечение отца может прекратить свое существование в связи с высокой плотностью в популяции и уступать место соревновательной конкуренции и полигинии [2], что в свою очередь может негативно повлиять на возможности выбора женщинами брачного партнера. Предполагается, что социальная моногамия может максимизировать приспособленность мужского пола в условиях, когда женщины представлены в популяции дисперсно, либо имеется их недостаток [8]. При этом, на территориях, где количество женщин растёт, и они локализируются в определенном ареале, полигиния становится более распространенной мужской репродуктивной тактикой [7].

Демографическая экологическая обстановка крупных городов согласно теоретическим прогнозам, может способствовать возникновению условий, способствующих в дальнейшем трансформации репродуктивных стратегий мужчин от моногамных отношений к полигинным [12], что опосредованно вызывает снижение родительских инвестиций отца. Подобная трансформация мужских репродуктивных стратегий вызывает зеркальный отклик [16] в репродуктивном поведении женщин, и может вносить существенный вклад в снижении рождаемости в обществе.

Литература

1. Becker G. S. *Nobel lecture: The economic way of looking at behavior*//*Journal of political economy*. 1993. Т. 101. № 3. С. 385–409.
2. Byrne P.G., Roberts J.D. *Intrasexual selection and group spawning in quacking frogs (Crinia georgiana)*//*Behavioral Ecology*. 2004. Т. 15. № 5. С. 872–882.
3. Dubois F., Cézilly F. *Breeding success and mate retention in birds: a meta-analysis*//*Behavioral Ecology and Sociobiology*. 2002. Т. 52. № 5. С. 357–364.
4. Johnstone R. A., Earn D. J. D. *Imperfect female choice and male mating skew on leks of different sizes*//*Behavioral Ecology and Sociobiology*. 1999. Т. 45. № 3–4. С. 277–281.
5. Jones J. H. *Resource transfers and human life-history evolution*//*Annual Review of Anthropology*. 2015. Т. 44. С. 513–531.
6. Kaplan H. S., Robson A. J. *The emergence of humans: The coevolution of intelligence and longevity with intergenerational transfers*//*Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2002. Т. 99. № 15. С. 10221–10226.

7. Kempnaers B. Polygyny in the blue tit: unbalanced sex ratio and female aggression restrict mate choice//*Animal behaviour*. 1994. Т. 47. №. 4. С. 943–957.
8. Kokko H., Johnstone R. A. Why is mutual mate choice not the norm? Operational sex ratios, sex roles and the evolution of sexually dimorphic and monomorphic signalling//*Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2002. Т. 357. №. 1419. С. 319–330.
9. Kokko H., Monaghan P. Predicting the direction of sexual selection//*Ecology letters*. 2001. Т. 4. №. 2. С. 159–165.
10. Kokko H., Rankin D.J. Lonely hearts or sex in the city? Density-dependent effects in mating systems//*Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2006. Т. 361. №. 1466. С. 319–334.
11. Kramer K.L., Ellison P.T. Pooled energy budgets: Resituating human energy allocation trade-offs//*Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. 2010. Т. 19. №. 4. С. 136–147.
12. Loo S.L., Hawkes K., Kim P.S. Evolution of male strategies with sex-ratio-dependent pay-offs: connecting pair bonds with grandmothering//*Phil. Trans. R. Soc. B*. 2017. Т. 372. №. 1729. С. 20172041.
13. Lutz W., Butz W.P., Samir K. C. (ed.). *World Population & Human Capital in the Twenty-First Century: An Overview*. Oxford University Press, 2017
14. Mace R. Reproducing in cities//*Science*. 2008. Т. 319. №. 5864. С. 764–766.
15. Mace R. When not to have another baby: An evolutionary approach to low fertility//*Demographic Research*. 2014. Т. 30. С. 1074.
16. Royle N. J., Smiseth P. T., Kölliker M. (ed.). *The evolution of parental care*. Oxford University Press, 2012.

Т. В. Тратинко

г. Минск (Республика Беларусь), Белорусский государственный университет (ГИУСТ)

Формирование родительской компетентности: гендерный аспект

Повышение эффективности и качества социальной работы с семьей и детьми в общественном и государственном секторах, внедрение инновационных форм и технологий является одной из ключевых задач современной семейной политики.

Семейное благополучие во многом зависит как от состава семьи, так и от стиля воспитания, используемого каждым из родителей при построении взаимодействия с ребенком.

Родительская компетентность представляет собой интегральную личностную характеристику, включающую знания, умения и навыки, определяющие готовность взрослого нести родительскую ответственность, выражающуюся в способности к формированию гармоничной личности ребенка. Совокупным выражением компонентов родительской компетентности является стиль семейного воспитания, который наряду с эмоциональным отношением родителей к детям играет роль фундамента в формировании гармоничной личности.

Наличие в семье обоих родителей, проявляющих активную и позитивную жизненную позицию, помогает успешнее решать разнообразные воспитательные задачи. Важно отметить, что от матери в семье зависит воспитание у детей любви и уважения, доброго отношения к окружающим. При недостатке материнского внимания развитие ребенка всегда задерживается психически, физически, интеллектуально и эмоционально. Роли и функции отца в воспитании ребенка сводятся к обязанностям ввести ребенка в мир социальных отношений, научить его адекватно воспринимать и оценивать себя и других. Неучастие

мужчины в выполнении этих важнейших функций может послужить источником самых разнообразных проблем в жизни ребенка любого пола.

Наиболее важными для развития личности ребенка представляются три группы детерминант родительского отношения: объективное влияние родителей, развитие личности самого ребенка, а также способы общения и взаимоотношения в семье. Отношение родителей к ребенку является существенным фактором в формировании и развитии индивидуально-личностных особенностей и поведения ребенка.

Гендерные особенности родителей, воспитательные механизмы, используемые при взаимодействии с ребенком, у матерей и отцов различны.

Целью проведенного нами исследования являлось выявление различий в характере стиля воспитания и эмоционального компонента родительской компетентности у матерей и отцов при взаимодействии с детьми.

Выборка составила 30 полных семей (30 матерей и 30 отцов), воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Для диагностики особенностей в показателях детско-родительского взаимодействия были использованы методики: «Анкета исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия» (Е.И. Захарова) и «Анализ семейных взаимоотношений» АСВ (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис).

Результаты исследования, обработанные путем расчета t -критерия Стьюдента, позволили установить, что по шкалам «чувства, возникающие у родителя во взаимодействии с ребенком» ($t=3,5$; $p \leq 0,01$), «безусловное принятие» ($t=2,7$; $p \leq 0,01$), «отношение к себе как к родителю» ($t=2$; $p \leq 0,05$) эмоциональная составляющая у матерей выше, чем у отцов. Причиной может быть как гендерная особенность (женщины склонны чаще и активнее проявлять свои эмоции), так и возраст детей респондентов (о детях в возрасте трех — семи лет матери проявляют больше ласки и нежности, чем о детях старшего возраста). Мать для ребенка с первых дней его жизни является звеном, соединяющим его с внешним миром. Ее главной задачей является научить ребенка приспосабливаться к окружающей среде и выживать в ней. Для реализации этих функций матери необходима тесная связь со своим ребенком, которая достигается способностью воспринимать, понимать состояние ребенка и сопереживать. Материнская любовь по своей природе является безусловной, в то время как любовь со стороны отца обусловлена и зависит от того, насколько ребенок успешно выполняет все требования и нормы, предъявляемые к нему отцом.

По показателю «преобладающий фон эмоционального взаимодействия» ($t=0,4$; $p > 0,05$) различий выявлено не было. Таким образом, скованность отцов в проявлении ласки и нежности к ребенку в детско-родительских отношениях не исключает необходимости и их потребности в эмоциональном и тактильном контакте с ребенком. Позиция строгости по отношению к ребенку у отцов может возникать из-за традиций нашего общества, а так же как результат полученного опыта общения в детском возрасте со своим отцом.

Средние значения, характеризующие особенности семейных взаимоотношений у отцов выше по двум шкалам «чрезмерность требований-запретов» ($t=2,2$; $p \leq 0,01$) и «минимальность санкций» ($t=2,4$; $p \leq 0,01$). По остальным 18 шкалам достоверных различий выявлено не было.

По результатам проведенного исследования нами были разработаны практические рекомендации, направленные на формирование родительской компетентности с учетом гендерных особенностей родителей.

Отцу необходимо ежедневно уделять время на общение и организацию совместной игры с ребенком. При взаимодействии с ребенком отец не должен стараться копировать поведение матери, вырабатывая свою схему общения. Отцу важно чаще проявлять свои чувства по отношению к ребенку, не стесняясь их, так как ребенок нуждается как в материнской, так и в отцовской заботе и ласке.

Матерям не следует идеализировать своего ребенка и проявлять чрезмерную заботу и любовь.

Родители не должны скупиться на похвалу за достижения и хорошие результаты своего ребенка, однако не стоит шантажировать ребенка, обещая ему вознаграждение за какую-либо незначительную деятельность, так как это может привести к манипулированию со стороны ребенка.

Проведение семейных советов является важной традицией, позволяющей всем членам семьи делиться своими успехами, проблемами, обсуждать важные события и принимать совместные семейные решения по различным вопросам.

Ребенок должен видеть в родителях авторитет, поэтому важным является формирование у родителей умения формулировать отказ, аргументируя свое решение в доступной для ребенка форме. Однако следует учитывать и тот факт, что быть авторитетным — значит быть частью жизни ребенка. Родителю важно признавать свои недостатки и допущенные ошибки, извиняясь за них перед ребенком.

Так как в современном обществе часто встречается проблема разводов, родителям следует помнить, что это не является причиной отказа от ребенка. Необходимо поддерживать и развивать отношения с ребенком, активно участвуя в его жизни.

Родителям всегда следует помнить о том, что хорошей матерью и отцом не рождаются, а стремление к саморазвитию и повышению родительской компетентности способствует развитию гармоничных семейных отношений и воспитанию высоко нравственных личностей.

Н.Н. Троицкая

г. Москва, Российский университет транспорта (МИИТ)

Сущность гендерной социализации в современной семье

Социализация представляет собой определенный процесс усвоения социальных норм, правил, особенностей поведения; это значимый процесс вхождения личности в социальную среду. В свою очередь, гендерная социализация характеризуется как процесс усвоения норм, категорий, правил поведения, установок, которые согласуются с культурными представлениями о предназначении, месте, роли представителей разных полов в социуме.

В качестве основных аспектов социализации выступают следующие процессы: присвоения (представляет собой усвоение социального опыта, то есть воздействие социальной среды на личность) и опредмечивания (представляет собой воспроизведение социального опыта, которое проявляется как определенное воздействие человека на среду). В гендерной социализации присвоение характеризуется как процесс, в рамках которого ребенком с самого начала усваивается, что значит быть мальчиком или девочкой, мужчиной или женщиной. В свою очередь, опредмечивание реализуется на практике посредством усвоенных определенных гендерных схем.

Изначально процесс воспитания ребенка в семье пронизан сексизмом и полоролевыми стереотипами, что проявляется уже с момента рождения, когда мальчики и девочки развиваются по своеобразным направлениям. Описывая различия в процессе социализации, еще М. Мид писала о так называемой «двойной цепи ожиданий», связывающих и мальчиков и девочек.

Исследования показывают, что примерно к 3 годам ребенок с уверенностью относит себя к определенному полу, т.е. проявляет гендерную идентификацию. В этом возрасте ребенок начинает замечать, прежде всего на примере собственных родителей, что мужчины и женщины стараются по-разному выглядеть, выполняют разные виды деятельности, имеют разные интересы. Взрослея, примерно к 5–6 годам, ребенок достигает гендерной константности, т.е. начинает понимать, что гендер обладает устойчивостью и постоянством, изменить его невозможно. Обычно к 7 годам, еще до поступления в начальную школу, ребенок обладает достаточно глубокими знаниями о гендерных различиях в поведении, одежде, игрушках, объектах и занятиях.

Теория социального научения предполагает, что развитие гендерного поведения зависит от родительских моделей, которым ребенок старается подражать, от подкреплений, которые родители в поведении дают своему ребенку. Обычно родители обращаются со своим ребенком так, чтобы приспособить его поведение к принятым в обществе нормативным ожиданиям. Так, например, у мальчиков поощряется соревновательность, энергичность, стремление к победе. Мальчику с раннего возраста внушается, что он должен быть решительным, самостоятельным, независимым; опираться только на собственные силы, рассчитывать свои возможности, иметь независимые мнения и взгляды. С детства ему запрещено проявлять чувствительность, восприимчивость и эмоциональность, якобы это проявление слабости и неуверенности, что приводит к появлению жизненных барьеров, и может стать причиной межличностных и полоролевых конфликтов (Л.В. Попова).

С позиции социума, девочка должна быть послушной, заботливой, исполнительской. На вербальном и невербальном уровнях девочкам постоянно внушается неуверенность в собственных возможностях и необходимость в поддержке; ориентация будущей женщины направлена на нерешительность, зависимость, подчиняемость.

Родители в большей степени идентифицируются с детьми своего пола, а не противоположного. Следовательно, родитель замечает больше сходства между собой и ребенком, чувствует и понимает эмоциональные состояния собственного ребенка. Однако, это преимущественно характеризуется самосознанием самого родителя.

Необходимо отметить, что ребенка нельзя рассматривать просто как пассивный объект гендерной социализации. Ребенок воспринимает и анализирует то воздействие, которое оказывают на него родители, другие значимые взрослые, сверстники, и затем, основываясь на рассогласованности их действий и собственном жизненном опыте, он оценивает возможные социальные образцы и выбирает тот, который в большей степени ему подходит.

Американский социолог Р. Хартли выделил и описал способы (методы) конструирования родителями гендерной роли ребенка:

— гендерная социализация через определенные манипуляции, которая представляет собой озабоченность родителей теми или иными внешними проявлениями ребенка. Так, например, матери свойственно проявлять озабоченность внешностью дочери, а отец часто восхищается физическими данными, ловкостью и силой своего сына;

— вербальная апелляция, которая усиливает действие манипуляции. Пример подобного конструирования: отец всячески хвалит сына, подчеркивая значимость его физической силы и преобладания над сверстниками, но не обращает внимания на низкие интеллектуальные способности ребенка; мать постоянно подчеркивает привлекательность дочери, использует эпитеты, связанные с внешностью, вследствие чего с раннего возраста девочка уверена, что внешний вид, красивая одежда — значимы, а все остальное — вторично;

— канализация характеризуется как направление внимания ребенка на такие объекты, которые будут способствовать формированию определенной гендерной роли в рамках установленных стереотипов. Так, часто девочки получают в подарок игрушки, связанные с предметами домашнего обихода (сейчас рынок детских игрушек также характеризуется гендерной направленностью и предлагает огромное разнообразие в данном аспекте: от кукольной посуды до игрушечной бытовой техники); стереотипной для девочек является игра в «дочки-матери», «семью» и пр. или имитирующие предметы домашнего обихода. В свою очередь, для мальчиков актуальными подарками считаются разнообразные виды транспорта, конструкторы и трансформеры, спортивный инвентарь и игры-стратегии. Мальчикам обычно не предлагаются игры, направленные на быт и домашнюю сферу. Таким образом, ребенок часто получает социальное одобрение за игру с «соответствующими полу» игрушками, в стереотипные игры.

— демонстрация деятельности направлена на то, что от ребенка ожидается вид деятельности, который характерен как для его пола, так и для родителя, который воспроизводит тот или иной вид деятельности. Например, демонстрация деятельности проявляется тогда, когда от девочек в большей степени ожидают помощи в бытовых делах семьи, чем от мальчиков. Если в семье тяжелый физический труд выполняется папой, то того же будут ожидать от подрастающего сына. Таким образом, в рамках семьи девочки учатся поступать и действовать «как мама», а мальчики стремятся вести себя «как папа».

В заключение необходимо отметить, что ребенок — это пластичный материал в руках собственных родителей, которые могут вылепить из него все, что захочется, чаще всего не принимая во внимание реальные желания, потребности, способности и возможности своего ребенка на данный момент, в том числе, и с позиции его гендерной социализации. Все родители стремятся, чтобы их дети выросли физически и морально здоровыми, чтобы они стали самостоятельными, решительными, ответственными людьми, с собственным мнением, которые смогут преодолевать тяготы жизни. Для этого процесс социализации ребенка в семье должен предусматривать, прежде всего, его активность, что позволит освоить желаемую гендерную роль через собственный анализ отношений между членами семьи.

Литература

1. Григорьева Н. Н. Гендерные особенности проявления лидерства у студентов (на примере учебных групп колледжа): диссертация ... канд. психол. наук. Москва, 2006.
2. Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности. М.: Прометей, 1996.
3. Троицкая Н. Н. Гендерная социализация студентов в системе современного образования//Как наше слово отзовется: гуманитарное образование в развитии российского социума и человека. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 марта 2017 г.)//Гл. ред. А. А. Горбунов. М.: МИИТ, 2017. С. 900–905.

Брак и партнерские союзы: на материалах Пскова и Санкт-Петербурга

Новые формы интимных союзов предлагают новые формы для организации совместного быта, соотношения публичной и приватной сферы, определяют новые реальные и потенциальные конфликтные зоны.

подавляющее большинство исследований семьи и гендерных отношений реализуется в крупных городах, и вопрос о том, возможна ли экстраполяция данных, основанных на мнениях жителей крупных городов на города малого и среднего масштаба, остается спорным. Сравнительное исследование на материалах крупного и среднего города дает возможность сделать выводы о том, насколько возможна экстраполяция, и в чем заключаются основные различия.

По данным на 2018 год разница в численности населения между Псковом (210 501 чел.) и Санкт-Петербургом (5 300 000 чел.) велика, поэтому есть смысл предполагать, что существуют и различия, которые проявляются в устройстве как публичной, так и приватной жизни.

Таким образом, темой исследования, проведенного в Институте гендерных исследований СПбГУ в 2015 году под руководством автора при самом активном участии Ивановой Е. А., являлся вопрос: существуют ли значительные различия в представлениях об устройстве брачных, партнерских союзов в Санкт-Петербурге и Пскове.

Исследование проводилось в рамках конструктивистского подхода, в русле качественной методологии. Основным методом сбора данных было выбрано глубинное интервью.

Выборка состояла из молодых людей до 30 лет, состоящих в браке или в партнерском союзе. Обязательным условием была общая жилплощадь, т. е. наличие общего быта, а также трудоустроенность каждого из партнеров/супругов. Итого, из 19 интервью 11 было взято в Санкт-Петербурге, из них 5 респондентов — мужчины, не состоящие в браке, 6 — женщины, 2 из которых замужем; 8 интервью было взято в Пскове, из них 4 — мужчины, 2 из которых женаты, 4 женщины, 2 из которых замужем. Все респонденты имеют высшее или незаконченное высшее образование, за исключением одного информанта-мужчины в Пскове. Наличие/отсутствие ребенка не было выделено критерием отбора в выборке, так что в результатах интервью присутствует мнение как пар с детьми, так и бездетных. Также за единицу выборки был взят конкретный индивид, а не семейная пара.

Сравнительный анализ материалов проводился по 2 базовым основаниям: отношение к браку и партнерским союзам и основные конфликтные зоны (отношения, связанные с семейным бюджетом, распределением домашних обязанностей, семейного главенства, воспитание детей).

Выводы: 1) Результаты исследования свидетельствуют о большой распространенности формы партнерского союза, который в научной литературе обозначается термином «сожительство». Для информантов из Санкт-Петербурга сожительство часто предшествует браку, однако они не исключают иного развития их отношений. Для информантов из Пскова нормой является сожительство, которое через короткий промежуток времени, обычно не больше года, переходит в форму официально зарегистрированного союза. Большую роль в поддержании этого нормативного образца играет старшее поколение.

2) Категория «главного» в семье почти не встречается в нарративах информантов. Стратегия закрепленного статуса «главного» сменяется стратегией дискутируемого главенства, то есть последнее слово в принятии решения остается за тем партнером или супругом, который сможет выстроить наиболее обоснованную систему аргументации «за» или «против».

3) Информантки в Санкт-Петербурге оказались более карьероориентированными, чем информантки в Пскове. Для большинства петербурженок в их представлении карьера проходит через весь жизненный путь. Для псковитянок жизнь четко делится на два периода — до и после рождения ребенка, и работа представляет собой желательный компонент первого периода, но отнюдь не обязательную составляющую второго.

Для мужчин роль кормильца в семье остается важнейшей частью гендерной идентичности, но также претерпевает определенные изменения: большинство мужчин уже спокойно относится к тому, что их супруга или партнерша может зарабатывать больше них, но продолжают негативно воспринимать ситуацию, когда роль единственного кормильца полностью переходит на женщину, сравнивая это с «утратой дееспособности». Все опрошенные мужчины воспринимают положительно факт занятости супруги/партнерши на рынке труда, однако воспринимают работу женщин скорее как пространство для самореализации или проведения досуга, но не как серьезный источник дохода, даже в ситуации одинакового размера заработных плат.

4) Распределение домашних обязанностей происходит в большинстве случаев по принципу практического эгалитаризма, что подразумевает не идеально равное распределение забот и обязанностей, а распределение, основанное на особенностях каждой конкретной ситуации в каждой семье. Если конфликты возникают в сфере домашнего быта, то они, как правило, разворачиваются в парах, в которых распределение обязанностей строится по традиционной схеме и большинство бытовых забот ложится на плечи женщины.

5) Сфера родительства и воспитания детей является потенциально конфликтной зоной для пар, подавляющее большинство которых только планирует ребенка. Это связано с тем, что роль женщины-матери сохраняет свою доминирующую роль в формировании женской идентичности, не только по мнению женщин, но и мужчин. Женщины представляют себе сферу родительства как пространство равного распределения обязанностей по уходу и воспитанию ребенка с первых дней жизни. Мужчины с уверенностью видят себя в роли воспитателей и наставников, предпочитая игнорировать наиболее тяжелый период ухода за ребенком в первые несколько лет, аргументируя это представлениями, базирующимися на биологическом детерминизме и идее об эссенциальном распределении ролей.

6) Появляются новые зоны конфликта, связанные с возрастающей индивидуализацией и компьютеризацией. Это отношения по поводу проведения свободного времени. В основном эту проблему выделяют женщины, указывая на недостаток заботы и участия мужчин в формировании совместных отношений.

Резюмируя сделанные выводы, можно подчеркнуть, что трансформации, связанные с публичной сферой, сильно отразились на сфере интимности: на представлениях, стратегиях и практиках совместной, семейной жизни. Мегаполисы лидируют в развитии инноваций, а провинция сохраняет традиции.

Однако продолжают существовать сферы, в которых изменения минимальны: это сферы, построенные на ролях женщины-матери и мужчины-кормильца семьи. Эти

представления являются наиболее устойчивыми, поэтому потенциальные конфликты, которые могут возникнуть в этих сферах, чрезвычайно трудно разрешить.

Одним из возможных дальнейших направлений развития этой тематики представляется проведение количественных исследований также и в других городах, обладающих своей спецификой, для получения более полной картины семейно-брачных, партнерских, гендерных отношений в современной России.

Г. С. Широколова

г. Н. Новгород, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия

Родительская семья. Рядом, но не вместе...

Тенденция ухода из родительской семьи молодого поколения характерна для всех развитых стран. В научной литературе выделяются четыре типа взаимодействия пожилых родителей и их взрослых детей: а) равенство статуса — взаимодействие как двух дружественных взрослых; б) статус-кво — ребенок подконтролен родителю; в) конфликт статуса — борьба за права и власть; г) обмен статусом (переворот ролей) — родитель зависит от взрослого ребенка [1, с. 22].

Насколько распространен каждый из этих типов можно сказать лишь на основе масштабных количественных исследований. Наша задача гораздо уже: выявить мотивацию и предполагаемую стратегию поведения по отношению к родительской семье у студенческой молодежи. Вопрос далеко не праздный, поскольку от нее зависят формы участия третьего поколения в воспитании внуков, степень атомизации общества, структура досуга всех поколений, набор функций службы социальной защиты, инфраструктура поселений и т.д.

В рамках темы «социология семьи» мы попросили студенток первого — второго курса ответить на вопрос: «Почему молодежь не хочет жить со старшим поколением?». Приведем варианты ответов, отражающих спектр позиций, не корректируя стилистические особенности.

А.Х.: «Я считаю, что молодая семья и их родители должны жить раздельно, чтобы избежать конфликтов, недопонимания, ведь расстояние сплачивает людей, я убедилась в этом на своем собственном примере.

Что касается моей семьи, то я выросла в неполной семье, без отца. Мама сделала все, чтобы у меня было счастливое детство. Сейчас мне уже 18 лет, маме 50. Да, я не твердо стою на ногах, но это моя жизнь, моя молодость, мой период в жизни, когда хочется веселиться, гулять. Моя мама не всегда отпускает меня, многое запрещает. Да, я понимаю, что она очень переживает за меня. Но все равно рано или поздно наступит момент, когда я уйду из дома, и она останется совершенно одна. Наверное, это самое страшное для нее, и она этого очень боится».

Л.К.: «Я считаю, что прежде чем начать самостоятельную жизнь, нужно встать на ноги, а кто поможет тебе в этом, как не твои близкие. Ведь жить отдельно от родителей за счет их средств — это не доказательство твоей самостоятельности. Но жить отдельно — это не значит забывать о своих родителях, ведь им и нам нужна будет и помощь, и поддержка. Ведь как же прекрасно посидеть, поговорить, поделиться чем-то со своей большой семьей.

Некоторые дети поступают в институты далеко от своих городов. Они рано начинают привыкать к самостоятельной жизни, и уже потом, просто, не могут жить со своими родителями».

М.К. «Совместная жизнь молодоженов с родителями, зачастую приводит к ряду проблем. У родителей свой взгляд на жизнь, свой жизненный уклад, который они не хотят менять. Например, я считаю, что две хозяйки на кухне — это не уместно! Совместное проживание определяется разделением обязанностей, нужно всегда считаться с мнением родителей.

Невозможно, когда захочется пригласить в гости друзей, создаются ограничения для свободного общения и отдыха. Отсутствие личного пространства. Родители могут вмешиваться в ссоры и скандалы молодой семьи. Конечно же, без советов родителей, мы жить не сможем, но все это в меру, когда, мы не можем справиться самостоятельно.

Совместное проживание возможно тогда, когда молодым негде жить. Но это крайняя ситуация. Я считаю, что каждый брак должен складываться самостоятельно, независимо ни от кого. Я вижу совместное проживание в том случае, когда родители больны, и их нельзя оставить одних, за ними нужен уход и забота. Я думаю, что многие со мной согласятся».

С.Б. «Можно ли жить с родителями мирно и дружно? Да, если: разговаривать друг с другом больше и чаще, обсуждать текущие проблемы, относиться с уважением к чужому мнению, ввести запрет на повышение голоса, постараться наладить отношения друг с другом, познать положительные моменты проживания большой, дружной семьей.

Родители должны давать возможность принимать самостоятельные решения, касающиеся молодой семьи, помогать в воспитании детей. И еще, проживая с родителями на многих вещах можно сэкономить».

В.М.: «Что не устраивает в совместном проживании родителей и детей: нет взаимопонимания; стремление к независимости; родители алкоголики; родители не хотят, чтобы дети учились строить свою жизнь методом проб и ошибок; нежеланный ребенок».

К.О.: «Есть два типа семей, когда молодая семья хочет жить с родителями, и не хочет жить с родителями. Не хочет жить с родителями, это когда молодая семья мечтает жить отдельно, обрести свободу и зависеть только от самих себя.

Хочет жить — когда у молодой семьи есть ребенок и от родителей им нужна помощь, совет, либо молодая семья не готова к самостоятельной жизни, не располагает возможностью купить себе квартиру.

Иногда от совместного проживания можно извлечь плюсы: положительный семейный опыт от старшего поколения, укрепление взаимоотношений между поколениями».

Б.Н.: «Родители хотят помогать молодой семье, давать советы, боятся отпустить во взрослую жизнь, боятся, что общение будет меньше, поэтому хотят жить вместе.

Молодая семья хочет жить с родителями: чувствовать поддержку, совет, привязанность одного из супругов к своим родителям, боязнь начать самостоятельную жизнь, нет денег.

Желание совместного проживания сводится к тому, что могут возникнуть ссоры между родителями и детьми в ведении быта, воспитании детей. Может возникнуть неприязнь между матерью дочери и ее супругом и наоборот, разные взгляды на жизнь».

И.С.: «Если молодая семья проживает с родителями, то тут еще надо научиться проживанию с родителями, «притирка» к ним. Родители пытаются учить молодых, советуют, как им строить отношения, но так не должно быть, семья на то и есть семья, это отдельная ячейка общества, со своими порядками, правилами, по которым ей удобнее жить.

И еще будет проблема в том, что тот супруг, с чьими родителями живет молодая семья, всегда для них будет ребенком, и они будут вставать на его сторону, из-за этого будут разногласия в семье. Для благополучного формирования молодым желательно жить отдельно».

В приведенных (и других) размышлениях прозвучали основные аргументы за совместное и раздельное проживание. Перечислим в начале те, что «против»:

- у молодого поколения иные ценности, вкусы, образ жизни;
- боязнь упреков со стороны родителей на тему «мы для тебя ничего не жалели.

А ты...»;

- желание самостоятельно приобретать социальный опыт и состояться в жизни;
- желание приобрести уверенность в себе, ведь родители не вечны;
- после учебы в другом городе трудно привыкать жить вместе;
- укрепление отношений с родительской семьей, так как редкие встречи становятся желанными.

Вступление в брак добавляет новые аргументы:

- меньше конфликтов, как с родителями, так и между молодыми из-за вмешательства родителей в дела молодой семьи;

- молодая семья быстрее адаптируется к жизни и друг к другу;

- родители будут защищать своего «ребенка», ревновать к его супругу (супруге).

Среди аргументов в пользу совместного проживания есть меркантильные: если нет жилья; помощь родителей при рождении ребенка; для экономии; боязнь самостоятельности. Реже встречаются: привязанность к родителям, дружная большая семья, болезнь родных. Практически нет упоминаний об обязанностях детей по отношению к родителям.

Желание родителей оставить детей «около себя» объясняется желанием уберечь их от проблем, боязнью сокращения общения.

Подведем итоги. Студентки хотели бы отношений на равных между собственной и родительской семьей. Они против подконтрольности родителям и статусных конфликтов из-за прав и власти. Обмен статусом (родитель зависит от взрослого ребенка) возможен только при условии болезни родных.

Поскольку имеют место тенденции увеличения сторонников малодетности/бездетности, роста значимости профессиональной самореализации, развития личности, либо ориентированности семей на развлечения, функциональная значимость третьего поколения утрачивается. Это требует от государства существенной корректировки социальной политики в отношении людей третьего и четвертого возраста.

Литература

1. *Молодая семья в современном обществе: методическое пособие для специалистов по работе с семьей и молодежью*/Е. В. Рыбак, Н. Г. Слепцова, А. Б. Федулова, Н. В. Цихончик, под общей ред. Е. В. Рыбак. М.: ООО «ТР-Принт», 2016.

Биполярные модели современного репродуктивного поведения как тренды городской среды

В широком смысле слова репродуктивное поведение включает социальные функции деторождения и формирования личности в процессе воспитания, обучения и социализации ребенка. Основой репродуктивного поведения в России являются традиционные модели, но не только. После 2004 г. появились новые биполярные модели такого поведения — это модель чайлдфри (в особенно жестком проявлении — чайлдхейт) и модель «яжематери» (еще более новое проявление — модель «яжеотцы»). Обе эти модели постепенно становятся некими трендами городского образа жизни.

По мнению исследователей, к чайлдфри относятся менее трети бездетных российских супругов. Однако демографы и социологи считают, что распространение данной модели репродуктивного поведения — опасная тенденция, поскольку она отрицательно влияет на демографическую ситуацию в стране.

Чайлдфри-супруги отрицают традиционные семейные ценности, связанные с рождением и воспитанием детей. Такие супруги выбирают добровольную бездетность, приводя в качестве аргументов множество причин отказа от рождения потомства. Некоторые супруги считают, что дети — это такая роскошь, на которую у них нет и никогда не будет средств, поскольку у семьи есть более значимые потребности.

Существуют и другие причины нежелания рожать детей. Одной из таких причин является стремление к профессиональной самореализации и карьере. Дети же, по мнению таких супругов, — помеха на пути к осуществлению этих планов. И поскольку, как было выявлено исследователями, многие чайлдфри хорошо образованные и востребованные специалисты, то неудивительно, что карьеру и профессиональную самореализацию они считают для себя приоритетными целями.

К причинам отказа чайлдфри от рождения детей относится высокая ценность времени, которое придется затратить на воспитание, обучение и развитие ребенка.

Государственная поддержка материнства, по мнению чайлдфри, крайне скудна и не мотивирует на рождение потомства. К тому же рождение ребенка ведет к повышению ответственности за другого человека, а чайлдфри избегают каких-либо обязательств подобного рода.

Женщины-чайлдфри опасаются самого процесса родов, считая их опасными и болезненными.

Гендерные различия есть и в установках на работу. Женщины-чайлдфри желают иметь возможность свободно работать, не оглядываясь на проблемы, связанные с уходом за ребенком и его воспитанием [1].

Мужчины-чайлдфри, напротив, хотят свободы от излишней занятости работой и неизбежных при этом умственных и физических перегрузок [1] из-за необходимости совмещать основную работу с несколькими другими.

Бездетные мужчины чувствуют себя несколько лучше бездетных женщин. Они лучше материально обеспечены, а некоторые и вовсе могут нанять домработниц, которые решат их домашние проблемы. Мужчины стремятся как можно дольше сохранять придающие их жизни смысл и не связанные с родительским статусом социальные роли.

В семьях чайлдфри муж и жена обязательно придерживаются одинаковых взглядов на рождение потомства.

Еще более радикальная группа супругов, отрицающих ценности деторождения, — чайлдхейтеры. Они категорически не приемлют детей как семейную ценность. Со временем чайлдфри и чайлдхейтеры, состоящие в большей степени из молодежи до 30 лет, способны изменить свои представления о детях как о ценности и даже стать родителями.

Большинство чайлдфри положительно оценивают осознанное и ответственное родительство других людей (родных, знакомых), с уважением относятся к своим родителям, а также к посторонним, успешным в жизни людям, у которых есть дети. В русскоязычном чайлдфри-сообществе таких родителей называют «адекватные детные». Но чайлдфри с трудом воспринимают своих антиподов, которыми являются семьи, активно отстаивающие свои права в ущерб другим людям. Чайлдхейтеры же вообще агрессивно настроены против супругов, придерживающихся гипертрофированной демонстративной детоцентристской модели репродуктивного поведения.

В интернет-сообществе детоцентристская модель получила название «яжемать» (теперь еще и «яжеотец»). Слово «яжемать» — это мем, который появился не так давно, но уже широко распространился в сети Интернет. Стоит только набрать в поиске хештэг «#яжемать», как откроется множество страниц, представляющих разноречивые мнения об этом феномене.

Защитники этой категории матерей (и отцов) заявляют о том, что чайлдхейтеры, как противники материнства, выступают с лжекритикой семей с детьми. По их мнению, многочисленные группы чайлдфри ведут интернет-травлю матерей, так как сами не хотят иметь детей. Выступая против матерей и детей («онжеребенок»), они ведут себя крайне негативно и даже преступно. Утверждается и то, что действия чайлдфри в Интернете направлены на усиление в социальной сфере ювенальных технологий и формирование ненависти к традиционному семейным ценностям, отрицание исключительного права родителей на воспитание детей. Группы защитников «яжематерей» утверждают, что многодетные семьи и беременные вправе претендовать на особый статус в обществе и уважительное отношение.

Вместе с тем не все так однозначно. И хотя критика, с одной стороны, отчасти обоснована, но, с другой стороны, в Интернете найдется немало видео, и фотоматериалов, свидетельствующих о нарушении правил поведения некоторыми группами родителей в общественных местах. Именно их чайлдфри и характеризуют неместным мемом. В российских интернет-сетях идет жесткая информационная борьба между представителями названных трендов, выражающаяся в словесных баталиях с использованием в том числе неформальной лексики.

В действительности «яжематери» (а с недавнего времени «яжеотцы») не так уж редко не желают признавать границы, отличающие внутреннюю среду семьи от внешней городской. Они не понимают, что навязываемые их семьями другим людям стереотипы, стандарты и требования к коммуникации на улицах города, вызывают негативные чувства и даже протест. «Яжематери» не чувствуют специфику городской среды, специфика которой заключается в поверхностных, безличных, формальных, случайных контактах и взаимодействиях.

Нередкими становятся ситуации, когда «яжематери» и «яжеотцы», не задумываясь, нарушают нормы и правила, принятые в общественных местах, местах бытового обслуживания, торговли, детских учреждениях и т.д. При крайних формах нарушение

поведения «яжематерей» может выражаться по отношению к другим людям криками, угрозами, ругательствами, нанесением ударов и др.

Полагаю, что, будучи диаметрально противоположными, обе модели поведения обладают неким набором негативных черт, требующих серьезного внимания как со стороны исследователей, так и со стороны специалистов-практиков.

Литература

1. Грицай Л. А. Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри»/Культура и образование. Электронный ежемесячный научно-практический журнал. — URL: <http://vestnik-rzi.ru/2013/10/1003>

И. В. Ломакин

г. Москва, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Что мы имеем в виду на самом деле, когда говорим о «чайлдфри»?

Существует мнение, что сама возможность выбора, участвовать или нет в поддержке функции биологического воспроизводства как одной из функций семьи (базовый статус которой, впрочем, сегодня оспаривается рядом исследователей), стала возможной лишь во второй половине XX в., будучи результатом ряда социальных революций — в частности, сексуальной революции (1960–1970-х годов для развитых стран Запада), зафиксировавшей автономизацию сексуальности и репродукции (так называемая «контрацептивная революция»), а также способствовавшей нормализации нерепродуктивной сексуальности [2; 1]. Однако демографы фиксировали во множественных регионах Европы, в Северной Америке и Австралии достаточно высокий уровень бездетности как таковой и в начале XX в., и в XIX столетии. Более того, многочисленные исследования указывают на то, что уровни бездетности в разных странах нередко меняли тренд своего развития вслед за новыми возрастными когортами и поколениями [цит по: 11, с. 4–6]. Так или иначе, подходы к пониманию семьи как таковой меняются в зависимости от исторического периода, региона, накопленного опыта и множества иных факторов [5].

Доподлинно известно, что бездетность как таковая чаще встречается в развитых странах — в частности, урбанизированных районах. Сами же бездетные чаще оказываются принадлежащими к экономически благополучной, секуляризованной и хорошо образованной доле населения [7, с. 53]. Тем не менее, в данной работе мы не планируем обсуждать причины выбора сознательной бездетности или, например, аспекты социальной стигматизации такого выбора. В свою очередь, мы остановим наше внимание на терминологии исследований не-родительства.

История последней весьма интересна. Вообще, мировая научная практика показала всплеск интереса к исследованиям сознательной бездетности (voluntary childlessness) начиная с 1970-х гг. и по сей день. Вместе с развитием данного исследовательского фокуса совершенствовалась и терминология. Сегодня уже кажется инфантильным факт того, что ранние исследования все тех же 1970-х гг. могли себе позволить использовать единый термин «бездетные» (childless), не учитывая характер бездетности [см., например: 10; 12]. Не удивительно, что следующим шагом стало, являющееся сегодня базовым, разделение бездетности на вынужденную (involuntary childlessness, т. е. бесплодие) и сознательную (voluntary, или intentional, childlessness).

Важно, что в своей работе исследователи нередко приравнивают между собой такие термины как сознательная бездетность (*voluntary childlessness*) и чайлдфри (от англ. *childfree* — «свободный от детей»). Последнее по своему смыслу является противоположностью термину *childless* («бездетный»), подразумевающему у носителя некоторое сожаление об отсутствии детей. Так, термин «чайлдфри» как бы выходит за рамку патологизации бездетного образа жизни, не-родительства, и утверждает «свободу от» — от детской обузы и стереотипов существующего матримониального порядка.

Сам по себе термин «чайлдфри» был разработан и впервые использован Национальной Организацией для Не-Родителей (*National Organization for Non-Parents — NON*) в первой половине 1970-х годов. Эта феминистская и анти-пронаталистская по своей сути организация продвигала идеи о том, что образ жизни, «свободный от детей», является социально приемлемым, о том, что рост народонаселения нуждается в безотлагательном контроле, а репродуктивный выбор человека и гражданина должен быть политически ответственным [9; 6]. Именно NON стала проводником идеи искоренения термина *childless* и заменой его термином *childfree*, который, в отличие от опустошающего и делающего прямые отсылки к неблагополучности *childless*, подразумевает обдуманый и осознанный выбор не заводить детей, не имеющий за собой какого-либо сожаления.

Основываясь на опыте, полученном в ходе реализации политико-аналитически ориентированного исследовательского проекта «Вмешательство государства в сферу частного: К вопросу о политической вовлеченности добровольно бездетных в современной России» (2015–16 гг., науч. рук.: PhD О.Г. Исупова) [3], а также в ходе дополнительного сбора эмпирического материала (как оффлайн, так и онлайн), мы имеем возможность утверждать, что упомянутое выше отождествление терминов *voluntary childlessness* и *childfree* имеет под собой мало оснований и нуждается в пересмотре.

Результаты нашего анализа позволяют утверждать, что, по крайней мере, в российском контексте «чайлдфри» сегодня подразумевает определенную идентичность, относящую человека к соответствующему сообществу, а также некоторую, пусть и ограниченную, но потенциально существующую социально-политическую мобилизованность. Последнее и вовсе прослеживается вплоть до исторических корней понятия *childfree*, возникшего, как уже было описано выше, в рамках общественной организации, занимавшейся защитой прав не-родителей. Так, *childfree* — термин в принципе возникший для самоутверждения отдельной социальной группы (идея «свободы от»), изначально приобретший политизированные коннотации. Не удивительно в таком случае и то, что и по сей день в разных странах мира (в том числе и в России) под именем *childfree* возникают и существуют различные организации и/или сообщества, ведутся общественно и политически резонансные дискуссии о популяризации «идеологии чайлдфри» [8] и т.д.

Сознательная бездетность (*voluntary childlessness*), понятая нами как одна из стратегий репродуктивного поведения человека, имеет собственную социальную структуру. В нашем понимании каждый человек, который осознанно делает выбор остаться бездетным в силу тех или иных причин, не связанных с инфертильностью, может быть назван «сознательно бездетным». Так, и приверженец «идеологии чайлдфри» является «сознательно бездетным», т.е. человеком, живущим полноценной сексуальной жизнью, возможно, состоящим в браке, но целенаправленно принимающим меры для того, чтобы у него не рождались дети. В свою очередь, отнесение сознательно бездет-

ных к чайлдфри несет в себе и наложение специфических особенностей, характерных именно для чайлдфри. В нашей ситуации — это, как уже было упомянуто, особенности идентичности и социально-политической мобилизованности.

В современной российской профессиональной науке, исходя из количества и качества имеющихся публикаций, сознательная бездетность по-прежнему остается весьма слабо изученной, несмотря на то, что этот социальный аспект вызывает немало интереса у общества, а также сравнительно регулярно возникает в качестве тем учебных исследований, проводимых студентами. Используемая такими исследованиями терминология, как правило, целиком и полностью является заимствованной из зарубежных источников. Как результат — некоторые термины по невнимательности исследователей меняют свое смысловое содержание. Более того, для самоидентификации заимствованные слова (в первую очередь, слово *childfree* в русскоязычной транслитерации — «чайлдфри») становятся общеупотребимыми и в российских сообществах сознательно бездетных (например, «Чайлдфри по-русски» в социальной сети ВКонтакте).

Массовая печать на постсоветском пространстве при разговоре о сознательной бездетности и вовсе нередко скатывается в психопатологический дискурс и «оценивает однозначно негативно опыт людей, чьи жизненные планы не включают родительство» [4, с. 161–164]. А используя все ту же заимствованную терминологию, пресса нередко — посредством шовинистского по своей сути дискурса — позиционирует сознательную бездетность в терминах «западной интервенции». Во всем вышеупомянутом, как правило, фигурирует понятие «чайлдфри». Последнее еще раз подтверждает семантическую перегрузку данного термина и его малопригодность для использования в исследованиях в качестве операционального понятия.

Таким образом, в этом докладе мы стремились ориентировать исследователей не-родительства на последовательное, осознанное и соответствующее изучаемому контексту использование упомянутых терминов. Демаркация семантических границ этих базовых понятий поля исследований не-родительства критически важна — особенно, в российском контексте, не всегда корректно воспринимающем концептуальный аппарат, долгие годы формировавшийся в иной языковой и культурной средах. Подробное описание опыта подобной демаркации будет представлено автором в последующих публикациях.

Литература

1. Исупова О. Добровольно бездетные или «свободные от детей»//*Полит.ру*. 2010. 15 октября. URL: <http://polit.ru/article/2010/10/15/childfree/> (дата доступа: 01.05.2018).
2. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции//*Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14, № 1. С. 51–65.
3. Ломакин И. В. НеРодительство в России: Добровольная бездетность в (био)политическом контексте//*Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: в 2 т./отв. ред.: Н. Л. Пушкирева, Н. А. Мицюк. Смоленск: Изд-во СмолГУ; М.: ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 40–43.*
4. Шадрина А. Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака. — М.: Новое литературное обозрение, 2014.
5. *American Families: A Multicultural Reader (Second edition)*/ed. by S. Coontz, M. Parson & G. Raley. N. Y.: Routledge, 2008.
6. Barnett L. D., MacDonald R. H. A Study of the Membership of the National Organization for Non-Parents//*Social Biology*. 1976. Vol. 23, № 4. P. 297–310.
7. Blackstone A. Doing Family without Having Kids//*Sociology Compass*. 2014. Vol. 8, № 1. P. 52–62.

8. Chancey L., Dumais S. A. 2009. *Voluntary Childlessness in Marriage and Family Textbooks, 1950–2000*//*Journal of Family History*. Vol. 34, № 2. P. 206–223.
9. Healey J. *Rejecting Reproduction: The National Organization for Non-parents and Childfree Activism in 1970s America*//*Journal of Women's History*. 2016. Vol. 28, № 1. P. 131–156.
10. Houseknecht S. K. *Reference Group Support for Voluntary Childlessness: Evidence for Conformity*//*Journal of Marriage and the Family*. 1977. Vol. 39, № 2. P. 285–292.
11. Kreyenfeld M., Konietzka D. *Analyzing Childlessness//Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*/ed. by M. R. Kreyenfeld & D. Konietzka. Dordrecht: SpringerOpen, 2017. P. 3–15.
12. Mosher W. D., Bachrach C. A. *Childlessness in the United States: Estimates from the National Survey of Family Growth*//*Journal of Family Issues*. 1982. Vol. 3, № 4. P. 517–542.

Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук, проект МД-3743.2018.6 «Формирование и развитие института материнства и младенчества в истории России XVII–XX вв.» (рук.: Н. А. Мицюк).

Т. З. Козлова
г. Москва, ФНИСЦ РАН

Влияние особенностей города на жизнедеятельность опекунской семьи

Одной из острых проблем российского общества является социальное сиротство. По последним данным Росстата было выявлено и учтено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, более 70 тыс. человек. Две трети из них — социальные сироты. Это дети — сироты при живых родителях. У одних из них родители лишены родительских прав, других оставили матери в роддомах.

Ребенок, воспитанный без опеки родителей, особенно в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознает свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружении людей. Около половины выпускников детских домов «пропадает» для общества: одни становятся алкоголиками, другие ведут противоправную жизнь.

Тенденцией заботы о детях-сиротах в современной России является устройство их в замещающие семьи, то есть в семьи, принявшие ребенка-сироту на воспитание. Воспитание в замещающей семье имеет четыре формы: опека, приемная семья, патронатная семья и семейная воспитательная группа. Опекунская семья — это, как правило, бабушки (дедушки) и их внуки.

Мы провели социологическое исследование среди опекунов в 8-ми городах: Москва, Фрязино (Московская область), Нижний Новгород, Киров, Улан-Удэ, Иваново, Кинешма (Ивановская область), Чудово (Новгородская область). В исследовании приняли участие известные социологи: Саралиева З. М., Балабанов С. С., Борodatая М. Н., Цветкова Б. А., Белова Т. П. и другие [1].

Объект нашего исследования — опекуны внуков-сирот. Предмет исследования — «первичная» семья (семья опекунов), в которой формировались будущие родители внуков — сирот. Цель исследования: изучить социализацию людей в «первичной» семье (семье опекунов), а также создание и крушение семей детей опекунов. Метод исследования — интервью с опекунами по единой методике.

В результате исследования были решены поставленные цели:

Кроме поставленных целей исследования были выявлены особенности городов, которые несомненно влияют на жизнедеятельность опекунской семьи. Какие это особенности:

1. Социально-экономические;
2. Социально-демографические;
3. Социо-культурные;
4. Этнические.

Рассмотрим подробно эти особенности.

1. Социально-экономические проблемы. Известно, что величину месячной денежной выплаты опекунской семье определяет региональное руководство. В момент проведения нашего исследования в Москве опекунская семья получала в месяц 10000 рублей, в Нижнем Новгороде-7000 рублей, в Иваново-4000 рублей. В момент исследования даже москвичи говорили, что им не всегда хватает этих денег. В Нижнем Новгороде выходили из нехватки материального положения так: бабушки –опекуны шли подрабатывать, чтобы купить внуку компьютер, записать в платную секцию. Что же гоаорить прол Иваново, где самая маленькая выплата опекунам.

Надо заметить, что в Москве в каждом районе (в округе их несколько) созданы отделы по работе с опекунскими семьями. Это важный институт поддержки опекунских семей. Мы наблюдали, что в течение дня двери этих отделов не закрываются все время приходят опекуны для решения своих проблем.

В других городах, где мы проводили исследование, нет такой материальной возможности создавать повсеместно отделы по работе с опекунскими семьями. В результате не решаются необходимые вопросы опекунских семей.

2. Социально-демографические проблемы. Это — перекоc в демографической ситуации. С давних пор такая ситуация была извества в городе Иваново. В этом городе и социально-экономическая ситуация хуже, чем в других городах (ниже заработная плата, выше убыль населения, выше безработица). Результат сказывается на семье. Наше исследование показало, если в других городах мать лишают родительских прав, то у нее остается один ребенок, кого то или забирает бабушка, или принимает детский дом. В Иваново матери при лишении родительских прав оставляют по три ребенка. Не все, примерно третья часть матерей. Автор этой статьи разговаривала с двумя бабушками-опекунами, у которых матери родили от разных мужчин троих детей. Их лишили родительских прав за поведение, не соответствующее уходу за детьми. Бабушка опекун может взять одного ребенка (ей по силам), двух других отдают в детский дом.

3. Социокультурная ситуация. Социокультурная ситуация влияет на уровень образованности людей в том или ином городе. Чем выше образование родителей, тем выше образованность их детей. Стиль жизни взрослого населения формирует стиль жизни людей в этом поселении. Все вместе оказывает воздействие на социально-психологический климат в семье. В крупных городах в силу развития культурной составляющей стиль жизни отличается от стиля жизни людей, живущих в средних городах. Естественно, влияет на состояние и развитие семьи, опекунской семьи. В Москве при исследовании опекунской семьи (количественное исследование) мы ни встетили ни одной матери, лишенной родительских прав, оставившей больше одного ребенка. [2]

4. Этнические особенности. Среди объектов нашего исследования – Бурятия. Традиционные ценности народа играют большую роль в сохранении семьи, взаимоуважении ее членов. В Бурятии по сравнению с другими объектами исследования меньше всего людей, лишенных материнских прав, а значит меньше сирот, меньше опекунских семей. Дети с момента рождения все время находятся в условиях общения с самыми близкими родственниками, что обуславливает быстрое развитие ребенка, его эмоционально-чувственной сферы, познавательных процессов.

Литература

1. Т.З. Козлова. *Люди, лишенные родительских прав: их социализация и жизненные траектории*. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и другие», 2015.
2. Т.З. Козлова. *Опекунская семья*. М.: Аспект-Пресс, 2009

РАЗДЕЛ 6. РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД XVIII — НАЧАЛА XX В.: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ БЫТА, ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ДОСУГА

Л. Е. Морозова

г. Москва, Институт российской истории РАН

Ранняя история Нижнего Новгорода: гендерный аспект

Нижний Новгород относится к числу древнейших русских городов. Из летописей известно, что он был основан великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем в 1221 г. на слиянии крупных судоходных рек Волги и Оки. Здесь князь заложил и первую каменную церковь в честь святого Спаса, и основал за городом Богородичный монастырь. Удобное расположение свидетельствовало о том, что в скором будущем Нижнему предстояло стать крупным и богатым торговым городом, как его тезка Новгород Великий. Однако вторжение на Русь монгольских войск Батые в 1237–1238 гг. внесло в его историю свои коррективы.

Основатель и покровитель Нижнего Новгорода великий князь Юрий Всеволодович был убит, погибли и все его сыновья. Между оставшимися в живых его родственниками началась ожесточенная борьба сначала за большой удел, а потом и за первенство в Северо-Восточной Руси. Впереди оказывались те, кто смог вручить золотоордынскому хану ценные подарки и взамен получить ярлык на великое княжение.

В это время Нижний Новгород стал владением суздальских князей, непосредственно Андрея Ярославича, который в 1249 г. даже получил ярлык на великое Владимирское княжение, но в 1252 г. был согнан с престола старшим братом Александром Невским. На Русь он вернулся в 1256 г. и вместе с тремя сыновьями стал управлять Суздальско-Нижегородскими землями. В междоусобные баталии, постоянно вспыхивающие среди других князей, никто из них не вступал. Поэтому напрашивается предположение, что в это время Нижний Новгород стал расти и укрепляться как важный торговый город на пути из Золотой Орды в центральные, западные и северные русские города, в том числе и в Новгород Великий. Таможенные сборы, несомненно, обогащали местных князей. Это были внуки Андрея Ярославича: Александр и Константин Васильевичи.

В итоге в 1328 г. после очередной междоусобной баталии московских и тверских князей хан Узбек разделил великое Владимирское княжение на две части: Владимир, Суздаль, Нижний Новгород получил князь Александр Васильевич, а Кострому, Новгород Великий, Переславль и Москву — Иван Калита. Правда, такое разделение продолжалось только до смерти Александра Васильевича в 1331 г. Сменивший его брат Константин Васильевич сохранил за собой только Суздаль и Нижний Новгород. При этом Суздаль он отдал старшему сыну Андрею, а столицей своего княжества сделал Нижний Новгород.

В 1341 г., присоединив к своим владениям Городец, Константин получил титул великого князя. В 1343 г. в Орде в споре с великим князем Семеном Гордым он доказал свои права и на титул, и на все владения.

Таким образом, можно сделать вывод, что до середины XIV в. история Нижнего Новгорода была сугубо мужской. Князья основали, укрепили и расширили город, купцы превратили его в один центров торговли с Золотой Ордой и восточными странами. В итоге для приволжской части бывших древнерусских территорий Нижний Новгород стал столицей, управляемой местными великими князьями. В это время он успешно соперничал с Москвой и в некотором отношении даже ее превосходил.

Среди остальных северо-восточных князей Константин Васильевич Нижегородский стал занимать одно из ведущих мест. Это позволило ему выдать замуж старшую дочь Антониду за ростовского князя Андрея Федоровича, младшую дочь Евдокию — за тверского князя Михаила Александровича. Эта княжна, судя по отзывам современников, отличалась высокой образованностью. В летописях писалось, что она воспитала своего сына Ивана «премудренно, наказывала страху Божию и премудрости человеческой». Обширные знания княжна Евдокия могла получить от матери Анны, гречанки по национальности.

Для старших сыновей Константин Васильевич смог сосватать только дочерей купцов: тверского — Андрею, нижегородского — Дмитрию. Только младший княжич Борис смог жениться на дочери великого князя Литовского Ольгерда — Агрофене. Этому, несомненно, способствовала его сестра Евдокия, тверская княгиня, поскольку второй супругой Ольгерда была тверская княжна Ульяна.

Выгодные браки еще больше укрепили Нижегородское княжество. С этого времени началась и его женская история.

Хорошие доходы позволили местным князьям заняться строительной деятельностью. В 1350 г. Константин Васильевич возвел новый каменный Спасский собор взамен обветшавшего старого. В это же время он заложил в Суздале Спасский монастырь, ныне называемый Спасо-Евфимиев. Его сын Андрей здесь же построил женский Покровский монастырь, ставший местом пострижения знатных женщин.

После смерти в 1353 г. великого князя Владимирского Семена Гордого новгородские купцы захотели, чтобы на его престол сел Константин Васильевич Нижегородский и вместе с ним отправились в Орду. Но хан не захотел изменять традициям и отдал ярлык на великое княжение брату Семена — Ивану Ивановичу Красному.

Данный факт свидетельствует о том, что в это время в общей иерархии князей московские и нижегородские князья занимали приблизительно равное место. Поэтому после кончины Ивана Красного в 1360 г. очередной хан отдал ярлык на великое княжение не его юному сыну Дмитрию, а суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, сыну Константина Васильевича Нижегородского. Естественно, что это должно было вызвать ожесточенную междоусобицу москвичей с нижегородцами. Но при участии женщин она была остановлена в самом начале.

Приблизительно в 1364 г. старшая дочь Дмитрия Константиновича Мария была выдана замуж за сына московского тысяцкого Николая Васильевича Вельяминова. Он приходился двоюродным братом (по матери) московскому князю Дмитрию Ивановичу. Затем в 1366 г. была сыграна свадьба между самим Дмитрием Ивановичем и младшей дочерью Дмитрия Константиновича Евдокией. Дважды породнившиеся московские и нижегородские князья уже не ссорились и лишь помогали друг другу.

При участии женщин особенно интенсивно осуществлялся культурный обмен между княжествами. Ведь Нижний Новгород был наследником замечательного искусства Владимиро-Суздальской Руси. У Москвы же глубоких культурных корней не было.

Первой определенным вклад в культуру московской Руси внесла княжна Мария Дмитриевна, которая вместе с мужем Николаем Вельяминовым поселилась в Коломне. По ее инициативе, а потом и при участии Дмитрия Донского в городе стал возводиться каменный Успенский собор, похожий по архитектуре на владими́ро-сузда́льские церкви. После гибели мужа на Куликовом поле Мария, очевидно, стала заказчицей поэтического произведения «Задонщина», похожего на «Слово о полку Игореве». Особенностью данного произведения является прославление московских боярын, чьи мужья сложили свои головы в битве с войском Мамая. Большое внимание в нем уделено и мужу Марии Николаю Вельяминову, представленному одним из главных полководцев, мужественно погибшим на поле-боя.

Вторая дочь Дмитрия Константиновича — Евдокия, после смерти мужа в 1389 г. стала заниматься церковным строительством. В 1393 г. она возвела в Кремле храм Рождества Богородицы, напоминающий по своим параметрам Дмитровский собор Владимира. Эта постройка произвела неизгладимое впечатление на современников-москвичей, поскольку в городе до этого были только небольшие приземистые церкви, построенный Иваном Калитым.

Чтобы еще больше украсить Рождественский храм, в 1395 г Евдокия Дмитриевна пригласила из Нижнего Новгорода знаменитого иконописца Феофана Грека и местного мастера Семена Черного. Через некоторое время при покровительстве великой княгини в Москве сформировался кружок талантливых иконописцев, которые стали расписывать и другие московские храмы, и даже княжеские палаты. Главой его был Феофан Грек. Его учениками стали Андрей Рублев, Прохор из Городца и др.

Незадолго до смерти Евдокия Дмитриевна основала в Кремле Вознесенский монастырь, который стал местом пострига и местом захоронения женщин великокняжеского рода. В данном случае примером для нее стала деятельность великой княгини Владимирской Марии Ясыни.

Так, благодаря суздальско-нижегородским княжнам, Москва стала не только административным центром возрождающегося Русского государства, но и культурным очагом.

Нижегородское княжество, напротив, вскоре утратило свои лидерские позиции. После смерти Дмитрия Константиновича в 1383 г. началась затяжная междоусобная борьба между его сыновьями Семеном и Василием с одной стороны и дядей Борисом Константиновичем — с другой. Со смертью Бориса в 1394 г. междоусобица должна была прекратиться, но распрями родственников воспользовался сын великой княгини Евдокии Дмитриевны великий князь Владимирский Василий I и присоединил Нижегородское княжество к Москве.

Литература

1. Горский А. А. *От славянского расселения до Московского царства*. М. 2004.
2. *Ипатьевская летопись*. Рязань. 2001.
3. *Лаврентьевская летопись*. Рязань. 2001.
4. *Львовская летопись*. ПСРЛ. Т. 20. М. 2005.
5. Морозова Л. Е. *Знатные женщины Средневековой Руси*. М. 2013.
6. Приселков М. Д. *Троицкая летопись*. СПб. 2002.
7. *Рогожский летописец*, ПСРЛ. Т. 15. М. 2000.
8. Пушкарёва Н. Л. *Женица в средневековом Новгороде XI-XV вв.* // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. *История*. М., 1983. N 3. С. 78–89

Отражение личного и общественного пространства зажиточной горожанки в Домострое

Изучение гендерной истории средневековой Руси, как уже неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, представляет ряд сложностей, связанных, с одной стороны, с относительно недавним обращением к этой проблематике и со спецификой русских источников, с другой [4]. Тем не менее, важность проблемы заставляет искать ответы и в источниках, которые относятся к теме лишь косвенно, как бы «проговариваясь» о сюжетах, интересующих исследователя. К таким источникам относятся и знаменитый Домострой, и тексты исповедальных книг, имеющих отношение к каноническому праву, и Судебники XVI в.

Домострой, безусловно, является текстом, написанным для горожан, причем горожан зажиточных, о чем свидетельствуют не только бытовые реалии, имеющиеся в тексте, но и владельческие записи на рукописях, большая часть которых принадлежит стольникам, дворянам и купцам [6]. Крестьянство остается вне поля зрения автора и редактора Домостроя., но много внимания они уделяют челяди (или «чади») — неотъемлемой части зажиточного домашнего сообщества того времени. (Уточним, что слово «семья» до конца XVII в. обозначало не союз кровно родственных людей, а совокупность челяди. В этом значении оно употребляется и в Домострое). В качестве источника для изучения истории реальных отношений наш памятник часто вызывал сомнения, поскольку цель его автора — нарисовать идеальный тип межличностных, в значительной части, супружеских связей. Ситуация представляется не такой безнадежной, если обратить внимание на то, что указывая, как следует общаться с людьми, автор Домостроя, пусть вскользь, но говорит и о том, как ведут себя его современники. Кроме того, воображаемый идеал тоже является характеристикой представлений о нормах взаимоотношений времени его создания.

Исследуемый текст разделен на три части: о том, как верить в Бога и поклоняться ему, затем о должных правилах семейных отношений (домовном строе) и третья часть — о том, как следует вести хозяйство, о «домашней порядке». Для предложенной темы наибольший интерес представляет вторая часть — о «домовном строении». Хронологические рамки исследования ограничены временем создания Домостроя в том виде, в каком он дошел до нас (т.е. серединой XVI в.) и концом XVII в., когда его почти перестают переписывать в «классическом» виде.

Говоря о Домострое, трудно пройти мимо пресловутой главы, где речь идет об избииении жены. В современной литературе отмечалось, что об избииении жен в памятниках, старших Домостроя, не упоминается [1]. Но это не значит, что такого явления не существовало ранее. Скорее наоборот, оно признавалось нормальным. Причем речь идет не просто о признании права сильного, но именно мужа в отношении жены, поскольку за избииение чужой жены полагалось наказание. И со времен Устава князя Ярослава предписывалось церковное наказание для жен, бьющих мужа или его родственников.

Создатель Домостроя отрицает зверское избииение «по глазу» (до слепоты), «по уху» (до глухоты) и «по животу, отчего и извержение плода бывает» и, не отрицая телесное наказание жены в принципе, он впервые в древнерусской учительной

литературе предлагает некий ритуал телесного наказания, настаивая на том, что нельзя бить до боли, а после наказания предлагает «приласкать» и простить. При чем бить можно только «за вину страшную и если не раскается» и осуждает тех, кто бьет жену, вымещая на ней досаду и гнев. [2]. Правило Домостроя не реализуется и в современности, а домашнее насилие по-прежнему остается актуальной проблемой.

Если говорить о пространстве и психологическом, и социальном домашнего городского сообщества того времени, то в нем можно отметить несколько сфер. Первая, самая узкая и закрытая — взаимоотношения мужа и жены. Хозяином, или как он называется в Домострое, «государем», был муж, но жена была «государыней», с которой надлежало советоваться по всем домашним делам. Хозяйственная роль жены возрастала в случае частых отлучек мужа по государевым и торговым делам, что не могло не расширять сферу ее социального пространства. (Особенно велика была хозяйственная и правовая деятельность вдов при несовершеннолетних детях, правда, она резко уменьшалась после женитьбы подросшего сына). Не имея формальных прав влиять на внедомашние дела мужа, жена, тем не менее, делала это. Во всяком случае, в исповедальных книгах того времени священникам предлагалось на исповеди спрашивать замужних женщин, не пытались ли они склонять супругов к тому или иному решению. (Поступок, не одобрявшийся церковью, но отнюдь не несуществующий).

Второй круг — домашнее сообщество в целом, отгороженное от остального мира высоким забором и стремящееся преподнести себя окружающим в самом выгодном свете. Здесь роль жены была особенно велика, поскольку ей надлежало заботиться о воспитании домочадцев, следить за их поведением и исполнительностью, не говоря уже о хлопотах по воспитанию детей. Именно жена была регулятором эмоциональных отношений в семье, наставницей, и заступницей за детей и слуг. Задача тем более сложная, что нужно было подготовить своего ребенка к семейной жизни и найти ему достойную пару, «в версту». В рассматриваемый период супружескую пару по-прежнему чаще подбирали родители, склонности детей учитывались редко, но если брак для одной из сторон был совсем неприемлем и кончался самоубийством, то родители покончившего с собой ребенка подлежали церковному наказанию.

Об отношении к женщине свидетельствует и статьи Судебников XVI в., где за ее «бесчестье» полагался штраф в два раза больший, чем за такое же преступление против мужа соответствующего социального статуса. Отметим, что законом защищалась даже честь ведьмы, хотя в этом случае штраф и был ничтожным. Эта забота о чести женщины не раз анализировать в литературе и оценивалась по-разному [5; 3]. Но не был отмечен христианский аспект такого отношения. Целым рядом исследователей преувеличиваются женоненавистнические тенденции в христианстве. Враждебное отношение к женщинам временами усиливалось в обществе, но дело не в христианстве как таковом, а в настроении людей определенной эпохи. Еще Повесть временных лет цитирует Священное Писание, где сказано, что при хорошей жене «блажен муж и число дней его сугубо». Эти слова царя Соломона приводятся и в Домострое, в главе, которая так и называется — «Похвала женам».

По представлениям автора того же Домостроя, жена, обязанная трудиться не покладая рук, была свободна в распоряжении плодами своего рукоделия, обменивая или продавая его и приобретая на него предметы и товары по своему

усмотрению без ведома мужа, что также не могло не расширять круг ее общения. Нищелюбие и странноприимство, обязательная христианская добродетель того времени, также была обязанностью хозяйки дома и в какой-то степени формировала ее представление об окружающем мире. Походы в гости играли значительную роль в жизни не только женщин, но и общества в целом. Судя по тому, как старательно автор Домостроя уговаривает женщин в гостях не говорить «о боярынях и княгинях», а только о кухонных рецептах и разумном ведении хозяйства, именно семейные дела соседей и женщин более высоких социальных слоев и были предметом застольных бесед, и можно предположить, что именно в этих беседах формировались суждения, оценки и то, что мы сейчас называем «общественное мнение». Репутация, имеющая большое значение и в современном мире, в те времена значила много больше. «От Бога грех, от людей посмеих» — вот два самых страшных наказания для человека, связанного с окружающими его людьми гораздо глубже, чем в Новое и Новейшее время. Свою лепту в расширение социальных контактов жен вносили слуги, которых в Домострое советуется не слушать и ничего с ними не обсуждать. Слуги были более свободны в своих контактах и принесенные ими известия могли значительно расширить информированность их хозяек о жизни города в целом и их мужей и домочадцев в частности.

Была и совсем публичная сфера деятельности женщин — участие в суде. Так, по вопросу о защите своей «чести» женщины имели право сами обращаться в суд и делали это. Суд — мероприятие публичное, и женщины публично свидетельствовали против мужчин, но это воспринималось русским городским обществом позднего Средневековья и раннего Нового времени как нечто вполне естественное. Доходило и до курьезов: согласно Судебникам, если в суде судились не женщина и мужчина, а две женщины и им присуждалось «поле» (судебный поединок), то взять наймитов они не имели права. Должны были драться сами.

Среди русских женщин было немало неординарных, талантливых, сильных личностей, имена которых остались в истории. Но вот та статья, которая в Уставе князя Ярослава требует наказания жен, избивающих своих мужей, наводит на мысль, что женщин с сильным характером и волей было больше, нежели нам известно, и главенствующая роль в семье и обществе не всегда определялась принадлежностью к полу, а скорее, силой характера, умом и волей.

Литература

1. Долгов В. В. *Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв.* Издательство Олега Абышко. СПб., 2017. С. 160–175.
2. *Домострой. Публикация и текст.* Наука. СПб. 1994. С. 245.
3. Коллман Н. Ш. *Проблема женской чести в Московской Руси XVI–XVII веков*//Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 205–216.
4. Пушкарева Н. Л. *Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы русской и зарубежной наукой. 1880–2000: Материалы к библиографии.* М.: Ладомир, 2002.
5. Черная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI — XVII вв.//*Древнерусская литература. Изображение общества.* М., 1991. С. 56–84.
6. Pouncy C. J. *The Origins of the Domostroi: A Study in Manuscript History*//*The Russian Review*, vol. 46, 1987, p. 357–373.

Вдовы, девицы и жены юга России в XVII в. (на примере материалов съезжих изб и кружечных дворов)

Юг России в XVII столетии в исследовательской литературе обозначают как территорию фронта, обладающую своими отличительными особенностями и в нескольких аспектах сильно отличающуюся от центра страны [1]. Среди таких особенностей — структура местного населения, преобладание числа служилых людей, малочисленность посадского населения, традиционная высокая роль местной администрации в лице воеводы и т. д. Жизнь простых обывателей в южных городах страны без преувеличения отличалась от центра России. Так называемые «города на поле» своим возникновением обязаны были решению первоочередной военной задачи — защиты южных рубежей страны от постоянных набегов кочевников.

Без преувеличения скажем, что для выбранного нами исторического периода сложно очертить четкие гендерные аспекты, определить роль женщины — обычной обывательницы и вообще, собрать полный материал по заявленной тематике. Причина общеизвестна и понятна, исследователь, анализируя материал уездных и городских служб, южнорусских съезжих изб, таможенные, кабацкие документы, челобитные земских старост и др. должностных лиц практически не встречает упоминания женских имен. Женщина в обозначенный нами временной отрезок ничем не примечательна, так как не интересна государству, она не включена в правовые отношения и взаимоотношения власти и общества. Ее роль пассивна. Она не платит налоги, не несет повинности, не владеет имуществом. Сначала дочь принадлежит отцу, потом переходит мужу, о вдовах заботятся родственники — мужчины или сыновья. Тем более ценен любой материал, который позволяет оценить статус женщины и ее роль в каждой исторической эпохе.

Опубликованные и архивные источники по югу России XVII в. содержат, в основном, материал по военной истории, экономической и хозяйственной жизни страны. Нами использовались материалы южнорусских съезжих изб (преимущественно г. Воронежа, Ельца, Белгорода) и данные таможенных и кабацких книг. Как известно, для юга России было характерно объединение сбора таможенных и кабацких пошлин в руках одного и того же административного аппарата под управлением таможенного и кабацкого головы. Одной из обязанностей таможенных и кабацких служителей на протяжении нескольких столетий была борьба с корчемством — то есть изготовлением нелегальных спиртных напитков. Головы тщательно фиксировали в отчетных документах имена правонарушителей, корчемное имущество и изготовленные напитки которых изымались в пользу государственного кабака (позднее кружечного двора) [2].

Интересно, что среди южнорусских корчемников можно найти женские имена. Так, в сентябре 1617 г. одна из корчемных точек была выявлена в г. Ельце на дому у некой Марии Кузнечихи. Можно предположить род занятий мужа или отца женщины. Без сомнения, работа кузнеца в городе-крепости считалась довольно важной. Боевой конь, оружие и т. д. высоко ценились у служилых людей. Корчемница была выявлена самими местными жителями и поймана с поличным. Отметим, что Мария, судя по источнику, уже попадалась на производстве нелегальной алкогольной продукции. Обнаруженный у нее на дому «питух» ямщик Федор Шепелев подтвердил, что ранее поручался за женщину, за что сам же заплатил по тем временам большой штраф. Полполтины — за то,

что сам пил в корчме, еще два рубля — за то, что брал Марию «на поруки». Что толкало женщину на правонарушение? Почему к делу не привлекались родственники — мужчины? Можно предположить, что Мария Кузнечиха была на тот момент вдовой, и других источников к существованию кроме изготовления подпольных спиртных напитков у нее не было. В ходе разбирательства корчемная точка была ликвидирована. Вино конфисковано в пользу елецкого кабака. Судьба Марии осталась для нас неизвестной [3].

Среди материалов Воронежского кабака (кружечного двора) и таможни можно найти также единичные упоминания о женах корчемников, сбжавших голов или нерадивых целовальников, которые должны были ставится на «правеж», то есть отвечать за недобор личным имуществом. Нередко для решения вопроса о недоборе таможенных и кабацких денег из столицы присылали так называемых сыщиков, которые проводили расследование путем проведения повального сыска, то есть опроса всех местных жителей. Среди материалов сыска иногда встречаются показания жен или матерей подозреваемых [4].

Рассмотрим также еще один такой немаловажный аспект применительно к обозначенной исторической эпохе как выделение женщинам юга России прожиточных земель. Сразу заметим, что такая практика является исключительным, а не рядовым событием и потому остановимся на этих случаях и попробуем проанализировать их подробнее. По материалам Воронежской съезжей избы выявляются земельные участки в селе Грязном, деревнях Айдаровой и Гололобовой, селах Рядном, Чертовицком и др., находившихся в собственности двух овдовевших семей: Анны Калининна Челюсткина и Марии Никулы Щурова. Эти земли представляли собой прожиточные поместья, которые не могли надолго выходить из службы и использовались в исключительных случаях. Е. В. Камараули приводит данные писцовой книги, в которой были учтены 12 прожиточных владений, из них 4 представляли собой совладения вдов и дочерей, 7 — владения одиноких вдов и девиц и 1 владение жены служилого человека, пропавшего без вести в татарском плену [5].

Таким образом, для юга России, как для территории фронта, характерны свои, отличительные особенности. Тяжелые по сравнению с центром страны бытовые условия, постоянная угроза военного нападения, большая вероятность потери кормильца, отца или мужа, для женщины создают ситуации, когда государство в виде исключения начинает видеть в ней подданного, наделенного такими же правами и обязанностями, как и мужчина. Женщина подвергается допросу, сыску, правежу, уплачивает штрафы, наделяется землей. Тем не менее, отметим особый и исключительный для обозначенной исторической эпохи характер таких случаев.

Литература

1. Жиброва Т. В. «Бить батогами нещадно»: Воронежский уезд как фронтир XVII в./Т. В. Жиброва//Журнал Фронтирных Исследований. 2016. № 3. С. 7–17.

2. Жиброва Т. В. «Ценовые росписи» южнорусских таможен и кружечных дворов XVII в. как исторический источник/Т. В. Жиброва//Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 274–278.

3. Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков/Д. А. Ляпин. Тула, 2011.

4. РГАДА. Ф. 210. Оп 13. Столбцы Приказного ст. Д. 504. Л. 22.

5. Камараули Е. В. Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения/Е. В. Камараули//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 51.

Не ходите, девки, в город: искушения русской сентиментальной повести XVIII в.

К началу XIX в. в России 90% населения составляли крестьяне, проживающие в деревнях и селах, в то время как жители городов составляли лишь 4%. Тем не менее, именно антиурбанистическая тематика стала одной из основных в конфликтологии русской сентиментальной повести 70–90-х гг. XVIII столетия. В России основной конфликт сентиментализма, связанный с антиурбанистической тематикой, находил свое отражение в сюжете, когда юная поселянка приходила в город, чтобы продавать там цветы или ягоды, собранные своими руками, где встречала молодого барина, пробуждающего в ней чувство любви. Финал такой повести был, как правило, печальным. То, что женским образам в литературе сентиментализма часто отводилось центральное место, было далеко не случайно. Женщина, в отличие от мужчины, была в гораздо меньшей степени вписана в «мужской мир» государственных и социальных отношений, представляя собой тип «природного» человека. Кроме того, женщина по самой своей природе уделяет большее внимание миру чувств, миру сердца, который зачастую является для нее основной сферой приложения сил.

Одной из первых повестей, где появляется тема города, несущего погибель чистой и светлой душе, становится сказка анонимного автора «Колин и Лиза», созданная в 1772 году. В начале произведения Колин и Лиза живут в деревне недалеко от города и наслаждаются взаимным счастьем как истинные дети природы: «Лиза была всех веселее; Колин играл на свирелке и воспевал прелести своей Лизы, все веселости их были невинны, Лиза плясала, резвилась и утешала тем Колина и себя» [1, с. 27]. Они решают пожениться, и их отцы дают на это согласие. Но вмешался роковой случай. Отец Лизы решил взять ее с собой в город для продажи ягод, чтобы быстрее собрать деньги на свадьбу. Как и в любой сказке, в повести «Колин и Лиза» мы сталкиваемся с мистикой числа 3. Три раза ходит Лиза в город, и каждое путешествие все более отдаляет ее от любезного Колина.

Так, в первый раз Лиза идет в город печальная, думая о Колине. Но ее печальные мысли исчезают при виде городских красот, она «любуется строением города» и, вернувшись в деревню, с восторгом рассказывает Колину о красотах городской жизни: «... какие дома! Какие сады! Как хорошо наряжены жители!» [Колин и Лиза 1979:28]. Она невольно начинает примерять городской образ жизни на их деревенскую жизнь, мечтает, чтобы и у них с Колином был такой дом, какие она видела в городе. Причиной новых желаний героини становится пребывание Лизы в великолепном доме, где им щедро заплатил за принесенные ягоды молодой барин.

Во время второго путешествия она уже не грустит, а с восхищением смотрит на все, что ей в городе встречается, но главное радуется встрече с молодым хозяином великолепного дома, удивляется красоте его наряда и пленяется его вежливостью. Молодой господин снова щедро расплачивается с нею, из-за чего начинается стремительная деградация характера героини. Лиза уже перестает думать о милom Колине, дает ему при встрече холодный поцелуй и неприятно поражается его загару, который контрастирует с белизной кожи городских жителей. Теперь ей не интересно проводить время с Колиным, она мечтает только о том, как быстрее набрать ягод и снова увидиться с молодым баринoм: «Ежели бы я не крестьянка была, я бы никого, кроме

его, не полюбила» [1, с. 31], — заявляет она. Это предвосхищает пафос Н. Карамзина: «И крестьянки любить умеют».

Третье путешествие с город становится для Лизы роковым. Она отправляется туда, украсив себя цветами и досадуя на бедность своей одежды. Молодой господин одаривает ее поцелуями, приглашает жить в своем доме и не выходить замуж за Колина. В результате Лиза возвращается в деревню печальная и смотрит на деревенский мир новыми глазами, глазами горожанки: «их жилище, в котором она столько сперва удовольствия находила, представляется ей темнишею; самый Колин, которого она столь нежно любила, кажется ей дурен и груб» [1, с. 31]. Она отказывается от замужества с ним и умоляет своего отца отдать ее в дом молодого господина. Отец запрещает ей ходить в город, что приводит к трагическому финалу: Лиза «грустит, тоскует, плачет, переменялся цвет лица ее, она сохнет и, наконец, умирает с печали» [1, с. 32].

Неизвестный автор заканчивает сказку мудрой сентенцией в духе этики сентиментализма: «Бойтесь, невинные сердца, искушения обманчивых прелестей, которые развращенные люди часто на себя принимают, бойтесь притворных ласковостей и верьте, что истинная любовь удаляется от шума городского и царствует она в тишине и простоте сельской» [1, с. 32].

Несмотря на всю безыскусность и наивность сюжета сказки, сюжетную схему, где город выступает в качестве топоса, испытывающего чувства героев, можно найти даже в «Бедной Лизе» Н. Карамзина (1792). Именно эту повесть Карамзина В. Н. Топоров назвал корнем, «из которого выросло древо русской классической прозы» [2, с. 49].

У Карамзина молодая поселанка, которую также зовут Лизой, впервые встречает своего Эраста, когда приходит в Москву продавать ландыши за 5 копеек, в то время как влюбившийся в нее Эраст предлагает ей за них целый рубль, на что она не соглашается. Встреча в Москве становится завязкой сентиментальных отношений, во время которых уже не Лиза ходит в город, но Эраст приходит к ней в хижину, покупая ее работу и встречаясь с ней каждый вечер на берегу реки, в березовой роще или под тенью столетних дубов, осеняющих глубокий чистый пруд. Гений Карамзина как нигде проявился в сцене «падения» Лизы, происходящего на фоне бурного ночного грозового пейзажа. Однако, показав психологический параллелизм человеческих чувств и жизни природы, Карамзин в финальной части повести опять возвращается к городскому топосу. Он заставляет Лизу стать свидетельницей «падения» Эраста, по сути дела продавшего себя в мужья пожилой богатой вдове, чтобы быть в состоянии заплатить долги, сделанные им из-за игры в карты, и продолжать блестящую городскую жизнь: ездить в дорогой карете и жить в роскошном доме. Последней каплей, заставившей Лизу принять роковое решение о самоубийстве, стали 100 рублей, которые Эраст кладет ей в карман, выпроваживая ее из своего городского кабинета. Если для Лизы знакомство с человеком, принадлежащим городской культуре, заканчивается самоубийством, то для Эраста сельская идиллия, связанная с нежным образом Лизы, завершается возвращением в привычную культурную среду обитания, где он, правда, был до конца жизни своей несчастлив, считая себя убийцей Лизы.

При всей условности сентиментальной эстетики русская повесть отразила важный аспект урбанистической культуры XVIII столетия: разрыв естественных связей человека с его матерью-природой, что неизбежно приводит к деформации и деградации человеческой души.

Литература

1. Колин и Лиза//*Русская сентиментальная повесть*. М: Изд-во Моск. Ун-та, 1979. С. 27–32.
2. Топоров В. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: «Издательство «Русский мир», 2006.

Е. В. Комлева

г. Новосибирск, Институт истории СО РАН

Россия глазами сибирской купчихи: путевые записки Марфы Никитичны Кандинской (1851 г.)

Сохранилось всего около трех десятков эго-текстов, вышедших из среды сибирского купечества, но лишь единицы из них написаны женщинами. Один из таких уникальных источников принадлежит перу Марфы Никитичны Кандинской (урожд. Сабашниковой) — представительницы широко известного не только в Сибири, но и за ее пределами купеческого рода [1, с. 153–158]. Это разбитый на две тетради дневник, датируемый 1851, 1859 и 1861 гг. [2]. И хотя первая из сохранившихся тетрадей озаглавлена «Путевые записки Николая Хрисанфовича и Марфы Никитичны Кандинских» [2, л. 1], на самом деле все записи сделаны одной Марфой Никитичной (ее почерком и от ее имени) и отражают впечатления от путешествия из Кяхты в Москву.

Марфа Никитична Кандинская родилась в семье иркутского купца Сабашникова и получила традиционное по тем временам домашнее образование. В 1840-х годах она вышла замуж за селенгинского купца 1-й гильдии и потомственного почетного гражданина Н.Х. Кандинского Младшего. В конце мая 1851 г. Николай Хрисанфович вместе с родственником Александром Сильвестровичем отправляется по торговым делам в Москву и берет с собой супругу. Возможно, впоследствии он в какой-то мере пожалел о своем решении — недаром Марфа Никитична, уже находясь в Москве, записывает: «Мне кажется, что я в тягость Николаю, и Бог знает, что мне не приходит в голову» [2, л. 10 об.].

Приведенная цитата показывает, что дневник М.Н. Кандинской очень эмоционален; помимо беспокойства об отношениях с мужем, он пропитан и грустью по оставшимся в Кяхте дочерям Татьяне и Августе. О переживаниях любящей матери свидетельствуют строки: «... разлука с дет [ь]ми моими мне очень тяжела, ни одной нет минуты, что бы я об них не думала. Дай Бог, чтобы оне, мои милые, бесценные, были здоровы и мне бы видеть их поскорее» [2, л. 5 об. — 6].

Еще одна черта дневника Марфы Никитичны — наличие многочисленных мелких деталей, что вообще характерно для женской мемуаристики. Эта особенность не могла не сказаться, в том числе, и на описании населенных пунктов, через которые проезжали путешественники, включая такие города, как Селенгинск, Иркутск, Красноярск, Томск, Тюмень, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Москва. Например, впечатление от Тюмени отразилось в следующих словах: «Мне етот город не пондравился: в нем, кажется, кроме мужикоф никого нет, да комароф» [2, л. 6]. Описывая пребывание в Казани, М.Н. Кандинская записала: «... заезжали в кондитерскую, но в ней ничего не нашли хорошего. Конфеты дряные» [2, л. 8].

Особое внимание уделено развлечениям: посещению театра, концертов, «маскерада», слушанию органа, покупке нарядов, прогулкам. В записи, сделанной в Иркутске,

Марфа Никитична отмечает: «... вечером была в здешнем театре. В этот раз играли «Матроса» и водевиль «Женская натура». Мне очень пондравилась игра здешных актероф» [2, л. 4]. В Томске М.Н. Кандинская пишет: «... я была [...] в саду Горохова. Как он хорош был! Сколькo в нем различных беседок и очень затейливых, огромной пруд почти во весь сад, оранжерей с виноградом и много цветов редких. Но нынче етот сад запущен и видно во всем разрушение. Мы на все смотрели с большой грустию [...] Еще были в публичном саду, которой тоже мне пондравился тем, что он природной, густая березовая [роща] и в разных направлениях дорожки идут — это просто, без всяких затей, но как хорошо!» [2, л. 5 об.]. А вот чем занималась Марфа Никитична в Казани: «Сегодня мы просто пируем. Какой у нас был обед! Потом много пили лимонаду [...], ели малину, вишно, яблоки, дыни до того, что я напоследок чуть-чуть дышала. Вечером я с Александром Сильвестровичем ездилa на здешные гуляния в загородный сад, только в етот раз гуляющих не было. Мне очень пондравилась гуляние...» [2, л. 8]. Большое впечатление на путешественницу произвели красоты Нижнего Новгорода: «Мимо прое [з]жали Нижегородской Макарьевской ярмарки и любовались оттуда прекрасными видами на Волгу, где много было барок, пароходоф и отсюда вид чудесной на горд» [2, л. 8 об.].

Много времени занимали визиты к знакомым, которые с удовольствием показывали гостям свои владения. Этот осмотр, видимо, не оставлял Марфу Никитичну равнодушной: в дневнике она кратко перечисляла виденные необычные вещи. Так, посетив проживавшую в Селенгине семью декабристов Бестужевых, она записала: «Были у Бестужевых, ходили в погреб Елены Александровны и в обсерваторию Н [иколая] А [лександровича], на балконы М [ихаила] А [лександровича] и в саду О [льги] А [лександровны]». В отличие от Бестужевых, их друзья купцы Старцевы не могли похвастаться ни погребом, ни обсерваторией, но зато у них в доме была «дождевая ванна» [2, л. 2]. В Красноярске Марфа Никитична «ходила и рассматривала хозяйство» купчихи М.К. Кузнецовой, в Москве — В.Я. Игумновой («ходила рас [с]матривала весь дом ея, была в саду, в каретнике, в конюшнях» [2, л. 5, 13 об.].

Проезжая через разные города, супруги Кандинские также обязательно заезжали поклониться местным православным святыням: в Иркутске они отслужили молебен св. Иннокентию Иркутскому, в Екатеринбурге — «молебен Тихвинской Божией Матери по обещанию», в Казани — молебен Казанской Божией Матери и преподобной Марфе, в Москве посетили кремлевские Успенский и Архангельский соборы, где служили молебен Николаю Угоднику, «потом были у Иверской Божией Матери и тут служили молебен» [2, л. 5, 7–7 об., 11].

Неудивительно, что наиболее сильное впечатление на Марфу Никитичну произвела Москва, о суетливых буднях которой она оставила следующие зарисовки: «... в первой раз очень любопытно быть в [торговых] рядах и видеть много интересного. Сколькo там народу! Сколькo продающих и покупающих — я не могу надивиться», «... сегодня [...] ходила на бульвар [...], было там довольно гуляющих всех возрастоф, но меня более всего занимало на етом гулянье, что маленькие дети, девочки и мальчики, очень хорошо одеты и все принесли с собой игрушки», «... сколькo тут [людей] проходило взад и вперед, и мы совершенно были в лесу — ни одного человека не видали знакомого, сколькo мы ни сидели...» [2, л. 9 об. — 10, 11, 12–12 об., 14].

Присущее Кандинским, как и другим жителям Азиатской части страны, чувство региональной идентичности подчеркивают частые упоминания о встречах с находившимися в Москве сибиряками: «... потом приехали к нам наши сибиряки», «... отпра-

вились к Рудакову на обед, тут обедали сибиряки», «... время провели довольно приятно в беседе со своими сибиряками», «сибиряки были у нас» [2, л. 11, 14].

Таким образом, обрисовав в своем дневнике целый ряд российских городов, М.Н. Кандинская хотя и очень кратко, но емко и выразительно подчеркнула своеобразие каждого из них и отразила свое восприятие реалий городской жизни середины XIX в.

Литература

1. Жеребцов Г.А. *Купцы Кандинские и их потомки. Чита, 2012. С. 153–158.*
2. ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). Ф. 92. Д. 35. Кандинская М.Н. *Дневник. Тетрадь первая.*

Е.В. Годовова

г. Оренбург, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Влияние городской моды на одежду оренбургской казачки во второй половине XIX в.

Одним из главных знаков культурного статуса человека является его одежда. Как элемент телесности, одежда оформляет гендерную принадлежность человека, служа наиболее надежным способом идентификации.

Большой интерес представляет одежда оренбургских казачек. При чем в станицах, расположенных ближе к городам, на фасоны одежды оказывала влияние городская мода. Например, праздничный костюм девушки, проживающей в пригороде, выглядел так: ситцевое, шерстяное или шелковое платье, плотно облегающее талию, с белым накрахмаленным воротничком и манжетами. На голове либо чепец — повязка, сшитая из атласной ткани яркого цвета, либо гребенка.

Девушки, проживающие в отдаленных станицах Оренбургского казачьего войска, таких, как Павловская, Нижнеуральская, Донецкая, вплоть до начала XX в. также носили сарафаны. Особенность их косоклиного пошива была характерна для уральских казаков, что позволяет считать, что сарафаны данного типа были привнесены в среду оренбургских казаков уральскими, вошедшими в состав оренбургского войска при его формировании и позже [5, с. 210]. Головным же убором служил шелковый платок, повязанный у замужних концами назад, а у девушек под подбородком.

Наиболее распространенным, а в некоторых станицах даже единственным типом женской одежды были кофта и юбка. Суконные, шерстяные, полушерстяные и ситцевые юбки отделялись кружевом с внутренней стороны для имитации нижней юбки. Кофты шились из ситцевых, атласных, полшерстяных тканей, украшались вышивками и аппликациями. Кофты всегда носили навыпуск, не заправляя в юбки.

Осенью и весной женщины-казачки, в зависимости от достатка, носили драповые или шерстяные пальто, зимою — суконные шубы из овчинного меха, часто с лисьими воротниками, пуховые и шерстяные платки, валенки.

Праздничной обувью для оренбургских казачек были высокие ботинки на шнурках. Сапоги же никогда не надевали: это считалось таким же грехом, как носить брюки и стричь волосы. Бытовали и черевички — обувь, у которой подошва делалась из тол-

стой кожи, а верх из тонкой. Выходной обувью считались калоши, но приобрести их себе могли только зажиточные люди. Интересно, что, несмотря на крестьянское происхождение, многие русские казаки не носили лапти, а нагайбаки предпочитали именно этот вид повседневной обуви.

Своеобразием отличалась женская причёска. Волосы казачки никогда не стригли. Незамужние женщины носили одну косу с одной-тремя лентами. Её заплетали на несколько дней «от бани до бани». На свадьбе волосы девушки делились на две косы, которые завивали в шишку, в 40 лет их укладывали на затылке «замочком», а в старости обвивали вокруг головы [1, с. 66].

Из украшений русские казачки предпочитали ожерелья (борки — местное название) из простых камней или стекла, серебряные, медные и редко золотые серьги, перстни и кольца, а нагайбакские женщины ещё и браслеты и нагрудники, состоящие из серебряных монет старого чекана.

Следует отметить, что самобытность одежды мусульманского населения к концу XIX в. практически была утрачена и сохранилась лишь в тех станицах, где мусульмане «проживали особняком», например в поселке Парижском и станице Великопетровской. Однако нельзя не заметить влияния восточного стиля на одежду оренбургских казаков, особенно в мужском костюме, выразившегося в ношении шароваров, халатов, сарыков.

Отдельно необходимо сказать о свадебной и ритуальной одежде.

Приданое невесты и кладка со стороны жениха являлись частью материальной основы свадьбы. Жених по обычаю обеспечивал невесту свадебной обувью и покрывал свадебные расходы. По сведениям В. Плотникова, «запрос», или кладка, выплачиваемая родителями жениха родителям невесты составляла 75–100 руб. сер. [4, с. 171]. Приданое же являлось одним из немаловажных мотивов в выборе невесты и содержало предметы женского туалета. Мать с рождения дочери начинала готовить ей приданое — покупать холст на полотенца, запастись чулками, платьями [3, с. 58].

Свадебную одежду старались шить по последней городской моде, как правило, она состояла для невесты из кофты и юбки светлых тонов (белого, розового, голубого), а для жениха из темного костюма, светлой рубашки и обязательно сапог.

После свадьбы некоторые носили эту одежду как праздничную, некоторые хранили как память. Большое распространение в ОКВ имело поверье, что венчальное платье обладает лечебной силой. Поэтому заболевшего ребенка накрывали свадебным платьем матери.

Погребальную одежду оренбургские казаки готовили заранее, она обязательно должна была быть новой. Мужчин хоронили в рубаше и штанах, которые могли дополняться верхней одеждой. Голову не накрывали. Гробы не обивали. В дощатый гроб клали богородскую траву, а сверху застилали материей, на которую и клали тело покойного.

Одежду умершей женщины в разных местностях могли составлять рубаша и длинное платье или юбка с кофтой. Голову обязательно покрывали платком, а замужней женщине надевали также повязку. Например, Екатерина Титова, жительница деревни Поповой, умершая в 1852 г., была похоронена в «сарафане и двух рубашках с ситцевыми рукавами, верхняя красного цвета, обе с холщовыми обшивками, подпоясана портянным поясом, на ногах шерстяные чулки и валенки, обшитые черной кожей, голова подвязана двумя платками, одним из них волосы, а другим сверху оно, концы коего обвернуты вокруг шеи и завязаны сзади» [2, л. 1–1 об.].

Таким образом, городская мода оказала влияние на внешний вид оренбургских казаков. На смену традиционной одежде пришли новые фасоны, так юбки и кофты практически заменили сарафаны, появились пальто, пиджаки.

Литература

1. Галигузов, И. Ф. Материальная культура оренбургских казаков (XIX — начало XX в.)/И. Ф. Галигузов//Оренбургское казачье войско. Страницы истории X–XX вв. Сб. науч. тр./Под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999.

2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 12. Д. 411.

3. Кривош еков, А. Обряды и обычаи оренбургских казаков/А. Кривошечков//Вестник оренбургского учебного округа. 1915. № 2.

4. Плотников, В. Очерки свадебных обрядов у оренбургских новолинейных казаков/В. Плотников//Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 2. Казань: университетская типография, 1871.

5. Стариков, Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты/Ф. М. Стариков. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1890.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете

Л. Т. Соловьева

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Досуг тбилисских горожан в XIX — начале XX в.: гендерный аспект

Традиционные праздники и развлечения были важной частью жизни обитателей Тбилиси XIX — начала XX в.

У мужчин были свои излюбленные формы проведения свободного времени. Популярными местами, где собирались главным образом представители низших сословий, были многочисленные духаны. Более состоятельные клиенты обслуживались в отдельных помещениях; здесь устраивали пирушки дружеские компании. Песни, танцы, народная музыка были неизменным атрибутом проведения свободного времени в духанах. Многие подобные заведения становились пристанищем художников, поэтов, музыкантов; здесь проводились состязания поэтов, певцов-ашугов, музыкантов-сазан-даров [4, с. 92].

Среди мужчин были очень популярны кулачные бои «криви», собиравшие большое число зрителей. Иногда их проводили на улицах, но когда участников было много — за городом, обычно по воскресеньям и в большие праздники. Самое большое сражение устраивали на масленицу. По словам И. Гришашвили, «кулачный бой развивал смелость, хладнокровие, силу; кулачный бой воспитывал рыцаря и воина. Добытые в бою оружие, бурки, ремни, шапки считались законным трофеем». Нередко бой начинали мальчишки, их сменяли подростки, затем молодые парни, а в завершение — опытные, прославленные борцы. Было известно три вида «криви»: собственно кулачный бой, «хридоли» — бой одной рукой, «садасти» — бой с применением деревянных сабель и пращей. Нередко в ход шли камни, палки, кирпичи. Так, 4 февраля 1854 г. в кулачном бою пятеро были убиты, 300 человек ранены [4, с. 21–22].

Популярными в народе развлечениями были также сражения бойцовых баранов-трехлеток, петухов, верблужки бои. Конные состязания «джирити», в которых участвовали в основном грузинские дворяне, включали джигитовку и игры с мячом; они привлекали огромное количество зрителей. Любимым развлечением горожан были также поединки знаменитых борцов.

Женщины, в отличие от мужчин, были более ограничены в возможности появляться в общественных местах. Тем не менее и у них были свои развлечения. По вечерам, освободившись от домашних дел, они любили собираться на плоских крышах своих домов. Отсюда они наблюдали за оживленной толпой на улице, устраивали танцы, пели песни [1, с. 206].

Женщины, особенно на масленицу, посещали места, где проводились общегородские кулачные бои. Современник описывал это следующим образом: «Взошло солнце. На склонах гор появились первые зрители. Женщины в ослепительно белых нарядах длинными веренищами спустились по гребням холмов. Это было чарующее зрелище. Вид его придавал бойцам бодрости, каждый желал отличиться перед той, которая среди шумной и тесной толпы следила за ним» [2, с. 14–15].

Одним из любимых развлечений горожанок было посещение серных бань, которые, по словам современника, заменяли женщинам «и церковь и клуб». Нередко здесь проводили целый день: «Рано утром, нагружив ученика из мужней лавки узлами с белым, отправлялась в баню представительница прекрасного пола и в сумерки, стараясь не встретить дорогой мужчину, возвращалась домой». Здесь можно было «по душам поговорить и посплетничать в свое удовольствие»; как говорила пословица: «Хочешь поболтать — ступай в баню». Здесь женщины завтракали, обедали, а затем устраивали чаепитие. Сидя за огромным самоваром в предбаннике, все блаженствовали. Были известны женщины-ашуги, которые своими песнями развлекали тех, кто проводил целые дни в бане [4, с. 42–43]. Была известна общая женская баня «Ходжа», знаменитая своими потасовками: в случае несогласия по тому или иному поводу женщины нередко «пускали в ход кружки, тазы, гибкие прутья для стирки белья». Банный день предоставлял возможность похвастаться своими нарядами; свахи присматривали в бане потенциальных невест, и здесь же нередко устраивались смотрины [7].

Состоятельные горожанки отправлялись в баню со своими приятельницами, в сопровождении многочисленных служанок, которые несли парфюмерию (белила, хну, краски, ароматические снадобья), одежду, съестные припасы [6, с. 35].

Девушки и молодые женщины развлекались, устраивая различные гадания. Так, в основном в армянской среде было известно гадание «вичаки», которое устраивали перед праздником Вознесения в чьем-либо доме или на армянском Ходживанкском кладбище. Накануне одна из девушек наполняла сосуд водой из реки Куры; на ночь его оставляли под открытым небом. Сосуд украшали цветками, и девушки бросали в него различные предметы (кольца, серьги, наперстки, ключи и т.д.). Для извлечения предметов из воды приглашали девочку-первенца, которую наряжали невестой и закрывали лицо вуалью. Роль гадательницы исполняла пожилая женщина. Она произносила особые ритуальные стихи, объясняя их смысл. Стих-предсказание предвещал судьбу владельца вещи или того, на кого загадывали [3; 5].

Накануне праздника св. Сергия (Сурб Саркиса) армянские юноши и девушки устраивали гадания, стремясь увидеть суженого: пекали специальные соленые лепешки и ели их перед сном; считалось, что суженый явится во сне и даст напиток.

На масленицу в каждом дворе устраивали качели, на которых полагалось качаться девушкам. Это развлечение имело ритуальный характер и считалось обязательным; считалось, что если в эти дни девушка не покачается на качелях, это сулит ей большие неприятности.

В дни некоторых религиозных праздников женщинам отводилась особая роль. Так, во вторник на пасхальной неделе в день св. Додо (Додооба) женщины поднимались к пещерам на высокому берегу Куры, где, по преданию, жил св. Додо. Обычно сюда шли те, у кого кто-то из близких был вдали от дома, в тюрьме или в плену; как считалось, им покровительствовал св. Додо. Здесь обитало много ящериц, и женщины бросали им кусочки сахара, обращая к ним свои просьбы. Если ящерица, начав лакомиться сахаром, смотрела женщине прямо в глаза, это считалось хорошим предзнаменованием.

Массовое паломничество женщины совершали на гору св. Давида в первый четверг после Вознесения; этот святой, по преданию, считался исцелителем бесплодных женщин.

Как свидетельствуют представленные материалы, досуг горожан и горожанок имел свои особенности, связанные с общепринятыми стандартами поведения мужчин и женщин. Некоторые виды развлечений были доступны только мужчинам, хотя женщины и могли участвовать в них как зрители. Религиозные праздники, особенно связанные с поездками к святым местам, предусматривали равное участие в них как мужчин, так и женщин.

Литература

1. Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. *Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX веке. М., 1990.*
2. Бебутов Д. И. *Воспоминания//Кавказский сборник. Тифлис, 1908.*
3. Вичаки//Кавказ. 1849. № 20.
4. Гришаивили И. *Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977.*
5. И. Сл. *Гадание на армянском кладбище и гуляние в Ортачалах//Кавказ. 1851. № 38.*
6. Корф Ф. *Воспоминания о Персии. СПб., 1838.*
7. *О тифлисских банях//Кавказ. 1868. № 141.*

Б. Б.-А. Абдулвахабова

г. Грозный, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Комплексный научно-исследовательский институт РАН (КНИИ РАН)

Социокультурный облик и повседневность горожанок во второй половине XIX — начала XX в. (на примере города Грозный)

В городской повседневности находили свое воплощение как традиционный быт многонациональной городской структуры, так и те перемены, которые были вызваны пореформенным развитием Российского государства.

Актуальность темы определяется возросшим интересом к проблемам истории повседневности, в которой важное место занимает и гендерный аспект.

Город Грозный представлял собой синтез различных этнических, конфессиональных, социальных групп горожан. В указанной структуре особое место занимали женщины — горожанки, которые представляли не только различные этнические городские группы (русские, чеченцы, армяне, греки, евреи, поляки, грузины, татары, персы дагестанцы и т.д.), но и разные социальные прослойки (жены военных разных чинов,

торговцев, мещан, купцов, дворян, крестьян, рабочих). В повседневности горожанок находили свое воплощение как традиционный уклад каждой этнической общины, так и перемены, которые происходили в стране во второй половине XIX — начале XX в.

Самой крупной, многочисленной общиной в этнической структуре Грозного была русская. Власти всячески поощряли приток русского населения в город.

Несмотря на жесткие ограничения властей по отношению к чеченцам (по распоряжению Государственного Совета, вплоть до 1902 года им запрещалось быть приписанными к городским сословиям), они представляли крупную общину в этносоциальной структуре Грозного. В Грозном селились зажиточные, состоятельные чеченцы, занимавшиеся торговлей и промышленностью, служившие царскими офицерами и чиновниками (Арсамирзоевы, Башшировы, Курумумы, Мадиевы, Чермоевы, Шаптукаевы, Эльмурзаевы и др.) [1, с. 85]. Некоторым из указанных фамилий, стоявшим на русской службе, было предоставлено дворянское достоинство. Современники отмечали, что «туземцы (чеченцы — Б.А.) густой волной хлынули в город. Быстро превращались в купцов и землевладельцев. Сейчас почти половина больших красивых зданий правой стороны города принадлежит чеченцам» [2, с. 18]. «Именно на этих людей и их детей — уже «коренных» горожан сильнее всего влияла так называемая городская культура. Они переходили на европейскую одежду, жилище, предметы быта и т. п. В начале 90-х годов XX века в Чечено-Ингушском республиканском краеведческом музее на одной из выставок демонстрировалась французская мебель из красного дерева, принадлежавшая Т. Чермоеву. А дореволюционные фотографии запечатлели девушек — горянок в городских платьях под зонтиками, без традиционных головных уборов» [3, 243]. Вместо традиционных головных уборов некоторая часть городских женщин носила излишние европейские шляпы. Традиционный костюм молодых чеченок подвергся большей модификации. В нем появились такие новации, как сильно присборенный рукав, велюровые отделки — воротники и манжеты. Вместо традиционных нагрудных украшений из серебра или железа стали делать зашпыли на ткани. Эта модная деталь появилась также на рукавах и юбке традиционного костюма. Его стали шить из современных цветастых дорогих тканей. Стали появляться яркие шелковые косынки. Европейское платье носили с национальными платками.

Исследователи отмечают, что дочери грозненских купцов вели довольно светский образ жизни. Они посещали свадьбы, вечеринки. На такие мероприятия готовились заблаговременно. Делали маникюр, педикюр, красили волосы. Как правило, на каждое значимое событие шился новый праздничный костюм «Габали». На свадьбу или вечеринку купеческие дочери выезжали строго в сопровождении братьев. Если покидали дом по разным бытовым делам — на рынок или в магазин, то только в сопровождении гувернанток [4, с. 95].

В традиционной одежде других горожанок также происходят заметные трансформации. Русские горожанки отвергли пышные платья, многослойную одежду, традиционные головные уборы. Предпочитали в повседневном быту простые в крое и практичные вещи — платья с воротником-стойкой, без головного убора, блузы с отложными воротниками или воротниками, переходящими в галстук, расклешенные юбки. В моду вошли ткани в клетку и полоску. Женщины-работницы носили сарафаны и кофты из одной ткани, юбки на бретельках, блузы, свободного покроя платья из ситца, сатины, бумазеи. Нарядная одежда горожанок включала меховые воротники и муфты, которые носили не только зимой. Их надевали на атласные или шелковые платья и блузы с рюшами и оборками [5, с. 79].

В одежде городских персиянок сохранялась широкая присборенная длинная юбка, короткий архалук, верхняя распашная одежда с разрезами по рукавам. Ее, как правило, шили из бархата и украшали галуном.

Основу женской одежды грузин составляло платье «кџаба», которое имело верхнюю часть с треугольной вставкой на груди, украшенной орнаментом из блестящих ниток. Пожилые женщины носили «кџаба» темных цветов, обязательно с косынками или платками. Армянские женщины предпочитали яркие тона тканей для традиционных рубах, длинных платьев с вырезом на груди и разрезами по бокам. Такое платье подпоясывали длинными шелковыми шарфами или дорогими серебряными и золотыми поясами. Часто армянские женщины на голову в торжественных ситуациях надевали ободки с монетами. В качестве головных уборов носили как платки, так и маленькие шапочки, богато расшитые бисером или украшенные бусами.

В женской греческой одежде престижным элементом считался передник, украшенный орнаментом, и туника, которую больше использовали в качестве домашней одежды. Распространенной повседневной одеждой гречанок было приталенное платье или сарафан с круглым воротом. Сшитые из современных тканей, эти вещи вполне походили на европейскую одежду. Гречанки носили также шерстяные платки с бахромой, вязаную одежду, кожаную обувь.

В одежде горожанок прослеживается тенденция, вызванная появлением эмансипированных женщин из мещан и интеллигенции — работающих, учащихся. В марте 1867 года в Грозном было открыто женское бесплатное училище. Гимназистки также выделялись среди городской публики своим внешним видом. Они стали носить кашемировые платья коричневых тонов.

Основной тенденцией в развитии городской одежды была ее европеизация. Подъем экономики, расцвет торговли и промышленности оказали прямое воздействие на одежду горожан. Представление о городской женской одежде дополняет информация о ювелирных украшениях. Прослеживается определенная этническая специфика в практике их ношения.

Таким образом, в повседневной материальной культуре грозненских горожанок отражались процессы, происходящие в этнокультурной идентичности, в повседневной культуре и быте различных этнических групп города второй половины XIX — начала XX в. Причем эти изменения были более радикальными и глубокими, чем в официальной культурной жизни. Именно поэтому представляется важным изучение этнической структуры и повседневности многонационального провинциального города, каким являлся Грозный во второй половине XIX — начале XX в., и, учитывая положительный опыт сосуществования прошлых поколений, эффективно строить межкультурные коммуникации сегодня.

Литература

1. Абдулвахабова Б. Б.-А. *Одежда в культуре повседневности дореволюционного города в конце XIX — начале XX века (на примере г. Грозного)*//Северокавказский город в региональном историческом процессе. Махачкала, 2012.
2. Абдулвахабова Б. Б.-А. *Этническая структура и повседневная жизнь провинциального города во второй половине XIX — начале XX века (на примере Грозного)*//4-я ежегодная итоговая конференция Профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета 28 февраля 2015 года. Гуманитарные науки. Грозный, 2015.
3. Берсанова З. Х.-А. *Культура и быт грозненского городского купечества в начале XX века*//Северокавказский город в региональном историческом процессе. Махачкала, 2017.

4. Ибрагимова З. Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). М., 2006.

5. Приволжский Д. Весь Грозный и его окрестности: Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. Владикавказ, 1914.

Т. А. Кискидосова

г. Абакан, Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Повседневность горожанок Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Переселенческое движение оказало сильное влияние на половой состав населения. В рассматриваемый период в восточносибирских городах, как и в других российских городах, мужское население доминировало над женским. Например, в 1910 г. на 1000 мужчин в городах Европейской России приходилось 933 женщины, в городах Енисейской губернии — 892 [5, с. 36]. Такое преобладание объяснялось тем, что города как индустриальные, административные и культурные центры пополнялись за счет миграций и привлекали преимущественно рабочих, ремесленников, крестьян, ищущих заработка, военных и учащуюся молодежь. В городах нередко расквартировались войска.

Основной деятельностью городской женщины была организация семейного быта, тогда как муж являлся хозяином всего движимого и недвижимого имущества. В руках мужчины сосредоточились все ресурсы семьи и принятие основных решений, что в итоге обуславливало жесткое закрепление семейных гендерных ролей. В семье женщина традиционно подчинялась мужу, но она руководила домашними делами [1, с. 152].

В дореволюционной России женщинам обычно предназначалась роль домохозяйки и матери. Для мещанских жен была характерна хозяйственность и стремление к уюту, они оберегали дом и детей. Практически все семейные горожанки вели дом и домашнее хозяйство. С утра хозяйки готовили обед и выпекали хлеб. В течение дня женщины стирали белье, катали и гладили его, также они смотрели за скотом и птицей. Следовательно, до вечера заботливой хозяйке некогда было присесть. Современник писал о типичной мещанке: «Она в вечных заботах, ее не увидишь без дела. Летом у нее огород и корова, зимой она сидит на базаре или грызет орехи для масла. На жене держится дом: муж пьет или зарабатывает гроши; жена кормит и обшивает детей, хлопочет о месте в училище для них. Труда часто непосильного здесь много. Под его бременем мещанская жена скоро стареет и в 35–40 лет выглядит почти как старуха». В то же время автор подмечал, что если какому-нибудь мещанину удавалось устроиться в писцы, конторщики или приказчики, т. е. «присоединиться к образованным», то его жена «быстро превращалась из беззаботного муравья в беззаботную бабочку. Пред вами особа ленивая, ветреная и совсем пустая» [7, 17 мая].

В семьях духовенства выполнением всей домашней работы занимались жены, дочери и сестры священников и дьяков. В их обязанности входило содержание дома в порядке, хранение домашнего имущества, заготовка провизии, приготовление еды, различные виды рукоделия и т. д. Даже обычный распорядок дня занимал значительную часть времени и требовал особой энергии у женской половины духовенства. За день нужно было пять раз спарить стол. При этом требовалось умение приноро-

виться к церковным службам, требам, постам, а также личным вкусам главы семьи. В семье воспитанием детей занимались жены священников [4, л. 3–5].

В городских семьях с самого раннего детства девочек приучали к домашней работе. Горожанки всех возрастов и различных социальных слоев населения были обучены рукоделию. Для бедных горожанок искусно сделанные вещи могли стать дополнительным приработком, для обеспеченных — увлекательным занятием, для незамужних девушек — приданным. После ужина женщины занимались шитьем, вязанием или вышиванием. Если в семье было несколько девиц и женщин, то они сами шили себе белье, платье и разные мелочи. Во многих иркутских семьях любили белье с прошивками и кружевами. Среди горожанок было много мастериц по пошиву одежды. Они любили щеголять друг перед другом собственноручно сшитыми платьями. В обществе осуждалось неумение выполнять домашнюю работу. Девочки умели вязать разнообразные кружева, подзоры, салфетки и сами себя обшивали. Обычным явлением был собственноручный пошив платья на маскарады и балы [6, л. 8]. Высоко ценились не только необходимые хозяйственные навыки женщины, но и умение сделать что-либо своими руками, создать уют, приукрасить быт.

Часто в поисках дополнительного заработка горожанки из малосостоятельных семей стремились найти работу. Они устраивались горничными, кухарками, домашней прислугой, прачками, белошвейками и т.д. Обычно на эту работу нанимались женщины из ссыльных, из бедных казачьих семейств или приехавшие из деревень. Также женщины трудились в промышленном производстве, были задействованы в торговле, канцелярии и т.д. Вовлечение женщин в профессиональную деятельность способствовало ее общественной активности и отразилось на ее социально-экономическом статусе. Семейный бюджет пополнялся за счет все большей вовлеченности женщин и детей в трудовую деятельность, менялся привычный семейный порядок. Все это способствовало кризису патерналистских ценностей и приводило к изменению системы внутрисемейных отношений [2, с. 66]. В то же время исследователи отмечают низкую занятость сибирских женщин на производстве к началу XX в., что приводило к консервации прежних патриархальных отношений. Эгалитаризация и демократизация только намечались [8, с. 274].

В рассматриваемый период родители стремились обеспечить сыновей элементарной грамотности, тогда как дочерей, прежде всего, готовили стать хорошими хозяйками и хранительницами семейного очага. В то же время нельзя не отметить рост женских учебных заведений повсеместно по стране в пореформенный период. Открытое в 1860 г. Енисейское женское училище основной задачей ставило: «Приготовить полезных гражданок, а не золотощеек» [3, 1864, 6 июня]. Постепенно традиционные патриархальные ценности разрушались, формировался городской образ жизни, развивалось женское образование и культура. Появление школ для девочек в городах стало важным социокультурным явлением городской жизни. Развитие женских учебных заведений означало постепенный отход от прагматического видения мира.

Женское профессиональное образование в отличие от мужского не являлось приоритетным направлением в деятельности местных органов власти. В профессиональном плане женщины были востребованы в учительской и медицинской профессиях. Получив начальное или среднее образование, они становились преподавателями учебных заведений. Окончание фельдшерского училища или школы акушерок гарантировало работу в больницах, лечебницах, аптеках.

Таким образом, повседневная жизнь горожанок Восточной Сибири второй половины XIX — начала XX в. основывалась на семейном быте. В условиях модернизации происходил постепенный отход от патриархальных устоев и распространялся городской образ жизни. Часть городских жительниц вовлекалась в производственную сферу, стремилась получить образование и занималась общественной деятельностью.

Литература

1. Гончаров Ю. М. «Женщина в Сибири не раба мужчине»//Родина. 2010. № 7. С. 149–153.
2. Гончаров Ю. М. Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX — начале XX века//Роль государства в освоении Азиатской России XVII — начало XX в. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 59–71
3. Енисейские губернские ведомости. 1864. 6 июня.
4. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/Ф. 10919/1 Пир 510. Л. 3–5.
5. Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Абакан: Бригантина, ООО Кооператив «Журналист», 2012. 312 с.
6. Музей истории города Иркутска (МИГИ). Рукопись Л. И. Тамм «Записки иркутянки».
7. Сибирь. 1881. 17 мая.
8. Фаронов В. Н., Гончаров Ю. М. Внутрисемейные отношения рабочих Сибири в конце XIX — начале XX в.//Известия АГУ. 2015. № 4 (88). Т. 1. С. 274–279.

З. М. Кобозева

г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Паспорт и Женщина: повседневная жизнь провинциальной мещанки второй половины XIX — начала XX в. (Самара, Саратов, Симбирск)

В пореформенный период, мещанство, являясь лично свободным сословием, не имело права беспрепятственного передвижения по империи. Мещанам выдавались «срочные» паспорта, в отличие от бессрочных паспортов, выдаваемых неподатным сословием. Порядок выдачи срочных паспортов менялся на протяжении рассматриваемого периода. С 1853 г. было разрешено включать мещанок в паспорта своих мужей. Переезд на новое жительство, отлучка из города приписки по каким — то делам, всегда сопровождалась необходимостью получить на это разрешение и паспорт. Паспорта могли получать самостоятельно девицы и вдовы. Остальные категории женщин оказывались через паспорт в дополнительной зависимости от своих мужей. Мужья использовали этот «рычаг» воздействия на жен. Так как выдачей паспортов занимался мещанский староста города (или председатель мещанской управы в тех городах, где она была создана), то архивные фонды мещанских старост (мещанских управ) городов позволяют воссоздать те грани женской повседневностью, которые были актуализированы паспортом. В результате прослеживается тенденция: в России в среде горожанок происходила эмансипация, выражавшаяся в стремлении самостоятельно устроиться на работу и не мириться с необходимостью оставаться в браке с мужьями — пьяницами и лентяями. Но зависимость от мужа, проявлявшаяся в возможности получить паспорт только с его разрешения, тормозила эти процессы становления работающей

женщины, пользующейся вне зависимости от своего матримониального статуса, уважением в обществе.

Мещанка Симбирска Аксинья Андреева писала: «Милостивый государь! Выслан мне за вашим подписем полугодовой паспорт... срок которому скоро кончится и я должна выправить другой с согласия мужа моего симбирского мещанина Василья Андреева, почему покорнейше прошу уведомить меня, неизвестно ли вам, где именно в настоящее время проживает муж мой, деньги же на присылку ответа прошу употребить из оставленных у вас денег при выправке означенного паспорта, сделайте милость не замедлите ответом... Ваша готовая на услуги...» [1, А.97]. Симбирская мещанка, проживавшая в сельце Бобыль евке Тушинской волости Н.П. Кочеткова писала в управу «Объявление»: «В 1873 г. я вышла в замужество за симбирского мещанина Михайлу Федотова Кочеткова, который находился в работе при суконной фабрике принадлежащей симбирскому купцу Алиеву и состоящей в сельце Бобыль евке, он же Михайла Федотов в конце мая месяца этого года с фабрикою рассчитался окончательно, и в то время скрылся в неизвестную отлучку и по сие время где он находится я не знаю». Женщина просит выдать ей вид на жительство, чтобы самой отправиться на заработки, заканчивая письмо фразой «буду ожидать начальничьего милостивого благословения» [1, А.105]. И, наконец, «Покорнейшее Прошение» симбирской мещанки А.В. Филиповой: «С самого рождения непроживая никогда в г. Симбирске, и не имея там никакой собственной ос едлости, — я давно лишилась родителей на Чужой стороне — Имею на попечении сво ем Уродливую сестру Наталью и для пропитания себя с нею, нахожусь в услужении у Частных лиц, а посему и встречается необходимо приобретать от общества срочной увольнительной паспорт» [1, А.129].

В 1898 г. самарский мещанин Парамон Прянишников написал Заявление на имя мещанского старосты: «Имею честь просить Ваше степенство законной моей жене Елене Васильевне Прянишниковой Невыдавать Положительно ни какого Письменного вида на жительство не только в иногородни места но и в самом городе Самаре без моего нато Письменного согласия или личной явки в Мещанскую управу в следствии ея Елены Прянишниковой безнравственного поведения... (2 февраля 1898 г)» [6, А.17]. 8 августа 1898 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от самарской мещанки Е.В. Прянишниковой: «Муж мой самарский мещанин Парамон Николаев Прянишников, вот уже четв ертый год, как бросил меня, не давая мне не только что на прокормление, но постоянно бил меня, в виду чего и не имея при себе какого либо документа, я нахожусь в крайне безвыходном положении, а потому желая поступить куда либо на место и там добывать себе средства к жизни, я обратилась в самарскую мещанскую управу с просьбой о выдаче мне свидетельства на проживание, но Управа в выдаче мне такового отказала, требуя на то согласие мужа, тогда как я и сама не знаю где он в настоящее время находится. Объяснив такое мо е безвыходное положение Вашему Превосходительству я имею честь покорнейше просить о производстве о вышеозначенном полицейского дознания...» [6, А.20]. 3 сентября 1898 г. из самарского губернского правления в мещанскую управу пришло распоряжение о выдаче мещанке Прянишниковой паспорта, ввиду того, что е е муж «в настоящее время в безвестной отлучке и два года не получал паспорта» [6, А.18]. В 1892 г. в самарскую мещанскую управу поступило заявление от мещанки Ефросиньи Кузьминой Гнеушевой с просьбой вернуть ей блудного мужа, уехавшего вместе с цирком, на основании того, что он проживает без вида на жительство: « Муж мой... в настоящее время как мне известно из письма г. Управляющего Цирком Никитина-Миссури находится в г. Киеве при

цирке Никитина шорником без всякого документа на жительство несмотря на то, что мною неоднократно были подаваемы прошения г. Харьковскому и Курскому полицмейстерам, Самарскому и курскому губернаторам и в Самарскую мещанскую управу ...Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать зависящее распоряжение о немедленной высылке мужа моего... в Самару как не имеющего никакого вида на жительство...» [5, Л.36].

В основном, паспорта необходимы были тем женщинам для устройства на работу, которых бросили мужья. Так, например, самарская мещанка Авдотья Никитина завела гражданское дело на мужа, «недостававшего ей средств к содержанию и ведущего нетрезвую жизнь...» [3, Л.428–428 (Об.)]. Решено было предоставить ей вид на жительство с правом свободно «отлучаться на заработки» [3, Л.428–428 (Об.)]. Так же в пользу самарской мещанки Левкиной было решено дело о выдаче паспорта, так как е е муж в ел «жизнь нетрезвую, средств ей к содержанию малолетних детей не давал, но и не выдавал паспорт на отлучку для работы» [3, Л.455]. Некоторые мужья писали прошения в думу с целью напомнить чиновникам, кто в мещанском доме хозяин: «Самарского мещанина Василия Степанова Бабушкина Прошение/Жена моя Агрофена Иванова с малолетней дочерью Елизаветой неизвестно куда, без моего позволения в 1866 г. из г. Самары скрылась. На проживание она... получает из думы паспорта или билеты, а как по статье... жена обязана жить вместе и по статье... в непосредственном послушании к мужу; ... просить думу более жене моей паспортов не высылать и сообщить где она жив ет и немедленной высылке е е в г. Самару. 1868 г. » [2, Л.46]. Думе отстаивать интересы женщины в данном случае не было резона, и она выдала справку: «Аграфене был выдан паспорт на один год 1867 г... так как срок паспорта уже ист ек, то вновь паспорта не выдавать» [2, Л.46 (Об.)]. В 1890 г. самарский мещанин, ефрейтор запаса Пашкин писал в мещанскую управу заявление: «Минувшего 1889 г. 2 октября месяца я был повенчен по первому браку с девичью самарской мещанкою Екатериной Ивановой Поповой Как видно что жена моя Екатерина Иванова ныне Пашкова оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалась... покорнейше прошу жене моей... без ведома моего паспорта... не выдавать» [4, Л.10]. Козьма Конатов оказался более детален в сво ем заявлении о запрещении выдавать паспорт жене, из которого мы узна ем следующее: «так как моя жена законная уже не жив ет со мной...4 года, и притом имеет у себя л егкое поведение которое посрамляет мо е имя... известна на всю Самару...» [4, Л.21]. Никита Осипов вообще не видел свою жену Матр ену Порфильевну около 15 лет, е е местожительство ему также неизвестно, поэтому «в случае явки моей жены паспорта ей не выдавать» [4, Л.52]. Мещанин Андрей Захаров просил не выдавать письменного вида жене Марине, «так как она со мной не жив ет а вед ет жизнь развратную» [4, Л.100].

Таким образом, срочный паспорт в повседневной жизни мещанки пореформенного периода становился регулятором внутрисемейных отношений, препятствовал эмансипации горожанки, порождал такие практики повседневного поведения, которые через сопротивление обстоятельствам жизни, закаляли женщину, формировали личность и являлись тем самым составной частью общей модернизации русского города.

Литература

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.143. Оп. 1. Д. 56.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6. Д. 1558.

3. ЦГАСО. Ф.217. Д. 89.
4. ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д. 254.
5. ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д. 270.
6. ЦГАСО. Ф.217. Оп. 1. Д. 306.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16–01–00136

С.В. Филатова

г. Пенза, Пензенский государственный технологический университет

«Мы часто ходили в гости «чай пить»: досуг провинциального городского обывателя в первой половине XIX в.

Интерес к истории досуга в настоящее время весьма актуален. В условиях социокультурного кризиса, связанного с осмыслением своей идентичности, который переживает в настоящий момент российское общество, обращение к опыту прошлого может способствовать оздоровлению духовного мира современного россиянина.

Досуг провинциального горожанина в первой половине XIX в. был обусловлен в первую очередь особенностями городского пространства и городского образа жизни. Как отмечают исследователи, в большинстве городов указанного периода, особенно в начале столетия, преобладало крестьянское население. Например, в городах Пензенской губернии «городских граждан» было чуть более 20%. Дворянская публика предпочитала столичный или поместный образ жизни пребыванию в губернском центре [2, с. 12, 15]. Таким образом, большинство горожан вело довольно скромный, неприхотливый образ жизни, их времяпрепровождение ограничивалось рамками семьи и было достаточно традиционным. Приятная компания, вкусная и сытная еда зачастую составляли главный интерес обывателя любого пола.

В рутинной, монотонной, бедной событиями провинциальной жизни («То, что было вчера, будет сего дня, повторится и завтра...» [1, с. 256]) значительное место занимал процесс хождения в гости и при ема гостей. «В ряду явлений зимнего пензенского сезона, — сообщал мемуарист, — прежде всего надо поставить самое обыкновенное, самое общеизвестное и самое безынтересное явление — это то, что мы часто ходили в гости «чай пить» и к нам ходили часто гости «чай пить». При подобных взаимных посещениях, чай, собственно, имеет только значение заглавия: «чай» покрывал множество състных и питейных наслаждений, которыми так любили заниматься провинциалы того времени, и которые вообще занимали едва ли не первое место в их простой, бедной другими развлечениями и удовольствиями, жизни» [5, с. 76].

Кроме еды и питья, на таких сборищах играли в карты. Ставки напрямую зависели от достатка участников — богатые проигрывали и выигрывали состояния, у остальных на кону были медные деньги. Однако не стоит думать, что этому пристрастию были подвержены все. По воспоминаниям Г.И. Мешкова, однажды компания в их доме засиделась «до двух или тр ех часов за полночь». «Отец мой, не бывши никогда сторонником позднего сиденья и утомившись, оставил своих посетителей за карточными столами и, раздевшись, лег спать».

В городской культуре отдых предполагал также выезд на природу, хотя это не обязательно бывало длительное, дал екое путешествие: например, стоило, выйдя из дома,

«перейти один переулоч, чтобы потом, по мосту, перебраться в поле». Взрослые гуляли, беседовали, дети и молод ежь играли: «резвостям не было конца: тут были и хороводы, и горелки» [7, с. 559, 560]. Летом на праздники горожане выезжали в лесок с пирогами, самоварами и водкой. Зимние удовольствия представляли собой катание с гор, кулачные бои [1, с. 258].

В купеческой среде были распространены поездки по городу — так молод ежь могла присмотреть себе пару (той же цели служили хождение в гости, посещение храма и ярмарки). Церковными прихожанами были люди всех сословий и возрастов. Ярмарка представляла собой важнейший способ социальной коммуникации и неиссякаемый источник развлечений. Но и в обыденной жизни обыватели находили повод для веселья: «Ходили по городу «дураки» и «дуры»... Над ними шутили — иногда шутки были довольно жестокими» [4, с. 40].

Большой интерес со стороны провинциальных горожан вызывали какие-либо значительные общественные события — например, летом 1824 г. через Пензу проезжал император Александр I. В честь его визита собралось много народу, на Соборной площади была устроена иллюминация, дан бал на 4,5 тыс. чел. [8, с. 155, 158].

Также многие проводили досуг за чтением, хотя, как отмечал мемуарист, «книги тогда были редкостью; они были напереч ет; книжной лавки в Пензе не находилось...». Вот круг чтения провинциальной молодой вдовы из мелких дворян: «Сонник», гадательная книга «Соломон», Брюсов календарь. Также очень почитался в этой семье «Песенник» (М. И. Ванькина, матушка мемуариста, любила вокальное искусство). Любовь к лирике выражалась у не е также в пристрастии к поэтическим произведениям — «самою любимую е е книгою, которой никогда не могла начитаться досыта, было собрание стихотворений князя Долгорукова под чувствительным названием «Бытие моего сердца». Увлекалась М. И. Ванькина и другими «сентиментальностями» XVIII в., во вкусе Ж. Ж. Руссо, Н. М. Карамзина. Из современных авторов особенно любила произведения В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, И. И. Козлова. Мать и реб енок часто практиковали совместное чтение, что, вероятно, весьма серь езно повлияло на судьбу сына — в будущем выдающегося филолога Ф. И. Буслаева [3, с. 15–16].

Кроме чтения, отметим также, что подавляющее большинство женщин проводило досуг за рукоделием — шили, вышивали, вязали кружева. Праздное «рассиживание» осуждалось; наоборот, при разговоре с гостьей (но не с гостем) требовалось, чтобы руки хозяйки были заняты работой.

Можно также утверждать, что одной из форм проведения досуга горожан была эпистолярная деятельность (кстати, в том числе и из писем следует, что в жизни их авторов далеко не последнее место занимало чтение книг). Как констатирует Е. В. Комлева, эпистолярное наследие данной эпохи содержит множество выражений, подч еркивающих важность переписки, прич ем не только в практических целях, но и для «души» [6, с. 54, 56].

Мы рассмотрели наиболее простые формы досуговой деятельности провинциального горожанина, не подразумевающие ни значительных финансовых средств, ни какой-то особой интеллектуальной подготовки. На наш взгляд, скромные притязания исключали горькие разочарования, позволяли жить весело, приятно, с пользой, не предъявляя ни к кому избыточных требований. Тем не менее, при таком времяпрепровождении было место и развлечениям, и творчеству, и повышению духовной культуры, и общению.

Литература

1. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: Полтораки, 2014.
2. Бирюкова А. Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Самара, 2006.
3. Буслав Ф. И. Мои воспоминания // Пензенский временник любителей старины: Научный и научно-популярный сборник. Пенза, 1992.
4. Быстренин В. П. «Уходящее» (Силуэты) // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 31–50.
5. Инсарский В. А. Половодье, главы VIII–XIII // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Т. 7. М.: Новые решения, 2016. С. 73–137.
6. Комлева Е. В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып 1: Письма конца XVIII-первой трети XIX в. Новосибирск: Академиздат, 2016.
7. Мешков Г. И. Из воспоминаний // Русская старина. Т. СХIV. Вып. 4–6. СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1903. С. 555–572.
8. Савин О. М. Императоры и губернаторы. Страницы истории Пензенского края. Пенза, 2006.

Е. А. Чайко

г. Челябинск, Челябинский государственные университет

От семьи русской к семье советской: экономическое положение женщины в городских семьях Южного Урала в конце XIX — середине XX в.

Статья основана на материалах, в пределах Симского, Катав и Юрюзань-Ивановского горных округов, до революции входивших в состав Юрюзанской, Минской, Усть-Катавской, Катав-Ивановской, Аша — Балашовской, Илекской, Миньярской, Симской волостей Златоустовского и Уфимского уездов Уфимской губернии. Преобладающее население — русские. [2. Ед. хр. 272–305; 3] В 1924 г. из названных волостей были сформированы Катавский и Миньярский районы в составе Златоустовского округа Уральской области, заводы получили статус рабочих поселков, позже городов.

Социально — экономическое развитие горнозаводского Урала в дореволюционный период обусловило формирование семейного бюджета рабочей семьи из двух источников — заработка мужчин и доходов от приусадебного хозяйства. [6, с. 50]. Эта особенность продолжала сохраняться и в советский период [5] накладывая отпечаток на все стороны домашнего быта.

По переписи 1926 г. доля городского населения в Катавском и Миньярском районах составляла 53% и 59,8%. Это был один из самых высоких показателей по СССР. [9, с. 5]. За период с 1926 г. по 1959 г. численность городского населения районов выросла в 3,4 раза [Посчитано по: 4.Ф. Р-Оп. 26. Д. 51. Л. 241–249; Д. 55. Л. 189–192].

Одной из черт внутрисемейной жизни русских была относительная экономическая независимость женщин. Ее составляли несколько факторов, среди которых — право полной и безраздельной собственности жены на приданое. Приданое нельзя было продать без согласия жены или отнять у нее. Если женщины обращались в волостные суды с жалобой на изъятие приданого родством мужа, суды принимали сторону женщин. [4. Ф.И-8.Оп. 1. Д. 68] Приданое наследовалось по женской линии. В случае смерти жены,

не имеющей дочерей, приданое жены отвозили в ее родство. Представление о приданом, как исключительно женской собственности, сохранялось и в советский период. Так, в полевых материалах 1953 г., собранных Катавском районе, отмечается, что когда женщины «уходят от мужа», всегда забирают приданое с собой.

Состав и размер приданого во многом определял положение жены в семье мужа. Отношение к богатой невестке было более уважительным. Полученные в приданое скот, инвентарь (к примеру, швейная машинка), деньги обеспечивали устойчивое положение среди новых родственников. В больших семьях доходами от эксплуатации приданого жены распоряжались самостоятельно, без вмешательства домохозяина. Скотина, полученная в приданое, считалась собственностью невестки. Полученный же приплод либо считался семейным, либо невесткиным. Невестке полностью принадлежала шерсть с овец, отданных ей в приданое [8, с. 32–34].

Особая роль приданого в системе семейных отношений способствовала консервации традиции, в том числе, и в городской среде. Заготовка приданого оставалась актуальной в советский период. Так, в Златоустовском округе по данным статистики за 1930 г., наибольшей популярностью среди девушек заводских поселков пользовались курсы кройки и шитья, где девушки занимались заготовкой приданого. [1. Ф. Р-43. Оп. 1. Д.1625. Л. 22] Описывая жизнь города Катав-Ивановска в 1953 г., этнограф отмечает: «О девушке судят по количеству приданого. Бывают случаи, когда женятся по расчету и сейчас — по количеству приданого невесты. ...Иногда еще снаряжают свадебный поезд 1952 г. на одной из свадеб в Запрудовке (район города — прим. авт.) поезд состоял из 11 подвод.» [2. Ед. хр. 292. Л. 3]

Замужние женщины в рамках домохозяйства имели собственные доходы. Так, огороды были одним из первых бабьих промыслов. В больших семьях огурцы и «мелочь», обычно, делились по грядкам между невестками. Невестки самостоятельно ухаживали за грядками, излишки имели право продать без особого позволения мужа. На огородную выручку женщина справляла все нужды на себя и на своего мужа. [8.С. 33] Женскими считались доходы от домашних ремесел, когда «в люди» ткали половики, ткани, шили, вязали, вышивали, пряли, др. Женские домашние ремесла в качестве источника дохода сохраняли свое значение и в советский период.

Допускалась и даже поощрялась работа девушек по найму для того, чтобы заработать на приданое. Девушки занимались мыть и чистить шерсть, полоть на огородах, копать картофель, прясть и проч. В советский период девушки составляли значительную часть работающих женщин. В 1920–1950-е годы молодежь поступала на работу в 15–17 лет. Согласно данным социологов все заработанные деньги «до копейки» отдавали родителям [7, с. 58, 56]. Большая часть этих денег, тратилась на одежду («справу») или на приданое. Так, одна из информантов подчеркивает, что приданое себе «сама заработала», также вспоминает, что они с отцом «старались» — мыли золото. На вырученные деньги, ей отец купил в приданое простыни. Другая, 1929 г.р., вспоминает, что первую «получку» с разрешения отца потратила на покупку модных ручных часов [3. Тетр. 8. Л. 12; Тетр. 5. Л. 18].

Работа рассматривалась девушками как явление временное, в силу этого они не стремились повысить свою квалификацию. В 1930 году в Златоустовском округе бригадные ученицы составили 17,7%. Для примера, на курсах кройки и шитья девушки составляли почти 100% [1. Ф. Р-43. Оп. 1. Д.1625. Л. 22].

В послевоенный период этнографы отмечали, что замужние женщины работают на производстве только до рождения первого ребенка [4. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 51. Л. 25].

В горнозаводской семье авторитет хозяйки традиционно был очень высок. До революции было принято, чтобы муж отдавал жене весь свой заработок, равно как и работающие дети. Все существенные дела решались по взаимному совету супругов [6, с. 64]. Такой порядок сохранялся и в советские годы. Так, по данным этнографов (1953 г.), в семье П. из Катав-Ивановска Мария Петровна (хозяйка) «распоряжалась заработком мужа». «Мария Петровна на заводе никогда не работала. Все время ведет домашнее хозяйство.» [2. Ед. хр. 292.Л.7,8,15] Высокий статус женщины — хозяйки подчеркивают отдельные решения местных властей. Так, на заседании исполкома Симского станционного совета (1947 г.) разбирался факт неявки домохозяйек на лесозаготовительные работы. В результате рассмотрения была освобождена от лесозаготовок домохозяйка, имевшая «большую» семью, где «все работали» [1. Ф.Р-449.Оп. 1. Д. 5. Л.55—55 об.]

Итак, доходы от приданого и бабьи промыслы составляли основу экономической самостоятельности женщины в семье. Работа девушки по найму рассматривалась в качестве способа заработать приданое. В малых городах Урала домохозяйство сохранялось в качестве основного занятия замужней женщины как минимум до начала 1960-х гг.

Литература

1. Архив Златоустовского городского округа.
2. Государственный исторический музей Южного Урала. Ф. док-в. Оп 4.
3. Архив Чайко Е. А.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области
5. Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.) / М. Н. Денисевич. - Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991.
6. Крупянская, В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.) / В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1971.
7. Коган, Л. Н. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов. На материалах Урала / Л. Н. Коган, Б. С. Павлов. Свердловск: Среднеуральское кн. Изд-во, 1976.
8. Пономарев С. Н. Семейная община на Урале // Северный вестник. 1887. № 1. С. 1–38.
9. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по Уральской области: справ. по округам, районам и сельсоветам Урал. Обл. Свердловск: Урал статистич. упр., 1927.

Е. А. Бруханчик

г. Минск (Республика Беларусь), ОАО «Промгазолизинг»

Историография и источники по истории повседневности служащих кредитно-финансовых учреждений Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

История повседневной жизни служащих кредитно-финансовых учреждений в Российской империи на рубеже XIX — XX вв. — одно из сложных направлений для изучения. Это связано с рядом причин. Во-первых, ввиду многих трагических событий начала XX века, сохранилось крайне мало архивных материалов, семейных фондов и отдельных мемуаров, иллюстрирующих картины жизни банкиров и финансистов дореволюционного периода. Это объясняет незначительное число сохранившихся

письменных источников по данной проблеме. Во-вторых, финансовая сфера была новым явлением в жизни государства, а значит, и количество работников было небольшим. В-третьих, длительное время в советской исторической науке господствовал марксистско-ленинский подход, относивший данную категорию работников к числу угнетателей трудового народа, о которых не стоит упоминать. В-четвертых, исследование повседневности стало популярным в последние десятилетия, что и объясняет многие пробелы по данному направлению.

В последнее время возрос интерес к экономической истории, что предопределило появление ряда научных работ, освещающих те или иные ее направления. Как правило, наряду с сохранившимися фондами крупных российских банков в Российском государственном историческом архиве (Фонды 583, 616, 630, 637) источниками по истории быта и повседневности служащих кредитно-финансовых учреждений являются опубликованные воспоминания известных чиновников и финансистов. Среди них мемуары государственного деятеля, банкира и ученого Е.И. Ламанского, управляющего Нижегородской конторой Государственного банка Н.В. Полянского, супруги заместителя председателя правления Минского коммерческого банка Полины Венгеровой (в девичестве Эшпштейн), члена совета Крестьянского поземельного банка Ф.Ф. Воропонова [8; 9; 5; 6].

В этих воспоминаниях показаны особенности деятельности банков в разных городах Российской империи, их клиентура и направление деятельности, условия работы и времяпровождения банкиров различного уровня (от глав отделений до рядовых служащих). Н.В. Полянский подробно останавливается на описании быта российской провинции, своем досуге, переездах на новые места. П. Венгерова не только рассказала историю своей семьи, но и в деталях отразила повседневную жизнь состоятельных евреев Беларуси. Благодаря ее записям можно составить подробное представление о религиозных обычаях, патриархальных традициях, правилах поведения, семейных ценностях обеспеченных евреев. Ф.Ф. Воропонов сосредоточился на описании работы в Крестьянском поземельном банке.

Стоит отметить, что банковские служащие в начале XX в. не были однородной массой. К их числу относили и глав отделений, имевших доли в ряде крупных банков империи, и руководителей отделов, и простых счетоводов, конторщиков и курьеров. Уровень и условия жизни, размер окладов и продолжительность рабочего дня, развлечения и хобби сильно различались. Если авторы мемуаров принадлежали к зажиточным банкирам, о рядовых служащих кредитно-финансовых организаций упоминали в своих работах дореволюционные авторы И. Блюменфельд и И. Урманов [1; 10]. Эти авторы обращали внимание на ненормированный рабочий день, тяжелые санитарные условия, невысокие заработки: «... служащие обычно остаются в отделениях с раннего утра до 12–4 часов ночи... им приносят из дому обед, они едят наспех, кое-как, изнемогая от усталости» «Лаборатории банкового производства... оказываются на задворках, характеризуются казарменным стилем обстановки, страдают недостатком света, воздуха и плохой вентиляцией. И они сидят в душных, тесных помещениях, часто сырых и холодных..., воздух которых насыщен испарениями черных лестниц, дворов, помоек... приходится большую часть дня работать при искусственном освещении» [10, с. 33; 1, с. 22].

Советские авторы не исследовали быт и особенности деятельности служащих кредитно-финансовых учреждений. Эта проблема стала актуальной в последнее время. В структуре истории повседневности исследуется сфера частной жизни, особенности питания, развлечений, условия проживания, дружеские связи и круг общения служащих кредитных

учреждений. К числу подобных работ можно отнести публикации Бруханчик Е. А. (Дроздовой Е. А.) («Положение банковских служащих в белорусских губерниях Российской империи в начале XX в.»; «Социально-экономическое положение банковских служащих в Беларуси на рубеже XIX — XX вв.»; «Уровень образования банковских служащих в Беларуси (начало XX в.)»); «Социально-экономическое положение женщин-служащих в Минском отделении Госбанка на рубеже XIX—XX вв.») и другие [2—4; 7].

Таким образом, изучение истории повседневной жизни служащих кредитно-финансовых учреждений в Российской империи на рубеже XIX—XX веков было положением дореволюционной историографией и продолжилось на современном этапе. Ввиду отсутствия достаточного количества документальных источников, многие аспекты указанной проблемы остаются недостаточно изученными.

Литература:

1. Блюменфельд, И. Банкослужащие. Выпуск 1/И. Блюменфельд. СПб.: Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1913.
2. Бруханчик, Е. А. Положение банковских служащих в белорусских губерниях Российской империи в начале XX в./Е. А. Дроздова//Труд. Профсоюзы. Общество. 2011. № 3. С. 75–77.
3. Бруханчик, Е. А. Социально-экономическое положение банковских служащих в Беларуси на рубеже XIX — XX вв./Е. А. Бруханчик//Банкаўскі веснік. 2013. № 19. С. 66–71.
4. Бруханчик, Е. А. Социально-экономическое положение женщин-служащих в Минском отделении Госбанка на рубеже XIX — XX вв./Е. А. Бруханчик//Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: (да 945-годдзя Мінска): зб. навук. арт./уклад. А. І. Груша; рэкал. А. А. Каваленя і інш. Мінск: Беларус. Навука, 2012. С. 322–325.
5. Венгерова, П. Воспоминания/П. Венгерова. СПб.: Академический проект, 2005. — 271 с.
6. Воропонов, Ф. Ф. Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний//Вестник Европы. 1905. Кн. 12. С. 507–559.
7. Дроздова, Е. А. Уровень образования банковских служащих в Беларуси (начало XX в.)/Е. А. Дроздова//Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI в.: материалы науч.-практ. конф. молодых ученых БГПУ, г. Минск, 30 мая 2008 г. /Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В. В. Буцик (отв. ред.), С. П. Романова, Д. В. Дятко и др. — Минск: БГПУ, 2009. С. 110–112.
8. Ламанский, Е. И. Избранные сочинения/Сост. А. В. Бугров. М.: ОАО «Типография «Новости», 2005.
9. Полянский, Н. П. Воспоминания банкира/Сост. Н. В. Полянский. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2007.
10. Урманов, И. Банковые служащие/И. Урманов. Петроград: Тип. «Печатный труд», 1915.

О. И. Зезегова

г. Сыктывкар, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

Уездный город Усть-Сысольск

25 января 1780 года произошло знаменательное событие для жителей погоста Усть-Сысола. В этот день именованным Указом императрицы Екатерины II погост был преобразован в город Усть-Сысольск и стал центром нового Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии.

Интересен тот факт, что Коми край всегда был женским, это подтверждается всеми статистическими данными, полученными в результате анализа церковных книг, ревизских сказок, переписей населения и т.д. В записке полицейского надзирателя от 8 июля 1908 года, составившего паспорт Усть-Сысольска, указывается, что в городе мужчин проживает 2425, а женщин — 2593 [2]. По последней официальной переписи населения Российской империи 1897 года также преобладало женское население. Основную причину гендерного неравенства специалисты видят в высоком уровне преждевременных смертей мужчин трудоспособного возраста. В прошлом это было связано с хозяйственно-экономической деятельностью: охота, рыбалка, отхожие промыслы, которые приводили к оттоку и гибели мужского населения. Таким образом, Усть-Сысольск — Сыктывкар по гендерному принципу можно назвать «женским» городом. Что же окружало горожанок, куда могли они приложить свои силы и готовы ли были проявлять общественную инициативу? Попробуем ответить на данные вопросы, опираясь на немногочисленные источники.

На рубеже XIX—XX вв. уездный город Усть-Сысольск по качеству и уровню жизни мало чем отличался от соседних починков и погостов. Вместе с тем женщины могли уже пройти не по грязи, а по мощеным улицам, коих было пять и деревянным тротуарам протяженностью 8300 тысяч саженей. Улицы освещались в осенние месяцы керосиновыми фонарями [7, с. 7]. Быт был почти не отличим от крестьянского. В силу отсутствия водопровода за водой ходили к колодцам или к реке Сысьоло. Как свидетельствует источник начала XX в. не было и «правильной канализации», т.е. вода и отходы сливались прямо на улицу. Отличительной чертой от крестьянского населения было то, что в богатых купеческих домах нанимали прислугу, стоившую недорого: найм мужчин обходился в 8—10 руб., женский труд ценился гораздо ниже — 2,5—4 руб. в месяц. Разовый труд чернорабочих оценивался еще дешевле: 60—80 коп. платили мужчинам, 25 коп. — женщинам.

Несмотря на то, что женское население преобладало, возможности обучения для девочек были ограничены. В городе было пять мужских учебных заведений, в которых обучалось 398 человек и только две женские с 290 обучающимися. При чем на одного учителя в мужском учебном заведении приходилось 19 учеников, а в женском — 48. Эти цифры свидетельствуют о том, что женские учебные заведения были переполнены, а девочки и их родители понимали необходимость получения образования.

Во второй половине XIX — начале XX вв. общественная инфраструктура была практически не развита: не было гостиниц, постоялых дворов, ночлежных домов, театров, музеев, выставок; на улицах не продавали газет, не ходили извозчики и общественные экипажи. Единственным светским общественным местом были две библиотеки и две читальни, обслуживавшие образованную «верхушку» усть-сысольского общества. Число читателей в разные годы колебалось от 25 до 60 человек. К примеру, в 1867 году услугами библиотеки пользовался 41 человек: 23 дворянина и чиновника, 3 лица духовного звания и разночинца, 2 купца и 4 мещанина и крестьянина [1, л. 2].

Первый театр в Усть-Сысольске появился благодаря женщине — А.О. Ишимовой, дочери сосланного в зырянский край петербургского юриста О.Ф. Ишимова. Именно ее стараниями в уездном городе состоялся первый любительский спектакль — была поставлена опера «Девичник, или Филаткина свадьба». Позднее А.О. Ишимова вспоминала: «Это представление до того понравилось всем, что даже старик-купец и хозяин того дома, где оно происходило, с удовольствием смотрел, как его дочери и подруги их разыгрывают свои роли». С тех пор именно театр

стал делом женщин Усть-Сысольска. Актрисами были 10–20 человек — жены чиновников и учительницы [6] — которые вынуждены были играть и мужские роли, т.к. на сцену мужчины не спешили.

Общественно-политическая жизнь была недоступна для женщин, и они проявляли себя в благотворительности. Купеческая вдова Усть-Сысольска А.И. Сидорова пожертвовала двухэтажный дом с участком, где было открыто подворье Ульяновского Троице-Стефановского монастыря [9, с. 65]. Другая благочестивая вдова разместила на своей квартире пятерых иноков Соловецкого монастыря, направившихся для устройства Ульяновской обители [9, с. 52]. В 1911 году дворянка А.Т. Тур для подворья Кытовского Крестовоздвиженского монастыря передала участок земли с постройками и лесную дачу в 900 десятин, на которой монахини устроили молочную ферму [11, л. 7]. В 1897 г. купеческая вдова Л. Суворова и мецанка А. Маегова пожертвовали по 100 рублей на строительство Стефановского храма.

Жертвы на храм были не случайны, именно православные церкви становились настоящим культурным местом не только для мужчин, но и для женщин. В будние дни молящихся в соборе было немного, но в воскресные и праздничные службы церковь была полна. В дни праздничных церковных служб соблюдалась определенная субординация, отражавшая социальную стратификацию усть-сысольского общества. Представители городских властей, дворянства, купечества всегда занимали первые ряды в соборе [8]. По традиции мужчины и женщины стояли отдельно: мужчины по правую, женщины — по левую сторону от алтаря. Следует отметить, что такие массовые праздничные службы имели не только религиозную, но и светскую окраску. Эти мероприятия рассматривались как повод демонстрации своего социального статуса, достатка и нарядных обновок. Кроме того, такие воскресные выходы служили местом смотрин потенциальных женихов и невест. Имели место и внецерковные формы проведения праздника: Рождество, Васильев день, Масленица, Ильин день. В начале XIX в. ходили дети «со славою», колядовали, но к середине века этот обычай сохранился «в народной памяти у некоторых русских горожан» [4; 5].

У усть-сысольского «благородного общества» было принято устраивать «вечера». «Чиновники города для времяпровождения собирались в частных домах, т.к. специальных общественных помещений и увеселительных мест тогда в городе еще не было, — пишет учительница Ф.И. Забоева о начале 1860-х гг., — По воскресным дням собирались обычно у местного купца М.Н. Латкина, а по средам у местного купца Н. Хамаметова. Здесь целые вечера проводили за игрой в карты, а дамы занимались музыкой и танцами». Дом крупного предпринимателя и образованного человека М.Н. Латкина Ф.И. Забоева называет «культурным центром в городе». У хозяина была богатая библиотека («он выписывал все русские газеты и журналы»), которой пользовалось «большинство чиновников», поскольку общественная библиотека была значительно беднее [3, с. 58]. В 1864 году было образовано «Общественное благородное семейное собрание», членами которого по его Уставу могли быть «лица всех сословий», за исключением женщин и несовершеннолетних, а также исключенных из собрания за какие-либо прегрешения или находящиеся под следствием. Члены общества могли посещать клуб бесплатно, а на балы и танцевальные вечера приходиться и с «женскими особами, принадлежащими к семействам членов». Устраивались семейные вечера с танцами и балы-маскарады. Зал клуба использовался для любительских театральных постановок, проведения музыкальных вечеров. По будним дням народу в клубе было немного, а в праздники собиралось все «благородное общество» [10].

Таким образом, активность горожанок Усть-Сысольска проявлялась в стремлении получения образования, благотворительности, в организации общественных мест досуга, проведении вечеров «благородного усть-сысольского» общества.

Литература

1. Доронин П. Г. Первые библиотеки в Коми крае. Рукопись//Национальный архив РК. (Фондохранилище № 1). Ф.233. Оп. 1. Д.2. Л.2.
2. Иванов В. Записка полицейского надзирателя от 8 июля 1904 года: характеристика-наспорт//Вечерний Сыктывкар. 1995. 7 октября.
3. Из воспоминаний учительницы Ф. И. Забоевой, записанных в 1939 г. П. Дорониным//Войвыв кодзув. 1955. № 12.
4. Кичин Е. Заметки о городе Усть-Сысольске//Северная пчела. 1852. № 83.
5. Мельников С. Коляда в Усть-Сысольске//Живая старина. 1898. № 3–4. С. 481–482.
6. Мельпомена в подвалах и купеческих домах//Республика. 05 декабря 2016.
7. Первое и впервые: дайджест. Сыктывкар: Центральная городская библиотека, 2007.
8. Рогачев М. Б. Общественная жизнь в Усть-Сысольске (XIX-нач. XX в.)//Повседневная жизнь Коми края. Вып. 1. Сыктывкар: Коми научный центр, 2006.
9. Ульяновский монастырь у зырян: Троице-Стефановская новообщежительская обитель. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994.
10. Устав Усть-сысольского общественного собрания. Устюг, 1895.
11. Хозяйственное управление при Синоде//РГИА. Ф.799. Оп. 33. Д.145.

А. В. Фролова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

Архангелогородец начала XX в.: сословия, праздники и развлечения

Архангельск всегда занимал особое место среди городов северного региона, к началу XX века это был один из самых крупных городов Русского Севера, в 1914 году в нем проживало 45 614 человек [1, с. 28].

Сословное разделение архангелогородцев соответствовало и их городскому «межеванию» — жители селились в разных частях города компактно: южную его часть занимало русское духовенство и купечество, в центре — казенные и общественные места, рынок и квартиры большей части чиновников, к северу, по берегу реки, дома и конторы иностранных купцов и гостей, северо-восточная часть... занята сухопутным гарнизоном, военными госпиталями и т. п. Обыватели прибрежных и островных деревень, почти до города Холмогор, большею частью служат при коммерческих домах» [3, с. 33]. Такой уклад и сословный состав жителей Архангельска и его окрестностей оставался без особых изменений до начала XX в.

Дворяне Архангельска составляли малочисленную группу людей. Собственников-землевладельцев здесь было мало, в основном дворяне были офицерами и чиновниками. Основная масса таких служилых дворян проживала в Архангельске и его окрестностях — Новодвинской крепости и Соломбальском селении. Здесь они сформировали свою особую субкультуру, их образ жизни был практически таким же, как и у малочисленного купечества и духовенства.

Официальный календарь Российской империи составлял 94 праздничных дня, в некоторых областях Русского Севера гуляли до 150 дней. В Архангельске, большинство жителей которого относились к крестьянскому сословию, справляли общецерковные праздники, престольные, дни памяти чтимых местных святых. К этим датам прибавлялись «царские» дни (дни рождений и тезоименитств императора и императрицы, дни восшествия на престол, коронавания), которые отмечались в дворянской, купеческой, мещанской среде и у духовенства, и часто игнорировались крестьянами.

В Архангельске новогодние праздники и Святки сопровождалась балами и маскарадами. Они проводились в зданиях Дворянского, Офицерского собраний, Клубе приказчиков, Коммерческом клубе, а также в Народном доме и Солдатском собрании в Соломбале (островной части Архангельска). Умение танцевать в светском обществе считалось обязательным. Музыкальные вечера и концерты — важная составляющая духовной жизни губернского города. В Архангельске создавались кружки любителей музыки, изящных искусств и их возглавляли жены губернатора или вице-губернатора [2, с. 168]. В богатых домах, на светских приемах и балах для танцев приглашали оркестр и распорядителя танцев. В частных домах при отсутствии инструментов до изобретения граммофона танцевали под «музыкальные ящики» с меняющимися дисками или валиками [5, с. 231].

На Святки для учащих других сословий тоже устраивались маскарады и танцевальные вечера. На них гимназисты проявляли свою изобретательность и выразительность в маскарадных костюмах. Так, на маскараде 1910 г., состоявшемся в Архангельском городском театре, поражали костюмы: «Народное богатство», «21-е число» (день зарплаты — АФ), «Обед для бедных на 204 человека», «Архангельский по-жарный» (верхом на похоронной бочке) и др. В качестве маскарадных костюмов горожане использовали и сохранившуюся старинную одежду. Ряженных в городе называли маскированными. Канцелярские, чиновники, мещане толпами ходили по улицам в удивительных костюмах тирольцев, цыган, турок, наряжались в сарафаны, крестьянские поддевки, лица разрисовывали пробками, прикрепляли усы. Угощали их водкой и десертом, а вот деревенские ряженные в город не ездили. Проводили в это время и благотворительные детские вечера. Особенно известной считалась елка у купчихи Е.К. Плотниковой. Ее организовывали для избранного общества, но обязательно приглашали детей из приюта и детей священников и угощали чаем и сладостями, раздавали подарки.

На Масленицу по всему Архангельску устраивались ледяные горки, катки, их украшали флагами и фонарями. Если горка мешала проезду, возле нее ставили полицейского, регулировавшего движение по улице. Особенно любила их посещать учащаяся молодежь, можно было увидеть офицеров и «интеллигентную публику». Ледяные катки устраиваемые на мхах (окраины — АФ), посещала молодежь из мещанского сословия, а также горничные и прислуга, вечерами здесь играла гармоника, зажигались смоляные бочки. Парадный «поезд» и Проводы Масленицы в городе также носили сословный характер. Сам «Поезд», состоявший из пяти украшенных катеров на полозьях, предназначался для почетных лиц города и членов их семей. Процессия двигалась по центральной улице города и ее сопровождало множество экипажей, затем избранное общество собиралось в клубы.

К началу XX в. население Архангельска выросло в десятки раз, за счет увеличения рабочих на новых лесопильных заводах, большинство из них было из крестьян.

Они переносили часть своего мира — деревенские праздники — в городскую жизнь, однако с удовольствием приобщались и к новым городским развлечениям. Так, в это время огромной популярностью среди рабочих пользовались самодеятельные кружки Народного театра. Представления и спектакли готовились к праздничным и воскресным дням. Выступления народных артистов и гуляния начинались с Пасхи и продолжались все лето. Так, в пасхальный день 27 марта 1915 г. на Маймакском Удельном лесопильном заводе в библиотеке-читальне состоялся спектакль «Не так живо, как хочется» по А. Н. Островскому, а после спектакля устраивались танцы. Выступления рассказчиков и куплетистов из заводских рабочих и народные гуляния проходили в Летнем городском саду, в заводских парках. Во время Первой мировой войны Архангельское уездное полицейское управление одобряло организацию спектаклей с танцами только при условии отчисления половины сбора в пользу действующей армии.

Летние праздники архангелогородцы проводили на левом берегу и островах Северной Двины, выезжая туда на лодках семьями. Жители подгородных деревень устраивали мятища (гуляния), на которые и приезжали горожане: в Петров день — в Заостровье, в Ильин день — в Кегострове и т.д. [6, с. 72–88]

Паломничество к святым местам являлось неотъемлемой частью жизненного уклада обеспеченного архангелогородца. «Мало кто ездил “на дачу”, но семья хоть раз в лето собиралась на богомолье — к Соловецким, к Антонию Сийскому, к Ивану и Лоррину Яреньгским, к Вассиану и Ионе Пертоминским...» [4, с. 43]. (Монастыри и храмы в разных уездах Архангельской губернии — АФ). Такими датами были: 8 августа — день св. мученицы Параскевы, когда сотни горожан отправлялись на богомолье на остров Глухой, 19 августа — Преображения Господня — главный поморский праздник.

Осенью, после Покрова в сельской местности начинались молодежные посиделки, а в городе вечеринки с чаепитиями и всевозможными десертами, играми, песнями и танцами. «Мещанская молодежь, особенно канцеляристы, пуншует для большей храбрости», поэтому вечеринки не обходились без ссор, драк, рваных скюртуков и манишек. Однако ссоры длились не долго — с виноватого — бутылка рома и после троекратного взаимного целования — делу конец» [7, с. 110].

В начале XX века к праздничным развлечениям архангелогородцев прибавился цирк и синемаграф. Цирк под руководством Ф.Я. Изако открылся с Архангельске в 1909 г. и пользовался огромной популярностью у горожан всех сословий. К 1916 г. в городе было уже 5 синемаграфов, первым появился «Эдиссон» купчихи Плотниковой. После каждого сеанса в электротeatрах выступали местные знаменитости: в «Мулен-Руж» — юморист Юра Юровский, в «Северном Полюсе» — дуэт сестер Гурскиных.

При всем разнообразии развлечений жителей Архангельска начала XX века, они безусловно носили сословный характер, причем особенно четко границ в досуге и празднике придерживались дворяне.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ/РГНФ № 16–01–00145–ОГН «Репрезентация инвалидности людей с ограниченными возможностями в России»

Литература

1. *Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в X–XX веках. Справочник. Архангельск, 1997.*

2. Гуркина Н. К. *Интеллигенция Европейского Севера России в кон. XIX — начале XX вв.* СПб., 1998.
3. Попов Г. П. *Старый Архангельск.* Архангельск, 2003.
4. Теребихин Н. М. *Сакральная география Русского Севера.* Архангельск, 1993.
5. Федосюк Ю. А. *Что непонятно у классиков или энциклопедия русского быта XIX века.* М., 1999.
6. Фролова А. В. *Детский и молодежный игровой календарь русских в XX в. // Культурология традиционных сообществ. Конкурсные работы молодых ученых.* Омск, 2002.
7. Шадрин. А. *Летние и зимние гуляния Шенкурского народа и околгородных крестьян // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. Кн. 1. Отделы — История и Этнография.* Архангельск, 1866.

Н. А. Казарова

г. Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет

Быт и досуг жителей Нахичевани на Дону в начале XX века

В XVIII в., после переселения армян из Крыма на Донскую землю, основанный ими город Нахичевань был типичным восточным городом с богатыми базарами и купцами и почти полностью армянским населением. Переселенцы из Крыма кроме армянского и татарского, никакого другого языка не знали. Но мужское население, занятое в торговле, вскоре усвоило русский язык, в то время как женщины избегали общения, скрывались от взглядов чужих мужчин, сидели дома взаперти и потому по-русски долго не учились говорить. В то время как мужья ездили по ярмаркам, открывали магазины и лавки в других городах, они оставались в Нахичевани, сидели дома, бывали только в церкви и в гостях у родни. Мужья, торгуя в других местах в Нахичевань приезжали время от времени. В пореформенный период все семейство уже жило при хозяине дома. К этому времени и женщины, выйдя из своей затворнической жизни, научились не только говорить по-русски, но весь их быт принял характер той среды, куда они попали. Во второй половине XIX века Нахичевань становится европейским городом, с правильной планировкой улиц, красивыми особняками, городским садом. Появляются светские салоны по образцу столичных, описание которых можно найти в мемуарных источниках [1].

В 1862 г. в Нахичевани-на-Дону открылся Коммерческий клуб, в котором стали устраиваться бальные вечера. Это было ново для нахичеванцев. Видный общественный деятель И. П. Келле-Шагинов вспоминал, что на балах по уставу танцующие должны были быть во фраках и в белых перчатках. Мужчины одевали также лакированные штиблеты. Дамы и девицы готовили новые наряды, платья с декольте. Этого тоже никогда прежде не было в Нахичевани.

На балах играл большой театральный оркестр из соседнего ростовского театра, устраивались семейные ужины после бала на особых столиках. Лакеи во фраках, белых перчатках, поварские меню — все это было на новый манер, не так, как обыкновенно проводились вечера у нахичеванцев. Проводились также детские балы и балы-маскарады, которые охотно посещали и мужчины и женщины. Но из армянок никто не решался явиться на бал-маскарад в масках, приходили в обыкновенных бальных нарядах. Мужчины тоже были без масок [1]. Богатые нахичеванцы старались своим детям дать хорошее образование, в том числе научить танцам. Они хотели, чтобы их дети чувство-

вали себя уверенно в любом столичном или европейском светском салоне. Дети, посещая гимназии и русские училища стали изучать и иностранные языки, французский и немецкий, вполне ассимилируясь с русским населением, а в XX в. многие армянские семейства стали забывать армянский язык и в семье разговорным языком стал русский.

Но уклад жизни горожан менялся медленно и в целом оставался традиционным. Одной из традиционных форм досуга были семейные вечеринки и визиты по всякому случаю: именины мужчин, а позже и женщин, крестины, сговоры, свадьбы, болезни (посещение заболевших родственников), выздоровление, новоселье, приезд отсутствующего по делам члена семьи — все это были поводы для визитов и вечеринок. Такие праздники, как Рождество, Масленица, Пасха, тоже были поводами для взаимных посещений. По словам Е. О. Шахазиза, больше нигде среди армян не было принято так отмечать праздники, как в Нахичевани. Праздники имели характер всеобщего обычая и редко кто осмеливался от него уклониться [2, с. 130]. На вечерах мужчины занимали в комнате одну сторону, а женщины — другую, дети и барышни оставались в соседней комнате. В разговоры мужчин женщины не вмешивались [1, с. 272–273].

Модернизация всех сторон жизни российского общества привела к тому, что в начале XX века в организации быта и досуга нахичеванцев появились совершенно новые черты. Уроженец Нахичевани, выдающийся художник Мартирос Сарьян в книге воспоминаний «Из моей жизни» [3] писал о том, что в начале XX в. в городе появились бесчисленные трактиры, рестораны, питейные дома и увеселительные заведения. Обычными явлениями стали пьянство, драки и проституция. Купцы устраивали кутежи, катались на фаэтонах по городу, оглашая окрестности пронзительными звуками зурны и одаривая обильными чаевыми кучеров, музыкантов и лакеев. Изменился социальный и национальный состав населения. Бывшая изначально моноэтническим городом, Нахичевань становилась многонациональной, заметно росло русское население, появились смешанные браки. Сарьян приводит примеры, что не только армяне стали говорить по-русски, но и русские жители Нахичевани свободно говорили на армянском языке.

Большое место в культурной жизни Нахичевани занимал театр, в развитии которого можно выделить следующие особенности. Если первоначально он был «национальным» — и этому способствовали гастролы армянских трупп из Константинополя и Тифлиса, которые играли пьесы только армянских авторов и исключительно на армянском языке, то в начале XX века Нахичеванский театр практически полностью «обрусел» и подавляющее большинство пьес игралось на русском языке и в своем большинстве — русскими актерами. Естественной причиной этого было заметное культурное влияние, которое оказывал соседний Ростов, где театральная жизнь имела более прочные традиции, на Нахичевань-на-Дону. Нахичеванцы, посещая спектакли, поставленные по произведениям русских писателей, приобщались к лучшим образцам российской классики [1, с. 311].

Вместе с тем, консервативно настроенные патриархальные круги Нахичевани-на-Дону, с подозрением и недоверием относились к театральному искусству, прежде всего, опасаясь его «разлагающего» влияния на подрастающее поколение [4, с. 131]. Но таких консервативно настроенных семейств были немного, и театр занял важное место в досуговой культуре донских армян.

Любимым местом отдыха нахичеванцев был городской сад, названный в честь императора Александра II Александровским. В одной его части с состоятельных го-

рожан за вход брали деньги. В другой все гуляли бесплатно. Индустрия развлечений в Александровском саду была поставлена на широкую ногу: играли духовые оркестры, работали рестораны. В парке выступали лучшие ростовские и нахичеванские актеры и певцы. Антрепризу держал Чарахчиянц, заключивший контракт на 12 лет, по которому обязался не только развлекать посетителей, но и благоустроить территорию.

В начале XX века у людей появились новые технические возможности, повлиявшие на быт и досуг горожан. В 1910 г. в Нахичевани появился первый синаматограф «Эльдорадо». Многие нахичеванцы и их соседи ростовцы стали увлекаться фотографией.

Любимым развлечением и в Нахичевани и в Ростове-на-Дону стало прослушивание пластинок, купленных в знаменитом магазине Адлера. Граммофоны являлись не только неотъемлемой частью вечерних посиделок, но и украшением интерьера.

Таким образом, в первое десятилетие XX в. в формах проведения досуга, семейных и публичных развлечениях нахичеванцев происходили значительные изменения. При этом модернизации в большей степени подвергались общественные формы досуга, роль которых в жизни всех слоев городского населения со временем возрастала. Новые праздники, развлечения, становились частью городской жизни и предоставляли горожанам значительно больше возможностей для общения и культурного отдыха. Новые формы проведения досуга были признаком трансформации традиционной культуры и формирования европейского городского образа жизни.

Литература

1. Келле-Шагинов И. М. *Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону. 2015. С. 272–273.*
2. Шахазиз Еравнд. *Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Ростов-на-Дону. 2005.*
3. Сарьян М. С. *Из моей жизни. М. 1971.*
4. Чахирьян С. П. *Воспоминания детства//Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 15. Ростов-на-Дону. 2007.*

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16–01–00319

О. Г. Яценко

г. Гомель (Республика Беларусь), Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Быт горожанки начала XX в. в отражении музейных коллекций Беларуси

Реконструкция быта горожанок разных сословий и конфессиональной принадлежности, имевших неодинаковую степень имущественного обеспечения, на основе музейных материалов начала XX в. довольно перспективна. На сегодняшний день отсутствует единая база данных по этой теме, которая может использоваться для дальнейших научно-исследовательских, образовательных и просветительских целей. Атрактивность музейных предметов, касающихся женского аспекта городской истории и культуры Российской империи начала XX в., содействует их потенциальному широкому включению в иллюстрирование различных научно-популярных и рекламных

изданий. Обобщение подобных сведений и их популяризация полезны для повышения привлекательности ряда музейных объектов и притяжения большего числа посетителей, повышения заинтересованности в сотрудничестве с музеями туристических организаций.

Научное историко-культурное изучение быта горожанок белорусских губерний Российской империи первых десятилетий ушедшего столетия также вполне целесообразно, расширение источниковой базы благоприятно отражается на углублении знаний по названному сюжету и дает прочные основания для сопоставительного анализа женской повседневности в разном пространственном и временном измерении. В российской и белорусской историографии уже обозначены многие стороны домашнего быта столичных и провинциальных горожанок, черты их развлекательной культуры и пр. Автор данного исследования также обращалась к характеристике быта женщин в городах черты еврейской оседлости в границах Могилевской, Гродненской, Витебской, Минской губерний и частично Виленской губерний (конец XIX—XX в.) [1—3]. Однако тема не исчерпана и нуждается в дальнейшем анализе, новизну которому придает вовлечение в формат проекта новых источниковых материалов.

Государственный каталог Музейного фонда Республики Беларусь [4], а также сайты отдельных музеев Беларуси включают в себе значительный массив информации, необходимой для показа женского быта в городской среде Беларуси начала XX в. Представление фотоизображений музейных предметов сопровождается комментированием, что позволяет объективно оценить их значение. Фотофиксация экспозиций и временных выставок и выставление ее на обозрение такими информационными ресурсами, как музеи Беларуси [5], делает обоснованными выводы о подходах к акцентированию внимания на женском аспекте городской истории и степени использования этих артефактов культуры для демонстрации посетителю.

В собраниях современных музеев Беларуси разного профиля находится на хранении и в той или иной степени экспонируется заметное число музейных предметов, которые связаны с раскрытием образа горожанки начала XX в. Наибольшее количество единиц хранения по женской тематике представлено в музеях, которые целенаправленно освещают именно городскую историю. К их числу относятся Музей истории города Минска, Музей истории города Гомеля. Несомненную ценность имеют отдельная экспозиция по истории городского быта в Национальном историческом музее Республики Беларусь, а также панорама «Могилев губернский» в Могилевском областном краеведческом музее имени Е. Романова. Для музеев этой группы характерно представление быта на основе воссоздания интерьеров городского дома дворян и мещан с характерным для них предметным насыщением. Такой способ позволяет широко заявить женские портреты (живописные и фотографические), одежду, журналы для женского чтения, ноты и музыкальные инструменты, которые вошли в женский обиход, предметы рукоделия (вышивка).

Ярким примером богатой коллекции замковых комплексов, представляющих начало XX столетия, является собрание Государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль». Это обусловлено необходимостью характеристики быта владельцев дворца — семьи Паскевичей, с одной стороны, и потребностью во включении в экспозицию предметов, раскрывающих повседневность жителей Гомеля указанного периода, с другой стороны. Здесь обращают на себя внимание мебель, декор интерьеров, парадная посуда, музыкальные инструменты, книги

и периодика, отдельные вещи из гардероба горожанок, фотографии и живописные портреты эпохи.

Национальный художественный музей Республики Беларусь и художественные галереи имеют в своих фондах портреты женщин начала XX в., в том числе горожанок. В большинстве к ним относятся портреты представительниц элиты общества (дворянства), в ряде случаев купечества и зажиточного мещанства, которые в свое время были заказаны для семьи. Подобные экспонаты могут быть привлечены для изучения имиджа горожанки, а также в некоторых случаях для рассмотрения интерьеров, в которых протекала повседневная жизнь женщин. Реалистичное письмо этих образов художниками делает такие портреты полновесными историческими источниками.

Историко-краеведческие музеи Беларуси, как правило, обладают немногочисленными предметами, большая часть из них — это единичные фотографии, портреты женщин-горожанок, связанных с локальной историей, разрозненные предметы домашней утвари, мебели, костюма горожанки, они не несут в экспозиции заметной смысловой нагрузки.

Повседневность женщин в губернских и уездных городах края на основании музейных коллекций Беларуси может быть показана и в разрезе конфессиональной истории. Это крестики, иконы, литература, обусловленная православным, старообрядческим, католическим и иудейским вероисповеданием владельцев предметов. Быт женщин высших городских сословий Беларуси начала XX в. обеспечена значительным блоком музейных экспонатов, бытовая культура социальных низов практически не представлена показательными примерами.

Литература

1 Яценко О. Г. Заметки к этнографии городской жизни: повседневность гомельчанок в начале XX в./О. Г. Яценко//Женщины на краю Европы: сб. науч. статей/Под ред. Е. Таповой. Минск: ЕГУ, 2003. С. 89–104.

2 Яшчанка А. Р. *Побыт гараджан Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст./А. Р. Яшчанка//Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X — пачатку XX ст./НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапіўы; А. І. Лакотка, В. Г. Дранкевіч В. Г., В. М. Бялявіна [і інш.]; А. І. Лакотка (гал. рэд.).* Мінск: Беларус. навука, 2014. С. 152–205.

3 Яценк О. Г. Предметы быта горожан в музеях Беларуси как источник по этнографии города конца XIX — начала XX века/О. Г. Яценко//Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Межд. науч.-практич. конф., Витебск, 8–9 окт. 2015 г. /Вит. гос. ун-т; А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцова [и др.]. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. С. 57–60.

4 Дзяржаўны каталог Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь: [Электронны рэсурс]: — Режим доступа: <http://www.dkmf.by>

5 Музеи Беларуси с Белкарт: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://museums.by/muzei>

В. Н. Бураков

г. Могилев (Республика Беларусь), Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Жилищные условия горожанок и горожан Беларуси в 1920-е годы

Жилищные условия имеют большое значение при характеристике благосостояния человека. Место нахождения дома, квартиры, степень их благоустройства, количе-

ство жилых комнат всегда были критериями для определения уровня жизни. Именно жилье выступает местом, где функционирует естественная и основная ячейка общества — семья. Несмотря на свою актуальность, жилищная проблема в городах России и Беларуси существовала всегда. Но 1917–1920-е годы стали периодом первых социалистических преобразований в сфере жилья, что определяет актуальность исследовательской темы.

В начале 20 в. в городах Беларуси проживало 990 тыс. человек, удельный вес которых составлял 14% всего населения края. Наиболее крупными городами являлись Минск (114 тыс. человек), Витебск (103 тыс. жителей), Гомель (96 тыс. человек) [1, с. 38]. Преимущественно города были немногочисленными, с количеством жителей не более 50 тыс. человек. В крупных населенных пунктах жилищный фонд состоял из каменных домов в центральной, преимущественно деревянных строений в остальной его части. Для малых городских поселений деревянная застройка являлась преобладающим типом. Жилые дома были представлены малой этажностью, с незначительной долей двух-, трехэтажных домов. Основная часть городского населения — рабочие — были вынуждены жить скучено. Если характеризовать жилищные условия по размеру жилой площади, приходящейся на одного проживающего, то в городах белорусских губерний на одного человека приходилось в среднем 2–2,5 кв. м. жилплощади [7, с. 497].

Жилищная инфраструктура находилась в зачаточном состоянии. Канализации не было ни в одном из городов Беларуси. Водопровод был только в 6 населенных пунктах: в Минске, Гродно, Могилеве, Витебске, Мозыре и Гомеле. Электрические установки имелись не во всех городах. В начале 1920-х гг. жилищный вопрос в городах республики стоял наиболее остро. Городское хозяйство находилось в упадке. На его состояние наложили отпечаток мировая и гражданская войны, немецкая и польская оккупации.

С установлением советской власти на территории Беларуси ликвидация жилищного кризиса была актуальной задачей органов власти. Политика советского правительства в сфере жилья основывалась на принципах государственного регулирования жилищных отношений, включая обеспечение горожан и горожанок жильем. Для этого, на начальном этапе требовалось образовать государственный фонд жилых помещений и разработать механизмы его распределения. С этой целью в августе 1918 г. принят декрет, который отменял право частной собственности на крупные дома с передачей их в коммунальную собственность. В первую очередь муниципализировались дома, ранее сдававшиеся в наем, дома буржуазии, также каменные и этажные дома, жилые здания, расположенные в центре города или имеющие торговые площади. В результате проведенной муниципализации государственный городской фонд составил 5 тыс. жилых домов общей площадью 1365 тыс. кв. м. (более 35% городского жилищного фонда).

В коммунальные дома переселялись семьи рабочих и служащих. Это вызвало необходимость разработки механизмов распределения жилья, в основу которого была положена жилищная норма. Для этого был рассчитан минимальный размер помещения, в котором оптимально соотносились предельно допустимое содержание углекислоты в воздухе и интенсивность воздухообмена. Постановлением Народного комиссариата здравоохранения 1919 г. жилищная норма, как минимальная жилая площадь, необходимая одному человеку, определялась в 8,25 кв. м. (в дальнейшем увеличена до 9 кв. м.). Это был один из первых радикальных поступков новой власти, в котором проявилось

ее стремление к вмешательству в сферу личных интересов граждан. Их собственные интересы при этом не учитывались. Жилищные условия стали определять размером жилой площади на одного человека, в отличие от досоветского периода, когда показателем являлось число жителей на одну комнату.

С целью размещения большего количества граждан проводилась перепланировка помещений, устанавливались перегородки, что приводило к частичному обобществлению быта, возникновению так называемых «бытовых коммун». Это особенно проявилось в конце 1920-х годов. В данный период дома коммунального типа были организованы в Гомеле, Могилеве, Минске. Изъятию подлежала вся жилая площадь, занимаемая гражданами сверх установленных норм. При этом проживающим предоставлялась возможность самим в течение двух недель подыскать себе сожителя, то есть самоуплотниться. В противном случае жилищный отдел проводил уплотнение принудительно, вселяя посторонних лиц на свободную площадь.

Переселение рабочих в муниципализированные дома позволило частично снизить напряженность в сфере обеспечения жильем. В 1923 г. размер жилой площади на одного человека в городах БССР составил в среднем 7,06 кв. м. [3, л. 45].

Проживание в коммунальных домах незнакомых друг другу семей с использованием общих вспомогательных и подсобных помещений неизбежно вызывало споры между жильцами. Для решения разногласий учреждались конфликтные комиссии или камеры. Они рассматривали мелкие споры, связанные с оплатой электроэнергии, водопровода, размещением личных вещей жильцов в местах общего пользования, очередностью уборки.

Коммунальный жилищный фонд не смог обеспечить всех нуждающихся жильем. Необходимость расселения рабочих и служащих обусловила изъятие государством части жилой площади частновладельческого сектора и ее передачи в хозяйственное ведение коммунальных отделов. С января 1922 года собственники домов площадью более 91 кв. м. были обязаны передать в оперативное управление коммунальных отделов 30% жилой площади. В распоряжение предоставлялись целые жилые единицы — квартира, комната.

Распорядительный характер заселения бронированной жилплощади вызывал недовольство владельцев домов. Например, на страницах газет «Звезда» и «Заря Запада» периодически публиковались статьи с жалобами на хозяев таких домов, которые «изживали» квартирантов: «закрывали трубу, чтоб дым шел в комнаты, выливали помои под окна, начинали ремонт, разбирая часть помещения и не завершали его, устраивали «кошачьи концерты, мешая отдыхать» и т.д. [2, с. 3; 6, с. 4]. Еще одним средством отстаивания собственниками своих прав стал отказ от проведения ремонта. В ответ правительство в июле 1929 г. приняло дополнение к постановлению о бронировании жилплощади. В нем указывалось, что «если домовладелец не сделает ремонт в части данной комхозу, то последний имеет право на другую часть не требующей ремонта жилой площади в этом же доме» [5].

Развитие индустриального сектора обусловило увеличение городского населения. Ежегодный прирост в 1920-е гг. составлял в среднем 20 тыс. человек (около 3%). В 1929 г. в городах республики проживало более 924 тыс. человек против 727 тыс. в 1923 г. Высокие темпы роста городского населения стали причиной обострения жилищного кризиса к концу 20-х годов XX в.

Средний размер жилой площади на человека, начиная с 1923 г., ежегодно снижался. Уже в 1926 г. он был равен 6,2 кв. м., в 1929 г. составил 5,62 кв. м. Жилищная

проблема осложнялась низким уровнем благоустройства помещений. Большинство населения проживало в квартирах без удобств. Нередкими были случаи антисанитарных условий. В более неприглядном состоянии находились коммунальные дома. Квартиронаниматели не были заинтересованы в сохранении квартир и небрежно относились к состоянию домов. Колка дров в жилых помещениях, разборка перегородок, отсутствие элементов благоустройства делало состояние жилищ не соответствующим санитарным нормам. Проведенное в феврале 1925 г. ЦСУ БССР обследование домов выявило серьезную проблему. Из обследованных квартир 22,6% были сырыми, 94,9% не оборудованными водопроводом, а 48,8% требовали проведения ремонта [4, л. 107].

Таким образом, в 1917–1920-е годы произошли радикальные преобразования в сфере жилья. Был образован государственный жилищный фонд, который рассматривался советским правительством как основной источник обеспечения граждан жильем. Однако жилищный кризис досоветского периода и рост городского населения в 1920-е гг. не позволил улучшить жилищные условия горожан за счет перераспределения жилой площади нуждающимся.

Литература

1. Воинов А. А. Жилищное строительство в Белорусской ССР/А. А. Воинов. Минск: Вышэйшая школа, 1980.
2. Жилищное//Заря Запада. 1928. 11 апр.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 31. Оп. 1. Д. 916. Доклад Госплана БССР Госплану СССР о состоянии и перспективах развития коммунального хозяйства БССР.
4. Национальный архив Республики Беларусь. — Фонд 691. Оп. 1. Д. 62. Т. 1. Постановление, циркуляры и протоколы заседаний ЦИК, СНК, ЭКОСО, Госплана, НКВД БССР.
5. О дополнении постановления ЦИК и СНК БССР «О передаче в распоряжение коммунальных отделов части жилой площади немунципализированных строений» ст. 6: постановление ЦИК и СНК БССР, 20 июля 1929 г. //Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительств БССР. 1929. № 27. Ст. 156.
6. О коммунальных домах//Звезда. 1925. 24 февр.
7. Социально-экономические преобразования в Белорусской ССР за годы советской власти/АН БССР Ин-т экономики; под ред. Ф. С. Мартинкевича. Минск: Наука и техника, 1970.

Е. В. Дианова

г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет

Городские «кооператорши» в борьбе за новый быт (литературные репрезентации 1920-х годов)

Первые полтора десятилетия существования Советской власти ознаменованы широким борьбой за новый советский быт. Основное содержание понятия «новый быт» сводилось по существу к обобществлению семейных и индивидуальных форм ведения домашнего хозяйства, а главными элементами нового быта считались общественное питание, дома-коммуны, прачечные, починочные мастерские, что должно было освободить женщин-тружениц от кухонного рабства и помочь им наравне с мужчинами превратиться в активных строителей социализма.

Общественное питание как «важный фактор переустройства быта трудящихся, один из двигателей социалистического строительства» являлось главным моментом для осуществления этой задачи. Но, несмотря на громкие призывы «Работница! Твой долг — раскрепостить себя от кухонного рабства», оказалось, что «на деле добрая половина женщин не раскрепощена», «работница с производства не может отдать свое свободное время на самообразование, как это делают мужчины», потому что «по окончании основной работы ее ждет домашняя работа. Она должна бежать в магазин за продуктами, готовить пишу, стирать, нянчить ребят». Советские феминистки заявляли: «Так дальше продолжаться не может и не должно». Призывая «освободить, наконец, работницу и трудящуюся женщину от домашней кухни, они требовали, чтобы ни один дом не строился с индивидуальными кухнями, «эта преграда к новому быту должна быть разрушена». Вместо старых индивидуальных кухонь нужно было возводить большие столовые, фабрики-кухни. [3, с. 3].

В литературе 1920-х годов кооперация расценивалась как «избавительница от печных горшков». Кооперативным объединениям отводилась ведущая роль «в борьбе за раскрепощение женщины». Они могли устроить в каждом рабочем районе дешевую столовую; в жилтовариществах — коллективные кухни с общими обеденными залами, детскими и прочими культурными учреждениями; в коммунаках, общежитиях, рабочих казармах — товарищеское харчевание, или групповое питание. Однако было ясно, что «без живого участия пайщиков кооперативы еще долго не в состоянии будут справиться с организацией хороших столовых и товарищеских харчевок». Работницам «еще долго придется мучиться у плиты, над бельевой лоханью, с пеленками и всякими другими мелочами, которые не дают ей свободно вздохнуть, которые до времени старят ее». Трудящимся женщинам предлагалось крепить свою кооперацию, чтобы она не только «скорее вымела вон из рабочей семьи остатки домашнего рабства», но и разрушила в коммунальных квартирах «кухонные окопы», где «время от времени разгораются партизанские стычки и жестооченные бои с дымовой завесой от кухонного очага». [1, с. 45].

В качестве примера в кооперативной беллетристике описывались боевые «кооператорши», которые смогли устроить общественные столовые на предприятиях. Сборник кооперативных рассказов «Новина» полностью посвящен кооперированию женщин. В одноименном рассказе «Новина» (автор П. Сурожский) говорится о том, как активная делегатка Макарова «в красной косынке» сначала на делегатском собрании организовала кооперативную секцию. Затем она вместе с другими работницами ткацкой фабрики открыла столовую. Теперь «многие женщины и на дом обеды брали», они рады: «без возни и хлопот» семья сыта, «не надо ни стряпать, ни на базар ходить».

Кооперативная секция делегатского собрания приняла участие в Международном дне кооперации. Выйдя на улицу, «гурьба молодых кооператорш в красных повязках звонкими голосами выводила кооперативную песню: “Кооперация оплот, союзник трудовому люду. Она у нас живет — цветет. И будет жить повсюду”. А потом, нажимая на голоса, бросали как вызов, боевой припев: “И всех торгашей строптивых с лица земли долой! Кооперативы с ними вступили в смертный бой”. Особенно любили бросать этот припев, проходя мимо через базарную площадь, где часто густо жались друг к дружке ларьки и навесы торговцев”. Торговцы и торговки из ларьков смотрели на поющих работниц злыми, ненавистными глазами, «тихо шушукались между собой: “Ишь, хвостотрепки, что придумали”. А коопе-

раторш это только подзадоривало, и они отчетливо вызванивали: “Звено к звену, лоток к лотку, плечо к плечу и лавка к лавке. Война торговцу-кулаку, что нашу кровь сосет, как пиявка”. [2, с. 11, 12].

В сборник «Новина» вошел рассказ «В маленьком городе» (автор П. Низовой), где говорится об открытии на фабрике кооперативной столовой. Продукты для нее поставял рабочий кооператив, они стоили на 10–12% дешевле, чем на рынке. Автор рассказа «В маленьком городе» П. Низовой подчеркивал значение фабричного общепита: «У большинства женщин-работниц жизнь шла теперь по-другому. Они уже не возились целое утро на кухне с горшками и кастрюлями, не затапливали печей почти до свету, чтобы к гудку закончить стряпню и поспеть на фабрику. Не канителились целые вечера с приготовлением варева на завтрашний день. Эти хлопоты и работу сняла с них общественная столовая. Утром вставали они вместе с мужьями, обедали в столовой или же приносили на дом в судаках. Так же брали готовый и ужин. Дома не было кухонного чада и грязи. Не было мелких семейных ссор из-за неудачного супа или каши».

В рассказе доказывалось значение общепита в плане экономии средств из семейного бюджета тем, что «расходы на харчи были сразу все на виду». Теперь можно учесть траты на питание за целый год вперед: «столько-то обедов, столько-то ужинов — итог на лицо». Кроме того, общепит давал «громадную экономию женского времени и труда». С открытием кооперативной столовой у работниц «времени свободного оставалось столько, что первые дни женщины чувствовали себя как-то неловко, но потом все скоро наладилось. Теперь можно больше было заниматься с детьми. И для отдыха, и для той или иной домашней или общественной работы время осталось». Так, «освободившись от гнета домашней кухни, женщины сразу почувствовали себя вольнее и легче. Будто сбросив с себя тесную, тяжелую одежду, вышли на улицу и вздохнули свободно, полной грудью».

Каждая общественная столовая должна была превратиться в «культурный очаг», место «товарищеского общения и проводник новой культуры». П. Низовой подробно описывает интерьер фабричной столовой, преображенной благодаря усилиям активных «кооператорш»: «Стены украшены портретами вождей и плакатами с лозунгами. В переднем углу под красным знаменем бюст и портреты Ленина. Тут на столике книжки и брошюры, написанные им и о нем. А над входом висят гилянды из свежих еловых ветвей и маленьких красных флажков». [2, с. 28, 30, 31]. Такой декор широко применялся в заведениях общепита.

Таким образом, особое место в «революции быта» отводилось кооперативам. Именно кооперация должна была освободить работницу «от цепей кухни», создав систему общественного питания. В беллетристике 1920-х годов представлено участие женщин в открытии кооперативных столовых». Активное участие женщин в организации общественного питания считалось «лучшей гарантией в строительстве нового быта». Репрезентация образов городских «кооператорш» в литературе 1920-х годов демонстрировала трансформацию в сфере гендерных отношений, когда главными участниками кооперативного движения были только представители сильного пола.

Литература

1. Кожаный П. Без печных горшков. Москва-Ленинград, Госиздат, 1927.
2. Новина. Сборник кооперативных рассказов. Москва, 1926.
3. Общественное питание. 1930. № 5.

*Т. А. Катцина,
г. Красноярск, ФГАОУ ВО СФУ*

*Л. Э. Мезит
г. Красноярск, ФБГОУ ВО КГПУ им. В. П. Астафьева*

Общественные кампании как способ решения социальных проблем в пореволюционные годы на территории Енисейской губернии

Социальные потрясения в России в первой четверти XX в. неблагоприятно отразились на положении всех слоев населения. Наиболее незащищенными оказались дети. После прихода большевиков к власти социальная помощь разных категорий населения была объявлена сферой государственной деятельности.

Социальную политику в отношении детей в 1920–1930-е годы анализирует В. В. Тевлина [10], на материалах Енисейской и Иркутской губерний Е. Н. Афанасова [1], Т. А. Катцина [5].

Целью данной статьи является выявление региональных особенностей социальных кампаний по охране детства в 1920–1925 гг.

Начальный период становления системы социальной помощи в Енисейской губернии был отмечен многочисленными трудностями: скудным финансированием, постоянными реорганизациями, происходившими из-за неопределенности функций между Наркоматами просвещения, здравоохранения и Наркоматом социального обеспечения. Дефицит опытных кадров не позволял организовать должным образом контроль, учет. В отчете Енисейского губернского экономического совещания указывалось на почти полное отсутствие активных и опытных технических работников, мизерное вознаграждение их труда, частую смену ответственных руководителей и, наконец, отсутствие материальных ресурсов в распоряжении собесов. Губсобес в 1920 г. руководил четырьмя приютами для взрослых и инвалидов (127 человек), двумя детским приютами (67 человек), лагерем инвалидов бывших военнопленных (1999 человек), а также большим огородом в целях обеспечения овощами контингента социальных учреждений на зиму [8, с. 195–197].

Молодое советское государство из-за дефицита финансовых средств, отсутствия сложившейся системы государственных социальных учреждений в тяжелейших условиях вынуждено было искать действенные методы реализации своей социальной политики. Одним из таких методов станет организация общественных социальных кампаний. Целью подобных кампаний было стимулирование общественных инициатив, привлечение дополнительных финансовых средств.

До середины 1920-х гг. государственные органы определяли главную цель акции, устанавливали сроки, планировали ее конечный результат. Реализацию намеченных планов проводили местные органы власти, они же привлекали общественные организации, рядовых граждан в специальные комиссии, на которые возлагалась ответственность за ход кампаний.

Большинство проводимых в дни социальных кампаний мероприятий не были новаторской находкой большевиков. Механизм их проведения был заимствован из опыта работы благотворительных организаций и земств дореволюционного периода («кружечные сборы», подписные листы, отчисление процента от дохода развлекательных учреждений, проведение благотворительных концертов, спектаклей, т. п.).

Помимо сбора средств, проводимые акции выполняли другую функцию — агитационно-пропагандистскую. Характерная особенность проводимых в пореволюционные годы социальных кампаний заключалась в том, что они были регулярными, продолжительными, хотя именовались «день», «неделя».

Анализируя ход социальных кампаний в губернии в 1920-е гг., можно констатировать, что по мере упрочения советской власти они становились более организованными, не такими продолжительными. Сказывался опыт, который обретали губернские и волостные руководители по их проведению, начались строгий учет собранных в ходе кампаний средств и их распределение по социальным учреждениям. С 1923 г. появились совершенно новые формы проведения социальных акций: проводились временные мобилизации в «ударные» отряды по санитарной очистке социальных учреждений, введение сверхурочных работ в фонд комиссий «Неделя».

С другой стороны, сталкиваясь с неспособностью властей решить социальные проблемы, люди часто сами выступали организаторами благотворительных акций, т.е. социальные кампании превращались в повседневность. Так, газета «Красноярский рабочий» писала, что в Усть-Ярульской волости Канского уезда крестьянин Тарарынин пожертвовал 28 пудов и 28 фунтов пшеницы и 26 пудов и 26 фунтов ржи на помощь сиротам. Так как в данной волости детского дома не было, волисполком передал данный хлеб в уезд [7].

К числу наиболее частых из проводимых государственных кампаний следует отнести те, которые были связаны с поддержкой материнства и детства. В Енисейской губернии в рамках реализации этой программы был проведен ряд социальных кампаний: «Неделя ребенка» (1920 г.), «День помощи голодающему ребенку» (1921 г.), «Неделя помощи матери и ребенку» (1922, 1923 гг.).

Так «Неделя ребенка», проходившая в Красноярске 15 июля 1920 г. предусматривала организацию праздника для ребят в возрасте от 5 до 12 лет (просмотр спектаклей для детей, инсценировки детских пьес, участие в гимнастическом празднике и т.п.). Для участников праздника был организован обед [6]. Государство таким образом демонстрировало внимание и заботу к подрастающему поколению, однако реальная забота выглядела более скромной и охватывала небольшую группу детей, находящихся в двух приютах, закрепленных за секцией охраны младенчества и материнства, и в Доме матери и ребенка [4. Оп. 1. Д. 3. Л. 196].

Стимулирование общественных инициатив в советском обществе в пореволюционный период стало неотъемлемой частью государственной политики. Усилиями государства 1921 г. (в период голодомора в Европейской части страны) в Красноярске был открыт детский дом для сирот на 200 человек, 26-я стрелковая дивизия организовала два детских дома для 208 ребят [2. Оп. 1. Д. 20. Л. 11]. При проведении «Дня голодающего ребенка» в 1921 г. губернские власти вменили всем государственным и частным организациям однодневные доход и зарплату перечислить в фонд комиссии помощи голодающим детям. Все частные столовые, кафе, чайные и буфеты, лавки были обложены определенным процентом, установленным Губкомиссией помощи голодающему ребенку; организовывался сбор вещей и продуктов. Из собранных 5 008 000 рублей, наибольший доход (87,73%) принес аукцион американских вещей [3. Оп. 1. Д. 242. Л.1, 1 об]; все средства направлялись в фонд помощи голодающим детям. Только что созданная губернская комсомольская организация выступила с инициативой отчисления в фонд помощи голодающего ребенка 5% пайка штатны-

ми комсомольскими работниками или 3% заработной платы и 15% от поступлений в кассы взаимопомощи [9. С. 59].

В 1923 г. «Неделя по охране материнства и детства» была приурочена к Международному женскому дню и проводилась с 8 по 15 марта. Цель акции — материальная поддержка детских домов губернии; повышение инициативы масс в решении проблем охраны материнства и детства. Инициатива проведения данной недели принадлежала отделу здравоохранения, была создана комиссия для успешного ее проведения. В ходе кампании были выпущены тематические стенгазеты, проведены сбор денежных средств путем «кружечного сбора» по квартирам, отчисление от спектаклей, организованных самодеятельными артистами, организована санитарная уборка детских домов; комиссия вела учет поступающих средств и затем распределила их среди детских домов губернии [3. Оп. 1. Д. 378. Л. 7, 7 об.].

Решением социальных проблем детей-сирот со второй половины 1920-х годов стали заниматься специализированные общественные организации, созданные под руководством государства, например, «Друг детей». Это стало возможно благодаря тому, что за период кампаний проявились неравнодушные, инициативные люди, активно помогающие власти решать проблемы обездоленных ребят.

Эффективность проводимых кампаний была невысока, так как материальное положение населения губернии было бедственным после Гражданской войны, авторитет новой власти был еще незначительным. Поэтому основными участниками социальных кампаний были комсомольцы, активисты профсоюзных и прочих организаций. По мере укрепления советской власти необходимость в проведении таких общественных акций уменьшалась. В ходе кампаний сформировался актив инициативных людей, которые составили основу общественно-государственных социальных организаций.

Литература

1. Афанасова Е. Н. *Детская беспризорность в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. Опыт реализации государственной политики в сфере социальной защиты детства*. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 282 с.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-8: Енисейский губернский комитет РККМ.
3. ГАКК. Ф. П-1: Енисейский губернский комитет РКП (б).
4. ГАКК. Ф. Р-93: Енисейский губернский отдел народного образования Енисейского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
5. Катцина Т. А. *Социальное попечение в первой четверти XX века (на материалах Енисейской губернии)*//Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 259–268.
6. *Красноярский рабочий*. 1920. 24 июля.
7. *Красноярский рабочий*. 1920. 10 декабря.
8. *Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 г.* Красноярск: Государственная типография. 1920.
9. *Славное сорокалетие: из истории Красноярской партийной организации (1917–1957 гг.)*//глав. ред. В. П. Сафронов. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1957.
10. Тевлина В. В. *Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.)*//Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования/ред. Л. А. Булгакова. СПб.: Нестор-История. 2008. С. 397–414.

Новая городская обрядность в северокавказской погребальной культуре: гендерный аспект

Цель исследования — проследить изменения в отношении мужчин и женщин к трансформациям традиционной обрядности, ответить на вопросы, какой пол затронули перемены в большей степени и какой пол оказался более толерантен к таким переменам.

Заметные перемены в этнической культуре народов Северного Кавказа связаны с развитием в XX в. городской среды. Для коренных народов региона это новая форма поселения, диктующая и новые типы повседневных практик и гендерных установок. Наиболее острою социальную полемику вызывали вопросы, связанные с похоронно-поминальной обрядностью.

Типичные захоронения у большинства северокавказских этносов — в саване, когда «тело, обернутое в белое полотно после песнопений в честь умершего и своего рода надгробного слова...» «опускают без гроба в могилу; иногда устраивается нечто вроде свода из ветвей деревьев, который затем засыпают землей». Подобный способ погребения с укреплением позиции ислама вытеснил остальные и на сегодняшний день является доминирующим на всей территории расселения адыгов, балкаро-карачаевцев, чеченцев, ингушей, коренных народов Дагестана. За более чем два столетия он настолько укоренился в народном сознании, что вызывает полное отторжение всех остальных способов, фиксируемых фольклорными источниками, письменными свидетельствами и археологическими материалами.

Важно отметить, что все культурные трансформации в отношении новой похоронной обрядности касались только мужчин. Нам не известно ни одного случая до Великой Отечественной войны, когда бы женщину хоронили не по обычаю.

Взять, к примеру, захоронения в гробу в Северокавказском городском социуме в XX в. В первые годы советской власти протест и народное неприятие такого рода погребений были настолько сильны, что это было результативным. Один хрестоматийный пример связан с гибелью курсанта Ленинского учебного городка в г. Нальчик, чьи товарищи, после возвращения в родное селение пытались его похоронить в гробу. Это привело к столкновению между сельскими родственниками и городской учащейся молодежью — друзьями. Родственники умершего отобрали гроб и сожгли, а покойного похоронили на сельском кладбище по мусульманскому обряду.

В 1930 г. были устроены «показательные советские похороны», с духовым оркестром, траурным митингом. Целая группа коммунистов, погибших во время аграрных волнений в Балкарии, была похоронена в центре города, в начале парковой зоны и место их захоронения стало местом знаковым местом памяти новой советской истории.

Впоследствии широкая антирелигиозная кампания, проводимая советской властью в масштабах всей страны, не могла не отразиться на похоронно-поминальной обрядности народов Северного Кавказа, особенно в городах и областных центрах. В городах региона в отношении партийных работников и советских руководителей местного уровня

практиковались гражданские похороны — в гробу, в одежде (а не в саване) и с оркестром. В ходе реализации решений партийных и советских органов. Так, в апреле 1967 г. бюро Чегемского районного комитета партии вынесло решение «не допускать похорон, особенно коммунистов и комсомольцев, с соблюдением религиозных обрядов». В 1969 г. Кабардино-Балкарский областной комитет КПСС постановил «Решительно пресекать факты соблюдения религиозных обрядов, примиренческого отношения к религии».

В 70-е годы по свидетельству наших информаторов неподобающим способом были захоронены два знаменитых жителя с Аргудан: хлебороб и депутат А. Арамисов и председатель колхоза К. Тарчоков. Оба, в нарушение местных традиций, были похоронены в парадной одежде и в гробу. При похоронах А. Арамисова крышка гроба была открыта наполовину, и покойный лежал в пиджаке с орденами, нижняя часть тела, по убедительной просьбе родственников, была завернута в саван. Председатель колхоза, к ужасу родственников и односельчан, был погребен не на кладбище, а во дворе сельсовета. Это оказалось столь противоречащим традиционным ментальным установкам, что с началом перестройки родственники добились разрешения перезахоронить К. Тарчокова на сельском кладбище.

В городе Нарткала в начале 80-х годов устроили торжественную панихиду по руководителю района М. Кандохову, выставив его тело в гробу для прощания в кинотеатре. Затем близкие родственники пригласили муллу, омыли тело, завернули в саван и похоронили на мусульманском кладбище.

И все же такого рода случаи можно назвать исключительными, т.к. в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее — удавалось показательно похоронить в гробах только единицы местных активистов. Население, громко отвергнувшее исламские установки, молча, но действительно сопротивлялось изменению погребальной обрядности, особенно использованию гроба, еще раз доказав консервативность похоронных ритуалов.

Все приведенные примеры, как и множество, им подобных, касаются только похорон в городской среде и отражают борьбу советской власти с этнорелигиозными «пережитками прошлого». Яркой отличительной особенностью подобной новой обрядности является их выраженный характер — нарушение вековых обычаев погребения допускалось только в отношении мужчин. Общество оказалось более дояльным и щепетильным в отношении женской связи с традиционной культурой, что особенно наглядно проявилось в похоронных обрядах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа».

Е. А. Пушкаренко

г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

Производство глиняной игрушки как вариант мужского и женского досуга и промысла в провинциальных городах России XVIII–XXI вв. (на примере г. Старый Оскол)

История повседневности, обыденной жизни сравнительно недавно стало предметом подробного изучения профессиональных историков, этнографов, культурологов.

Сказывалась инерция традиций советской историографии, объектом изучения каждой были, как правило, военно-политические и социально-экономические изменения социума, а повседневная жизнь людей, их досуг оставались вне поля зрения исследователей. При этом очевидно, что именно знания о производственной и досуговой повседневности наших предков, их быте и психологии, создает полноценную картину той или иной исторической эпохи, да ет нам возможность ощутить себя носителями уже ушедшей культурной среды. В связи с этим, тема нашего исследования представляется актуальной и значимой.

Досуговая деятельность людей многообразна и зачастую несет на себе отпечаток гендерного фактора. Народный промысел глиняной игрушки в провинциальных городах XVIII—XXI вв. был в равном счете распространен среди женщин и мужчин. Старый Оскол, основанный в 1593 г. как пограничная крепость, практически до 70-х годов 20 столетия оставался маленьким провинциальным городом. Досуг горожан во многом был предопределен не только их основным родом деятельности, социальным статусом, гендером, но и положением Старого Оскола, наличием естественных условий для развития его конкретных форм, в том числе промысла глиняной игрушки. В результате анализа исторических источников и воспоминаний коренных осколяч, было установлено, что производство глиняной игрушки является вариантом мужского и женского досуга и промысла в Старом Осколе на протяжении более чем трех столетий. Игрушечный промысел носил династический характер. Так по данным Б. А. Шевченко только в пределах слободы Казацкой Старого Оскола существовало не менее 20 гончарных учителей — 5 династий Распоповых, 4 — Гончаровых, 2 — Грицких, а также династии Лихачевых, Дороховых, Палевских, Дурневых, Сониных, Щербаковых, Симоновых, Заниных и Черноусских. Помимо этих были и другие гончарные династии — Икрянских, Воробьевых, Павловских, Лисицких, Кашкартовых, Черыкиных, Андрияновых и Федосовых [1]. Анализ материалов нескольких кладов глиняной игрушки, обнаруженных в 90-х годах прошлого века в районе улицы Меловой в Старом Осколе, позволил провести систематизацию произведений народного художественного промысла, а также утверждать о наличии самостоятельной старооскольской технологии производства игрушки. В частности была поставлена точка в давнем споре о самом наличии поливной глиняной игрушки в городе. Находка тр ех таких игрушек, а также нескольких мелких фрагментов стало тому явным доказательством. Типичными же формами игрушки были «коники», «птички», «погрешки» и другие [2].

В настоящее время происходит активное возрождение промысла глиняной игрушки. Современные мастера-игрушечники Старого Оскола практически все являются учениками сестер Ольги Михайловны и Натальи Михайловны Гончаровых, а также Ларисы Павловны Шамыгиной. Некоторые их них, в частности семья Шевченко, Лобынцевых, занимаются популяризацией старооскольской глиняной игрушки, распространением е е технологии. Обучение лепки местной игрушки происходит в ходе кружковой работы, на семинарах, курсах повышения квалификации воспитателей детских садов и учителей младших классов [3]. К настоящему времени производство глиняной игрушки почти полностью утратило свой промысловый и приобрело досуговый характер.

Эволюция производства глиняной игрушки привела как к появлению новых технологических особенностей, так и совершенно новых форм и типов (до 70-ти вариантов без учета раскраски и размеров) [4], [5].

В заключении следует подчеркнуть, что, во-первых, производство глиняной игрушки в провинциальных городах XVIII—XXI вв. не было обусловлено гендерным фактором и было распространено как среди мужчин, так и женщин. Скорее промысел носил семейный династический характер и имел значительное распространение, чему способствовали наличие и доступность природных материалов. Во-вторых, анализ материалов, кладов, находок, коллекций позволяет утверждать о наличии собственной старооскольской технологии производства, в том числе о наличии поливной игрушки. В-третьих, эволюция игрушки привела к настоящему времени к значительному увеличению разнообразия ее форм и типов. В-четвертых, начиная с 20 столетия производство глиняной игрушки из формы промысла, как одного из подсобных занятий при основном сельскохозяйственном, все больше становится одной из форм досуговой деятельности городского населения и не связано с получением какого-либо дохода.

Литература

1. Шевченко Б. А. Тенденции изменения канонов старооскольского промысла народной глиняной игрушки/Б. А. Шевченко, М. Б. Бородина. - В сб. РНП конф. «Роль науки в формировании специалиста XXI века». Губкин, 2007. Том II. С. 145.
2. Шевченко Б. А., Бородина М. Б. Народный промысел старооскольской глиняной игрушки. 2015. <http://igrushkashb.ru/?p=5511>
3. Шевченко Б. А. Мастера старооскольского народного промысла глиняной игрушки (конец XIX — первая половина XX века)/Б. А. Шевченко, М. Б. Шевченко. В сб. трудов Междунар. НТК «Вопросы проектирования, эксплуатации технических систем в металлургии, машиностроении, строительстве». Старый Оскол, 1999. С. 19–20
4. Шевченко Б. А., Творческий вклад в развитие старооскольской глиняной игрушки народных мастеров — сестер Гончаровых/Б. А. Шевченко, М. Б. Шевченко. - В сб. трудов Междунар. НТК «Вопросы проектирования, эксплуатации технических систем в металлургии, машиностроении, строительстве». Старый Оскол, 1999. С. 20–22.
5. Шевченко Б. А. Старооскольская народная глиняная игрушка. История, Технология, Перспективы возрождения. Москва: «Музей традиционного искусства народов мира», 2016. С. 250.

РАЗДЕЛ 7. РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД XX — НАЧАЛА XXI В. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, БЫТА, ПОВСЕДНЕВНОСТИ, ДОСУГА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Л. В. Лукина

г. Витебск (Республика Беларусь), Витебская государственная академия ветеринарной медицины

Социально-индивидуальное пространство семьи в фокусе витебской истории

Многомерность исторических перемен вбирает разницу социальных нормативов, поведенческих установок, оказывающих воздействие на характер социально-культурного развития, по-разному и в различной степени с особым эмоциональным восприятием в каждой отдельно взятой ситуации. Сочетание поступков участников и свидетелей исторических перипетий, олицетворяют социальные позиции и взаимовлияния, индивидуальность и профессионализм исканий, образ жизни, высвечивая «конкретные детали», потенциал произошедших обстоятельств, выступая источником тех связей, нитей, из которых «ткалась» история, кристаллизовались ценности как фактор повлиявший на биографию.

Среди памятных дат, преодолевая случайности, облики и образы, настроенность и устремления и урожденных витебчан и приезжих в Витебск, раскинувшимся по обоим берегам Западной Двины, получили импульс, точку излома и начав личностное становление витебскими реалиями, вошли в историческую событийность в разных краях и странах, приумножая отечественное и общечеловеческое достояние. История, географическое положение, многонациональность населения, интеллектуальная и художественная жизнь Витебска привнесли в его архитектурный колорит сопряженность разностиля, одновременность устройства улиц, возведения домов, церквей и костелов, построек, встречающихся и в картинах Марка Шагала, у которого воспоминания о городе детства оказались «для глаза художника полной и прелести, и красоты, и поэзии» [3, с. 37]. Неизменные обновления города, стремятся не порушить его уникальности, установив учетливые отношения со временем.

Градостроитель, благоустроитель Тихон Васильевич Кибардин во многом определивший облик губернского Витебска на рубеже XIX–XX столетий, работоспособностью, знаниями, талантливо подтвердил и продемонстрировал исторически сложившуюся городскую систему расселения. По окончании архитектурного отделения Императорской Академии художеств в Петербурге, Т. В. Кибардин (1863–1933 гг.), приехал в 1890 г. на должность младшего архитектора строительного отделения Витебского губернского управления. Неизбежность перемен привели уже в апреле 1890 г. к назначению его городским архитектором, в 1917 г. — уездным и городским инженером, в 1923 г. — губернским архитектором. Он, автор ряда общественных и знаковых жилых зданий Витебска, построенных в течение тридцати лет, вписал в городской ансамбль регулярную застройку, продолжив развитие градостроения. Для семьи: жена графиня Елизавета Борисовна Толстая и девять детей, на собствен-

ные средства, Т.В. Кибардин построил одноэтажный дом-особняк. Изящное здание с выразительными чертами стиля модерна на Соборной улице (сегодня улица Крылова, 6), представляя историко-художественную ценность, гармонирует с городской уличной перспективой. Генеральный план города, предложенный Кибардиным Т.В., предполагал единый комплекс зданий в слаженной конфигурации площадей и улиц. Усилиями Т.В. Кибардина реконструирована городская ратуша (1911 г.), возведенная в 1597 г. как архитектурный символ приданного Витебску магдебургского права, дополняла социально-культурную значимость города ориентационными функциями. Протекающие историко-культурные процессы, характеризующиеся и хронологическими и хронологическими составляющими, в архитектурном облике актуализировали здания государственного банка и театра (не сохранились), жилые постройки, больницу духовной семинарии, возведенные в 1908–1910 гг., казармы 41-й артиллерийской бригады, производственную зону, включающую дрожжевую и пивоваренный заводы, мемориал (совместно с архитектором-неоклассиком И. Фоминым в 1911–1912 гг.) в честь победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г., дошедший до наших дней.

Геометрия биографий как реальность, не поддающаяся рациональному измерению, раскрывает семейные события, устои, взаимоотношения поколений, вырабатывая оптимальную стратегию поведения, создавая именно тот ресурс, который позволяет эффективно двигаться по жизни. Индивидуальная, неповторимая Валентина Тихоновна (1907–1988 гг.), младшая в многочисленной семье Кибардиных, родившаяся в городе М. Шагала, Ю.М. Пэна, К. Малевича, стала актрисой театра, лауреатом Государственной премии, получившей в 1951 г. звание народной артистки РСФСР. Первое артистическое признание к Валентине, успешно создавшей образ старой тетушки в школьном спектакле, пришло в 13 лет. Будущая кинозвезда, устраивала домашние концерты, разыгрывала собственные спектакли для сердобольно-строгой мамы, шаловливых братьев-сестричек, отца-архитектора, рисуемого круг без циркуля (так петербургские мастера демонстрировали профессиональную твердость руки), иронизировавшего над дочерью, что ведь артисткой надо быть красавицей, в детстве Валентина красотой не выделялась. Стильная барышня в 1924 г., окончив школу, уехала из родного Витебска в Ленинград, поступив в студию Юрьева Ю.М. при Академическом театре драмы. По окончании студии при Ленинградском театре драмы, В.Т. Кибардину пригласили в труппу ленинградского Театра Народного дома (с 1930 г. — Красный театр, раскрывшая на сцене театра раскрыла свое комедийное дарование. Но наиболее удачными актерскими работами оказались роли бытовые, характерные.

В 1934 г. кинорежиссеры Козинцев Г. и Трауберг А. предложили театральной актрисе Валентине Кибардиной роль подружки-учительницы Наташи веселого рабочего паренька с Нарвской заставы, в которую влюблены три товарища, в художественной картине вместе с легендарным актером Борисом Чирковым. Это был первый фильм трилогии о Максиме: «Юность Максима». Вторая картина — «Возвращение Максима» (1937 г.) и, третья — «Выборгская сторона» (1938 г.). Созданный образ Наташи в кинотрилогии, стал этапным для В. Кибардиной. Популяризирующим фильм, не оставившим равнодушным кинозрителя, стали, прозвучавшие с экрана, полные лиризма слова и незатейливый напев, песенные куплеты, относящиеся к жанру городского фольклора: «крутится, вертится шар (ф) голубой, крутится, вертится над головой, крутится, вертится, хочет упасть, кавалер барышню хочет украсть». Кинолента о Максиме получила зрительское признание. В. Кибардина вошла в историю кино.

Целеустремленная ученица Ю. Юрьева, актриса ленинградского Большого драматического театра во временном культурном пространстве, с изменяющимися субстанциями исторического процесса, талантливо сыграла в приключенческом фильме «Первоклассница» И. Фрэза, картине «Жизнь в цитадели», поставленной по одноименной пьесе эстонского писателя А. Якобсона, кинофильмах «Волга, Волга», «Барьер неизвестности» Н. Курихина, «Письма к живым», «Не забудь... станция Луговая», фильмах-спектаклях «Враги» М. Горького, «Разлом» Б. Лавренева, «Достигаев и другие» Н. Рашевской, но полностью ею владела театральная сцена. Ведущая актриса Валентина Кибардина, играла в спектаклях Большого драматического театра (БДТ), основанного в 1919 г. В БДТ Кибардина В. Т. прослужила с 1936 по 1966 гг. и, уйдя из театра, ушла и из профессии.

В знаково-символических и визуально-ориентированных биографиях отца и дочери Кибардиных, закономерности культурно-исторической эпохи находят выражение в событиях микро- и макропространства, и интерпретируя взаимопонимание в увязке пластов, позиций, потенциала духовной атмосферы и исторической памяти, выстраивая диалог особенностей мира личности, поколений и культур, отражая сущность человеческой природы, личностные поиски, препятствия, риски и надежды. Неразрывное единство социального и индивидуального, творческого биографий личности способствуют осознанию многих проблем, реконструируя историческую реальность произошедшего, воспроизводит многообразные социальные связи в разные периоды этапов жизненной дистанции, раскрывая многообразие отношений в их взаимовлиянии и ценностных ориентациях.

Литература

1. *Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 8: Кант-Кулі/Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мн.: БелЭн, 1999. Т. 8.*
2. *Иконникова С. Н. История культурологических теорий. СПб., 2005.*
3. *Клер Ле Фоль. Витебская художественная школа (1897–1923). Мн., 2007.*
4. *Мещеркина Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий//Социс. 2002. № 7. С. 61–67.*
5. *Памяць: Гіст.-дакументальная хроніка Віцебска. У 2-х кн. Кн. 1-я/Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. Мн.: БелЭн, 2002.*
6. <http://www.sb.by/forum/article/tri-izyashchnykh-silueta-na-serebryanoy-plastine-.html>
7. libkids51.ru/events/2013/12/04/id8

О. В. Чуракова

г. Архангельск, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) Федеральный Университет

Стратегии выживания провинциальных девушек в большом городе (по материалам высших женских курсов в Российской империи)

Вживание девушек из провинции в жизнь мегаполиса — тема вполне актуальная и дискутируемая в научных статьях, женских журналах и на сайтах Интернета. Проблема не нова: сто лет назад так же осваивали большие города российские провинциалки. В образовательном ландшафте дореволюционной России было несколько доминант, и главные из них находились в столице, куда устремлялись

девушки со всей России в надежде получить достойное образование в лучших женских вузах.

На высших женских курсах в столице России учились местные жительницы (и их жизнь не слишком менялась в период обучения) и девушки из российской провинции. Столичная жизнь давала им возможность получить образование, участвовать в политической, общественной и культурной жизни города. Однако, «гений места» Петербурга, а в особенности Петрограда (с 1914 г.), не жаловал «чужих». Молодые девушки должны были пройти «испытания на прочность» искушениями и рисками индустриально-го города, самого большого в стране (2,5 миллионов жителей к 1917 г.).

Интересно то, что анализ ценностных ориентации слушательниц ВЖК (их демонстрируют «самопереписи студентов» — «опыт самообследования» был проведен «статистическим семинарием» Бестужеских курсов) выявляет явный диссонанс в удовлетворении материальных и духовных потребностей молодых горожанок. Девушки учились, в свободное время посещали театры, публичные лекции, выставки, выписывали газеты, обменивались книгами и журналами, устраивали посиделки с друзьями и подругами, общались с преподавателями во внеучебное время. По их собственному признанию, духовные запросы курсисток удовлетворялись полностью.

Между тем, материальное положение большинства девушек было весьма нестабильным. Самыми трудными были два периода высшего женского образования, пришедшие на первое и последнее поколение курсисток. В период открытия женских вузов еще не было обществ, оказывающих помощь девушкам, вступившим на путь самостоятельной жизни, а последнее поколение курсисток училось в годы Первой мировой войны и революций. Очень трудно было пионеркам женского высшего образования. Как свидетельствовала одна из студенток, наиболее многочисленной группой курсисток, были те, что «носили название плебеек». И среди них «не много было таких счастливиц, которые бы получали ежемесячно из дому рублей 25. У большинства не было ничего, кроме собственной головы, рук и ног — и то почти постоянно занятых в академии». К чести их более богатых сокурсниц, следует отметить, что «они давали значительный вклад в общий сбор на неимущих слушательниц» [1, с. 86]. Слушательницы пытались собирать частные пожертвования, но они оказывались «микроскопическим заплатками на больших прорехах» финансового положения студенток. Не слишком большие сборы давали и благотворительные — «на взносы за неимущих слушательниц» — концерты.

Вот как описывают свой быт «одинокие пионерки, захватившие в Петербург»: «Приходилось не доедать, не допивать, иногда с утра до вечера просидеть.. с пустым желудком, и вернувшись домой, заменить обед чаем с сырром или яйцами». Не имея возможности готовить дома, девушки обедали в кухмистерских — столовых, где кормили не слишком хорошо. Одна из студенток вспоминала: «кормили такой дрянью, что, не только у меня, а даже у моей сожительницы, способной переваривать чуть не подошвы, испортился желудок». Однако, та же студента уверяет, что «относились к материальным невзгодам с той веселой иронией, которая возможна лишь в лета юности». Например, студентки так описывали свое жилье: «Меблировка богатая — кровать, стул, стол, но последний так мал, некоторые вещи валяются на полу, не имея другого пристанища. По вечерам бегают тараканы...». И шутили, рисуя еще более ужасающие сцены: «мы вернули назад хозяйке ее прекрасную перину, а то она представляла собой нечто из вроде гнезда из блох: вечером одолевают пруссаки, а ночью — скорпионы-блохи, пожалуй, к Рождеству обратят нас в мощи» [1, с. 87–88].

С самого начала открытия высших женских учебных учреждений государство самоотрицательно от финансирования большинства курсов. Эту задачу взяли на себя сами студентки (обучение было платным) и общественные организации: например, Русское женское взаимно-благотворительное общество, Общество доставления средств Высшим женским курсам, частично — женские партии: «Союз равноправности женщин», «Женская прогрессивная партия» и «Российская Лига равноправия женщин».

Несколько лучше было положение курсов, имеющих богатых патронов. Например, поддерживали женское образование принц П. Г. Ольденбургский, Женское императорское патриотическое общество 1812 г., ведомство императрицы Марии. Однако, причислять данные учебные институты к высшему образованию было бы не совсем верно.

Ситуация с высшим женским образованием осложнилась в период Первой мировой войны, когда финансовое положение всех вузов, даже таких сильных, как Бестужевские курсы, резко ухудшилось. ВЖК в Петрограде вынуждены были отдать под доходные дома свои общежития, будучи не в состоянии их содержать. В обстановке общего кризиса снизился жизненный уровень курсисток, что привело к явному кризису гендерной идентичности петербургских жительниц. Хроническая финансовая нужда, «квартирный вопрос», дефицит продуктов питания и топлива, чудовищная инфляция, необходимость иметь заработок, — все это приводило к физическим и психологическим перегрузкам и профессиональным заболеваниям — «академическому травматизму».

Помогло «удержаться на плаву» студенткам то, что к этому времени на Бестужевских курсах было несколько фондов, способных оказывать материальную помощь. Курсистки могли получать либо беспроцентные и бессрочные ссуды, либо стипендии. Например, выдавал пособия Совет профессоров. Капитал Совета складывался «путем вычета из жалования профессоров и преподавателей» (2100 р. в 1915—16 гг.) и из процентов с капитала доктора Петрова (капитал составлял 24460 р.) Так, из «сумм Совета профессоров» в 1915—1916 уч. г. было выдано 107 курсисткам 3250 р. Помогало приехавшим из провинции курсисткам «Общество вспомоществования слушательницам». В 1915—1916 уч. г. оно уплатило за слушание лекции 105 девушками 2750 р. Кроме того, Комитет Общества для доставления средств Высшим женским курсам» в том же году выдал 68 стипендий по 100 р. [2, с. XI]. Старшекурсницам руководству курсов предоставляло льготы, чтобы дать возможность завершить образование. Слушательницам, оплатившим 8 семестров (и у которых были зачтены все семинарии!), в 9 семестре разрешали сдавать экзамены бесплатно [3, с. 74].

Помогло выжить девушкам в ужасающей обстановке всеобщего кризиса и поддержка старших товарищей: профессора не только не покинули ВЖК, но и помогали студенткам морально и материально (например, делилась деньгами и продуктами с украинками д. и. н. А. Я. Ефименко). Кроме того, в начале XX в. девушки из провинции научились жить в больших городах коммунарами (что не практиковалось в XIX в.), — такая академическая и жизненная солидарность помогала выстоять, не бросить учебу.

Таким образом, несмотря на сложности различных периодов существования высших женских курсов, провинциальные девушки смогли найти механизмы адаптации к жизни в больших городах, выстроить собственные коммуникативные практики. Их политические, социальные, гендерные установки менялись в зависимости от ситуации в стране и мире, однако, даже в кризисные моменты истории девушки России сумели

не потерять те «внутренние ценности», которые были «внесены в женскую среду новыми формами жизни» (А. Тыркова) [4, с. 6–7].

Литература

1. Некрасова Е. *Из прошлого женских курсов*. Москва: издание типографии А. А. Карцева., 1886.
2. *Отчет Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам*. Пг., Типография А. Э. Коллинс, 1916.
3. *Справочная книжка для слушательниц Петроградских Высших Женских курсов 1916–1917 академический год*. Пг., ПВЖК, 1916.
4. *Труды I Всероссийского съезда по образованию женщин*. В 2 т., Т. 1, СПб. б/и., 1914.

С. Д. Багдасарян

г. Сочи, Сочинский Государственный Университет

Место женщины в традиционной повседневной культуре юга России в 1920-е годы

Роль женщины, как носителя черт традиционной повседневной культуры в крестьянской среде исторически имела четкую гендерную ролевую позицию в патриархальном семейном укладе. Исторический дискурс позволяет осветить проблему заполнения лакуны — традиционная роль женщины в крестьянской культуре в условиях неорганической модернизации советского строительства новой модели социальных ролей в семье и обществе.

Крестьянская традиционная культура обладает механизмом сохранения и передачи из поколения в поколение черт, по которым и определяется этническая принадлежность. Культурная доминанта крестьянского мира несет в себе взаимосвязь выполнения трудовых обязанностей с творчеством, домашние заботы с досугом и праздниками. В этом плане ценностно-ориентационный, социально-значимый вектор праздничная культура выполняла в любую историческую эпоху, содействуя культурной самоидентификации индивидов, интегрированию в культурное пространство, и наиболее важную роль транслятора играла женщина, бабушка, мать, жена, сестра, дочь.

1920-е гг. представляют особый научно-исследовательский интерес в изменении гендерных ролей, столкновение традиционных, патриархальных устоев роли женщины в семье, обществе, государстве с советским идеологическим революционным видением места женщины в построении коммунистического общества. Эта новая векторная идиома для всей традиционной крестьянской культуры закреплена в нормативно-правовой базе Советского государства: первый кодекс о актах гражданского состояния 1918 г., декрет об отмене усыновления, семейном кодексе 1926 г. РСФСР. До революционных потрясений крестьянская культура юга России сохраняла старые устои семейных ценностей, при этом полиэтничность мира Северного Кавказа, Причерноморья не нарушала разные культурные миры, в них во всех женщина играла важнейшую роль с одной стороны хранительницы очага, воспитателя подрастающего поколения, сохранения меж родственными связями, кровных уз. Но для такой крестьянской традиционной культуры не было места новой социальной роли женщины-политика, женщины-руководителя, ведь гендерная роль женщины в крестьянской семье подчиняться миру мужчины.

Советская модернизация 1920-х годов, несмотря на присущий ей радикализм, оказалась не способна сразу полностью изменить социальную роль женщины в крестьянской традиционной культуре, быте, досуге. И особенно это проявлялось в религиозной праздничной культуре, наибольшую приверженность которой демонстрировали крестьянки, что являлось следствием, как их образовательного уровня, приниженного социального статуса, так и особенностей женского темперамента и психологии. Религиозная праздничная культура несла в себе для крестьянского мира, особенно женского, возможность отдыха от тяжелого повседневного хозяйственного быта, а предложенная советская праздничная культура противопоставила новую парадигму — политизированного, мало понятного праздника. Указанная функция знаменательных дат «красного календаря» обладала наибольшей важностью именно в 1920-х гг., когда новый политический режим еще был неустойчив, особенно в деревне, где позиции коммунистической идеологии были не так прочны.

С другой стороны, советские торжества отличались от сельских религиозных праздников своей «непраздничностью». Революционные мероприятия демонстрировали общую «деловитость и торжественность». [1] Конечно, праздничные дни «красного календаря» тоже, как и раньше, были нерабочими. Но, важнейшей целью устраивавшихся в эти дни торжественных мероприятий выступал отнюдь не отдых, а пропаганда и агитация, направленные на укрепление просоветских настроений среди населения.

В данном случае, показательной представляется разработанная сотрудниками Северо-Кавказского агитпропа в 1926 г. программа празднования 8 марта — Международного дня работниц. Программа предполагала проведения праздника «с привлечением широких масс работниц и крестьянок, а в деревне местной советской интеллигенции, в первую очередь учительниц» [2, с. 40]. Сами торжества по случаю 8 марта в деревне мыслились сотрудниками Северо-Кавказского агитпропа как череда торжественных заседаний и митингов. Как видим, в праздничной программе предусматривалось все, что угодно, кроме непосредственно праздника. Были запланированы различные заседания, собрания, сходы, демонстрации, митинги, выпуск учащихся школ ликбеза, организация женских коллективных хозяйств. Однако не планировалось никаких народных гуляний, никаких театральных представлений, киносеансов и т. п. Как отмечают исследователи А. П. Скорик и М. А. Гадицкая, согласно материалам Ставропольского окружного колхозсоюза, 8 из 18 женских колхозов, существовавших в округе к исходу 1920-х гг., были сформированы именно как подарок советской власти на праздник 8 марта. [3]

Наиболее же важной причиной затрудненности советизации крестьянской праздничной культуры в 1920-х годов нам представляется сохранение традиционного уклада жизни в доколхозной деревне, и в этом большую роль играла женщина. Поэтому, на всем протяжении 1920-х годов официально одобренные советские праздники занимали отнюдь не самые широкие и прочные позиции в жизни крестьянства, заметно проигрывая в популярности церковным торжественным ритуалам.

Литература

1. План празднования 8-го марта//Молот. 1926. 2 марта.
2. Скорик А. П., Гадицкая М. А. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д., 2009. С. 40.
3. ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 7, л. 14.

Советское строительство в Татарской АССР в 1920–1940-е годы (к региональной историографии женского вопроса)

В историографии женского вопроса можно выделить несколько направлений, из них приоритетным долгое время являлось изучение роли женщин в общественном движении. Анализ республиканской литературы по заявленной теме позволил выявить место и роль женщины в социалистическом строительстве в Татарской АССР в период становления и укрепления советской государственности, а также в годы Великой Отечественной войны.

Специальная разработка данной проблемы была начата в регионе В. Н. Смирновой в 1960-е годы [10]. В ее работах, написанных на широком круге источников и основательной фактографической базе, вышедших в 1970-е годы, рассматривается положение женщин на ранних этапах советской истории, их участие в борьбе за власть советов и формы партийной работы среди женщин [7, 10, 12]. В 1960-е годы впервые были изучены трудовые подвиги женщин Татарстана в промышленности в годы Великой Отечественной войны [3].

Тема активизации деятельности трудящихся женщин в общественном производстве страны 1920–1930-х гг. продолжена в диссертационных исследованиях Т. А. Биктимировой и К. С. Идиатуллиной, опубликованных в начале 1980-х годов [2, 4]. Заметим, что поворот к исследованию темы «женщина в советском строительстве» был неслучаен. Восстановительный период, отягченный не только огромными разрушениями времен гражданской войны, но и стихийными бедствиями — засухой, голодом, лесными пожарами, усиленное внимание партии к женщине как неистощаемому ресурсу рабочих рук, волей-неволей вынуждал женщин втягиваться в промышленное производство [2].

В региональной историографии 1990-х — начала 2000-х годов вопросы участия женщин в социалистическом строительстве республики в основном носили эпизодический характер. Так, характеризуя трудовую активность и трудовой героизм рабочих казанцев в восстановительный период, авторы «Истории Казани» отмечали, что «в числе новаторов промышленного производства были и женщины». В качестве доказательства повышения роли женщины в общественной жизни и на производстве приводились растущие показатели численности работниц, получивших звание «Герой труда», сравнительные данные женщин, участниц фабрично-заводского строительства накануне и в ходе индустриализации и т. п. [5, с. 85, 101–102, 110–111, 133]. Чаще в работах упоминали о более активном привлечении женщин на фабрики и заводы в связи с развитием промышленности в ТАССР, связывая данную тему с расширением системы дошкольных учреждений [см., напр.: 8, с. 177].

Выводы о постепенном увеличении доли женщин — советских служащих, квалифицированных рабочих и специалистов в структуре городского населения ТАССР на протяжении 1920-х годов сделаны в монографии Л. К. Каримовой. Интересно, что наряду с сугубо женскими профессиями (прачки, няни, уборщицы и т. п.), выделенными на основании данных переписи 1926 г., автор показывает, пусть ничтожно малую, но все же наличествующую долю женщин среди руководящего, юридического и технического персонала, требовавшего высшего либо специального образования [6, с. 94–97].

В коллективном труде, посвященном участию профсоюзов в становлении советского общества, представлены биографии женщин — организаторов профсоюзного движения, одновременно занимавшихся руководством женотделов в кантонах республики [9, с. 262–263, 283, 296].

Неотъемлемой частью всех работ, проделанных казанскими исследовательницами, стали вопросы, касающиеся участия горожанок в вопросах охраны детства и материнства, в решениях проблем беспризорничества. В частности, в период голода, охватившего Татарскую АССР в 1921–1923 гг., жительницы Казани инициировали различные акции и кампании по оказанию помощи детям голодающих кантонов республики. Представительницы женских советов еженедельно проводили большую работу в сфере охраны материнства и детства, определяя беспризорных в детские дома, оказывая помощь матерям в получении детских продуктовых карточек или пайков; в выделении мест для больных детей в больницах города и т. п. [См. подробнее: 13].

Среди региональных исследований постсоветского периода заметно выделяется монография А. Ш. Асылгараевой (Кабировой), посвященная татарстанским женщинам и их ежедневному вкладу в дело Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [1] Автор не ограничивается демонстрацией массового вовлечения женщин в общественное производство. Используя широкую репрезентативную базу источников и материалов, новейшие подходы и методы исследования А. Ш. Асылгараева (Кабирова) поднимает совершенно новые аспекты женской истории в годы военного лихолетья.

В целом скажем, что история женщин выполняет важнейшую когнитивную (мыслительную) функцию. Целостное же осмысление региональных исследований об участии женщин Татарстана в социалистическом строительстве 1920–1940-х гг. является несомненным вкладом в историографию советской «женской истории» в масштабах страны.

Литература

1. Асылгараева (Кабирова) А. Ш. *Женщины Татарстана на фронте и в тылу*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995.
2. Биктимирова Т. А. *Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по вовлечению женщин в социалистическое строительство (1921–1926 гг.): Автореферат дис. канд. ист. наук*. Казань, 1982.
3. Вовченко Г. Л. *Коммунистическая партия — организатор трудовых подвигов советских женщин в промышленности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): (По материалам партийной организации ТАССР): Автореферат дис. канд. ист. наук*. Казань: [б. и.], 1961.
4. Идиатуллина К. С. *Деятельность партийных организаций автономных республик Среднего Поволжья по вовлечению женщин в промышленное производство в период социалистической индустриализации (1926–1937 гг.): Автореферат дис. канд. ист. наук*. Казань, 1981.
5. *История Казани*. Кн. 2. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.
6. Каримова Л. К. *Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е гг.: социально-демографический анализ*. — Казань: ООО «Издательский дом Маковского», 2010.
7. Махмутова А. Х., Смирнова В. Н. *Женщины в общественно-политической жизни края в первые годы Советской власти//Очерки по истории социалистического строительства в Поволжье*. Казань, 1974. С. 31–54.
8. *Мы — волжане! Из прошлого и настоящего города Зеленодольска и Зеленодольского района Республики Татарстан*. — Казань: Изд-во «По городам и весям», 2005.

9. Профсоюзы Казанской губернии (1917–1920 гг.)/Под общ. ред. Водопьяновой Т. П. Казань: ООО «Издательский дом Маковского», 2012.

10. Смирнова В. Н. Женский вопрос на демократическом и социалистическом этапах революции (Женщины Татарии в революции и гражданской войне): Автореферат дис. докт. ист. наук. Воронеж, 1971.

11. Смирнова В. Н. Женщины Татарии в борьбе за власть Советов. — Вып. 1. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.

12. Смирнова В. Н. Женщины Татарии на трудовом фронте в период гражданской войны. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973.

13. Ханипова И. И. Женщины Татарстана в строительстве «нового мира» (начало 1920-х годов)//Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г. Архангельск.: В 3-х томах/Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, Т. И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 142–146.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16014 ОГОН

И. В. Спасенкова

г. Вологда, Вологодский государственный университет

Традиции и новации в практике имянаречения в советском городе в 1920–1930-е годы (на материалах г. Вологды)

Практика выбора имени представляется одной из наиболее традиционных констант этнической культуры. В условиях так называемой «спокойной повседневности» эта практика рассматривается как подтверждение устойчивости традиции. Однако интересным представляется анализ данной практики в периоды трансформации, ломки повседневной культуры. Именно таким нестандартным и является период 1920-х — 1930-х годов.

В рамках данной статьи появилась возможность уяснить степень традиционного и новационного при выборе имени в один из сложных периодов в развитии советского общества в 1920-е — 1930-е годы.

Как известно, правовое поле семейно-брачных отношений формировало свободу не только в вопросах заключения и расторжения брака, но и регулирования внутрисемейных устоев (таких как выбор имени, фамилии и пр.).

Традиции имянаречения одни из самых прочных в характеристике ценностных ориентиров этничности, однако и они были затронуты постреволюционным лихолетьем, и следовательно фрагментарно разрушены.

Исследование построено на довольно редких материалах — сведениях о регистрации детей в органах ЗАГС по Вологодской области. Нами были изучены абсолютно все записи по г. Вологда за период 1929–39 гг. Выбор периода обусловлен наличием и сохранностью документов. Источники такого рода впервые вводятся в научный оборот. Все статистические и иные сведения, приводимые нами, являются суммированным результатом анализа использованных источников, что позволяет нам отказаться от ссылок на конкретные дела и листы.

Сама процедура регистрации предполагала внесение сведений о родителях, их социальном положении и профессии, месте рождения и жительства. Обращает на себя внимание тот факт, что регистрация детей была довольно поздней — более 2–3 месяцев после рождения. Есть и факты более расширенных сроков регистрации — до 7–12 месяцев после рождения. Источник несет в себе много скрытой информации, выявление и обработка которой дает возможности выявить некоторые закрытые стороны городской повседневности постреволюционной эпохи.

Обращаясь к изучению данной проблемы, важным представляется уяснение как общего набора (номенклатуры) имен, так и выявление традиционных и т.н. «новых». К числу последних можно отнести как заимствованные (интернированные), так и «неологизмы» революционной эпохи, в том числе не присутствующие в святцах. При анализе учитывалась и национальность родителей.

При общем анализе имен, даваемых девочкам и мальчикам, нами установлены следующие: в 1929 г. — на 712 зарегистрированных мальчиков приходится 103 имени, на 659 девочек — 123 имени, в 1939 году — на 692 мальчиков — 67 имен, на 671 девочку — 101 имя. Эти показатели свидетельствуют с одной стороны о большем разнообразии имен девочек, а с другой стороны — о некоторой стабильности и повторяемости в общем наборе имен. К концу изучаемого периода, набор имен становится менее разнообразным. На наш взгляд, эти изменения связаны в большей степени с угасанием тяги к новому в практике имянаречения, возникшей в 1920-х гг., когда имя, выбранное родителями, явным образом выбивалось из традиционного ряда.

При выявлении абсолютных показателей появилась возможность определить и так называемые «волны популярности» имен. Так, наиболее популярными мужскими именами у горожан в конце 1920-х являются Юрий (86), Владимир (80), Николай (43), Борис (38), Виктор (33). Среди женских — Тамара — (48), Маргарита (43), Галина (43) Нина (39), Ирина (37) в конце 1930-х — Владимир (104), Валерий (61), Юрий (86), Николай (34), у девочек — Галина (61), Маргарита (54), Татьяна (44), Нина (38), Римма (21). Вместе с тем, очевидны и исчезновения некоторых крайне популярных ранее имен. Так, крайне редки случаи таких имен, как Иван, Федор, Василий, Петр, Мария, Анна, Анастасия и др.

В условиях ломки традиционного в первые постреволюционные десятилетия возникла еще одна новация в виде так называемых «революционных» имен. Среди новых, «революционных» имен выявлены следующие мужские имена — Октябрьин, Энгельс, Рэм, Ким, Владлен и др., женские — Коммунара, Гертруда, Рева, Люция, Идея, Октябрина, Сталина, Энергина и др. Доля последних не столь велика. Так, в 1929 г. — из 712 зарегистрированных мальчиков только 16 названы нетрадиционно, из 659 девочек — 23 соответственно. К 1939 году ситуация меняется кардинально. Из 692 мальчиков названы революционными именами только 5 человек, из 671 девочек — 8. Данные факты еще раз доказывают традиционализм при выборе имени, а значит и силе этничности в целом. Еще один факт, убедительно доказывающий фрагментарность явления, это отсутствие повторяемости этих имен. Как правило, все выявленные «новые» имена встречаются по одному разу.

Нами предпринималась попытка определить некоторые ориентиры при выборе имени. Конечно, при использовании данного источника подобная задача решается весьма условно, вместе с тем, можно сделать несколько наблюдений.

Так, очевидным стал факт традиционной аналогии, когда при регистрации идет сплошное повторение одних и тех же имен в регистрационных делах. Причем, как

правило, это не столь популярные имена, например, повторяемость таких имен как Эмма, Герман, Арнольд и пр. Другой, не менее явный пример — выбор имени по известным личностям. Такие имена, как Владимир, Феликс, Лев и др. Есть и примеры исключительности, когда имя «выбивалось» из традиционного окружения, становилось непохожим с другими, например, Эдмунд, Гусман, Критерий, Эсмиральда, Сайда, Ядвига, Идиллия и др.

Одно из важных доказательств бытования традиции в русских православных семьях — выбор имени в соответствии со святыми. Конечно, данный источник не может быть абсолютно репрезентативен в этом вопросе, вместе с тем, нами выявлены подобные случаи, подтверждающие сохранение данной практики.

Анализ этнического состава семей показал следующее. В 1929 г. — кроме русских выявлено 32 национальности, в 1930–17, 1939–16. Общее число многонациональных семей, зарегистрировавших своих детей было не значительным. Так, в 1929 зарегистрировано 68 человек из 1380, 1930–131 из 1752 человек, 1939–204 из 1363 человек. Доля традиционных национальных имен крайне мала. Особенно это заметно в смешанных семьях, где откровенно просматривается русифицированное этническое влияние. Исключение составляют только еврейские и татарские семьи. Вместе с тем, среди интернированных имен в русскую практику имянаречения явно преобладают немецкие. Кроме выбранного имени часто русифицируется и отчество, например, при регистрации отца — Гирша, отчество ребенку дается — Григорьевич.

Иллюстратором того времени были ошибки и неточности, допускаемые при регистрации: вместо Олег — Алег, Инна — Ина, Эдуард — Эдуарт, Валерий — Алерий и др. часто в регистрации встречаются и упрощенные, разговорные варианты имени. Ира, Лена, Рита вместо Ирина, Елена, Маргарита. Другой факт — это разночтение в данном, как правило, новом имени. Так, в регистрационных листах встречаются Нелли, Нэля, Нинель и др.

Л. Н. Пивоварова

*г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал)
Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»*

Старый Оскол — город трех Всесоюзных ударных комсомольских строек, как результат самоотверженного труда юношей и девушек Советского Союза

Старый Оскол — город трех Всесоюзных ударных комсомольскихстроек, выросший в своем современном облике как результат самоотверженного труда тысяч и тысяч молодых посланцев из многих союзных республик тогдашнего Советского Союза, прибывших в наш город по комсомольским путевкам.

Старооскольцам есть чем гордиться: впервые на КМА в нашем районе была начата промышленная добыча железной руды, началось комплексное освоение богатств Курской магнитной аномалии. Старый Оскол относится к числу ведущих горнометаллургических центров страны, входит в число наиболее динамично развивающихся городов России.

В Старом Осколе был построен первенец бездомной металлургии — Оскольский электрометаллургический комбинат (ОЭМК). Он расположен вблизи крупных месторождений высококачественных железных руд.

Естественно, одну из ведущих ролей в годы строительства новых микрорайонов Старого Оскола и сооружения объектов ударных комсомольских строек играла многотысячная комсомольская организация нашего города. Ведь ударные комсомольские стройки всегда отличались не только высокими темпами работы, но и более лучшей организацией труда, культурой производства. Они стали подлинными лабораториями, своеобразными полигонами для испытания всего нового, прогрессивного, чем располагала в то время современная наука и техника. На их базе проводились сложнейшие социально-экономические эксперименты по созданию устойчивых комсомольско-молодежных объединений с общественным самоуправлением. Для молодежи ударные комсомольские стройки стали экзаменом на прочность характера, возможностью утвердить себя, полнее раскрыть свои способности, ощутить великую силу трудового коллектива.

Ударные комсомольские строительные отряды сыграли важную роль в сооружении народнохозяйственных объектов, способствуя концентрации на них больших масс молодых строителей. Миллионам юношей и девушек они помогли овладеть профессиями, получить трудовые навыки, сформировать личности.

Только в 1974–1977 гг. 245 важнейших строек, которые определяли развитие основных отраслей народного хозяйства, стали именоваться Всесоюзными ударными комсомольскими. Основой отрядной комсомольской жизни явились — добровольность формирования и самоуправление, взаимопроникновение хозяйственной деятельности с идейной работой среди местного населения, а также строгая сознательная дисциплина и ответственность. У бойцов стройотрядов воспитывалось уважение к чужому труду, чувство долга и самостоятельность. Эти славные традиции помнят и сегодня.

В 1974 г. было подписано соглашение о сотрудничестве при создании в СССР металлургического комбината на базе процесса прямого восстановления железа с группой германских фирм «Зальциттер», «Корф-Шталь АГ», «Фридрих Крупп», «Сименс», «Демаг». В 1975 году подписано постановление Совета Министров СССР № 821 «О строительстве Оскольского электрометаллургического комбината», а уже в ноябре 1982 года в цехе окомкования Оскольского электрометаллургического была получена первая промышленная продукция — окисленные окатыши.

21 января 1976 г. Постановлением ЦК ВЛКСМ сооружение ОЭМК было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Сюда ехали юноши и девушки со всех концов огромной страны. Жилыми вагончиками была усеяна огромная площадка на бескрайнем поле. Даже те строители, которые вбивали колышки с надписью: «Здесь будет ОЭМК» на закладке фундамента его первых производственных корпусов, не представляли всей грандиозности проекта строящегося первенца отечественной бездоменной металлургии — Оскольского электрометаллургического комбината.

В соревнованиях строителей ОЭМК в 1982 году участвовали 93 процента всех работающих, 58 процентов из 13-тысячного коллектива строителей — комсомольцы и молодежь ПСМО «Электрометаллургстрой».

16 июня 1976 г. состоялся III пленум Старооскольской городской комсомольской организации, который поставил конкретные задачи перед комсомольцами и молодежью по строительству первой очереди Оскольского электрометаллургического комбината, объектов жилья и соцкультбыта, микрорайона «Новый город».

Вся организационно-политическая и воспитательная работа комсомольских организаций этого периода была направлена на участие комсомольцев и молодежи в массовом движении под девизом: «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых!» Подтверждением и признанием высоких достижений в комсомольском соревновании стало избрание делегатом на XVIII и XIX съезды ВЛКСМ от комсомольской организации Старого Оскола — бригадира СУ-32 ПСМО «Электрометаллургстрой» Н. И. Шевченко. Ему было доверено на основной площадке ОЭМК заложить первый кубометр бетона в основание механоремонтного цеха. Члены бригады избрали его группкомсоргом, а затем он самостоятельно возглавил комсомольско-молодежную бригаду, которая ударно трудилась на возведении объектов ОЭМК.

В этот период шесть комсомольцев стали Лауреатами премии Ленинского комсомола. Первым в этом списке стоит имя Виктора Сергеевича Туркова — бригадира комсомольско-молодежной бригады СУ-6 ПСМО «Электрометаллургстрой», делегата Всемирного фестиваля молодежи и студентов на Кубе. Бригада В. С. Туркова — один из первых комсомольско-молодежных коллективов, применивших в строительстве бригадный подряд. Двум бригадам этого же объединения — Николая Ивановича Шевченко и Вячеслава Михайловича Трусова — также было присвоено звание Лауреатов премии Ленинского комсомола.

Примечательно было и то, что в строительстве Оскольского электрометаллургического комбината принимали участие многонациональные бригады. Здесь работали представители 38 наций и народностей нашей страны и стран социалистического содружества. На строительстве ОЭМК было широко развито наставничество. Например, в бригаде маляров СУ-39 «Электрометаллургстрой» ударно трудилась комсомолка Ольга Петрович. Под руководством своих старших товарищей она быстро освоила специальность, успешно окончила курсы повышения квалификации, стала Ударником коммунистического труда, была избрана бригадиром. Коммунисты приняли ее в свои ряды и оказали большое доверие, избрав членом Белгородского обкома партии.

ОЭМК строили не только строители и монтажники. Вносили свой вклад в это грандиозное дело и другие комсомольские организации города. В субботниках, которые неоднократно организовывал Городской комитет ВЛКСМ в будущем сталеплавильном цехе комбината, участвовали предприятия торговли, общепита, привлекались учащиеся школ, училищ и техникумов города.

ЦК ВЛКСМ непосредственно влиял и направлял ход комсомольской стройки через свой штаб, который вначале базировался в Белгороде, а затем в Старом Осколе. Официальное его название — Штаб ЦК ВЛКСМ на КМА по Белгородской области. Штаб в то время возглавлял заведующий отделом рабочей молодежи Центрального комитета комсомола. Деятельностью штаба непосредственно на месте руководил его заместитель. Первым таким местным руководителем штаба был Валерий Васильевич Пучков, затем его сменил Виктор Митрофанович Попов и далее — Николай Васильевич Доронин.

К своим обязанностям Доронин Н. В. приступил в особо напряженный период, когда вовсю кипела работа на пусковом комплексе ОЭМК. Это — электросталеплавильный цех, а затем прокатный стан — 700. Внимание всей Белгородчины, всей страны, ЦК КПСС, Правительства СССР, ЦК ВЛКСМ было приковано к возведению этих объектов. Н. В. Доронин вспоминает: «Главная задача нашего штаба была в том,

чтобы обеспечить координацию действий всех молодежных коллективов, которые работали на ударных объектах Курской магнитной аномалии».

Проблемы, которыми ежедневно занимались работники штаба, делились на две части — прежде всего, это обеспечение четких поставок оборудования и материалов предприятиями, где они изготовлялись, и — контроль за бесперебойным снабжением управлений, бригад и звеньев строительными смесями, бетоном и раствором. Основное оборудование для строительства ОЭМК поставляли около 20 иностранных фирм, но выполнялось заказы по поставке оборудования и советскими предприятиями, например, заводом-гигантом «Уралмашем».

Штаб ЦК ВЛКСМ со всеми предприятиями-поставщиками поддерживал очень тесный контакт. «Был такой почин: — «Заказам Курской магнитной аномалии (КМА) — зеленую улицу!». Если у какого-то завода или фабрики срывался наш заказ, мы писали туда письма, обращения, и практически всегда все наши просьбы удовлетворялись положительно. Даже когда нужно было ускорить поставки на несколько недель, мы находили поддержку у комсомольских организаций этих предприятий» — вспоминает Доронин Н. В.

Важным направлением работы штаба была организация соревнования среди участников стройки. Здесь самым активным образом штабисты сотрудничали с журналом ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист».

Журнал старался найти эффективные формы стимулирования участников трудового состязания. Эффективным стимулом стало соревнование на приз журнала «Красная гвоздика». Главный приз — это цветок, сделанный из хрусталя мастерами Гусь-Хрустального завода, был переходящим. Вручался он по результатам соревнования среди пяти направлений производственной деятельности — общестроительных, монтажных организаций; организаций, занимающихся строительством жилья, промышленных объектов и среди коллективов транспорта. За приз «Красная гвоздика» всегда шла жаркая борьба. Многие бригады, завоевавшие этот приз, затем добивались еще больших высот. Главный редактор журнала Зорий Грантович Апресян, заместитель редактора Владимир Николаевич Кузин, заведующие отделами редакции ежеквартально бывали в Старом Осколе, поводили итоги соревнования, вручали переходящие призы. Кроме того, передовикам соревнования вручались бесплатные путевки на отдых в международные молодежные лагеря.

Комсомольский штаб активно сотрудничал с Димитровским коммунистическим союзом молодежи Болгарии. В Старом Осколе действовала организация молодых болгарских строителей, которую возглавлял секретарь Александр Кутрянов.

На Штабе лежала координация решения вопросов, связанных с приемом и размещением сотен бойцов ударных комсомольских отрядов, прибывавших на стройку из союзных республик страны — Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана. Задача Штаба состояла и в том, чтобы встретить посланцев республик, помочь им в профессиональной ориентации, помочь организовать быт и досуг, закрепиться на новом месте в условиях громадной, динамичной стройки. Эти вопросы Штаб очень успешно решал совместно с комитетом комсомола ОЭМК.

Геннадий Жданов, секретарь комитета комсомола ОЭМК вспоминает:

«В 1981 году меня избрали секретарем комитета комсомола ОЭМК. Коллектив был молодой, средний возраст 26 лет. Все веселые, уверенные в светлом завтрашнем дне. На площадке ОЭМК началось строительство основных цехов. Большинство из комсомольцев активно занимались спортом. Проводили соревнования

по волейболу, баскетболу, футболу. В Старый Оскол на ударную комсомольскую стройку начали приезжать многочисленные стройотряды со всех концов Советского Союза. В настоящее время около 80 процентов, прибывших на Ударную комсомольскую стройку в те годы, уже давно покинули наш край. Остались те, кто ехал строить не только завод, но и свою жизнь. Сейчас я сталевар с большим стажем работы. Занимаюсь делом, которое мне по душе. У меня никогда не возникало желания уйти туда, где легче, для меня ОЭМК — это часть жизни. Я добился того, о чем мечтал в юности».

Сегодня благодаря поколению энтузиастов Всесоюзных ударных комсомольскихстроек Россия укрепляет свою экономическую силу, военную мощь и отстаивает национальные интересы государства.

В настоящее время ОАО ОЭМК является наиболее современным крупнейшим металлургическим предприятием. Уникальные потребительские свойства обеспечили продукции комбината устойчивый спрос на рынках России, СНГ и дальнего зарубежья. Основными потребителями металлопродукции ОЭМК на российском рынке являются предприятия автомобильной, машиностроительной, трубной, мезишной и подшипниковой промышленности.

Работой оскольских металлургов по праву гордится каждый белгородец. Металлопродукция ОЭМК экспортируется в Германию, Францию, США, Италию, Норвегию, Турцию, Египет и многие другие страны. Комбинатом освоено производство сортового проката для изготовления изделий, используемых ведущими мировыми автомобилестроителями. Велика роль ОЭМК в развитии нашего региона.

Сегодня комбинат продолжает динамично развиваться, сохраняя лучшие традиции. У него достойная история, крепкое настоящее и уверенное будущее. Такие предприятия — успешные и сильные — опора России и ее надежда.

Литература

1. Вербкин В. А. *Сквозь годы труда и сражений (к 90-летию ВЛКСМ). Старый Оскол: «Старооскольская типография», 2008.*
2. Гильман Л. Я., Овчинников В. В. *Старый Оскол. Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2007.*
3. Евсюков Е. Н., Евсюкова Ю. Е. *Время выбирает сильных. Старый Оскол: «Ямская степь», 2010.*
4. Косинов В. *Лицом к лицу с Россией. Старый Оскол: «Старооскольская типография», 2000.*
5. Кудрявцев В. С. *Рассказы металлурга. Белгород: Облтипография, 1997.*
6. Куцев Г. *Молодежь и молодые города. М.: «Молодая гвардия», 1977.*
7. Лысов В. *Мы — интернационалисты//Октябрьские зори. 1982. 18 мая.*
8. Никулов А. П. *Старый Оскол. (Историческое исследование Оскольского края.) Курск: ГУПП «Курск», 1997.*
9. ОЭМК: *Формула успеха. (Художественно-публицистический сборник). Белгород: «Белгородская областная типография», 2009.*
10. *Школа оскольских металлургов: 25 лет СПЦ. Белгород: «Белгородская областная типография», 2009.*
11. Щербина Г. *На переднем крае пятилетки//Оскольские зори. 1984. 12 июля.*

Спортизация городской жизни приволжского города в 1940-е — середине 1950-х годов: гендерный аспект

С начала 1930-х годов советская власть все большее внимание уделяет развитию физической культуры и спорта среди граждан. В процесс спортизации, т.е. массового вовлечения населения в занятия физкультурой и спортом, включаются широкие слои в независимости от статуса, профессии, пола и возраста. Важными участниками это процесса становятся девушки, которым отводится серьезная роль, что нашло свое отражение даже в изобразительном искусстве.

Период 1940-х — середины 1950-х годов был очень сложным для Советского Союза, и многие функции, традиционно считавшиеся мужскими, взяли на себя женщины. Однако в сфере физической культуры и спорта ситуация принципиально не менялась. Женщины, активно участвовавшие в процессе спортизации населения в 1930-е годы, продолжают участвовать в этом процессе и в последующие десятилетия. В годы Великой Отечественной войны физкультурников в тыловом Куйбышеве было немного. Если рассматривать гендерный аспект, то стоит отметить небольшой перевес женщин — 52% среди всех физкультурников. Даже окончание войны и возвращение фронтовиков не сильно изменило отношение. Так, летом 1945 г. процент женщин в общем количестве физкультурников составлял 48. Даже серьезные социальные и демографические изменения, произошедшие в 1945 г. не повлияли на общую тенденцию развития физкультура и спорта в регионе. Лишь в последующие годы процент женщин от общего числа физкультурников стал постепенно снижаться.

Наиболее заметны различия в гендерном аспекте развития физической культуры и спорта в городе, если рассматривать различные добровольные спортивные общества (ДСО). Различия были связаны со спецификой общества. Так, в ДСО «Большевик», представленном работниками суда, прокуратуры и политпросветучреждений, заметно преобладали женщины — 65%, а в ДСО «Трудовые резервы», представленном учащимися средних профессионально-технических учебных заведений, женщины составляли всего 27%. Наиболее показательным можно назвать ДСО «Буревестник», представленный студентами и позднее преподавателями — здесь процент занимающихся физкультурой женщин колебался от 40 до 45.

Другими важными моментами, демонстрирующими активную вовлеченность женщин в процесс спортизации, является процент женщин среди штатных сотрудников и их участие в соревнованиях и физкультурных праздниках. В рассматриваемый период процент женщин штатных сотрудников был в районе 40, что является очень важным именно в оценке влияния на физкультурные процессы, происходившие в городе, организацию спортивных мероприятий в городе. Женщины активно включались в соревновательную деятельность. Хотя и существовали различия по гендерному аспекту — соревнования мужские и женские, количество выступавших в этих двух категориях принципиально не отличалось. Иногда, как, например, на зимней спартакиаде ДСО «Медик» в 1953 г., женщин, участвовавших в соревнованиях, было больше, чем мужчин.

Таким образом, процесс спортизации, начатый советской властью и подхваченный советским народом, в 1940-е — середине 1950-х годов характеризовался в целом ра-

венством именно в гендерном аспекте. Женщины имели возможность быть членами добровольными спортивных обществ, участвовать в различных соревнованиях и входить в руководящие органы наравне с мужчинами. Однако со временем начала проявляться тенденция сокращения в процентном соотношении женщин, каким-либо образом причастным к сфере физической культуры, по отношению к мужчинам, хотя в количественном отношении эта цифра постоянно увеличивалась.

О.Д. Попова

г. Рязань, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Между частным и общественным: проблемы горожанки в «письмах во власть» в 60-е годы XX в.

Период хрущевских реформ известен не только критикой культа личности, посадкой кукурузы, попыткой наладить диалог с Америкой, но и коренным переломом в отношении быта и частной жизни людей. Произошел отход от тотальной доктрины жертвоприношения личной жизни на пользу строительства коммунизма. Если в 20-е годы XX в. женщина рассматривалась только как активный строитель коммунизма, при этом многие бытовые проблемы предполагалось переложить на общественные институты (детские сады и ясли, общественные кухни) то в 60-е годы значительно изменился образ и женщины в этом городском пространстве — теперь женщина должна была быть не только активным строителем коммунизма, но хозяйкой дома, умеющей разумно вести домашнее хозяйство. Как отмечают в своем исследовании Виниченко И. В., Днепровская А. А., Рыженко В. Г.: «в дополнение к основным ролям — работницы и общественницы — женщине предложена роль хозяйки» [1, с. 49].

Особенно ярко эта новая доктрина проявилась в новом издании «Книги о вкусной и здоровой пище», в которой кроме статей, напичканных идеологией, появились разделы, содержащие советы по быстрому приготовлению пищи, экономному ведению хозяйства. Очень показательным были строки в разделе о праздничном столе: «Используя короткий предпраздничный день, можно успеть приготовить все или почти все блюда праздничного стола накануне» [5, с. 45]. Однако стоит отметить, что роль чисто матери и домохозяйки идеологическая система не предусматривала.

Все произошедшие изменения не могли не повлиять на ментальные установки населения и процесс переживания подобных трансформаций. Важно осознать не только каким виделся образ женщины со стороны власти, каким он конструировался на страницах периодики, но и как его понимали сами граждане. В этом плане очень показательно отражают процесс таких переживаний в «письмах во власть».

Характерной черта обращений к власти в этот период является то, что к власти активно обращались как мужчины, так и женщины. Наиболее универсальными в гендерном отношении были обращения касательно бытовых проблем, в особенности относительно нехватки продовольствия. Ряд из них демонстрируют, что общество по-прежнему, несмотря на идеологическую работу 30–50-х годов, ведущую роль по приготовлению пищи и покупке продуктов возлагало на женщину. Некоторые авторы отмечали, что в очередях приходится стоять именно женщинам: «Наши жены заняли очередь с 5-ти часов утра и получили только к вечеру по 2 банки кон-

сервов и по 1 кг рыбы» [3, Л. 86 об.]. Да и сами женщины, когда писали свои обращения к власти, также порой подчеркивали, что являются женщинами именно в том аспекте, что им приходится вести домашнее хозяйство: «Извините нас, что мы женщины-матери двух-трех детей отнимаем Ваше дорогое время своим письмом» [3, Л. 45].

А вот письма, которые касались именно женских проблем, позволяют очень ярко проследить, что идеологические трансформации по вопросам женского роли, создали в общественном сознании определенные метания между идеалом женщины-общественницы и женщиной-хозяйкой дома. Одни женщины увидели в новом курсе власти надежду, что они, наконец, получат возможность больше посвящать себя дому и семье. В этом плане очень показательным является письмо многодетных матерей из Горьковской области, которые в 1967 г. предлагали освобождать женщин от работы не по возрасту, а по стажу рабочих лет и числу рожденных детей: «Например, женщин воспитывает 4–5 детей, должна иметь не меньше 12 лет рабочего стажа и освобождается от работы независимо от возраста» [2, Л. 55]. Свои предложения женщины обосновали тем, что «после семи часов трудового дня, придешь домой уставшая, нужно отдыхать, набраться сил к следующему трудовому дню, а тут дети, за которыми нужно смотреть, проверить их задания, заняться с ними каким-нибудь полезным делом» [2, Л. 55].

Одновременно, другие письма свидетельствуют, что доктрина, взятая на сочетание домашнего и общественного, не у всех получила поддержку. В этом плане очень показательным является письмо Т.Н. Журавлевой — члена КПСС с 36 летнем стажем, в котором содержится очень резкая критика тенденций к обустройству домашнего очага. Как считала автор, с возрастом у большинства коммунистов «на первом месте уже стоит “мое”, “моя” и на втором и даже на десятом “наше”» [6, Л. 125]. Она очень резко критикует вечера, проведенные в семье перед телевизором («будь он трижды проклят, т.к. нарушает покой, он не дает жить в коммунальных квартирах» [6, Л. 125]), дачи («на собственной даче и цветы цветут особенно и воздух другой т.д.»), при этом очень сожалеет, что «сейчас нет ни какой общественной жизни — клубы заглохли и превращены в коммерческие предприятия» [6, Л. 125]. Одновременно автор этого письма выступала за обязательный труд для всех женщин, независимо от количества детей, более того, ссылаясь на Дарвина, высказывала убеждение, что если женщина воспитывает своих внуков, то она очень быстро умственно стареет [6, Л. 132].

Одновременно патернализм мышления советского общества создал такую иллюзию, что власть может решить самые личные проблемы семейной жизни. В этом плане очень показателен факт обращения женщин в высшие органы власти с жалобами на мужа-пьяницу или мужа, бросившего семью. Например, гражданка Хлестунова из Благовещенска, обращаясь с просьбой к Хрущеву вернуть мужа в семью, писала: «С такими людьми, которые на 25 году жизни сиротят детей, надо возвращать их в семью. На это право имеете только Вы, сделайте же «чудо», хлестните кнутом по такому подлецу, что бы другому не было поводом» [4, Л. 155]. При этом женщины высказывали и свои предложения по вопросу семейного права. В частности, пролагалось ввести в случае развода пожизненные алименты с бывшего мужа в пользу жены, поскольку «свое здоровье жена уложила за его уходом» [4, Л. 156]. Такие предложения свидетельствуют о сохранении патриархальных взглядов на семейные вопросы. Весьма примечательно, что подобные письма хранились под

заголовком «по вопросам семьи», хотя семья здесь понимается очень узко и только с одной стороны.

Таким образом, в ментальности данного периода по вопросам семьи происходило сложное переплетение определенных дореволюционных устоев, на которые нанизывались идеологические трансформации 20–30 годов. Идея равномерного сочетания общественных и личных интересов довольно трудно приживалась в общественном сознании.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18–09–00130\18).

Литература

1. Виниченко И. В., Днепровская А. А., Рыженко В. Г. Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни советской жизни-горожанки в период «оттепели»//Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 46–50.
2. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 101. Д. 1412.
3. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 95. Д. 1125.
4. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 1496.
5. Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1969.
6. РАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 83.

Е. Ф. Фурсова

г. Новосибирск, Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук

Город Семенов и его окрестности: к вопросу о нравах и культурной идентичности жителей (по полевым материалам из Нижегородской области)

Во время этнографической экспедиции в г. Семенове еще жили старообрядцы, изолированные от мира (здесь: общества), без паспортов, пенсий, которые старались не общаться с окружающими людьми [1]. Местные жители называли их веру «с миром не едят» (беспоповцы), так как старушки, в основном, 80-ти и 90-летнего возраста, никому не давали есть из своих чашек. Не хотели общаться они также со старообрядцами других согласий (например, соседними беглоповдцами). Одна из этих монашек делала («скала») свечи и продавала в церковь, как нам пояснили, «этим и живут». Из поколения в поколение здесь передаются рассказы о существовании монастырей, скитов (Комаровского, Керженского, Чернухинского, Большого Шарпана и Малого Шарпана и др.), об их послушницах. Население г. Семенова, в их числе сторонники Русской православной церкви, пополнялось за счет выходцев из окрестных деревень — старообрядцев керженских лесов.

О строгости местных нравов, особенно требовательных по отношению к женщинам, нам удалось услышать много жизненных историй. Приведем один из бытовых случаев, записанных в ходе беседы с Авдеем Семеновичем Масловым: «Слыхивал, что дед Яков был строгим. Бабушка (его жена — Е. Ф.) пойдет воду носить с колодца... Встанет, переговорить с кем-то. Наносит полную кадку — заставит вылить и новой наносить. За эти два-три слова перемолвленные... В чем смысл? Воду надо носить с молитвой, а не болтать там без дела...» [2]. Перед тем, как начинать любое дело,

например, идти к колодезю за водой, в семьях было принято положить три поклона. «Кто старший в семье — у того и попросишь благословения, у мужа или у свекрови».

Местные жители рассказывали о женской предприимчивости, сноровке, которую подчас проявляли семеновские жительницы, даже оказывая помощь мужчинам в их хозяйственной деятельности. «Отец рассказывал про брата своего. Его отдал дед учиться в Москву. Вот приехал на Масленку, надо ему кататься. Отец запряг ему жеребца хорошего, невесту посадил. Потом видно, у него что-то с оглоблей случилось, изломалась... Он сидит в кошовке, а невеста оглоблю удеживает. Раз в Москве учился — ничего делать не умел, к этому был не приучен. Невеста-то посмысла енее оказалась!» [2].

В условиях всеобщего подчинения родительской воле, когда дочери могли отдавать за провинность на воспитание в скиты или монастыри, девушки находили возможность отстаивать свое право на счастье. Каплины Михаил Андронович (1911 г.р.) и Анастасия Евгеньевна (1925 г.р.) вспоминали как на их веку в родной д. Жужелка Семеновского района две свадьбы распускали из-за своеобразных действий невесты. Местная девушка Мокрина была засватана, и по обычаю дала жениху задаток (например, хорошее платье), который он хранил у себя. «Уже пропой собирали, уже моление сообразили, уже за начал... А она с другим дружила, и с пропой с ним и ушла. Дело и прекратилось» [3]. Пропой невесты включал благословение молодых со стороны родителей с обеих сторон, высказывание о согласии и целование икон. Если невеста оказывалась не-старообрядкой, то ее перекрещивали. С этого момента друзья жениха и подруги невесты ставились в известность о предстоящей свадьбе, девушка же переходила в статус «просватанной невесты». Собирали столы и приглашали молодежь «маленько гуднуть». Согласно обычному праву, задаток, данный невестой при пропое, оставался у жениха, даже если невеста впоследствии передумывала соединять с ним судьбу. Подобные истории свидетельствовали о том, что не только в 1920–1930-е годы, но и ранее девушки проявляли активность в устроении собственной судьбы, даже пренебрегая экономическими соображениями и общественным мнением. Вместе с тем, о массовости этого явления говорить, конечно, не приходится. Информанты, которые приводили такие случаи в качестве исключения из правил, осуждали своеволие и недальновидность девушек, из-за поведения которых приходилось «распускать свадьбы».

Аналогичную историю нам рассказали также в с. Малая Зиновьево Семеновского района, где произошло расстройство свадьбы из-за выдачи невесты против ее воли. Информанты по этому поводу высказывались так: «Выдадут не за милого, а тот приехал, из-за стола вывел и увез. А жениха кто-то отвлек. Убежал к другому» [4]. Аграфена Яковлевна Зиновьева (1931 г.р.) вспоминала, что поколение ее матери «силом отдавали», главное при выборе была характеристика, «что она хорошего роду-племени». Ее поколение, как утверждала рассказчица, уже выбирали суженых «по любви».

Однако, по воспоминаниям местных жителей, судьбы строптивых девушек могли складываться и трагично. В одной семье дочь отказалась выходить замуж за горбатого. Отец сослал ее в рязанский монастырь, где на нее надели вериги (в виде цепей) для усмирения. После разгона монастыря в 1920-х годах, монахинь отправили на лесоразработки. Все годы заключения она носила вериги под одеждой. В таком состоянии женщина могла спать только сидя. Освободили ее после войны, когда отца уже не было в живых, и она осталась жить у племянницы. В 1950-е годы родственники предложили

позвать кузнеца и снять цепи, но старообрядка отказалась со словами: «Не вы одедали — не вам снимать». Эта пожилая женщина умерла и была похоронена в том, что ей одели в наказание за строптивость — в веригах.

Как следует из жизненных историй, женщины все же могли проявлять своеволие в семейной жизни, когда покидали дом своего мужа из-за разногласий со свекровью. «Вначале молодые жили со свекрами. Свекровь подъедает сноху — в конце концов разойдутся». Как правило, на строительстве своего личного дома настаивали жены, которым не нравилось жить в многолюдных семьях с несколькими женатыми братьями. Вспоминают, что приходилось жить со свекровью по десять и более лет.

Переселенцы из керженских лесов, с «реки Кержа» (известна как р. Керженец Нижегородской губернии — Е.Ф.) бежали в Сибирь, где получили хорошо известное и устойчивое здесь прозвище «кержаки». Современные потомки семеновских старообрядцев интерпретируют этот исторический факт в том смысле, что гонения на сторонников старой веры вызвали постоянный отток в Сибирь, но те, кто «терпел муки — тот остался» на месте [2]. Многие нравственные установки и нормы поведения чернораменских (Чернораменью в Нижегородчине называют правобережье р. Керженец) старообрядцев были перенесены ими в Сибирь, где они, практически, не подверглись трансформации. Ограничения в бытовой жизни, строгость и высокие требования к женщине как источнику греха, особенно в молодом возрасте, отличали нравы и формировали соответствующую идентичность сторонников старой веры (самоназвание «русские», «христиане»). Как следует из представленных этнографических материалов, в повседневной жизни наблюдалось сочетание жесткости требований к человеку без выраженных форм агрессивного поведения (скандалов, ругани и пр.) и одновременно покорности как осознание содеянного греха и божественной воли.

Примечания

1. *Восточнославянский этнографический отряд, организованный Институтом археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), 1996 г., руководитель автор. Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 18-09-00028 а.*

2. *Маслов Авдей Семенович, 1910 г. р., г. Семенов. Все деды из д. Малая Зиновьево Семеновского района. Утверждал, что поморцы зашли сюда с берегов Белого моря.*

3. *Каплины Михаил Андронович (1911 г. р.) и Анастасия Евгеньевна (1925 г. р.), родились в д. Жужелка Семеновского района Нижегородской области. Все деды местные.*

4. *Масленникова Аграфена Яковлевна, 1931 г. р., родилась и живет в д. Малая Зиновьево Семеновского района.*

*И. Н. Смирнова, Е. В. Панкратова
Иваново, Ивановский государственный университет*

Социальное самочувствие и жизненные ориентации женщин Ивановского региона в 1990-х — 2010-х годах

В настоящее время в социологии не сложилось однозначной трактовки понятия «социальное самочувствие», что обусловлено его природой и междисциплинарным характером [1, 4, 8]. В рамках данной статьи под социальным самочувствием понимается целостная характеристика восприятия действительности с позиции определенной

ценностной установки в динамической социокультурной среде [11]. В отечественной социологии сложилась достаточно авторитетная научная традиция диагностики социального самочувствия различных групп населения [2, 3, 5, 7].

Коллектив кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета с 1990-х годов осуществляет мониторинг социального самочувствия и жизненных ориентаций женщин региона [6, 9, 12]. Под мониторингом социального самочувствия экономически активных женщин понимается систематическое сопоставление и оценка жизненных ориентаций, ценностных устремлений, установок на определенную модель социального поведения различных групп женщин в определенных социальных условиях.

В данной статье рассматривается три волны мониторинга: 1990-е годы (1997 г.), 2000-е годы (2005 г.) и 2010-е годы (2015 г.). Выборочная совокупность каждого опроса составила не менее 600 женщин. Представим результаты по основным индикаторам социального самочувствия.

Перечень наиболее беспокоящих проблем и удовлетворенность уровнем жизни. Данные 1997 г. иллюстрируют доминирование среди наиболее важных проблем ухудшение материального положения. Потерей работы были озабочены 24,5% опрошенных. В 2015 г. среди главных проблем женщины также отмечают сложное материальное положение (58%), необходимость создания новых рабочих мест (68%), жилищно-коммунальные проблемы (51%). В 1990-х гг. треть опрошенных отмечали удовлетворенность жизненным уровнем, в 2015 г. — 32%. Среди мер, которые могли бы улучшить материальное положение женщин, 41% в 1997 г. назвали повышение заработной платы мужа, 17% — создание рабочих мест. Это коррелирует с патерналистскими настроениями опрошенных. Убеждение, что государство обязано отвечать за материальное благополучие в большей мере, чем сам человек, в 1997 г. высказало 32,5% женщин, в 2015 г. — только 14%. На собственные силы рассчитывало 18,2% опрошенных, в 2015 г. — уже 41%, что говорит об изменении самосознания женщин в сторону ориентации на экономическую самостоятельность.

Ценностные установки. Женщины, участвовавшие в мониторинге, назвали в качестве основных базовых ценностей здоровье, материальное благополучие и семейное счастье. Начиная с 2005 года отмечается рост числа респонденток, выделивших ценности рыночного типа.

Жизненные стратегии и социальная адаптация. Выделяется несколько способов адаптации личности: меры, направленные на выживание, и меры, направленные на развитие и самозащиту [15]. Сравнительный анализ показывает, что в 1997 г. и в 2015 г. у женщин доминировала ориентация на меры выживания. Среди мер, направленных на развитие, можно превагирует получение второй профессии (1997 г. — 9,3%, в 2005 г. — 30%). Средства приспособления к экономическим трудностям за двадцать лет не изменились и характеризуются стратегиями выживания. Женщины предпочитают пассивные формы адаптации.

Социальный оптимизм. При оценке уровня социального оптимизма в 1997 г., выявлено, что для женщин характерно состояние неуверенности в завтрашнем дне (25%), разочарование в результате осуществляемых перемен, дискомфорт от потери социальных гарантий со стороны государства (50%). Среди положительных эмоций 1990-х можно назвать чувство надежды на улучшение обстановки в стране и собственное благополучие (37% женщин, из которых 60% предпринимательниц). Сравнительные данные 2005 г. иллюстрируют существенное повышение социального оптимизма

женщин. Ситуация 2015 г. позволяет констатировать возвращение к состоянию неопределенности. В 1997 г. уровень самооценки, патриархальность сознания большинства женщин была сравнительно ниже, чем в 2015 г. (24%). При этом сохраняется низкий уровень социально-политической активности женщин.

Отношение к деятельности властных структур и социально-политическая активность. В 1997 г. абсолютное большинство женщин не участвовали в деятельности политических партий и женских организаций, более половины опрошенных считали такую активность не женским делом. Из властных структур, способных улучшить положение населения, ведущее место занимали местные органы власти (23,3%). В 2015 г., с одной стороны, в оценках женщинами перспектив политического развития страны, региона и города преобладают нейтральные оценки, с другой стороны, в оценке перспектив развития политической ситуации в областном центре заметен рост негативных представлений. Это прослеживается и в оценках эффективности органов управления разного уровня. Политическое поведение женщин характеризуется доминированием пассивных форм участия: выборы (48%), обсуждение политических проблем в кругу близких (28%).

Таким образом, улучшение социального самочувствия женщин, наметившееся в 2010-е гг., было связано со стабилизацией общества в целом, но оказалось под угрозой в результате мирового экономического кризиса, затронувшего и Россию. Мониторинг социального самочувствия выявил возвращение к стратегии выживания, выбору обусловленных социальным статусом средств адаптации. Основными детерминантами социального самочувствия женщин выступают уровень доходов, материальное положение и благополучие семьи. Социальное самочувствие по-прежнему определяется профессиональной принадлежностью, уровнем оплаты труда, возрастными различиями респондентов.

Литература

1. Барская О. Л. *Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989.*
2. Бессокирная Г. П. *Социальное самочувствие рабочих//Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34–37.*
3. Васильченко Э. А. *Социальное самочувствие и ценностные ориентации дальневосточных женщин: десять лет спустя//Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 53–56.*
4. Воронин Г. Л. *Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.). «Мерцающая» стратификация//Социологические исследования. 2001. № 6. С. 53–66.*
5. Гафизова Н. Б., Панкратова Е. В., Смирнова И. Н. *Социальное самочувствие мужчин и женщин малого города (на материалах Ивановской области)//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 135–147.*
6. Кодина И. Н. *Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект (на примере малых городов Ивановской области)//Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 20–28.*
7. Маслова Т. Н. *Социальное самочувствие вынужденных переселенцев//Социологические исследования. 2007. № 4. С. 103–104.*
8. Михайлова Л. И. *Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами//Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–50.*
9. *Мониторинг социального самочувствия и ценностных ориентаций российских женщин. Сборник научно-методических материалов. Иваново, Юнона, 1998. Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/monitor.htm>. Дата обращения: 15.08.2016.*

10. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи//Социологические исследования. 2000. № 12. С. 5 –55.

11. Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России//Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–54.

12. Хасбулатова О. А., Землякова А. С., Егорова Л. С., Правкина И. А. Мониторинг социального самочувствия и жизненных ориентаций женщин (1991–1997 годы)//Женщина в зеркале социологии: межвуз. сборник научных статей. Изд-во «Юнона», 1997. 142 с. С. 35–46.

М. М. Красиков

г. Харьков (Украина), Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»

Девичья субкультура провинциального города конца XX — начала XXI ст.: артефакты

Девичья субкультура XX века не раз привлекала внимание специалистов. Наиболее полно и глубоко исследована она была в монографии С. Б. Борисова «Мир русского девичества: 70–90 годы XX века», хотя и в других работах нашли отражение различные аспекты данной темы (см. библиографию: [1, с. 322–338]).

Судя по публикациям, именно в провинциальных городах зафиксировано большинство фактов, относящихся к девичьей субкультуре. Возможно, это случайность, а, возможно, действительно, она богаче именно в провинции. Контактная социальная группа, как правило, гораздо контактнее в небольших локусах, а не там, где масса возможностей для выбора индивидуального времяпрепровождения, даже в эпоху Интернета.

В нашем исследовании мы будем опираться на материалы (интервью и артефакты), собранные нами в Украине в 2000-е годы. Хранятся они в созданном нами Этнографическом музее «Слобожанский скарби» имени Г. Хоткевича Национального технического университета «Харьковский политехнический институт».

Новогодний «пожеланник» С. Борисов называет «особым жанром девичьей рукописности» последней трети XX века [1, с. 264]. С равным основанием «новогодник» (как именуют его наши информанты) можно отнести к разновидности самодельных альбомов или декоративного hand maid a. О специфике создания данных артефактов можем привести такой рассказ: «Я начала вести „новогодник“ где-то с 3–4 класса, когда мне было 10 лет. Первый мой „новогодник“ был 2007 года. Сам „новогодник“ представляет собой тонкую тетрадь (12 листов), листы которой сложены в треугольники. Каждый такой „треугольник“ подписывался именем и фамилией того человека, который должен был развернуть лист, написать поздравления, вложить небольшой подарок (наклейку, закладку, календарик и т.п.), заклеить „треугольник“, украсить его разными рисунками фломастерами, карандашами, написать число и время, когда хозяин „новогодника“ должен открыть поздравление и передать его ему. В своих „новогодниках“ я обычно писала фамилии своих одноклассников и близких друзей. Так как я сейчас живу в Харькове, я общалась с местными девочками и выяснила, что они не вели „новогодников“» [2]. Большинство внутренних частей «конвертиков» не содержит текста (девочки ограничились только подарками) или в них банальное поздравление с Новым годом на русском или английском языке, но есть и признания («Ты моя лучшая подруга»), и стихи, и тексты с рисуночками. В старших классах ведение

«новогодников» нами не зафиксировано.

Еще одной разновидностью артефактов девичьей субкультуры являются имевшие хождение еще лет 10 назад чихалки, икалки, спотыкалки, чесалки, зевалки — тексты для окказиональной мантической практики. Основа их — непроизвольная акциональность, т.е. человек совершает некие действия невольно, а значит, по логике гадателей, это знак чего-то или намек на что-то — разумеется, из любовной сферы. Все тексты, кроме чесалок, строятся по принципу: первая половина строки — время, вторая — предсказание. В чесалках в первой половине строки указывается часть тела, которая может чесаться, а время не маркируется. Записывались такие пособия для гаданий в столбик, например:

«Зевалка

7.00–8.00 хорошо выглядишь

8.00–9.00 остерегайся блондинов!

9.00–10.00 он тебя поцелует

10.00–11.00 вы любите друг друга». И т.д. до 24.00 [3].

«Чихалка

7.00–8.00 К тебе придет парень

8.00–9.00 Из-за тебя будет плакать парень

9.00–10.00 Твой парень любит тебя

10.00–11.00 Нрависься парню». И т.д. [3].

Эти тексты записывали на отдельные листочки и использовали как «шпаргалку» в нужный момент или заносили в блокноты, альбомы и т.п.

Очень популярными до недавнего времени были «анкеты друзей»: у многих девушек имеются «заветные тетрадки, которые очень бережно сохраняются, а потом передаются по очереди из рук в руки. Ваши друзья и подружки в них заполняют анкеты, отвечают на разные вопросы, но важнейшим вопросом в таких анкетах является „Кто из мальчиков тебе нравится?“ В таких тетрадках, обклеенных картинками, красивыми конвертиками, ваши подружки и друзья кладут свои фотокарточки и пишут свои сокровенные тайны и секреты, туда заносят стишки о любви, гадания и приметы. К тому же, не только девочки ведут подобные тетради, но и мальчики тоже» [3].

«Песенники», сегодня, вероятно, ушедшие в прошлое, но весьма популярные в советские годы, заполнялись как девочками школьного возраста, так и девушками 20–25 лет, в т.ч. студентками. Как правило, бралась общая тетрадь, красивым почерком туда записывались песни, вклеивались фотографии любимых артистов, делались зарисовки или вклеивались рисунки (преимущественно с цветами из поздравительных открыток). Приведем рассказ составительницы одного из таких песенников: «С. 6–7 класса я стала вести „песенник“. Мне всегда нравилось вести такие тетрадки или блокноты и украшать их картинками, которые я вырезала из разных журналов, например, „Юность“, „Ровесник“. Тогда (это было в начале 80-х) многие девочки лет в 10–15 вели такие „песенники“. В них мы записывали не только песни, которые слышали и записывали на кассетах магнитофона, но и разные стихи, рассказы, истории — их мы брали из тех же журналов. Особенно мне нравились вырезки из журнала „Советский экран“ — фотографии актеров, кадры из разных фильмов... Часто мы обменивались с подружками текстами песен и стихов, картинками, также впечатлениями от только что услышанных песен и решали, записывать нам их текст или не стоит» [5].

Действительно, кроме песен, такие тетради-альбомы содержали и прозаические тексты (в небольшом количестве), и ритуальные поэтические формулы, вроде такой:

*Писала здесь рукой небрежно
чтоб через много много лет
от жизни скучной и мятежной
какой-нибудь остался след [4].*

Это далеко не все артефакты девичьей субкультуры недавнего прошлого, однако очевидно, что каждый такой документ достоин самого пристального внимания ученых, поскольку в нем не только бездна культурологической (в т.ч. гендерной) информации, но и уникальный срез эпохи.

Литература

1. Борисов С. Б. *Мир русского девичества: 70–90 годы XX века/отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М.: Ладомир, 2002. (Русская потаенная литература).*
2. *Записал 5.05.14 М. М. Красиков в Харькове от Савчук Анны, 1997 г. рожд., жившей до 2013 г. в г. Донецке.*
3. *Записал 15.05.15 М. М. Красиков в Харькове от Власенко Алины Викторовны, 1998 г. рожд., жившей до 2015 г. в г. Славянске Донецкой обл. Перевод с украинского.*
4. *Песенник Савчук Елены Николаевны, 1967 г. рожд., г. Донецк. Авторское правописание сохраняется.*
5. *Записала 25.04.14 А. Савчук от Савчук Елены Николаевны, 1967 г. рожд., в г. Донецке.*

С. С. Крюкова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

О некоторых тенденциях развития форм заключения брака в постсоветской России: между ЗАГСом и анти-ЗАГСом

С 1990-х годов, в контексте коренных изменений российского социума, динамика развития семьи отличается особой интенсивностью. Среди оценок ее состояния общим местом в фамилистике стали понятия «кризис» и «трансформация». Суть происходящего интерпретируют по-разному, но главный смысл, очевидно, заключается в переходе от так называемого «традиционного» ее типа к множественности семейных моделей и форм организации брачно-семейных отношений. Продолжающаяся индивидуализация семьи протекает в русле общеевропейских процессов: уменьшение и упрощение численного и структурно-поколенного состава семьи, как следствие, доминирование ее простой (нуклеарной, малой) формы, повышение брачного возраста, низкий уровень рождаемости, учащение разводов, значительная доля неполных семей, деинституализация брака и рост числа незарегистрированных союзов, внебрачная репродуктивность, появление различных альтернативных традиционной семье образований (сезонный брак, гостевой/визитный, открытый и пр.). Следует подчеркнуть, что перечисленные тенденции характерны и для сельской, и для городской среды. Тем самым различия, присущие брачно-семейным отношениям в городе и деревне в прошлом, стираются. На смену им приходят иные социальные полюсы и оттенки, свойственные общей социальной плюрализации постмодерна.

В брачной стратегии государства приоритетным остается официально зарегистрированный союз. Предложенный в 2018 г. в Госдуму законопроект, предлагающий ввести в Семейный кодекс РФ понятие «фактические брачные отношения» и прирав-

нять совместное проживание партнеров к официальному браку, не был поддержан. Именно последняя форма брака укоренилась в сознании поколения, родившегося в 1950–1960-е годы не только как признанная государством, законная, но и как наиболее надежная, обеспечивающая устойчивость семьи. Союз фактический/незарегистрированный (у населения такая форма брака получила название «гражданского») принимается ими неохотно. Печать в паспорте о заключении брака для многих остается своеобразным символом и гарантией прочности брачных уз, а дата регистрации брака — регулярно отмечаемым семейным праздником. В то же время представление о том, что штамп в паспорте (как и венчание) не является панацеей от развода, все более усваивается поколением, родившимся в 1980–2000-е годы.

Городская инфраструктура коммуникаций молодежи отличается от сельской значительно большим разнообразием. Развивающаяся в городе сеть центров досуга и развлечений в виде кафе, парков, клубов, театров и пр., наличие специальных брачных агентств и служб дополняется общением в социальных сетях интернета, где наряду со специализированными сайтами знакомств в настоящее время даже появились услуги, предлагающие зарегистрировать символический брак, не имеющий юридической и фактической силы, но имитирующий брачно-семейные отношения между конкретными пользователями компьютерной сети.

В качестве альтернативы официальной регистрации брачующихся пар с недавнего времени влюбленным предлагается регистрация в созданном на коммерческой основе анти-ЗАГСе. Проводится церемония по аналогии с брачной, но без ее формальных атрибутов (без печати в паспорте, обмена кольцами и выдачи свидетельства о заключении брака); это своего рода репетиция или имитация брака. Участниками ее могут стать влюбленные любого пола и возраста, желающие придать своим отношениям особый статус, но без участия государства. Обряд проходит в присутствии гостей и напоминает свадьбу во Дворце бракосочетания: в присутствии гостей и свидетелей, с музыкальным сопровождением и пр. Пара получает свидетельства о регистрации влюбленности и браслеты розового и голубого цветов с надписью «Я официально влюблен».

Новые формы городской «обрядности» отвечают на запросы времени: с одной стороны, это реакция на уход от социальной нормативности в официальном закреплении брачных уз, с другой — попытка удовлетворения потребности в других вариантах их фиксации. Официальные органы регистрации брака также приспособляются к новым запросам общества. Работникам отделов ЗАГС разрешается проводить выездную регистрацию брака (официальную и неофициальную) на территории некоторых музеев, усадеб, культурных и исторических памятников либо вообще в любом месте по договоренности сторон.

Одновременно наметилась тенденция возврата к соблюдению норм православно-го календаря при вступлении в брак, с 1990-х годов возродилась традиция венчания со всеми его необходимыми атрибутами. Восстановление института церкви и обновление религиозной жизни способствуют формированию православной семьи, образ жизни которой в отличие от светской предопределяют вера и предписания церкви.

Каким образом функционирует эта разнообразная брачная «индустрия»? Доклад посвящен рассмотрению мозаики конкурирующих между собой предложений по организации брачных союзов, обзору набора предлагаемых услуг и анализу их содержательной части.

Доклад подготовлен в рамках темы НИР «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие». № 0177–2018–001.

**Представления об этногендерной идентичности карелов
в поликультурной городской среде
(на материалах интервью в Республике Карелия)**

На уровне политической риторики Карелия традиционно рассматривается как «территория согласия», а карельское общество — как обладающее высоким уровнем культуры толерантности. Для подобных представлений существуют исторические основания. Само географическое положение региона предопределяло включение края в орбиту геополитических отношений и миграционных потоков. Только в течение XX в. несколько крупных волн мигрантов прибыли в Карелию: 1920–1930-е годы — в связи с использованием территории Карелии как «испытательного полигона» для применения труда заключенных и как места для спецпереселенцев; в 1940 г. — в результате сельскохозяйственного переселения в опустевшие районы Приладожья по итогам Советско-финляндской войны; в 1950–1960-е годы — в рамках так называемых оргнаборов и развития лесной промышленности в крае; в 1990-е годы — в связи с чеченскими военными кампаниями. Волны переселенцев в разное время вносили свой вклад в развитие этнокультурного разнообразия Карелии. Вместе с тем в настоящее время существует проблема сохранения «титульного этноса». Так, на протяжении прошлого века численность карельского населения стремительно сокращалась — с 37,4% (1926 г.) до 7,38% (2010 г.). Карелия является единственной «национальной» республикой, где карельский язык не имеет статус государственного. Указанная тенденция стала причиной для активизации работы региональных властей и национальных организаций, успешным воплощением ряда проектных идей.

В поле зрения настоящего исследования — явления микроуровня: представления о карельской этнической идентичности, критерии отнесения того или иного феномена к числу «карельских». Важным элементом анализа была гендерная принадлежность собеседника и ее связь с этнической идентичностью. Включение в анализ категории гендера является одним из способов осмысления поведенческих ориентиров женщин и мужчин.

Интервью проводились в Петрозаводске и Олонце — в городах, этнический состав которых имеет высокую для республики неоднородность. Эмпирическую базу составляют материалы биографических интервью, а также тематический блок по вопросу этнической идентичности с представителями карельского этноса разных возрастов и социально-профессиональных групп. Автор является сторонницей конструктивистского подхода. Соответственно выборка формировалась на основе самопричисления собеседника и собеседницы к карельскому этносу, но не исходя из примордиальных характеристик.

Некоторые итоги исследования.

1. Среди маркеров этнической идентичности карелов обоих полов лидирующие позиции занимают примордиальные характеристики: место рождения, этническая принадлежность родителей; условно символический критерий этничности — владе-

ние карельским языком, а также определенно символический — этнопсихологические представления о «карельскости».

2. Владение карельским языком остается одним из наиболее сильных ресурсов этнической идентичности. Однако стратегии его использования определяются индивидуально. Приведу два примера: оба собеседника входят в состав «группы экспертов», владеют карельским языком и находятся в одной возрастной категории. В одном интервью собеседница с самого начала установила связь этнической идентичности с умением говорить на карельском языке, при этом подчеркивалась ценность языка, усвоенного в детстве: «Выученный карельский язык — это не карельский язык» (1962 г.р.). Подобный взгляд объясняется тем, что усвоенный без усилий язык, воспринимается как данность, создает представление о естественной принадлежности носителя языка к этнической общности. Именно поэтому моя собеседница назвала таких карел «истинными». Собеседница подчеркивала значимость ежедневной языковой практики в семье как единственно возможного способа сохранения карельского языка. С другой стороны, существует четкая прагматическая установка на использование языка: «Я сам не могу сейчас найти как бы варианта, где и как использовать карельский язык» (мужчина 1968 г.р.). В ходе интервью была отмечена четкая тенденция перехода карельского языка из сферы повседневного общения в символическое пространство «карельского». Респонденты рассказывали, что знают отдельные слова, фразы на карельском языке, однако используют их «при случае», в том числе как способ демонстрации своей этничности.

3. Тема этнопсихологических особенностей «карельских» черт открывает также гендерную перспективу исследования. В целом, при определении гендерной составляющей в структуре этнической идентичности «национальные» черты карелов в целом совпадают с качествами, приписываемыми карельской женщине — сдержанность, замкнутость, трудолюбие. Вместе с тем карелке также атрибутируются опрятность, чистоплотность, бесконфликтность, подчеркивается умение выполнять тяжелую физическую работу. Многие карелки разных возрастов подчеркивали значимость «женской мудрости», гибкости в сохранении семейного благополучия: «Она не должна ругаться, мудростью [должна] брать — тихо, спокойно, мирно» (1941 г.р.); «Женщине нельзя быть категоричной, нужно находить такие вот... То есть так вот плавать и между детьми, и между мужем, чтоб все было гладко» (1978 г.р.). Одна из респонденток сказала, что карельская женщина — «такая хозяйка». Карелка — хозяйка дома, пространство которого нуждается в поддержании чистоты и порядка. Подобная этнизация феминного закрепляет гендерную маркировку приватной и публичной сфер, определяет локализацию женщин преимущественно в приватной сфере. Вместе с тем ошибочно делать вывод об инструментальной роли женщины. В ходе интервью неоднократно подчеркивалось, что семейный бюджет находится в распоряжении женщин, а решения о крупных покупках в абсолютном большинстве случаев пара принимает совместно. Домашние работы во многих семьях распределяются ситуационно. Примечательно, что в отличие от общероссийских гендерных стереотипов, биологическое воспроизводство и культурная репродукция не атрибутируются карелке. Можно предположить, что разговоры о «мудрой» и «хозяйственной» карельской женщине больше связаны с идеальным этническим образом, чем определяют реальные жизненные стратегии моих собеседниц.

Литература

1. Клементьев Е. И. *Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов и финнов*. Петрозаводск, 2013.
2. Рябов О. В. *Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии*. М., 2001.
3. Стефаненко Т. Г. *Этнопсихология*. М., 2009.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (проект «Реализация этнонациональной политики в Карелии в XX — XXI веках на фоне меняющейся информационной среды региона»).

К. А. Ошпко

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Город, горожанин и горожанка в некрологах локальной прессы

Город Пушкин Ленинградской области (Царское Село) — это город со стотысячным населением, обладающий весьма богатой историей. Несмотря на то, что также это внутригородская территория Санкт-Петербурга, одно из его муниципальных образований (центр Пушкинского района), в газетных статьях и в том числе в некрологах жители города не именуют себя петербуржцами, предпочитая номинации «пушкинец» или «царскосел».

Материалом для моего исследования послужили некрологи, печатавшиеся в газете «Царскосельская газета» г. Пушкина с 2000 по 2017 г. (всего около 200 текстов). Я остановила свой выбор на издании небольшого города, потому что изначально у меня была гипотеза, что коммуникативные конвенции города-спутника отличаются от коммуникативных конвенций большого города. В небольшом городе люди еще продолжают интересоваться жизнью друг друга, а значит, некролог здесь будет востребованным и распространенным жанром. В ходе анализа издания моя гипотеза подтвердилась. Наличие пространства, где «все друг друга знают», делает возможным репрезентацию некролога в сообществе, большое количество представителей которого потенциально могли бы быть знакомы с умершим. Думается, что некрологи здесь до сих пор существуют именно потому, что существует аудитория, готовая их воспринять.

Выбор источника материала также обусловлен уникальностью населенного пункта в культурном и социальном планах. Так, в Пушкине находится Государственный музей-заповедник «Царское Село», многочисленные учреждения — научные (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, различные научно-исследовательские институты и лаборатории Российской академии сельского хозяйства), образовательные (например, лицей № 408, гимназия № 406, кадетский корпус), военные (пушкинский военный гарнизон, военный суд, Военно-морской инженерный институт, Военный институт военно-космической академии), медицинские (к примеру, городская больница № 38 им. Н.А. Семашко, научно-исследовательский детский ортопедический институт им. Г. И. Турнера).

Таким образом, в городе живут люди самых разных профессий и специальностей, имеющие за плечами разнообразный и подчас неповторимый жизненный опыт, что можно увидеть и по некрологам. За каждым некрологическим высказыванием стоит

уникальная биография, уникальная судьба, жизненная траектория, обремененная в более или менее удачно подобранные слова. И многие некрологи читать, как минимум, просто интересно, поскольку через них ты знакомишься с индивидуальными, нередко захватывающими жизненными историями и даже испытываешь некоторую гордость за то, что такие люди жили рядом с тобой.

Кроме того, из разговора с заместителем главного редактора «Царскосельской газеты» мне стало известно, что сама редакция не занимается написанием некрологов (если только не умирает кто-либо из собственных журналистов, корреспондентов), поэтому разнообразие социальных институтов в пределах города предоставляет мне возможность проанализировать некрологические высказывания людей самого разного рода занятий, разных социальных статусов и ролей.

Сами тексты некрологов лишний раз напоминают жителям Царского Села, в каком прекрасном и уникальном месте они живут, напоминает, что их земля «богата замечательными людьми», вселяет в них гордость за то, что они также являются частью этого сообщества. К примеру, причастность умершего к самому ценному для жителей города культурному объекту, предмету их гордости, Царскосельскому парку, «самоотверженная, творческая, созидательная работа во имя красоты, величия и славы города» (некролог А. А. Кедринскому, «Царскосельская газета» № 45 от 26.09.2003) квалифицируют покойного как выдающегося человека. А значит, его смерть — событие городского масштаба, серьезная потеря, о которой должен узнать каждый пушкинец.

В своем докладе мне хотелось бы сосредоточиться не только на способах говорения об умерших горожанах/горожанках и средствах репрезентации их жизненного пути в зависимости от гендера, но и на формулировании причастности героя/героини некролога к своему городу, упоминании и изображении в текстах значимых для городского сообщества локаций и способах взаимодействия города и человека, отраженных в посмертных панегирических высказываниях, коими и являются некрологи.

Н.В. Мельникова

г. Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Женщины в закрытых атомных городах: между атомным ректором и бытом

Роль женщин в советском атомном проекте во многом остается в тени, поскольку в военных и в верхних эшелонах научного и производственного сообществ доминировали мужчины. Такая ситуация характерна не только для СССР, но является универсальной: подобное соотношение сил отмечают и американские исследователи «женской» составляющей Манхэттенского проекта [1].

Чем выше был статус руководящего органа атомного проекта, тем меньше в нем работало женщин. Будучи совсем не представленными в высших руководящих органах проекта, женщины работали в их аппаратах в качестве секретарей, инспекторов, бухгалтеров и машинисток. Однако и там в 1946–1953 гг. они составляли менее 40% от общего количества работающих [10:373, 374]. Немногим больше — 43,3% — было женщин в системе Первого главного управления при Совете Министров СССР, которому были подчинены основные производственные силы проекта, в том числе расположенные и в закрытых «атомных» поселениях. При этом в этих поселениях

в составе некоторых профессиональных групп (в том числе и тех, в которых ранее доминировали мужчины) можно обнаружить преобладание женщин. Например, среди расчетчиц (математиков-вычислителей), радиохимиков и химиков. Среди последних количество женщин в среднем доходило до 80% [4, с. 62], а на отдельных участках — до 100% [12, с. 62–78]. Осваивая принципиально новые специальности, связанные со становлением не имевшего ранее аналогов производства, женщины занимались обслуживанием атомных реакторов: системами управления, защиты и, первоначально, разгрузки. На производственном «атомном» первенце страны — комбинате «Маяк» (г. Озерск) в первом составе операторов отделения по разгрузке трудился только один мужчина [9, с. 50]. В последующем, учитывая тяжелые условия труда, на данной должности женщины никогда не работали. Но должности оператора отметки расходомеров или инженера управления реактором продолжали оставаться «женскими». По воспоминаниям, И. В. Курчатова считал, что именно женщины в этой работе более внимательны, вдумчивы, дотошны и аккуратны [3]. Таким образом, женщины получали признание права на эти должности и специальности на основании оценки гендерных навыков и характеристик. Вне градообразующих предприятий закрытых «атомных» поселений женщины преобладали в сферах, трактуемых как социальное материнство: здравоохранение, просвещение, торговля и общественное питание [7].

По мнению веного руководителя Манхэттенского проекта генерала Л. Гровса, женщины тяжелее переносили изоляцию, режим секретности, спартанские бытовые условия, которые сопровождали реализацию проекта [6:95]. «Женские» вопросы американок (отсутствие магазинов модного платья, одна дамская парикмахерская на тысячи женщин и др.) должен был решать инспектор по работе с женским персоналом. У советских женщин «периферийных» атомных объектов не было ни «своего» инспектора, ни отдельной заботы о женском контингенте. А отсутствие парикмахерских и магазинов модной одежды было куда меньшей проблемой, чем нехватка яслей и детских садов. Сталкивались с необходимостью соответствовать господствовавшему в СССР этатрактическому контракту «работающей матери» [8, с. 450], женщины были вынуждены увольняться с работы с формулировками «по собственному желанию» или «по семейным обстоятельствам». Иного выхода в условиях закрытых городов в первые годы их существования не было. Детские учреждения только строились, и ограниченное количество мест в них (20–50 на весь город) делали ясли и детские сады желанным дефицитом [5, с. 310]. Перепоручить (няне или бабушке) заботу о ребенке было практически невозможно: в рассматриваемый период в такие города завозили только тех, кто был экономически целесообразен для нужд градообразующего предприятия или городских служб. «Чтобы не возиться с материнством» (как выразился один из руководителей г. Лесного) [11, с. 104], матери-одиночки получали право выезда из города. Замужние женщины увольнялись без такой возможности, переходя на иждивение мужа. После того, как дети подрастали, или их удавалось оформить в ясли или детский сад, женщин вновь принимали на градообразующее предприятие, но часто уже в другое подразделение или в иной должности. Таким образом они должны были адаптироваться к новым для себя условиям работы.

Сами женщины не воспринимали ситуацию с оставлением работы как дискриминацию, для них это была реальность жизни. Действовал культурный стереотип по части того, кто сидит с детьми и занимается домашним хозяйством (в котором был элемент автодискриминации). Авторское ретроспективное социологическое исследо-

вание населения г. Лесного показало, что большинство женщин — 63% отдавали свое свободное время домашним обязанностям (среди мужчин таких только 36%). Мужчины же предпочитали заниматься самообразованием и спортом и проводить время вне семьи с друзьями (60%). В то время как практически тот же процент женщин (62%) хотели и в свободное время оставаться с семьей.

Таким образом, вопреки распространенному представлению советского атомного проекта как «мужского» мира, женщины в нем были и на «передовой» научной-технической и производственной работы, и обеспечивали тыл мужчинам проекта. Однако это оборачивалось для них двойной нагрузкой, вследствие действия гендерно-рассогласованного [2] контракта «работающей матери».

Литература

1. Atomic Heritage Foundation. Hornig L., Bradford Diven R. Women and the Bomb//The Atomic Heritage Foundation [Электронный ресурс]. <http://www.atomicheritage.org/history/women-and-bomb>.
2. Айвазова С. Г. Контракт «Работающей матери»: советский вариант//Гендерный калейдоскоп. Курс лекций/Под ред. М. Малышевой. М.: Academia. 2001. С. 291–310.
3. Аникина Н. А. Не ради наград//Электронная библиотека «Росатом». Живая история. Электронный ресурс: http://memory.biblioatom.ru/persona/anikina_n_a/anikina_n_a/
4. Артемов Е. Т., Беделё А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург: БКИ, 1999.
5. Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т./Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Кн. 3. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002.
6. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. История Манхэттенского проекта. М.: Атомиздат, 1964.
7. Группа фондов комбината «Электрохимприбор». Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 2.
8. Здравомыслова Е. А., Т емкина А. А. Советский этакратический гендерный порядок//Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и гендерная история/Под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: РОССПЭН, 2003.
9. Первопроходцы: книга памяти. Озерск; Челябинск: Челябинский Дом печати, 2011.
10. Полунин В. В. Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945–1953 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2007.
11. Пронягин П. Г. Урал. Три периода. Екатеринбург: Раритет, 2007.
12. Третий цех/Грачев Д. Н., Киселев Г. В., Милюкова Р. П. и др. Екатеринбург: Раритет, 2007.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-01-00102-ОГН.

О. Н. Турышева

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

«Трамвай “Желание”»: остановка в российской провинции

Фильм «Однажды в провинции», снятый в 2008 г. Е. Шагаловой по собственному сценарию [2], посвящен исследованию русской провинциальной жизни. Представление картины на XXX Московском кинофестивале вызвало жесткие упреки автору в очерняющем изображении жизни русской глубинки [1]. Действительно, фильм выставляет напоказ ужасы провинциальной реальности: насилие, нищету, алкоголизм,

автоматизм бездуховного существования, в котором женщине отведена роль прислуги, утешительницы и жертвы, но никак не субъекта воли, мнения и чувства.

Однако эстетика фильма Е. Шагаловой подразумевает не только разоблачение чудовишных реалий российского захолустья. В соответствии с авторским замыслом, фильм представляет собой кинематографический парафраз пьесы Т. Уильямса «Трамвай «Желание»». Картина содержит прямые цитаты из американской пьесы и заимствует отдельные элементы сюжета и конфликта. Как и в первоисточнике, в основе завязки действия лежит приезд героини, потерпевшей жизненное фиаско, в дом сестры — в надежде на приют и поддержку. В американской пьесе это Бланш Дюбуа, в русском фильме — Настя, актриса, по нераскрытым в фильме причинам вынужденная покинуть Москву.

Как и в прецедентном тексте, внешний конфликт у Е. Шагаловой разворачивается между гостьей и мужем сестры (Стенли Ковальски — Коля Спиридонов по прозвищу Спиро). В его основе — протест героини против униженного долготерпения своей сестры Веры — новойленной Гризельды — и против самого образа провинциальной жизни, превращающей людей в бездушных и бездумных существ, глушащих горечь, боль и бессмысленность существования в агрессии, бессердечии и вызове самым естественным нормам. В этом плане жестокой насмешкой звучит прозвище главного героя — контуженного ветерана афганской войны — Спиро.

Как и у Т. Уильямса, героиня становится жертвой предательства со стороны сестры: в пьесе Стелла по настоянию Стенли соглашается на заключение Бланш в психиатрическую клинику, в фильме Шагаловой параллельный ей персонаж обвиняет сестру в покушении на своего мужа — вопреки тому, что это покушение было совершено с целью ее же защиты от жестоких избиений.

Но при всех цитатах и аллюзиях русский вариант «Трамвая «Желание»» содержит серьезные отличия от американского первоисточника. Во-первых, снят тот внутренний конфликт, носителем которого была Бланш Дюбуа и который во многом и обусловил трагическое разрешение действия у Т. Уильямса. Сценическое поведение Бланш полностью обусловлено событиями ее жизни: смертью родителей, потерей родового имения и, главное, самоубийством мужа, в котором она обвиняет саму себя. Ее образ жизни — многочисленные любовные связи, ставшие предметом всеобщего порицания, причиной ее изгнания из профессии и краха личной жизни в Новом Орлеане — на самом деле представляет собой индивидуальный протест Бланш против смерти.

Ничто подобное не отличает образ Насти из фильма Е. Шагаловой. О причинах отчаянного положения, которое она пытается преодолеть, приехав в глухую провинцию к сестре, ничего не сообщается. С Бланш ее объединяет разве что негодование по поводу позиции сестры, всегда готовой простить своего супруга — какими бы ужасами для нее не оборачивалась его жестокость, а также отвращение к «свинскому» образу жизни городка, в котором она оказалась. Думается, что лишение героини предыстории, а ее внутренней жизни — глубокого трагизма, отличающего образ ее литературного прототипа, принципиально и связано с переориентацией авторского взгляда с индивидуальной драмы героини на драму русской провинциальной жизни. Именно эта оппозиция (столица — провинция) и определяет расстановку акцентов в фильме. Настя принадлежит столице, ужасы провинциальной жизни для нее окупают только любовь, которая, как оказывается в финале, с провинциальным хронотопом несовместима. У Т. Уильямса конфликт также во многом определяет пространствен-

ная оппозиция: Бланш приезжает в Новый Орлеан из южного Лорела. Индустриальный Север, лишенный южного аристократизма, становится для Бланш воплощением смерти. Конечная остановка маршрута трамвая «Желание», на котором она приехала к сестре, — кладбище. Его близость символизирует и образ пугающей Бланш мексиканки, продающей «цветы для умерших». Таким образом, пространственные оппозиции («столица — провинция» и «Север — Юг») в обеих драмах символизируют противостояние жизни и смерти.

Но если в американской пьесе это противостояние явственно только героине, травмированной смертью и предъявившей ей личный счет, то в русском фильме смерть объективирована в образе провинции. В трактовке Е. Шагаловой провинция — не что иное, как зона смерти. Эта семантика символизирована в образе городского сумасшедшего по прозвищу Лошадь (персонаж, параллельный уильямсовской мексиканке, продающей цветы для покойников). Лошадь — главная жертва города, заплатившая ему полной потерей человеческого облика. Но при этом он соорудил шлагбаум на въезде в город, присвоив себе роль его хозяина. Его мистическая власть над городом неоднократно находит в фильме свое подтверждение.

Значимо и прозвище этого персонажа. При первой встрече с ним Настя интерпретирует его смыслом: «Почему Лошадь?» Ответа на свой вопрос она не получает: никто не помнит и не знает, с чем связано его переименование. Однако вспомним, что многозначная символика образа лошади в мифологической традиции включает в себя и непосредственную принадлежность к царству смерти: в древних поверьях их считали проводниками в загробный мир. Эта семантика поддерживается и аллюзией на дантовских кентавров, сторожащих седьмой круг ада, где наказывается грех насилия. Наконец, актуальной является и аллюзия на всадников Апокалипсиса, за четвертым из которых — «по имени Смерть» — по пятам следует ад.

Другое важнейшее отличие фильма от драматургического первоисточника составляет финал. У Т. Уильямса пьеса заканчивается слезами Стеллы, переживающей собственное предательство сестры и страдающей об ее участи, но принимающей утешающие поцелуи своего мужа. Е. Шагалова пытается переписать финал. Впрочем, такая попытка уже была предпринята — в экранизации пьесы Т. Уильямса, снятой в 1951 году Элиа Казаном. В ней слезы Стеллы разрешаются ее уходом от Стенли и обещанием никогда к нему не возвращаться.

В фильме Е. Шагаловой предпринята другая попытка переосмысления финала: в отличие от неудачи, которую Бланш терпит в желании устроить свою жизнь с Митчем, Настя обретает счастье с Че, который спасает ее от ложного обвинения сестры, отбивая из рук служителей правопорядка. Однако спасение оказывается невозможно: Лошадь, неоднократно униженный и оскорбленный Че, бессознательно провоцирует авткатастрофу, в которой герои погибают. Смерть поглощает героев, посягнувших на смерть против нее.

Впрочем, представляется, что выделенный мифологический подтекст не столько углубляет смысловое пространство фильма, сколько усиливает его очевидную семантику — семантику неблагополучия провинциальной жизни, замешанной на поствоинном синдроме, привычным унижении женского начала, бессмысливающим труде, не обеспечивающим ни достоинство, ни экономическую состоятельность, на разрушающих привычках национальной жизни. Последнее отчетливо звучит в многочисленных параллелях между русскими горожанами и гастарбайтерами из восточных стран. Изображенные в ключе безусловной симпатии, они удивляются особенностям рус-

ской жизни: «Наверное, мы для них тоже выглядим странными — ложимся вовремя, не пьем, живем мирно». А мусульманская жена даже поучает Веру, упрекая ее в том, что она прилюдно выражает тревогу о пьющем муже. С ее точки зрения, семейное несчастье русской женщины — в том, что она недостаточно смиренна, недостаточно уважительна по отношению к мужу.

Фильм опровергает восточную логику, взваливая ответственность на мужчин, не способных противостоять вызовам жизни. Режиссер как будто адресует мужскому «населению» фильма слова Бланш, в которых та так страшно разочаровалась — в силу того, что они привели к самым трагическим последствиям: «Ты слишком слаб. Я презираю тебя». Но фильм и сочувствует героям: недаром все они выведены носителями посттравматического синдрома, жертвами военной и социальной политики страны.

Литература

1. Боровикова В. Режиссер Екатерина Шагалова//*Новые известия*. 1 июля. 2008. URL: <https://newizw.ru/news/culture/01-07-2008/93020-rezhisser-ekaterina-shagalova> (дата обращения 17.04.2018).

2. Шагалова К. Однажды в провинции. Сценарий//*Искусство кино*. 2008. № 9. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2006/09/n9-article18> (дата обращения 17.04.2018).

К. В. Сулянова

г. Самара, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С. П. Королева»

М. А. Корсун

г. Самара, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени ак. С. П. Королева»

Гендерные особенности водительских практик в городской среде

В последние годы можно заметить значительный рост интенсивности транспортного движения как в центральных городах, так и на периферии страны. С активизацией дорожного движения «высокими остаются показатели дорожно-транспортных происшествий, поэтому возникает необходимость изучения человеческого фактора их появления» [1, с. 239]. Все больше людей получают водительские удостоверения (права) и становятся официальными участниками дорожного движения в качестве водителя, «в их числе много женщин» [1]. Согласно данным исследования компании TNS Global, если в 2006 году в России за рулем находились лишь 1,7 млн. женщин, то по итогам 2011 года эта цифра увеличилась до 3,07 млн. и продолжает расти. Информация была получена в ходе опроса водителей старше 18 лет в городах РФ с численностью населения более 100 тысяч человек [2].

Одновременно остаются актуальными гендерные стереотипы, указывающие на специфику вождения женщин-водителей и мужчин-водителей, приписывание обоим гендерам определенных стилей вождения, реагирования, поведения за рулем, выборе транспортного средства. Так процесс стереотипизации гендерных особенностей водительских практик влияет на ситуацию на дороге и, в частности, на восприятие других водителей в потоке транспортной сети.

В рамках исследования гендерных особенностей практик вождения в городской среде мы использовали метод глубинного интервью с элементами метода фотовывяв-

ния, являющийся наиболее распространенным методом качественных исследований. Всего было проведено 8 глубинных интервью со студентами Самарского университета, имеющих опыт управления автомобилем более года и постоянно включенных в практики вождения. В ходе интервью помимо традиционных вопросов гайда, информантам предлагалось оценить практики вождения, представленные на коротких видеороликах. Подобный синтез методов позволил получить более глубокую информацию по исследуемой проблематике. Отбор информантов проводился методом «снежного кома». Данный метод отбора опрошенных был выбран в связи со сложной доступностью исследуемого поля. Так мы взяли 5 интервью с женщинами и 3 интервью с мужчинами, что дало нам развернутый материал для анализа гендерных различий в контексте практик вождения.

Для анализа практик передвижения в городской среде использованы результаты пилотного исследования, проведенного в апреле 2018 года. Характеристика современного передвижения изучалась с точки зрения включенности в деятельность вождения, требований к транспортному средству, индивидуального стиля вождения, восприятия «мужского» и «женского» стилей вождения.

Проанализировав полученный массив данных, мы получили следующие выводы:

1. Первый опыт вождения транспортным средством как для мужчин, так и для женщин имеет две тенденции: во-первых, связан с периодом учебы в автошколе непосредственно при сдаче экзамена на вождение, во-вторых, с вхождением в деятельность — «сидели у папы на коленках за рулем». В первом случае, как отмечают информанты, мотивом для вождения стало прогнозируемое увеличение срока обучения в автошколе, во втором случае, мотивом стало транслируемые практики семейного вождения в городской среде — «вся семья водила».

2. Среди требований к транспортному средству мы проанализировали существенные гендерные различия. Так для женщин-информантов ключевыми критериями для выбора личного транспортного средства являются цена, эстетика машины («во внутренних я не разбираюсь»), автоматическая коробка передач («мне сложно ездить на механике»), «во время обучения в автошколе я сразу выбирала машину с автоматом»). Для мужчин, напротив, к важным критериям относятся размер салона автомобиля, количество лошадиных сил («не хочу платить налог на скоростные машины»), «при желании я свою девятку до 149 км/ч разгоню»), расход бензина. Из этого следует, что для женщин основными показателями для выбора автомобиля является надежность и эстетика, а для мужчин — практичность и комфорт.

3. Как отмечают женщины-информанты, они предпочитают безопасный стиль вождения, например, «держат дистанцию от впереди стоящей машины», осторожный, собранный — «все контролирую вокруг себя на 360». Мужчины-информанты утверждают, что для них характерен «более опытный» стиль вождения, аккуратный («я ценю машину»), агрессивная и скоростная езда («иногда за рулем я вспыльчив в некоторых ситуациях»). Так для мужчин присущ более уверенный и разнообразный стиль вождения, в отличие от женщин, которые выбирают статичный и продуманный стиль.

4. По словам опрошенных мужчин, они воспринимают «женский» стиль вождения как «отсутствие логики за рулем», невозможность прогнозировать маневр, например, «успеть проскочить коридор», «нечувствительность к дороге». Они отмечают, что женщины «боятся руля, вцепившись в кресло, пытаются выглянуть за капот».

5. Женщины, напротив, воспринимают «мужской» стиль вождения как рискованный («мужчины быстро реагируют на стрессовые ситуации за рулем — быстро перестреиваются, объезжают, обгоняют»), внимательный и размеренный («опытные мужчины водители ищут оптимальные варианты езды как игра в шашки, когда человек может выиграть или не выиграть в поездке»).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о существовании в массовом сознании стереотипного восприятия женщин- и мужчин-водителей. Стоит отметить, что стереотипы восприятия в отношении женщин-водителей одинаковы у представителей обоих полов. Процесс стереотипизации гендерных практик вождения затрудняет адекватную оценку женщин и мужчин, управляющих транспортным средством. Кроме того, этот фактор влечет за собой опасность дорожно-транспортных происшествий. По причине присваивания некоторым водителям гендерных особенностей вождения существуют определенные трудности в процессе вождения транспортным средством. В частности, неопытные женщины-водители, вынужденные ездить со знаком «Начинающий водитель» отмечают, что часто сталкиваются на дороге с неадекватным отношением в их адрес: «меня постоянно резко подрезают и настойчиво сигнализируют, чтобы я проехала вперед». Мужчины признались, что часто нарушают скоростной режим, что было причиной дорожно-транспортных происшествий: «разогнавшись до 240 км/ч, я перевернул машину, к счастью, никто не пострадал». Итак, при анализе исследования мы эмпирически зафиксировали, что существующие гендерные особенности водительских практик в городской среде могут повышать опасность попадания в дорожно-транспортные происшествия.

Литература

1. Петрова М. М. *Социально-психологические особенности стереотипов восприятия женщин водителей//Ученые записки Российского гос. соц-ого ун-та.* М: 2011. С. 239–243.
2. URL: <http://autosalon.by/index.php?id=2602> (дата обращения 29.04.2018)

Е. В. Жбанкова

г. Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Современная российская провинция глазами московской студентки

На факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова обучаются в основном девушки, в большинстве своем москвички. В учебном плане отделения региональных исследований и международных отношений есть обязательная выездная регионоведческая практика II курса. Летом, после окончания сессии, студенты группами в 15–20 человек едут в разные регионы России с целью их подробного изучения. Студенты еще до поездки должны усердно поработать в библиотеках Москвы и в интернете, чтобы быть осведомленными об истории, географическом положении, социально-экономической ситуации, достопримечательностях, а также о современной региональной политике. К началу практики студенты должны иметь максимальное представление о месте, куда им предстоит отправиться.

Особую специфику на заочные представления студентов о русской провинции накладывает половая принадлежность. Девушки с гораздо большей охотой из тем,

предложенных преподавателем, по которым необходимо по возвращении написать курсовую работу, выбирают темы, связанные с историко-культурными особенностями, с развлекательной (досуговой), культурой, с образованием и религиозной жизнью региона. Юноши охотнее выбирают темы, связанные с региональной политикой, с производственной инфраструктурой, с развитием физкультуры и спорта, а также с деятельностью молодежных организаций.

Гендерные различия еще более существенно проявляются по прибытии на место практики. Еще в поезде, а студентов полагается перевозить только в плацкартных вагонах, у девушек начинает проявляться беспокойство, порою сродни панике: многие из них впервые в жизни едут на поезде, да еще в плацкарте. Особенно сильное впечатление производит туалет. Юношей бытовые неудобства не пугают ни в поезде, ни в гостинице, где далеко не всегда можно говорить о комфорте в связи с ограниченностью финансирования. Девушки переживают довольно сильно, многие на второй день начинают обсуждать с руководителем возможность отъезда. По истечении нескольких дней ситуация стабилизируется, а к концу практики, как правило, возвращаться домой уже никто не хочет.

Автор сообщения была руководителем выездной практики в разные регионы России более десяти раз и потому вполне имеет право проанализировать и представить свои выводы о том, как видят и оценивают русскую провинцию юные студентки-москвички, и какие впечатления и знания о ней они получают в результате практики.

С. Б. Адоньева

г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Порядок дома: стили жизни современных россиян

В течение многих лет мы, работая в севернорусских деревнях, фотографировали и описывали устройство деревенских жилищ (см: www.folk.ru «Семиотика крестьянского дома», www.daytodaydata.ru — фотографии интерьеров). Наш интерес к порядку дома определяется тем, что его организация напрямую связана с социальной организацией. Дом служит площадкой отношений, задавая им определенные сценарии взаимодействия, и, в то же время, дом создается и украшается в соответствии с тем порядком жизни, какой представляют себе его владельцы и обитатели. Дом — это прямое воплощение, с одной стороны, социальных отношений и распределения функций в семье, с другой стороны, это проекция определенной когнитивной карты, т.е. тех представлений и тех смысловых связей, которые существуют во внутреннем мире устроителя дома. Анализ фотографий деревенских домов (1968–2017, Архангельская и Вологодская области) позволяет увидеть следующее. Пестрота занавесок и пелен, а также накидок и ковриков, покрывающих предметы мебели или оформляющих проемы (окна, устье печи, межкомнатные двери, диваны и кровати, пол) соседствует с пустотой плоскостей — столов, лавок и стульев, кроватей. Все вещи знают свои места. Много свободных от предметов плоскостей. Рабочие места хозяина дома имеет определенный порядок, есть принцип раскладки предметов и некая организация отражающая организацию деятельности того человека, который это место в доме организовал. Функциональность и зонирование деревенского дома в значительной степени определены задачами практической жизни, а не составом

семьи: нет детских мест и комнат, место хозяйки или хозяина, или общая кровать чаще располагаются ближе к двери, это положение обеспечивает контроль. Способы хранения вещей отличаются от привычных горожанам: есть полка над входной дверью, есть вешалки для одежды при входе, они также прикрыты шторкой. Все вещи знают, где им жить. Этот порядок кем-то задан, он воспроизводится, мы не видим вещей, которые не знают своего места. У вещей есть места. Требования к чистоте могут быть различными, но принцип пустых поверхностей при пестроте и яркости и большом количестве цветов соблюдается.

Просмотр учебных фильмов режиссеров документалистов Школы документального кино и театра Марины Разбежкиной и Михаила Угарова (более 60 работ) дал возможность рассмотреть жилища горожан. Студенты снимали своих знакомых, родственников, снимали в тех местах, где они находятся, география съемок — практически вся страна от Владивостока до Петербурга. Когда мы заходим к своим знакомым в их дома, нас обычно встречают в качестве гостей, то есть, нас ждут, в отличие от экспедиции, когда мы врваемся неожиданными визитерами. Деревенские дома мы видим такими, какими их видят хозяева: они не готовят дом к нашему приходу, у них нет такой возможности. Студенты с камерами также врываются в дома своих героев. И эта экспансия открывает нашему зору очень странный быт. Книжки и бумаги живут странным образом: в принципе, они сложены, но ты не можешь к ним обратиться — они лежат одна на другой, некоторые корешки не видны. Для того, чтобы найти одну, тебе нужно достать все. Белье висело из шкафов и висело на диване. В серванте стоит все, что угодно. На поверхностях пианино или трюмо оседает все то, что не может найти себе места, но это собрание вещей обладает определенным набором характеристик — маленькое (упаковки лекарств, вазочки и коробочки), символически значимое и лишённое утилитарной функции (сувениры, фотографии, иконки, открытки). Стулья лишены спинок, потому что там всегда висит одежда, и, если это не одежда, то полотенца, которые выскочили и бродят по дому. Можно предположить, что хозяин обустроивает то ближайшее, что ему нужно все время, на виду, что на пианино выстроился план дня. С лекарствами, расписаниями, книжками. Один из фильмов — «В шкафу» (см.: <https://pilgrim.fund/film/v-shkafu>) имеет прямое отношение к описываемой теме: Даша Аксенова (режиссер) приходит в гости к бабушке и двоюродной бабушке, и помогает каждой разбираться с вещами, доставаемыми из шкафа и антресолей. Женщины вытаскивают из хранилищ пустые банки, бумаги, вещи и вспоминают о том, откуда они появились или как ими распорядиться. «В шкафу» вместе живут вещи, которые в деревенском порядке разнесены далеко друг от друга. Стилы жизни, явленные в жилых домах деревенских жителей и горожан, очень не схожи. Устроенность и осмысленность крестьянского быта обеспечивается порядком жизненных практик, обладает сезонной цикличностью, режимом будничности — праздничности и функциональной, а не персональной принадлежностью зон. Порядок жизни, как и порядок быта, задается старшими, они — во главе семейной иерархии. Бабушки и дедушки, отцы и матери (хозяева деревенских домов) определяют то, что где и как будет лежать. Это не всегда так в деревне, но чаще всего именно так. Большинство современных горожан — горожане в третьем-втором поколении. Перемещение в городскую среду, произошедшее в середине, второй половине прошлого века, привело к сбоям, подобным аномии. Пространство не может структурироваться так же, как не может определить свое место в структуре семьи тот, кто

в нем живет: то ли в отношении связей, то ли в отношении предпочтений и ценностей, то ли в отношении семейной иерархии. Не очень понятно, кто главный, один порядок накладывается на другой в одном пространстве, вещи выскакивают из директивно предписанных им хранилищ (шкафов, кладовок), но им трудно вернуться обратно. Бурдые считал, что ключевую роль в воспроизводстве иерархий играют те, кто, занимая властные позиции производства вкусовых суждений, навязывают свои культурные и символические практики другим. Бурдые назвал это символическим насилием: субъективно символическое насилие переживается как чувство собственной неполноценности. Человек (группа) перестает любить то, что имеет, и желает того, что объявлено как желаемое. В этом случае стили жизни утрачивают способность к воспроизводству. Доминирование директивного порядка дома, которое в течение многих лет определяло нормы жизни советского человека (государственные планы квартир, предписанное зонирование, стандартизованные наборы мебели и пр.) обеспечило устойчивую сценическую площадку жизни современного горожанина. Ослабление внешнего контроля, открыло невнятность внутреннего социального строя, семейной иерархии и смысловой организации жизни. Имеющийся в городском жилище порядок вещей обнаруживает многовариантность когнитивных и социальных порядков, стоящих на повестке дня.

В. П. Козырьков

г. Нижний Новгород, Нижегородский научно-исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского

Гендерная нейтральность большого города

Классический город отличается от села общественным невниманием. Современный мегаполис отличается от классического города гендерным невниманием, когда осуждается внимание в публичном пространстве на качества противоположного пола. Гендерные предпочтения разрешено отдавать только в сфере частной жизни. Образы мужчины и женщины оккупированы рекламой, но в деперсонифицированной и эстетизированной форме, создавая гендерную нейтральность образа города. Этому способствует и туристический сервис, ориентированный на привлечение внимание туристов с коммерческой целью. Каков же Нижний с этой точки зрения?

Уточним понятие гендера, которое используется в данной статье.

В гендере есть два аспекта: фемининность (женственность) и маскулинность (мужественность). Каждый из них есть совокупность социокультурных качеств, которыми отличаются друг от друга типичные женщины и типичные мужчины. Человек формируется культурой с учетом половых признаков, поэтому общечеловеческие качества приобретают особенности, которые становятся характеристикой женщины или мужчины как существ одинаковых по сути. Понятие гендера и зафиксировало равенство людей по их природе, но выраженное противоположным образом. Их равенство в том, что они определяются друг через друга. Гендерные отношения не могут иметь неравенства, так как гендер есть качественная характеристика человека, а не количественная. Все гендерные качества, выраженные противоположным образом, проявляется в культуре, в различных сферах общества. Обратим внимание на некоторые моменты при рассмотрении образа Н. Новгорода.

Если начинать с истории, то Нижний — это мужской город. Город рабочих, купцов и защитников России. Но это и город на слиянии двух российских рек, Воги и Оки, которые воспеты в фольклоре как женские образы. Нижний с гендерной точки зрения проявил себя и прямо с женской стороны, дав мастериц в художественных промыслах.

Если переходить к современности, то ситуация изменилась. В улицах города трудно заметить какие-то гендерные различия. Не заметны они в архитектуре домов, в большей части названий улиц и площадей.

Кто жил в деревне, то не может не вспомнить, что каждый дом имеет свои гендерные особенности. Есть такие избы, про которые сразу можно сказать, что они срублены и обустроены мужчиной и для женщины, для семьи. Причем, внешне все же больше проглядывает мужская черта, а в интерьере — женская. В городе гендерная дифференциация домов уже исчезает. Серые стандартные коробки панельных домов переключаются с домами с небольшой подкраской стен домов современной архитектуры. Но как в тех, так и в других домах не видна женственность, их трудно отнести и к проявлению маскулинности. Видимо, тут сказалась гендерная нейтральность. Чтобы было понятно, о какой гендерности можно говорить применительно к домам, то сошлюсь на индивидуальный транспорт, который в массовом сознании четко различается на мужские и женские автомобили. Точно так же как не все мужчины сядут за руль марок машин, которые стали идентифицироваться с женским полом. Но есть и гендерно нейтральные марки, какими всегда были все советские машины с акцентом на мужской пол, так как женщины на них ездили редко. На них женственность выражалась только в обилии ржавчины, которая появлялась на кузове через 2–3 года.

Но вернемся к домам. Если пройтись по центральным улицам, то если приглядеться, то можно увидеть женские и мужские черты, но как нечто случайное. В названиях самих улиц, в образе фасадов, в обустройстве дворов и дворик и др. Вот, скажем, во дворе, рядом с гаражами, женщины сделали себе под кустами сирени и акаций дворик, в котором сидят и обсуждают новости. Но тут же, недалеко, мужчины соорудили себе стол для игры в домино, но не под кустами, а рядом с гаражами, которые для них стали вторым домом. Плохо то, что таких гендерных локусов становится все меньше, так как на дворовое пространство наступают машины мужской и женской ориентации. И такая гендерная сегрегация, когда мужчин и женщины не могут публично выразить свою мужественность и женственность, имеет склонность к развитию. В результате мужественность и женственность приходится проявлять в квартире, что не всегда выливается в гармонические гендерные формы и отношения. Но дом — это не только квартиры, но и общедомовое пространство, которое, большей частью, лишено гендерности. Лестничные площадки и сами лестницы не поражены гендерной ориентацией и своей нейтральностью наводят скуку. То же самое можно сказать о лифтах и входных дверях, так как в их конструкцию гендерные черты даже не закладывают. Но почему же они закладываются в автомобили? Казалось бы, эти черты можно было заложить в конструкцию пандусов, но делается это не всегда, поэтому женщинам приходится закатывать детскую коляску с такой силой и ловкостью, что сразу вызывает мысль, что пандусы сделаны людьми, которые не учитывают особенности женского, «слабого» пола, поэтому женщинам часто приходится быть сильными.

Выйдем на улицу. Нужно ли искать гендерные особенности в характере улиц? Конечно, можно пройтись по названиям улиц. В городе 1422 улицы. Есть улица 8 марта. Но среди всех именных и гендерных улиц 230 (16,1%) с женскими именами связано

только 11 улиц (4,8% от гендерных названий). Остальные названы именами 219 (95,2% от гендерных названий) мужчин (героев, академиков, генералов, адмиралов, писателей и др.), а вот остальные с гендерно нейтральной топонимикой — 1192 (83,8% от общего числа улиц). Если судить по этому показателю, то Н. Новгород явно с перекосом в мужскую сторону. Но еще больше в гендерную нейтральность.

Дойдем до площадей. Их в городе 16. Площади, скорее всего, тоже мужские: Минина, Горького, Ленина, Лядова, Маркина. Площадей имени какой-то женщины вообще нет. Есть, скажем, площадь Сенная, как в Питере, но улицу с таким названием воспел еще Некрасов и вспоминается совсем не привлекательный образ женщины: «Вчерашний день в часу шестом, / Зашел я на сennую, / Там били женщину кнутом, / Крестьянку молодую». Что касается других площадей (Театральная, Комсомольская, Благовещенская, Народного единства, Ошарская, Свободы, Революции и др.), то они имеют больше политический и в этом смысле гендерно нейтральный характер, но больше в сторону традиционно мужской ориентации.

Разумеется, приведенные данные обладают частичной репрезентативностью гендерного образа Н. Новгорода. Не были затронуты торговля, образование и другие институты и организации инфраструктуры города. Скорее всего, приведена внешняя, туристическая сторона гендерности. Но ведь именно этот аспект сейчас имеет коммерческую актуальность. Тем не менее, выявленные диспропорции в выражении женских и мужских признаков в образе города как-то может повлиять на формирование и развитие мужественности и женственности каждого нижегородца. И все же чем выше будет гендерная дифференциация, тем выше будет уровень культуры города и будет расти его привлекательность.

М.Р. Арпентьева

*г. Калуга, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского
г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет*

Психология партисипации и проблема социальной дистанции в Нижегородском регионе

Социальное служение как компонент партисипации основывается на понимании и признании других людей, их бытия: существующими, важными, требующими поддержки [1; 2; 3; 6; 8; 11]. Однако, все эти показатели как показатели значимого и близкого, вовлеченного контакта, встречаются в отношениях сообществ далеко не всегда. Более того, центральный регион России резко поляризован в отношении помощи людям разных этнических, религиозных, социальных групп и участия в их судьбе. По данным исследований, проведенных на территории Нижегородском регионе в последние годы, можно увидеть, что население региона относится к людям иных национальностей весьма дифференцировано и достаточно отчужденно. Социальная дистанция между людьми разных групп порой огромна [7; 9; 12; 15; 16; 17; 19; 20; 21; 22]. Если представители русскоязычного населения, славянских этносов, воспринимаются как потенциальный получатели и доноры помощи, сотрудники, то представители иных национальностей, например, грузины, армяне, чеченцы, таджики, узбеки, молдаване и т. п. — весьма отчужденно: совместная жизнь с ними и помощь им в рамках не только семейной, но и трудовой деятельности часто просто

«не укладываются» в систему представлений и отношений. Если жители Украины и Белоруссии обозначаются и принимаются как «братья-славяне...», которые ни этнически, ни по поведению, ни по привычкам от нас не отличаются», то жители иных стран, которые «с течением времени, их вытесняют», — трудовые мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Азербайджана, кажутся чужаками и захватчиками [10, с. 1]. Это люди, не только не вызывающие стремления помочь, но и не могущие претендовать на получение помощи [4; 5; 14]. Жители региона с настоятельностью воспринимает рост притока мигрантов, ожидая от него роста проступности и беспорядков. Аналогичная ситуация складывается в отношении «иноверцев» (опасливо-напряженное отношение к мусульманам и сектантам), заключенных и нищих («сами виноваты», «отщепенцы»): потребности помогать им не и только не возникает, но способно снизить самооценку обывателя как «достойного человека». Сегрегация по критерию «достойности» лежит в основе насильственно-репрессивных матриц отношений в сообществе, а также государства по отношению к сообществу. Данные матрицы воспроизводятся на фоне тотально десакрализации и коммодификации жизни уже несколько десятилетий, практически неизменными. По этим показателям Нижегородский регион, несмотря на общую активность НКО и волонтерства, не представляет благоприятной среды для мигрантов, «иноверцев» и заключенных. И общественные, и государственные структуры стремятся «выкинуть» мигранта, иноверца и заключенного с территории региона, минимизировать, вплоть до уничтожения, признание факта его наличия. Церковь региона ведет себя пассивно, не вмешиваясь в «государственные дела», контактируя и «окормляя» население в рамках, свойственных региону в целом (в СИЗО и тюрьмах по мере возможности блокируется возможность получения помощи от близких и иных представителей своей группы, контакты с ними, а также возможность отправления национальных и религиозных ритуалов, неправославные храмы и служители без оплаты своего присутствия коррумпированным государственным структурам не поддерживаются, побирательство и иные формы активного нищенства не имеет развернутого характера, мало популярны, поскольку не приносят ощутимого результата, смертность, миграция и религиозные конфликты высоки. Лидируют по миграционному потоку в Нижнем Новгороде представители следующих стран: Таджикистан, Узбекистан, Украина и Азербайджан. Преобладают выходцы из стран СНГ — их более 75%, среди которых около 45% приходится на граждан Узбекистана, «центром притяжения» мигрантов по-прежнему являются ЖКХ и строительная индустрия, где сосредоточено более половины уроженцев Кавказа и Средней Азии. По числу мигрантов Нижегородская область — третья в Приволжском федеральном округе России: официальная цифра мигрантов более 160 тысяч человек, неофициальная — более 480 тысяч [10; 18].

По мнению многих горожан и руководства региона «миграционный наплыв» якобы «осложняет ситуацию на рынке труда, когда мигранты предлагают услуги за низкую цену, а также создает неблагоприятную среду для местного населения» [10, с.1]. Очевидно, часть этого «якобы» — правда, а вот другая часть — тотальное обнищание населения России и столь же стремительное обогащение «власти» — обычно умалчивается. Традиционная, запускаемая этой «властью», модель скрытого вытеснения и побуждения к вытеснению мигрантов работает на территории всей России, отвлекая внимание от проблем социального расслоения, бесправия и отчуждения в целом. Пропаганда ксенофобии естественным образом порождает даль-

нейшую эскалацию ксенофобии и ультраправых взглядов (фашизма), так что даже бытовые ссоры могут спровоцировать масштабный межэтнический конфликт, дестабилизировать ситуацию в городе и региона в целом. Основные «слоганы» присутствия мигрантов в Нижнем Новгороде звучат так: «растет градус напряженности», «мигранты заполняют город», «терпеть у себя под носом», «колонизация с юга», «русские не хотят работать», «засилье гастарбайтеров», «рейд по борьбе с нелегалами», «этническая преступность» и т.д. [10; 18]. Показательная история с не реализовавшимся проектом привлечения гастарбайтеров из Китая для обработки заброшенных сельскохозяйственных земель в районе Нижнего Новгорода. Проект не был осуществлен именно по причинам острейшей ксенофобии. Очевидно, что спровоцировали ее сами власти и лоббирующие свои интересы работодатели. Очевидно, что последние заинтересованы как можно меньше потратить на заработную плату, в том числе за счет превращения части мигрантов в бесправных рабов, доля которых может составлять по разным оценкам от 10% до 50% процентов в разных регионах и областях, поэтому мигранты — идеальный объект усилий работодателей. По оценкам исследователей НИУ ВШЭ «средняя продолжительность рабочей недели у иностранных работников составляет сейчас 59 часов (в 2011 году — 59,6) против 39,6 у граждан России (в 2011-м — 39,9). Работа, которую мигрантам доверяют, остается неквалифицированной, вне зависимости от их реальных навыков: 60% указывают, что у себя на родине работали по более высокой квалификации, и почти две трети всех мигрантов работают здесь неквалифицированными рабочими или в торговле» [18, с. 1]. При этом работодатели привозят в регион мигрантов и не заботятся о том, что с ними будет в дальнейшем, в лучшем случае «закручивают» законодательные «гайки», а не решают проблемы и не создают нормальные условия гастарбайтерам и жителям региона для труда и жизни. При этом обманывают с оплатой труда мигрантов и «рейды» полиции для выдворения обманутых без компенсации нередко порождают удивительно не замечаемые и не рекламируемые СМИ забастовки и протестные акции мигрантов: забастовки провоцируют рейды УФС и МВД, в результате которых некоторая часть мигрантов штрафуется, попадает в заключение и/или выдворяется за пределы России, — такими же нищими, как они и приехали в Россию [10; 18].

Защита социально-экономических, политических, религиозных, культурных и иных прав, свобод, обязанностей и ограничений деятельности всех жителей региона, в том числе трудящихся, в том числе мигрантов и членов их семей, а также лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев — важная часть профилактики ксенофобии, которая не нужна никому, кроме самих жителей. «Власть» наслаждается конфликтами и рабством, целенаправленно раздувая конфликты и усиливая дистанцию между людьми: так она отвлекает людей от реальных проблем «власти» и перенаправляет агрессию («переводит стрелки») на гастарбайтеров и т.д., осуществляет рейдерские захваты и передель территории, рынков и т.д. [2; 10]. В частности, «власти» России не намерены выполнять постановления Европейского и Конституционного судов по делам апатридов (лиц без гражданства, которые были бессрочно лишены свободы, выдворить которых по каким-либо причинам невозможно) и т.д.: имитируя некоторые «смягчения» репрессивного режима, полиция и суды до сих пор не нашли возможности сделать реальные шаги помощи мигрантам, в том числе в рамках соблюдения доктрин Европейского и Мирового судов по правам человека. Проблемы с мигрантами, получившие название «синдром Бириула ева». Так, напря-

женность среди прибывших мигрантов растет из-за низкого качества их обслуживания в профильных миграционных службах, мигранты отмечают отсутствие прозрачности в миграционных органах, им очень сложно понимать порядок действий, законодательство для мигрантов только ужесточается [1; 2; 10; 18]. Так, в 2016 году функции ФМС были переданы МВД; в итоге проблема репрессивного и несправедливого законодательства в отношении мигрантов получила дополнительное усиление: ФМС не продержалась достаточно долго, чтобы сформировать с мигрантами отношения «услуг» и сотрудничества, система вновь вернулась к более понятным ей наказаниям и издевательствам. Коррупционность правоохранительной системы вызывает на этом фоне особо устойчивое противостояние и бунты, подобные Бирюлевским: в московском Бирюлево, как известно, погромы устроила группа радикально настроенных националистов, лозунг которых «Россия для русских». Поэтому, стоит согласиться с тем, что в России существует преступная миграционная политика, грозящая смертью не только мигрантам и местному населению, но и стране в целом. Государство и общество не только не заняты повышением квалификации собственных граждан и мигрантов, но и не защищают рынок труда России от низкоквалифицированных трудовых кадров — коренных и мигрантов, не защищают страну в целом — от катастрофического падения образования, культуры, нравственности. Сетую на «вытеснение» мигрантами «коренного населения», коренное население не собирается строить с мигрантами отношения сотрудничества, изначально спровоцировав конфликты и противостояние. Лобби бюрократов и бизнесменов зарабатывающих на бесправии, невежестве и недовольстве и неприятии коренных жителей и мигрантов, в России традиционно уже берет верх над сформировавшимися во времена СССР принципами интернационализма, гарантий образования, медицинской помощи, трудовой занятости и т.д. люди забывают, что когда то мы были одной страной, и забывают о том, что всем людям, кроме эксплуатирующих их бизнесменов и «власти» живется невыносимо трудно, что нужно отстаивать свои права не перед беззащитным рабом-гастарбайтером, не менее обозленным ситуацией своей жизни, а перед чиновниками и «предпринимателями», наживающимися на людских страданиях, невежестве, нищете. А пока местные жители могут официально «пожаловаться на мигрантов» по горячей линии МВД. Действительно, ГУЛАГов, предательств, бунтов и подлости России все еще мало, нужно продолжать. Пока что исследователи пишут, что «дело может дойти до формирования целых кварталов, которые будут жить по своим законам, и до новой волны ксенофобии», «замыкание на своих» образует в обществе параллельный мир», есть центры помощи, но нет интеграционных программ [18, с. 1]. Таким образом, необходимы интеграционные программы и программы социальной поддержки всего населения региона и России в целом. Нужно качественное и бесплатное образование, медицина, возможность трудиться и прекращение политики работорговли с помощью тюрем и иных форм преследования людей со стороны высококоррупционного российского бизнеса и еще более коррупционного российского государства в отношении собственных и чужих граждан [1; 2]. Нужны культура и технологии партисипации граждан в решении касающихся их проблем, реальные каналы поддержки и обеспечения жизнедеятельности и резвый взгляд на источники проблем вместо «замыленной» пропаганды ксенофобии и фашизма [3; 4; 5; 6], псевдонародных, создаваемых по заказу «власти» и бизнеса, движений типа «ДПНИ» (движение против нелегальной иммиграции).

Литература

1. Арпентьева М. Р. Многоликая миграция: от гастарбайтера к фрилансеру или несколько видов насилия и обмана//Материалы IX Международной научно-практической Интернет-конференции «Общество и этнополитика». Новосибирск, 1 октября 2016 г. — Новосибирск: НГУ, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. С. 13–24.
2. Арпентьева М. Р. Мультикультурализм и миграция: беженцы, гастарбайтеры, кочевники. Калуга: КГУ, 2018.
3. Арпентьева М. Р. Партиципаторность управления сообществами: проблема. Партиципаторность управления сообществами: решение//Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Безопасность социума: гуманитарный аспект коммуникаций современности» 15–16 июня 2017 г., Тюмень. — Тюмень: Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. А. И. Прошлякова, 2017. С. 650–674.
4. Арпентьева М. Р. Права и обязанности человека: партиципаторность управления сообществами в субъект (ив)ной и интерсубъективной модели//Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений пам. В. Б. Голофаства. 3–5 апреля 2017 года в Санкт-Петербурге — 3 Санкт-Петербург: СИ РАН, Санкт-Петербургская ассоциация социологов и Европейского университета, Книжное издательство «Норма», 2017. С. 25–46. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32523967>
5. Арпентьева М. Р. Проблема партиципаторности управления: модели диалога государства и общества//Grundprinzipen zur Reform des Wirtschaftssystems unter den Bedingungen der europäischen Integration. Sammelmonographie/Hrsg. Yu. V. Pasichnik. — Deutschland, Nürnberg: Verlag SWG imex GmbH Nürnberg, Economics and finance, 2017. P. 379–403.
6. Арпентьева М. Р. Социальное служение и благотворительность, партиципация и взаимопомощь. Калуга: КГУ, 2017.
7. Бабич Н. С., Батыков И. В. Ординальное шкалирование. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
8. Брайцева С. В., Арпентьева М. Р. Ценности социального служения и НКО в активизации горожан: от иждивенчества к партиципации//Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 2. С. 61–67.
9. Гусев А. Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля [Электронный ресурс].//URL: <http://sociol.uspi.ru/socis/2009/04/Gusev.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).
10. Измайлов И. Мигрантов становится больше//ПОЛИТ-НН. ру. 2012. 29 апреля. URL: <http://polit-nn.ru/?pt=trend&view=single&id=2871> (дата обращения: 25.04.2018).
11. Кондратьев М. Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости//Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 17–28.
12. Марсова В. В. Концепт «Социальная дистанция» в социально-гуманитарных науках: история развития и перспективы изучения//Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 2015. № 2 (32). С. 175–179.
13. Наберушкина Э. К. Социальные проблемы инвалидности в условиях стратификации современного российского общества//Управление социальными системами, /Д. И. Заров (ред.). Саратов: СГТУ, 1999. С. 52–55.
14. Помогаящее поведение: ценности, смыслы, модели. Коллективная монография. Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка», вып. 1/Ответ. ред., введ. М. Р. Арпентьева. Калуга: Эйдос, 2016.
15. Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Социальная дистанция и специфические условия полупоформализованного интервью. Практика исследования аристократии и крупной буржуазии//Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4 М). № 5–6. С. 188–213.

16. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. ...Опыт многонациональной России/Отв. ред. Дробжижева Л. М. — М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.

17. Чернявская О. С. Теории социального пространства. [Эл. ресурс]. Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2\(10\)/18.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2(10)/18.pdf) (дата обращения: 05.12.2017).

18. Петрова Н. Мигрант с натуры. Кто теперь едет работать в Россию. [Электронный ресурс]//Коммерсант.ru. Ежедневный «Ъ». 2017. 27 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3380376> (дата обращения: 25.04.2018).

19. Chatterjea R. G., Basu A. The relationship between social distance and levels of conceptual integration//*Journal of Social Psychology*; 1978. Vol.104 Issue 2. P. 299–301.

20. Hraba J., Radloff T., Gray-Ray P. A. Comparison of Black and White social distance//*Journal of Social Psychology*; 1999. Vol. 139 Issue 4. P. 536–540.

21. Reardon S. F., Firebaugh G. Segregation and social distance. A generalized approach to segregation measurement//*Sociological Methodology*; 2002. Vol. 32 Issue 1. P. 85–102

22. Zinser O., Bailey R., Edgar R. Racial recipients, social distance, and sharing behavior in children//*Social Behavior amp; Personality: An International Journal*. 1976. Vol. 4 Issue 1. P. 65–75.

О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Спиритуальные центры как досуговые центры современной горожанки (на примере г. Екатеринбурга)

Спиритуально-коммерческое движение, доминирующими участниками которого являются женщины, имеет региональную специфику. В современной России спиритуально-коммерческое движение представлено спиритуальными центрами, специализирующимися на предоставлении услуг в форме информационных и практических тренингов, обучающих курсов, семинаров, мастер-классов, нацеленных на распространение духовного знания. Формы проведения последних заимствуются из религий, дополняются современными культурными практиками, современными научными или квазинаучными знаниями. Деятельность центров осуществляется на коммерческой основе, получатель духовного знания всегда приобретает это знание за плату.

Основаниями для укоренения спиритуально-коммерческого движения на Среднем Урале являются следующие факторы.

Во-первых, Свердловская область является динамично развивающимся регионом, что повлияло на численность, плотность населения и степень урбанизации территории. По большинству основных социально-экономических показателей развития Свердловская область входит в первую десятку регионов Российской Федерации. Регион отличается средней плотностью населения по сравнению с другими регионами и территориями России — 22,3 человека на квадратный километр, это не самый высокий показатель в Уральском федеральном округе (39,5 человека на кв. км плотность населения в Челябинской области), но большинство свердловчан проживают в городских населенных пунктах. Так, по данным Российской статистического ежегодника за 2016 год в регионе значительное количество городских населенных пунктов (в т.ч. городов и поселков городского типа): 74 (47 — городов, 27 — городских населенных

пунктов). Для сравнения в соседних областях показатели значительно ниже: Курганская область — 15, Челябинская область — 43, Тюменская область — 57 [3, с. 35–37]. По этому показателю Свердловскую область опережают лишь Московская область с 140 городскими населенными пунктами и Нижегородская область с 83 городскими населенными пунктами. Наличие крупных промышленно развитых городов в регионе делают его привлекательным для мигрантов, в том числе внутренних. Иными словами, доля городского населения ежегодно прирастает за счет миграции. По уровню доходов Свердловская область опережает многие регионы России: среднедушевой доход населения по данным за 2017 год — 35 159 руб. [4, с. 142–141], что выше среднероссийского показателя. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума одна из низких в РФ (10,1%) и значительно ниже среднероссийского показателя (13,4%). Иными словами, среднестатистический житель Свердловской области — это городской житель (с вероятностью 54% — это женщина средних лет, поскольку в возрастной структуре населения России доминируют женщины в возрасте 25–39 лет) [3, с. 73], такой житель обладает доходами выше установленной величины прожиточного минимума.

Во-вторых, религиозный контекст обусловлен особенностями культурно-исторического развития страны в целом и региона в частности. Так, можно отметить исторически длительное мирное сосуществование многоконфессионального и многонационального состава населения, что актуально и в настоящий момент. Таким образом, существование в регионе пестрого национального и культурного состава [1] создает условия для толерантного отношения к «Другому», «иному». Национальные традиции, в том числе религиозные, соседствуют друг с другом. Однако этот факт незначительно влияет на действующие в регионе религиозные организации, состав которых менее пестрый. Так, по данным Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области по состоянию на 1 января 2018 года на территории области действуют 19 конфессий и 789 религиозных организаций (большинство из которых связано с православием, старообрядчеством и исламом) [2].

В-третьих, сложные процессы постсоветского времени в отношении религиозной идентичности проявились на Урале. Так, в Свердловской области уровень внеконфессиональной религиозности достаточно высокий. По данным Арены (Атлас религий и национальностей России) 36% опрошенных верят в Бога (сверхъестественную силу), но конкретную религию не исповедуют [5]. На наш взгляд, в настоящее время самоидентификация человека все более связана с личным поиском, личным выбором, а осознанная рефлексия на тему религии и духовности (в отношении «я») становится важнейшим элементом построения религиозной идентичности.

В-четвертых, речь идет об основаниях, не связанных с региональной спецификой напрямую, но создающих предпосылки для распространения спиритивно-коммерческого движения, чья активность реализуется в городском пространстве. Город как особое социальное пространство формирует культуру досуговых практик, развораживающихся в свободное время человека, в городах возникают различные центры, направленные на удовлетворение досуговых потребностей городского человека. Сам досуг, интерпретируемый как свободная деятельность в свободное время, воспринимается человеком как жизненная ценность, причем жители мегаполисов (например, таким в регионе является г. Екатеринбург) придают досугу большее значение, чем жители других поселений. Так, Н.Н. Седова связывает это с дефицитом личного пространства и личного времени в крупном городе. В мегаполисах выше доля культурного досуга

и самообразования [6]. Такого рода потребности городской женщины удовлетворяют в рамках деятельности особых институциональных образований, называемых нами спиритуальными центрами. В действительности они могут называться Центрами развития, Центрами самопознания, Центрами саморазвития, женскими клубами.

Безусловно, самой распространенной досуговой практикой для женщины являются занятия, связанные с домашним хозяйством, детьми, дачей. На наш взгляд, доминирующей досуговой ролью современной женщины является роль потребителя, покупателя, что обусловлено развитием коммерческих отношений, коммерциализацией разных сфер жизни человека. Эта досуговая практика может быть реализована в многочисленных торговых центрах, заполняющих современное городское пространство. Так, г. Екатеринбург по количеству торговых площадей опережает все другие крупные региональные центры.

В спиритуальных центрах современная городская женщина может реализовать две доминирующие досуговые роли: потребителя и горожанина, ориентированного на культурный досуг в виде самообразования и саморазвития. Спиритуальные центры, организованные в форме женских клубов, предполагают активный досуг, с общением, разговорами, в конечном счете, с развлечением, с получением удовольствия от подобного времяпрепровождения.

Литература

1. Национальный состав//Официальный сайт правительства Свердловской области <http://www.midural.ru/community/100332/100689/100690/>(дата обращения 1.05.2018).
2. Религиозные организации Свердловской области//Официальный сайт правительства Свердловской области <http://www.midural.ru/community/100326/>(дата обращения 1.05.2018).
3. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб./Росстат. Р76 М., 2016.
4. Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб./Росстат. — Р76 М., 2017.
5. Свердловская область//Арена. Атлас религий и национальностей России, 2012 <http://sreda.org/arena> (дата обращения 1.05.2018).
6. Седова Н. Н. Досуговая активность граждан/Н. Н. Седова//Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56–69.

Работа выполнена в рамках гранта 17–33–00023–ОГН «Гендерные и религиозные аспекты идентичности российских женщин в рамках спиритуально-коммерческого движения».

РАЗДЕЛ 8. СТОЛИЦА И СТОЛИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ В XVIII–XXI ВВ.: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

О.Г. Агеева

г. Москва, Институт российской истории РАН

Столичные жительницы при императорском прачечном дворе XVIII в.: профессии, социальный состав, условия службы

В XVIII в. столичные города Санкт-Петербург и Москва, в отличие от городов провинциальных, давали горожанкам более широкую возможность поступить на службу или найти работу. Одним из мест службы была прачечное подразделение императорского двора. Его историю хорошо показывают ведомости, списки и штаты императорского двора (РГИА. Ф. 466, 468, 469; РГАДА. Ф. 14, 156; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36).

Начало прачечной должности было положено службой нескольких прачек при «комнатах» дома Романовых. Так, по росписям жалованья на 1718–1719 гг., при комнате царицы Екатерины Алексеевны служили пять прачек (Керта Федосеева, Праск. Васильева и др.) с денежным жалованьем по 12 руб. и «надсматривавшая» над ними «шведка Сигре Сисиль» (жалованье 14 руб. в год). Еще по одной прачке числилось при комнатах младенцев: царевича Петра Петровича и царевны Натальи Петровны.

При следующих правлениях численность придворных прачек и их жалованье постепенно увеличивались. В середине 1720-х гг. при большом дворе Екатерины I в подчинении надворного интенданта находились 11 прачек и при них 2 сторожа, при детских комнатах Романовых еще 12 прачек. Свои прачки («портомой») и при них также сторожа имелись при домах царевен Натальи Алексеевны, Прасковьи Иоанновны и др.

При Петре II, когда активно формировался новый европеизированный двор, появился чин главы команды прачек с наименованием кастелянша (жалованье 400 руб.) и при большом дворе были созданы два прачечных подразделения — для мытья «сорочек и прочего белья» и для мытья «скатертей и салфеток», в которых служили 11 прачек (жалованье по 20 руб.). Свои «портомой» в это время имелись при малых дворах, в том числе дворе государевой невесты М. Меншиковой.

В 1730-е гг. при Анне Иоанновне в окончательно сформированном штате большого двора служили 2 кастелянши, которым подчинялись сначала по 8, а потом по 9 прачек, писарь, 2 сторожа (солдаты) и некоторое время 4 «девки для чищения шкафов, зеркал и протчаго». В 1731 г. кастелянши получали 300 и 120 руб., прачки и девки

по 50 и 24 руб., в 1739 — первые по 300 руб., а все прачки по 50 руб., писарь — 40 руб., солдаты — по 20 руб.

В дальнейшем прачечное подразделение стремительно росло, так как резко увеличилось число лиц, живших и денно и ночью служивших во дворце. При Елизавете Петровне по списку 1756 г. при двух отделениях во главе с кастеляншами было уже 35 штатных прачек, для «записок приходу и расходу» подканцелярист, капрал с 4 солдатами для ношения воды, рубки дров, катания белья, караула и прочего и 6 работников. Всего 49 человек с жалованьем от 400 и 300 руб. до 20 руб.

При Екатерине II в 1780-е годы при большом и малом дворах по штату было уже пять команд во главе с 4 кастеляншами и «мадам», при которых служили: помощница, 92 прачки, 16 белошвеек, 11 кружевниц, 5 чулочниц, подканцелярист, писарь, 16 работников и 2 служителя. Всего — 150 человек. Новыми в это время были отделения для чистень кружев (с кружевницами и чулочницами), для шитья собственного белья (с белошвейками и «мадам» во главе) и прачечная команда комнаты наследника престола цесаревича Павла Петровича и великой княгини. Штатное денежное жалованье этих лиц колебалось от 450 до 20 руб., при этом прачки, белошвейки, кружевницы и чулочницы должны были получать по 50 руб.

На практике, по списку прачечного двора 1794 г., кастелянши получили русифицированное наименование «надзирательниц», при них состояли помощницы, прачки и белошвейки делились на старшие и обыкновенные и т.д. Особые служительницы были назначены «при штопанье и разборке белья», «к белению и выводке пятен» и др. Жалованье за счет колебалось, например, у старших прачек от 60 до 100 руб., обыкновенных от 50 до 70 руб. и т.д.

В краткое правление Павла I по штату от 30 декабря 1796 г. прачечный двор был сокращен до 40 человек, но затем стал быстро восстанавливаться.

По социальному положению особы, поступавшие на службу к императорскому прачечному двору, были многонационален. Кастелянши в течение века по происхождению были иноземками (Софья Балкова, Барбара Юстина Габилейстин и др.). На должностях прачек, кружевниц и прочих служили русские, немки, шведки, «арапки» и др. В прачки же поступали воспитывавшиеся при дворе калмычки (Н. Дмитриева, Л. Федорова и др.) и другие девицы (Хр. Рейнгарт).

По социальному положению особы, поступавшие на службу к императорскому прачечному двору, в основном были родственницами придворных служителей (лакеев, истопников, гайдуков, поваров и др.), но также происходили из семей военных, купцов, священнослужителей, канцелярских служителей, могли быть дворянками, вольноотпущенницами и т.д. Не принимались ко двору только лица лично зависимые, то есть крепостные.

Часто на прачечный двор поступали служить женщины и девицы из семей, потерявших кормильца. Таким образом двор оказывал материальную поддержку лицам, попавшим в сложные жизненные ситуации.

Помимо денежного жалованья, служительницы прачечного двора пользовались льготами, которые имели другие чины и служители двора, например, бесплатным медицинским обслуживанием. При увольнении от двора по сокращению штата, как это было при Павле I, им назначались пенсии в размере полного жалованья или же разовые выплаты в размере годового жалованья. В 1797 г. такие пенсии и выплаты получили 143 дамы. При выходе замуж служительницам прачеч-

ного двора от двора было положено приданое. У прачек, к примеру, оно составляло 120–250 руб. в зависимости от длительности службы (3–7 лет и более), а также продукты и некоторые предметы. Так, кружевницам помимо денег выдавали кровать «с прибором», три пары платья и прочее. Выдача приданого могла решить личную судьбу служительницы (П. Чегирина).

При обычных увольнениях, например, «по старости и дряхлости», служительницам выдавался паспорт для свободного жительства в России (Н. Иванова, Ст. Григорьева и др.). Если же бывшая прачка не имела пропитания, то двор направляла уволенную в Приказ общественного призрения для устройства в богадельню (Анна Михеева).

Другими причинами ухода с прачечного двора были смерть служительниц, перевод к «комнатам» в должности камер-метхин, белошвеек и камер-юнгфер, а также «исключение» из службы по причине «отлучки» от должности, за «нерадения» к ней и «худые поведения» (О. Сурмина, Н. Петрова, и др.).

Е. И. Трофимова

г. Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Из крепостной губернии на столичную сцену (судьба Л. П. Никулиной-Косицкой)

Имя русской актрисы Любови Павловны Никулиной-Косицкой (1829–1868) неразрывно связано с жизнью и творчеством великого русского драматурга А. Н. Островского. Их связали не только многолетние личные отношения, не только совместная работа в театре, но и сотворчество, давшее плодотворные результаты для отечественной культуры.

Как показывают многочисленные исследования, Никулина-Косицкая не только послужила внешним прообразом героини знаменитой «Грозы», но и дала Александру Николаевичу богатый материал из своей жизни, помогавший формировать внутренний характер литературного персонажа. Как пишет биограф Е. Юдина: «Монологи Катерины были написаны автором под влиянием устных рассказов Косицкой о своем детстве, своих переживаниях, мечтаниях, стихийных поступках».

Жизненный путь актрисы характеризовался не только географическими перемещениями, но и изменением личного статуса, а также положением в обществе. Девушка из провинции переезжает в Москву, крепостная обретает свободу, актриса помещичьего театра попадает в среду выдающихся театральных деятелей России. Так происходит трансформация поселянки в жительницу большого города, меняется ее личный кругозор и образ мышления.

Любовь Павловна, к счастью, оставила Воспоминания, позволяющие проследить ее путь от начинающей актрисы до известной горожанки, блиставшей на Императорской сцене Малого театра, понять связанные с этим мысли, переживания, жизненные и судебные коллизии...

Актриса, ушедшая из жизни в 1868 году, похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

Мариинский институт слепых девочек Человеколюбивого общества

Слепота одно из самых страшных несчастий, какое может постигнуть человека в независимости от возраста, пола, сословия и места его проживания.

Для того чтобы понять насколько проблема слепоты была актуальна для населения Российской империи во второй половине XIX в., обратимся к статистике слепых по переписи 1886 г. [5, с. 4]: общее число слепых, выявленное в данном исследовании — в пределах 50 губерний Европейской России, губерний Царства Польского и Кавказского Края составляло 189 872 чел. Любопытным фактом оказалось то, что более высокий процент слепоты наблюдался среди женского населения (исследователи обращали внимание на большую слабость женского организма). Важным вопросом оставался возраст потери зрения: согласно исследованиям главным периодом потери зрения являлся возраст раннего детства, — от 0 до 5 лет (на момент исследования слепых на оба глаза детей насчитывалось 235 чел.); затем преобладала слепота при рождении или вскоре после рождения [1, с. 12].

Вместе с тем, до XIX в. в России не существовало учреждений для воспитания и приюта лишенных зрения детей. Но и появление первых специальных учреждений имело одну особенность — в них принимались лица только мужского пола.

Ситуация изменилась в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.

9 декабря 1871 г. в Санкт-Петербурге в здании подведомственного Императорскому Человеколюбивому обществу Ивановского девичьего училища был открыт Мариинский институт для слепых девочек (также известен как Мариинский институт для слепых девиц) [6, с. 13]. Заведение находилось под покровительством Марии Федоровны, но название свое получило в честь Марии Александровны, дочери Александра II.

Главной целью института было призреть лишенных зрения малолетних девочек, дать им религиозно-нравственное образование и обучить доступным для них ремеслам, рукоделиям и искусствам, чтобы впоследствии они могли приобретать средства своим трудом.

В институт принимались девочки всех сословий и вероисповеданий в возрасте от 7 до 13 лет [6, с. 13].

Важно отметить, что в институт принимались дети, не имеющие других, помимо слепоты, физических недостатков. Исходя из этого, кроме прошения на простой бумаге о приеме ребенка, родителями или опекунами должны были быть предоставлены следующие свидетельства: метрическое, медицинское и о привитии оспы, документы о звании родителей.

Кроме штатных воспитанниц принимались и своекоштные пансионерки, годовая плата за которую составляла 200 руб., при единовременном взносе в 30 руб. на первоначальное устройство [6, с. 16].

Первый набор в институт ограничился 15 девочками, а уже к 1875 г. их число достигло 25 [2, с. 138].

Знания они получали по таким предметам, как: Закон Божий; чтение и письмо по осязательному методу; русский язык, главные правила грамматики и общие

понятия о русской литературе; арифметика (счет, ознакомление с мерами, весами и монетами); отечественная и всеобщая история, и география; краткая естественная история; ознакомление с главными обязанностями человека по отношению к правительству и обществу; музыка, пение и гимнастика; рукоделие — вязание, плетение веревки, корзин и клейка коробок [6, с. 14]

Устав предусматривал разделение института на три класса (однако воплотить это условие удалось не сразу): подготовительный для вновь поступающих мало-летних девочек (обучались в этом классе от 2 до 3 лет), младший (воспитанницы находились в этом классе не более 3 лет) и старший (пробывание ограничивалось сроком от 3 до 5 лет). Покинуть институт слепая имела право по достижению 18 лет [3, с. 88]

Первый выпуск воспитанниц состоялся после 1880 г., тогда и выяснилось, что многим девушкам некуда пойти. С целью дать убежище тем слепым девочкам, которые достигли выпускного возраста, но не имеют ни родных, ни благотворителей в 1882 г. был учрежден Мариинский приют для слепых девиц [3, с. 89]. Там же давали приют и посторонним слепым молодым женщинам.

Девочки, проживающие в институте, находились на полном обеспечении: им предоставлялся стол, одежда и обувь, учебные пособия.

Содержание воспитанниц осуществлялось, прежде всего, за счет процентов с капитала в 10 000 руб., а также средств от Человеколюбивого общества и пожертвований благотворителей [3, с. 88]

Обсуждение вопросов, касающихся устройства института, а также забота о материальном обеспечении девочек лежала на попечителе, его сотруднике и заведующим институтом, фактическое же управление институтом принадлежало старшей надзирательнице. Под ее началом находились младшая надзирательница, законоучитель, учительница рукоделия, учительница гимнастики, учительница музыки, врач и няни [3, с. 88]

Мариинский институт для слепых девочек Человеколюбивого общества, несмотря на появление новых специальных учебных заведений для слепых, просуществовал до 1918 г.

Таким образом, Мариинский институт для слепых девочек, являясь одним из первых специализированных учебно-воспитательных учреждений в столице, имел большое значение для определенной категории населения Российской империи. Здесь девочки получали не только религиозно-нравственное воспитание и неплохие теоретические знания, но и практические умения.

Литература

1. Рейх М. Что делает мир для улучшения участи слепых. СПб.: Попечительство имп. Марии Александровны о слепых, 1901.
2. Сборник сведений по общественной благотворительности. СПб.: Гос. Тип. 1880. Т. 1.
3. Сборник сведений по общественной благотворительности. СПб.: Гос. тип. 1886. Т. 7.
4. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм общества и государства (начало XVIII—конец XIX вв.). СПб.: Лики России, 2007.
5. Статистика Российской Империи II. Статистика слепых в России по переписи 1886 г. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1888.
6. Человеколюбивого общества институты слепых 1872 года. СПб.: Императорское Человеколюбивое общество, 1872.

Стоит мне попасть в Петербург, как там я тотчас найду свою судьбу (из жизни бестужевки)

Тезисы основаны на материале дневников молодой девушки, только что поступившей на Высшие женские курсы (Бестужевские) при Санкт-Петербургском университете [подр. см. 2]. В них говорится о так называемом философском периоде Евлалии Павловны Казанович. Именно в эти годы складывается блестящая педагогическая школа университетской философии в Санкт-Петербургском университете [3]. И как показывает дневник, именно занятиям философией мечтала посвятить себя Евлалия. Но, как и многие курсистки того времени, должна была думать о перспективах возможности заработка. Занятия философией такую перспективу для женщин не обеспечивали.

По окончании Могилевской Мариинской гимназии Евлалия мечтает уехать из дома, из городка, в котором ей все видится беспросветным, бесперспективным. В будущем она напишет: «Я думала, что стоит мне попасть в Петербург, как там я тотчас найду свою судьбу <..> Действительно, я нашла ее здесь, но не в том, в чем искала. Я мечтала, что встречу с каким-нибудь вельможей, придворным, выйду за него замуж, буду при дворе <..> Я хотела, вернее, жаждала славы, власти, блеска, денег, могущества, собиралась даже оказывать влияние на ход политических событий, делать людей счастливыми» [5]. Однако, петербургские будни бестужевки Казанович были далеки от этих блестящих проектов...

31 января 1906 г. полугодовалая курсистка напишет в дневнике: «Странное впечатление производит на меня ясный, солнечный зимний день. Я и люблю, и боюсь его. Люблю потому, что, во-первых, я вообще люблю солнце и хорошую погоду, потому что они оживляют меня, бодрят, а боюсь потому, что вместе с этой бодростью у меня подымается в душе томление по чем-то неизведанном, прекрасном, меня тянет оно (солнце) за собой в неведомые страны, к неведомым людям, к новой лучшей жизни, и тогда во мне является страшная злость, ненависть, зависть ко всему окружающему, зависть к этим сытым довольным лицам, к их довольству самими собой и всем вообще, зависть к богатым, могущим удовлетворять свои самые глупые прихоти, тогда как я не только не могу удовлетворить своим высоким стремлениям, ибо жажда образования и любовь к науке я считаю стремлением высоким, достойным человека, но даже часто сижу без хлеба, буквально голодаю. Ведь я здесь уж скоро месяц, а всего только один раз пообедала, да раз мне хозяйка подсунула кусок мяса <..> А то иной раз вдруг вообразишь себя чем-то великим, необыкновенным, чуть ли не сверхчеловеком! Вот тут-то и пойдет работать фантазия, тут-то и начинаешь думать о блестящем будущем, о славе, считаешь себя, чуть ли не избавительницей рода человеческого от греха и смерти <..> Именно в этом направлении мне бы хотелось доказать способность женщин к серьезному умственному труду, чтобы доказать, что и она способна на что-нибудь выдающееся, и значит, имеет такие же права на науку как и мужчины» [7].

Во многих своих дневниковых заметках и литературных набросках наша героиня не раз возвращается к истокам формирования той курсистки, портрет которой проступает перед нами сквозь столетие. В нем отражение времени, когда дискуссии о «женском вопросе» второй половины XIX в. подразумевали включение девушек

в академические университетские традиции, подготовку к серьезной научной деятельности как профессиональной перспективе. «Навсегда унесенное потоком истории время это может быть названо самым блестящим в жизни Курсов. Оно явилось как бы апофеозом подуековых усилий, положенных разными слоями интеллигентного общества для укрепления в России прав высшего женского образования» [1].

По мысли Евлалии Павловны портретный ряд курсисток в полной мере отразил в себе общественные настроения «мужской интеллигенции» XIX в. «Были среди нас, курсисток, и романтики на подкладке философских и эстетических идеологий, и Гамлеты женского рода, и своеобразные Печорины и “талантливые натуры”, и мрачные скептики, и “лишние люди” более поздней формации, не говоря уже о революционерках разного вида, нигилистках и народницах, утративших к этому времени большую долю резкости и экстравагантности, отличавших их далеких предшественниц» [1].

В дневниках, заметках, письмах много ее отчаянных переживаний о «несовершенстве» своей женской природы, о препятствиях, которые встают перед ней только по факту ее женского статуса. Запись от 6 февраля 1906: «С самого раннего детства тяжелым явлением моей жизни было то, что я была женщиной. Это вечно: “не забывай, что ты девочка”, “ты ведь не мальчик!” и т.п. отравляло мне жизнь, и я от всей души ненавидела себя как женщину. Уже в детстве такая грань была мне ненавистна, я питала к ней инстинктивное отвращение, чем же я старше становилась, тем эта грань становилась все шире и шире, и, в конце концов, превратилась прямо в пропасть. Теперь же я ни жалею больше, что я женщина, потому что в своем лице я хочу их оправдать, и употребляю на это все силы свои и жизнь» [7]. Прочитав «Исповедь» А.Н. Толстого, она решает вступить в полемику с писателем по поводу его взглядов на «половой вопрос».

О своих поисках направлений научного развития Евлалия пишет: «Сначала судьба забросила меня на математический факультет, и я с увлечением отдалась математике, которую прежде положительно ненавидела; решала задачи, работала в лабораториях, не пропускала ни одной лекции, посещая даже вечерние, читаемые для старшего курса <..> Философия перетянула мои симпатии на свою сторону и таким образом я перешла на историко-философский факультет <..> Я отдалась во второй раз, но с гораздо более усиленной страстью предмету моей любви философии. Какое это было счастливое время! Какие дивные минуты выпадали на мою долю, минуты, когда я не жила реальной жизнью, а витала “в высотах разума туманных” <..> Это время было бурным, упоительным сном моей жизни <..> Сколько планов, сколько замыслов, сколько самых головокружительных попыток, вплоть до издания журнала (не имея при этом ни гроша денег), и даже (о безумие!) вплоть до постройки философского института для обоих полов, с тщательно вычерченным планом здания и детально разработанной программой...» [6].

И дальше она с горечью вспоминает: «Где все это, где счастливые по своему безумию часы?... <..> Пришлось подумать о завтрашнем дне и ... оставить философию... Это кровавая страница моего сердца. Последовали всевозможные неудачи при занятиях в таких условиях, и наступила тупая апатия ко всему <..> Мерзость, мрак и запустение... <..> Я решила заняться словесностью только для того, чтобы окончить курсы и как-нибудь устроиться. Какое подлое слово! Как я ненавижу его! <..> Психологические вопросы в литературе, вот что теперь сосредоточило на себе мое внимание. Стыд и самолюбие поборола невероятными усилиями и сдалась в третий раз...» [6].

В ее, как она называла «импрессионистических описаниях души» смятение, страдание, утрата веры в себя... Запись 28 октября 1910 г.: «Много зеленого, много незрелого, много глупо-наивного в этой тетради, но есть в ней кое-что и симпатичное: это — молодость, чистота чувств и верований. Боюсь, что продолжать ее будет “уже совсем другой человек во всех отношениях”, не имеющий с первым даже общности прошлого, так как оно настолько забылось мной, что я просматривала сейчас эту тетрадь с таким чувством, будто перед глазами моими были писания человека мне незнакомого и совсем чуждого» [7].

В 1913 г. Евлалия закончила Историко-филологический факультет ВЖК по отделению «Русская филология». Ее профессиональная деятельность отныне связана с Пушкинским Домом. Время писательства, редакторской и организационной работы, предательств и арестов.

Через 10 лет она напишет: «Я принадлежу к тому несчастному поколению “воинствующих девственниц” (по удачному выражению Р. Ролана), из которых многие хотя и не выходят замуж, окажутся более плодотворными для будущего, чем поколения женщин, родившие до них живых детей: эти женщины, пожертвовав собою, производят новую женскую расу нового классического века <...> Внешние обстоятельства жизни сломили меня, я действительно оказалась мало мужественной и энергичной, я почти мертва уже, но я прошла свой маленький путь, отмеренный мне судьбою, я любила, я молилась тому, что любила, я за него боролась, я страдала и теперь мне осталось только рассказать своим младшим сестрам и может быть и дочерям — если прав Роллан, о том, что и как я любила, молилась, боролась и страдала <...> Крестный путь этот проделала не я одна, а многие женщины моего поколения... Не сделав ничего осязательного в жизни, мы все же не даром прожили: мы начали сознавать себя и мы должны попытаться открыть себя своими словами; это последнее дело, которое нам осталось, прежде, чем мы воскреснем в тех далеких, которые будут не похожи на нас, но в которых мы частично воскреснем» [8].

Эти заметки сделаны Евлалией Павловной в 1923 г. Она не знала тогда, что еще много сил, мужества, энергии, веры в смысл своего назначения она найдет в себе для продолжения романа ее жизни. Самая драматичная страница истории жизни нашей героини будет связана с блокадным Ленинградом. 22 сентября 1941 г. академическая пенсионерка Казанович Е. П., проживающая в г. Ленинграде по наб. р. Мойки д. 21/23 (ул. Халтурина, 22), кв. 13. во время бомбежки, под завалами обрушившегося дома, теряет все свои документы. Далее, тягостная история переписки с инстанциями [4]. И запись, сделанная Н. С. Войтинской в 1942 г. на обороте чернового перевода стихотворения Г. Гервега «Партия»: «В доме на улице Халтурина умерла Е. П. Казанович, литературовед» [9]. Силы оставят ее в далеком 1942—м в блокадном городе, в котором она когда-то молоденькой полуголодной курсисткой мечтала о науке и славе...

Литература

1. Казанович Е. Д. Н. Овсянко-Куликовский на Бестужевских курсах. (Воспоминания и впечатления курсистки)//Начала/ред. С. Ф. Ольденбург и др. Пб.: [б. и.], 1922. 304 с. С. 21 23.
2. Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб.: Редакция «Парадигма», 2018. 174 с.
3. Орлова Н. Х. Философские штудии на Бестужевских курсах//Дискурс. 2018. № 1. С. 19 28.
4. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 13. Л. 33.

5. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 15. С. 34–35.
6. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 15. С. 99–104.
7. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 16. Л. 1–82.
8. ОР РНБ. Ф. 326. Ед. хр. 88. Л. 1–58.
9. ОР РНБ. Ф. 1156. Оп. 1. Ед. хр. 411. Л. 6.

Работа выполнена в рамках международного исследовательского гранта NCN № DEC-2017/25/B/HS1/00530

Е. А. Люсева

г. Санкт-Петербург, Петербургская книжная сеть «Буквоед»

Делегатка как субъект городской и политической жизни (по материалам журнала «Работница»)

Появившийся в 1914 г. журнал «Работница» был призван стать инструментом объединения женщин вокруг общей борьбы за свои права и улучшения своего быта. «Журнал этот явится пособником пробуждения и развития в духе классового самосознания женщин-работниц и втянет их в общепролетарское движение» [7]. Именно по страницам этого журнала можно проследить эволюцию статуса женщины.

Политические лозунги, которыми пестрили страницы журнала, призывали женщин не только к борьбе за права, но и к активному развитию себя, к просвещению и вступлению в организацию. При этом политические права напрямую увязывались с улучшением качества жизни. Приобретение этих прав рассматривался как способ контроля своей жизни. «Обладание политическими правами и гражданскими свободами облегчит вам дальнейшее улучшение жизни, даст материальные и культурные блага и приведет к конечному идеалу» [8].

Вопрос о праве женщин к голосованию уже обсуждался в государственной думе в 1906 г., однако с тех пор более к нему на государственном уровне активно не возвращались. У женщины уже было право на труд и образование, но с реализацией этих прав были определенные сложности. Право на образование в большинстве случаев распространялось на женщин зажиточных сословий, а труд носил нечеловеческий характер. «Плоха жизнь рабочего мужчины, но еще тяжелее она у работницы женщины. Кроме работы на фабрике ее ждут немывтые, некормленные дети, нетопленная печь. Да и получает она 30–40 коп. в день! И поэтому женщина не успевает читать, не успевает задумать над своим положением. Ее жизнь больше похожа на каторгу, чем на жизнь» [3].

Наплыв в город крестьянских женщин усугубил и без того бедственное положение рабочих горожанок. Увеличение женской рабочей силы снизило ничтожную оплату труда. Условия, в которых трудились женщины, оставляли желать лучшего. Рабочий день заводских служащих длился в среднем 11–15 часов, у домашней прислуги могло доходить до 19 часов.

Таким образом борьба женщин за свои права к 1917 году уже имела определенную историю. Революция привнесла в женское движение единообразный характер, регламентированные требования и порядок. Именно в 1917 г. женщина получает право голоса, именно женщина первой выходит на улицу 23 февраля (8 марта) 1917 года, после чего начинается февральская революция.

В советской России женщины обретают новые статусы и роли в жизни общества. Активная позиция начинает проявляться в тех или иных аспектах общественной жизни. Однако, еще очень часто со стороны женщины есть инертность и сопротивление к такому движению.

Новым субъектом городской жизни становится несуществующая ранее женщина-делегатка. «В глухой деревне и на фабрике везде есть она, новая, созданная революцией — делегатка. Кто выдумал, создал ее? — Революция. Под грохот и гул гражданской войны, когда забитый солдат царской армии превращался в красноармейца, когда место юнкера, барского сына, занял красный курсант, доподлинный сын рабоче-крестьянской страны, вместе с ними родилась и делегатка. Много славных страниц вписала она в историю нашей шестилетней борьбы и строительства.» [5].

Делегатки были избранными от определенного круга женщин, будь то завод или деревня, какой-либо район, сроком на один год. Из 55688 человек со всего СССР 32894 из них были работницы [5]. Делегатки имели определенный круг обязанностей и важное значение в жизни женщин. Они были наиболее образованными, они несли знание, которое получали на съездах, далее, распространяли грамотность, боролись за права, улучшали быт, вовлекали женщин в активную деятельность, устраивали лекции и обсуждения животрепещущих вопросов. При этом они были обязаны посещать делегатские собрания, активно участвовать в обсуждениях, знать органы управления, работать в кооперативной или профессиональной секции делегатского собрания, выполнять общественную работу на своем предприятии и многое другое [6]. Делегатки избирались на один год, но и после этого продолжали вести активную просветительскую и общественную работу.

На страницах журнала работница создавался позитивный образ делегатки и звучали призывы становиться делегатками. «Новые десятки тысяч работниц должны стать делегатками и вместе со старыми помогать массам работниц преодолеть свою темноту и отсталость, строить и перестроить жизнь на новый, счастливый лад» [5]. Целый год делегатка изучала историю революционного женского движения, историю партии, знакомилась с партийной, кооперативной, профессиональной работой. При этом сразу же применяя на практике полученные знания, проверяя работу яслей, охраняя труд женщины и улучшая ее быт. «Целый ряд примеров говорит за то, что там, где создаются первые ростки коллективного быта, делегатки в большинстве являются застрельщицами, а потом ведут за это агитацию и в массах» [4].

Делегатка стала связующим звеном между молодой советской властью и широкими слоями женщин, в большинстве своем остававшимися вдалеке от политики. Она выполняла роль транслятора, посещая собрания и политшколы, распространяла дальше знание о коммунистической партии, агитировала за пополнение ее рядов, растолковывала конституцию. «Устраивались коллективные читки газет, организовывались кружки по разбору конституции РСФСР, родовой быт, коммунизм и другие вопросы. «Втягиваются работницы и в организованную Районным Комитетом партшколу при заводе. Стремятся в Рабфак и в профессиональные школы» [2].

Делегатка больше не домашняя рабыня, она оставляет детей с мужем и идет на собрание, потому что это ее долг перед обществом. Рождение и воспитание детей перестает быть единственным и важным поступком на протяжении жизни, теперь возникает другого рода обязательство перед обществом — быть активным гражданином. «Раскрепощенные советскими законами, работницы почувствовали, как тяготит их старый семейный уклад, который не соответствует новым запросам жизни» [9].

Благодаря новой созданной среди женщин прослойке делегатов советская власть решила много задач — ликвидация безграмотности, распространение своих идей, улучшение быта, рост собственного электората и многое другое. «На каждой фабрике имеется активный слой работниц, наиболее тесно связанных с широкими массами рабочих, — это делегатки. На каждые 10 работниц имеется одна делегатка» [1].

Однако нельзя не отметить, что именно тогда женщина начала чувствовать себя гражданином общества, весомым и существенным субъектом социума. У нее появляются мысли о том, что она имеет права, она начинает их активно отстаивать и бороться за новое, чего раньше в ее жизни не было, начинает участвовать в управлении страной.

Литература

1. Артюхина А. Делегатка, поднимай производство!//Работница. 1924. № 22 (34). С. 2
2. Батайская Ш. Тяга работниц к знанию//Работница. 1923. № 1. С. 24.
3. Веникова Н. Значение женского дня//Работница. 1914. № 1. С. 3.
4. Капельцева Н. Делегатские собрания — школа коммунизма//Работница. 1924. № 16 (28).
- с. 4.
5. Нюрина Ф. Делегатка//Работница. 1923. № 8. з. С. 14.
6. Редакция. Наказ делегатке//Работница. 1923. № 10. С. 12.
7. Редакция. От редакции//Работница. 1914. № 1. С. 2.
8. Цеткин К. Привет русским работницам от Клары Цеткин//Работница. 1914. № 5. С. 2.
9. Цукасова М. Дошкольное воспитание и делегатки//Работница. 1924. № 19 (31). С. 4.

М. В. Золотухина

г. Москва, РГУ им. А. Н. Косыгина, НИЯУ МИФИ

«В моей семье городским человеком, в первую очередь, была мама»: этапы «большого пути» советских горожанок в воспоминаниях поколения 1920–1930-х гг.

Изучение жизненных траекторий и повседневных практик советских горожанок 1930-х — 1940-х годов продолжает оставаться в поле зрения исследователей, работающих с разными типами источников [1], в том числе эго-документами, среди которых немало опубликованных дневников [2], писем [3], воспоминаний [4].

Данная работа базируется на собственном исследовательском проекте по устной истории. В результате него были собраны воспоминания, по большей части в форме полуструктурированного и впоследствии авторизованного интервью, женщин и мужчин, родившихся между 1917–1939 гг. (всего 29 информантов).

Будучи одновременно продуктом индивидуальных и коллективных меморативных практик [5] подобный жанр позволяет реконструировать индивидуальные стратегии советских людей XX в. (отличающегося как раз тем, что человек живет в больших городских сообществах: по категоризации Ю. Левады [6], урбанизация, как и массовое образование — условия формирования интересующего меня поколения). Как писала российский социолог и философ Наталья Козлова: «индивиды принуждаются к выбору жизненного стиля или способа из ряда возможностей... пусть даже этот спектр очень неширок» [7]. Особый интерес представляет рефлексия дня сегодняшне-

го по поводу жизненных путей родителей информантов, в том числе, матерей, истории их образования и обретения профессии, социальной и нередко связанная с ней географической мобильности, дальнейшей организации собственной жизни в разрезе семья-работа, распределение власти в семье.

Создается впечатление, что практически все из перечисленных сюжетов предстают в нарративах как движение по некоему коридору возможностей. Так факт переезда в другой город с целью продолжения образования в первое десятилетие после 1917 г. нередко продолжал контролироваться позицией родителей — как запретительной («Порядочная девушка! Одна в город! На подмостки?»), так и разрешительной, однако опосредованной обстоятельствами времени — «мама, уехав из дома с согласия родителей после окончания в Одессе средней школы, чтобы не быть посланной в работницы на рыбоконсервный завод [примерно вторая половина 1920-х гг. — М.З.], куда направлялись все девочки, окончившие 7-летнюю школу, уезжает в Харьков, где оканчивает техникум. Уже тогда твердо знала, что хочет добиться чего-то большего в жизни». В возрасте всего 20 лет (!) она получает место начальника одного из цехов в Клину.

Готовность семьи отправить молодую девушку учиться или работать далеко от дома бывала совершенно вынужденной и вызывалась экономическими соображениями: после того, как «маму из местечка Ляды в Белоруссии отправили к тете, «на хлеба» в Оренбург» (дед не мог позволить отправить дочь-отличницу в близлежащие города), «мама, закончив среднее учебное заведение (все они назывались техникумами, училась на вечернем факультете пединститута), — для чего была вынуждена снова переехать — в Оренбург.

Невозможность продолжить образование тоже могла быть вызванной семейными обстоятельствами — «поскольку мама была старшей среди шести братьев и сестер (отец умер) забота о семье легла на ее плечи, ей было не до высшего образования». Впоследствии была «канцелярским работником в медтехникуме, работницей на фабриках в Москве.

Что касается социально-политических причин прерванных образовательных траекторий, то ими, конечно, (используя словарь эпохи) были классовые ограничения: [после ареста бабушки] «мать, бедную, выгнали из Заочного института иностранных языков в Челябинске... она не получила никакого высшего образования, и у нее никогда не было справки... родилась в 1913 году, очень достойная, получившая домашнее воспитание, образованная, играла на рояле, читала все на свете, знала тоже все на свете, как полагалось в нормальных семьях того времени... Но никем в жизни не могла работать, кроме как быть директором клуба». Это не означает, что все подобные ситуации оказывались безальтернативными — предлагавшийся выбор мог не отвечать нравственным ориентирам человека: «из-за неправильного социального происхождения не смогла стать детский врачом», (но и не стала отказываться от фамилии отца, в отличие от оказавшихся в точно таком же положении двоюродных братьев и сестер). Наконец, были «случайно» положительные исходы, когда человеку удавалось получить даже два близких по направлению образования.

Образовательные стратегии в советский период нередко предполагали и «капитализацию» [8] имевшейся подготовки, как гимназической («у матери образования, кроме гимназии ... в Кременчуге, не было — работала продавцом, кассиром в магазине»), так и навыков, являвшихся неотъемлемым элементом образования в дореволюционный период: «окончила гимназию, но не получила высшего образования, могла подрабатывать», аккомпанируя на небольших концертах, а также давая уроки... чтобы

быть со мной, когда пошла в школу, временно сменив аккомпаниаторскую деятельность на городскую библиотеку». Девочкам из мещанской среды — «давали общее среднее образование, дополненное профессиональным — 2-ая Московская женская гимназия, где в учебном плане была педагогика) с правом быть домашней учительницей, Московское училище иностранных торговых корреспондентов (учрежденное семьей Мансфельда), училась живописи в школе-студии Ф. Рерберга». Реализация профессионального дореволюционного образования могла состояться полностью или частично: виолончелистка, окончившая Гнесинское училище, впоследствии работала референтом у К. Чуковского. Порой подобные повороты судьбы носили неожиданный характер: «не успела окончить Мариинский институт, (блестяще знала французский и немецкий), работала секретарем-референтом у Н.А. Семашко — (по знакомству еще до революции)» Впоследствии — арестована.

Принципиально иными могли быть траектории женщин, социальное происхождение которых не вызывало противодействия со стороны власти: «как отличницу и комсомолку маму направили на медицинский факультет МГУ; или приехав из местечка, «окончила институт имени Менделеева, работала экономистом на разных работах» или «семью моей матери революция затронула в положительном смысле: она училась, получила бесплатное образование, стала музыкантом». Благополучное начало пути, естественно, не являлось гарантией на последующий период: «девушка из местечка, простая ткачиха на фабрике «Красная роза», потом работала в газете «Легкая индустрия», арестована.

В учебных заведениях нового типа (комбинация школ среднего образования с ремесленным училищем) — сроки обучения существенно различались — от года до шести (!) лет, итогом в данном примере была сертификация медицинской сестры. Это не мешало матери информанта думать о продолжении образования, причем в другой области.

Активное продвижение в профессиональной сфере нередко (хотя не всегда) сопрягалось с перераспределением деятельности дома и профессиональной и общественной сфере: «мама была типичной советской женщиной 1920–1930-х годов: ходила в костюмах на массовые демонстрации трудящихся женщин, ... была активным членом партии, домашнее хозяйство мало интересовало». Обращает на себя внимание типизация опыта (учитывая, что подобный вид источника предполагает по крайней мере несколько уровней рефлексирования — профессиональное (цитата принадлежит историку), поколенческое, наконец, семейное.

Наличие «советского» образования не всегда означало общественную занятость, что сегодня вызывает у авторов текстов удивление, в том числе, с точки зрения ресурсов семьи: «отец — инженер, его жена могла не работать, семья вполне могла жить», информант отмечает, что образовался целый слой неработавших молодых женщин в кругу тогдашней молодой интеллигенции. Есть примеры и того, когда факт работы жены воспринимался мужем как вынужденный — «человека труд облагораживает, а женщину обезображивает», говорил отчим и снял маму с работы, как только они поженились». Другим примером является переориентирование женщины, в результате чего одна из героинь текстов не стала профессиональной исполнительницей.

От работы женщины в известной степени зависело и соотношение власти в семье. «Маме и экономически было целесообразно работать, но это было и вопрос ее выбора». Однако, по мнению информанта, ее доминирование в семье определялось не столько этим, сколько тем, что она была гораздо более «городским человеком: мама была моз-

гом семьи. Ведь она отца в общем-то слепила из того, что было. Он стал культурным человеком».

В то же время, концентрация контроля и потенциала принятий решений в руках женщин не всегда коррелирует с фактом их занятости и может быть, по оценкам современных нарративов, обусловлена характерологическими особенностями — «мама была очень деятельным человеком и, конечно, главной в семье», а также (вкуче с характером) самим принципом разделения сфер — «будучи энергичной и решительной, мама являлась полновластной хозяйкой в доме, подчиняя всех своей воле в житейских делах. Тем не менее она была абсолютно бессильна, когда речь касалась работы папы», причем преобладающая роль женщины в домашних вопросах воспринималась и воспринимается информантами (во всяком случае, применительно к описываемому периоду) как естественная: «мама имела решающее слово в существенных вопросах [быта — МЗ], но главой семьи и материально, и по настроению был папа, он определял...»

Фактор общественной занятости, конечно, совершенно не означал обязательный полный отказ от домашних обязанностей (иначе не шла бы речь о двойном бремени для женщин, столь часто упоминаемом применительно к этому и последующим периодам советской истории: «мама работала и по субботам, по воскресеньям занималась домом»).

Стратегии поиска дополнительных ресурсов предполагали — причем вне социального происхождения — помимо государственных учреждений (ясли, детские сады) обращение к родственникам, кроме все же бывших нехарактерными ситуаций недоверия: или сразу после рождения ребенка, или через некоторое время — «из-за занятости и по молодости мама оставила со своими родителями» — подобные схемы порой продолжались годами или носили сезонный характер (даже при больших расстояниях) — отправляли на лето (не только к бабушкам/дедушкам, но и к родне), или же могли иметь в качестве своей основы совместное проживание — «не ходил в детский сад, присматривала бабушка», «из сада забирал дедушка».

В текстах выделяется два типа помощниц по дому — «сменяющиеся домработницы», «помогающие из деревни девушки» («просто сбежала из деревни, хотя семья не из бедноты», так «спасали родных от голода», потом «устраивались на работу или «милые добрые существа, но их быстро забирала замуж»). Домработницы бывали и в семье с неработающими женщинами. Вторая категория — фактически постоянные «члены семьи» — «прожили вместе 57 лет», «дети были на попечении няни, но в критические моменты мама включалась».

Большую роль в организации ухода и присмотра за детьми играли соседи по коммунальной квартире (практика, которая продолжилась и позже), а также восприятие окружающей среды как безопасной, чему приводится много примеров: «сидела у мамы на бухгалтерских курсах, она выпускала меня во двор».

Таким образом, в период весьма ограниченного жизненного выбора женщинами стратегии профессиональной занятости и личной, семейной жизни женщин 1930-х — так, как они интерпретируются сегодня их детьми в каждом конкретном случае, конечно, определялись и внешними обстоятельствами, и внутренними предпочтениями, и подразумевали реализацию в разных сферах — профессиональной и материнской.

Исследуемые тексты содержат информацию, касающуюся не только других «крупных мазков» картины жизни советских горожанок 1930-х годов — к примеру, принципов воспитания детей, политических взглядов, но и элементов повседневно-

сти — представлений об организации жилищного пространства, как правило, весьма скромного, уюта и мешанства, бытовых забот, «добывания» и приготовления еды и многих других.

Литература

1. К примеру, Е. А. Шабатура (Кабакова) *Повседневность нового общества: гендерный аспект//Российская повседневность в зеркале гендерных отношений*. М. 2013. СС. 484–538
2. К примеру, Нина Луговская. *Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932–1937. По материалам следственного дела семьи Луговский*. М. 2004
3. К примеру, «Русская семья в водовороте «Великого перелома». Письма О. А. Толстой Воейковой 1927–1929. Спб. 2005.
4. К примеру, *Личные истории в электронном корпусе дневников «Прожито»* <http://prozhito.org/>
5. Подробнее — В. Семенова. *Социальная динамика поколений. Проблема и реальность*. М. 2009. С. 13–191.
6. Ю. А. Левада. *Поколения XX века возможности исследования//Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. 2001 № 5. С. 7–14.
7. К примеру, *Народных архив, с которым работала Наталья Козлова (Советские люди. Сцены из истории*. М. 2005. С. 38, 56.
8. Подробнее — С. Чуйкина. *Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е)*. Спб. 2006.

Н. В. Шалютина

*г. Нижний Новгород, Нижегородский научно-исследовательский университет
им. Н. И. Лобачевского*

Гендерные аспекты вождения и использования городской транспортной сети

Гендерное неравенство фиксируется как в различных социальных практиках, так и в организации социального пространства, в том числе и в практике вождения. Последние годы женщин за рулем автомобилей становится все больше. Является ли эта тенденция свидетельством преодоления гендерного неравенства? Способствует ли закреплению или напротив, уничтожению традиционных гендерных ролей?

Гендерные аспекты вождения можно рассматривать на макросоциальном уровне — через рассмотрение городской транспортной сети и на микросоциальном уровне — как акт социального взаимодействия, как социальную коммуникацию.

Рассматривая гендерные аспекты организации транспортной системы Нижнего Новгорода, необходимо отметить, что исторически Нижний Новгород — мужской город, построенный по индустриальной модели. Верхняя, историческая часть — город купцов, нижняя часть — это, в сущности, рабочая слобода. За последние 100 лет город с точки зрения транспортных магистралей не особенно изменился: они подразумевают использование горожанами (мужчинами) очень простой дорожной карты, построенной по модели «дом — работа — дом», особенно это касается нижней части города. Соответственно, городские магистрали учитывают именно мужской транспортный маршрут. При этом за 100 лет, очевидно, количество и интенсивность использования транспортных сетей женщинами значительно изменилась.

Мы рассмотрели маршруты перемещений у 20 (10 женщин и 10 мужчин) автоладельцев с помощью сервиса Google.location.history. Как и ожидалось, маршруты перемещений женщин оказались более интенсивными, запутанными. У женщин сложная сеть маршрутов (кроме работы и дома, множество пунктов назначения: школы, детские секции, магазины, поликлиники и т.д.) Одной из характерных в этой связи для Нижнего Новгорода проблем является недостаточная развитость периферийных дорог.

Еще один аспект, структурирующий гендерные отношения на макросоциальном уровне — отношения власти. Власть на дороге принадлежит мужчинам. Это связано и с тем, что абсолютное большинство работников ДПС — мужчины, и с принадлежностью дорог к публичному пространству, символически принадлежащему мужскому миру. Об этом свидетельствует даже внешняя атрибутика, в частности, рекламные билборды, выделяющие в качестве целевой аудитории именно мужчин. Публичное пространство, связанное с дорогами, представляет для женщин повышенную опасность: большинство женщин, сев в машину, в первую очередь закрывает авто на центральный замок. Кроме того, женщины реже используют подземные парковки и стараются парковаться как можно ближе к пункту назначения (возможно, это одна из причин большого количества ДТП с участием женщин на парковках).

На микросоциальном уровне, гендерный аспект фиксируется в ролевых ожиданиях и в восприятии вождения и водителя с точки зрения гендера. Манера вождения интерпретируется через представления о психологических особенностях мужчин и женщин. Мужчина воспринимается как «эталонный» водитель [1]. Если он нарушает правила, то не потому, что не знает их или не способен справиться с управлением, а потому, что самоуверен или стремится к соперничеству. На нижегородских автофорумах женщины-водители описываются через отрицание качеств «эталонного» водителя: «некомпетентна», «нерешительна», «непредсказуема», «не знает технических характеристик ТС».

Существуют определенные сложности с тем, чтобы понять, насколько статистически можно подтвердить или опровергнуть мифы, связанные с безопасностью вождения в зависимости от пола. ГИБДД регулярно публикует статистику ДТП, по дням недели, стажу вождения участников, времени суток и т.д., но связи с гендером не проводит. Известно, что 69% аварий совершают мужчины [2], но не известно гендерное соотношение автомобилистов. По разным данным женщин рулем 20–25%.

Считается, что женщины более дисциплинированные водители, по их вине реже происходят тяжелые ДТП (с причинением вреда здоровью), но чаще попадают в несерьезные аварии, с легким материальным ущербом, поэтому женщины чаще, чем мужчины используют КАСКО. В странах ЕС автострахование для женщин в целом дешевле, чем для мужчин. В России несколько лет назад активно продвигалась идея специальных программ страхования для женщин с меньшей стоимостью полисов КАСКО. Но эта практика не прижилась, в основном потому, что гендерные стереотипы актуализируются в сложных ситуациях. Женщина сразу после ДТП звонит не страховщику, а мужу, другу, отцу, чтобы получить от них инструкции; на дороге женщину легче убедить в том, что виновата именно она; мужчины-свидетели в спорной ситуации между двумя водителями, женщиной и мужчиной, встанут на сторону мужчины. В России гендерный признак — не главный для страховщиков, которые делают упор на марку машины, возраст и опыт водителя, условия хранения автомобиля [3].

Рассматривая вождение как средство коммуникации также можно обнаружить гендерный аспект. Мужчины на дороге выступают инициатором коммуникации и даже вступают в непосредственную коммуникацию с другими участниками движения, используя не только звуковые сигналы, мигание фарами, но и жестикуляцию и речь. Женщины ведут себя на дороге как люди, оказавшиеся в чуждом пространстве и испытывающие сильный стресс, поэтому они, как правило, не вступают в коммуникацию.

Порой возникают ситуации, когда мужчины за рулем идут на небольшое нарушение правил, для того, чтобы упростить ситуацию на дороге для женщины (например, нарушение правила «правой руки» на равнозначных перекрестках). На нижегородских автофорумах этот вопрос периодически поднимается. Мужская позиция звучит примерно так: «лучше уступить, дешевле обойдется». На одной из улиц Нижнего Новгорода даже висел рекламный билборд, призывающий мужчин уступать женщинам за рулем, что также фиксирует гендерное неравенство в социальной практике вождения.

В целом, можно сказать, что социальная практика вождения в Нижнем Новгороде и организация городской транспортной сети соответствует культуре патриархата, где нормативной точкой отсчета является мужчина-водитель и мужской взгляд на организацию социального пространства. С другой стороны, рост числа автомобилистов — женщин свидетельствует о росте их активности, о расширении приватности в условиях города, об интенсивном освоении женщинами публичного городского пространства.

Литература

1. Кобалевская А. И. Гендерные стереотипы участников дорожного движения. — URL: <http://www.psy.msu.ru/science/autoref/kabalevskaya.pdf> (дата обращения 23.04.18)
2. Сведения о показателях безопасности дорожного движения. — URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 23.04.18)
3. КАСКО для женщин — URL: <https://www.itbroker.ru/insurance-navigator/621/> (дата обращения 23.04.18)

А. Р. Гарифзянова

г. Елабуга, Елабужский институт Казанского федерального университета

Специфика казанского рэпа: «свои» и «чужие» внутри городской молодежной сцены

Молодежная музыкальная татарстанская сцена (неформальная) — это целый дисплей разнообразных музыкальных стилей и направлений, в том числе с использованием этноресурсов.

Исследовательский интерес вызывают следующие вопросы: каким образом формируется специфика этнокультурных музыкальных сообществ на молодежной сцене, как конструируются границы между ними? Какие способы преодоления этнических и религиозных границ существуют на музыкальной сцене? Каковы гендерные границы рэп сцены?

Каким образом конструируются границы внутри молодежной музыкальной сцены на примере рэпа?

Другими словами, как информанты определяют «своих» и «чужих»? И «кто есть кто» на этой сцене с точки зрения рэп стилей?

Использование родного языка (татарского) в качестве инструмента создания культурного продукта (текст песни), а также использование народного фольклора и национальной истории в музыкальных сюжетах в Татарстане (музыка), накладывают определенный отпечаток не только на сами музыкальные произведения, но и на коммуникативные практики и интересы тех, кто непосредственно включен в эту музыкальную сцену и коммуникацию вокруг нее — молодежь.

Самое очевидное деление сцены — это по принципу использования языка — русского или татарского: есть татарский рэп, есть русскоязычный рэп, есть даже в Казани рэп исполнители на английском языке. Кроме того, в ходе исследования выявилось деление по рэп стилям, вокруг которых создаются свои компании.

Деление на «своих» и «чужих» на музыкальной рэп сцене Казани строится по трем векторам:

- 1). по принципу «верю/не верю» (для многие является критерием определения настоящего рэпа или не настоящего рэпа)

Отрывок из интервью:

Респондент 1: Даже, как сейчас, ну я для себя рэп делю, я верю исполнителю или не верю исполнителю, вот.

Интервьюер: И как вот это, если не веришь, то это?

Респондент 1: То это мне не нравится, это неважно, модно это или не модно.

Интервьюер: А просто не нравится, ага. Название не имеет просто значения?

Респондент 1: Нет.

- 2). затем деление на *old school/new school* и по пониманию успеха («хайпа»)

Есть среди *New school rap*, допустим, те, кто считают, что «рэп — «это музыка стильных людей», они вообще стоят особняком среди всех. Их условно можно назвать «модники». Выделились те, кто уделяет много внимание стильному потреблению и имеет финансовые возможности, чтобы быть в тренде, и тех, кто экспериментирует с музыкой, текстами, и внешним стилем, в том числе. Кроме того, дефицит мест в Казани для рэп выступлений, отсутствие аналога *vegsus*, то представители «модников» (разновидность *нюскул*) предпочитают соцсети, и для них важен престиж места выступлений.

Отрывок из интервью:

Интервьюер: А какие, а чем отличались взгляды от твоих?

*Респондент: А вот сейчас я объясню, вот кстати интересный момент, вы наверное знаете и *hip-hop* делится на *олдскул* и *нюскул*.*

Интервьюер: Да, да, вот это я вчера слышала.

Респондент: И зачастую и зачастую они не могут ну так сказать совмещаться друг у друга, то есть одни не принимают других и наоборот...

Респондент: Нет, рэп — это музыка стильных, честно. Вот.

Интервьюер: Теперь... я в первый раз...

Респондент: Теперь, да.

Интервьюер: Это слышу. Это... и это относительно не давнейший тренд, да?

Респондент: Вот, а... это, это вообще по России, в Казани только пока, что вот рэперы все это, как колхозники, грубо говоря.

Интервьюер: Колхозники, да?

Респондент: Ну да, на мой взгляд, так.

3) деление по пониманию коммерческого успеха («хайпа»)

Допустим, татарский рэп — в основном, ориентация на консервативные вкусы большинства молодежи, приехавших в город, поддерживающие связь с деревней. Русскоязычная часть рэп сцены — это желание повторить успех каких-то рэп кумиров, достичь быстро хайпа, заработать деньги. Отсюда ориентация представителей татарской альтернативной сцены (рэп в том числе) на аудиторию за пределы республики, ориентация на создание качественного по западному образцу музыкального продукта, избегая демонстрации традиционных татарских стереотипных представлений — «без этих тютятейляр, шитикаляр, бэлешляр» (Үшмү music), если речь идет о татароязычном рэпе. Если речь идет о русскоязычном рэпе — это следование модным зарубежным трендам, в основном, американским.

Особенное значение для рэп сцены Казани имеют звукозаписывающие студии. Все они делятся на самобытные, домашние, элитные. Рэп компании как раз во многом формируются вокруг студий и лейбл сообществ (что практически одно и то же). Большинство основных мест рэп сцены сосредоточены в центре города, а именно Вахитовский район Казани.

Татарский рэп, если говорить о нем отдельно, в момент исследования была часть татарской альтернативной сцены, где доминируют все же группы в стиле фолк, металл, рок. Хотя важно отметить, что создатели лейбл сообщества Үшмү music являются в прошлом солистами известной в прошлом татарской рэп группы Ittifaq. И в настоящий момент, они противопоставляют себя на молодежной музыкальной сцене Казани татарской эстраде (татароязычная попса): «Татарская эстрада («банкетная музыка») рассказывает о переживаниях здесь и сейчас: мэхэббэт (любовь), ак каен (белая береза), чей турында (про чай), артисты не хотят рассказывать о социальных проблемах, например, о бездомных детях. У них только чай и прямо в лицо... В их песнях вокал всегда впереди, а музыка позади... В их песнях не чувствуется любовь, сострадание, другие сильные эмоции... Тем не менее очень много молодых людей ходят на такие концерты. У них разная мотивация. Некоторые прямо ходят слушать музыку. Но есть те, кто идут на «солянку», чтобы увидеть весь калейдоскоп индустрии татарской эстрады за 4 часа: подтанцовки, дизайн костюмов, сценография... Есть такое потерянное поколение, у которого, независимо от возраста, сложилось впечатление о татарских концертах как о месте, где ты ничего нового не познаешь...» («бизнес_online, 30.03.2014)

4) гендерное разделение сцены

До начала полевого исследования было очевидно, что хип хоп сцена как молодежная сцена определенной субкультурной направленности по сути является мужским пространством. Действительно, большинство участников «сцены» — молодые мужчины. Однако, женские роли сцены не так строго определены, как допустим в БПАН сообществе, присутствие женщины на рэп сцене Казани — скорее экзотика, редкость — имеется в виду, если это чтение рэпа, участие в рэп баттлах, и так далее. Чаще всего девушки представлены как второстепенные участники группы (вокал), и как подруги рэперов. В ходе «поля» рассказывали как о легенде об одной «рэперше», которая обладала харизмой, высоким социальным статусом (отец был богатым), и о том, как ее треки «взрывали Казань» в 2000-е, но сейчас она «отошла» от музыкальной тусовки

и занимается семьей. Единственная девушка, читающая рэп самостоятельно, позиционировала себя как человек с активной социальной позицией (выступала против расизма, ее парень был темнокожим), и читала рэп на английском языке, явно отрицая российскую рэп сцену.

В целом, если говорить о казанской рэп сцене, то она ориентирована на создание качественного музыкального продукта — востребованного и с точки зрения коммерции и имеющая потенциал (городская молодежная культура) и есть та часть рэп сцены, кто ориентирован на внутреннего консервативного слушателя («деревенская культура», в основном, татароязычная часть сцены).

В рэп тусовке очевидна тесная взаимосвязь как между собой («Мин татарча силайшам»), так и между рэп исполнителями на русском языке и теми, кто исполняет рэп на татарском языке. Например, один из ключевых информантов начинал свою музыкальную карьеру как русскоязычный рэп исполнитель, но в настоящее время активно выступает в Казани как татарский рэпер (Культурный). Кроме того, одна из ведущих студий звукозаписи является ключевым местом как для русскоязычного лейбла сообщества (Music boom), так и для татарского рэпа (Yummy music).

Доклад основывается на результатах включенного наблюдения в городе Казани в рамках проекта РНФ «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» (Центр Молодежных Исследований ВШЭ СПб, рук. Проф. Омельченко Е.А.)

М.В. Васеха, А.И. Громова, Е.С. Рябова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Гирудотерапия как новая составляющая здорового образа жизни российских горожанок

Полных сведений о распространении медицинской пиявки в России, несмотря на ее общеизвестность, нет. Однако, об их пользе для здоровья было известно князю Юрию Долгорукому, назвавшему пиявку княжеским лечебным средством. О полезных свойствах пиявок писал М. Шолохов в романе «Тихий дон», где один из персонажей — Степан — смотрел, «как пиявки, всосавшись в выпуклые полушария его груди, набухали черной кровью». «Пиявки — первое средство!» [5], — говорил ему полковой фельдшер.

В РСФСР технология разведения пиявок в медицинских целях была разработана в 1940 г. и реализована в Международном центре медицинских пиявок в Московской области, в поселке Удельная. Однако, купить их было совсем не просто. В 1950 г. о лечении пиявками будто «забыли» и последующие десятилетия этой темой никто не занимался. Статьи О.Н. Кузнецовой 1953 г. [3] и профессора Е.А. Лукина 1957 г. [4] являются единственными научными работами по теме применения гирудина в медицинских целях. Все остальные книги, написанные о пиявках в 1950–1960 гг., были посвящены изучению их биологических ресурсов.

О применении лечебных пиявок в гинекологии и для сохранения женского здоровья речи вообще не было. В литературе информация о расширении спектра применения гирудина появилась во второй половине 1980 гг., в том числе для лечения гинекологических заболеваний. Начиная с 2000 гг. использование пиявок получило

большее признание также и для сохранения и восстановления женской репродуктивной функции. В те же годы медицинская пиявка была признана официальным лечебным средством медицины.

В то же время разрабатывались схемы лечения и постановок пиявок. При лечении гинекологических заболеваний пиявки ставились не только наружно, но и вагинально. В особенности, процедуры гирудотерапии были наиболее эффективны при воспалительных процессах органов малого таза. Пиявки были способны снять внутритканевые отеки и воспаление, улучшить кровообращение в области матки и придатков, оказать противотромбовое воздействие, а также способствовать восстановлению менструального цикла [2, с. 173]. При спаечных процессах в маточных трубах, эндометриозе, воспалении эндометрия, фибромиоме матки, а также поликистозе яичников пиявки также обеспечивают положительный эффект. С одной стороны, пиявки нормализуют функцию всех органов человека, способствуя налаживанию гормонального фона женщины. С другой стороны, они становятся своего рода гарантией для здорового зачатия, поскольку помогают подготовить матку для нормального здорового вынашивания ребенка [1].

После проведения процедуры экстрапарального оплодотворения перенос эмбрионов в полость матки женщины зачастую не сопровождается должными подготовительными мерами. Нами были опрошены пациентки клиник крупных городов Центральной России, перенесшие процесс проведения ЭКО, в возрасте от 23 до 33 лет в первое десятилетие XXI в. Практически половина опрошенных женщин прибегла к гирудотерапии для переноса в естественном цикле. Однозначно утверждать о том, что их ожидал успех в противовес женщинам, применившим гормональную терапию, нельзя. Однако, побочные действия гирудотерапии были минимальны — легкое головокружение, оставшиеся, но быстро заживающие шрамы. При этом, заметно и значительно уменьшились болевые ощущения после химической стимуляции яичников, а также улучшилось общее психологическое состояние, что непременно важно для будущей матери.

Итак, гирудотерапия имеет максимально широкий подход к лечению, восстанавливая скорость и вязкость кровотока, чистоту лимфатической системы. Ибо в густой грязной крови, с низкой скоростью и высокой вязкостью, не смогут быстро двигаться иммунные тела, сколько бы их ни было, усваиваться витамины и микроэлементы. Поэтому говорят, что качество крови — основа всего. Гирудотерапию заменить нечем, она дает хорошие результаты практически при любых заболеваниях, прекрасно себя оправдывает и в комплексе с официальной медициной — лекарственные препараты быстрее и эффективнее работают, побочные эффекты менее выражены.

Литература

1. Геращенко Л., Никонов Г. *Лечение пиявками в домашних условиях*. Москва, Изд-во «Аст-ПРЕСС», 2008.
2. Каменев Ю., Каменев О. *Вам поможет медицинская пиявка*. СПб, Из-во «Весь», 2005.
3. Кузнецова О. Н. *Распределение гирудина в теле медицинской пиявки*//Зоол. журн. 1953. Т. 32. Вып. 5. С. 833–839.
4. Лукин Е. Л. *К вопросу о распространении медицинской пиявки в СССР*//Зоол. журн. 1957. Т. 36. Вып. 5. — С. 658–669.
5. Шолохов М. Тихий Дон http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=2662&public_page=6 (Дата обращения: 27.04.2018)

Поддержано грантом РФФИ 16–01–00136

Гендерные ожидания и профессиональная деятельность у людей с ограниченными возможностями в СССР и в современной России

В докладе рассматривается динамика гендерных ролей в профессиональной деятельности людей с сенсорными нарушениями (зрение, слух, слепоглухота). В позднесоветскую эпоху (1960–1980-е годы) в СССР была создана система профессионального обучения и профессиональной занятости для людей с сенсорными нарушениями. При этом предполагалось и разграничение профессиональной подготовки и/или занятости по гендерному признаку. Так, глухих брали на производство, сопровождавшееся повышенным шумом: мужчины работали в кузнечном производстве, кузнечных цехах, в бурении, работе с отбойным молотком и пр.; женщины нередко работали швеями-мотористками, портнихами. Незрячие работали на специальных производствах, где собирали несложные механизмы и приспособления (розетки, штепсели и т.п.), в таком производстве были заняты преимущественно мужчины. Более «женскими» считались профессия массажистки и преподавательницы музыки. Особенно сложной была ситуация со слепоглухими. Поступление в вузы среди людей с сенсорными нарушениями и получение ими соответствующих профессий было довольно редким из-за многочисленных барьеров, препятствующих получению высшего образования и нужной профессии. Наиболее распространенной профессией среди глухих женщин была профессия библиотекаря. Среди незрячих четкое разграничение гендерных ролей прослеживалось хуже, но мужчины чаще заканчивали заочный юридический институт (хотя и редко работали по специальности), женщины чаще получали специальность психологов. Слепоглухие за редким исключением (О. Скороходова, А. Суворов и некоторые другие) высшего образования не получали; те же, кто получал его, обычно работали в системе образования для слепоглухих. В основном же образование для людей с сенсорными нарушениями было ориентировано на ручной труд, а гендерные роли детерминировались гендерными ожиданиями (работа библиотекаря или массажистки воспринималась как преимущественно женская и пр.).

В постсоветскую эпоху происходило постепенное разрушение специального образования и внедрение инклюзивной модели образования. Этот процесс сопровождался разрушением специализированных предприятий и цехов, в которых были заняты люди с сенсорными расстройствами. Это привело, с одной стороны, к массовой безработице среди таких людей. С другой — в ряде случаев к освоению новых профессий и стиранию гендерных границ. Например, профессию массажиста, библиотекаря или психолога стали широко получать мужчины и т.д. В сохраняющемся ручном производстве для людей с сенсорными нарушениями (производство крышек для консервных банок, металлических зажимов для папок-скоросшивателей) все больше заняты женщины (в силу малой престижности и низкой заработной платы).

В докладе также прослеживаются попытки создания новых профессий для людей с сенсорными нарушениями, в том числе с опорой на так называемые «помогающие технологии» и делаются прогнозы относительно занятости таких людей и гендерных ожиданий.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований/Российского фонда гуманитарных исследований. Номер гранта — 16-01-00145-ОГН.

О необходимости модернизации системы социального обслуживания пожилых людей, проживающих в домах-интернатах с учетом гендерных различий

За последние десятилетия происходит трансформация общества, которая вносит качественные изменения во все сферы общественной жизни, знание социологии вполне может помочь повлиять на социальные процессы и изменять их в нужном направлении. Старение населения — это глобальный многомерный процесс, охвативший в XXI веке все мировое общество. Всем известно о том, что при всем этом, по оценкам демографов, население развитых стран будет, в конце концов, продолжать стареть нарастающими темпами. Как известно, одним из направлений гуманизации любого современного общества является проявление внимания к старшему поколению, причем не только в плане решения их материальных проблем, но и в поддержании их душевного комфорта, психологической и социальной активности. В настоящее время пенсионеры представляют огромную и разнородную социальную группу, поскольку темпы старения и утраты трудоспособности очень индивидуальны.

Следует отметить, что сложившийся в конце XX века институт общественного обслуживания пенсионеров нуждается в трансформации, которая связана с переходом от обычных форм помощи к современным формам предоставления услуг, позволяющим повысить социальный статус пенсионеров и вернуть их связи с обществом, с одной стороны, и к наиболее высококачественному обслуживанию на крайних шагах жизни — с иной. Сегодня уже не исключение, а тенденция — повышение числа одиноко живущих пенсионеров. Одиночество на фоне современного развития общества является одной из самых больших проблем для человека, сказала Матвиенко.

Пожилые люди нуждаются не столько в деньгах, сколько во внимании, отметила она [7]. Серьезные различия между старшим и молодым поколениями предполагают сокращение контактов между ними. Процесс разъединения может быть инициирован как самим пожилым человеком, так и другими лицами, например, родственниками или представителями социальных служб. Это находит свое отражение в создании специализированных домов престарелых или интернатов для пожилых людей, где они, как правило, живут изолированно от других, более молодых поколений. На определенном этапе перед человеком встает вопрос: где провести остаток жизни, в кругу родных или в специальном учреждении. Согласно рейтингу стран мира по показателю качества жизни пожилых людей на основании результатов исследования HelpAge International [4], Россия занимает лишь 65-ое место, что свидетельствует о том, что положение пожилых людей в РФ составляет лишь 41,8% от идеального. Это говорит о том, что социальным службам Российской Федерации есть, над чем работать, ведь сегодня в российских домах престарелых проводят годы тысячи стариков. Состояние государственных учреждений такого типа оставляет желать лучшего, так как их финансирование по-прежнему отстает от имеющихся нужд и потребностей. Попасть в подобное учреждение нелегко: необходимо собрать

множество документов и дожидаться своей очереди, которая часто растягивается на годы. Стоит отметить, что согласно Росстату [6] мальчиков рождается больше, чем девочек, а лиц мужского пола, достигших пенсионного возраста, становится в разы меньше в силу различных обстоятельств. Престарелых женщин намного больше, чем мужчин. В связи с этим и в домах престарелых подавляющее количество проживающих — это одинокие женщины пожилого возраста.

В таких домах-пансионатах проживают лица, не имеющие родственников, или порвавшие с ними отношения. На их содержание идет 75% пенсии. С учетом размера средней пенсии на содержание каждого пожилого человека уходит около 8–9 тысяч рублей. Минимальный необходимый уход, медицинское обслуживание и определенный набор развлечений здесь гарантирован. Сегодня в государственных домах престарелых стараются навести порядок, но не хватает денег и квалифицированного персонала [1].

С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [5]. Этот закон дает возможность гражданам РФ, нуждающимся в социальных услугах, получить эти услуги в любом, в том числе частном, учреждении социального обслуживания. В будущем в России на уровне министерства может появиться структура для организации помощи одиноким пожилым людям, считает председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко [7].

Сегодня отношение к домам престарелых у российской общественности неоднозначное, в связи с чем актуальность всестороннего исследования данной темы велика, поскольку изучение негативных стереотипов о домах престарелых и интернатах, а также разрешение проблем в их деятельности, напрямую зависит от осведомленности общества, которое сможет поменять отношение к восприятию данной проблемы. Невостребованность участия престарелых граждан в жизни социума делает их более одинокими и несчастными. К тому же здесь следует отметить, что последствия гендерной дискриминации в области трудоустройства накапливаются в течение всей жизни и проявляются в пожилом возрасте, когда женщины вынуждены довольствоваться непропорционально более низкими, чем у мужчин, доходами и пенсиями или вообще остаются без пенсий [3, с. 14]. Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин была принята Общая рекомендация № 27 относительно пожилых женщин и защиты их прав. Комитет признал гендерную специфику старения и ту непропорциональную дискриминацию, которую испытывают на себе пожилые женщины. В рекомендации содержится призыв предпринять значительные усилия, с тем чтобы проблемы пожилых женщин систематически рассматривались как один из приоритетов политики; принять особые временные меры для обеспечения участия пожилых женщин во всех сферах жизни; усилить правовые документы, защищающие права пожилых женщин, предусмотренные Конвенцией; отказать от законов, подзаконных актов и обычаев, ущемляющих их права; а также обеспечить сбор, анализ и распространение соответствующих данных [2, с. 7].

Поэтому в целях повышения уровня и качества жизни пожилых людей в домах престарелых необходимо развивать и улучшать систему социального обслуживания пожилых людей, проживающих в домах-интернатах, как одну из необходимых, важных сторон социальной защиты населения, государственной социальной политики. Остро встает необходимость разработки новых прогрессивных форм домов-интернатов для пожилых людей с целью обеспечения жизни в них на уровне стандартов

современного общества; при разработке специальных программ, позволяющим продолжать указанной категории граждан вести активную жизнь, проживая в домах-интернатах, необходимо учитывать гендерные, этнические, возрастные, профессиональные и другие факторы, а также использовать СМИ для формирования в обществе необходимости заботы о пожилых людях, в том числе, и проживающих в домах-интернатах.

Литература

1. Дом-пансионат для пожилых и инвалидов «Павловский»/Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://greenhome-spb.ru/>
2. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека//Социальные вопросы и вопросы прав человека: права человека. — 2012. — С. 7
3. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека//Социальные вопросы и вопросы прав человека: права человека — 2012.- С. 14.
4. Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей. Гуманитарная энциклопедия//Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helprage.org/global-agewatch/population- ageing-data/global- rankings-table/>
5. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/>
6. Федеральной служба государственной статистики/Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm
7. Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti)/Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/02/02/749821-matvienko-ministerstva- odinochestva/>

М. Э. Сысоева

г. Краснодар, Кубанский государственный университет

Роль женщин в процессе этнического ренессанса

В последние десятилетия все большее звучание приобретает тема этнического ренессанса на постсоветском пространстве. Нередко этот феномен трактуют в контексте процесса «вымирания народов», воспринимаемого как «ожидаемое» событие в отличие от ставшей «привычной» ассимиляции [1]. Однако, в данном исследовании отойдем от теоретического осмысления этих категорий и обратим внимание на процесс возрождения в рамках убыхского контекста.

Ассоциируя сегодня с метафоричным и одновременно трагическим образом «покинувшего навсегда родные края народом» (что активно эксплуатируется не только в средствах массовой информации, но и стало «рекламой» туристических мест), потомки убыхских махаджиров проводят активную ренессансную политику. Ярким примером тому служит деятельность Руслана Заудиновича Берзекова (Кабардино-Балкария, Нальчик), основателя Некоммерческого фонда «Родовое объединение «Убых-Берзек», выступающего за включение убыхов в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ [3].

В тоже время немаловажную роль в ревитализационном движении играют женщины. Племянница Тевфика Эсенча Мерал Чаре (тур. Merál aře, Хаджи-Осман, Тур-

ция) причисляется к носителям/полуносителям убыхского языка, став своего рода преемницей легендарного дяди. Несмотря на то, что еще жив младший сын Т. Эсенча Зеки, в настоящее время именно Мераль выступает в роли инсайдера, «хранительницы убыхского наследия». Кроме того, М. Чаре довелось сотрудничать с целым рядом исследователей: французским историком и лингвистом Жоржем Шарашидзе, канадским исследователем Джоном Коларуссо, английским филологом Джорджем Хьюиттом и абхазским лингвистом-кавказоведом Вячеславом Андреевичем Чирикбой (став компетентным информантом и консультантом при составлении «Словаря убыхских личных имен» (2016) [4].

Значима в процессе ревитализации и деятельность представительниц академического сообщества. Так, археолог и лингвист Рона Фенвик (Квинслендский университет, Брисбен, Австралия) «реанимирует» утраченный убыхский язык, и на основе аудио-записей с последним носителем публикует массивный труд «A Grammar of Ubykh» [5]. Заинтересованность фонетикой переросла в глубокий научный интерес к убыхской проблематике — вот уже 16 лет автор собирает материалы и проводит самостоятельные полевые исследования в сел. Хаджи-Осман, встречаясь с родственниками Тевфика Эсенча. На благотворительной платформе «go fund me» Рона Фенвик призывает поддержать ее колоссальный проект по составлению убыхского словаря, учебных пособий и аудиокурса:

«Я работаю над составлением убыхского словаря, чтобы опубликовать его и передать убыхскому сообществу, это поможет им возродить не только язык, но и культуру».

В самой же Турции до недавнего времени с убыхами работала А. Сумру Озсой (Босфорский университет, Стамбул), инициировавшая в 1994 г. проведение международной конференции в память о Дюмезиле и Эсенче, в которой приняли участие Дж. Хьюитт, ученик Дюмезила Жорж Шарашидзе, В. А. Чирикба, М. А. Кумахов и др. Материалы конференции были опубликованы в Осло в серии *Studia Caucasologica* [3, 6].

Особый интерес представляет Сурья Чах (Бандырма, Турция), владелица кафе «Kafkas». Девушка родилась в сел. Эскичата (Eski atal), училась в школе в Хендеке и оттуда переехала в Бандырму. По материнской линии Сурья родственница Хунджа, по отцовской — Натхо, среди которых есть и убыхи, и адыгейцы, однако в семье говорили по-адыгейски. При этом девушка называет себя убыхкой и даже имеет паспорт Абхазии, отличительной и привлекательной чертой которого является возможность поставить отметку «убых» в разделе «национальность». Кроме того, двоюродный брат девушки (также считающий себя убыхом), Дурсун Мирза, в настоящий момент является мэром Бандырмы и по его инициативе Бандырма стала городом-побратимом абхазской Гудауты. В подтверждение этому на сайте «ekhokavkaza.com» размещено было следующее сообщение (26.05.2014):

«Готовится соглашение об установлении побратимских связей между городами Бандырма (центр провинции Балыкесир, Турция) и Гудаутой. В эти дни в самопровозглашенной республике Абхазия с частным визитом находится мэр города Дурсун Мирза, который посещает районы и города республики... В первых числах июня в Бандырме проводится фольклорный фестиваль, куда уже приглашены абхазские артисты» [2].

Несмотря на то, что ни С. Чах, ни ее брат не проводят активную ренессансную политику, интерес представляют модели конструирования идентичности: побрати-

мость с Абхазией, легализующая право на «убыхское наследие», картины с горными пейзажами и абхазскими дворами внутри кафе девушки реконструируют образ «родины», а наличие «убыхского» паспорта, пусть и действительного только на территории самопровозглашенной республики, вовсе узаконивает право называться «убышкой».

Потомки убыхов как в Турции, так и Российской Федерации, находятся в определенной кризисной стадии в настоящий момент. Произойдет ли в полной мере этнический ренессанс будет ясно лишь в ближайшие десятилетия, но уже сейчас можем оценить ревитализационные практики, роль личности в этом сложном процессе. Говоря о возрождении убыхства, весьма патриархального в бытовых вопросах сообщества, не актуализируется гендерная принадлежность активистов. Еще некогда «неуслышанные» исследователями голоса «убыхских» женщин преобретают новое звучание.

Литература

1. Брубейкер, Роджерс. *Этничность без групп*. М., 2012.
2. Колесов В. И., Кузнецов И. В., Кузнецова Р.Ш., Сысоева М. Э., Хуако З. А. *Потомки убыхов в Турции//Археология и этнография понтийско-кавказского региона*. Краснодар, 2016. С. 225–251.
3. Кузнецов И. В., Сысоева М. Э. *Из истории изучения убыхов и убыхского языка//Археология и этнография понтийско-кавказского региона*. Краснодар, 2016. С. 5–21.
4. Чирикба В. А. *Убыхские этюды IV. Словарь убыхских личных имен. (Мужские и женские имена. Патронимы. Детские имена. Клички, прозвища. Фольклоронимы, теонимы, мифонимы)//Археология и этнография понтийско-кавказского региона*. Краснодар, 2016. С. 113–171.
5. Fenwick, R. S. H. *A Grammar of Ubykh*. 2011.
6. Özsoy, S. *Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics//Studia Caucasologica III, Oslo*. 1997.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–39–00160. Организация, через которую осуществляется финансирование — Кубанский государственный университет.

Т. Б. Щепанская

г. Санкт-Петербург, ФГБУН МАЭ (Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого) РАН

В прерывистом пространстве Петербурга (городские мобильности в опыте молодых горожанок)

Сообщение подготовлено на базе комментариев студенток СПбГУ к когнитивным картам, на которых они изобразили свои передвижения в пространстве Санкт-Петербурга, но может быть интересным вообще для изучения опыта пользования городским пространством и его восприятия. Карты (неформализованные рисованные и/или нанесенные на стандартную основу) были собраны в 2014–2018 гг. автором и под руководством и по программам автора студентами в рамках нескольких учебных курсов СПбГУ (направление «Искусства и гуманитарные науки»). Ставилась задача изучения городских мобильностей, и всем участникам предлагалось обозначить на карте свои передвижения по городу. Данные используются

для качественного исследования и относятся к моделям мобильности студенческой молодежи.

Сведения об участниках исследования. Сейчас число информантов составляет 167 человек (в т.ч. 150 от студентов: 66 проживают постоянно, 84 (56%) в состоянии учебной миграции; 118 женский пол, 30 мужской, 2 — пол не указан; г.р. 1990–1999). Комментарии к картам не были стандартизированы, это были либо устные пояснения, либо легенда на листах карт. Далее для интерпретации полученных графических данных были опробованы разные методики: комментарии по (полу)стандартизированной анкете, короткие эссе и анкет с открытыми вопросами, предполагающими ответы в свободной форме. Последний вариант оказался самым информативным. Сейчас собрано 20 таких ответов (2016–18 гг.), которые и будут в центре внимания в настоящем сообщении. Наряду с этим, мы учитываем (но здесь подробно не анализируем) легенды к картам, ответы в форме стандартных анкет и эссе. Это не исчерпывает всех полученных материалов, но дает возможность наметить некоторые смысловые линии, полезные для интерпретации когнитивных карт.

Из 20 ответивших на открытые вопросы 18 указали женский, 2 — мужской пол. В центре нашего внимания, таким образом, опыт передвижения в пространстве мегаполиса молодых женщин. 14 приехали учиться в Петербург от 3 месяцев до 3-х лет назад (на момент ответа), остальные 6 считают себя постоянными жителями. Специфика студенческой выборки: передвижение, главным образом, пешком или городским общественным транспортом; активное освоение городского пространства, заметная роль исследовательского и эстетического его восприятия.

Задача. В центре нашего внимания — феномен разорванного пространства, ярко выраженный на картах: как на стандартизированных, так и на рисованных (гораздо ярче) выделяются густо заполненные траекториями передвижений «острова» (зоны связности) и обширные разделяющие их пространства. На картах и в легендах они либо оставлены пустыми, либо обозначены знаками вопросов, штриховкою как «неприятные», «неизвестные», «я там не бываю» и т.п.

Встает вопрос: как получаются разрывы, т.е. пространства, в опыте информантов не заполненные передвижениями, (и, соответственно, что отличает эти места от пространств связности)?

Факторы отчуждения. Выявленные факторы мы разделили на две группы: факторы «закрытости для передвижений» (избегания передвижений в некоторых местах) и факторы «невидимости» (когда передвижение есть, но оно не формирует опыта освоения пространства, в котором происходит, город остается субъективно «невидимым», неизвестным).

К первой группе мы отнесли факторы, которые, по словам участниц исследования, заставляют их избегать определенных мест, выбирать другие маршруты и даже отказываться от поездок и прогулок в/через такие места.

Среди таких факторов была названа «атмосфера» района, его дурная репутация, неприятный архитектурный стиль (одним не нравится индустриальный пейзаж, другим — «помпезная» архитектура центра или ее неуместное сочетание с рекламой и прочими приметам современности). Жителям «неприятных», в особенности некоторых окраинных, районов некоторые участники приписывают неприятные черты, внешность и порядок коммуникаций; атмосфера описывается как опасная и тревожащая, а общий стиль — несовременный, скучный и даже

сельский. Любопытно, что среди «неприятных» и избегаемых районов называют не только окраинные, спальные и индустриальные, но и некоторые центральные, например, неоднократно пишут, что избегают Невский проспект, реже — Васильевский остров. Впрочем, имеются и противоположные свидетельства — где В. О., и Невский, и даже спальные районы названы любимыми и «моими».

Второй тип факторов избегания касается транспортной недоступности городских территорий, неудобства передвижения. В Петербурге это мотив усиливается погодными факторами, как стимулом выбирать наиболее коротких, быстрых и не располагающий к исследованию городского пространства способ передвижения или маршрут. Причем имеет значение не только сама погода, но и расчет на то, что она всегда может испортиться. Своего рода ритуализацией этого опасения служит снаряжение при перемещениях по городу: в стандартный набор входят удобная теплая обувь, зонт, у многих — запасные шарф, шапка, носки, а также крем для рук и губ на случай сильного ветра и дождя, к которому всегда, как поясняют участницы, надо быть готовой. Тот же фактор «погоды», по свидетельству участниц, модифицирует и гендерный дисплей, заставляя отказываться от каблуков, юбок, длиннополого пальто и дамских сумочек в пользу «удобной» обуви, брюк, дутиков-пуховиков, больших сумок и рюкзаков, в которые «войдет все».

Третий тип факторов «закрытости» некоторых территорий для передвижения — дискомфорт, связанный собственно с пребыванием в общественном транспорте, заставляющий ограничивать поездки необходимыми и привычными маршрутами. Дискомфорт может быть физическим: духота, теснота, мокрые холодные полы в транспорте, от чего мерзнут ноги. Некоторые участницы носят с собою лекарства, т.к. имеют опыт и соответственно, страх потери сознания от духоты и тесноты. Не менее значим и психологический дискомфорт: участницы пишут о страхах и тревогах, связанных с передвижением, в основном, общественным транспортом. Называют страхи, связанные с экстремальными ситуациями, угрозами (теракт, авария, ДТП); здоровьем (потеря сознания, боли и др.); состоянием городской среды (выбирают маршруты, чтобы не ходить мимо мест, где можно встретить стаю собак или мусорные контейнеры с крысами); социальными коммуникациями, взаимодействиями с другими людьми (карманники; агрессивные, пьяные, душевнобольные соседи в транспорте; перспектива нежелательных встреч, побуждающая выбрать обходной путь). Особое место занимает тематика сексуальных домогательств, неприятных ощущений, «когда меня трогают», — усугубляющих дискомфорт, связанный с ощущением тесноты». Примечательно, что домогательства оказывают влияние на порядок передвижения в городе не только собственно в момент физического посягательства, но и в другое время — как опасение, присутствующее в опыте ряда участниц исследования, как только они покидают привычный район, а то и просто выходят из дома. Они говорят об ощущении недостаточной безопасности, из-за которого не могут гулять или ездить там, где хотелось бы: в индустриальных районах, загородом или просто в ночное время. Наряду с сексуальными домогательствами, упоминают и о других формах навязанной, вынужденной коммуникации: когда в транспорте «пристают» с разговорами, громко поют или матерятся, предлагают познакомиться, агрессивно требуют уступить место или «убрать» сумку, к одной из участниц «пристал» народный целитель, предлагая полечить ей ногу. Все это переживается как посягательство на личное пространство и выступает значимым фактором дискомфорта. В качестве защиты

своей приватности упоминают наушники, чтение книги и пользование гаджетами — причем это же может быть и поводом к упрекам со стороны соседей в транспорте (упрекают, что молодежь теперь «улавивается в гаджеты» и никого не видит — т. е. расценивают как разновидность посягательства на порядок коммуникаций в публичном пространстве).

Ко второй группе мы отнесли факторы «невидимости» отдельных городских территорий. Участницы практически в один голос заявляют, что, когда торопишься, ничего не видишь, — в отличие от подробного описания «исследовательских» пеших прогулок или поездок в полупустом транспорте, когда можно размышлять, глядя в окно или рассматривая попутчиков. Среди факторов «невидимости» на первом месте спешка, но также и фактически все уже упомянутые факторы «закрытости» (избегания): от дискомфорта, петербургской погоды — до боязни вынужденных коммуникаций или агрессивной (в экологическом или социальном смысле) среды.

И.А. Снежкова

г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Автоледи или женщина за рулем

В последнее время на наших дорогах все больше появляется женщин за рулем. Существует ли разница между женским и мужским вождением? Если она есть, то в чем заключается?

Медики считают, что разница есть, она определяется физиологическими особенностями женского организма, а именно (гормональным фоном, мышечной силой, способом восприятия мира, психологическими факторами, способностью выдерживать психологическое напряжение, эмоциональностью и т. д.)

Считается, что у женщины более длинный логический шаг, поэтому в нестандартной ситуации ей гораздо труднее просчитать правильный маневр.

Ряд психологов выдвигает версию, что женщинам довольно трудно быстро и правильно ориентироваться на местности. В результате чего «поехать не туда», «пропустить поворот», «резко остановиться» — очень частые ошибки женского пола.

Безусловно женские нервы не такие крепкие, как у большинства мужчин, поэтому в случае опасности женщина чаще всего не активизирует все силы организма для преодоления ситуации, а может впасть в ступор или выполнять неправильные действия, или попросту нажать на тормоз. Психологи ссылаются к историческим корням этих свойств. Мужчины были охотниками и добытчиками, им приходилось бороться, конкурировать, путем предприимчивости, идти на риск. А женщины — хранительницы очага — должны были оберегать себя и потомство, именно поэтому любую опасность они стараются избежать, а не ввязываться без особой нужды в ее преодоление. При написании доклада мне пришлось опросить 20 человек (10 мужчин и 10 женщин) о специфике женского и мужского вождения, также мною были опрошены инструкторы по обучению вождению автомобилей. Мужчинам женщинам и инструкторам был задан вопрос о специфике мужского и женского вождения.

Ответы мужчин:

«Для мужчин более характерно объемно абстрактное восприятие мира, стратегическое мышление, т.е. фокус внимания, направленный вперед на достижения. Поэтому, для них характерен более резкий стиль вождения на хорошей скорости. Мужчины легче, чем женщины маневрируют на дорогах, многие даже любят это делать: обгон, переход из ряда в ряд, езда «змейкой» и т.д.»

«У женщин, восприятие мира конкретное, поэтому, они лучше подмечают детали. Мышление, как правило, тактическое. Поэтому, женский пол предпочитает невысокие скорости, аккуратность, минимальное количество маневров на дороге, осторожность.»

«Взгляд мужчины, который ведет машину, направлен на несколько машин вперед. Женщина смотрит, вокруг, на близком расстоянии. Поэтому, если женщина ведет машину аккуратно, то она никогда не создает опасных ситуаций на дороге.»

Ответы женщин:

«Мужчины, являющиеся противниками женского вождения, обычно люди без семей и детей. Как только у них в жизни появляются дети, достигшие возраста, когда их нужно возить в школу, в больницу и прочие места, мужчины становятся сторонниками женского вождения, только лишь бы им не мешали работать и заниматься своими делами.»

«Женщины, чувствуют себя спокойно, в рядах со спокойным, ровным движением, особенно если приходится ездить с детьми. Там, где присутствует жесткое движение, становится некомфортно. Если ситуация «зашкаливает», то женщина вообще может надавить на тормоз.»

«У мужчин, скорость реакции выше, в экстремальных ситуациях, у них выделяется адреналин, что позволяет им лучше контролировать ситуацию, обгонять, маневрировать, менять ряды.»

Ответы инструкторов по обучению вождению автомобиля:

«Женское вождение аккуратнее мужского, наверно, поэтому «гонщики» среди женщин встречаются реже, чем среди водителей-мужчин. Они практически никогда не пытаются «показать себя» и доказать что-то окружающим: обогнать, подрезать.»

«Количество аварий на дорогах по вине женщин, гораздо ниже, чем по вине мужчин, если они соблюдают свой стиль вождения. Попадают в ДТП те женщины, которые только еще осваивают науку вождения, и у которых на автомобиле приклеена буква «У» (ученик).»

«Намного больше виновниками ДТП оказываются мужчины (их большая численность на дорогах на эту величину не влияет). Это происходит потому, что именно мужчины зачастую чувствуют себя более уверенными за рулем, а на деле оказываются слишком самоуверенными в опасных маневрах.»

«Есть интересные сведения из автошкол, представители которых рассказывают, что девушки реже, чем мужчины покупают экзамены, а если платят за «водительские корочки, то это не частая практика, а больше теории.»

«Девушки хорошо запоминают правила поведения на дорогах, и на отлично сдают зачеты, чем тоже, к сожалению, не могут похвастаться начинающие водители мужского пола.»

Связь цвета машины и характера женщины.

Этот раздел относится к эстетическим аспектам женского вождения и является во многом гипотетическим, тем не менее мы приведем некоторые примеры. Психологи считают, что выбор цвета будущего авто напрямую зависит от психологического типа человека. Как аргумент проводится тест Люшера.

Красный. Этот яркий цвет чаще всего выбирают активные, целеустремленные женщины, признанные лидеры. Как правило, они крайне амбициозны, поэтому на дороге ведут себя недисциплинированно, подчас нарушая правила дорожного движения.

Желтый. Ко всем оттенкам желтого равнодушны особы творческого склада. Они часто бывают невнимательны, но всегда очень вежливы по отношению как к другим водителям, так и ко всем пешеходам.

Зеленый. Для любительниц этого цвета главное — безопасность. Они четко знают границы своих возможностей и не станут без причины лихачить. Единственная проблема: их привычка ездить слишком аккуратно иногда становится поводом для небольших ДТП: водители сзади идущих авто не всегда успевают вовремя притормозить перед вяло плетущейся «лошадкой».

Синий. Тут все зависит от оттенка синего цвета. Тот, кто выбирает светло-голубые оттенки, отлично разбирается в финансах, а его разум зачастую берет верх над чувствами. Такие водители бывают очень терпеливыми — их не выведет из себя даже многокилометровая пробка. Более глубокий, синий характеризует свою хозяйку как человека замкнутого. Передвигаясь в потоке машин, она обычно закрывает окна, как правило, тонированные, чтобы остаться незаметной.

Серый. Поклонники всех оттенков серого не любят показывать свое истинное «я». Автомобиль для них не более чем удобное средство для передвижения. Они не любят риск и часто следуют правилу: «Тише едешь — дальше будешь».

Белый. Любители белого во всем разбираются досконально. До того как сесть за руль, такие водители обычно долго практикуются с инструктором, штудируют учебные пособия. Правда, их довольно мало: не более 5–7% от общего числа автолюбителей.

Черный. В советские времена на черных авто ездили высокопоставленные государственные служащие, в годы перестройки «крутые» парни. Именно поэтому черный у большинства из нас ассоциируется с властью и силой. Выбирающие этот цвет чувствуют свое превосходство и могут вести себя на дороге несколько высокомерно.

Выбор марки автомобиля женщинами.

Определяем характер автоледи в зависимости от автомобиля. В основном выделяют две категории авто — «утишкой и шляпкой». Также существуют большие автомобили — джипы. Так называемый «утишок» — это автомобили представляющие одно целое «однообъемник» или кроссовер; шляпка — это машины типа Седан, у которых есть задняя часть. Внутри автомобиля также многое говорит о ее хозяйке. Может быть все устлано ворсом, чехлы мягкие, белые, пахнет шерстью и ощущается чистота. Руль, как и все пространство, в меховом чехле. В таком авто хочется спрятаться, особенно, если вы нуждаетесь в убежище. Таким авто владеет женщина красивая и аккуратная, самодостаточная, часто одинокая. Если женщина едет на джипе, то скорее всего джип ей купил муж. Естественно, он человек состоятельный, в джипе легче поместиться большой семье.

Особенности характера женщины водителя.

Женщина, которая давно за рулем со временем немного начинает напоминать мужчину. Водители со стажем женского пола отмечают, что вождение автомобиля добавляет им независимости, ответственности, напористости, быстроты реакции. Женщина сама может поменять в случае нужды колесо, залить бензин, так называемую незамерзайку, исправить небольшую поломку, перезарядить аккумулятор. Интересный факт для женщины водителя — это появление в ее речи ненормативной лексики, когда она сталкивается с опасными ситуациями на дороге. Женская лексика в этом случае часто носит завуалированный характер, вместо откровенно бранных слов используются их безобидные заменители — «ешкин-матрешкин», «твою матрену за ногу», «еперный театр» и др.

Д. А. Верховод

г. Москва, Московский государственный психолого-педагогический университет

Интенсивность коммуникаций и недоверие между полами в больших городах

Основой этой статьи является проблема интенсивности коммуникаций и недоверие между полами в больших городах. В частности, в качестве одного из основных информационно-коммуникативных ресурсов взяты социальные сети, создающие ранее недоступные возможности общения и их влияние на проблему недоверия в современном российском обществе.

Исследование актуально для нашей страны. В течение последних 20 лет недоверие между полами увеличилось в связи с появлением соцсетей. Особенно это заметно в больших городах (с населением свыше 250 тыс. чел.). Отсутствие доверия между полами может негативно сказываться на процессе развития российского общества. Возникают вопросы: что является предпосылкой появления недоверия, какие функции оно в себе несет и как воздействует на наше общество?

Данное явление нуждается во всестороннем исследовании. По оценкам экспертов (Ф. Фукуямы, Т.П. Скрипкиной, Г.А. Кертмана, В.П. Зинченко и других), нашему обществу не хватает такого ценного ресурса как доверие.

Энциклопедический социологический словарь объясняет коммуникацию как передачу информации от одной системы к другой посредством специальных материальных носителей, сигналов [5]. Собственно, коммуникация — это и средство связи любых объектов материального и духовного мира; и процесс общения, то есть передача информации от человека к человеку; и передача и обмен информацией в обществе в целях воздействия на него.

Следует подчеркнуть, что, говоря о роли коммуникации в современном обществе, главенствующее место отводится Интернету, благодаря которому неограниченное количество людей получают различную информацию и используют её в своих личных целях. При этом интернет-коммуникация позволяет передавать текст, звук, изображения, видео. Поэтому не случайно, что сегодня массовая коммуникация охватывает все сферы человеческой деятельности и общественных отношений. Между тем, существует одно «но». Дело в том, что возможности человека ограничены, стало быть, воспринимать этот громадный поток информации, существующий

на данный момент, он не может, не являясь одновременно компетентным в различных областях знаний. Поэтому роль социальной коммуникации определяется тем, что отдельные ее получатели должны обладать необходимыми познаниями и возможностями, чтобы не только получить сообщение, но и понять его, усвоить, осознать его значение и прочее. Если же подобное невозможно, попросту невозможно сама социальная коммуникация.

Нужно отметить, что в больших городах существует множество форм и типов коммуникации, что повышает роль и значение ее унификации. Чтобы лучше понять структуру коммуникационного взаимодействия, обратимся к А. В. Соколову, который выделил типы по четырем основаниям. При этом основой типологии нам послужит социально обусловленная масштабность общения. По этому признаку различают: массовую коммуникацию, организационную, внутригрупповую, межличностную (и даже внутриличностную) [7]. Конечно, существуют и другие подходы к типологии коммуникации. Например, В. В. Деметьев на основе способа установления контакта выделил прямую или непосредственную, косвенную или опосредованную коммуникацию.

Общение с противоположным полом представляет трудность для людей, начиная с самого раннего возраста. Уже маленькие дети понимают, что мальчик с девочкой разговаривают не так, как мальчик с мальчиком или девочка с девочкой. Есть целый ряд очень важных объективных причин, которые приводят к проблемам в общении между мужчинами и женщинами. Знать эти причины и предвидеть их последствия должен любой грамотный человек. Эти причины связаны прежде всего с теми объективными «природными» различиями между мужчинами и женщинами, которые сформировались в ходе эволюции человека и отражаются в их поведении и общении [6].

Следует подчеркнуть, что общение между противоположными полами — весьма важный канал информации, по которому подростки, юноши и девушки узнают то, что в силу разных причин подчас не сообщают им родители, взрослые, например, информацию по вопросам пола. Её же отсутствие может задержать психосексуальное развитие. Кроме того, такое общение это и специфический вид межличностных отношений, без которых подросток не может выработать надлежащих коммуникативных качеств, так необходимых взрослому. А ведь общение со сверстниками — специфический вид эмоционального контакта, самоуважения, личностной устойчивости.

Следует обратить внимание, что интенсивность общения между полами в больших городах напрямую связана с развитием научно-технического прогресса, в частности, новых электронных технологий. За последние 10 лет число людей, которые пользуются Интернетом, выросло с 22 до 78% [3]. Сократился и разрыв между женской и мужской аудиторией, использующими сеть. Раньше разница составляла 6,5%, а сейчас уже менее 1,3%, что представлено на рис. 1. А в сельской местности активность женщин даже немного превышает мужскую.

Особенно привлекательно общение с помощью различных гаджетов для тех молодых людей, которые в силу разных причин не имеют возможности установить межличностные отношения, например, для живущих на разных континентах, в разных странах, городах и прочее. Тем не менее, существуют важные различия между личной и электронной коммуникацией: виртуальное общение не столь интенсивно, протекает медленнее, с его помощью труднее установить можно ли

доверять человеку или нет. Есть немало примеров, когда такое общение перерастает в брак. Однако, как свидетельствует повседневность, наиболее интенсивное общение молодежи социальное, когда юноши и девушки взаимодействуют в классе и в студенческой аудитории, на улице и в метро, в кинотеатре и в магазине, в десятках других мест сверхкрупных городов, потому как социальные контакты не выбирают. Такое общение для молодежи одно из наиболее полезных и важных. Оно дает возможность взаимодействовать с самыми разными людьми и выносить что-то полезное из встреч. Впоследствии этот житейский навык очень пригодится как своеобразный фундамент для совершенствования коммуникации в процессе взросления юношей или девушек.

Психологи установили: для того, чтобы особь ощущала себя человеком в так называемой зоне комфорта, ей нужны 2–3 по-настоящему близких человека, которых не под силу заменить даже 2–3 сотням поверхностных знакомых. До тех пор, пока у вас нет 2–3 близких людей, вы будете вновь и вновь чувствовать себя одиноким. В большом городе уровень агрессии довольно высок, поэтому житель большого города вынужден быть предельно осторожным. Везде: на улице, в общественных местах, на транспорте или на работе человек должен оставаться начеку [4].

Противоположность мужчин и женщин, неминуемо ведет к взаимному недоверию. На первый взгляд может показаться, что в полной мере осознать и понять наши трудности могут лишь представители присущего нам пола. И в этом есть особый смысл, так как расхождение во мнениях представителей сильного пола и представительниц слабого пола достаточно существенно. Ведь доверяя свои чувства и переживания лицам своего пола, мы можем быть уверены в том, что они будут рассмотрены под тем же углом зрения и с теми же акцентами и оттенками. И ровно настолько же мы сомневаемся в понимании нас представителями противоположного пола, уже заведомо предполагая их поверхностное и недостаточно глубокое отношение. Для того, чтобы успешно преодолеть недоверие между полами, необходимо помнить, что мужчины и женщины очень разные. И каждому нужен индивидуальный и особый подход, чтобы избежать разногласий и недопонимания.

Литература

1. Головаха, Е. *Общество без доверия*. /Костенко Н., Макеева С. К.: *Ин-т социологии НАН Украины*, 2014.
2. Головаха, Е. *Психология человеческого взаимопонимания*. /Панина Н. К.: *Политиздат Украины*, 1999.
3. Жирнов, А. *Ученые выяснили, что делают мужчины и женщины в сети интернет*, 2016. — URL: <https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fgoo.gl%2FU3RPNf> (дата обращения 24.04.2018).
4. Никитина, Т. *Одиночество в большом городе*, 2012. — URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fgoo.gl%2FxEJjgh&cc_key (дата обращения 25.04.2018).
5. Осипов, Г. В. *Энциклопедический социологический словарь*. М.: Изд-во НОРМА, 1995.
6. Свенцицкий, А. Л. *Социальная психология: Учебник*. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
7. Соколов, А. В. *Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие*. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.

Научное издание

**Горожанки и горожане в политических, экономических
и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков**

Материалы Одиннадцатой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории и Института
этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

4–7 октября 2018 года, Нижний Новгород

Том 1

Тексты статей печатаются в авторской редакции

*Утверждено к печати
Ученым Советом Института этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая*

Ответственные редакторы

Н. А. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина.

Дизайн обложки

Е. В. Орлова

Подписано в печать 9.08.2018. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 35,0. Тираж 200 экз. Заказ

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32а